

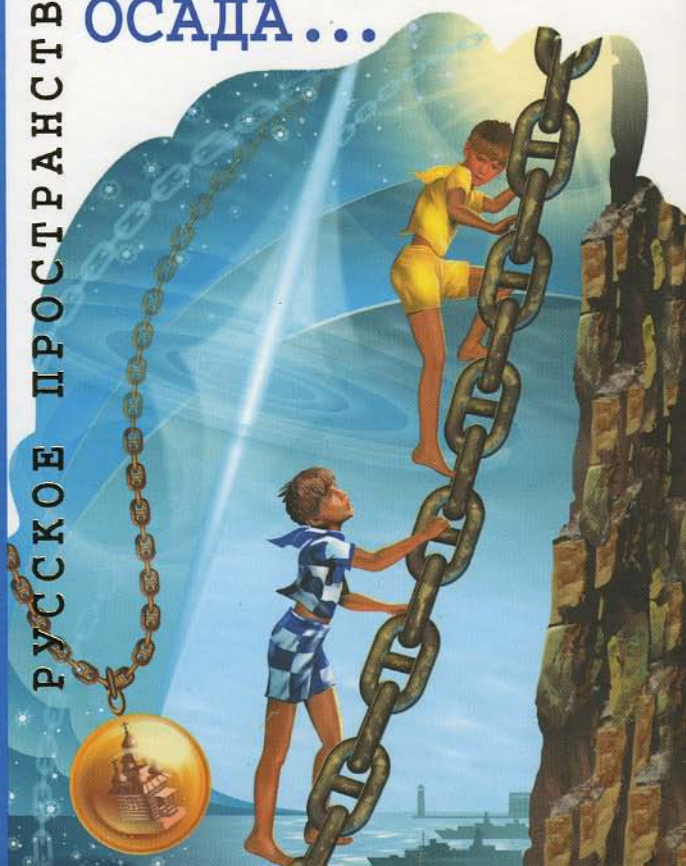
Владислав

КРАПИВИН

ДАВНО
ЗАКОНЧИЛАСЬ
ОСАДА...

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ:

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав

КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав

КРАПИВИН

ДАВНО
ЗАКОНЧИЛАСЬ
ОСАДА...

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Москва

2006

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

Крапивин В.П.

К 78 Давно закончилась осада...: Роман, повести. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 704 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-13048-9

Роман и две повести, включенные в этот сборник, так или иначе связаны с Севастополем, который автор считает своей второй родиной. Главные мотивы книги — любовь к героическому прошлому, к флоту, морю и парусам. Элементы фантастики, которые вплетаются в ткань произведений, делают их приключенческие сюжеты еще более напряженными.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-13048-9

© Крапивин В.П., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Часть I

СКАЗКИ РАЗВАЛИН

СТРЕЛЬБА НА ПЯТОМ БАСТИОНЕ

У Фрола был пистолет.

— На пути не стой, у меня пистоль... — приговаривал иногда тощий тонкошей Фрол и поглаживал за пазухой кривую рукоять. При этом голос его звучал шутливо и даже ласково, но в прищуренных глазах ласки не было.

Старинное слово «пистоль» очень подходило для этого грозного предмета. Пистолеты подобного образца даже до войны считались устаревшими. Конечно, во время осады ими еще пользовались — и русские, и французы, и особенно турки (у тех вообще встречалось оружие времен покорения Крыма), однако пользы в бою от таких кремневых громыхальников было немного. *Что* они по сравнению с шестизарядными французскими револьверами!

Впрочем, и Фролкин пистолет оказался из Франции. На внутренней стороне фигурно выгнутой скобы были различимы буквы: Paris 1837.

Фрол отыскал этот трофей на пустоши перед бывшим люнетом Белкина, недалеко от кладбища, среди груд мусора и земли. Здесь много чего можно было отыскать. Во время осады русские минеры заложили на этой пустоши фугасы, и сигнал электрической искры в один миг обратил в прах атаковую французскую колонну...

Впрочем, все это Коля Лазунов узнал позже. А со стрельбы из старого пистолета началось его прочное знакомство с компанией из Ботманского погребка.

В тот ноябрьский день Татьяна Фаддеевна впервые позволила Коле погулять одному. До сей поры не решалась: всюду развалины, черные окна пустых домов, изгибы каменных заборов и переулков, где чудится неведомое. И мальчики, которые порой встречались ей, вызывали невольный страх. Неумытые, верткие, с быстрыми уклончивыми взглядами, в немыслимом каком-то

платье. Конечно, дети всегда дети, но кто знает, сколько дурного питали они от здешней неустроенной жизни...

Однако нельзя постоянно держать у своей юбки племянника, которому скоро двенадцать.

Все-таки она сказала от калитки:

— Николя, я умоляю. Не ходи далеко и не гуляй долго. На первый раз хватит и получаса...

Думала, он станет ершиться: что, мол, я разве маленький! Но Коля отозвался покладисто:

— Тё-Таня, я только до спуска к дороге и обратно. Не бойтесь, никуда не денусь.

Поправил капитанскую фуражку, простучал сапожками по плитам с подсохшей грязью и свернул (не оглянувшись!) в проход между известняковой изгородью и бугристой туфовой стеной разбитой казармы.

Татьяна Фаддеевна сделала усилие, чтобы не пойти следом. Глянула на приколотые к блузке часики и ушла в дом. Коля же, избавившись от тревожного взгляда в спину, попрыгал вниз по скругленным выступам каменистой тропинки.

День был холодный, ветреный, но сухой. Солнце то и дело выскакивало из серых облаков. Кое-где зеленела трава и желтела храбрая упрямая сурепка, но высокие сорняки были уже сухие и серые. Бурьян и полынь... Впрочем, ведь и летом полынь кажется сероватой. Коля сам не видел, но читал про это.

У крепостного палисада
Седеет древняя полынь...

Он дернул пальцами хрупкий куст, растер в ладонях зернышки, поднес руки к лицу. Полынный запах знойного лета сразу будто пропитал его насквозь. Коля постоял зажмурившись. А когда опустил ладони и открыл глаза, увидел мальчишек.

Разумеется, это были местные жители, хозяева здешних пустырей и переулков.

Идти навстречу Коля не решил. Повернуться и зашагать назад — тем более (хватит с него прежнего малодушия!). Оставалось смотреть, как подходят они. И стараться выглядеть при этом независимо.

Ребят было пятеро. Самый большой двигался посредине. Был он длинный, постарше Коли, в замызганной чиновничьей тужурке до колен, из-под которой торчали серые лохматые штаны. А из них — голые (видать, озябшие) щиколотки. Башмаки

были из рыжей кожи, разбитые и чересчур большие. Из ворота тужурки высовывалась немытая шея с головой, похожей на открытое рыжеватым пухом яйцо (шапки не было).

Слева от длинного шли круглолицый татарчонок в бархатной затертой шапочке, в стеганом рванье до пят и смуглый, верткий мальчишка с быстрым веселым взглядом — про такого говорят «востроглазый». Был востроглазый в косо надетом рваном треухе и в серой, без приметных деталей одежде. И он, и татарчонок — чуть поменьше Коли.

С другого «фланга» двигались двое. Один — видимо, Колин одноклассник, другой — лет восемь. Кажется, братья. Оба круглощекие, светлоглазые, с похожими на кукольные башмачки носами. В аккуратных бушлатиках (наверно, перешитых из взрослой флотской одежды), в мятых матросских фуражках без козырьков — слишком больших, как и Колина «ропитовская» капитанка. Штаны братьев украшали на коленях одинаковые квадратные заплатки, а сапожки были без заплат — грязные, но вполне справные.

Братья смотрели с любопытством и, кажется, без вражды. Татарчонок — непонятно. Востроглазый — подозрительно. Длинный оттопырил большую нижнюю губу и на ходу щелкал по ней мизинцем.

Остановились в трех шагах. Длинный еще раз щелкнул по губе и прошелся по Коле скучноватым взглядом.

— Ишь какой... Раньше не встречались. Кто таков и откуда взялся?

— Из Петербурга. — Коля постарался говорить независимо, но без задиристости. Глядишь, встреча обойдется миром.

— У-у... — с дурашливым удивлением отозвался длинный. И остальные (кроме маленького) вытянули губы трубками, словно тоже хотели сказать «у-у».

Длинный опять щелкнул по губе.

— А фуражка-то капитанская откуда? Небось папенька подарил?

— Папеньки у меня нет... — Коля понимал, что в ответ на это спокойное признание насмешки не последует. Ведь не злодеи же, хотя и обтрепанного вида.

И в самом деле, смущенье скользнуло по всем лицам. Но его тут же как бы стер своими словами востроглазый:

— Значит, маменька купила. В «ропитовской» лавке.

— Маменьки тоже нет... А фуражку подарил капитанский по-

мощник на пароходе «Андрей Первозванный», когда мы плыли сюда из Одессы.

— Это за какие твои красивые глаза? — с прежней скукою в голосе не поверил длинный. Как бы специально не придавая значения тому, что нет у мальчика ни отца, ни маменьки.

— Не за глаза, а... потому что был шторм, многие укачались, а я вышел гулять и забрался на мостик. Там были моряки, один и говорит: «Вот тебе за то, что не боишься волны»...

— Ай как врешь! — радостно сказал татарчонок.

— А вот и не вру!.. Если не верите, пойдем, спросим у тетушки. У моей... Это рядом.

— То-то тетушка обрадуется таким гостям... — усмехнулся длинный. И потрогал нижнюю губу языком.

— Вы же не чай пить придете, а только спросить, — усмехнулся и Коля. Страху у него поубавилось.

Длинный сказал сумрачно:

— Да уж где нам с вами чай пить. Вы небось из дворян.

— Фрол, это, видать, те, кто у Кондратики дом сняли! — вмешался старший из братьев. Тощий Фрол эту догадку пропустил мимо ушей. Спросил деловито:

— Может, сшибемся?

— Это как?.. Драться, да? — дошло до Коли. И внутри у него тоскливо заныло.

— Ага, — заулыбался Фрол. — Один на один, по-честному. Или в коленках ослабило?

— Нигде не ослабило... Только я не понимаю. Зачем? Я же ничего худого вам не сделал... — И вдруг вспомнил: похожий разговор уже был. Три месяца назад. С него-то и начались в корпусе те невыносимые дни отчаянья и стыда... Нет уж, второму разу не бывать! И стиснул кулаки: — Ну, давай, ежели у тебя чешется!

— Снаружи петух, а внутри мышонок, — хмыкнул Фрол. — Видно ведь, что вспотел с перепугу. В Петербурге все такие боязливые?

— Зато ты какой храбрый! — Коля злостью старался перебить внутреннюю дрожь. — С теми, кто меньше ростом!

— Да неужто я сам буду с тобой сшибаться! — Фрол сделал вид, что очень удивлен. — Пускай вот хоть он, Макарка...

Уже после, вспоминая эту встречу, Коля сообразил: тут Фрол дал ошибку. Если бы он сказал «пускай Макарка дерется, да только он ведь не захочет», востроглазый мальчишка тут же взвинулся бы: «Как это не захочу!» И полез бы в драку. Потому

что был он великий спорщик, отчего и носил кличку «Поперешный». А сейчас Макарка взъялся на Фрола:

— Чего ты меня науськиваешь, как цуцика на кошку! Себе для потехи?

— Не хочешь — не надо, — миролюбиво откликнулся Фрол. — Тогда пускай Федюня...

Но старший из круглощеких братьев кулаком вытер под носом и рассудил:

— А чего зря махаться-то? Он же и правда худого не сделал.

«Татарчонок тоже не станет драться. Мелковат и не сердит», — смекнул Коля и ободрился. Кивнул на самого маленького:

— Ты еще вот его на драку подвинь...

Федюня обнял того за плечо. И вдруг улыбнулся (а глаза у обоих васильковые):

— Не, Савушка никогда не дерется, у него злости ни к кому не бывает...

Савушка смущенно засопел.

Фрол заметно пошел на попятную:

— А я чего... Это же не по злости, а по обычаю, для знакомства. Чтобы видно сразу было — герой или трус... Ты какой?

Коля пожал плечами. То, что трус, знать они не должны.

— Я, наверно, не тот и не другой. Обыкновенный...

— Хитрый! — весело сказал татарчонок.

— Ничуть я не хитрый. Кабы хитрый был, сказал бы, что герой...

— Здесь героями никого не удивишь, — с легким зевком заметил Фрол. — Целый год держали город одним геройством...

— Ну, не ты же держал! — не стерпел Коля, хотя спорить было неразумно.

— Не я, конечно, мне тогда всего год был от роду, мамка от бомб в погребе прятала. А дед погиб на Втором бастионе. И мамкин брат, то есть дядюшка мой, тоже здесь голову положил...

— Ну и мой дядя тоже... Артиллерийский поручик Весли Андрей Фаддеевич. На Северном кладбище похоронен. Мы с тетушкой потому и приехали, что здесь его могила...

В лицах у всех сразу что-то изменилось.

— А на какой он был батарее? — живо спросил востроглазый Макарка.

— Тетушка не знает точно, а я тем более. Давно же было... А погиб он не на батарее, а просто на улице. Бомба прямо под ноги — вот и все...

Конечно, можно было сказать, что Андрей Фаддеевич героически погиб при отражении штурма на Малаховом кургане, но врать про такое было грешно. И Коля добавил себе военной славы с другой стороны:

— А папенька тоже воевал. Вернее, лечил раненых прямо под обстрелом. Только не здесь, а в Бомарзунде...

— Это где же? — недоверчиво спросил Фрол.

— На Балтийском море.

— Разве там тоже воевали? — опять усомнился Фрол.

— А как же! И там, и на Белом море, и даже на Тихом океане, где Петропавловск. Адмирал Непир почти к самому Петербургу эскадру подвел, грозился взять Кронштадт, да его хорошо отогнали...

— И здесь бы отогнали, кабы сил хватило, — ревниво встрял Макарка.

— Кто же спорит... — с пониманием сказал Коля. И этим как бы поставил себя уже не против мальчишек, а рядом с ними.

— А папеньку тоже убило? — участливо спросил синеглазый Федюня. — В этом, в Бом... зун...

— Нет, он уже после умер, когда мне было три года...

— Хочешь с нами пойти в одно дело? — спросил Фрол.

Коля понял: драки окончательно не будет, и вроде бы его берут в приятели. И все же не сдержал опаски:

— А что за дело-то?

— Опять забоялся, — съехидничал проникательный Макарка. Но Фрол добродушно хлопнул его по треху.

— Заноза... — А Коле разъяснил: — Знатное дело... Побожись, что не разболтаешь.

Да, его принимали в компанию, но и проверяли при этом. Что было делать? Коля охнул про себя и широко перекрестился:

— Ей-Богу, вот... Никому ни словечка.

— Тогда гляди, — и Фрол распахнул тужурку. Из-под рваной подкладки торчала изогнутая рукоять с частой резьбой и медной головкой. Сразу ясно — ч т о.

— Ух ты! Настоящий?

— А то!.. Хочешь стрéльнуть?

Коля не знал, хочет ли. Вернее, знал, что... не очень хочет. В жизни стрелять еще не приходилось. Небось эта штука грохает, как пушка. А ежели разорвет от ржавости или неправильного заряда?

— Я... хочу, конечно...

— Тогда идем. Здесь не с руки, услышат — крик подымут...

— Далеко ли идти-то? — последний раз поосторожничал Коля.

— Недалече.

Пошли ватагой по улице, что тянулась по западному склону Артиллерийского холма. Мимо побеленных домиков и каменных заборов, мимо серой стены порохового склада. К началу осады порох отсюда был почти весь развезен по батарейным погребам, и это спасло слободку. Иначе каленые французские ядра могли бы учинить немалую беду. А так — пронесло. Остатки пороха, что хранились глубоко под землей, взорвали уже сами русские матросы, когда оставляли город. От взрыва длинное здание треснуло и осело, но соседние дома почти не пострадали. Конечно, немало из них и без того было порушено — бомбами, что летели со стороны Херсонеса и горы Рудольфа. Но все же стрельба по этому флангу обороны была не в пример слабее, чем, скажем, по Четвертому бастиону или Малахову. Седьмой бастион и Восьмая батарея уцелели, Шестой бастион тоже сохранил свои каменные башни. И многие постройки слободки тоже остались целы. А разбитые дома заново сложили вернувшиеся хозяева или те, кто перебрался сюда с полностью разрушенных улиц Городского холма и Корабельной стороны.

Сейчас Артиллерийская слободка казалась почти нетронутой обстрелами, тогда как остальной город по-прежнему лежал в руинах и там лишь ближнему внимательному взгляду открывались посреди развалин явления жизни...

«Недалече» оказалось довольно-таки отдаленным, и Коля понимал, что едва ли через полчаса окажется дома и что объяснения с Те-Таней не миновать. Однако разговор отвлекал от беспокойства. В разговоре спросили наконец, как его, новичка, зовут, и назвали себя. Коля узнал «поперешное» прозвище Макарки и то, что татарчонка кличут Ибрагимкой. А еще услышал небрежный, с приплюсыванием рассказ Фрола, как он отыскал «пистоль».

Фрол деловито разъяснил, что с боевыми припасами для пистолета никаких трудностей нет. Даже сейчас, через одиннадцать лет после осады, в старых орудийных погребах можно еще найти картузы с порохом. Снаружи они покрыты затвердевшей коркой, но внутри порох вполне пригодный, надо только размолоть, если шибко крупные зерна.

Хуже с кремнями для курка, но их тоже можно отыскать или выменять.

А пули для ствола (в который свободно входит указательный

палец) годятся всякие — и конические «миньки» от иностранных нарезных ружей, и русские «полушарки», что наши солдаты отливали прямо в окопах. Этого добра можно было при старании накопать в земляных брустверах целую горсть за один поход. Назывались пули «орехи» и летним туристам продавались по алтыну за десяток...

Порох Фрол держал в круглой жестянке от леденцов фабрики «Бургеръ и бр.», «миньки» — прямо в кармане, а серый кремешок был закреплен в винтовом зажиме пистолетной собачки. Все это Фрол на ходу показал Коле и погладил гнутую ручку.

На пути не стой,
У меня пистоль...

А Коля успел заметить на металлической щечке пистолета гравированную картинку: оленя и нападавших на него собак.

Наконец глинистая дорога пошла под уклон, разделилась на несколько тропинок, и тропинка, которую выбрал Фрол, завилала среди каменных и земляных груд. Привела к сложенной из желтых брусьев стене — низкой, с разбитым верхом (позже Коля узнал, что это остаток казармы Пятого бастиона).

Вдоль стены шла осевшая насыпь, где желтела все та же храбрая сурепка. Между стеною и насыпью был неширокий проход, и его с одной стороны замыкало кирпичное сооружение — что-то вроде большой разбитой печи. В двух аршинах от земли кирпичи образовали широкий выступ. Проворный Савушка подбежал и поставил туда квадратную бутылку мутного стекла (и где взял, неужто нес за пазухой?).

Потом Савушка — он, видать, крепко знал свои задачи — вспрыгнул в разбитый проем казарменной амбразуры и стал на часах. Фрол же начал заряжать пистоль.

Все, притихнув, смотрели, как он с клочка бумаги высыпает в дуло черную крупу, как сворачивает и забивает шомполом бумажный пыж, а затем — похожую на пробку с узким рыльцем пулю. Он подсыпал пороху на полочку у затравки, щелкнул над нею железным лепестком, оттянул курок.

— На пути не стой... — и навел пистолет на бутылку. Шагов с семи.

Савушка в амбразуре зажал уши. Ибрагимка тоже — с винтовато-дурашливой улыбкой. Другие не стали. И Коля не посмел, хотя понимал: ох и грянет!

И грянуло!

Вспухло синее облако. Но за миг до того Коля заметил, как искрами брызнуло горлышко бутылки. А она даже не упала!

Сквозь упругий гул в ушах Коля услышал обрадованные крики и довольные слова Фрола:

— Во как надо! Бах из ствола — и нету горла... А теперь давай ты. — Это он Коле.

Коля судорожно кивнул. И пока опять заряжали пистолет, он догадливо думал, что Фрол целил в середину бутылки, а в горлышко попал случайно. И теперь скажет: «Бутылку я оставил для тебя...»

— Бутылку-то я оставил для тебя. Во какая большая, не промажь...

Коля знал, что промажет.

Когда он поднял тяжелый пистолет, конец ствола заплясал перед глазами и начал выписывать восьмерки. А бутылка — ее и совсем не разглядеть. Коля решил с обмиранием: нажму поскорее, и будь что будет. Но Фрол оказался рядом.

— Ты руку-то согни в локте, а локоть подопрй левой. Вот так... И дыши спокойно, не как загнанная курица. Неужто раньше никогда не держал такой? Уметь должен, это же самое дворянское оружие. Говорят, из такого Пушкин стрелялся на дуэли...

Коля глянул удивленно: ишь ты, про Пушкина знает! Фрол тут же прочитал его мысль:

— Ты думал, только в петербургских гимназиях все шибко умные, а здесь темнота?

— Ничего я такого не думал... — И Коля начал сердито целиться сызнова. И ствол плясал. Коля со злостью и страхом зажмурился и наугад надавил спуск.

Ахнуло пуще прежнего! Рвануло назад и вверх руку. Вновь заложило уши. Но сквозь плотную воздушную вату Коля расслышал опять радостные вопли. И разглядел сквозь дым, что бутылки нет, а есть на кирпичах лишь зазубренное доньшко.

— Знатно, — снисходительно сказал Фрол. — Не зря я тебя учил.

Коля на радостях решил было признаться, что попал случайно и даже с перепугу. Но тут же сообразил, что такая честность сейчас едва ли на пользу. Дунул в ствол (чуть не чихнул при этом), подкинул пистолет, перехватил за ствол и протянул оружие Фролу рукояткой вперед. Этаким гвардейским жестом:

— Благодарю.

— Теперь я! — сунулся вперед Ибрагимка.

— Смотрите-ка: уши зажимал, а стрелять просится!

Бутылок больше не было, и Федюня приволок из мусора гнилой обрезок доски. Ибрагимка в доску не попал. Да и мудрено попасть, ежели стрелял, отвернувши лицо совсем за спину. Федюня тоже промазал, хотя целился по правилам. А Макаркина пуля отломилась от доски щепку. И он дунул в ствол почти так же, как Коля.

Фрол начал заряжать сызнова, для второй очереди, но тут сдавленно крикнул от стены Савушка:

— Полундер! Семибас идет!..

Фрол в один миг сунул пистолет за кирпичи. За ним — жестянку с порохом. Прикрыл щель пучком сухого чертополоха. Коле сказал тихой скороговоркой:

— Про пистоль помалкивай. Пошел, мол, с ребятами «орехи» собирать...

После этого все со старательно беззаботным видом вышли из-за стены. У Коли беспорядочно тюкало в груди. Не от страха, от приключений.

По тропинке меж мусорных куч двигался к разбитой казарме дядька в полицейской шинели. Шуплый и невысокий, но седые усы и бакенбарды — что у генерала! Это был околоточный надзиратель Семибас. Коля несколько раз видел его издали и прежде и от соседской девочки Саши знал, что зовут надзирателя Куприян Филиппыч.

— Доброго здоровья, дядя Куприян! — громко и наперебой заговорила вся (кроме Коли) компания. Макарка даже стянул с головы треух.

— И вам того же, спасибо на добром слове... — голос у околоточного был похож на сильный паровозный свисток. — А что за стрельба-пальба? Будто снова маршал Пелисье объявился! А? Фрол, это ты, небось, устроил штурм Пятого бастиона?

— Да что вы, Куприян Филиппыч! — с достоинством оскорбился Фрол. — Мы пошли за «орешками», а там незнакомые мальчишки. Видать, «корабельщики». У себя на Малахове все повыбрали и лезут на чужие места, да еще со стрельбой балуются. Мы подходим, а они бежать. А теперь будто мы виноватые!..

— Уж больно складно ты все излагаешь. А покажи-ка, любезный, что у тебя за пазухой? Может, там целый арсенал?

Фрол с тем же обиженным видом расстегнул чиновничий лапсердак, распахнул, как крылья. То же самое сделали, не дожидаясь приказа, и остальные, даже Савушка. Глядя на других,

начал расстегиваться и Коля. Понимал: надо быть сейчас как все.

Семибас зашевелил под лаковым козырьком кустистыми бровями.

— А тебя я, голубчик, что-то не примечал до сей поры. Откуда ты... откуда вы, молодой человек?

Опытный полицейский глаз почти сразу подметил отличие незнакомого мальчика от других. Белый шарфик под воротом аккуратно сшитого (хотя и «простонародного») армячка, ладные суконные штанишки с медными пуговицами под коленками, новенькие чулки в сине-красную поперечную полоску, чистые сапожки с узкими невысокими голенищами и тонким рантом. Только вот фуражка не по размеру, но и та не матросская, а с командирской эмблемой РОПИТа. И лицо — умытое с привычной тщательностью, не то что у здешних огольцов. Пухлогубое, но тонкое, с широко сидящими серыми глазами, которые могут с боязнью глядеть на незнакомых мальчишек, но уж никак не на околоточного надзирателя.

— Он из Петербурга! — сунулся вперед Макарка, посчитавший, что это сообщение уведет Семибаса от опасного разговора про стрельбу.

— А! Так вы, верно, племянник Татьяны Фаддеевны Лазуновой, что сняла квартиру у вдовы Кондратьевой?

— Да, сударь...

— Весьма приятное пополнение состава местных жителей... Однако же, смею заметить, существование здесь не лишено трудностей. В городе ведь и гимназии нет, а вам, я полагаю, именно в ней следует обучаться...

— Меня записали в ремесленную школу.

— Да разве же такая школа для вас? Неужто вы собираетесь в мастеровые?

— Но я и в гимназию записан, в Симферополе. Туда, однако, надо ездить всего дважды в году, перед Рождеством и после Пасхи, чтобы сдать экзамены. Называется экстернат. А школа... ну, чего же болтаться без дела? К тому же там обещают корабельное изучение.

— Похвально, весьма похвально... — И околоточный обвел остальных назидательным взглядом: вот, мол, учитесь истинному прилежанию. Затем пообещал: — На этой неделе осмелюсь навестить вас и тетушку. По долгу службы и чтобы узнать, нет ли в чем нужды.

— Милости просим, — светски сказал Коля.

— А с этими друзьями-приятелями советую держать ухо востро. Можете невольно оказаться участником недозволенных поступков и проказ...

Коля дипломатично улыбнулся.

Куприян Филиппыч Семибас тронул двумя пальцами козырек суконной фуражки и зашагал прочь, позванивая прикрепленными к шинели медалями и цепляя тяжелой саблей сухой бурьян.

— А сабля-то французская, — вполголоса сообщил Коле Макарка. — За лихость ему пожаловали и разрешили носить на службе. Он ее у ихнего офицера отнял, когда ходил в вылазку.

— Разве же полиция тоже воевала? Или он был тогда солдат?

— Он был городской, — разъяснил Фрол, — а в вылазку напросился добровольно, с отрядом мичмана Завалихина. Отсюда ходили, с Центрального...

(После Коля узнал, что Центральным иногда именовали Пятый бастион, так же, как Четвертый — Мачтовым, а Шестой — Карантинным, или иногда Музыкальным).

— И не отсюда вовсе, с редута Шварца, Маркелыч сказывал! — взвинулся Макарка.

— Помолчи, Поперешный!.. Он, Семибас-то, даром что росту небольшого, а скрутил французского капитана, как рыночного жулика, и приволок его. Сам Нахимов медаль ему приколот и про саблю сказал: «Оставь себе на всю жизнь»... Ладно, пошли, ребята, к дому...

— А пистолет-то! — напомнил Коля. Хотелось еще раз подержать оружие, из которого выпалил так удачно.

— Пушай пока там полежит. Семибас-то, он не глупее нас. Повстречает сызнава: «А ну-ка покажите запазухи еще раз!»

Когда шагали обратно, Федюня спросил:

— А ты, что ли, вправду пойдешь в ремесленную школу?

— А чего же такого? Сказано: пойду. Записали уже.

— Фрола и меня тоже записали. А Ибрагимку и Макарку не взяли. И Савушку не взяли, малой еще.

— Я и не просился! — опять выпустил колючки Макарка.

— А татаров никуда не берут, — сумрачно сказал Ибрагимка.

— Не в том беда, татар ты или нет, а надо хоть маленько грамоте знать, — внес разъяснение Фрол. — Тебя же вместе с Макаркою отец Кирилл звал к себе азбуку учить, хоть ты и другой веры. А вам обоим лишь бы по бастионам за добычей свистать.

— А сам-то! — возмущился Макарка. — Тоже ведь не пошел!

— А мне зачем? Меня Адам и без того чтению обучил! Не хуже, чем в гимназии!

Оказалось, что одно время в доме у Фрола снимал комнату корабельный инженер Адам Вишневецкий, поляк. В ту пору Российское Общество Пароходства и Торговли (тот самый РОПИТ) начало восстанавливать на берегу Южной бухты старые доки, Адам там и работал. А по вечерам учил приятеля Фролку книжной премудрости и рассказывал про все, что есть на свете интересного. От него Фрол узнал и про Пушкина, получил в подарок толстую книгу со стихами и повестями. Да вот незадача, полгода назад пришел Семибас и сказал:

— Я прошу прощения, Адам Станиславович, только вас просят к себе господин пристав.

И пошли они к господину участковому приставу, и более инженер Вишневецкий не вернулся. Сказывали, будто умышлял он с другими поляками возмущение против государя императора.

— Так оно или нет, не знаю, а человек он все равно хороший, — сумрачно закончил рассказ Фрол. — Может, за то и невзлюбили, а никакого возмущения он не хотел.

— Чего возмущаться-то, ежели государь народу волю дал и обещает военную службу короче сделать во много раз... — вставил солидное суждение Федюня.

«Однако же поляки возмущались», — вздумал напомнить Коля, да не стал. Непонятно было, как отнесется Фрол. Тот шел и слегка кривил губу. Ибрагимка усмехался и смотрел в сторону. Кажется, у него было к государю императору свое отношение.

Макарка вдруг оглянулся на Колю:

— А ты правда в гимназии записан?

— Зачем же мне врать!

— И охота тебе в двух школах надрываться!

— Отчего же не хотеть, ежели интересно. Я сам попросился, когда узнал. Разве худо, если будешь понимать, как молотком да пилой орудовать? Вон царь Петр Первый это лучше всех бояр и генералов умел.

Фрол сказал с усмешкой:

— Царем тебе все равно не бывать. Да и мастеровым тоже...

— А я и не хочу. Ни тем, ни другим. Я буду плавать по белу свету, открывать новые страны. А ежели попаду на необитаемый остров, как Робинзон, там любое ремесло будет не лишнее.

— Хитер, — сказал Фрол. Оказалось, он и о Робинзоне знал. Опять же из рассказов Адама. А остальные не слыхали.

У Коли была книжка «Новый Робинзон» — известный ро-

ман, пересказанный немецким писателем Генрихом Кампе. С множеством картинок, которые Коля в давние годы сам раскрасил цветными карандашами.

— Если хотите, я покажу. Можно собраться и почитать всем вместе.

— Давайте в нашем погребок! — предложил простодушный Федюня. Фрол глянул на него косо, но потом сказал:

— Можно и там...

Татьяна Фаддеевна была, конечно, уже вся не своя. Ходила туда-сюда перед калиткой. Впрочем, углядевши издалека племянника, сделала вид, что гуляет просто так. Он подошел, а ребята стали поодаль, сами по себе.

— Николая! Ты, мне кажется, обещал вернуться через полчаса...

— Тё-Таня, простите. Заигрался с мальчиками, а часов-то ни у кого нет... Зато познакомился. Вон, Фрол и Федя тоже будут учиться в ремесленной школе.

Наверно, тетушка содрогнулась внутри себя, разглядев обтрепанного Фрола. Однако улыбнулась издалека:

— Рада вас видеть, мальчики... Я волновалась за Колю, места для него незнакомые. А тут еще, кажется, слышалась где-то стрельба...

Ребята подошли поближе. Фрол сказал с неожиданной учтивостью:

— Стрельбою тут, сударыня, никого не удивишь. Нынче было чье-то мелкое баловство. А вот ежели к делу приступит Маркелыч...

НИКОЛКИНЫ МОРТИРЫ

Ранним вечером Николина дня, когда над выходом из Северной бухты зажглась, подобно маяку, переливчатая Венера, над слободкой ударил орудийный выстрел. Чугунное «бум-м» раскатилось над каменными лестницами-трапами, над ребристыми односкатными крышами, вымело из желобков черепицы жиденькую снеговую пыль.

Загавкали псы, но не испуганно, а скорей с одобрением. В каком-то сарайчике азартно заорал петух. Людское население слободки тоже отнеслось к пушечному грому без страха. Хотя давно уже минуло осадное время, но почти все здешние жители

его помнили и пальбой их было не удивить. К тому же все знали: нынешний выстрел к военным делам отношения не имеет. Тетушки всплескивали руками и весело ругались. Успевшие подвыпить мужички поматывали головами и усмехались: «Ай да Маркелыч!»

Лишь околоточный надзиратель Куприян Филиппыч Семибас, обходивший в ту пору вверенную ему территорию, не одобрил случившегося. Крякнул, пропустил сквозь кулак левый ус, поправил саблю и зашагал в сторону «имевшего место нарушения мирного порядка». Адрес был известен околоточному точно. Он поднялся по разбитой каменной лестнице, именуемой Вельботным спуском, прошагал среди скученных домишек по дороге, которая называлась Боцманским переулком, миновал еще один переулок (без названия), пересек пустырь, носивший имя Пушечной площади (здесь играла в «конный бой» ватага мальчишек), обошел пустовавший пороховой склад и еще по одному трапу достиг каменной изгороди с глубоко сидящей калиткой. Эту калитку он решительно толкнул и оказался на дворе, украшенном двумя кривыми вишневыми деревьями.

Меж деревьев стоял зажженный корабельный фонарь с пузатым стеклом. В свете фонаря хорошо было видно, как хозяин двора и стоявшего в нем домика тащит в сарай мортиру. Точнее, мортирку. Из таких малюток «кегорнов» во время обороны осажденные вели стрельбу с батареей по передовым траншеям англичан и французов. Ствол «кегорна» формой напоминал широкую ступку для размельчения зерен, а размером был не более полуведерного самовара. Однако тяжел! Хозяин тащил укрепленную на дубовом бруске мортирку за веревку, как упряму козу. Любовно начищенный медный ствол отражал фонарь ярким бликом.

Увидев околоточного, хозяин орудия не растерялся. Стал прямо, заулыбался. Был он молод, худошав, с небольшими «унтерскими» усами пшеничного цвета.

— С праздником, дядя Куприян!

— С праздником-то оно с праздником, только я тебе на нынешний момент не дядя Куприян, а господин околоточный надзиратель, потому как нахожусь при соблюдении тишины и порядка. А ты опять эту тишину рушишь самым бессовестным образом, хотя были с тобой на сей счет уже немалые разговоры!

— Так дя... господин околоточный Куприян надзиратель Филиппыч! Это же для души! День Николы Морского, покровителя нашего! Сколько именинников в городе, да и сам я...

— То, что ты именинник, устраивать салюты без позволения воинского начальника или хотя бы господина пристава права тебе не дадено, хоть ты, конечно, личность знаменитая, герой и георгиевский кавалер и все такое... И вот я думаю, что самое правильное будет свести тебя в участок, где господин пристав решит: или выписать тебе штраф, или посадить в кутузку аж до самого Рождества...

— Ну, Куприян Фи... господин надзиратель. Околоточный. Пристав же сейчас наверняка не в участке, а дома. Празднует небось... Опять же штраф мне выписывать бесполезно, потому как от купца Телятников я ушел, дома ни копейки. А в кутузку георгиевских кавалеров сажать не по чину, разве что на воинскую гауптвахту с оказанием достойного обхождения...

— Ох, Николка, рано ты стал кавалером, и потому учили тебя уму-разуму мало...

— Ну и не мало вовсе, а сколько положено... А у тебя, дядя Куприян, сейчас возможность выбрать одну из двух диспозиций. Или доставлять меня в участок... Я, конечно, пойду, потому как закона всегда слушаюсь... Или зайти ко мне на чаек, что и ближе, и не в пример приятнее. Настенька обрадуется, она тебя с детской поры помнит и уважает. У нее пирог ради праздника, вареники сладкие, сальце такое, что во рту тает. У меня же горилка с перцем, собственный продукт...

— Какое такое сальце, опомнись! Пост же! — излишне шумно возмутился Куприян Филиппыч.

— А! Ну правильно, пост. Однако же, говорят, ради праздника возможно послабление. А пирог к тому же с овощной начинкою, без всякого греха. Да и горилка, она ведь тоже постная...

— Ох и бесовская твоя натура, Николай... Зайти разве ради Настеньки, чтобы в праздник не было ей огорчения...

— Вот и я говорю... Только момент, укрою в капонире орудие!

Настенька всплеснула руками.

— Куприян Филиппыч! Заходите, сделайте радость... Давайте саблю. Ох и тяжеленная, как вы ее носите... Снимайте шинель...

Тотчас появились на столе тарелки, плоски, пирог и штоф.

— Ты, Настасья Павловна, держала бы своего неслуха в надлежащей суровости, — ворчал Семибас, устраиваясь на скрипучем табурете. — А то ведь как был батарейный сорванец, так и остался, хотя сам государь его поминал в указах...

— Сорванец и есть, Куприян Филиппыч. Каждый день с утра не знаешь, чего он к вечеру учудит! Пушка эта... Я каждый раз

уши затыкаю с перепугу... А недавно разругался с хозяином, с Телятниковым, что старые корабли подымает, да и ушел. Хорошая была работа, а он: «Пойду к Федосу Макееву в шкиперы, буду его тендер водить, у Федоса-то прав нету, а у меня есть»...

— Это, что ли, правда? — глянул околоточный из-под косматых бровей на Николая.

— А чего... Телятников жулик, не меньше того американца. А мне плавать надобно, не зря же я в Керчи ту науку грыз. А на Федосовом тендере я уже ходил, дело знакомое.

Семибас покачал головой. То ли с осуждением, то ли наоборот.

Налили горилку — Николаю в простой стакан, Куприяну Филиппычу — как гостю — в широкую чарку радужного стекла. Хотели плеснуть и Настеньке — в тонкую чайную чашку, — но она засмеялась и замотала головой.

Выпили за праздник. Пожевали. Выпили за Настеньку, чье угощение было выше всяких похвал. Поговорили малость о Телятникове, который медленно и неумело вел дела с подъемом судов — тех, что в начале осады были затоплены, чтобы закрыть вражеским кораблям вход в Северную бухту. К слову пришлось — вспомнили не по-доброму и лихого американца, который еще до Телятникова ведал подъемными делами. Снимал с корабельных корпусов медную обшивку и все ценное, заработал на том немалые деньги, завел в городе богатый дом, жил на широкую ногу, а потом его только и видели...

— А чего там... Подымай не подымай, а это все равно уже не флот. Надо строить новый...

— Верно, Маркелыч. Тот свою геройскую службу сослужил, закрыл грудью город... Давай-ка теперь по третьей, как положено...

И выпили, не чокаясь, за тех, кто poleg здесь...

— И за батюшку твоего, Тимофея Гаврилыча. Лихой был комендор, упокой Господи его душу...

Отец Николая Тимофей Гаврилыч Ященко был комендором на «Трех Святителях», участвовал в Синопском бою, а с началом осады оказался на Пятом бастионе. Жена его в ту пору умерла от простуды, десятилетнему Николке податься было некуда, вот и приткнулся на бастионе к матросам. Был одно время вестовым у командира второй дистанции лейтенанта Забудского, помогал отцу управляться с орудием, скоро притерпелся к пушечному

грому, вражеским бомбам и свисту пуль, к виду изувеченных тел и крови. Потому как война, и отстаивать свой город — святое дело. Так и отец говорил, и взрослые приятели-матросы, и сам Павел Степанович Нахимов, который не раз при встречах трепал по кудлатой голове отчаянного босоногого юнгу.

Зимой отца свалила насмерть штуцерная пуля. За орудие стал отцовский товарищ дядя Матвей, Николка остался при нем. Потом убило и Матвея. Николку знакомые матросы взяли на рудут Шварца. Однажды туда из лихой вылазки принесли две трофейные мортирки. С виду почти игрушки, но стреляли справно, и Николка скоро выучился управляться с ними лучше всех. Оно и понятно — маленькие маленького всегда понимают лучше взрослых. У солдат и матросов мортиры назывались по-своему, «маркелами», вот и стал уже в ту пору Николка Ященко Маркелычем.

Так и воевал до того дня, когда пришлось со всей армией отойти по наплавному мосту на Северную сторону. Там приписали Николку к одной из батарей, что стояла в сплошной линии обороны неподалеку от каменного Михайловского бастиона. Затем, уже в начале пятидесят шестого года, по велению начальства (Николка и не ведал какого) отправили его в Николаев, в резервную роту, а оттуда вскоре отвезли в Петербург и определили в школу кантонистов при морском гвардейском экипаже. При этом выдали в награду неслыханную сумму — сто рублей серебром. Половину он за годы учебы потратил на столичные забавы и угощения товарищей, а другую половину (хватило ума!) сберег до взрослых лет, что потом очень пригодилось.

В начале школьной жизни случилось событие, которое сперва изрядно напугало кантониста Ященко. Начальник школы вдруг истребовал у него медаль «За храбрость», которую еще на бастионе вручил Николке сам Павел Степанович. Было от чего пустить слезу! Но скоро выяснилось, что медаль взяли в инспекторский департамент для обмена на знак отличия военного ордена Святого Георгия, который пожалован был юному артиллеристу Высочайшим повелением. Георгиевский крест вручили кантонисту Ященко перед строем всего экипажа, после чего началась у него жизнь вовсе даже неплохая.

Конечно, строгости в кантонистской школе были немалые, но Николка к военным порядкам был приучен, иных он и не знал. А на шалости юного героя Обороны начальство смотрело снисходительно: не драть же георгиевского кавалера за каждую

мелкую выходку. Тем более что учился он примерно, потому как был «головастый».

После школы зачислили Николая Ященко во вторую роту того же гвардейского экипажа, и началась его действительная матросская служба. Только служба эта была ему не по душе. Караулы да парадные выезды на шлюпках со всякими высокими чинами. Иногда приходилось видеть и самого государя. А вот моря видеть почти не приходилось. А мечталось ведь, что будет, как батя, на большом корабле. И как только подвернулся случай, напросился Николай в плавание.

По-прежнему числясь в гвардейском экипаже, был он определен волонтером в команду учебного корабля «Орел», которым командовал (вот еще одна удача!) участник Обороны капитан первого ранга Федор Степанович Корн. Он помнил маленького Маркелыча и принял его с теплотою необыкновенной. Николай, однако, ни знакомством с капитаном, ни Георгиевским крестом не кичился, постигал парусную науку по всей форме. То, что в школе учили по словам наставников да по моделям, теперь узнавал на деле.

Старый восьмидесятичетырехпушечный «Орел» ходил с гардемаринами в Ревель, в Гельсингфорс и даже за границу — в Данию. Несколько раз попадал в нештучные штормы, однажды чуть не перевернулся при шквале из-за недостаточного балласта. Такое запоминается навсегда.

Молодые офицеры — те, что рады были всяким новшествам и освобождению крестьян, — к любознательному грамотному матросу с Георгием на форменной рубахе относились по-дружески. Случалось, объясняли иногда кое-какие премудрости штурманской науки, давали подержать секстан и заглянуть в карты. Все удерживал в памяти Николай, будто знал — пригодится...

Не все офицеры, однако, были добры. Некоторые, особенно из старых, чуть чего — по зубам, хотя капитан Корн и не одобрял этих обычаев. Особо зверствовал старший офицер, капитан-лейтенант Гладов. Однажды по его приказу за мелкий просчет на учениях наказали марсового матроса Фому Ласточкина. Дали на баке пятьдесят линьков. Николай как увидел на его спине багровые рубцы и подтеки, так словно что-то обломилось в душе. Нет, ему и раньше приходилось видеть, как бьют, не дома у маменьки рос, но сейчас, под снежно-белыми парусами, под ясным небом с вольными чайками показалось это немисливо диким. Необъ-

яснымым... И вернувшись в гвардейский экипаж, стал матрос второй статьи Яшенко думать об отставке.

А что! Сроки позволяли. Царская служба на флоте — она, конечно двадцать лет, да ведь при осаде и пока был на Северной, месяц шел за год — по Высочайшему указу императора Николая Павловича. И теперь, если посчитать, выходило, что в самый раз.

Подавал, как положено, рапорт по начальству. То сперва, конечно, на дыбы: «Как посмел, что за дурь в твоей голове!» Однако же скоро разобрались. Царский указ — это вам не кошки чих! И вот приказ по экипажу: «...В связи с вышеозначенным предлагаю командиру второй роты удовлетворить матроса второй статьи Николая Яшенко всем следующим по положению по 26 сего апреля, из списков экипажа исключить и считать уволенным от службы...»

Когда прощались, мичман Сергей Павлович Зеленский, доброй души человек, спросил участливо:

— И зачем надумал такое? Служил бы да служил, при твоих стараниях мог бы с годами выйти и в офицеры, нынче новые времена. А сейчас куда пойдешь?

— Домой, Сергей Павлыч. Город, говорят, строиться начал, руки там нужны, дело найду. Что-то сильно потянуло в прежние места.

Оно и правда, после плавания на «Орле» все чаще снился родной город. Не горящий и разбитый, а тот, что был до осады: белый, чистый, с густой зеленью по улицам и косогорам, с мачтами и парусами в голубизне бухт. И море снилось родное. Не серая холодная Балтика, а теплый синий простор, где ветры пахнут солью с воды и сладкими травами с желтых обрывистых берегов...

Может, и правда город снова станет таким?

Город оказался не таким. Белый, издали казавшийся нетронутым войною, вблизи он был мертвый и почти пустой.

Однако же не совсем мертвый, не совсем пустой! По склонам холмов лепились посреди развалин вновь отстроенные дома и хатки. Даже и на главных улицах глядишь — то вывеска гостиницы, то магазин или трактир. И в больших, разбитых бомбами домах нет-нет да и засветится вечером окошко. А на месте срезанных канонадою старых деревьев тут и там курчавился молодняк: вишни, персики, яблони, невысокие каштаны. Большие же, чудом уцелевшие от войны деревья, зеленели особенно раскидисто

и пышно. На склонах, по краям каменных трапов, торчали, как на карауле, маленькие, похожие на лихих подтянутых кантонистов кипарисы...

После долгих лет казармы теперь отчаянно хотелось своего угла и вольного существования, когда живешь, как душа велит, а не по хриплым командам боцманов и фельдфебелей, не по пронзительным сигналам трубача.

От дома на Корабельной, где жил когда-то с батей и маменькой, осталась громада щебня. Сквозь щебень проросла полынь. Николай постоял, перекрестился и пошел в слободку над Артиллерийской бухтой. Там, в Косом переулке, жила во время осады маменькина знакомая, вдова Анна Михайловна с Николкиной ровесницей Настюшкой. К ним Николка забегал в гости, если на бастионе и редуте случались передышки.

Дом оказался почти цел, только один угол разбило ядром. А вдовы и дочки ее не было. Соседи говорили: уехали сразу, как оставлен был город, а куда — никому не ведомо. Николай подумал и взялся за ремонт. Решил: если вернуться хозяева, будет им, добрым людям, готовая крыша, скажут спасибо. А не вернуться — значит, будет хата его, Маркелыча, по закону давнего знакомства... Да едва ли они снова здесь появятся, сколько лет прошло! Раскидала людей война...

Старожилы помнили маленького Маркелыча, что когда-то на недалеких от этого места батареях палил из двух своих пушчонок по позициям французов и англичан. Помогали, чем могли. Однажды старый сосед, бывший унтер, а ныне хромой яличник дядько Евтихий, кряхтя, приволок на тележке завернутую в мешковину тяжесть.

— Глянь-ко, кавалер, что я тебе подарить вздумал. Лет семь назад копал недалече от Шварцевского редута червей для рыбалки, там они в одном месте дюже сочные развелись, да и отрыл эту орудию. Приволок старухе, чтобы ступка была, да больно тяжела. Так и лежала за курятником. Может, твоя?

«Может, и правда моя?» Теперь было точно не узнать. Но очень похожа была эта медная малютка на те, которыми распоряжался Николка на редуте. Ну как сестренку увидал.

«Или Настюшку...»

— Бери, Маркелыч, будет память о твоём геройстве...

— Спасибо, дядько Евтихий... Да какое там геройство...

...По малолетству иногда и правда думалось, что герой. Когда Павел Степаныч прикалывал к его драному, от бати оставшему-

ся бушлату медаль. Когда начальник школы капитан первого ранга Модест Петрович Глаголев прицеплял к зеленому сукну парадного кантонистского мундира серебряный крест. «Георгиевскому кавалеру Николаю Яценко ура!» — «Ура!.. Ура!.. Ура!..» А если по правде вспоминать, сколько было в душе жути! Особо до той поры, пока не появилась привычка. Но и сквозь привычку потом, сквозь бесстрашную горячку азартной пальбы по наступающим синемундирным рядам вдруг проскакивала мысль: «А ежели и *меня* убьют? Как вот их, что рядом?» — «Да нет же, это больших убивают. А убитых юнгов ты разве где видал?»

Однако же привелось увидеть и такое. Почти такое... Как-то раз отогнали наступавших и пошли собирать трофейные штуцера и снаряжение. И увидел маленький Маркелыч, что среди убитых французов лежит навзничь солдатик его, Николкиного, роста. Фуражка с большим козырьком и узким донышком отлетела, русые кудри были вматы в жидкую глину. Поодаль валялся большой барабан с изорванным в клочья ремнем и пробойной. Грудь вся в кровавых ошметках. Глаза мальчишки были открыты и смотрели прямо в небо. Серые... А ресницы загнутые вверх, как у Настюшки...

Николка встал у барабанщика на колени, упершись в глиняную кашу ладонями. И смотрел, пока его не взяли за плечо.

— Пойдем уж, Маркелыч, теперь не поможешь, сколько ни гляди... И чего его, малюго, принесло в чужую землю...

После Николка в щели между насыпью и командирским блиндажом плакал горько и долго — так же, как в день, когда убило бату. А проплакался и — что делать-то — пошел воевать снова. Только барабанщик этот снился ему потом часто. И на позициях, и в школе. Будто оживает он, садится и глазами ищет барабан. А Николка говорит виновато: «Да вот он... Только пробитый весь». Барабанщик (ну точно как Настюшка) трет согнутым пальцем переносицу и спрашивает по-русски: «Маркелыч, как же я теперь с дырчатым-то? Попадет от командира...» И опять нет у Николки к мальчишке-французу никакой злости, одна жалость...

Но не только барабанщик этот виделся в снах про войну. Многое. И летящая прямо в него, в Николку, бомба «лохматка» (вся в огненных кудрях), и занесенный штык в руках зуава-великана, и нестерпимое, со всех сторон обступившее пламя... И страх, который там, на позициях, просыпался лишь порою, в

этих снах был постоянный, главный: «А ежели убьют? Прямо сейчас!.. А ведь и вправду убьют, и не будет меня!»

И было так, наверно, года два. А потом эти сны стали реже и реже, и стали приходить другие. Будто сама осада привиделась ему лишь во сне, а по правде-то город по-прежнему цел — белый и зеленый. И будто маменька, усадив его, Николку, посреди солнечного двора на табурет, обвязала ему голову шнурком и стрижет «под кружок» длинными звонкими ножницами. Волосы падают, щекочат голую спину, а маменька смеется и уговаривает потерпеть. А потом обмахивает его полотенцем. И чистое полотенце пахнет, как, должно быть, пахнут паруса, и летящий воздух от него смешивается с морским ветром, а море стоит за крашенными известкою заборами и черепицею крыш, как синяя стена, пересыпанная белыми искрами бурунов...

А потом просыпался и с боязнью, что заметят товарищи, переворачивал тощую казенную подушку с мокрым пятном...

Дом был готов к середине лета. Николай нашел среди развалин нехитрый скарб, а кое-чего прикупил — были еще в запасе старые наградные деньги да сэкономленное жалованье. Выкопал в ближней балке две молодые вишенки, посадил во дворе (ничего, принялись, хотя и не по времени была пересадка). И стал думать, как жить дальше. На оставшиеся сбережения долго не протянуть. Да и ладно ли это — молодому, крепкому жить без дела. А найти дело было не хитро. Можно было пойти камни тесать на строительстве Владимирского храма на холме, где упокоились погибшие в осаду адмиралы. Можно — в мастерские или в доки РОПИТа, что разворачивал свое хозяйство в Южной и Корабельной бухтах. Можно к торговцу Крупову, что неподалеку от взорванной Николаевской батареи строил номера для зачистивших в город любопытных туристов... Маркелыч пошел к американцу Гаррисону, чья компания подрядилась наладить подъем судов. На паровом катере возил с Большого рейда в Южную бухту, к Пересыпи, поднятые из воды пушки, цепи и якоря.

Скоро, однако, ясно стало, что американец — жулик, да и жалованье платил неохотно. Николай к тому же услыхал от сведущих людей, что в Керчи открылись мореходные курсы и что окончившим их дают бумагу на право корабельного вождения. И к сентябрю подался в Керчь, оставив жильё под присмотр дядьки Евтихия.

На курсы взяли сразу, потому как принимали желающих из

любого сословия, была бы охота к морю. А уж кавалеру и бывшему гвардейскому матросу — самая прямая дорога. Одно досадно — возраст оказался великоват, ведь среди учеников были и совсем мальцы. Однако же мальцов этих Маркелыч скоро обошел по всем статьям, поскольку в рангоуте и парусах и раньше разбирался изрядно, такелажное дело знал отменно, да и многие другие флотские премудрости одолел еще в школе и на «Орле». Новым было только штурманское дело, да и то кое-какие начала в нем были Николаю Ященко ведомы — спасибо мичманам с «Орла». В мае сдал он экзамен и поступил штурманским учеником на частную шхуну «Елизавета» — для получения мореходной практики. Ходила «Елизавета» недалеко, между ближними портами, часто возвращалась в Керчь. А там ждала Николая его неизбывная радость, его нечаянное счастье и награда — Настенька.

Вот так уж ласково очередной раз обернулась к нему судьба. Едва начав учиться, в октябре встретил он девушку в толчее городского рынка. Выросла, а глаза-то и загнутые вверх ресницы все те же.

— Настюшка!

Она тоже узнала сразу. И... заплакала. А он, не глядя на шумящий кругом люд, обнял ее. «Сестренка...»

— Я и не чаял, что встречу когда-нибудь...

Оказалось, что после переправы на Северную они с матерью вскоре перебрались в Керчь, где жили их родные: матушкин брат, рыбак Евдоким Михалыч, и его жена — тетя Ксана. Бездетные. Сестру с дочкой приютили, Анне Михайловне сыскали работу — кухаркой у рыбного торговца Коноваленки. С племянницей обходились по-доброму, жалели и лечили, как умели, если делалась нездоровая. А болезни прилипали часто. Оттого, наверно, что в последние дни осады, когда бежала Настюшка через Пушечную площадь, лопнула в пяти шагах случайная граната, бросила девочку спиной на камни. С той поры боли в спине и не кончались...

Анна Михайловна пробыла кухаркой недолго, надорвалась, ворочая в коноваленковской кладовой бочки, слегла, и через полгода ее схоронили. А Настюшка так и подрастала в доме у дядюшки. В родном городе больше не бывала — натерпелась там с матерью страха, а про дом они думали, что сгорел и разграблен.

— Не обижают ли старики-то?

— Да что ты! Они ласковые, хвалят, помощница, говорят. — Однако же вздохнула...

— Небось уж суженого подыскали... — сказал он насупленно. Потому как двадцать лет девушке, давно пора...

Настя покачала головой:

— Они говорят: «Сироту как неволить, решай сама»...

— Ну и... решила уж?

Она глянула прямо:

— Коленька, да кому я нужна-то, вечно хворая да без прида-ного. Кто возьмет...

Господи, «кто возьмет!» Теперь казалось: все годы тосковал о ней, хотя, по правде говоря, вспоминал не так уж часто. С лаской вспоминал, но как о прошлом, о невозвратном... И вот вернулось оно. Будто не просто девочка Настюшка, а все доброе и сердечное, что было в детскую пору...

Свадьбу сыграли скоро, в декабре. Тихую, но радостную. Евдоким Михалыч и жена его Оксана Тарасовна сказали Николаю:

— Пока учишься да плаваешь, живите у нас. Мы к Настеньке привыкли, горько расставаться сразу-то...

На том и порешили.

Ну а расстаться все же пришлось — в сентябре, когда Николай отплавал нужный срок и получил наконец бумагу с двуглавым орлом и печатью, украшенной скрещенными якорями. Прав бумага давала не столь уж много: на управление небольшими судами в плаваниях между портами одного моря, что называется малый каботаж. Однако же можно было поступить шкипером на какой-либо парусник из тех, что резво снуют между черноморскими гаванями. Для начала казалось: другого и не надо! Ежели на военный лад сравнивать — морской офицер. А родное море — оно широкое, хватит простора, чтобы поплавать.

Однако же сразу поступать на судно не стал. Решено было вернуться с Настенькой в ее родной дом — ей тоже вдруг захотелось в прежние места. Ну и что же, что город порушен? С Коленькой нигде не страшно. А он обещал ей, что до весны в рейсы ходить не станет, обживутся вдвоем на берегу.

Американец со своей конторой к тому времени из города пропал, за подъем затопленных кораблей взялся купец Телятников. Маркелыч поступил к нему на прежнюю работу — возить с рейда на берег добытые из воды вещи и припасы. Два раза, правда, ходил на шхуне «Иголка» в Одессу за инструментами и водолазным снаряжением — это когда постоянный штурман «Игол-

ки» ударялся в запой и мог привести парусник не в родимую гавань, а куда угодно, хоть в бразильский порт Рио-де-Жанейро... Настенька вздохала, но не спорила. В доме она завела чистоту и порядок, а Николай в ее честь и ради праздников несколько раз палил из своей «кегорны» на радость мальчишкам, к снисходительному одобрению соседей и служебному негодованию Куприяна Филиппыча Семибаса.

Сейчас, однако же, Куприян Филиппыч про нынешнюю стрельбу более не вспоминал, а, разомлевши после очередной чарочки, говорил о прошлом: как отбивали один штурм за другим и что, если бы не приказ Горчакова уходить по мосту, может, и вернули бы курган отчаянным героическим напором, и скинули бы напрочь дивизию Мак-Магона.

Николай больше помалкивал и кивал. Почему-то вновь припомнился барабанщик...

Настенька, чтобы не мешать мужскому разговору, ускользнула на кухню и звякала там посудой, напевая при этом протяжное, но без грусти.

Филиппыч оборвал себя на полуслове, прислушался.

— Ласковая она у тебя, Маркелыч. Дал тебе Бог радость...

— Дал... — улыбнулся Николай. Но за улыбкою опять скользнула грусть. Уже не из-за военной памяти, из-за иного... И Семибас понял сразу, хотя и выпил уже изрядно.

— А что... это... Никаких признаков, да?

— Никаких... Я утешаю: все, мол, еще будет, а она не верит. Плачет иногда, хочу, говорит, Катеньку...

— А тебе небось мальчонку хочется?

— Да мне, Филиппыч, хоть кого. Девочка, она, может, и лучше даже, ласковее...

— А у дохтура была?..

— Была у повивальной бабки, у Антонины, что на Аполлонке. Та говорит: надо ждать да молиться. Это, говорит, может, от контузии, что тогда, в детстве...

— Молиться, оно конечно, однако бы и к дохтуру...

— Бойтся. Как же, мол, я к нему, он же мужчина... Я ей: «Глупая, доктор — он не мужчина вовсе, а просто человек, поставленный для общего излечения». Может, уговорю...

— Уговори... А пока вот что. Ты же слышал небось про Татьяну Фаддеевну Лазунову, что сняла комнаты у Кондратихи. В квартале отсюда, под тобой. Она не то чтобы совсем дохтур, но

медицинское понятие тоже имеет, потому как взялась помогать в лечебнице при пароходной конторе. Сведи Настеньку к ней. Она женщина обходительная, недавно я с ней говорил, упреждал, чтоб мальчонка ее не слишком дружился со здешними огольцами.

— Сведу, упрошу... А чего мальчонке-то не дружить со здешними? Огольцы как огольцы, на то и дети. Сам таким был...

— Оно конечно. Да упредить-то я должен, служба...

КАПИТАН ГАТТЕРАС И КЕНТАВРЫ

В квартале от хаты Маркелыча, ниже по Косому переулку, тоже праздновали именины — в горбатом двухкомнатном домике с пристроенной кухней под плоской черепичной крышей. Ярko горела керосиновая лампа с широким фитилем. Из кухни пахло пирогом со ставридою, который умело пекла соседка Лизавета Марковна — она подрядилась за небольшую плату помогать госпоже Лазуновой по хозяйству. Слышно было, как попыхивает круглый, будто глобус, самовар. Его лишь вчера купили по случаю на базаре, что раскидывался каждый день неподалеку на пологом спуске, у каменной стены Седьмого бастиона.

На скатерти уже стояла тарелка, полная жареных пирожков с вишневым вареньем. До того, как сядут за стол, трогать угощение не полагалось. Коля, однако, украдкой сжевал уже два пирожка и теперь облизывал пальцы. И вытирал их подолом праздничной рубашки. Он не хотел оставить масляные следы на подарке.

Подарок был замечательный. Тё-Таня купила его в симферопольской книжной лавке и до нынешнего дня прятала от племянника. Это был годовой комплект журнала «Земля и море», издаваемого в Петербурге. Точнее, не совсем еще годовой. Не хватало двух последних номеров. Они должны были выйти к Рождеству и в продаже появиться в начале будущего года. Хозяин лавки божился, что вышлет эти номера госпоже Лазуновой по почте, взявши на себя все расходы. И как бы в подтверждение того, что комплект будет полным, выдал для него роскошный коленкорковый переплет с золоченым орнаментом по краям.

В орнамент были вплетены якоря, парусные корабли, конные рыцари, глобусы, воздушные шары и экзотические звери. А посреди обложки красовалась цветная картинка, на которой

среди голубых и белых льдов решительно шагал одетый в меха человек с устремленным вдаль взглядом.

Это, без сомнения, был капитан Гаттерас из романа француза Жюль Верна, который печатался в журнале из номера в номер...

И сейчас, положив на край стола еще не шитые журналы (а обложку с картинкой — отдельно), Коля вдохновенно листал номер за номером. Там было много всего — про давние экспедиции и новейшие корабли, про чудеса заморских стран и обычаи диких племен, про загадки природы и движение комет... Но главное — история неустрашимого капитана, который всей душой стремился к Северному полюсу. Не хватало терпения читать подряд, и Коля торопливо листал номер за номером, выхватывая из романа самые главные (как ему казалось) куски... Ох, до чего же досадно, что нет последних номеров! Достиг ли полюса несгибаемый Джон Гаттерас?

Даже и будь номерá, узнать про конец путешествия сейчас не удалось бы. Явились женщины с пирогом и самоваром.

— Никола́, чтение потом! Доставай чашки... Лизавета Марковна, а вы куда? К столу, к столу!

— Да полно, Татьяна Фаддеевна! Кухаркино ли дело с хозяйками именины праздновать...

— Что за фантазии! Мы же договорились, что вы не кухарка, а моя помощница... И Сашеньку надобно позвать... Коленка, сходи, пригласи Сашу к чаю. Что же это она одна сидит дома в такой вечер.

Саша была дочка Лизаветы Марковны. Тихое, полушепотом говорящее создание одиннадцати лет. С коротенькими темными косами, с завитками на висках и маковыми конопушками на переносице. С глазами непонятного цвета, потому что всегда под ресницами. При встречах с Колей она быстро взглядывала изпод этих ресниц и одними губами говорила «здрате». И Коля каждый раз ощущал непонятную досаду. А еще... Да никаких «еще»! Досаду, вот и все!

Сашин отец трудился кочегаром почтового парохода «Русь», что ходил от здешнего порта до Керчи. Нынче пароход был в рейсе, и Саша сидела сейчас дома одна... Ну и сидела бы! Чего ей здесь-то! О чем с ней говорить? Не о Северном же полюсе! Она, небось, о нем и не слыхала, думает, что земля плоская, как скородка...

Не будь здесь Лизаветы Марковны, Коля уперся бы: зачем ему в гостях девчонка? Да еще, наверно, такая, что и грамоты не знает.

Но «воспитанные мальчики не скандалят при посторонних».

Вздыхая, Коля в сенцах сдернул с вешалки и накинул армячок. А сапожки натягивать не стал. Так и выскочил в холодную синюю темень в домашних башмаках (бывших Тё-Таниных туфлях с отбитыми каблучками). Домик Сашиных родителей стоял выше по косогору, двор его с каменным заборчиком нависал над здешним двориком террасой. К пролому в заборчике вела лесенка из стертых подошвами каменных брусьев. Вверху под крышей светилась окошко. За ним коротала вечер та, кого следовало приглашать.

Ох... Но что делать-то! Он попрыгал (чуть не теряя туфли) вверх. На последней ступени оглянулся — одновременно с догадкой. О том, что тетушка послала его не только за Сашей, но еще и для тайной проверки: не испугается ли пойти в темноте? Пфы! Думает, что он все еще как младенец!.. Да и полной темноты нет. Над крышами видно, что на западе светятся в небе желтые остатки заката, в которых дрожит золотым расплавленным шариком вечерняя звезда Венера. Море у горизонта хранит в себе ртутный отблеск и лишь ближе к городу становится почти таким же непроницаемым, как черные берега.

В этой непроницаемости мигает на Константиновском форте рубиновый маяк да горят зеленый и красный огоньки на буях, отмечающих проход в бухту среди все еще не поднятых со дна кораблей.

Воздух тихий, с сухими иголочками холода, и все же ощущается в нем чуть заметное шевеление. Дыхание моря. И в этом дыхании запах соленой воды и водорослей, сухой полыни и теплых (все еще теплых, несмотря на зиму!) слоистых каменных берегов.

Коля вдохнул этот запах, и... ка-ак ахнуло! Над головой. Почудилось даже, что мелькнуло в небе отражение желтой вспышки. И подскочила земля! Коля присел на корточки и прижал к ладоням уши. Не от страха, от неожиданности. Испуга-то почти не было. Он сразу понял: это мортира веселого Маркельча, о котором говорили ребята. Упреждали, что надобно ждать саляута!

А тетушке про то неведомо, вот небось перепугалась!

Коля засмеялся, вскочил и шагнул в пролом забора. На крыльце постучал в шаткую дощатую дверь. Тихо было. Еще раз постучал. Услышал из глубины слабый голосок:

— Та заходите, не заперто...

Видно, в здешних местах не боялись воров.

В темных сенях светилась щелью внутренняя дверь, Коля потянул ее за край. Саша съезженно сидела на лавке, обняв обтянутые пестрым оборчатый платьем колени. В свете лампы искрились темные глаза и колечки на висках.

— Здравствуй! — как бы с разбега сказал Коля.

— Здравсте... Ой, я так перепугалась...

— Разве я страшный? — храбро усмехнулся он.

— Та я не вас, а пушки...

— Это же Маркелыч, который живет над вашим домом! Он в честь праздника!..

— Я знаю, уже не впервой. А все равно каждый раз такой страх... Как тут люди жили при осаде?

— Попривыкали, вот и жили, — отозвался Коля все с той же храброй ноткой.

Он, когда шел сюда, боялся, что будет смущаться, потому что раньше рядом с девочками всегда ощущал себя нескладным и поглупевшим. Но сейчас орудейный выстрел будто стряхнул с него застенчивость.

— Пойдем к нам чай пить! Тетушка приглашает... Потому что я именинник. Ну, то есть я тоже приглашаю...

— Ой... — Она спустила с лавки ноги и взяла себя за плечи. — Не...

— Да отчего же «не»? Вот смешная! Пойдем... Саша!

Она призналась шепотом:

— Я стесняюсь...

Он не стал уговаривать и уламывать, как, наверное, полагалось бы: «Да чего же стесняться? Все будет славно, не бойся». Сказал сурово и прямо:

— Экая беда! Постесняешься и привыкнешь. А у нас зато есть к чаю конфеты с лимонным сахаром. Идем! Нельзя долго упираться, ежели в гости зовут.

— В гости надо платье красивое...

Ну, тут она, кажется, хитрила. Платье и так было нарядное. С ярким рисунком из разноцветных колечек, с тройным рядом кружевных оборок на рукавчиках и широком подоле. Может быть, она тайно ждала приглашения?

Коля совсем расхрабрился:

— Ты и так вся красивая! Пошли! — И взял ее за руку. За тонкое запястье (в котором вдруг проклюнулась теплая жилка). Саша мягко освободила руку. И оба смутились. Потом Коля сказал уже с досадою:

— Право же, непонятно, чего ты боишься? Там же твоя мама...

— Ну... тогда я только чоботы надену... — Она выгребла из-под лавки высокие и широкие ботинки без шнуровки, сунула в них ноги. — Идите к двери, я лампу заду.

Коля вышел на порог. Саша тут же появилась рядом. У лестницы он опять взял ее за руку:

— Здесь такие ступени, можно свернуть голову.

Саша засмеялась тихонько (от губ пошли теплые комочки воздуха):

— Да что вы, я здесь каждый камушек знаю. Это я должна вас держать, давайте... — И стало непонятно, кто кого держит. И так добрались до Колиного дома.

Тё-Таня ждала их, конечно, на крыльце. Снаружи спокойная, а внутри (уж Коля-то знал!) полная тихой паники. Наверняка решила, что мортирный выстрел разнес любимого племянника в клочья.

— Наконец-то! Мы ждем, ждем... А тут еще эта ужасная стрельба!

— Это Маркелыч, верхний сосед! Салют устроил!

— Лизавета Марковна объяснила. Но все равно такой страх...

(«Все девчонки одинаковы, даже взрослые...»)

— Заходите... Сашенька, а ты в одном платье! Такой холод...

— Я привычная...

У порога она скинула чоботы и опять стала тихая, присмиревшая. За столом на тетушкины вопросы отвечала шепотом, чай пила из блюдца, которое держала, отодвинув мизинец. Осторожно дула на горячее, вытянув губы трубочкой. На мочках ушей у нее дрожали похожие на божьих коровок сережки. Облитые желтым сахаром длинные конфеты она брала двумя пальчиками и откусывала мелкие кусочки.

Татьяна Фаддеевна вышла из-за стола и сообщила, что в честь именинника следует сыграть торжественную музыку. Села к расшатанной фисгармонии. Этот старинный инструмент вдова Кондратьева вместе с остальной мебелью оставила в полное распоряжение новых жильцов (а сама, получивши деньги вперед, укатила к дочери в Евпаторию). Кстати, было непонятно, откуда и зачем эта фисгармония у неграмотной и далекой от музицирования вдовы...

Тетушка бодро исполнила марш Преображенского полка, а после него мазурку. «Лишь бы не заставила танцевать... Да ведь Саша все равно не умеет!»

Фисгармония посвистывала мехами, старательно выталкивая органные звуки.

Тетушка откинулась на стуле.

— Конечно, это не фортепьяно... Да настоящий инструмент здесь, верно, и не достать.

Лизавета Марковна подперла пальцем подбородок.

— До чего же вы, Татьяна Фаддеевна, ловко играете. Сроду такого не слыхала... А музыка эта попала к Кондратихе, можно сказать, с улицы. Раньше-то струмент стоял, говорят, на Шестом бастионе, у офицеров. А потом на ём французы забавлялись, и ничего, целым оставили, когда уходили. Кондратиха и подобрала, вернувшись с Северной. Заместо комода.

— Неужто во время войны людям было до музыки? — острожно сказала Татьяна Фаддеевна.

— А чего ж, везде люди живут. И на войне тоже... Как затишь случалось, так и гулянья были. На Малом бульваре, где памятник капитану Казарскому. Бомбы туда почти не долетали. Бывало, что и французские офицеры, которые в плен попались, гуляли с нашими. Когда пленный, он ведь уже не враг... Любезные такие... Ну а уж перед самыми-то штурмами стало оно не до гуляний...

— Не, маменька, на бастионе стоял не этот инструмент, а пианина. Большая, — вдруг проговорила из-за блюдца Саша. — Отец Кирилл сказывал. Потому бастион и назывался Музыкальный.

— Ну, может, и так. Сейчас уж мало кто помнит, как было в точности. Всякие сказки сказывают. Порой страх такой. Будто по развалинам на Екатерининской чьи-то души в белых рубахах гуляют да водят при луне хороводы...

Коля насторожил уши. Хороводы призраков — это интересно. И не очень страшно, если при лампе, среди людей и в своих стенах. Однако Лизавета Марковна вздохнула и примолкла. И тогда Саша вмешалась в беседу снова:

— Маменька, а ты скажи еще о трех дядьках на конях. Как они старуху искали...

— Ой, да выдумки это. Мало ли чего болтают...

— Ну и пусть выдумки! Зато интересно! — оживился Коля.

— Ну, если интересно... Сказывают, будто в самом начале, когда только первые *ихние* корабли показались у наших берегов, к одному часовому подошла на закате женщина. Сгорбленная, в лохмотьях. Часовой-то стоял недалеко от здешних мест, в карантине у колодца... Подошла и просит: «Спрячь меня, солдатик,

где-нибудь, ищут меня недобрые люди...» — «Да где же я тебя спрячу, места нет подходящего, пусто кругом...» — «Ну, так я сама спрячусь, ты только меня не выдавай тем, кто прискачут на конях. Пускай хоть смертью грозят, не выдавай, родимый...» Он и обещал... Скоро и правда прискакали три всадника: первый весь в черном, за ним — в красном, а после всех — в белой одежде. И все с оружием. Подступили к часовому, саблями грозят: сказывай, где старая женщина! А он отрекся накрепко: никого, мол, не видал, не слыхал. Те, видать, поверили. Пригрозили еще на всякий случай, да и ускакали, будто растаяли. А как не стало их, старуха явилась опять и говорит солдатику: это, мол, не просто люди на конях, а приметы. Черный предвешает, что город весь превратится в развалины; красный — что будет здесь великое кровопролитие и пожары; а белый означает, что, когда все беды кончатся, станет город краше прежнего... Ох, да когда только наступит это времечко? Осада кончилась давным-давно, а все живем на пепелище...

— А кто была эта женщина? — с некоторой опаской спросил Коля.

— Кто же ее знает? Может, просто гадалка какая-то, а может, судьба наша горькая...

Коля на всякий случай незаметно сложил замочком пальцы. Но тревожиться всерьез не было ни охоты, ни сил. Он вдруг ощутил, что соловьет от тепла и сладкой сытости. Перебрался на диванчик с гнутой спинкой, что служил ему и кроватью. Здесь лежали в беспорядке номера «Земли и моря».

Саша оглянулась на Колю.

— Хочешь посмотреть журналы? — сказал он. (А что делать, надо как-то развлекать гостью.)

— Хочу... — И она присела рядом. — Ой, это что?

На картинке во всю страницу громадная (толщиною с бревно!) змея обвила кольцами зубастого ягуара и разверзла пасть.

— Анаконда. Есть такие змеи-удавы в далекой стране Южной Америке, на реке Амазонке. Могут даже быка проглотить.

— Это по правде или такая сказка?

— Какая там сказка! Попадись такой «сказке», и вмиг — хлоп, и нет тебя...

— Страх какой... — Она даже придвинулась поближе.

— Конечно! Особенно если ты без оружия! Ну а если с ружьем или пистолетом, тогда трах ей прямо в пасть! — И он вспомнил пистоль Фрола. Как метко и храбро (теперь и вправду каза-

лось, что храбро) он, Коля Лазунов, пальнул по бутылке. Мог бы и в пасть анаконде...

Дальше было еще немало картинок с подписями и краткими рассказами. Египетские пирамиды, нападение индейцев на американский экипаж, аэростаты новейшего вида, фрегаты и броненосные корабли, индийские храмы и рыцарские турниры древних времен...

Вообще-то Коля с большим желанием рассказал бы о путешествии Джона Гаттераса через льды, но понимал, что Саше интереснее такая вот заморская пестрота. Ладно, и это неплохо...

— Коля, смотрите! Разве они тоже бывают взаправду?

— Нет, это миф. То есть сказка. Из Древней Греции. Это центавры.

— А не кентавры?

— Ну, можно и так... А ты откуда про них знаешь?

— Отец Кирилл говорил. Который нас грамоте учит, у него дома вроде как школа... Я нашла осколок с похожей картинкой, показала ему: не грех ли собирать такие. А он засмеялся, говорит: собирай на здоровье. Это, говорит, в далекие времена здешние люди лепили посуду с такими картинками, на которых всякие сказки. Картинки эти ничуть не грех, ежели им не молиться, а просто смотреть...

— А что за посуда? Где ты находила осколки?

— В Херсонесе, где монастырь. Там их много. И всякого другого... Там раньше город был, в старые-старые годы, а потом его разрушили то ли татары, то ли еще кто...

— А, ну это известно! Говорят, он погиб после осады. Она была вроде этой, недавней, только пушек тогда еще не придумали. Зато швыряли из катапульта горшки с горящим зельем...

— Вот страх...

— Ну что ты все «страх» да «страх»!.. А эти посудные осколки, они теперь где?

— Дома. Принести?

Не успел он сказать «не беспокойся, потом», как она раз — сорвалась и умчалась!

Лизавета Марковна и тетушка только руками всплеснули. А Коля досадливо понял, что надо идти следом, долг обязывает. Но за те полминуты, пока долг боролся с неохотой, раскрасневшаяся Саша примчалась обратно. С синим узелком в руке. Торопливо развязала его, положив на колени, раскинула широкий платок.

На платке оказались черепки, цветные каменные бусинки, черные неровные монетки, флакончик из перламутрового стекла. Посудных осколков было больше всего. Одни — шероховатые, кирпичного цвета, с выпуклым орнаментом на краях. Другие — лаковые, черные с коричневым рисунком или наоборот — коричневые с черным. Различимы были греческие профили с кудрявыми головами, львиные гривы, колесо повозки, часть корабля с загнутой, как рыбий хвост, кормой. Жаль только, что ничего целого.

Но нет, было и целое! Почти...

— Вот... — Саша с коротким выдохом перевернула большой выгнутый осколок.

На темном как уголь лаке были красно-коричневые фигурки с черной прорисовкой лиц, складок одежды и завитков волос. Кентавр с кудрявой бородой, женщина в широком хитоне и тоненький босой мальчик с перехваченными шнурком волосами и в легкой рубашонке (кажется, называется «туника»). Лица у всех троих были спокойны, однако в позах ощущалось действие. Кентавр держал своей ручищей руку-стебелек мальчика и притягивал к себе. Мальчик слегка упирался, но, видимо, не из боязни, а скорее из баловства. Женщина с заметной тревогой придерживала мальчишку за плечо: «Ну, куда же вы его хотите увести?»

По верхнему краю рисунка тянулись квадратные завитки эллинского узора. Задняя часть лошадиного туловища кентавра была отколота. Ноги женщины и нижний край хитона — тоже. А мальчик весь был целехонек — гибкий, шаловливо-упрямый. Живой...

Саша тепло прошептала у Колиной щеки:

— Смотрите, кентавр, наверно, задумал превратить его в такого же, как он сам, наполовину лошадь...

— Ну, если и превратит, то не совсем, а на время. Чтобы попрыгал по лугам, как жеребенок. Попрыгает и вернется к маме... — включился в игру Коля. И почему-то смутился.

— А если не вернется? Ой, вот страх...

— Опять это слово! — старательно возмутился Коля, чтобы прогнать смущение. — «Страх» да «страх»! Еще раз скажешь так, тогда...

— Ой... а что будет? — Она вроде бы испуганно сощурила один глаз и сморщила переносицу.

— Тогда... шелчок по носу! Во... — Коля сложил колючком указательный и большой пальцы.

— Ой...

— «Ой» тоже нельзя говорить, это все равно что «страх»... — расхрабрился Коля.

— Ладно... — покладисто сказала Саша. — А вот смотрите еще...

— И не говори мне «вы». Что это такое? Я тебе кто? Наследный принц? Я же не говорю тебе «смотрите-извините»...

— Но вы же из образованных, а я...

— Будет шелчок! Как за «ой» и за «страх»!

— Ой... Нет, это не считается, это я нечаянно. Больше не буду.

— То-то же...

— Смотр... ри... Вот эти бусинки... Отец Кирилл сказал, что их носили такие тетеньки две тыщи лет назад... — она мизинцем показала на женщину, которая удерживала мальчика. — Вот, здесь даже нарисовано...

— Да, видно... — Они склонились над осколком, почти коснувшись висками. Потом Коля поднял к глазам черную монетку. — Саша, смотри! Здесь, кажется, Геракл борется со львом.

На монетке в самом деле сплелись крошечный гривастый лев и мускулистая человеческая фигурка.

— Льва-то я давно разглядела. А этот Гер... какл... он кто?

— Греческий герой. Он совершил двенадцать подвигов. И один из них — борьба со львом. Геракл его задушил.

— Ой стр... Нет! Я не досказала!

— Ты не досказала «страх». Но сказала «ой». Подставляй...

Саша вздохнула, зажмурилась и вытянула вперед лицо с носом-клювиком. Костя, замерев, коснулся клювика ногтем.

— Вот так... А в следующий раз будет со стр-рашной силой...

Тетушка и Лизавета Марковна, беседуя о своем, ушли в дружку комнату. Коля и Саша поразглядывали еще, пообсуждали полупрошепотом херсонесские находки. Саша призналась тихонько:

— Я их пуше всего на свете люблю собирать. Когда ишу, буд-то сама попадаю... в ту страну... Там, говорят, было красиво...

— Еще бы! Там везде стояли белые храмы с колоннами и статуи...

— А мальчишки надо мной смеются. Они сами-то пули да осколки собирают и вообще всякое, что осталось от войны. Чтобы продавать приезжим. А про мое говорят: «Кто это купит!» А я и не хочу продавать...

— Саша, а мне ты покажешь, где такие находки?

— Конечно! Только это надо, когда тепло, сейчас земля замерзла и пальцы стынут...

Коля быстро глянул на тонкие Сашины пальцы с коротко остриженными ногтями и перевел глаза на черепок с кентавром. Взял, подышал на него, потер обшлагом нарядной желтой рубашки. Лак заблестел сильнее, а мальчик будто шевельнулся.

— Нравится? — шепотом спросила Саша.

— Еще бы...

— Коля... Тогда я вам... тебе это дарю.

— Да ты что!

— Не отказывайся. Ты же именинник, именинникам обязательно делают подарки.

— Ой, Саша... — выдохнул он стесненно и обрадованно.

— Ага! — обрадовалась и она. — Подставляй нос!

— Как? Отчего это?

— Ты сказал «ой»!

— Но... про меня же уговора не было!

— Ну и что же, что не было! Получается не по правде!

Счастливо жмурясь, Коля повернул к ней лицо и вытянул шею. И носом ощутил касание гладкого ноготка.

— Это на первый раз. А потом будет со стр-рашной силой... — и Саша засмеялась, будто посыпались из горсти стеклянненькие шарики. И Коля засмеялся. И делалось им все смешнее, и скоро они хохотали, откинувшись к спинке диванчика и болтая ногами в одинаковых полосатых чулках. И было бы это неизвестно как долго, если бы не вошли Тё-Таня и Сашина мама.

— Сашенька, пора домой. Скажи спасибо и до свиданья...

Когда они ушли, Коля посидел еще, улыбаясь, сложил в папку журналы и опять потер обшлагом древний черепок.

— Тё-Таня, взгляните, что Саша подарила.

— Ну-ка, ну-ка... — Татьяна Фаддеевна водрузила пенсне, которое надевала не столько ради остроты зрения, сколько для «представительства». — Ох, да это же осколок эллинской вазы! Какой прелестный фрагмент! Здесь целая жанровая сцена...

— Да! — Колю словно бесенок толкнул колючим локтем. — Это знаете что? Это...

В прежние дни Коля не решился бы так шутить, чтобы не искушать судьбу. И чтобы лишний раз не вспоминать плохое. Но сейчас он ощущал счастливую защищенность от прошлого и ра-

достную уверенность, что дальше все будет хорошо. И отомстил беспощадной шуткой за недавние петербургские дни, за свои слезы и стыд.

— ...Это вы, я и адмирал. Он тащит меня в корпус, а вы не даете...

— Николая!

— А что? Разве не похоже?

— Совершенно не похоже, — сухо сказала она по-французски и сняла пенсне. — Даже не понимаю, мон шер, что за фантазия... И зачем ты опять вспоминаешь об этом?

«Чтобы не бояться вспоминать. И чтобы вообще не бояться». Но этого он не сказал, а отозвался беспечно:

— Да так... — И опять погладил осколок. Словно просил у него прощения. Потому что в самом-то деле на древнем рисунке было совсем не то. Была веселая сказка. Наверно, кентавр уговорит женщину отпустить сына с ним в широкую скифскую степь и превратит его на часок-другой в быстрого кентаврчика. И тот делается похожим на мальчишку-всадника, который солнечным осенним днем скакал рядом с вагоном. Долго скакал. Словно хотел навсегда запомниться Коле. И запомнился...

**«ТЫ НИКОГДА НЕ СТАНЕШЬ
МОРЯКОМ...»**

Это было в начале октября, вскоре после Покрова. Суетливый поезд, свистя и дымя, спешил из Петербурга в Москву. В купе кроме Татьяны Фаддеевны и Коли ехала престарелая дама в старомодном салопе и ее прыщеватая племянница лет шестнадцати. Старуха (от которой пахло аптекой) постоянно дремала, укрывшись шотландским пледом. Племянница, сидя прямо, словно с привязанной к спине палкой, все время читала немецкую книгу с унылым готическим шрифтом и время от времени отрешенно взглядывала поверх нее. И мимо Коли. Это была скуотища.

Зато снаружи был праздник!

Коля торчал у окна в тесном коридорчике. За окном густо синело безоблачное небо, убегали назад мимо окна и плавно поворачивались у горизонта разноцветно-желтые леса. В них прятались лужайки со стогами, приземистые деревеньки и маленькие церкви с ярко-белыми колокольнями. Такая красотища... Ее

чуть не испортила тетушка. Она оказалась рядом и, конечно же, не упустила случая внести в эту красоту воспитательную струю. Принялась цитировать стихи «Железная дорога», что позапрошлой осенью были напечатаны в ее любимом журнале «Современник».

— Помнишь, Николая?

Чудная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит...

А за картиною прекрасной природы — народные страдания:

В мире есть царь, этот царь беспощаден.
Голод — название ему...

Коля все это знал и помнил. И про глупого генерала с сыном Ванечкой, и про подрядчиков-грабителей, и про народные страдания. Но сейчас было *другое*. Коля потерпел минуту-другую, а потом жалобно попросил:

— Тё-Таня, можно я просто так посмотрю, без этого...

— Без чего без *этого*?

— Ну... без словесности.

Она пожалала плечом и ушла в купе. Коля ощутил царапанье совести, но за окном распахивалось сине-золотое чудо, и он отложил покаяние на потом.

Лес опять отступил от полотна, и открылась узкая луговина с густой, местами еще не увядшей травой. По траве скакали на лошадях деревенские мальчишки.

Впереди на ярком гнедом коньке мчался золотоволосый, как осень, мальчишка (наверно, Колин одногодок). Не было ни седла, ни сбури, но мальчик сидел слитно с конем, прямо — будто не пастушенок, а кавалергард. Вытянул вперед босые ноги, одну руку положил на лошадиную холку, а другую вскинул в приветственном жесте. И опять же не как сельский ребяенок, а будто римский император, объезжающий строй легионеров. Струилась рыжая грива, рвалась похожая на коротенький плащ синяя рубашка, отлетали назад мальчишкины длинные волосы и, казалось, были частью осенней листвы... И скакал он долго, далеко обогнав приятелей. Отставал медленно и все не опускал руку. А когда наконец заслонили мальчика березы, Коля понял, что смотреть просто на лес и деревни уже не так интересно.

Он втиснулся в купе, сел рядом с тетушкой, которая невозму-

тимо (почти как девица с немецкой книжкой напротив) читала томик стихов графини Ростопчиной. Потеря плечом о ее саржевый рукав.

— Что скажете, мон ами? — осведомилась она, не отрываясь от чтения.

— Ну вот... Теперь я готов слушать Некрасова... или хоть кого...

Она вздохнула его темно-русые беспорядочные локоны. Сказала не как интеллигентная любительница словесности, а словно бабушка-нянька, что гуляли с малышами в сквере недалеко от их петербургской квартиры:

— Горюшко ты мое... — И сняла пенсне.

Он, видимо, и правда был ее горюшком.

В начале пятьдесят пятого года Татьяна Фаддеевна Лазунова (урожденная Весли) собиралась ехать на войну. Не она одна. Многие из ее знакомых дам стремились туда же, в южный край, где высадили на наши берега несметную армию англичане, французы, турки и сардинцы.

В том, что ее место именно там, в осажденном городе, у молодой и энергичной Татьяны Фаддеевны не было ни малейших сомнений. Она всегда была человеком долга, как и полагалось настоящему образованному россиянину независимо от пола и возраста. Образцом для нее неколебимо служили жены декабристов. Правда, опального мужа у нее не было. И вообще, увы, не было никакого. Ее супруг, тридцатипятилетний чиновник почтового ведомства Андрей Константинович Лазунов, неожиданно скончался в пятьдесят третьем году от заворота кишок.

Татьяна Фаддеевна ни перед замужеством, ни после него не испытывала к мужу пылкой влюбленности, вышла за него скорее из ясного понимания, что надобно устраивать свою жизнь. Однако же ровная симпатия между супругами ощущалась, и кончину Андрея Константиновича восприняла Татьяна Фаддеевна с резкой горечью, тем более что была на последнем месяце беременности. Из-за нервного сбоя роды получились тяжелыми, девочку спасти не удалось.

Началась вдовья жизнь (в двадцать-то один год!). Родителей уже не было в живых, крошечное именье ушло за долги, пенсии за мужа еле хватало. А поиски новых женихов представлялись Татьяне Фаддеевне делом недостойным, хотя при желании

могла преуспеть: была она не красавица, но с известной долей обаяния.

Таким образом, ничто в Петербурге молодую вдову не удерживало. А Крым звал к себе, тем более что там в первую же бомбардировку (в один день с адмиралом Корниловым) был убит ее брат, поручик Весли. И где же еще теперь быть ей, Татьяне!

Она прошла короткие курсы сестер милосердия, что были организованы попечением великих княжон. Можно было уже ехать, но хотелось еще дожидаться, когда разрешится от бремени Наденька фон Вестенбаум, младшая сестра покойного мужа, с которой Татьяна была очень дружна. Казалось, там все кончится благополучно, поскольку врачи не видели никаких причин для тревоги. Однако же бедная Наденька роды не перенесла, скончалась от неожиданного кровотечения. Ее муж, военный врач Федор Карлович фон Вестенбаум, приехавший с балтийского театра военных действий, был в отчаянии. Однако война есть война, и он был необходим там, где стреляли и наносили раны. Уезжая, Федор Карлович умолял «нашу единственную надежду, милую Танюшу» не оставлять малыша Коленьку. Ибо престарелая матушка Федора Карловича не имела сил взять на себя тяготы воспитания внука, а иных близких родственников и вообще не было.

А она разве близкая родственница? Ведь не родная же тетушка, не по крови. Однако понимание долга теперь вполне логично сместилось от южных баталий к беспомощному крошечному чаду. Оно, это чадо, нуждалось в попечении и защите не менее, чем пострадавшие в боях воины. Там, у воинов, было, в конце концов, немало заботливых целителей, у крохотного же Коленьки — никого, кроме нее. Господь и Наденька, которая теперь, без сомнения, наблюдала за земной жизнью из царства небесного, не простили бы Татьяне пренебрежения *таким* долгом.

Впрочем, помимо долга руководила молодой вдовой и теплая привязанность к сиротке. Наверно, это проснулись материнские инстинкты и нерастратенная любовь к своему умершему ребенку. И Татьяна Фаддеевна растила мальчика как собственного сына. Только, верная памяти о Наденьке, она не захотела, чтобы малыш называл ее мамой. Объяснила Коле, что мама его на небесах, а она — его самая родная (и такая же любящая, как мама) тетя Таня. С той поры и пошло — «Тё-Таня»...

Федор Карлович, вернувшись с войны, служил при морском госпитале и всячески опекал сына и его Тё-Таню. Нельзя сказать, что между ним и Татьяной Фаддеевной возникли сильные

чувства, но была доброта и ласковость отношений, и все шло к тому, что дело закончится брачным союзом. Но злая судьба вмешалась и на этот раз. Делая операцию, Федор Карлович поранил скальпелем руку, в спешке не обработал как следует порез и умер от заражения крови. Случилось это осенью пятьдесят седьмого года, когда Коленьке не было еще и трех лет.

С той поры Татьяна Фаддеевна более не помышляла о личном счастье. Смыслом жизни стал Коленька.

Нет, она не тряслась над ним, как над хрустальной вазой, не баловала без меры, часто напоминала, что «ты — мальчик и должен вести себя как мальчик». Ставила в пример отца, который был «образцом офицерской чести и служебного долга». Много рассказывала об Иване Федоровиче Крузенштерне, коему Вестенбаумы приходились родственниками (правда, очень и очень дальними). Эти истории о знаменитом мореплавателе и его друзьях породили, конечно же, в мальчике мечты о парусах и заморских землях, увидеть которые (а может, и открыть новые) решил он, как только вырастет...

Впрочем, нравочениями тетушка донимала Колю не часто. Была сдержанно ласкова, а если и проявляла строгость, то в самых разумных пределах. Бывало, правда, в самые ранние годы, что награждала шлепком, но Коленька на это почти не реагировал, только удивлялся на миг. Он, кстати, и не давал поводов для сурового отношения. Рос послушным, никогда не проявлял лентяйства, рано полюбил чтение, с любопытством и охотой впитывал все, чему учила Тё-Таня.

За сдержанно-ровным отношением тетушки Коля чуткой душой улавливал ее скрытую, но горячую любовь. Порой во время нравоучительной беседы начинал смеяться, обнимал ее и с размаха целовал в обе щеки.

— Тё-Таня, ты у меня самая-самая-самая!..

— Николай! Ну, право же, это чересчур! Не забывай, что ты мальчик и должен вести себя как мальчик...

— А я и веду себя как мальчик, который любит свою тетушку!

— Ну, хватит, хватит...

По ночам она молилась, чтобы Господь и святой Угодник Николай укрепили характер мальчика, сделали более твердым и пригодным к самостоятельной жизни. Потому что придет время (а оно летит!), когда жизнь эта придвинется вплотную.

А пока жили вдвоем. На две небогатые пенсии — мужа Татьяны Фаддеевны и Колиного отца. Снимали три комнаты на втором этаже в двухэтажном обшарпанном флигеле домовладельца

Касьянова на Васильевском острове. Тетушка учила Колю французскому (на котором сама изъяснялась безупречно), греческой мифологии, русской словесности и грамматике, а также начальным действиям арифметики.

Денег хватало не всегда. Татьяна Фаддеевна, вспомнив краткую школу сестер милосердия, продолжила медицинское образование на акушерских курсах. По мнению некоторых знакомых, дело это было не для «дамы из общества», но мадам Лазунова не обращала внимания на предрассудки. Впрочем, акушерской практикой мадам Лазунова занималась лишь время от времени.

В девять лет определила она мальчика в четырехклассную прогимназию господина Юнга. Заведение было так себе, маленькое, для детей небогатых чиновников и торговцев средней руки. Даже обязательной формы здесь не требовалось. Но все же прогимназия давала право поступить без экзаменов в пятый класс настоящей гимназии. К тому же плата здесь была невысока и (что не маловажно) располагалась школа г-на Юнга совсем недалеко от их квартиры.

Учился Коля без труда. С мальчишками сильно не дружил, но и ссорился нечасто. В первом классе пришла пара раз подражаться, когда приставали (и даже заплакал разок), но в общем-то жизнь текла без больших огорчений. Наверно, потому, что в прогимназии не оказалось завязанных драчунов и задир-второгодников.

Летом иногда ездили в Петергоф или в Царское Село, где жила тетина подруга Наталья Сергеевна Рикорд. У Натальи Сергеевны был муж, профессор математики, и двое детей — Миша и Оля, примерно Колиных лет.

Но чаще Коля играл с мальчишками на пустырях за усадьбой Касьянова. Среди них был самый близкий приятель, Юра Кавалеров, сын учителя истории все из той же прогимназии Юнга. Толстоватый и безобидный озорник и выдумщик...

Но больше всяких игр Коле нравились вечера у круглого стола, под большой висячей лампой с граненым стеклом. Здесь, вставши коленями на стул и упершись локтями в край столешницы, можно было часами читать о приключениях капитана Головина в японском плену или сотый раз листать атлас, прилагаемый к старинной книге Глотова «Изъяснение принадлежности къ вооружению корабля».

Видя такой интерес мальчика к флотским делам, Татьяна Фаддеевна вполне логично пришла к мыслям о морском корпу-

се. Втайне от Коли (чтобы заранее не обнадеживать ребенка — вдруг не получится!) предприняла она немалые усилия — сама и с помощью друзей Федора Карловича, — чтобы исколотать возможность поступления. И удалось! Причем с зачислением на казенный кош! Поскольку сирота — сын заслуженного морского врача да к тому же дальний родственник знаменитого адмирала, который в прежние годы сам немало руководил корпусом.

Разумеется, Коля возликовал. Правда, под сердцем екнуло, однако дальние морские горизонты засинели так заманчиво, что страх спрятался на самом донышке души.

И сперва действительно похоже было на праздник. Свет высоких окон, за которыми Нева и рангоут учебного корабля у гранитного причала. Паркетная роза ветров в широком вестибюле. Громадный, почти настоящий фрегат в просторнейшем зале (про зал этот сразу пошел среди новичков слух, что он подвешен внутри здания на цепях и можно при случае ощутить качку; Коля, кажется, и вправду ощутил). А еще — черный со сверкающими пуговицами и белыми погонами мундирчик, выданный в кастильской красноносом, с седыми бакенбардами унтером — старым и добродушно ворчащим. Мундирчик этот (по правде говоря, слегка потертый) наделся на Коло очень ладно, будто сшитый по заказу. Не то что у некоторых других новичков...

Затем построение, блестящие трубы оркестра, строгие, но с благожелательными нотками в голосе офицера (один даже сказал не «господа кадеты», а «голубчики»). И радостное желание повиноваться во всем этим просоленным морскими ветрами капитанам всех рангов. Ибо каждая их команда, конечно же, приближает неопытного мальчика к овладению флотскими премудростями и гордому званию моряка...

А потом пришел вечер, пришло *то самое*, чего он боялся и ждал заранее.

В гулком обширнейшем дортуаре, где в несколько рядов стояли четыре десятка плоских железных кроватей, стали готовиться ко сну. Был веселый шум, баловство, маханье подушками, езда друг на друге, споры, где чье место. А за всем этим — вот она, тоска! Память о родном доме, о Тё-Тане, о граненом стекле доброй старой лампы...

Ну что же, Коля *знал*, что так будет. И Тё-Таня честно предупредила про такое. Это придется преодолеть. По-мужски. Ну... может быть, случится даже поплакать в подушку, никуда не денешься... Лишь бы дотерпеть, когда все лягут, чтобы с головой под одеяло! А то комок в горле растет и твердеет...

Явился командир младшей роты капитан-лейтенант Безбородько, несердито цыкнул: «Ну-ка все в постель, а то...» Вахтенный унтер дядька Филимон спустил длинным шестом и погасил все три лампы. Осталась лишь лампада у большого образа Николая Чудотворца. И тогда, укрывшись с головой, Коля дал волю слезам. Пожалуй, больше, чем следует будущему кругосветному мореплавателю. Ну да ничего. От других кроватей тоже слышались тихие всхлипы.

В этих слезах была даже капелька сладости. Утешение. Ведь дом-то — он не так уж и далеко, всего в нескольких кварталах. И Тё-Таня там, конечно, сейчас думает о нем, о Коленке. И, наверно, молится, чтобы Господь уменьшил его ночную печаль... А завтра все будет хорошо. А еще через три дня, в субботу вечером, он пойдет домой, в свой первый кадетский отпуск, в новенькой морской фуражке и парадном мундире с сияющими позументами. Вот уж Юрочка Кавалеров отвесит губу!..

Назавтра все было не так, как мечталось.

Ну, подъем под сигнал сиплого рожка, торопливое ополаскивание лица в тесной умывалке, построение и короткая молитва, чай с суховатой булкой, первый урок, на коем грузный и бородастый капитан первого ранга с неразборчивой фамилией говорил о славном прошлом корпуса и не менее славных правилах морской дисциплины — все это было ничуть не огорчительно и даже любопытно (хотя в горле все еще сидели колючие льдинки — остатки вчерашнего большого комка).

Затем, после удара корабельного колокола, наступила долгая перемена.

Все шумно выкатились в коридор и здесь, в бесконечно длинном пространстве, новички смешались с более старшими кадетами. Коля не успел оглянуться, как его оттеснили к стене трое мальчиков лет тринадцати. Самый высокий, с зализанной на пробор белобрысой прической, проговорил с этакой гвардейской небрежностью:

— Тэк-с, молодой человек. Судя по всему, вы новичок?

— Да...

— Следует говорить: «Да, господин кадет второго класса».

И почему вы не становитесь во фронт, когда с вами говорит старший? Ну-с?

Коля на всякий случай стал прямо. И мигал.

— Извольте же отвечать! — тонко возвысил голос белобрысый.

— Что... отвечать?

— Следует говорить: «Что отвечать, господин кадет второго класса?».

Коля придавил в себе колючки самолюбия:

— Но я не знаю, о чем вы... господин кадет второго класса? — Может быть, здесь в самом деле так полагается?

— Я вот об этом! Почему у вас пуговицы разные? — Второклассник вытянул палец к Колиной груди. Тому бы сообразить: шуточка-то известная! Но он растерянно сказал «где» и нагнул голову. Твердые костяшки пальцев с ужаснейшей болью защемили его нос!

— Вот где! Ты гляди, гляди, гляди — позади и впереди!

— А-а-а! Пусти, дурак! — Получилось «дуг'ак».

— Кто «дуг'ак»? Я «дуг'ак»? Это немыслимое нарушение суббор-ди-нации! Рахтанов, сколько *сверлилок* положено за такое дело?

— Полагаю, полдюжины, — лениво отозвался чернявый кадет с длинным скучным лицом. — На первый раз...

— Согласен. Бодницкий, займитесь...

Нос отпустили. Но белобрысый и чернявый с ловкостью умелых людей прижали Колины локти к стене, а их приятель — невысокий, с крулой, коротко стриженной головой (видимо, Бодницкий) — вдруг ухватил Колю за локоны, потянул вниз и согнутым пальцем преобильно ковырнул макушку. И еще, еще!..

Коля взвизгнул, неумело лягнул Бодницкого, но тот спешно довел дело до конца. Белобрысый второклассник назидательно сказал:

— Вот так. А в дополнение к вышеозначенному сегодня в обед передадите на мой стол свои полкранца. Я — Нельский, меня все знают...

Капли катились по Колиным щекам. Он непонимающе махнул сырими ресницами.

— Полкранца значит полбулки, сухопутная деточка, — снисходительно разъяснил чернявый Рахтанов.

Несмотря на слезы, Коля не утратил сил к негодованию:

— Да?! А может, целую?!

— Сразу видно, что новичок, — с удовольствием заметил «сверлильщик» Бодницкий. — Целую к обеду не дают. — После чего все трое разом оставили свою жертву и спешно пошли по коридору.

Коля задохнулся. От обиды, от прихлынувшей боли, от... непонимания! Да, это было хуже, чем боль!.. В прогимназии, где успел он закончить два класса, случалось всякое. Но чтобы с та-

ким вот хладнокровием и презрением, как к букашке... На того, кто слабее... Втроем на одного!

— Нельский, стойте! — он торопливо догнал обидчиков. — Стойте же! Объясните... Да, объясните! Отчего вы так... ко мне... Я же не сделал вам ничего худого...

Нельский изобразил на лице ленивое изумление:

— А мы что худого сделали?

— Это же подло! Трое на одного! Так не дерутся... даже пьяные матросы!

Чернявый Рахтанов трубочкой вытянул губы:

— У-у... А разве была драка? Тебя *учили*... Раньше, когда здесь драли за дурное поведение, ты тоже закричал бы «трое на одного»? Там ведь как было! Двое держат, а командир роты помахивает: ж-жик, ж-жик... Не пробовал такого?

— Вы мерзкие негодяи, — выдохнул Коля, готовый к немедленной смертельной битве.

Но Нельский покривился и сказал с зевком:

— Пшел прочь...

А Бодницкий облизнулся и хихикнул:

— Да не забудь про полкранца.

И они, слегка вихляясь, опять двинулись по коридору. А Коля прижался лбом к стене и сдвоенно зарыдал. От безысходности и одиночества. Потому что ведь все это видели и слышали многие и не вступились. В том числе и те, кто был из *его* роты. Те, в ком надеялся он вскоре обрести добрых товарищей... Кто знает, может, и обрел бы со временем. Ведь кто-то уже стоял рядом и сочувственно трогал за плечо. Но... как многое зависит от случайностей. Послышались мерные шаги, и взрослый бесстрастный голос спросил:

— Что произошло?

Коля в ответ захлебнулся рыданием. Прочнее прижался к стене.

— Я повторяю вопрос: что произошло?

— Его обидели... — пискнул совсем младенческий голосок.

— Я спрашиваю не *вас*, а того, кто плачет. Повернитесь же!

Коле повернулся. И, вздрагивая, на миг поднял мокрое лицо. Он разглядел тощего офицера с эполетами капитан-лейтенанта, висячим носом и похожими на шерстяные шарики бакенбардами. Глаза офицера были бледные и нелюбопытные.

— Так что же? Вас обидели?

— Да... — всхлипом вырвалось у Коли.

— Каким образом? И кто?

Коля был не совсем уж домашнее дитя. Кое-что знал и понимал. Даже в прогимназии презирали ябед. А в корпусе их, по слухам, просто сживали со света.

— Но господин капитан-лейтенант... — рыдание опять сотрясло его. — Я же не могу... быть фискалом...

Похожая на скомканную бумажку улыбка мелькнула на длинном лице. И опять оно стало невозмутимым.

— Прежде всего станьте как подобает, когда говорите с офицером. Смотреть прямо, руки по швам!

Коля дернулся, уронил руки и опять вскинул голову.

— Вот так... Далее запомните. Следует говорить «ваше высокоблагородие», а не «господин капитан-лейтенант». Вы еще не гардемарин, чтобы так обращаться к штаб-офицеру.

— Простите... ваше высокоблагородие...

— Не простите, а «виноват»... Ваше нежелание выдавать товарищей достойно понимания, однако же в этом случае не следует лить слезы, как девица. Стыдно! Ступайте в умывалку и приведите себя в порядок... Вам понятно?

— Да... То есть так точно, ваше высокоблагородие... — И вдруг вырвалось с тоскливым негодованием: — Нет, непонятно!

Офицер слегка нагнулся над Колей.

— Что именно вам непонятно?

— Почему виноваты *другие*, а кричите вы *на меня*? Разве это справедливо?

— Ого! — брезгливая улыбка мелькнула опять. — Я вижу, вы, несмотря на слезы, не утратили штатской привычки к дерзким рассуждениям. Благодарите судьбу, что сейчас иные времена. Раньше вас немедля отвели бы в экзекуторскую и всыпали дюжину горячих. А сейчас я ограничусь докладом вашему командиру роты, который, я надеюсь, рассмотрит вопрос о лишении вас ближнего отпуска... — И капитан-лейтенант пошел по коридору, меряя паркет длинными ногами...

Коля, ослабев от ужаса, побрел в умывалку. Потому что не было ничего страшнее, чем лишиться возможности в воскресенье побывать дома.

Все остальное время он был как в полусне, что-то машинально писал на уроках, автоматически двигался в строю, когда маршировали в большой зал на обед... Нельский и дружки не напомнили ему про «полкранца», но это не принесло облегчения. Командир роты Михаил Михайлович Безбородько тоже не сказал ни слова об утреннем случае в коридоре, но в его молчании

чудилась угроза. Ведь о лишении отпуска он мог объявить лишь вечером в субботу...

И все время до этого вечера было наполнено тоскливым томлением, пыткой неизвестностью, ожиданием несчастья. Иногда случались проблески надежды: «Да ну, вздор, просто поугадили, вот и все! Не станут лишать *первого в жизни* отпуска!» Однако вскоре надежда гасла и тягучий страх опять становился главным чувством. Коля погружался в него как в вязкий кисель, в котором трудно двигаться.

И как он только выдержал эти двое с половиной суток!

В субботу после обеда тоска сделалась нестерпимой и колющий ком уже совсем забивал дыхание, вот-вот рванется слезами! К счастью, Колю выкликнули в числе первых, за кем приехали, чтобы отвезти домой. И сразу все страхи показались пустяками! И мундир опять стал блестящим! А завтрашнее воскресенье представилось сплошным праздником.

И был праздник! Рассказы о первых уроках, о замечательных классах с моделями кораблей, о строгих, но справедливых порядках. Были визиты ахавших от восторга (настоящий адмирал!) тетушкиных знакомых, умиление «приходящей» кухарки Полины, торжественное чаепитие, изумление Юрки Кавалерова и других знакомых мальчишек (уже как бы отодвинутых от юного моряка на немалое расстояние). И был ласковый вечер с лампой и листанием любимых книжек. И... была уже тайная горечь от предчувствия неизбежного нового расставания.

А утром Коля расплакался, едва встал с кровати. И плакал безутешно. Татьяна Фаддеевна слишком хорошо знала мальчишка, чтобы почувствовать: это не просто печаль разлуки. Начались расспросы, и открылось, что в ощущениях Коленьки нет и капли того мажора, который он демонстрировал накануне. И что в корпусе все не так, все *наоборот*.

— Но отчего же ты не сказал всего этого вчера?

— Я *крепился*...

Разумеется, она сумела уговорить его крепиться и дальше. В скором времени придет привычка, найдутся друзья, новый образ жизни покажется естественным и даже приятным.

— Ведь впереди, мой мальчик, у тебя океаны...

Он всхлипывал и отворачивался.

Сердце тетушки надрывно болело, но что делать? Женщины не должны воспитывать мальчиков до взрослости, надобно думать о будущем. А могло ли быть более блестящее будущее, чем у морского офицера? К тому же за казенный счет...

Короче говоря, умытый и славшийся на уговоры Коля утром в понедельник был отвезен на извозчике в корпус. И пошла новая неделя.

На этих днях не случилось ни заметных обид от мальчишек, ни придинок от начальства. Капитан-лейтенант с бакенбардами-шариками оказался совсем не злым преподавателем азов морского дела. О стычке в коридоре он Коле не напоминал и даже похвалил новичка за открывшееся в нем знание рангоута и такелажа (вот она, польза от атласа Глотова!). Однако же облегчение не приходило.

По неписаному правилу плакать по ночам новичкам позволялось не более трех первых суток. Далее виновный мог быть объявлен маменькиным сыночком, слабачком и «мамзелем». И Коля не плакал. Не из-за страха перед прозвищами, а из последних остатков гордости. Но зажатые слезы лишь сильнее деляли неизбывную тоску.

Что поделаешь, если он такой уродился!..

Тоска не исчезала, а лишь каменела от того, что на глазах у одноклассников и взрослых приходилось вести себя подобно всем остальным (даже улыбаться иногда!). А по ночам рождались отчаянные планы. О том, как надерзить кому-нибудь из командиров, чтобы с треском выгнали из корпуса. Или... похитить из кастильянской еще не возвращенное домой цивильное платье, занять у мальчиков под честное слово несколько рублей и пробраться на иностранный корабль, уплывающий к американским берегам...

Да, он *крепился* в корпусе, но перед тетушкой крепиться уже не стал. В следующий субботний вечер вылил на нее все свое отчаяние.

Они были вдвоем, кухарка Полина уже ушла. Разговор получился ожесточенный, со слезами и резкими словами с двух сторон. Тетушка говорила по-французски. О том, что он, Николай, такой же, как все остальные мальчики, и не имеет права проявлять постыдную мягкотелость. Другие же терпят и привыкают!

— Ну и пусть! А я не могу!

— Надо уметь подчиняться обстоятельствам это свое «не хочу»!

— Я не сказал «не хочу»! Я *не могу*!

— А что вы, сударь, можете? Жить под тетушкиной юбкой до женитьбы?

— Не надо мне никакой женитьбы!

— Тогда до старости?

— Ну и... да. Кто-то же должен будет кормить вас на старости лет!

— Вы... нахал. И дерзкий мальчишка. Ступай спать... — Видимо, она сочла, что утро вечера мудренее.

Следующий день был мучением. С утра — тяжелое молчание, затем (вот попытка-то!) опять визиты знакомых, при которых надо притворяться счастливым избранником судьбы. А вечером — снова разговор о том же:

— Давай рассуждать спокойно и разумно. Я понимаю, что привязанность к родному дому — благородное и сильное чувство, которое достойно того, чтобы...

Нет, она все же не понимала. Дело было уже не в привязанности к родным стенам, граненой лампе, привычным книгам и к ней, Тё-Тане. Вернее, не только в нем. Дело было в *безысходности*. Страх, который возник от первой угрозы лишения отпуска, стал частью Колиного мироощущения. В корпусе была *несвобода*. Там он нисколько не принадлежал себе, им полностью распоряжалась чужая воля. Она не всегда была злая, порой даже наоборот, но *не своя*... И мысль, что придется несколько лет пребывать в ежедневном подчинении этой равнодушной воле, была страшнее смерти...

Тетушка вдруг посмотрела внимательно и сказала со вздохом:

— Ладно, ложись. Может быть, ночью... к тебе придет спокойствие.

И оно пришло. Потому что проснулся Коля с четким пониманием: *туда* он больше не пойдет. Так и сказал Тё-Тане. А еще сказал, что чувствует себя дурно и не может встать.

— Мальчик мой, но... так вопросы не решаются. Извини, но это каприз...

— Нет...

— Что «нет»?

— Все нет!

— Значит... ты никогда не станешь моряком. Так?

— Так. Нет... не знаю. Может, и стану. Для этого не обязательно учиться в корпусе.

— К сожалению, обязательно... А иначе кем же ты собираешься стать?

— Хоть кем... Закончу гимназию и медицинский факультет. Буду доктором, как папа...

— Папа был еще и офицером. И очень огорчился бы, узнав о твоём поведении... Я умоляю тебя: встань и поедем...

— Хорошо... — Он откинул одеяло и поднялся с постели.

Увидел себя в мутноватом высоком зеркале: с похудевшим серым лицом, растрепанными локонами, в длинной, как саван, рубашке. И сказал опять: — Хорошо. Едем, раз вы велите. Однако знайте, что очень скоро я там умру. — Он полностью верил сейчас, что так и будет. И даже улыбнулся с облегчением. Потом поплыло в глазах...

Полину отправили в корпус к вахтенному командиру — с письмом о неожиданном недуге воспитанника. И — за доктором.

Знакомый доктор Иван Оттович Вингер нашел у мальчика повышенную нервозность и слабость, кои вызваны были, очевидно, излишним обилием неожиданных впечатлений и резкой сменой образа жизни. Сказал, что вскоре все пройдет, и пропи- сал капли.

Принесенные из аптеки капли Коля послушно пил в течение дня. К вечеру тошнота прошла, голова перестала кружиться, осталась лишь легкая слабость. Она не мешала, однако, ощущению прочного покоя. А покой этот, в свою очередь, был вызван окаменевшей Колиной решимостью: пусть он умрет, но в корпус больше не вернется.

Так было и утром. На холодный вопрос тетушки, что он собирается делать, Коля сказал, глядя в потолок:

— Ничего.

Татьяна Фаддеевна слишком хорошо знала племянника. Гнуть мальчика можно лишь до известного предела, дальше — сломаешь. Она поджала губы... и поехала в корпус одна.

Ее принял сам контр-адмирал Воин Андреевич Римский-Корсаков. Он был крайне вежлив, но сух. Ибо ходатайство вдовы Лазуновой о своем воспитаннике, конечно же, показалось директору корпуса не более чем следствием переживаний чувствительного женского характера. И он сказал вначале все, что она ожидала. О мальчиках, которые не сразу вживаются в непростой корпусной быт; о привычке, которая вырабатывается со временем; о необходимости мужского воспитания...

— Ваше превосходительство... Я все это говорила Николаю многократно. Со всей доступной мне убедительностью. Он не из тех упрямцев, которые не желают слушать разумных убеждений и отметают всякую логику... Однако же здесь нечто такое... Видимо, это одна из тех натур, которая делает его непохожим на большинство мальчиков...

«Видимо, вы никогда не пороли эту натуру», — прочиталось на лице адмирала. Но сказал он иное:

— В наше время смягчения нравов мы прилагаем все усилия,

чтобы в корпусе дети видели свой второй дом. Наставники под- бираются с особым тщанием. Розги отменены. Воспитанию нравственности отдается немало сил...

— Я знаю, ваше превосходительство...

— И тем не менее вы настаиваете... Но вы же понимаете, су- дарыня, что ответственны за будущее мальчика. Взявши его из корпуса, вы многое в этом будущем зачеркиваете...

— Я понимаю и это... — Голос госпожи Лазуновой стал твер- же. Ибо в ответ на правильные слова адмирала в ней укрепля- лось свое, обратное этим рассуждением решение. Она сейчас как бы ощутила себя мальчиком Колей. Ощутила тоску и отчая- ние, которые испытал бы он, если бы его все же уговорили и по- везли снова в корпус. — Я все понимаю, ваше превосходительст- во. И тем не менее... Поверьте, мое решение не дамский каприз и не результат душевной слабости. Все гораздо серьезнее...

Римский-Корсаков поднялся из-за стола. Пожал плечами, отчего приподнялись и опали его густые эполеты.

— Воля ваша... Татьяна Фаддеевна. Конечно, вы хорошо знаете мальчика, и, возможно, у него действительно... скажем так... нет никаких склонностей к морской службе. Не смею на- стаивать далее, чтобы не взять грех на душу. Позвольте, однако, напоследок дать вам совет...

— Я выслушаю его с благодарностью... Воин Андреевич.

— Исключать Николая фон Вестенбаума из кадет приказом за нежелание быть в корпусе, конечно же, не следует. В конце концов, это может стать известным и нежелательно сказаться в будущем. Я полагаю, у вас есть какие-то знакомства с друзьями его отца, Федора Карловича...

— И что же?

— Я говорю о друзьях-медиках. Надеюсь, они не откажут вам подписать бумагу, что мальчик не может находиться в нашем учебном заведении по открывшемуся нездоровью.

— Но... позволительно ли хлопотать о том, что не соответст- вует истине?

— Это формальность. Она позволит сохранить приличия и оградит вас от необходимости неприятных объяснений при воз- вращении Николая в прежнюю школу...

Знакомые, конечно, были. Один из главных врачей морского госпиталя Дмитрий Сергеевич Валахов тщательно осмотрел раз- детого, бледно-синего от волнения Колю, затем о чем-то долго (видимо, для придания серьезности всему происходящему) го- ворил со своим помощником Николаем Федоровичем (Коли-

ным тезкой!). Тот в свою очередь тоже осмотрел мальчика. Затем они вручили Татьяне Федоровне (которую пригласили из соседней комнаты) бумагу. В ней было написано, что сыну военного врача Федора Карловича Вестенбаума Николаю обучение в военном заведении решительно противопоказано по причине слабости легких.

— Благодарю вас, Дмитрий Сергеевич... — видно было, что тетушке очень неловко.

— Не стоит благодарности, Татьяна Фаддеевна... Кстати, я чувствую себя преступником, что столь долгое время не навещал вас. Не будет ли мне позволено...

— Дмитрий Сергеевич! В любой вечер! Хоть сегодня же!

— Через несколько дней, если позволите. Когда вы уладите дела в корпусе...

Он и в самом деле явился с визитом на следующей неделе. Колина кадетская форма была уже возвращена в кадетскую, и он, повеселевший, хотя и смущенный, встретил доктора в привычной своей штатской курточке. Тот потрепал «пациента» по щеке. Затем глазами показал Татьяне Фаддеевне, что хотел бы остаться с ней наедине. Та под удобным предлогом отослала Колю из гостиной.

— Дмитрий Сергеевич, вы видите, он ожил. Я еще раз хочу поблагодарить вас...

— Голубушка Татьяна Фаддеевна, подождите. Увы, благодарить не за что. Поскольку все написанное в медицинском заключении — правда...

— Господи... — Она села, уронив руки.

— Ну, не впадайте в отчаяние. Это не та стадия, когда надо думать об ужасном. Однако же должен сказать, что уделяя немало внимания, так сказать, нравственной стороне воспитания, вы, видимо, не всегда помнили о необходимости наблюдать за здоровьем мальчика...

— Но он никогда не жаловался!

— К сожалению, бывает, что *это* подкрадывается незаметно. И можно почитать за счастливую удачу тот случай, который привел вас и Колю ко мне. Поскольку неизвестно, когда еще разобрался бы с его состоянием корпусной врач...

— Что же делать? Голубчик Дмитрий Сергеевич...

— Скажу прямо: здешний сырой климат не для мальчика. Весьма благотворной была бы длительная поездка в южные области, на теплое побережье. А еще кардинальнее — постоянное там проживание. Например, Ялта...

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Надо знать Татьяну Фаддеевну Лазунову! Особенно в решительные моменты жизни... Под аханья и причитания знакомых дам, которые дружно считали «самоубийственной идеей» так отчаянно срываться с места и мчаться в неведомые края, неизвестно к кому, да еще в осеннюю распутицу, тетушка все решила за неделю. Расплатилась за квартиру, раздарила множество книг подругам, поручила им распродать оставшееся имущество, упаковала чемоданы и купила билеты на поезд.

Коля, не чувствовавший в легких никакой слабости и не очень-то поверивший в свою болезнь, воспринял свалившиеся события как подарок судьбы. Как радостное обещание удивительного путешествия и многих приключений. Ура!.. Он помогал тетушке в сборах и уверял ее, что «здоров, как целое войско спартанцев» и что во время всего пути до Крыма он «даже вот ни на столько» не вздумает занедужить.

Надо сказать, он сдержал слово. Ни в поезде до Москвы, а потом до Курска, ни в долгом путешествии на лошадях по Южной России (целая неделя в трясском экипаже с ночевками на почтовых станциях) он не пожаловался ни на какую хворь. Наоборот, порозовел, глядел на все блестящими любопытными глазами и не показывал ни малейшего утомления. Это можно было бы приписать радостному возбуждению от дороги, но не столь же долгое время!.. Татьяна Фаддеевна робко радовалась и, бывало, крестилась на колокольни тянувшихся вдоль шляха сел и станиц, хотя вообще-то не привыкла показывать излишнюю религиозность...

В маленькой зеленой Балте, куда лишь в прошлом году протянули от Одессы рельсовый путь, снова сели на поезд. А в Одессе прожили три дня, отдыхая от долгой дороги и радуясь укладу большого города. Погода во время всего пути стояла теплая, порой похожая на август. А здесь, у моря, было совсем лето. Правда, желтели уже каштаны и шуршала сухими листьями акация, но цвели на бульваре розы, крепко нагревало камни солнце, а южное море было удивительно синим и спокойным, совсем не похожим на серую Балтику.

Таким оно, море, было и в то утро, когда сели на пароход РО-ПИТа «Андрей Первозванный».

Пароход был небольшой, но красивый, блестящий белой краской. С чуть склоненными назад мачтами, с длинным (как на паруснике!) бушпритом и плавно выгнутым форштевнем. Коля с

новой радостной дрожью ощутил себя искателем приключений и кругосветным путешественником. Одно огорчало — уж слишком благостная стояла погода. Зато Коля впервые увидел открытое море во всех сторонах горизонта — ничего, кроме воды!

А к вечеру похолодало и солнце село в длинное серое облако. Что это за примета, известно всякому, кто читал морские книжки. И примета не обманула! Часа через два сгустившаяся тьма загудела, в мачтах засвистело (так, по крайней мере, чудилось Коле), в стекла иллюминатора ударили брызги. Пароход качнуло раз, другой. Он пошел носом куда-то вниз, потом вверх, потом опять вниз.

— Это шторм! Я пойду посмотрю! — Коля кинулся к двери каюты.

— Не смей! Не вздумай соваться наружу!

— Но это же шторм!

— Вот именно!.. О-о...

Даже в тусклом свете масляной лампы было видно, какой бледной сделалась тетушка. На лбу ее блестели капли. Согнутым мизинцем она дергала стоячий воротничок платья.

— Тё-Таня, у вас морская болезнь! — радостно догадался Коля. — Не бойтесь, это не опасно! Вы привыкнете!

Морская болезнь — это ведь тоже признак штормовых приключений. Конечно, если она не у тебя, а у других. Сам Коля не чувствовал никаких признаков укачивания, хотя двухместная каютка уже болталась в пространстве, как картонная коробочка на шнурке, которой играет расшалившийся кот.

— О-о, я не думала, что это такая мука... — слабо стенала Татьяна Фаддеевна, привалившись к пыльной спинке плюшевого диванчика. — А ты... ты неужели ничего не чувствуешь?

— Качает! Но ведь так и полагается, если буря!

Не ощущая страданий, Коля (увы!) не мог проникнуться во всей мере и болезненным состоянием тетушки. Он поймал поскользкому полу баул, выхватил из него лимон.

— Тё-Таня, вот! Жуйте прямо с кожурой. Говорят, это очень помогает при качке.

Татьяна Фаддеевна, которой раньше и в голову не пришло бы есть немый и неочищенный фрукт, впилась в лимон зубами.

— М-м... О-о...

— Вам легче, да?.. Ну, можно мне на минутку на палубу? А то шторм закончится, а я и не увижу!

— Сядь! Не хватало еще, чтобы тебя смыло!

— Я вцеплюсь в поручни!

— Я тебе вцеплюсь... Не суйся за дверь! Ты хочешь моей смерти?

Уж этого-то Коля (конечно же!) не хотел! Осознавши наконец серьезность ситуации, он схватил тетушкин веер и начал обмахивать ее, работая, как ветряная мельница.

— Благодарю... Ох... Конечно, это мне за грехи... но что будет с тобой, если я здесь умру?...

— Да нет же, Тё-Таня, от качки никто не умирает, я читал!.. А еще читал, как от нее спастись! Зажмите нос и надуйте щеки изо всех сил, так чтобы воздух пошел из ушей! Сразу полегчает!

В другое время Татьяна Фаддеевна сочла бы такой совет «неприличным фантазерством». А сейчас, не видя иного спасения, поступила по Колиной инструкции. Неизвестно, пошел ли из ушей воздух, но на короткое время стало тетушке полегче. Или просто в ней возобладало чувство долга. Проглотив кусок лимона и водрузив пенсне, она велела Коле снять сапожки и курточку, укрыться пледом на диванчике и «до утра не предпринимать никаких самостоятельных шагов».

— Может быть, к утру этот ужас кончится...

«Хоть бы не кончился! А то ведь и не увижу...»

Расходившееся море убаюкало мальчишку, как веселая нянька. Коле снилось, что он на палубе, над головой гудит тугая парусина косо развернутых для крутого бейдевинда марселей и брамселей, а в лицо летит соленая пена. Иногда сквозь сон слышал он звуки, похожие не то на утробное рычание пантеры, не то на сдавленные рыдания мучеников в аду (это или снова страдала тетушка, или рокотала снаружи штормовая погода), но очнуться полностью не мог. Проснулся лишь утром, когда за круглым стеклом летел зеленовато-серый сырой воздух.

Лампа моталась у потолка, будто одуревший маятник, и не горела: видно, погасла от качки. У тетушкиной койки валялись на полу влажные полотенца (Коля поморщился). Но зато тетушка спала. Лицо ее было похудевшим и светло-серым, но спокойным. И дышала она, кажется, ровно.

Коля решил, что грешно упускать момент. Танцуя на уходящем из-под ног полу (то есть на палубе!), натянул он сапожки, сунул руки в суконные рукава, отпер дверь и при новом качании захлопнул ее за собой. В узком коридоре было полутемно и пахло кислым. Коля, толкаясь ладонями то об одну, то о другую стенку, добрался до крутой лесенки (именуемой, конечно, трапом). Дождался перерыва между двумя размахами волн и стремительно взбежал наверх.

Он оказался на узкой палубе, протянутой вдоль каютных окон. Над медным решетчатым ограждением взлетел гребень, ударил по щекам шипучей солью. Коля тихо взвизгнул. Вцепился в мокрый поручень, вытянул шею навстречу ветру. Море было сизо-зеленым с длинными изгибами пены. Вздрыбленное, мчашеся куда-то. И небо мчалось. Серое, но вовсе не унылое. В этой серости была пестрота! В ней мешались пепельные, серебристо-дымчатые и почти черные, угольные клочки и мохнатые облачные туши. Ворочались, клубились, летели. Сквозь них иногда проскакивала желтизна...

Однако отсюда видна была лишь половина моря. И Коля метнулся по новому трапу, выше! Он очутился на самой верхней палубе, неподалеку от гудящей фок-мачты. Швыряла в низкие тучи свой черный дым громадная желтая труба с эмблемой РО-ПИТа. Но Коля глянул на нее лишь мельком. Он встал на пустой палубе, навалившись грудью на трубчатый релинг, и смотрел только на море. Оно победно ревело со всех сторон, и ветер ревел. Он старался оттащить мальчишку от поручней, но тот держался и весело мотал головой. Волосы отлетали назад. Они были в брызгах, потому что брызги эти густо летели навстречу даже здесь, наверху. Одежда пропиталась сыростью — как и положено при морских передрягах. Коля восторженно наблюдал, как длинный желтый бушприт с белым носом то устремляется в подножие встречной шипучей волны, то чуть ли не втыкается на взлете в крутящиеся облака. И холодно вовсе не было! А влажные запахи моря просто распирала легкие!..

— Откуда вы здесь взялись, молодой человек? — Голос был густой и громкий, под стать морю. Это возник рядом человек в наглухо застегнутом плаще — блестящем, как жидкая смола. В остром капюшоне. Лицо под капюшоном показалось симпатичным — вроде как у Николая Федоровича, помощника доктора Валахова. И Коля ответил бесстрашно:

— Я из каюты номер четыре, господин капитан.

— Не лучше ли вам было остаться в этой каюте? Погода не для прогулок.

— Нет, что вы! Ничуть не лучше! Я хочу посмотреть! Я такого еще не видел!

— Вот как! И вас не пугает возможность быть сдутым за борт?

— Я держусь изо всех сил!

— И не страшно?

— Нет!.. А это настоящий шторм?

— Вполне... Хотя и не из самых сильных... Взгляните левее,

видите высокий берег? Это мыс Тарханкут. Здесь часто бывают такие переделки, особенно осенью... А вы первый раз в море?

— Я плавал по Финскому заливу до Петергофа, но в такую погоду не попадал. Ни разу так не повезло, господин капитан...

— Мне кажется, в вас есть морская косточка... Только я не капитан, а вахтенный штурман. Василий Васильевич Хлебников. А вас как зовут, сударь?

Цепляясь за релинг, Коля все же постарался сдвинуть каблуки:

— Николай фон Вестенбаум, господин штурман.

— О!.. И что же, фон Вестенбаум, вы путешествуете один?

Коля уже готов был объяснить, что путешествует со своей замечательной тетушкой, у которой лишь один недостаток — подверженность морской болезни. Однако Татьяна Фаддеевна появилась здесь сама. Видимо, страх за племянника оказался сильнее всех страданий, и она одолела их в отчаянных поисках мальчишки на взбесившемся от шторма пароходе. На лице ее читалась мука, в движениях — слабость, и все же главным было сдержанное негодование.

— Николя! Это... выходит за пределы всяких приличий! Как ты смел? Я запретила уходить из каюты!

— Но только до утра! А уже утро!

— Несносный мальчишка... Ай!

— Держитесь, Тё-Таня!.. Василий Васильевич, это моя тетя Татьяна Фаддеевна!.. Тё-Таня, это вахтенный штурман Василий Васильевич Хлебников!

Штурман Хлебников поднес два пальца к капюшону. Тетушка, вцепившись в трубку поручня, сделала судорожный кивок. Юбка ее трепетала, как знамя.

— Весьма приятно, сударь... Простите этого негодника... Николя, марш вниз!

— Но тетя, — лукаво сказал Коля. — Здесь капитанский мостик. На нем командуют не дамы, а морские офицеры.

— Я тебе покажу... даму... Господин штурман, велите этому негоднику спуститься в каюту. Он промок, и у него слабые легкие.

— В самом деле, Коля. Вы уже довольно полюбовались стихией... — Затем штурман нагнулся к нему. — Надо снисходить к женским слабостям...

— Да. Я сейчас... Только скажите, а скоро уже Ялта?

— Еще весьма не скоро. Погода задерживает нас. К тому же

мы, увы, сделали промашку, не загрузили полностью бункера, случилась нехватка угля...

— А паруса в помощь машине поставить нельзя? Рангоут, кажется, позволяет... — Коля с видом знатока глянул на фок-мачту с двумя длинными реями.

— Иногда мы так и делаем, но сейчас-то ветер встречный...

— Ах да! — Коля смутился из-за своей промашки, но тут же с тайной надеждой задал новый вопрос:

— Значит, нас может выбросить на берег?

— Ни в коем случае! — Хлебников глянул на Татьяну Фаддеевну. — Однако может случиться, что угля не хватит до Ялты и придется заходить в Севастополь...

— Но это же замечательно! — возликовал Коля.

— Для кого как...

— Николая! Ты испытываешь судьбу! И меня.

— Иду... Прощайте, господин штурман. Спасибо...

— Прощайте, фон Вестенбаум. Всего доброго, сударыня, держитесь за племянника. К сожалению, не могу покинуть мостик и проводить... Коля, подожди-ка!

Это было так неожиданно! Хлебников откинул вдруг капюшон, снял черную фуражку с широким кожаным козырьком и узким подбородочным ремнем. Покачнувшись, нахлобучил на Колю.

— Носи, юнга! На память о морском крещении. И за смелость...

Мог ли он мечтать о *таком*! Чтобы настоящий моряк на настоящем морском судне подарил ему настоящую капитанскую фуражку! И не просто так, а в награду! За то, что не боялся шторма, когда все другие пассажиры легли по каютам...

От счастья Коля размяк и сделался послушным. В каюте он безропотно позволил тетушке стащить с него влажную одежду и закутать его в плед. Затем проглотил ложку приторного лечебного ликера («поскольку горячего чая сейчас ни у кого не допросишься»). Потом он сидел, втиснувшись в угол между каютной переборкой и спинкой дивана, держал на коленях фуражку и гладил ее, словно кошку. Разглядывал на ней каждую мелочь: медные пуговицы, петельки на ремешке, тисненую латунную эмблему со скрещенными якорями...

— Он сказал, что у меня морская косточка. А вы говорили: «Ты никогда не станешь моряком».

Собрав остаток сил, тетушка назидательно разъяснила, что высказывание на палубу во время ужасной погоды (без спросу!) — это вовсе не путь к овладению морской профессией. А путь — старательное прохождение всех наук в морском учебном заведении. Но море, видимо, было не согласно с госпожой Лазуновой. Оно вздыбило пароход, затем повалило его набок, и Татьяна Фаддеевна со стоном легла на постель, отдавшись новому приступу страданий...

К Севастополю подошли вечером. Ветер к тому времени поутих, волнение ослабело, облака на западе разошлись, и солнце выбросило из-под них лучи громадным, в полнеба, веером. Освещенный ими город на берегах Северной бухты показался Коле чудом. Издали не было видно разрушений. Белый камень строевый отражал золотистый ласковый свет, и невозможно было представить, что почти все здания разбиты, пусты и мертвы. Тем более что в бухте шла обычная морская жизнь: ныряли среди зыби ялики, дымили высокими трубами паровые катера, два закопченных буксира неторопливо разворачивали у берега с приземистым каменным фортом длинный черно-белый пароход (кажется, иностранный).

На якорь стали, когда солнце уже ушло. По берегам и на плавающих бочках задрожали разноцветные огоньки, на дальней горе замигал красный маяк...

К борту подошел вельбот, матросы помогали пассажирам спускаться по шаткому трапу. Коля-то сошел, конечно, сам, а тетушку держали сзади и спереди. Потом подали вещи. Короткая зыбь резко встряхивала шлюпку, черная вода пахла йодистым рассолом, а с берега несло запахом теплых камней и сухих листьев...

То, что зашли в Севастополь, Татьяна Фаддеевна сочла милостью Господней. «До Ялты я живой не доплыла бы...» Решено было остановиться здесь на два-три дня. Это даже хорошо, что так получилось. Ведь все равно пришлось бы из Ялты приезжать в этот город. Не могла же Татьяна Фаддеевна, оказавшись в Крыму, не посетить место, где погиб брат, не побывать на его могиле!

— И вообще... я полагаю, долг всякого русского человека побывать здесь при первой возможности и почтить память всех, кто poleg в эту землю во время героической обороны, — строго сказала она Коле. А он разве спорил? Наоборот! Он считал в точности так же, только не смог бы высказать это столь торжественно...

Пассажиров, сошедших на берег, было немного. На приста-

ни сразу подступили к ним несколько бойких приказчиков, предлагая доселиться в гостиничных номерах. Через полчаса Татьяна Фаддеевна и Коля уже заняли комнату в «Пансионе г-на Тифокина» — длинном двухэтажном доме неподалеку от разрушенной Николаевской батареи. Когда подъезжали на пролетке, Коля заметил в свете желтого фонаря, что левое крыло пансиона представляет собой развалины, однако главная часть здания оказалась вполне приличной гостиницей. И ужин в номер принесли по первой же тетушкиной просьбе. И даже ванна была — правда, одна на несколько номеров и за особую плату...

Утром поднялись поздно. Зато Татьяна Фаддеевна чувствовала себя уже бодрой. Коля — тем более. Решено было, что после завтрака первым делом отправятся на Северное (или, как его еще называли, — Братское) кладбище. Долг прежде всего.

Погода была такая же теплая, как в Одессе. Так же шуршали на камнях листья акаций и каштанов. Только больших деревьев было мало. Зато много мелкой и по-летнему зеленой поросли у каменных заборов и разбитых, с пустыми окнами, домов. В ключевой траве желтело густое мелкоцветье. Ветер почти стих, в желто-серых облаках всюду светилась синева.

От знаменитой Графской пристани с ее уцелевшей колоннадой и мраморными львами переехали на ялике на Северную сторону. Заросший седой щетиной яличник в рваной морской фуражке размашисто махал веслами и ухитрялся ловко ставить шлюпочку скулой к наиболее дерзким гребешкам все еще не улегшейся зыби — так что ни один клочок пены не попал на «барыню» и мальчика. Гребец охотно отозвался на тетушкины распросы и поведал, что в войну был на разных батареях, а в конце осады — на Третьем бастионе, где «англичан мы откинули с большим для них срамом, и ежели бы так везде, то город бы не отдали ни в коем разе, вот вам крест».

Резкую короткую качку от зыби Татьяна Фаддеевна перенесла мужественно.

Получив от «барыни» небывалую плату — серебряный рубль, — яличник сказал «покорнейше благодарим, дай вам Бог всякой радости» и подробнее объяснил дорогу, «хотя чего говорить, ступайте все прямо да прямо, а ежели угодно, то там, повыше, бывают извозчики».

Татьяна Фаддеевна не стала брать извозчика, ей, видимо, представлялось, что пеший путь будет данью уважения погибшему брату.

Версты две шли кремнистой дорогой — то пустырями с

пыльной колючей травой, то вдоль белых каменных изгородей и сложенных из такого же камня хаток. Кладбище лежало на плоском бугре. Больших деревьев не было, но бугор покрывала желто-зеленая шуба густой поросли. Даже издалека видно было, как там джунгли.

— Господи... Николая, где же мы там отыщем Андрея Фаддеевича...

Оказалось, однако, что все не так уж сложно.

Вход на кладбище отмечен был двумя каменными пирамидами. Рядом стояла сложенная из пористых камней сторожка. Вышел похожий на яличника седой сторож (наверно, тоже ветеран). Татьяна Фаддеевна, поздоровавшись, объяснила что к чему.

— Та заходите, сударыня. Заходишь ты, паныч...

В комнатухе старик извлек из сундука большущую растрепанную книгу, начал с бормотаньем водить скрюченным пальцем по страницам. Потом с усилием распрямил спину:

— А чего глядеть, я и так всех помню. Поручик Весли, это ведь из тех, кого привезли первыми сюда, на Северный-то край... Извольте, я покажу. Только тропинки туда почти нету, редко кто бывает нынче...

В самом деле, пришлось пробираться сквозь заросли дрока, пригибаться под низкими ветками кизила, смахивать с лица чешую сухих листьев акации, шагать через чертополох. У тетушки оторвалась от подола оборка, у Коли разодрался над сапожком чулок, нудно зудели под ним царапины.

— Сколько всего понарастало за двенадцать-то лет, — вино-вато покряхтывал сторож. — А вначале была голая глина... Вот оно, здесь, подойдите, сударыня... Обратную дорогу сыщете без меня?

— Найдем, найдем. Спаси вас Бог, голубчик...

Холмик затерялся в высокой траве с мелкими синими цветами. Над травой прямо, по-военному, стоял плоский серый камень — в давнюю пору позаботились друзья-офицеры. Хорошо видна была выбитая надпись:

*Поручик
Андрей Фаддеевич Весли*

Убит 5 октября 1854 года

*Всех исполнивших долг
да примет Господь*

— Сними фуражку, — строгим шепотом сказала Татьяна Фаддеевна.

— Ой... — Коля торопливо сдернул капитанку.

Татьяна Фаддеевна встала на колени. Коля помедлил чуть-чуть и опустился тоже. Тетушка шептала какую-то молитву. Коля, по правде сказать, никаких горьких чувств не испытывал, но тоже пошевелил губами. Молитв, кроме «Отче наш», он до конца не помнил, а эта казалась здесь неподходящей, и он прошептал просто:

— Господи, пусть у тебя на небе будет хорошо моему дядюшке Андрею Фаддеевичу. Правда, я его никогда не видел, но знаю, что он был храбрый офицер... — И мелькнула в голове непрощенная добавка: «Не то что я...»

«Но я же не струсил в море!» — сердито возразил он себе.

«А в других случаях? А в корпусе?..»

«В корпусе — это не трусость. Это...»

«Что?»

«Ну... я не знаю. Господи, прости меня, если можно. Я постараюсь впредь быть... ну, тверже в душе, да. Правда...»

Татьяна Фаддеевна тронула его за плечо.

— Идем, Николая... Надо бы здесь привести все в порядок, но боюсь, что не под силу...

Они пошли обратно. Через заросли, потом по тропинкам, потом по главной дороге, мимо недостроенного громадного храма-памятника, который обещал стать похожим на египетскую пирамиду. У выхода снова зашли в сторожку. Старик смотритель, получивший, как и яичник, серебряный рубль, заверил, что приведет могилу поручика Весли «в самое надлежащее состояние, не сомневайтесь, сударыня»...

Вернулись в пансион, и Татьяна Фаддеевна до обеда зашивала прорехи. Пообедали в маленьком ресторанном зале. Затем отправились в Михайловский собор, что подымался среди пустых разбитых домов на Екатерининской. Татьяна Фаддеевна заказала панихиду по брату. Они отстояли в почти пустом храме короткую поминальную службу, одарили у выхода мелочью нескольких нищих и в расхлябанной извозчицкой коляске поехали на Малахов курган.

Лошадка двигалась неспешным шагом. Между плит стояла сухая трава. Кое-где торчали у тротуаров совсем облетевшие, казавшиеся обугленными деревья. Медленно двигались назад пусты, с темными провалами окон здания. Некоторые даже сейчас были красивы, будто строения Эллады или Древнего Рима, — с

колоннами и портиками, с остатками барельефов на фронтонах. Изредка заметны были в домах застекленные окна, попались на глаза даже две или три магазинные вывески, но они лишь подчеркивали всеилие и громадность развалин.

— Пустыня... — вполголоса произнесла Татьяна Фаддеевна. Коля молчал. Развалины и пугали, и притягивали. Было в мертвом городе что-то манящее. Да нет, не в мертвом. Чудилась в пустых домах своя жизнь, только особая, таинственная. «Чоп, чоп, чоп», — равномерно стучали о плиты копыта, и похожие на удары колотушек эхо отскакивало от стен.

Все дома были сложены из брусьев местного известняка — инкерманского камня. На них давно уже не осталось следов гари. Дожди их вымыли, ветры выскоблили камни. Развалины белели так же чисто и сухо, как белеют конские черепа в знойных безводных степях.

Кое-где вместо зданий, разбитых, но сохранивших формы, лежали просто груды камней — тоже белых и чистых. Сквозь них торчали высокие сорняки.

— Господи... Можно представить, какой ужас творился здесь тогда, — опять заговорила Татьяна Фаддеевна.

Коля не откликнулся, но попытался представить — грохот, крики, стоны вместо тишины. Оранжевые вспышки и черные клубы вместо белых камней (черный и красный всадники!). Так оно и было, конечно. Вон сколько следов от ядер на стенах. И неровные дыры, и отпечатки чугунных шаров. Колин взгляд почему-то особенно притягивали эти отпечатки — их круглая аккуратность. Гладкие шары, не пробив стену, отскакивали и оставляли в камне ровные, словно отшлифованные внутри ямки...

— А вот, господа, ежели угодно, дом Эдуарда Иваныча Тотлебена, который, значит, во время осады строил укрепления, — вдруг подал голос извозчик (сипловатый и, кажется, пьяненький мужичок). — Первый помощник был у Павла Степаныча...

— Он и сейчас здесь живет? — сунулся Коля с вопросом (довольно глупым, как он понял потом). Дом сохранился лучше других, заметны были следы ремонта, в нижнем этаже блестели стекла.

— Сейчас он генерал-губернатор в Одессе, — строго отозвался мужичок. — А может, нынче еще куда определили, нам не сказывают... А в доме, говорят, будет вроде как кунсткамера или музей, где выставят всякие вещи и трофеи, что остались от осады. И даже фуражку Павла Степаныча, пулей пробитую...

И описано будет, что и как, чтобы заезжие господа вроде вас, у которых есть интерес, могли про все узнать в подробном виде...

Колю царापнуло это «заезжие господа». Неловко чувствовать себя на месте боев любопытным гостем. Он хотел было ответить извозчику про погибшего здесь дядюшку (ну, пусть это не кровный дядюшка, но все же родственник). Однако не решился.

Слева между развалинами порой проблескивала зеленоватосиняя вода Южной бухты. Потом дома расступились на целый квартал, и бухта с поворота улицы сделалась видна чуть ли не целиком. Вот уж там-то не было никакой тишины и мертвечины! Сновали катера, вельботы и ялики. Дымили у пирсов два закопченных парохода. Паровой катер с натугой волок посреди воды длинную, с двумя рядами бортовых люков баржу без мачт. Кажется, бывший фрегат (Коля убедился в этом, когда мысленно выстроил над осевшим корпусом рангоут).

На другом берегу подымались длинные строения и эстакады, на них мельтешило множество людей. Это РОПИТ восстанавливал старые и строил новые доки. Вдоль воды тянула подводы с бревнами вереница лошадей. Ухали тяжелые удары, пересыпаемые дробным металлическим звяканьем. Казалось, что звенят солнечные блики — лучи, пробив облака, швыряли на воду искрящуюся чешую.

Коля загляделся, перегнувшись через край коляски, и, конечно же, услышал:

— Николай, ты вывалишься под колеса.

Ох, когда же его перестанут считать маленьким?

«Могли перестать, кабы не сбежал от корпуса...»

«Я разве виноват, что в легких открылась хворь?»

«Ты сбежал до хвори. Так что не крутись, не вертись...»

Тут, к счастью, начался спуск к бухте, колеса и подковы застучали чаще, тетушка ухватилась одной рукой за сиденье, другой за Колю...

По широкой дамбе — по Пересыпи, — которая отделяла оконечность бухты от заросшей пустоши, переехали на Корабельную сторону. У дамбы Коля заметил несколько большущих ржавых якорей и пушечных стволов — они, никому не нужные, лежали в грязи. Но разглядывать было некогда.

На Корабельной стороне сперва ехали вдоль могучей полуразрушенной стены старых доков с засевшими в камнях ядрами. Потом взяли правее. Здесь тоже хватало развалин. Только они были мелкие, одноэтажные. И среди них встречались там и тут вновь отстроенные аккуратные хатки под оранжевой черепи-

цей — жизнь брала свое. Горланили петухи, жевали сухую траву у каменных заборов клочкастые козы.

Вот и курган. Тот самый знаменитый Малахов? Невысокая горка. Наверх ведут перекошенные каменные ступени и глинистая дорога. Отпустили извозчика, пошли пешком, хотя он предлагал довести «до макушки».

Здесь тоже паслись козы, хозяйева которых, видимо, пренебрегали знаменитостью этого места.

— Тё-Таня, смотрите! — Из травы с сухими зубчатыми листьям поднимался памятник, о котором Коля слышал не раз. Каменная пирамидка с черным деревянным крестом. На кресте надпись по-французски:

8
Septembre
1855

*Unis pour la Victoire, | Du Soldat c'est la Gloire!
Réunis par la Mort, | Des Braves c'est le Sort!*

Если бы Коля даже не знал языка, он все равно не ошибся бы в том, что написано. Перевод надписи был известен всем:

Быть заодно для победы
И смертью соединиться вновь —
Вот слава солдата,
Вот удел храбрецов!..

Это по приказу генерала Мак-Магона (странно: француз, а фамилия шотландская!), чья дивизия взяла курган, положили в братскую могилу вместе русских и французских солдат, погибших здесь в последней схватке. И поставили общий памятник... Да, что ни говорите, а французы были благородными противниками. В отличие от наглых и не очень-то доблестных англичан, которые не снискали славы ни на одном бастионе...

Татьяна Фаддеевна шепотом прочитала надпись, перекрестилась и взяла Колю за плечо.

— Я думаю, после всего, что здесь было, люди поняли, какой грех они совершили перед Создателем, и не допустят больше никаких войн. По крайней мере, на этой земле, где и так больше костей, чем глины...

Коля согласно молчал. Он был не из тех, кто мечтает о бранных подвигах. Ну да, читать про войну интересно, и играть в нее

бывает увлекательно, и случается, что надо воевать, если дело касается защиты справедливости (кто их, французов и англичан, звал сюда, на нашу землю!). Однако же, если представить всерьез, радости тут никакой — всаживать в человека штык или реше- тить его пулями. А подвиги можно ведь совершать и не на войне, а при открытиях неизведанных земель и в борьбе со стихией!.. И хорошо, что все кровавые дела, которые творились здесь, те- перь уже в прошлом, поросли травой и стали памятью. И нико- гда (конечно же, никогда!) ничего подобного не повторится. По- этому можно без тревоги лазать по брустверам и заглядывать в жутковатую черноту амбразур оборонительной башни...

Там и тут видны были осевшие и заросшие насыпи. Рядом с ними — ржаво-черные туши корабельных орудий. Некоторые на перекошенных лафетах, а другие просто так, одни стволы, полу- зарытые в землю. Коля осторожно трогал их ладонью. Чугун был тепловатым от осеннего солнца.

На свободной от травы площадке темнел выложенный из ядер крест — место, где смертельно ранили адмирала Корнилова (в тот же день, когда погиб поручик Весли). Кое-где стояли столбики с дощечками, на них надписи, обозначающие батареи.

Тетушка, придерживая над колючками подола, едва поспе- вала за неугомонным мальчишкой.

— Николя! Ты свернешь себе шею! И я следом за тобой!..

— Нет, что вы! Не сворачивайте!.. Тё-Таня, смотрите, как тут все вместе!..

В самом деле! Раньше ему казалось, что Малахов курган — громадная гора со склонами длиною в несколько верст, а кру- гом — широченные, до горизонта пустоши, перерытые траншея- ми. «Поле боя». На таком поле и должна была разворачиваться грандиозная битва за Малахов курган. А оказалось — все рядыш- ком. Вот место, где упал от пули в висок Нахимов. Вот батарея Жерве, которую во время штурма захватили французы, но тут же откатились под ударом солдат, которых возглавил генерал Хру- лев. Вот оборонительная башня с разбитым верхом. С нее адми- рал Нахимов не раз смотрел на позиции врагов, а в подвале ее долгое время была квартира другого героического адмирала — Истомина...

У башни к ним подскочили трое обтрепанных (один даже бо- сой) мальчишек.

— Барыня, купите на память о Малахове! Вот медалька фран- цузская, вот пульки от ихних и наших ружей, вот «гудзики» с мундиров. Разные...

Уже после Коля узнал, что «гудзики» — это пуговицы. По- малороссийски. А сейчас он торопливо полез в карман армячка, где лежали несколько пятак и копеек. Но Татьяна Фаддеевна сказала поспешно:

— Нет-нет, мальчики, нам не надо. — И за плечо отвела Колю.

— Тё-Таня, но почему! — взвыл он.

— Потому... Разве *такое* покупают?

— Ну, тогда я сам найду!

И правда, поколупав каблуками сыпучую рыжую землю, от- рыл почти сразу несколько остроголовых пуль и чугунный чере- пок — явно осколок бомбы.

— Выбрось немедленно!

— Но *почему*? Я же не купил, я сам!

— Это может взорваться!

— О-о!.. — Коля закатил глаза, пораженный дамской дрему- чеством в военных вопросах. — *Как* оно взорвется? Это же просто свинец и чугун!

— А как взрываются чугунные ядра?

— Не ядра, а бомбы! Если в них начинка из пороха!

— Здесь тоже может быть... — сказала она уже менее уверенно.

— Ну, Тё-Таня!.. Ну, слов нет... — И Коля решительно опу- стил находки в карман.

Потом они постояли спиной к башне. Лицом к городу. Вече- рело. Город под желтым солнцем опять казался живым, не тро- нутым войной. Блестящими клинками врезались в него длинные бухты, за мысом со знаменитым Константиновским фортом до самого горизонта искрилось море. Хоть и далеко оно, а морской запах был ощутим и здесь. А еще пахло сухой горькой травой, названия которой Коля не знал... Он вдохнул этот воздух. Во- брал в себя тишину, память и покой этих мест. И вдруг понял, что никуда ему больше не хочется. Поселиться бы в белом доми- ке — вроде тех, что в Корабельной слободке, и ждать весны, чи- тая книги и слушая, как трещит в печке огонь. А весна здесь, го- ворят, приходит рано. В наступившем тепле можно будет бро- дить по развалинам, прислушиваясь к загадкам старой жизни. Гулять у моря, отыскивая выброшенные на берег корабельные обломки...

Но разве тетушка согласится!..

Тетушку же теперь беспокоило одно: найдется ли извозчик для обратного пути?

К счастью, нашелся. Все тот же мужичок. Стоял внизу, дожидаясь, не появятся ли седоки с «Корабелки» до города. Обрадовался....

Обратно ехали резво. Колю клонило в сон. В гостинице он сказал, что совсем не хочет есть, и лишь под нажимом встревоженной тетушки слотал принесенную в номер гречневую кашу и выпил молоко. И сразу лег. Татьяна Фаддеевна то и дело трогала его лоб. Жара не было.

ДОКТОР ОРЕШНИКОВ

Жар появился утром. Вместе с тошнотой и ознобом. Татьяна Фаддеевна кинулась к господину Тифокину, владельцу пансиона. Она и сама кое-что смыслила в медицине, но, конечно же, в данном случае нужен был настоящий врач.

Господин Тифокин был почтителен и в то же время озадачен. Настоящих медиков в городе практически не было. Заболевшим помогали несколько бабок да живший неподалеку отставной военный фельдшер.

— Разве в городе нет больницы или военного госпиталя?

— При рабочей матросской роте есть, говорят, лекарь, да он мало что смыслит. Кто всерьез заболел, везут морем в Николаев. А больницу только думают устроить, но когда это, непонятно...

— И ни одного врача?

— При конторе РОПИТа есть нечто вроде докторского пункта для приема их служителей. Им заведует врач с дипломом. Господин Орешников, если не ошибаюсь. Разве что обратиться к нему...

Одну из кухарок спешно отправили за доктором Орешниковым, который, вопреки опасливым ожиданиям, появился довольно быстро — на казенной конторской пролетке. Невысокий, худой, в штурманском плаще и длиннополом мундире с флотскими пуговицами, в почти такой же, как у Коли, фуражке. С торчащими усами песочного цвета и маленькими очками на утином носу. Было в его повадках что-то птичье и... симпатичное. Этакое знакомое, домашнее.

Прямо от двери он стремительно присмотрелся к Коле и сообщил Татьяне Фаддеевне, пребывавшей в тихой панике:

— Сударыня, для начала хочу вас заверить, что в ближайшие полвека летальный исход этому юноше не грозит. Велите горничной принести горячий чайник.

Взбодрившаяся Тё-Таня велела. И заодно изложила доктору, на что жалуется племянник. Доктор Орешников погрел у чайника ладони.

— Ну-с, молодой человек, вас не затруднит сесть? Я так и ду-мал... Голова болит?.. Только кружится? Это бывает... — Он старательно прощупал его спину и бока, заглянул в широко раскрытый рот, достал известный Коле предмет — стетоскоп. Обстоятельно и многократно приложился им к костлявой груди юного пациента.

— М-м....

— Что?! — опять всполошилась тетушка.

— В том-то и дело, что ничего. Простуда исключается... Вы можете, Коля, быстро лечь и так же быстро подняться?.. Спасибо. Кружится ли голова сильнее?

— Уже совсем не кружится...

— Вы меня радуете... Подержите это, — сунул ему под мышку скользкий термометр. — Гм... Жар, видимо, как быстро подскочил, так столь же быстро и падает... Сударыня, это своего рода нервная лихорадка, она бывает у некоторых впечатлительных детей в результате долгого путешествия, частой смены обстановки и перемены климата. Полагаю, скоро это пройдет... У меня с собой кое-какие лекарства, пусть Коля поглотает их сегодня, невзирая на некоторую горечь порошков... Горечь процесса ведет к сладости результата... Вот, извольте, здесь написано, как принимать...

— Доктор, вы наш спаситель! Простите, сколько мы... должны вам за визит?

— Что вы, сударыня! Я не на частной практике, я человек казенный. Наша лечебница безвозмездно помогает всем, кто в нее обращается, хотя и создана для служителей РОПИТа...

— Но лекарство...

— Оно тоже казенное. РОПИТ не разорится на нескольких порошках...

— Право, доктор, мы вам так благодарны...

— Не за что, сударыня, это моя служба... И позвольте дать совет: не принимайте случайное недомогание мальчика так близко к сердцу. Вы сами от переживаний можете слечь. Пожалуй, я оставлю вам успокоительные капли.

— Вы так добры... Я в самом деле нервничала. Одна, с боль-

ным ребенком, в незнакомом городе... А у Коли к тому же слабые легкие, это обнаружили весьма известные петербургские врачи...

— В самом деле? Тогда позвольте еще...

И доктор Орешников снова принялся выстукивать и прослушивать Колю.

— Гм... Признаться, я пока ничего не нахожу. То есть слышу некоторые шумы, но это скорее возрастное... Возможно, необходимо тщательное обследование... Вероятно, мои коллеги заметили временную простуду и приняли ее за... Или просто проявили чрезмерно опасение. Боюсь судить. Конечно, я преклоняюсь перед столичными светилами, сам учился в Петербурге, но... — он по-петушину дернул головой и виновато развел руками.

— Вы учились в столице? — обрадовалась Татьяна Фаддеевна. — Тогда, может быть, вы знали доктора Вестенбаума? Он служил в Морском госпитале.

— Федора Карловича? Не имел чести знать лично, однако, будучи студентом, слышал о нем немало. И о его методах... К сожалению, он стал жертвой несчастного случая...

— Это Колин отец.

— О... — почему-то сильно смутился доктор. — Какая неожиданность. Весьма... приятно, да...

Татьяна Фаддеевна проводила доктора Орешникова до выхода из пансиона. И вернулась не очень скоро, хотя, казалось бы, должна была спешить к хворому (пускай и не сильно) племяннику.

— Я думал, вы уехали к нему в гости, — с легким ехидством заметил «больной ребенок».

— Мы просто беседовали... По-моему, Борис Петрович очень славный человек. Он обещал завтра вновь навестить нас.

— Об этом вы и беседовали столько времени?

— Николая! Твоя ирония неуместна... Представь, у нас в жизни есть с ним нечто одинаковое. Борис Петрович в пятьдесят четвертом году, еще обучаясь на медицинском факультете, подал прошение, чтобы его отправили фельдшером сюда, на театр военных действий. Но пока рассматривали бумаги, заболели разом его матушка и сестра, и он не мог их оставить. Матушка, к сожалению, умерла...

— А сестра выздоровела?

— Да, она сейчас с ним, они живут вдвоем... Борис Петрович, получив диплом, рассудил весьма логично, хотя многие и осуждали его...

— Как же он рассудил?

— Николая! Я не понимаю твоего насмешливого тона!

— Тё-Таня, я серьезно! Мне интересно.

— Он решил, что если не смог помочь защитникам города, то обязан помогать тем, кто станет возвращать город к жизни. И приехал сюда, хотя и не сразу. Представь себе, он не изменил решения, даже когда его невеста отказалась ехать с ним. Сказала весьма циничные слова: «Дорогой, я не жена декабриста...»

— Дура...

— Николая!..

— Но ведь правда же!

— В любом случае не следует употреблять такие слова... А теперь Борис Петрович хлопочет об устройстве здесь настоящей больницы... Признаться, я ему завидую.

— Так за чем дело стало? — тут же вырвалось у Коли.

— Ты это о чем, шер ами?

— Ну, вы же тоже *здесь*... То есть мы... А доктору наверняка нужны помощники. И не какие-то синие от водки фельдшеры, а образованные, понимающие в медицине дамы...

— Не говори глупости!

— Какие? Вы же в самом деле всякие курсы кончали и очень образованная. К тому же еще не старая и симпатичной наружности...

— Николая!

— Что, Тё-Таня? — сказал он невинным голосом.

— Ты знаешь, что я всегда преклонялась перед авторитетом Николая Ивановича Пирогова...

Коля знал. Великий хирург и герой Севастополя был кумиром тетушки.

— ...И не разделяла лишь одну его точку зрения — на воспитание. Когда он утверждал, что для приведения в чувство таких вот болтунов бывает полезно их знакомство с розгой... Теперь я понимаю, что Николай Иванович и здесь был прав.

— Тё-Таня, вы мне это говорили тыщу раз!

— Именно *говорила*. А сейчас вижу, что пришло время не слов, а дела.

— Ну... хорошо, — отозвался он с дурашливой покорностью. — Пусть... если это вам доставит удовольствие. Но потом не поедем в Ялту, ладно?

— Что-о?

— А что нам делать в Ялте? Там, говорят, деревня...

— А здесь руины! Не хватает, чтобы ты стал трушобным мальчишкой!

— Я поступлю юнгой на торговую шхуну. А вы будете работать в больнице и приносить пользу народу. Вы же всегда хотели...

— Ты несусветный болтун...

— Нет, я это... «сусветный», — с удовольствием сказал Коля, понимая, что заронил в душу тетушки первое зерно сомнения.

— Прими порошок и не смей сегодня вставать из постели.

— Тогда достаньте мне из чемодана Гоголя. «Вечера на хуторе...»

Доктор Орешников появился на следующий день близко к вечеру. Кажется, тетушка слегка нервничала, что его долго нет, хотя Коля был уже на ногах (и отчаянно скучал). Пришел доктор не один, а с полным круглощеким господином веселого нрава.

— Коля, я вижу, вы молодец! Татьяна Фаддеевна, позвольте представить Ивана Ювенальевича Брешковского, моего коллегу... — Оба поцеловали у тетушки руку. Борис Петрович продолжал: — Иван Ювенальевич сегодня, по счастью, оказался у меня в гостях. Вообще же он служит в Симферополе и весьма известен как специалист по лечению легочных заболеваний и курортному делу. Я попросил его осмотреть Колю, если с вашей стороны не будет возражений...

Тетушка, разумеется, не возражала. Наоборот!.. Хотя заметно было, что опасается: как бы доктор Брешковский не опроверг вчерашний добрый диагноз Бориса Ивановича.

Иван Ювенальевич не опроверг. После долгих прощупываний и прослушиваний он похлопал Колю по острым лопаткам и заявил, что «общее сложение хрупковато, но ничего *такого* внутри у пациента он не улавливает, и, видимо, это был временный недуг».

— Хотя, конечно же, в любом случае крымский климат для мальчика полезнее прибалтийского. Так что возвращаться вам, пожалуй, не резон...

Коля сунулся в разговор:

— А климат в Ялте отличается от здешнего, от севавтопольского?

Тетушка быстро взглянула на него.

— Не сильно, — отозвался доктор Брешковский. — Есть специфические отличия, но они не существенны, если человек не очень болен.

— Спасибо, Иван Ювенальевич, — учтиво сказал Коля, а тетушка опять *взглянула*.

Потом она провожала докторов и, как и накануне, весьма держалась при прощальной беседе. До ужина была она молчаливой и ушедшей в себя, а перед сном сказала:

— Видишь ли... то, что ты вчера высказал шутя... насчет здешней жизни...

— Я не шутя!

— То, что ты высказал *шутя*, сегодня Борис Петрович... предложил мне всерьез.

— Он сразу мне показался неглупым человеком...

— Николай!

— Знаю, знаю, вы о Пирогове!

— Ты можешь отнестись к нашей беседе серьезно?

— А зачем относиться! Я же вижу, что вы уже решили!

— Как я могу решить без *тебя*? В конце концов, именно ты — причина этого авантюрного переезда...

— Причина согласна!

— Подожди. Я хочу, чтобы ты понял меня... Раз мы оказались в Крыму, а ты... слава Богу, не столь уж нездоров... — она быстро перекрестилась, — надо, чтобы во всем случившемся был какой-то смысл. Может быть, это судьба привела меня в город, куда я стремилась двенадцать лет назад и где могила моего брата... — Татьяна Фаддеевна промокнула платочком глаза. — Мне кажется, мое место именно здесь...

— Конечно же!

— Но ты слишком поспешен и горяч. Я хочу, чтобы ты отнесся ответственно...

— Тё-Таня, я ответственно!.. Я вот что подумал. Мне ведь зимой придется ездить в симферопольскую гимназию, сдавать экзамены за полугодие. Отсюда дорога на Симферополь прямая, а у Ялты горные перевалы. Я слышал, что зимой они бывают перекрыты из-за снегопада.

— Ох... с твоим ученьем пока еще ничего не ясно...

Однако скоро прояснилось и с ученьем. С уезжающим в Симферополь Иваном Ювенальевичем Брешковским Татьяна Фаддеевна послала в гимназию письмо. В нем, излагая все обстоятельства, она просила директора и попечительский совет «зачислить экстерном» сироту, который является сыном участника прошлой военной кампании, умершего военного врача Федора

Карловича Вестенбаума и племянником погибшего в Севастополе артиллерийского офицера Андрея Фаддеевича Весли. Необходимость экстернатного обучения объяснялась слабостью здоровья, при котором Николай Вестенбаум должен всегда находиться под наблюдением своей попечительницы и родственницы госпожи Лазуновой.

Ссылка на нездоровье после освидетельствования докторами Орешниковым и Брешковским выглядела не очень-то правдивой (и тетушка стыдливо морщилась). Но жизнерадостный Иван Ювенальевич объяснил, что это «всего лишь тактический ход, дабы гимназические крючкотворы не заупрямились». Да и не было другого выхода. Невозможно предположить, что Николай Вестенбаум согласился бы жить в Симферополе на квартире у чужих людей, чтобы ежедневно посещать уроки. Стоило ради такого дела приезжать в эти края!..

Для ответа указан был адрес Бориса Петровича Орешникова («для г-жи Лазуновой»), поскольку своего дома у Коли и тетушки еще не было.

Но вскоре появился и дом. Заботами того же Бориса Петровича. Он через служителей конторы узнал несколько мест, где хозяева сдавали жилье внаем. Остановились на домике вдовы Кондратьевой. Та запросила недорого, что при тетушкиной и Колиной пенсиях (которые следовало еще переадресовать) было весьма существенно.

Две недели ушло на обустройство (и это оказалось довольно увлекательным делом). Иногда ходили по городу — порой в поисках лавок и на рынок, порой просто так. Татьяна Фаддеевна смотрела на развалины с болезненной опаской, а Коля... он тоже с опаской (с затаенной), но и с любопытством, словно там, среди руин, жили тайны, ждущие от него, от Коли, разгадки. Впрочем, это было смутное ощущение — порой завораживающее, а порой с болезненным замиранием... Побывали на развалинах Четвертого бастиона, где храбро воевал граф Толстой, который написал про Севастополь знаменитые рассказы. Тетушка этим летом читала их Коле вслух (словно предвидела скорые события).

На бастионе Коля поднабрал еще пуль, осколков и «гудзи-ков». Татьяна Фаддеевна уже не спорила, только морщилась...

Иногда тетушка ходила в лечебницу, где вел прием доктор Орешников, помогала ему. Но пока что нечасто. Для определения ее в официальную должность сестры милосердия требовался

срок. Коля в отсутствие Тё-Тани скучал, делал заданные ею уроки или помогал Лизавете Марковне чистить овощи для обеда и ужина.

Тем временем — скорее, чем ожидалось, — пришел ответ из гимназии. В казенной, с орлом и печатью, бумаге сообщалось, что Николай Вестенбаум будет зачислен в экстерны при условии, что «госпожа Лазунова сообразовит в скорое время при-слать необходимые документы, а за неделю до Рождества доставит своего воспитанника в гимназию, где ему надлежит сдать экзамены за первую половину программы третьего класса, каковая программа прилагается к данному письму».

Татьяна Фаддеевна не сочла возможным доверить здешней почте важные документы — взятый в прогимназии Юнга табель успеваемости за прошлые два класса и копию медицинского заключения петербургских докторов. Она решила отвезти их сама.

— Тем более что мне совершенно необходимо побывать в нормальных больших магазинах...

— А я?! — взвыл Коля.

— Ты еще не совсем оправился. Незачем болтаться по осеннему холоду в такую даль. Симферополь — это не рынок у Сель-мого бастиона.

Коле и не хотелось в Симферополь. Этот губернский центр представлялся ему скучным и казенным (вроде гимназической бумаги). Но мысль, что две или три ночи придется провести в пустом доме одному, повергла его в обморочный ужас. Такое в жизни ему еще не выпадало!

Татьяна Фаддеевна, конечно же, все поняла.

— Я не думала, что храбрые мужчины, оставляющие больных тетушек в каюте, дабы на палубе встретить грудью страшную бурю, в иных случаях не могут без тех же тетушек прожить несколько дней... и ночей. Недостойное морских волков малодушие...

— При чем тут мое малодушие!.. Вы же... Вы сами знаете, что женщинам не следует путешествовать в одиночку... Тем более что говорят про разбойников под Бахчисараем! Мы вместе слышали на базаре!

— Вот именно, на базаре! Рассказни рыночных торговок! Смешно! В наше время не бывает разбойников... К тому же у Бориса Петровича есть револьвер.

— И он даст его вам?!

— Что?.. А... Дело в том, что доктор едет тоже, у него в Симферополе какие-то хлопоты насчет медикаментов...

— Понятно...

— Что вам понятно, сударь?

— Что вы будете в безопасности...

— Ты хочешь сказать «в отличие от меня»... Не волнуйся, ты поживешь в это время у Бориса Петровича. Екатерина Петровна, его сестра, присмотрит за тобой.

— Чего присматривать, младенец я, что ли... — буркнул он с облегчением в душе.

Доктор жил при конторе местного отделения РОПИТа, в приземистом одноэтажном доме над Южной бухтой, в трех кварталах от Графской пристани. Из окон виден был другой берег бухты с длинными Ушаковскими казармами и новыми доками, в которых не то строились, не то ремонтировались сразу два парохода.

Жилье было маленькое, двухкомнатное. В одной комнате обитал Борис Петрович, в другой — его сестра.

Оказалось, что Екатерина Петровна — худая незамужняя дама (про таких говорят «старая дева»). Вся «ушедшая в себя». Очень набожная. Она тихо бродила по комнатам, бормоча то ли молитвы, то ли какие-то свои мысли. С Колей обходилась ласково, но чаще просто не замечала его. Даже не запомнила, как зовут. Вспоминала «мальчика» лишь перед завтраком, обедом и ужином или при какой-то надобности. Дважды брала Колю с собой, когда уходила из дома: один раз на рынок, другой раз на утреннюю церковную службу. Но и без того она каждый день ходила в церковь, и Коля на три-четыре часа оставался один.

Он не скучал. Борис Иванович поселил его в своей комнате, где было множество книг. В том числе Пушкин в разных изданиях, романы Вальтера Скотта, давнее издание «Дон Кишота из Ламанчи» в переводе Жуковского, а также старые подшивки журнала «Картины природы» и описания путешествий Кука и де Бугенвиля.

А были еще и специальные докторские книги. В том числе атлас «Мужчина и женщина» с цветными иллюстрациями. На французском языке. Явно не для детского чтения. Доктор Орешников, оставляя здесь юного гостя, видимо, просто забыл про это обстоятельство. Или не учел, что Коля хорошо знает по-

французски. Впрочем, даже если не читать комментарии, литографии были весьма выразительны...

У Татьяны Фаддеевны в Петербурге тоже была кое-какая медицинская литература, но книги стояли в отдельном шкафу, под ключом. Да и без того Коле в голову не могло прийти взять что-то тетушкино без спросу. Здесь же явного и четкого запрета не было. И когда Екатерина Петровна уходила, Коля со стыдливой оглядкой на дверь и окна вытягивал из шкафа тяжелый том. Он понимал, что совершает немалый грех. Но тайное желание было сильнее страха и угрызений совести.

Конечно, Коля давно не верил, что младенцев покупают в специальных аптеках. Естественно, мальчики и девочки *рождаются*. Об этом свидетельствовала и акушерская практика, которой одно время занималась Тё-Таня. Да и в мужской прогимназии ученик набирается кое-каких знаний — не только от наставников, но и от одноклассников. Знания эти были, однако, отрывочны, бедны и, конечно же, лишены всякой наглядности. А здесь...

Обмирая от стыда, любопытства, а порой и отвращения, Коля на третий день долистал атлас до конца и среди самых последних страниц обнаружил оторванный кусок бумаги (видимо, из большой тетради). На нем крупно и размашисто было написано по-французски:

«Друг мой, просмотревший эту книгу от корки до корки. Уяснил ли ты себе, что она показывает некоторые тайны человеческой природы, но не открывает тайн любви? Ибо любовь — от Бога».

Коля в первый миг почувствовал себя так, словно его поймали с поличным и приподняли за шиворот. Он даже заглядывался в панике. Но никого не было... Он перечитал еще раз. Неужели доктор *знал*, что мальчишка доберется до атласа, и специально приготовил ему это послание? Вот ужас... Впрочем, едва ли. Бумага была желтая, чернила бледные. Явно, что написано это не в нынешние дни... Ну а что, если записка чья-то старая, но вложил ее Борис Петрович все же для Коли?

Ладно... Все равно доктор не узнает, что Коля смотрел *это*. Сейчас он аккуратненько положит листок как прежде, поставит книгу точнехонько на прежнее место и думать про нее больше не будет. Тем более что и правда — тайн любви она не открывала. По крайней мере, той рыцарской любви к прекрасным дамам, о

которой Коля читал в книжках и какую мечтал встретить когда-нибудь сам...

Он утвердил увесистый атлас в ряду других томов, взял из другого шкафа «Путешествие на шлюпе «Камчатка» капитана Головнина и с чувством нашкодившего, но не уличенного сорванца устроился в кресле. Принял самый благопристойный вид. И словно бы наградой за эту благопристойность было шумное возвращение доктора и тетушки, которая порывисто обняла «дорогого Николая».

— Ты соскучился? Чем ты тут без нас занимался?

— М-м... вот, читаю...

При этом показавшись, что доктор глянул хитровато. Коля поспешно спросил:

— Борис Петрович, а у вас правда есть револьвер?

Доктор по-петушину дернул головой.

— О да! Но он остался без применения. На дорогах Тавриды мир и спокойствие, хотя недавно имели место романтические слухи...

Затем было чаепитие (вместе с пришедшей из церкви Екатериной Петровной), рассказы о Симферополе и возвращение домой.

Через несколько дней Татьяна Фаддеевна обмолвилась, что слышала в паровой конторе про ремесленную школу, в которую будут набирать мальчиков из семей служащих РОПИТа и мастеровых.

— Это говорит, что жизнь в городе набирает силу, не правда ли, мон шер?

— Тё-Таня, а вы ведь тоже вроде служащей РОПИТа! Раз помогаете в их лечебнице...

— Ну и... О Боже! Уж не собираешься ли ты поступить в эту школу?

— Пуркуа па? — весело сказал он. — Чего все время дома сидеть? В школе, наверно, будет нетрудно. И вовсе не помешает гимназическим экзаменам. Зато познакомлюсь поближе со здешними ребятами...

— Ты это всерьез?.. Я спрошу в Правлении...

В голосе тетушки слышалось осторожное удовольствие. Чем больше Николай занят делом, тем полезнее. К тому же она никогда не была против сближения мальчика с представителями воспетых Некрасовым народных масс.

ДВЕ РЕЧИ ДИРЕКТОРА

В тот именинный вечер, когда Саша подарила Коле осколок древней вазы с кентавром, случилось еще много событий.

После ухода Лизаветы Марковны и Саши Татьяна Фаддеевна сказала:

— Ты бы рассказал все-таки, что сегодня было в школе...

— Да ничего особенного...

— Ну как же! Ведь открытие...

— Ну, открытие... А настоящие занятия будут после Рождества. А сейчас только всякие вступительные, два раза в неделю, потому что не все еще готово... Построили в коридоре в два ряда, начальство пришло из пароводства, молебен был. Хорошо, что не длинный...

— Николая!

— А зачем длинный-то?.. Потом директор говорил речь...

Директор был пожилой, солидный, с расчесанной на две стороны русой бородой. В мундире с флотскими пуговицами, вроде как у Бориса Петровича. Он оглядел две пестрые шеренги неспокойных, не привыкших еще к школьному порядку новичков и начал неожиданно густым голосом:

— Господа...

Сорок учеников разом примолкли. Некоторые даже в неудобных позах: кто-то хотел сей минут локтем наподдать соседа, кто-то неловко вытянул шею — так и замерли. Потому что никто никогда не слышал в обращении к себе столь уважительного слова. Разве что Коля в прогимназии да в короткую бытность морским кадетом...

— Господа... Более десяти лет прошло с той поры, как закончилась кровавая война, превратившая наш город в руины. Те, кто пришли тогда к нам врагами, горькую цену заплатили, чтобы завладеть городом. Да и можно ли сказать, что завладели полностью? Армия наша для сбережения сил оставила Южную сторону, но Северная оказалась противнику не по зубам, она шетнилась могучими укреплениями с тысячей орудий и готова была дать такой отпор, что враг уже и не помышлял о новых баталиях. Заключивши мир, противник вернул нам хотя и разрушенный, но покрытый славой город и отправился восвояси. И с той поры если мы и видим здесь англичан и французов, то не как победителей, а как туристов, кои приехали к нам вспомнить осаду, где обе стороны — это надо признать — проявили немало доблести.

Доблесть русская, однако, имела в себе не в пример больше чести, ибо мы защищали *свою* землю...

Да, больно видеть, господа, развалины, которые до сих пор составляют большую часть города. Но жизнь берет свое. Строятся новые храмы и дома, растет число жителей. И главная наша забота — флот. Не могут быть пустыми наши прекрасные бухты, самим Господом созданные для процветания морской жизни.

Самое горькое для нас, чего добились в прошлой войне враги, это запрет нашей державе иметь на Черном море военный флот. Но что было запрещать? Почти все наши линейные корабли и фрегаты погибли в дни осады, геройски закрыв собою проход в бухты. Флота не стало. А когда построим новый, всякие иностранные запреты будут нам не указ.

Строить же новые корабли будут молодые мастера, коими станете вы. На верфях наших нужны умелые руки и умные головы, чтобы корабли получились на славу. Для того-то попечением Российского Общества Пароходства и Торговли открыта наша школа. Я, директор ее, льщу себя надеждою, что главное усердие ваше вы потратите на прилежание и овладение всеми ремесленными навыками, коим станут обучать вас наставники, а не на легкомысленные развлечения и шалости, которые хотя и извинительны для детского возраста, но мало способствуют школьной пользе.

Новые корабли, которые предстоит вам возводить на наших верфях, будут не только военные, но и для торговых дел и для сообщения между всякими приморскими странами. Бог даст, люди во всех государствах в наш просвещенный век проникнутся здоровыми мыслями, что раздоры и кровь не решают на Земле никаких вопросов, а торговля и дружеские связи между разными нациями ведут к процветанию стран.

А сейчас принимайтесь за труды, друзья мои, и помните, что они должны послужить славе нашего государя императора, пользе Российской державы и нашего города...

После этих слов сорок мальчиков, как было научно заранее, вытянулись во фронт и троекратно крикнули «ура» — без солдатской слаженности, но от души.

Затем учеников развели по двум классам: младший и старший. Набор в них был сделан не по возрасту, а по знаниям. В младший попали те, кто лишь немного владел грамотой и счетом, в иных же знаниях вообще был «круглый нуль». В старшем оказался народ, более сведущий в началах разных знаний и знакомый с книжками.

Естественно, Коля попал в старший класс. Здесь же объявился и Фрол. Более же никого знакомых не было, поскольку Федюню определили к младшим.

Парты оказались похожими на те, что были в прогимназии и в корпусе, только не черные, а желтеющее свежим деревом (и это очень понравилось Коле). Поначалу Коля вознамерился занять место рядом с Фролом, на предпоследней парте в правом ряду. Фрол не возражал. Но худой усатый наставник (которого звали Трофим Гаврилович и от которого пахло крепким трубочным табаком) рассудил по-своему. Решил, что более рослые должны сидеть сзади, а те, кто поменьше, — ближе к учительскому столу.

— Чтобы в классе были надлежащие стройность и порядок и никто не загораживал другому обзор горизонта...

Ученику Лазунову велено было сесть на вторую парту в левом ряду, рядом со светлоголовым мальчиком, который был, кажется, чуть помладше Коли. Тот несмело улыбнулся, быстро подвинулся на край скамьи, давая соседу побольше места. С виду тихий такой мальчик, не задиристый и славный. И фамилия оказалась славная. Коля узнал ее в конце урока.

Трофим Гаврилович сперва объяснял школьные правила и говорил о порядке занятий, к которым ученики в полной мере приступят после Рождества. При этом раза два цыкнул на нескольких оболтусов, которые уже освоились в новой обстановке и затевали на задних партах возню. Затем сообщил, что в числе первых изучаемых предметов будут основы корабельного знания. Тому, кто готовит себя к работе на верфях, необходимо быть сведущим в устройстве судна.

Стукая по черной доске мелом, Трофим Гаврилович ловко изобразил трехмачтовый фрегат и обернулся к притихшим от любопытства мальчишкам.

— Ну-ка, приморские жители, кто скажет по порядку названия мачт и прочих частей корабельного рангоута?.. Ежели кто знает, без крика подымите над головой руку, а когда спрошу, встаньте и отвечайте... Чего-то не вижу рук-то... Вон ты, кудлатый, в синей рубахе, не знаешь ли чего-нибудь? Оно конечно, долбить соседа локтем легче, нежели помнить полезное... Ну? Кто?.. Срам. Ведь моряцкие дети-внуки...

«Неужто и Фрол не знает?» — досадливо думал Коля. Сам он дал себе зарок никогда не соваться вперед, чтобы не прослыть бахвалом и выскочкой. Колин сосед вдруг несмело потянул ру-

ку. Дождался от Трофима Гавриловича восклицания «Давай, голубчик!» и встал.

— Если позволите, я скажу названия...

— Ступай к доске!

Мальчик вышел и, глядя не на рисунок, а на свои аккуратные (как у Коли) сапожки, рассказал негромко, но не сбиваясь, что мачты называются «фок-мачта», «грот-мачта» и «бизань-мачта», ежели рассматривать их с носа до кормы.

— Продолжения мачт именуется стеньгами, брам-стенгами и бом-брам-стенгами. На носу же — бушприт с утлэгарем и бом-утлэгарем...

— Весьма, весьма недурно отвечаешь, голубчик! Надобно только говорить побойчее. Чего смущаться, ежели знаешь так досконально... Как твоя фамилия?

— Славутский...

Наставник поводит обкуренным пальцем по списку.

— Славутский... Евгений... Садись, Евгений. Молодец... Теперь слушайте все. На сегодня дела наши кончены до следующей недели, тем более что праздник. В понедельник принесите с собой тетради, посмотрим, каковы у вас дела в письме. Теперь же ступайте по домам... Тихо, тихо! Я сказал «ступайте», а не бегите, как с горящего парохода!.. Экая неотесанная команда...

Вначале школу хотели устроить на Корабельной стороне, в нескольких уцелевших помещениях Ушаковских казарм, вблизи от доков. Хорошо, конечно, что рядом с кипучей корабельной жизнью. Но тогда ученикам, жившим в городской части (а таких было большинство), пришлось бы всякий раз дважды на дню огибать Южную бухту или переправляться через нее на яликах. Была даже мысль выделить для этого специальный баркас. Но потом подыскали здание у городского берега Южной бухты, примерно на полпути от конторы РОПИТа до Пересыпи. Это был одноэтажный, загнутый буквой «Г» дом с двумя пристройками. Его отремонтировали грубовато, но прочно. Места хватило для классов и для мастерских.

Коле и его приятелям, чтобы добраться от школы до дома, надо было пересечь городской холм, спуститься до Морской (разрушенной столь же сильно, как и Екатерининская), затем по разбитым каменным трапам опять подняться в гору и сойти с ее пологого гребня на склон, обращенный к Карантинной бухте и

Херсонесу. Путь не столь уж длинный, но и не короткий. Где-то около полчаса.

Коля, проявив отчаянное упорство, добился от Татьяны Фадеевны слова, что она не станет встречать его.

— Довольно, что проводите один раз утром, если уж так вам хочется. А потом я буду ходить один... То есть не один, а с мальчиками, не бойтесь!

— Но ты должен обещать, что не станешь лазать по развалинам и задерживаться.

Коля, однако, задержался. Они с Фролом уговорились подождать Федюню, в классе которого еще не кончились занятия.

Другие мальчишки тоже не спешили домой. Кто-то бегал друг за дружкой по длинному, изогнутому углом коридору, другие, только что познакомившись, сидели в обнимку на широких ракушечных подоконниках. В одном закутке завязалась дружеская потасовка. К Коле никто не подходил, даже Фрол был в сторонке, беседуя с каким-то рослым парнишкой (кажется, соседом по парте). Коля повел плечами — от тревожного ощущения своей ненужности. Вспомнился коридор кадетского корпуса в тот первый, такой несчастливый день... К счастью, Коля увидел Славутского. Он тоже был один. Беспокойно оглядывался, словно поджидал кого-то. Самое время было подойти: «Женя, вы так славно рассказали о рангоуте. Вы, верно, немало читали про корабли?»

Но Колю опередил кудлатый широколицый мальчишка — с пухлыми губами и скучающим взглядом. Один из тех, кто был усажен Трофимом Гавриловичем на задние парты. Подошел к Славутскому, слегка загибая сапогами.

— Эй, адмирал... Ты быстро грамотный в морских науках, да?

Славутский быстро стал спиной к стене, между окнами. Вскинул светло-синие глаза. На чистом, словно только что умытом лице — досада и опаска. Сказал негромко:

— Что тебе надо?

Кудлатый обрадовался:

— А мне «ништо»! Это тебе «што»!.. Чей «гудзик»? — И ухватил пуговицу на Жениной суконной курточке.

«Все как тогда!» — ахнуло внутри у Коли.

Но такое «тогда» не должно повторяться! Ни с кем!.. И трусить дважды — это слишком! Для того он разве ехал сюда за тыщи верст!

Коля сам не понял, как оказался рядом со Славутским. Но ни тот, ни обидчик его, кажется, не заметили.

— Отстань. Я знаю эту шутку, — не опуская глаз и по-прежнему тихо сказал кудлатому Славутский.

— Ха! Он *все* знает! — Кудлатый радостно оглянулся на любопытных, что стояли уже за его спиной. И снова Славутскому: — Ты про *эту* «гудзик» знаешь... А про этот? — И хватя за другую пуговицу.

— Оставь! — деревянным голосом произнес Коля. — Он тебя не трогал!

— А?.. Ы-ы... — Толстые губы кудлатого разъехались. — Еще один адмирал...

Он совсем не похож был ни на лошеного Нельского, ни на его приятелей — этакий подмастерье в подпоясанной холщовой рубашке, с разлапистым носом и торчащими скулами. Вроде бы и не злое лицо, но... Все равно он «из них»! Потому что, несмотря на улыбку, в жидко-серых глазах не было ни капельки доброго. Только холодный интерес и удовольствие от того, что можно измываться безнаказанно.

— Оставь... ты... — сипловато повторил Коля.

— А вот не оставлю! — заулыбался тот пуще. — Хочешь *смазь*? — И растопыренными пальцами потянулся к Колиному лицу. Словно хотел собрать его в горсть!

Отвращение трянуло Колю крупным ознобом. И он вкатил негодяю звонкую пощечину!.. То есть хотел вкатить. Ладонью. Но пальцы сами собой сжались, кулак свистнул мимо щеки и костяшками смазал по губам. Кудлатый тут же прижал к ним ладонь. Замигал. Отодвинул руку от лица, глянул — на ладони красно. И с губ закапало. Кудлатый замигал сильнее и... тихонько завыл.

Коля тоже мигал.

И конечно же, как в тот раз, в корпусе, явилось начальство. Усатый Трофим Гаврилович.

— Э, да тут, я вижу, кровопролитие! Для знакомства, что ли? Кто зачинщик?

Все молчали. Кудлатый перестал подвывать и снова ладонью прикрывал рот. На рубашке темнели капли.

— Ну так я повторно спрашиваю: кто зачинщик? — сказал Трофим Гаврилович, не повышая голоса. Обежал глазами каждого и безошибочно остановил взгляд на Коле.

— Это ты его припечатал?

— Я, — сумрачно отозвался Коля, вытирая о штаны костяшки. И начал мысленно прощаться с ремесленной школой.

— Кажется, Лазунов твоя фамилия?

— Да...

— Но он не зачинщик! — воскликнул Славутский. Однако даже восклицание его было столь негромким, что наставник не обратил внимания. Или не успел обратить. Потому что за его плечом возникла раздвоенная борода директора.

— Что здесь за событие, господа?

— Да вот, извольте видеть, Владимир Несторович, первое налаживание содружества, — почтительно усмехнулся Трофим Гаврилович. — Никак у нынешних юношей не обходится без того, чтобы юшку пустить из носа...

— Вот как... И кто же положил сей почин? — Директор скрестил на мундире руки. Он теперь казался очень высоким. И смотрел со своей высоты, как Господь Саваоф с облаков, слегка досадующий, что вынужден разбираться в мелкой людской суете. Глаза у него были синие. Как у Славутского, только темнее. Коля глянул в них и опустил голову.

— Выходит, что я...

— Но он вовсе не зачинщик, господин директор! — прорезал высокий решительный голос. Надо же! Это Фрол! — Лазунов только вступился за невиноватого! Вот он... — Фрол подбородком показал на кудлатого, — полез к слабому, за то и получил!

— Вот оно что... Получил, судя по всему, за дело... — Директор всех обвел взглядом. — Отправляйтесь по домам, петухи. И впредь обходитесь без «юшки», иначе накажу примерно... А ты... а вы, Лазунов, ступайте за мной, продолжим разговор...

Директор пошел по коридору, и Коля — сбивчивыми шагами — за ним. После поворота, когда в коридоре стало безлюдно, Владимир Несторович остановился.

— Ну-с, молодой человек... как же это вы? В первый день...

Коле бы объяснить все как было, а он стоял и глядел на носки своих сапожек. Все слова потерялись.

— Вы вовсе не похожи на драчуна...

— Я и не хотел... А он...

— Ну, ладно. Ладно... Однако же можно было и словами...

— А я сперва словами! А потом...

— Ну, хорошо, оставим это. Удача в том, что первым к происшествию подоспел я, а не наш сторож Ефимыч. Он бы, чего доброго, отвел всех без разбора в кладовую, где у него для подобных случаев есть, по слухам, подходящие хворостины...

Коля исподлобья метнул взгляд на директора.

— Говорили, что здесь не будет *такого*!

— Конечно, конечно. Да ведь Ефимыч-то по простоте душев-

ной и преклонности возраста может об этом не помнить... Впрочем, шучу... Скажите-ка мне, Коля... Вас ведь Колей зовут?

— Да... Владимир Несторович.

— Скажите, Коля, как вам первый день занятий?

Коля опять глянул исподлобья. Уже посмелее.

— Мне понравилось, Владимир Несторович.

— Да? А что понравилось более всего?

— Ну... то, что будет корабельная наука.

— А! Вы чувствуете склонность к морскому делу?

— Да... мне нравятся корабли, — выдохнул Коля. И подумал: «Уж не знает ли он о корпусе?»

Директор, видимо, не знал. Кивнул:

— Весьма похвально. Я понимаю, что вы не стремитесь стать мастерским в доках, но знание кораблей не лишнее для всякого человека, независимо от рода его занятий. Полезно оно и людям искусства, и людям науки. Ибо это знание — часть человеческого опыта. В кораблях есть особая стройность и гармония, которая облагораживает душу и тем помогает во всех делах... Я понятно изъясняюсь?

— Да, Владимир Несторович.

— Ну, ступайте. И кланяйтесь тетушке. — Директор зашагал про коридору. Коля (словно в корпусе) сделал строевой полупоклон его спине и шелкнул каблуками. Затем поспешил к ребятам.

Кудлатый плаксиво обвинял Фрола, что он ябеда. Фрол отвечал убежденно и снисходительно:

— Ябеда — это ежели человек ради выгоды жалуется или из подлости. А я не хотел, чтобы досталось невинноватому. Ты силен на того, кто меньше. Сам полез — сам и получил...

Женя Славутский держался в сторонке. Нерешительно улыбнулся навстречу Коле.

— Спасибо, что вступились. Я хотел сам, да не успел...

— Пустяки, — сказал Коля, тихонько гордясь собой.

— Директор сильно ругал вас?

— Ничуть не ругал... А вы хорошо отвечали про рангоут. Вы много читали о кораблях, да?

Фрол сказал со стороны:

— Перестали бы «выкать», не в лицее ведь. Засмеют.

— В самом деле... — спохватился Коля.

— Да, конечно, — опять улыбнулся Женя. Славно так улыбнулся, у Коли затеплело внутри. А Женя вдруг качнулся мимо Коли:

— Ой, за мной... то есть ко мне пришли. Это Лена, моя сестра.

Коля, оглянувшись, увидел в конце коридора девушку в серой шляпке и длинной суконной накидке. Женя побежал к ней, стуча каблуками. Потом оглянулся, махнул Коле ладонью. А между Колей и Фролом возник розовощекий радостный Федюня.

— Ждете? А вот и я! Ну что, идем домой?

Конечно, Коля ни словечка не сказал Тё-Тане про драку. Тут бы такая воспитательная беседа началась — до ночи.

— Все было в порядке. Директор речь говорил. Даже две... — Коля хихикнул про себя. — Одну торжественную, а другую... так, поменьше. О пользе корабельной гармонии.

— Что-что?

— Ну, как всем людям полезны корабельные знания... А не только тем, кто учится в морском корпусе.

— Николая, ты несносен...

— При чем тут я? Это директор. Кстати, он сказал: «Кланяйтесь тетушке».

— Да? И ты молчал полдня!

— Подумаешь! Поклон — не селедка, не протухнет...

— Николая! Это... что за речи? Ты где научился? У здешних детей?

— Это я сам придумал, — гордо сообщил Коля. — Литературная фраза для какого-нибудь сочинения.

— Ты решил отправить меня в могилу...

— Что вы, Тё-Таня! Если вы туда отправитесь, я буду очень огорчен. И все остальные тоже!

— Кто эти *остальные*?

— Ну... Борис Петрович, например...

— Весьма вероятно. Он меня ценит как помощницу... Кстати, он обещал сегодня вечером зайти, если будет возможность...

— Вот видите!

— Что «вот видите»? Он хотел поздравить *тебя*.

— Ну да, я понимаю...

— Николая!

— Больше не буду!.. Только сделайте мне еще один подарок к именинам...

— Вот как? Тебе мало того, что есть?

— Это ма-аленький, совсем недорогой подарок. Не зовите

меня больше «Николя». По крайней мере, при посторонних... А то мальчишки смеются...

— В самом деле? И как же они смеются?

— Ну... вот так...

Ни коля, ни дворья,
Хоть и родом из дворян...

— Это наверняка Фрол! Я заметила у него склонность к неуклюжему рифмованию... По-моему, он какой-то... недобрый.

— Он... просто любит подшутить. Зато он справедливый! Заступается за тех, кто слабее. Вот и сегодня в школе вступился за одного...

— За тебя?! — всполошилась Татьяна Фаддеевна.

— Ничуть не за меня! За себя я теперь, если надо, и сам постою исправно, — гордо отвечивал Коля. В слове «теперь» было немало смысла, и Татьяна Фаддеевна, возведя брови, собралась обдумать его. Но в этот миг в сенях деликатно поколотили в дверь.

— О! Это Борис Петрович! — Тетушка, шурша юбками, поспешила через комнату и кухню.

Оказалось, что это не доктор Орешников. Это были Фрол (легок на помине!) и Федюня. Оба сдернули шапки. Федюня пошаривал, а Фрол — прямой и тонкошей — сказал независимо:

— С праздником вас, Татьяна Фаддеевна. Вы позволите Коле погулять с нами?

— Что?.. Да, с праздником. Вас тоже... Погулять?! Сейчас?! Мальчишки, ночь на дворе!

— Да какая же ночь! — взвыл Коля и отчаянно оглянулся. Через дверь видны были тяжелые часы, оставшиеся от вдовы Кондратьевой. — Еще восьми нет!

— Но такая тьма...

— А у нас фонарь. И звезды ясно горят, — вдруг подал голос Федюня. И засопел пузе прежнего...

— Но...

— Ребята, подождите... — И Коля решительно уволок Татьяну Фаддеевну за рукав в комнату. Там он сказал со сдавленным стоном: — Тё-Таня, вы хотите, чтобы все говорили: «Он от тетюшкиной юбки ни на шаг»? Вы же сами были против такого!

— Да, но... А что я скажу Борису Петровичу, когда он придет и спросит: «Где именинник?» Получится ужасно неприлично...

— Но он же не сказал, что придет *точно*! А если придет... посидите вдвоем, выпьете чаю за мое здоровье. Не соскучитесь...

— Кто-то отправится у меня за кровать, в угол, и будет стоять там до ночи...

— Ладно! Только после прогулки. Хорошо?

— О, Господь, за что мне эти испытания... — Татьяна Фаддеевна, тиская пальцы, опять вышла на кухню. — Все же я не понимаю такой фантазии. Бродить во тьме среди развалин. Чтобы свихнуть шею...

— Да мы ничего не свихнем, Татьяна Фаддеевна, — снисходительно сообщил Фрол. — И бродить не будем, а посидим в Боцманском погребке...

— Еще не легче! Это трактир?

Федюня залиvisto засмеялся. Фрол объяснил терпеливо:

— Ничуть не трактир. Это подвальчик под хатой, где раньше боцман Гарпунёнко жил, до осады еще. Дом разбитый, а погребок уцелел, мы в нем сделали себе место, вроде кают-компания. Там и печурка есть. Сходимся, всякие истории рассказываем, иногда чаек пьем. Вот и сегодня собрали кое-какую снедь, чтобы поздравить именинника...

— Тё-Таня, ну вы же помните! У нас с Юрой Кавалеровым и Никиткой Бронным было похожее, в сарайчике на Касьяновом пустыре!

— Еще бы не помнить! Вы едва не спалили его своими свечками...

— Ну, погребок-то не спалить, — с прежней снисходительной ноткой отозвался Фрол. — Уж коли французы не смогли, мы и вовсе...

— И где же это... заведение? Где я должна искать Николь... Николая, если он до полуночи не объявится дома?

— Да чего там искать, это в двух шагах, — улыбнулся Фрол.

— И Саша знает, — опять подал голос Федюня. — Савушка за ней как раз побежал.

— А! Так, значит, Саша пойдет с вами? — Видно было, что тетюшка испытала немалое облегчение.

Фрол кивнул:

— Женские руки полезны, ежели надо готовить стол... Да вот и она!

В дверь протиснулись Саша и Савушка. Даже при слабой лампе заметно было, что щеки у них розовые с морозца.

Что было делать Татьяне Фаддеевне?

— Ну, так и быть. Но только через час...

— Тё-Таня!

— Через полтора часа изволь вернуться... Хотя ведь у вас нет часов. Возьми мои...

— У нас есть часы, — сказал Фрол. — Песочные, с фрегата «Коварны». По ним склянки били каждые полчаса. Два раза повернем — вот полтора часа и минули...

Татьяна Фаддеевна сказала, что очень уповаает на точность этих часов. Она дала Коле остатки рыбного пирога и горсть лимонных леденцов — чтобы он мог внести вклад в угощение обитателей погребка. Потом, задавив в себе тревожные вздохи, проводила ребят по улице до лесенки, которая вела в щель между каменной стеной и пустым полуразрушенным домом. И они ушли вереницей, будто гномы в сказочную пещеру...

Савушка с круглым фонарем шагал впереди. У Коли постукивало сердце. Фонарь кидал вокруг желтые перья лучей. В этих лучах обозначился прямоугольный темный проем. Крутые ступеньки опять повели вниз. Чавкнула тугая дверь, из-за нее дохнуло теплым запахом овчины и горящих дров. В сводчатом каменном погребке тоже горел фонарь — яркий и добрый. Оранжево светилась полуоткрытая дверца печки — как огненная буква «Г». Сбоку от печки сидели на лавке и радостно смотрели на пришедших Ибрагимка, Поперешный Макарка и... Женья Славутский!

СКАЗКИ РАЗВАЛИН

Во время осады русские называли своих противников «союзники». Не потому, конечно, что те каким-то образом числились в наших друзьях — враги они и есть враги, — а потому, что были союзниками между собой: французы, англичане, сардинцы, турки. На турков, правда, смотрели как на рабочий скот, но формально все равно — товарищи по оружию...

Однако и среди русских находились союзники осаждавших (хотя скажи про такое этим русским — они, наверно, оскорбились бы)... Город был блокирован с моря, а на суше — с Южной стороны. Северная же сторона и дороги, ведущие в глубь Крыма и далее в Россию, были свободны. По этим дорогам туда и обратно тянулись обозы. Из Севастополя везли раненых, в Севастополь — боеприпасы и провизию. Телеги, повозки и фуры топились в грязи. Волы и лошади по брюхо увязали в глиняном ме-

сиве. Еле брели уже заранее, до боев, измотанные и голодные солдаты пополнения. А в главном городе Крыма, в Симферополе, жирела чиновничья сволочь — всякие должностные лица в конторах, ведавших военными поставками, и не нюхавшие пороха офицеры разных интендантских служб.

Воровали обмундирование, медикаменты, провизию. Брали взятки за все на свете: за оформление разных документов, за разрешения на постой, за пропуска в Севастополь.

Где-то в глубине России люди собирали хлеб, лекарства и одежду для тех, кто воевал, а здесь, менее чем в сотне верст от позиций, сытые чины тыловых ведомств требовали деньги с тех, кто сопровождал обозы, — за позволение доставить грузы для защитников бастионов. Те, кто денег не давал, позволения не получали, неделями томились в бесконечных очередях — без надежды на какой-то исход, без корма для лошадей, без крова...

Очевидцы говорили, что вдоль тракта лежали целые баррикады мешков с мукой, которую так и не довели до истекавшего кровью города. Разве могли командиры осаждавших армий желать союзников более усердных, чем те, в Симферополе.

И все про такое знали! Говорят, и сам государь знал, но даже он был бессилен перед армией чиновничьего ворья и взяточников. Может, потому и помер, не дождавшись конца осады, — понимал, что город, обложенный врагами с фронта, а «своими» с тыла, обречен, вот и не выдержал этой горечи.

Конечно, не все в тех конторах были подлецами. Немало служащих возмущались бесчинствами взяточников и душой болели о защитниках Севастополя. Да только у честных людей, как правило, звания невысокие, потому и власти — никакой.

Служил в ту пору в продовольственном ведомстве чиновник тринадцатого класса Кондратий Алексеевич Славутский, человек усердный и совестливый, имевший за старания свои еще до войны разные поощрения и получивший личное дворянство. Когда начались военные действия, вздумал он было пойти младшим офицером на бастионы, да только порыв этот разбился о реальные жизненные обстоятельства. Куда пойдешь, ежели грызут постоянные боли в позвоночнике, а дома растут две дочки — семи и пяти лет — и жена ждет третьего ребенка... Оставалось добросовестной службой на своем незаметном посту принести хоть какую-то пользу в общем деле борьбы с неприятелем.

А поди принеси эту пользу, когда наглое воровство стало почитаться уже не бесчестьем, а чуть ли не доблестью.

Пытался, конечно, Кондратий Алексеевич взывать и к совести сослуживцев (в том числе и начальства!) и поступками своими противостоять бесчестным делам. Но, как водится в таких случаях, сам же и оказался виноват. Приписали ему денежные недочеты и всякие нарушения в документах. Дело запахло судом. Спасло провинциального секретаря Славутского, можно сказать, чудо. Объявился в Симферополе знакомый офицер — один из яростных и нетерпеливых посланцев воюющей армии, близкий к самому Нахимову. Услыхав о невзгодах Кондратия Алексеевича, капитан-лейтенант Краевский извлек из ножен саблю и косо рубанул письменный стол перед начальником Славутского. При этом поклялся, что, если его друга не оставят в покое, он, капитан-лейтенант, попросит Павла Степаныча уделить этой истории десять минут, чего будет достаточно, чтобы в тыловом вонючем болоте кое у кого полетели головы.

К счастью, начальник был не только большой вор, но и большой трус. Славутского оставили в покое, хотя, конечно, о продвижении по службе теперь не было и речи.

Не было хорошей жизни и потом, после войны. И когда в Севастополе стал раскручивать свои дела набирающий силу РОПИТ, Кондратий Алексеевич с женой, дочками и сыном Женечкой перебрался туда. РОПИТу нужны были знающие делопроизводство и болеющие за дело служащие.

Город был разрушен, малолюден и, казалось бы, вовсе не пригоден для хорошей жизни. Однако же дела пошли не в пример лучше, чем на прежнем месте. И жалованье положили достаточное, и жилье нашлось приличное, и работа была достойная, с настоящей пользой для общества, что Кондратий Алексеевич считал немаловажным обстоятельством.

Старшая дочка, Аннушка, скоро вышла за помощника капитана с парохода «Керчь». Младшая, Леночка, жила еще с родителями. Обучала, в меру своих сил и знаний, всяким наукам брата Женю. Делала это умело, поскольку недавно окончила в Симферополе женскую гимназию, а Женя был ученик понятливый и не капризный. Ему тоже пора было думать о гимназии. Конечно, личное дворянство провинциального секретаря Славутского не распространялось на детей, но в нынешнее время не одним дворянам открыт путь в науку, и Кондратий Алексеевич очень хотел видеть сына образованным человеком. Только отсылать его на учебу в Симферополь не хотел — с военной поры не любил он этот город. Ходили слухи, что вскоре в Ялте будет открыта муж-

ская прогимназия, а там у Славутских жила родственница, она готова была принять у себя мальчика на время учебы. А до той поры отец определил Женю в ремесленную школу — чтобы привыкал к занятиям в классе, получал полезные навыки и не боялся ребячьего сообщества, а то уж чересчур тихий растет, знает лишь свои карандаши да краски. Умница, конечно, от книжек не оторвешь, да ведь этого будет мало, когда придется самому обустроиваться в жизни.

Женя поступление в школу не противился. Понимал, что в отцовских рассуждениях есть правда. К тому же школа имела отношение к корабельному делу, что было Жене тоже по нраву.

Таким образом, и в характерах, и в настроениях, и в планах на будущее у Жени Славутского и Коли Лазунова было немало общего. И, может быть, именно поэтому судьба свела их в школе, а затем в погребке. Но они, конечно, не думали о судьбе. Просто обрадовались друг другу.

Коля обрадовался и удивился. А Женя несмело заулыбался ему навстречу.

Фрол покровительственно объяснил:

— Он ходил тут в сумерках и спрашивал: не знает ли кто, где живет Коля Лазунов. И наткнулся на нас...

— А мы говорим: «Идем в наш погребок, сейчас мы Колю приведем!» — весело вмешался Федюня. — Только Макарка не хотел: «Чего, — говорит, — ненаших к нам водить...»

— Это он от поперешности, — подал голосок Савушка.

— Не от поперешности, а для порядка! — взвинтился Макарка. — Сами же договаривались, что погребок только для нашей ватаги, а ежели всем чужим про него говорить, тогда что?

— Да какой же он чужой, когда мы в одном классе и друг за дружку сегодня заступались, — урезонил Макарку Фрол. Да, он был справедливым и временами умел быть добродушным.

— Раз дружка искал, значит, свой, — из полутемного уголка высказался Ибрагимка. И в голосе его прозвучала этакая восточная мудрость.

«А я... выходит, я для них совсем уже свой?» — радостно подумалось Коле. Но эта радость была позади другой — оттого, что Женя Славутский искал его и вот он здесь. Тепло стало внутри, и в то же время навалилось вязкое смущенье. «Для чего же искал-то?» — хотел спросить Коля, а вместо этого выговорилось другое:

— А ты... далеко ли живешь?

— Недалеко. Надо спуститься к рынку, а потом еще переулками к Южной бухте, и там, возле трактира Петушенки...

«Ничего себе *недалеко*, — ахнул про себя Коля. — Это же почти у дома, где живет Борис Петрович! Как он, Женя, пойдет один в темноте-то!» И под рубашкой шевельнулись холодные колючки.

Саша между тем деловито накрывала «на стол». Сразу видно было, что она здесь не впервые. Ловко застелила два сдвинутых дощатых ящика старым сигнальным флагом (с полинялым голубым квадратом на белом поле), разложила всякое угощение, поставила разномастные, с трещинами, стаканы и фаянсовые кружки. Глянула из-за плеча. И — словно догадалась о Колиной тревоге за Женю:

— Вы, мальчишки, потом проводите его. А то как он один-то... Страх такой.

— Да никакого страха, — отозвался Женя с веселой беспечностью. — Я в этих местах все тропинки-закоулки знаю, хоть с завязанными глазами. За меня и не волнуются даже, если поздно. Только Лена, сестра моя, всегда охает. Но ей так полагается, потому что девица...

Эта беззаботная смелость Жени Славутского (такого робкого на первый взгляд) понравилась Коле и вызвала тайный завистливый вздох. Сам-то он ни в жизнь не пошел бы один через развалины в темноте. Даже днем и в компании — и то жутковато...

— Да мы проводим! — с веселой готовностью пообещал за всех маленький Савушка. — Мы всегда друг дружку провожаем. Сперва Сашу, когда она с нами, потом нас с Федюней, потом Макарку с Ибрагимкой, а уж после всех Фрол идет один. Ему не страшно, у него пистоль... Фрол, покажи новенькому пистоль.

— Экий у тебя язык, — укоризненно сказал Фрол. — Бренчишь, как колокол на баке...

— Садитесь к столу, вояки, — сказала Саша. — Вон уж чайник вскипел.

Мягкий жестяной чайник булькал на гудящей печке. Была эта печурка квадратная, железная, с медными уголками и на прочно расставленных ногах. С вдавленным боком, но крепкая. Уже после Коля узнал, что ее нашли на месте английского лагеря. Во время осады союзники устраивались на зимовку старательно и завезли из своих стран немало вещей для удобной жизни. На печке была фабричная медная бляшка с надписью «J.W. Tompson. Glasgow»...

Все безобидно затолкались, устраиваясь у ящиков, поскидывали армячки и фуфайки — печка давала изрядное тепло. Коля оказался рядом с Женей на самодельной лавке — широкой доске, уложенной на каменные брусья.

Фрол, натянув обшлаг на ладонь, ухватил чайник за горячую ручку и разливал кипяток по кружкам и стаканам. Саша добавляла в них заварку из другого чайника — маленького, с яркими подсолнухами на белых боках. Савушка смотрел на горку розовых пряников и трогал кончиком языка пухлые губы. Коля наконец придавил смущенье и шепнул Жене:

— А зачем ты искал меня? В понедельник и так увиделись бы...

— Ты же не в понедельник именинник, а сегодня... Я подумал, что... ну вот, подарок... — Женя завозился, вытащил из-за пазухи небольшую толстую тетрадь в синей глянцевой корочке. Раскрыл. Бумага тоже была глянцевая, плотная. И очень белая. На первом листе нарисован был в полстраницы корабль под всеми парусами. Он мчался через волны, которые крыльями разлетались из-под форштевня. А над фрегатом среди круглых облаков неслись две чайки. Рисунок был словно отпечатанная черной краской гравюра. Сразу видно, что сделан тонким стальным пером, какие лишь недавно стали входить в обиход вместо гусиных.

Чудо что за картинка!

А под нею аккуратными буквами с завитушками было выведено: «Николаю Лазунову въ день ангела. Е. Славутский. 1866 года, декабря 6-го дня».

— Как чудесно... Это вы... ты сам нарисовал?

— Сам... А в тетрадке ты можешь записывать что угодно. На память и вообще... Или тоже рисовать.

— Рисую я плохо. Я буду писать. Я давно уж хотел вести журнал всяких интересных событий, да все не мог собраться, а теперь уж точно... — И спохватился: — Спасибо!

Ребята, нависнув над столом с опасно горячими кружками, тоже разглядывали рисунок.

— Похоже на «Двенадцать Апостолов», которых наш дед мастерит, — выдохнул Федюня.

— Ну, ты скажешь, — оттопырил губу Фрол. — «Апостолы» были линейный корабль, а это фрегат. Смотри, орудийные порты в один ряд... Это вроде «Коварный», с которой наши часы... — И все оглянулись на два стеклянных шара (размером с яблоко), соединенных узким горлышком и укрепленных внутри подстав-

ки с точеными столбиками. Часы стояли на чурбаке, недалеко от печки, дверца которой была теперь открыта. Оранжевые блики дрожали на стекле, песок мелко искрился, перетекая из верхней колбы в нижнюю. Он бежал неторопливо, и времени впереди было еще много...

Пили чай, макая в него кусочки рафинада и просасывая сквозь них горячую влагу. Закусывали пряниками, пирогом и леденцами. Болтали, вспоминая школу, недавний салют Маркелыча и смешной случай с незадачливым Савушкой. Того понесло зачем-то одного в разбитый дом у Якорного спуска, полез он в щель между обваленной стеной и печью и застрял. Висел в щели, болтая ногами, пищал и звал на помощь. Хорошо, что услышали Ибрагимка и Макарка, вызволили, сдали с рук на руки Федюне.

— Я говорю, чего тебя туда понесло, — вновь задосадовал на брата Федюня, — а он только сопит...

— Я за котенком полез! — раскрыл наконец причину своей беды Савушка. — Там котенок бегал, я хотел поймать!

— Вот дурной! Тебе зачем котенок-то?! — изумился Ибрагимка. — У вас и так две кошки, от них чуть не каждый месяц приплод!

— Я же не себе! Я думал, вдруг он той девочки! Я бы ее встретил и отдал. И стало бы ей хорошо.

— Ох, дурная голова... — опять сказал Ибрагимка и почему-то вздохнул. Все на миг примолкли.

— Никакой девочки нету и не бывает, — насупленно сообщил Макарка.

— А вдруг бывает, — шепотом заспорил Савушка. — Многие видели...

— Если она и была, котенок-то давно вырос, — рассудительно заметил Фрол. И потянулся к чайнику.

Коля видел, что все, кроме него, понимают, что за девочка и что за котенок. Но спрашивать не стал, решил, что узнает после. Он размяк от чая, сытости и уюта. Чувствовал, как ему хорошо здесь, в Боцманском погребке, среди дружных незлобивых мальчишек, рядом с Женей и Сашей, сделавших ему сегодня такие славные подарки. Трогал за пазухой Женину тетрадку и тихо радовался... И даже опасливая мысль, что в конце концов придется идти сквозь руины провожать Женю, теперь уже почти не царапала его. А если и вспоминалась, он быстро говорил себе: «Ведь не один же, а со всеми. И с фонарем. И у Фрола пистоль...» И опять становилось спокойно. Кроме того, смелости добавлял

огонь в печке, куда Макарка и Федюня часто подбрасывали щепки. Желто-красное пламя начинало метаться веселее, и Коле вспоминался рыжий мальчик на гнедом скакуне, что мчался вслед за поездом среди осенней листвы.

Вот уж кто был храбр без оглядки — тот мальчишка! И вспоминая его, Коля сам делался чуточку храбрее.

А Женя будто уловил Колины мысли и спросил Фрола:

— А что, у тебя правда есть пистолет?

Фрол полез за пазуху.

— Только ты про него никому ни слова. Семибас узнает — враз отберет.

— Я никому... — Женя принял в ладони тяжелое оружие. — Ух ты... Он заряжен?

— Нет пока. Вот когда пойдем, заряджу... — Фрол усмехнулся. — На всякий случай.

— А я стрелял из него, — сказал Коля, чтобы прогнать опять подкатившуюся боязнь. — Попал в бутылку. Скажи, Фрол...

— Попал, попал... — И Фрол усмехнулся снова. Может, учуял тайный Колин страх?

Поперешный Макарка (всегда его дергают за язык, где не надо!) хмыкнул задиристо:

— В бутылку чего не попасть! А ты попади в *нежить*, когда встретится! Против них, нежитей-то, никакой пистоль не защитит, коль достанут среди пустых домов.

— К... какие нежити? — слабым голосом выговорил Коля.

Фрол лениво потянулся.

— Да ну, ты не слушай. Бабы меж собой такое сочиняют для интересу... Будто по развалинам ходят души английских да французских мародеров, что дома грабили, когда захватили город... Вишь, не награбились тогда до отвала, вот и лазают там до сей поры. А какого человека изловят, тому и крышка, больше его никто не найдет... Да только сказки это...

— Ничего себе сказки! — вскинулся Макарка. — Сколько народу попропало!

— Да ну вас, страх какой, — обиженно выговорила Саша. Но, кажется, без настоящего страха, а по привычке.

— Народ по всякой причине пропадает, — рассудительно отозвался Фрол. Взял у Жени пистолет, глянул на песочные часы вдоль ствола. — А велят на нечистую силу...

— Никто этих нежитей не видел, болтают только... — беспечно сказал Женя вроде бы всем, но в первую очередь, кажется, Коле.

Федюня опасно возразил:

— Как же никто не видел? Много людей, которые видели... Наш дед видел.

Фрол опять небрежно посмотрел вдоль ствола.

— Ну, так он небось после хорошей чарки...

— Ты про деда так не говори, — враз надулся Федюня. И Савушка заодно, даже пряник отложил.

Фрол сунул пистолет за пазуху.

— Я же не для обиды, а для разъяснения. Наш сосед дядько Михай Ставрида тоже как примет несколько стопок, чего хошь может увидеть по темным углам. Это с теми, кто в годах, часто бывает... Ибрагимка, скажи, у тебя дед ведь тоже...

Ибрагимка блеснул глазами.

— Мой дед не пьет, ему Коран не велит. И нежитей он не видел... А барабанщика видел, даже говорил с ним...

— Барабанщика многие встречали, — серьезно сказал из-за поднятой кружки Савушка.

Почему-то опять все примолкли.

— Что за барабанщик? — вполголоса спросил Коля у Жени.

— Это... вроде как легенда. Убитый французский мальчик-барабанщик. Барабан у него разорвало осколками. Говорят, еще осада не кончилась, а он уже ходил... По нашим позициям ходил и по городу и все спрашивал: «Вы не видели мой барабан? Мне без него в полк никак нельзя возвратиться»... И сейчас будто бы ходит ночью, печальный такой. Все его жалеют, да барабана-то нет...

Ледяные колючки прошли теперь у Коли не только по спине, а от затылка до пяток. Он из всех сил улыбнулся.

Фрол опять зевнул.

— Вы бы подумали умными головами: кто его может понять, о чем он спрашивает? Кто у нас тут знает по-французски?.. Ибрагимка, твой дед по-какому с ним разговаривал?

— Я почем знаю? Спроси деда...

Фрол непонятно улыбнулся:

— Вот тебе, Николай, *в самый раз было бы побеседовать с французиком, ты ведь разумеешь...*

«Этого еще не хватало!» Он даже не обиделся на «Николя», только стукнул зубами. И, чтобы не заметили его новый страх, спросил небрежно:

— А что за девочка с котенком? Тоже из этих... из привидений?

Федюня бросил в огонь новую шепу и сказал от печки со странной ласковостью:

— Она была дочка офицера. Он погиб на бастионах, а ихняя семья все жила тут, никак не уезжала. Говорят, на Морской. А потом, когда уж совсем нестерпимая стрельба, стали уезжать, погрузились на телегу, а девочка с нее вдруг спрыгнула и обратно в дом...

— Там остался котенок, — вздохнул Савушка.

— Ну да. Все ей кричат: вернись, вернись, а она его ищет. Мать хотела за ней следом, а тут бомба в дом, стену обрушила... Потом все камни разгребли, а девочки нету. И вот, говорят, до сих пор ходит она по разбитым домам, ищет котенка...

— Даже если и правда, то ведь не страшно, — негромко сказал Женя. Опять будто бы всем, но прежде всех Коле. — Я про девочку и барабанщика. Жаль их, только и всего. Они же вреда никому не делают...

— Ага, не делают! — подскочил у печки Макарка. — А как увидишь их, сразу небось в штаны напустишь!

— Ох и язык твой, Макар, — по-взрослому заметила Саша. — Будешь на том свете каленые сковородки лизать...

— А чего! Я же правду сказал... — Похоже, что Макарка струхнул, услышав про сковородки.

— А правда такая, что вообще тут никаких страхов нет, — веско подвел итог Фрол. — И барабанщик этот, и девчонка, и нежити мародерные, они, если даже и есть по правде, то кто они? Призраки. А призраки состоят из тумана, а от тумана какой вред человеку? Никакого ощущения, даже потрогать их нельзя...

«Ужас какой! Не хватало еще их *трогать!*»

— А зачем тогда пистоль заряжать? — ехидно спросил Макарка.

— Пистоль от настоящих разбойников, если вдруг сунутся... — Фрол опять загадочно улыбнулся.

СПЯЩИЕ БОМБЫ

Коля с оживлением повозился на своем сиденье. Настоящие разбойники — это ведь совсем не так жутко, как призраки.

Саша неуверенно заспорил:

— Да откуда же тут разбойники? Сроду не бывало...

— Как же не бывало! Вон сколько про них говорят! — непонятно чему обрадовался Савушка.

— Говорят про тех, кто на дорогах, — отмахнулась Саша. — А у нас тут чего грабить?

— Уж они найдут *чего*, — хмыкнул Фрол. — Только попадись...

— Разбойники маленьких не трогают! — резко сказал Ибрагимка.

— Ох уж! — тут же ввинтился Поперешный Макарка.

— Ничего не «ох уж»! Зачем споришь? Алим никогда детей не обижал! Даже если встречал богатых, а с теми дочка или сын маленькие, он отпускал, не брал ничего!

Фрол ручкой пистолета почесал нижнюю губу.

— Ох, держите Ибрагима, а не то он про Алима будет врать неустойчиво...

Ибрагимка сверкнул глазами:

— Ничего не врать! Про Алима — все правда! А у тебя язык вредный!

— Ну, ладно, ладно... — усмехнулся Фрол. — Начинай рассказывать. Все равно не удержишься.

— Не буду. Вы сто раз уже слышали...

— Вот они не слышали, — Фрол пистолетом показал на Колю и Женю.

— Я что-то слышал, да плохо помню, — сказал Женя.

«И я слышал!» — чуть не сунулся вперед Коля, но решил по-временить. И спросил:

— А кто такой Алим?

— Знаменитый человек был! — живо подался вперед Ибрагимка. Видно, ему и вправду хотелось вновь рассказать эту историю. — Такой самый храбрый, такой самый добрый! Богатые его боялись, бедные любили, он за них всегда заступался... Только это давно было, еще до войны...

Ибрагимка быстро обвел ребят глазами: рассказывать?

— Расскажи, — попросил Коля, а остальные задвигались, устраиваясь поудобнее.

— Алим жил в Карасубазаре. Сильный был, веселый был, никого не боялся. Гулял как хотел, в лавках у караимов брал что хотел. Караимы — они самые богатые, у каждого лавка с добром в Карасубазаре. Алим их не любил, а они его не любили... Однажды сговорились и отдали Алима в солдаты. В какую-то далекую крепость. Бор... бурскую какую-то...

— Бобруйскую, наверно, — сказал Коля. Он слышал про эту зловещую крепость от тетушки. Она говорила, что там держали в заключении некоторых декабристов.

— Ну да, в нее... Решили, что его там быстро загонят палками в могилу... Но Алим хитрый был, нрав свой на время спрятал и сделался исправным солдатом, по уставу. Начальники видят — совсем правильный человек, незачем его в крепости держать, ну и пишут в Карасубазар: забирайте, мол, вашего Алимку обратно. А караимы не хотят: и бояться, и зло на него держат по-прежнему. А он как узнал про такое, весь распалился в себе и говорит: «Вы меня, честного солдата, принять не захотели, тогда узнаете меня разбойником. Да поплачете!» Убежал он из крепости и всякими хитрыми путями добрался до Карасубазара. Вот тут и правда заплакали от него все его враги. Все богатеи, все купцы-караимы да мурзаки... А бедных никогда не трогал, отдавал им всякое добро, что отбирал у богатых...

Ибрагимка увлекся рассказом. Говорил он с восточной монотонностью, но взгляд его (с отражениями печуркиного огня в зрачках) живо перескакивал от одного лица к другому. Фразы текли без перерыва — видно было, что разбойничью историю Ибрагимка повторяет уже который раз. Все, однако, слушали будто впервые, с приоткрытыми ртами. Даже Фрол не усмехался, лишь один раз встал, перевернул часы, когда иссякла песочная струйка.

Алим в рассказе Ибрагимки представлял неуловимым героем-одиночкой. Не было у него сообщников. Были только три верных друга: кривой закаленный кинжал, меткое английское ружье да небольшой, но быстрый и выносливый скакун степной породы.

Скоро Алим стал владыкой крымских степей. Никто из жителей не смел ему перечить. Любой дом был для него открыт, везде его кормили, поили, одевали. Все склоняли перед ним головы. Поймать его было невозможно. А если случалось, что солдаты или полиция окружали и наваливались, Алим легко раскидывал врагов и уходил — силы он был богатырской.

Умел Алим оказываться там, где его не ждали. Только пройдёт слух, что видели его у Карасубазара, и евпаторийские купцы с облегчением собираются в Симферополь, а он — глянь! — уже у них на дороге!

Зря не стрелял, не убивал. Остановит в степи экипаж, велит всем выйти и отойти на сотню шагов, а деньги и всякие ценные вещи оставить на обочине. Никому и в голову не приходило спорить. Случалось, что в фургонах ехало немало сильных здоровых мужчин, но они разом делались тихими, как провинившиеся мальчишки...

Часто Алим разгуливал по Феодосии и Бахчисараю, Евпатории и Карасубазару, ни от кого не прячась. Дворники кланялись ему, а трактирщики заранее готовили угощение. А как только появится опасность — Алима и след простыл! Везде среди местного народа, особенно среди татар, были у него свои глаза и уши...

Начальство посылало отряды солдат, расставляло на дорогах патрули, устраивало ночные облавы. Алим же, не стесняясь публики и полиции, гулял по бульвару в губернском городе, раскладываясь со знакомыми...

Один раз Алим ограбил заезжего генерала. Тот ехал в карете, запряженной шестеркою почтовых лошадей. Генерал не понимал, отчего вдруг при виде одинокого всадника все люди — и охрана, и кучера, и лакеи — впали в столбняк. Он ругался, бил ямщика по шее, но тот сделался как деревянный. Алим нацелился из ружья и сказал:

— Бросьте в окно бумажник, ваше превосходительство. Даю вам одну минуту.

Генерал был, наверно, не трус, но то ли не было при нем оружия, то ли не сумел до него дотянуться. А вместе с ним ехала дочка, и рисковать ею генерал никак не хотел. Стиснув зубы, выбросил бумажник...

А потом генерал прискакал в Одессу и поднял там шум на все южные губернии: «Как это так! Всюду стоят войска, жандармов и полиции не счесть, а поймать одного грабителя никто не может! Срам на всю Российскую империю! Я дойду до государя!»

Тут уж охота за Алимом развернулась несравнимо пуще прежней. А крымские власти начали всячески притеснять и штрафовать татар. Это вы, мол, привлекаете да укрываете преступника-грабителя, вот и отвечайте все вместе. Никто из татар, однако, Алима не выдал. Но был у него давний недруг, русский волостной голова в селении Зуях. Крепкий такой мужик, богатырь не меньше, чем сам Алим. Он поклялся поймать Алима, гонялся за ним по всем дорогам. И однажды настиг. Алим, на свою беду, был пьян, не сумел уйти от погони. Навалилось на него народу видимо-невидимо. Он, однако, всех раскидал, выхватил у полицейского саблю, отсек врагу руку и умчался на своем скакуне.

Одно плохо — погоня не отставала, Алим ослабел, и спрятаться было негде. Тогда он решился на отчаянный шаг — укрыться прямо во вражьем гнезде, в Симферополе. Прискакал в городской сад, что разбит против губернаторского дома, привя-

зал коня к беседке и улегся там спать. Время было ночное, темное... Там на Алима и наткнулся городской, что в полночь делал обход. Посветил фонарем, узнал, тихо ахнул и побежал за подмогой. И на сей раз этой подмоги явилось столько, что отбиться не было уже у Алима силы.

— Ах, кабы поменьше пил вина, — горевал он по дороге в острог.

Посадили Алима в тайный каземат, под строгую охрану, но он сумел бежать и оттуда, сманив с собой часового (тот и отпер штыком дверь). Оба перебрались через высокую стену и ушли.

В другой раз взяли Алима, когда он ночевал у чабанов. Всех, кто там был, перевязали на всякий случай. Оказалось, что предал Алима богатый татарин-мурзак, привел жандармов к землянке...

По закону считался Алим беглым солдатом, и потому приговорили его прогнать сквозь строй, дать несколько тысяч палок. Били его солдаты отчаянно, потому что ненавидели: ведь из-за него не было им ни днем ни ночью покоя, постоянные патрули, тревоги, облавы да походы по степи. Вот и отводили теперь душу. Всех ударов Алим не выдержал, упал без памяти. Кровавое мясо ключьями висело со спины. Его подлечили, а потом погна-ли опять, чтобы выдать все сполна. Он и во второй раз не выдержал, и его погнали сызнова...

Однако и после того Алим сумел уйти из острога. Только прежних сил уже не было, отбили ему все внутри, кровью плевал. Он бежал в Турцию и оттуда передавал через верных людей, что вот накопит прежнее здоровье и вернется в родные места. И тогда все его недруги снова вспомнят Алима...

— Да не вернулся, — с привычной печалью закончил рассказ Ибрагимка. — Началась война, а где война, там и так полно разбоя каждый день. А потом, говорят, Алим умер в Стамбуле, так и не набрался здоровья до прежней силы...

Все помолчали, не столько жалея Алима, сколько уважая Ибрагимкину печаль. А когда в шуршании песка и потрескивании огня прошла минута, Коля значительно произнес:

— А может быть, он все-таки не умер? Может быть, вернулся?

Все разом глянули на него, а Фрол оттопырил губу:

— С чего ты взял?

— А вот... — Коля сунул пальцы за пазуху, во внутренний карман суконной курточки. Вытащил сложенный во много раз газетный лист.

Это были «Вести Тавриды», что печатались в Симферополе.

Тетушка во время поездки завернула в них какую-то свою покупку, а Коля потом подобрал, прочитал и... спрятал на память.

— Смотрите, что здесь написано... — Он подвинулся ближе к стоявшему на столе фонарю. — «По сообщениям, поступившим к нам из полицейской части, а также по рассказам господ пассажиров, имевших надобность путешествовать по дорогам Крыма, стало нам известно, что на пути между Бахчисараем и Симферополем несколько раз объявлялся некий всадник, показывающий самые дерзкие намерения. Он грозил седокам в фургонах ружьем, стрелял в воздух и однажды подверг лиц, едущих в почтовом экипаже, самому бесцеремонному ограблению, поскольку там не нашлось никого, кто сумел бы дать злоумышленнику достойный ответ. Несколько раз означенный злоумышленник гнался за экипажами, но ямщики пускали лошадей вскачь, и разбойник не смел преградить им дорогу, а его стрельба была то ли нарочито поверх голов, то ли безуспешной в силу неопытности. Недавно же разбойник едва не поплатился за свою дерзость головой, поскольку в фургоне оказались двое вооруженных мужчин, которые открыли по нападавшему огонь из револьверов. Всадник, пригнувшись и громко крича, скрылся в степи, и после того о нем не было более никаких известий... Некоторые свидетели нападений утверждают, что, преследуя экипажи, всадник кричал, будто он не кто иной, как знаменитый разбойник Алим, наводивший ужас на жителей Тавриды перед Крымской войной, и что он вернулся для отмщения...» Вот такая статья, — закончил чтение Коля и оглядел ребят.

Те молчали, посапывая и царапая затылки. Только Фрол снисходительно улыбался.

— Значит, не зря бабки болтали... — высказался наконец Поперешный Макарка.

Ибрагимка потер пальцами лоб, покачал головой:

— Нет, это не Алим. Это какой-то дурак назвался его именем... Алим разве не сумел бы остановить лошадей? Он все что хочешь мог. И никогда не боялся... Алим умер.

— С чего ты такой уверенный? — насупленно сказал Фрол. — Может, он пока в Турции жил, поумнел да теперь не прет на рожон...

— Алим умер, — повторил Ибрагимка, глядя на огонь. — Если бы он не умер, он вернулся бы еще давно. Чтобы заступиться за татар, когда их выселяли...

Все опять примолкли. Каждый (может быть, только кроме Жени) знал, что Ибрагимкиных отца и мать убили казаки, когда

бесчинствовали при выселении татар в Турцию. А выселяли их потому, что считали изменниками. Будто татары помогали союзникам воевать против русских.

Многие так считали. В Петербурге было про то немало разговоров. Даже Татьяна Фаддеевна при беседах с приятельницами возмущалась «этим азиатским вероломством», хотя иногда добавляла:

— Но рассуждая с другой стороны, их можно понять. Они мусульмане и до сих пор льнут к Турции...

Потом, уже здесь, у Черного моря, Коля узнал, что ни к кому татары не льнули, а хотели одного — чтобы дали им мирно работать на этой каменистой крымской земле, пасти скот и чтобы не слишком грабили русские начальники и свои татарские богатеи-мурзаки. Это однажды при Коле высказал в разговоре с тетушкой доктор Орешников. При этом непривычно горячился:

— Да представьте же, любезная Татьяна Фаддеевна, дикость ситуации! Вместо того чтобы преследовать и уничтожать воровчиновников, здесь гнали и расстреливали безобидное и трудолюбивое племя — татар. Господи, за что?.. Эти разговоры об измене! Да если бы замышлялась измена, кто мешал татарам в одночасье поднять во всем Крыму поголовное восстание? Светлейший князь Меншиков канул с русской армией неизвестно куда! Турки и союзники были рядом! Бахчисарай был полностью татарским, в Симферополе жителей — две трети татары! Но не было никаких возмущений!..

— Однако же рассказывают, что взятых в плен жандармов и станowych татары не жаловали...

— Тех, кто над ними издевался до войны! А с теми, кто был человекен, обходились как с гостями, на то немало свидетелей... Татар обвиняют, что они с беспрекословностью подчинились властям интервентов. Да. А что им, безоружным, было делать? А русские в таком положении не подчинились бы?.. И почему к новым властям должны они были относиться хуже, чем к прежним? От русских чиновников и полиции татары натерпелись поболее, чем от англичан и французов... И тем не менее нет ни одного серьезного свидетельства, что татары где-то помогали нашим врагам...

— Но под Евпаторией они стреляли в наших солдат! Это доказано!

— Да! Потому что доблестные союзники поставили их впереди себя и навели им свои штуцера в спины! А у татар в деревнях оставались семьи, дети... Вообще же разговоры об измене были

удобным поводом для безнаказанных издевательств над этим мирным населением. Особо лютовали казаки. Достаточно было им встретить на дороге одиноко бредущего татарина, как тот вмиг объявлялся шпионом, после чего — кнут, пытки, а то и пуля. Если где-то собиралась кучка татар, по ней открывали огонь без предупреждения... Под видом борьбы с изменою казаки угоняли отары, жгли деревни, а заодно не щадили и русские поместья, оставленные хозяевами. Мне рассказывали очевидцы, как эти «храбрые воины» врываются в дома наших помещиков, били зеркала, рубили мебель, распарывали перины в надежде отыскать спрятанные деньги... Так что у этой войны, Татьяна Фаддеевна, были две стороны...

— Как и у всякой другой, наверное, — вздохнула тетушка.

— Вы правы... А потом татар начали выселять. Кого склоняя к «добровольному» отъезду в страну единоверцев, а многих принуждая силою. Все под те же разговоры о недавней измене. А истинной причиною было желание захватить их земли и устроить хозяйства «европейского образца». И что же мы видим? Из трехсот тысяч татарского населения осталось не более ста тысяч, а где хутора и села новых владельцев? Им не по зубам оказалась здешняя твердая земля. Только те, кто жил в этой знойной степи столетиями, были приспособлены обрабатывать здесь почву и разводить скот. Нынче же — запустение. Там, где паслись три десятка отар, ходит одна. Где были поля, нынче выжженные солнцем пустоши. Стада верблюдов исчезли вовсе. Вместо деревень развалины. Продукты вздорожали немислимо... А сколько было крови...

Коля слушал, притихнув в уголке. Татьяна Фаддеевна молчала, словно в горестях крымских татар была частичка и ее вины. Потом вздохнула:

— Да, здесь многое видится иначе, нежели в столице...

— Извините меня. Я погорячился и огорчил вас...

— Не огорчили, а помогли взглянуть на вещи по-новому... Однако же давайте пить чай. Я подозреваю, что вы опять не ужинали...

Тот разговор был вскоре после возвращения тетушки и доктора из Симферополя. Коля слушал и осторожно вертел в руках листок «Вестей Тавриды». Он догадался, что Тё-Таня не читала его, а просто использовала для обертки. Иначе бы она спрятала газету подальше, чтобы не волновать впечатлительного племянника историей о разбойнике. «А может быть, один из тех, кто стрелял по всаднику, был доктор Орешников?» — подумал было

Коля. Но нет, число на газете оказалось старое, она вышла за две недели до поездки.

...А после долгого таскания в кармане газетный лист сделался еще более старым и помятым.

— Дай-ка... — попросил Фрол. Шевеля губами, перечитал рассказ о таинственном всаднике и сказал с зевком: — А, дурость одна. Ибрагимка правильно говорит: никакой это не Алим... — Он быстро сложил бумагу и потянулся с ней к дверце печурки.

— Стой! Ты что! — Коля перепуганно выхватил газету.

— Да тебе она зачем? — удивленно хмыкнул Фрол. — Сам в разбойники, что ли, собрался? Как Дубровский?

— Не твое дело, куда собрался... Я и не ради этой статьи газету берегу. Тут другое... Вот... — Коля вновь развернул газетный лист. — Это стихотворение. Про осаду... и вообще...

Одному Фролу Коля не стал бы ничего объяснять, хотя как раз Фрол был не чужд склонности к рифмованию. Но здесь были Женя и Саша. Федюня с Савушкой слушали тоже по-доброму. Да и Макарка с Ибрагимкой смотрели без насмешки. И Коля сказал:

— Мне понравилось, вот я и сохранил. А в кармане ношу, потому что забываю вынуть... Теперь уж точно выну. И перепишу в твою тетрадку... — Он быстро глянул на Женю. Тот благодарно улыбнулся.

— Что за стих-то? — небрежно спросил Фрол.

— А вот прочитаю сейчас... Прочитать?

— Конечно! — звонко сказал Женя. Остальные повозились — тоже с готовностью слушать.

Коля опять придвинулся к фонарю. Разумеется, он стал читать без той выразительности, которой не раз пыталась выучить его Тё-Таня. Однако внятно и неторопливо.

Давно закончилась осада.
В приморском воздухе теплынь.
У крепостного палисада
Седеет древняя полынь.
И там, в полыни и шебенке,
Ржавея тихо до поры,
Уютно, как дитя в пеленке,
Лежат чугунные шары.
Иным уже не снится порох —
Ведь ядра сплошь из чугуна.
Но есть такие, для которых
Еще не кончена война.
Они в своем покое хрупки.

Беда их в том, что в нужный миг
 Огонь дистанционной трубки
 К заряду бомбы не проник.
 И шар с пороховой утробой,
 Покрывши ржавчиной бока,
 Лежит притихшим недотрогой —
 Он хочет искры иль толчка.
 То ночь, то знойный день нахлынет...
 Скользит в тиши за годом год.
 И может быть, никто в полыни
 Шары не сыщет, не толкнет.
 Они, возможно, станут прахом
 Без грома, дыма и огня.
 ...Но есть во мне кусочек страха,
 Что ждет один из них — меня.

Коля дочитал и смущенно примолк, глядя в стол. Другие тоже молчали. Слышно было только, как жует пряник Савушка. Потом Саша тихонько сказала:

— Опять про это... Страх какой...

— Кто сочинил-то? — наконец небрежно спросил Фрол.

— Француз один. Шарль Дюпон...

— Разве французы могут сочинять по-нашему? — не поверил Макарка.

— А он по-своему... Вот тут написано. «Недавно в наших краях побывал французский литератор месье Шарль Дюпон, который во время Крымской кампании служил офицером в дивизии Мак-Магона и принимал участие в штурме Малахова кургана, где и был ранен штыком в плечо. Нынче он посетил в Севастополе памятные ему места, а оказавшись в нашем городе, принес в редакцию свои стихи. На русский язык их перевел, с любезного разрешения автора, преподаватель мужской гимназии г-н Раздольский...»

— Ну и глупо перевел, — сумрачно сказал Фрол. — «Палисад» какой-то... На бастионах никаких палисадов не было, а были бруствера...

Коля заступился:

— Это ведь не только про здешние бастионы, а вообще про войну. У некоторых крепостей внешнее ограждение называется палисадом. Здесь так для рифмы сказано, чего придирается-то...

— А про бомбы все правильно, — вдруг подал голос Федюня. — Лежат, лежат, а если зацепишь ненароком... Помните, как на Третьем бастионе в том году? Сразу двоих...

— Кабы только там... — вставил слово Макарка. — Мы рань-

ше на Аполлоновке жили, у меня там дружок был, Васятка Тихий. Нашел такой шарик, катнул по ступенькам да сам же за ним и побежал...

Федюня вздохнул по-взрослому:

— Всех случаев-то и не сочтешь...

— Каких случаев? — разом осипнув от страха, спросил Коля.

Хотя спрашивать было глупо: и так понятно.

— А вот таких, значит, интересных, — привычно хмыкнул Фрол. — Идет человек с головой, и бах — нету головы... Ты, Николай, тут человек новый, потому запомни. Будешь летом лазать по траншеям, так на ядра гляди с умом. Когда совсем гладкое, тогда не страшно, а ежели в нем дырка или торчит какая-нибудь писька, лучше обойди стороной...

— Ты, Фрол, совсем бессовестный со своим языком, — сказала Саша.

— А чего... Торчит и торчит. Это, значит, остатки трубки или фитиля. А внутри начинка...

Коля съезжил плечи, накрытый новой волною страха. Вот, значит, как здесь бывает! До этого часа он про такое и не думал. Когда прочитал в газете стихи Шарля Дюпона, то слова про спящие в полыни бомбы он воспринял не по правде, а в переносном смысле. Ну, как бы про судьбу. Будто о том, что во время войны смерть пощадила боевого офицера, но не отпустила совсем, а ходит по пятам. Может открыть в нем старые раны или ударить по сердцу такой памятью, что оно не выдержит... А выходит — бомбы на самом деле. Рядом...

Но страх накатил, сдвинул холодом на минуту и милостиво растаял... Ведь здесь-то и сейчас, слава Богу, никаких бомб не было. А потом Коля будет осторожен, не станет задевать шары с дырками и с... этими... Он нерешительно глянул на Женю. Тот смотрел ободряюще и ласково. Кажется, он все понимал: «Не бойся...» — «Да я уже и не боюсь. Почти...»

Наверно, чтобы увести разговор от страшного, Женя вдруг спросил совсем о другом:

— А правду говорят, будто тендер «Курган», что у Федоса Макеева, это бывший «Македонец» лейтенанта Новосильцева?

— Ну и врешь! — взвинулся Поперешный Макарка. — «Македонец» был быстрее всех, а «Курган» — лапоть расхлябанный!

Фрол деловито возразил:

— Не лапоть он, а просто старый, починки требует. Да и как ему со всей скоростью ходить, если экипажа нету. Грот поставят, а на топсель уже силенок не хватает... А про то, что это «Македо-

нец», я тоже слышал, от Маркелыча. Он говорит, что когда Новосильцев с матросами ушли из Синекаменной бухты, тендер остался на отмели. Французы его стаскивать не стали, не до того было, только орудия сняли. Так он и лежал там после войны. А потом стянули его, привели в Сухарную бухту. Туда сгоняли старую корабельную мелочь да продавали по дешевке каждому, кто захочет. А тем, кто в осаде воевал, — совсем задешево, как бы в награду. Вот Федос Макеев и получил корабль. Да только старый он, Федос-то, ходить боится, и чтоб матросов нанимать, денег нету...

— Все равно это не «Македонец», — упрямо заявил Макарка.

— Ай, тебя разве переспоришь, — сказал Ибрагимка.

Савушка вытер с губ крошки пряника и предложил:

— Надо у деда спросить. Дед все про корабли знает.

— Да он только про своих «Апостолов» и знает, — упрямо отозвался Макарка.

Саша вдруг сказала:

— А я слышала, что никакого «Македонца» вообще не было. И Новосильцева не было... Будто все это сказка.

Фрол оттопырил губу.

— Ты небось от соседских бабок это слышала. Они наговорят...

— Да ведь и про бухту эту, про Синекаменную, никто не знает толком, где она... — нерешительно возразила Саша.

Фрол сказал пренебрежительно:

— Потому что бухт вон сколько, а в названиях полная бестолковость. Даже моряки путаются. Одну и ту же называют то так, то этак... то совсем никак...

— Женя, а что за тендер «Македонец»? — спросил наконец Коля.

— Ну, это, может, правда, а может, легенда времен осады, — охотно заговорил тот. — Скорее всего, правда, потому что...

Но узнать про «Македонец» на этот раз Коля не смог. Дверь ухнула, отворилась и впустила с холодным воздухом веселый голос Лизаветы Марковны:

— Ох и засиделись вы, голубчики! Не пора ли по домам?

Они и правда засиделись. Песок в часах давно пересыпался весь в нижний шар, и про них забыли. Огонь в печке догорал...

— Саша, идем-ка, голубушка! Коля, тебя Татьяна Фаддеевна тоже заждалась, места не находит!

— Мне еще нельзя! — вскинулся Коля, отчаянно прогнавши из души все страхи. — Я с ребятами пойду Женю провожать!

— Да зачем тебе ходить? — добродушно возразил Фрол. — Нас

и без того целая команда, не пропадем. А Татьяну Фаддеевну тоже пожалеть надо. Небось несладко одной-то в пустом доме...

Он сказал это без всякой подковырки. И не «тетушку», не «тетку», а «Татьяну Фаддеевну», серьезно так. Получилось, что Коля вроде как ее заступник, потому и не должен идти с остальными. От такого поворота Коля испытал великую благодарность к Фролу. Но скрыл ее, конечно, и попытался еще спорить. Однако Женя прошептал:

— Тебе правда лучше пойти домой. Тетя ведь в самом деле боится... А завтра я к тебе зайду. Можно?..

ТЕТРАДЬ С КОРАВЛИКОМ

С утра в доме было тихо, только с пружинным гуденьем шелкали часы. Татьяна Фаддеевна, разбудив Колю, ушла в лечебницу и обещала прийти лишь к вечеру. («Лизавета Марковна накормит тебя обедом. Не забудь про задачки и перевод с греческого, у тебя с ним слабее всего, а экзамены на носу. Я приду и проверю...»)

Коля после завтрака (пшенная каша, молоко да краюшка) и правда сразу сел к столу. Но не ради задачек и ненавистного греческого. Он стал переписывать стихи. С газеты в подаренную Женей тетрадку. Сперва полюбовался на рисунок, а потом, на другом листе, вывел первую строчку. Писал он аккуратно. Макал в пузырек с чернилами новенькое стальное перо в длинной деревянной вставочке и с удовольствием выводил буквы со всеми полагающимися завитушками и плавными изгибами. Писать такой вставочкой было не в пример удобнее, чем гусиным пером. Она не изгибалась, не скользила пальцах и не оставляла на них чернильных пятен.

Каллиграфическим усердием Коля старался заглушить в себе вновь проснувшуюся боязнь. Ту, что первый раз появилась вчера, при разговоре о невзорвавшихся бомбах. Боязнь, однако, не исчезала. Она мягко, словно в войлочных туфлях, бродила по комнате и время от времени останавливалась у Коли за спиной. Словно тетюшка, решившая взглянуть: «Что ты там пишешь?»

И это ведь не вечером, не при слабой лампе, а при утренних лучах, бьющих сквозь кисейные занавески.

Коля отложил перо и огрел себя по затылку. «Чего ты боишься? Трус несчастный!»

А в самом деле — чего?

Да нет же, не боялся он, что и вправду подорвется на бомбе. Не так уж часто это случается. Будет обходить сторонкой ржавые шары, вот и все. Страх был глубже и непонятнее. Ощущение каких-то неразгаданных угроз, которые караулят его каждый день. Да, это была прибавка к *общему* страху, не дававшему Коле жить спокойно и радостно, на полном дыхании.

Неисчезающий страх родился еще в Петербурге, после истории с кадетским корпусом. Столица и корпус были теперь позади, но страх не пропал. Он сидел в душе как постоянное напоминание о непрочности жизни. О том, что могут случиться и другие события, когда чужая, неподвластная Коле сила постарается перевернуть, скомкать, сделать несчастным его существование... Иногда этот страх обретал конкретное содержание: «А вдруг провалюсь на экзаменах в Симферополе?.. А почему Тё-Таня так долго не возвращается из лечебницы, уж не случилось ли чего-то?.. А отчего это доктор Борис Петрович, когда недавно прослушивал меня, странно переглянулся с тетей? Уж не открылась ли опять болезнь?»

Но чаще страх был размытый, необъяснимый — ожидание неясных опасностей. И стержнем его была боязнь развалин...

Вот ведь какое непонятное дело! Коле нравился этот город. Нравилось море, запутанные переулки и лестницы на косогорах; нравились полные корабельной жизни бухты, остатки укреплений, рассказы про осаду, ранние разноцветные закаты в холодном декабрьском небе, мерцание маяков... И приятели оказались вполне подходящие, хотя Фрол и выпускал иногда колючки... Даже развалины нравились, когда солнце ярко высвечивало их белые стены, карнизы, барельефы и колонны. Это было похоже на древнюю Помпею, Коля читал о ней в книге «Повести древней истории». Но когда начинала сгущаться синяя тьма, Коле чудилось в руинах нарастание таинственной жизни. Она была непонятна и совершенно чужда людям, чужда ему, Коле.

Нет, она, эта ночная руинная жизнь, не проявляла специальной вражды к мальчишке. Но если бы он попал в круг ее таинственных сил, она могла закружить и унести его во тьму каких-то иных миров. Так водоворот втягивает в глубину букашку, случайно попавшую в воду. Втягивает, не обратив на нее внимания, занятый своим безостановочным, очень важным для себя вращением... Только в водовороте шум и бурление, а силы ночных развалин могли всосать Колю в безвыходный мрак бесшумно и скрытно от всех.

В светлое время дня Коля не раз говорил себе, что в развали-

нах только мусор и пустота. Несколько раз он даже лазил с мальчишками по разбитым домам на Морской. И правда, ничего там не было, кроме рухнувших лестниц, рассыпавшихся изразцовых печей да отпечатков от влетевших в окна ядер. Но в сумерках, стоило Коле представить ряд полуобваленных зданий с треснувшими стенами и комнатами без крыш (не говоря уж о том, чтобы приблизиться к ним), как ощущал он в этом замершем мире движение неведомых энергий, похожих на тугую напряженность предгрозового воздуха... Может быть, это и в самом деле было беззвучное столпотворение душ, еще не отпущенных войной? Или просто остатки тех сил, которые когда-то двигали эту войну и до конца не рассосались до сих пор?..

Иногда Коле думалось: если бы он однажды собрал в себе всю смелость, и ночью прошел среди развалин городского центра, и увидел бы, что там нет ничего, все его страхи развеялись бы, как утром развеивается жуткий сон. И не стал бы он бояться не только руин, но и экзаменов, и всяких бед, которые могут подкараулить его... Но он понимал, что на такой подвиг не решится никогда в жизни. Значит, и страх будет сидеть в нем по-прежнему, то как бы свиваясь в тугой тяжелый трос, то расплетаясь на отдельные прядки мелких опасений, которые по очереди цепляют нервы.

Сейчас, например, помимо разных прочих опасений Колю тревожило такое — на данный момент главное: а придет ли Женя? Не забыл ли, что вчера пообещал?..

Женя прибежал, когда часы со скрежетом отзвонили десять раз. Веселый, румяный от утреннего холода.

— Здравствуй! Еле отыскал вашу калитку.

— Ох, какой я бестолковый! Надо было встретить... Я забылся, переписывал стихи в твою тетрадку. Смотри...

— Ух, какой у тебя почерк! А про мой сестра говорит: как голодный кот лапой дверь скребет...

И так — слово за слово — побегал свободный и веселый разговор. Будто давно знакомы. Вместе полистали журнал «Земля и море». Поразглядывали вчерашний Сашин подарок. Женя долго любовался осколком вазы с кентавром, женщиной и мальчиком.

— Я в Херсонесе несколько раз был, но такое ни разу не попадалось... Коля, ты позволишь их срисовать? Я добавил бы еще что-нибудь от себя. Если постараться, может получиться целая картина про Древнюю Грецию.

— Рисуй, конечно! Ты же настоящий художник!

— С чего ты взял? — бледные Женины щеки порозовели.

— Но фрегат-то ты нарисовал совершенно замечательно!

— С кораблями проще, я их с самых малых лет рисую. А все остальное иной раз получается, а иной — никак...

— Ох, я хочу спросить! — спохватился Коля. Поскольку речь зашла о кораблях, он вспомнил: — А что это за тендер «Македонец»? И кто такой Новосильцев?

— Да про них всякие рассказы ходят. Иногда совсем уж такие... легендарные. Будто, когда рейд перекрыли затопленными кораблями, лейтенант Новосильцев на «Македонце» не ушел в Северную бухту. То ли не успел, то ли, скорее всего, не захотел... Он стал укрываться в бухточке, которая называется Синекаменная. Где такая, сейчас до сих пор не могут разобраться. Знают только, что с моря вход в нее вовсе неразличим. Поэтому англичане и французы никак не могли его поймать... «Македонец» всегда воевал ночью. У него были не белые, а просмоленные паруса — нарочно, чтобы не разглядеть в темноте... Он хоть и одномачтовый корабль, но все же не такой уж маленький, десять пушек, тридцать человек экипажа. Говорят, они так досаждали союзникам, что те просто выли...

Коля потянул Женю к диванчику.

— Давай сядем. Ты расскажи про это побольше...

Они с ногами устроились на постели, и Женя с удовольствием поведал все, что знал о подвигах «Македонца».

Тендер был быстроходен и неуловим. Не только при обычном ветре, но при малейшем дуновении воздуха он начинал скользить по воде, как черный лебедь. Такая уж удачная была у него постройка корпуса и такая выучка у матросов, ведавших парусами... В темноте «Македонец» двигался среди вражеских кораблей, толпившихся на внешнем рейде. Заходил и в Камышовую бухту, где была стоянка французов, и даже навевался в бухту Балаклавы, где уютно расположилась английская эскадра. И каждый раз устраивал союзникам «веселые карнавалы на воде». То воткнет в борт противника заостренное бревно с привязанным фугасом и скрытно горящим фитилем. То дерзко, в упор, врежет из пяти орудий по вражескому бригу или корвету — так, что тому путь или прямо на дно, или на починку к родным берегам. Или просто крадется между линейных кораблей и пароходов, где капитаны и адмиралы ведут разговоры о своих планах, не ведая, что рядом — русские уши...

Возил «Македонец» в тыл вражеских позиций пластунов, которые устраивали налеты на не ждавших опасности союзников. Пластуны жгли у противника припасы, заклепывали орудия,

подрывали пороховые погреба и, прихватив пленных, на том же «Македонце» возвращались в Синекаменную бухту.

— А оттуда, говорят, есть до самого города тайный подземный ход... Потом, когда пришлось бросить тендер, Новосильцев с матросами и ушел по этому ходу из бухты к своим...

— А почему пришлось бросить тендер?

— Про это по-разному говорят. Ну, вроде бы французы однажды выследили «Македонца» и заперли выход из бухты. Поставили многопушечный корабль и пароход с мортирами, для стрельбы по крутой дуге. И на берег высадили десант, солдаты сверху по обрыву оцепили всю бухту. Французский капитан прислал парламентаря. Тот говорит: «Господин лейтенант, мы знаем вас как храброго офицера, но выхода у вас теперь нет. Или сдавайтесь с почетом, или мы вас здесь расстреляем в шепки, война есть война... Это по одним рассказам. А по другим, будто бы он совсем не так говорил: «Вы воевали, как пираты, нарушали международные законы, и всех вас мы имеем право повесить на реях. И если хотите надеяться хоть на какую-то милость победителей, то сдавайтесь без лишних разговоров, а наш адмирал решит, что с вами делать...»

— Да чего же они нарушали-то! — возмутился Коля. — Воевали, вот и все! — Он уже видел перед собой будто наяву молодого лейтенанта, бледного, с черной бородкой и бесстрашными глазами. И коренастых невозмутимых матросов, готовых сражаться до самого последнего мига...

— Ну, будто бы он воевал не открыто, а исподтишка. И шпионил...

— Но ведь военные хитрости и разведка — это вовсе не пиратство и не шпионство!

— Конечно! Новосильцев будто бы так и ответил. А враги снова: «Сдавайтесь, а то хуже будет!» Они, наверно, еще из-за золота хотели завладеть «Македонцем»...

— Какого золота?

— Ходил слух, будто Новосильцев знает, где после бури затонул на мелководье английский корабль, который вез для всей армии жалованье. Представляешь, сколько денег!.. И будто матросы «Македонца» кое-что даже сумели поднять с этого корабля и погрузить в свой трюм. Кто-то говорит, что это правда, а кто-то — что сказки... В общем, французы заперли тендер в бухте и ждут: что решит его командир? Новосильцев тогда говорит: «Дайте время на размышление до утра». В темноте, мол, сдавать-

ся неудобно. Французы отвечают: «Ладно». Потому что русским деваться все равно некуда.

— А про подземный ход французы не знали?

— В том-то и дело!.. Ночь совсем сгустилась, и тогда матросы и Новосильцев открыли в кюйт-камере несколько ящиков с порохом, протянули на берег фитиль, взяли с собой флаг, вахтенный журнал, карты и все важное...

— И золото?

— Ну, если оно было... Не знаю... Подожгли фитиль с суши, а сами — в подземный ход. Думали, что отойдут, а тендер рванет на воздух, чтобы не достался врагам. Только тут как раз пошел дождь и огонь на фитиле загасил...

— Может, и хорошо. Иначе тендер не достался бы Федосу Makeеву.

— Да... Если, конечно, его «Курган» — это тот самый «Македонец». Про это тоже по-всякому говорят...

— Надо Маркелыча спросить! Он же на «Кургане» шкипером ходил, знает, наверно, безошибочно.

— Может, и знает. А может, и нет... Рассказывают, что сам Makeев говорит то «да», то «нет»...

— Женя, а что стало с Новосильцевым и матросами?

— Про это опять же говорят по-разному. Одни — будто Новосильцев и экипаж все же попались в плен французам, потому что союзники подошли уже вплотную к городу, выход из-под земли оказался на их позиции. Но врагам все равно ничего не досталось: флаг, журнал и все документы Новосильцев спрятал где-то про дороге. Наверно, под землей... А дальше ничего не известно. Скорее всего, после войны вернули домой, как всех пленных... А другие говорят, что моряки с «Македонца» сразу вышли к своим, а Новосильцев вскоре умер от заражения раны, которую получил в последнем бою...

— Как же так? Он такой герой, и ничего про него толком не знают!

— А с героями ведь тоже по-всякому было, — вздохнул Женя с умудренностью давнего здешнего жителя. — Одним всякие награды, а другим шиш с маком. Тем, кого начальники не любили...

— Да за что же его не любили?

— Говорят, за своенравие. Много делал по-своему, приказов не слушал, дерзко разговаривал со штабными командирами... Он ведь в своей Синекаменной бухте был почти что отрезан от города и от начальства, действовал по своему разумению да еще

так отчаянно. Вот и решили, что чересчур своевольный. Его Нахимов любил, а как убили, не стало заступника...

Коля не прочь был еще поговорить про «Македонца» и его командира, но пришла Саша.

— Мама спрашивает, когда обед подавать...

— «Подавать»? Ну, как при дворе Людовика Четырнадцатого!.. Рань же еще.

— А она заранее спрашивает. А пока варит.

Лизавета Марковна готовила еду для Коли у себя, так оно проще.

— Скажи, что в два часа... А сама приходи снова, если хочешь. Мы тут про всякие интересные дела говорим.

Это он так сказал, из вежливости. Иначе получилось бы, что выставляет Сашу как кухарку. А она неожиданно обрадовалась:

— Хотите, я карты принесу? Можно будет поиграть как-нибудь...

— Тащи, — грубовато от неловкости согласился Коля.

Когда Саша ушла, Женя спросил:

— А тебе позволяют играть в карты?

— Конечно. А что такого? Мы с тетей Таней по вечерам иногда играем в подкидного.

— А мне сестра не велит. Лена... Говорит, что карты людей губят.

— Ну, так это если на деньги играют, как в «Пиковой даме» у Пушкина. А в «дураке» что опасного...

— Я про пиковую даму не читал, — вздохнул Женя. — У нас дома сказки Пушкина есть и стихи, а повестей его нет, и достать нигде... Но мне Лена рассказывала...

— У нас тоже нет. В Петербурге эта книга была, да все ведь не повезешь в такую даль... У Фрола есть толстенные «Сочинения Александра Пушкина», ему давно еще подарил их квартирант, инженер... Фрол больше всего «Дубровского» любит, вспоминает его то и дело.

Женя сказал, что про Дубровского ему тоже рассказывала Лена.

Пришла Саша с растрепанной карточной колодой. Сыграли в «дурака», но вдвоем было неудобно, лучше, когда парами. Саша спросила, знают ли мальчики игру в «Пьяного шкипера». Те не знали. Игра оказалась простая, но забавная. Когда прозеваешь карту — обязательно смех. А проигравшего следует щелкать оставшимися в колоде картами по носу. Хорошо, если осталось немного, а когда колода почти полная — ой-ей-ей...

Так, веселясь и потирая носы, не заметили, как возникла Лизавета Марковна:

— Ишь, да вас двое сокольников. Ну, идите на кухню, усаживайтесь...

— И Саша!

Саша за столом вела себя чересчур чинно, оттопыривала мизинец, когда держала ложку. Но в общем-то не очень стеснялась.

После обеда Женя сказал, что пора домой. И, по правде говоря, это было хорошо, потому что засветло. А то ведь одного не отпустишь, а провожать в сумерках — сами понимаете...

Проводили его вдвоем с Сашей. Не до дома, а только до горки Седьмого бастиона, под которой шумел рынок. Оттуда Женя резво ускакал вниз по лестнице, махая на прощанье мятой зачьей шапкой.

Дома Коля поспешно сел за уроки. Тё-Таня в этих вопросах была строга. И это не зря: с гимназистов-экстернов на экзаменах спрос не шуточный.

С задачками Коля разделался быстро, а вот греческий... В прогимназии этот предмет изучали еле-еле, а тут ведь спросят. И кто это придумал мучить людей скучнейшими строфами из «Гомера»? Будто мало для этого латыни!..

Пришла Татьяна Фаддеевна и осталась весьма недовольна Колиным пересказом греческого текста.

— Неужели за целый день нельзя было приготовить как следует!

— У меня от этих переводов уже голова пухнет.

— Вот провалишься, будешь знать...

Коля сцепил на левой руке два пальца и мысленно плюнул через плечо.

— Я завтра выучу.

— И, пожалуйста, помни, что учишь не для меня, а для себя.

— Ну, помню я, помню... О, Господи...

— Все-таки Николай Иванович Пирогов был прав, — вздохнула Татьяна Фаддеевна и пошла к Лизавете Марковне договариваться насчет ужина. И жаловаться на непутового племянника.

А Коля сел опять к столу и открыл тетрадь. Он ведь обещал себе, что будет регулярно вести «жизненный журнал». Однако много писать не хотелось. Коля решил, что достаточно нескольких слов, чтобы потом он смог вспомнить в подробностях все прошедшие дни, все интересные случаи и разговоры.

Вот как читалась его первая запись:

Переписал стихи. Женя. «Македонец» и л-т Новосильцев. Что с ним стало? Английское золото. «Курган» — это «Македонец»? Пьяный шкипер. Зачем учить греч. яз.? Нахлобучка (не сильная). Пора спать.

Следующие записи отличались той же лаконичностью. Например:

Никакого разбойника не было. Длинная дорога. Револьвер и сабля. Скучный Симферополь. Экзамены вовсе не страшные. Г-н Раздольский. Жизнь за царя.

Экзамены и правда оказались не страшными. Может быть, оттого, что первым был французский. Коле вместе с тремя другими экстернами предложили сесть за парты в гулком пустом классе, и худой молодежавый преподаватель с русыми всклокоченными бакенбардами и в маленьком хрустальном пенсне весело разразился длинной французской фразой. Смысл ее был тот, что нужен смельчак, который пойдет отвечать первым, и что смелость в начале дела — половина успеха. Пока трое Колиных «товарищей по несчастью» ежились за партами, пытаясь переварить сказанное, он (была — не была!) вскинул руку.

Испытание свелось к нескольким вопросам по неправильным глаголам и короткой живой беседе на тему погоды и Колиных впечатлений о губернском городе. Коля отвечал не сбиваясь. О погоде отозвался так, как она того заслуживала, а про город сказал, что видел его пока что мало и что по сравнению с разрушенным Севастополем центр губернии выглядит почти как столица, однако производит *холодноватое* впечатление; возможно, летом, в зелени, город выглядит уютнее.

— Весьма, весьма недурно, — подвел итог преподаватель и вписал в ведомость аккуратную пятерку. — Желаю вам, молодой человек, тех же успехов и в остальных предметах...

Тогда Коля набрался храбрости и сказал уже по-русски:

— Простите, пожалуйста. Могу я спросить?.. Правда ли, что ваша фамилия Раздольский?

— Точно так-с. Раздольский Иван Павлович. А в чем дело-с?

Коля, чувствуя спиной любопытные взгляды троих, опять перешел на французский:

— Месяц назад в газете были стихи месье Дюпона. Значит, это вы их перевели?

-- О... да! Вы их читали?

— Я их даже в свою тетрадь переписал!

— Гм... значит, вы находите их... не совсем слабыми?

— Что вы, Иван Павлович! Они... такие... сразу запоминаются... — Это он опять по-русски. И вполне искренне. Можно было не бояться, что слова его учитель примет за лесть, ведь пятерка-то была поставлена раньше.

Раздольский с явным удовольствием на лице покивал:

— Весьма, весьма польщен... Рад был познакомиться... господин Вестенбаум. Думаю, мы еще не раз встретимся к общему удовольствию...

В тот же день после обеда Коля сдал латынь. Он ее вовсе не боялся. Для человека, знающего французский, латынь — предмет несложный.

Задачи по математике оказались пустяковыми, в прогимназии он решал посложнее. Труднее оказалась диктовка. Эта вечная проблема всех гимназистов: где писать букву «е», а где «ять». Но и здесь Коля справился без ошибок. Спасибо доктору Орешникову, он незадолго до экзаменов дал Коле мудрый совет:

— Вы ведь не раз читали-перечитывали Гоголя, «Вечера на хуторе». Помните, там изрядное количество малороссийских слов. Таких, что по-русски говорят со звуком «е», а по-украински с «и». «Дивчина», «мисто», «дид», «бис»... Так вот, запомните: где украинское «и», там русское «ять»...

Коля запомнил, и это очень даже пригодилось. Жаль только, что пропустил в диктовке запятую и потому получил четверку.

Испытание по географии, истории и основам естественных наук ограничилось общим собеседованием с несколькими учителями в актовом зале. Видимо, прежние успехи третьеклассника Николая Вестенбаума были уже известны преподавателям, и его отпустили с миром после двух-трех пустяковых вопросов.

Наступил день грозного «греческого» экзамена. Коля накануне чуть не до полуночи сидел у лампы в холодном и неудобном гостиничном номере, сотый раз листая истрепанную хрестоматию с текстами древней Эллады. Наконец Тё-Таня отобрала книгу и погнала племянника в постель:

— Поздно цепляться за соломинку. Лучше выспись как следует. И... будь что будет.

Утром выяснилось, что ничего не «будет». Экзамен получился самым легким из всех. Оказалось, что греческий язык в этой гимназии вообще не обязательный предмет (или «почти не обязательный»). Наверно, потому, что некому его здесь было преподавать по-настоящему. (Вот тебе и классическая гимназия!)

Коля быстро почувствовал, что седенький, часто зевающий преподаватель знает положенные по программе переводы не многим лучше, чем он сам. Обрел уверенность и вскоре ушел с заслуженной четверкой (сам не понял, почему не с пятеркой, да ладно, все равно — счастье!).

Татьяна Фаддеевна, нервно ожидавшая в коридоре, увидела сияющее Колино лицо и расцеловала племянника на глазах у всех, кто был рядом. Он даже не очень отбивался. Впереди открылся чудесный свободный день — с прогулками по магазинам, обедом в ресторане «Версаль» и вечерним спектаклем в городском театре. Приезжая труппа из Одесской оперы давала «Жизнь за царя» композитора Глинки. Постановка была потрясающая, Коля таких не видел даже в столице. Жаль только Ивана Сусанина, которого злые ляхи погубили в безвылазных лесных дебрях. Жуткая судьба несчастного Ивана кольхнула в Коле прежние страхи, но он пересилил и прогнал их — задавил радостным воспоминанием о счастливом финале экзаменов.

Домой выехали очень рано, первым утренним экипажем — для того чтобы вечером оказаться на месте. Не хотелось, как на пути сюда, в Симферополь, ночевать в Бахчисарае.

Та ночевка случилась оттого, что в путь отправились поздно, а тракт оказался раскисшим — накатила неожиданная оттепель. Конечно, дороги были уже не те, что при осаде, когда лошади вязли по брюхо, а повозки просто утопали в грязи. Однако и теперь экипаж местами тащился еле-еле. Коля отчаянно скучал, глядя на плоские унылые горы под сырыми облаками и грязно-рыжую степь. Иногда он с надеждой вглядывался вдаль: не покажется ли разбойник? Все-таки какое-то развлечение. Разбойников Коля совершенно не боялся. Это ведь не таинственные тени в ночных развалинах и не опасность провалиться на экзаменах! К тому же среди пассажиров был жандармский ротмистр, у которого под расстегнутой голубой шинелью заметна была черная лаковая кобура.

Вообще-то Коля, зная отношение тетюшки и всех порядочных людей к жандармам (которые не давали жизни Пушкину и притесняли народ), всегда смотрел на чинов в голубых мундирах косо. Но этот ротмистр вел себя скромно, даже застенчиво. Помог Татьяне Фаддеевне сесть в экипаж, а Коле втащить тяжелый баул. Оказалось, что сносно говорит по-французски. Они с тетюшкой побеседовали о тяготах зимнего пути, о недавнем браке-сочетании наследника цесаревича с дочерью датского короля и о

романах знаменитого французского писателя Виктора Юго, чьи книги, оказывается, можно отыскать в симферопольских книжных лавках.

Ротмистр был молодой, стройный, с красивыми темными усиками, и Коле подумалось, что он, может быть, похож на автора стихов «Давно закончилась осада» Шарля Дюпона. В конце концов Коля решил, что бывают исключения и, возможно, этот офицер не чета остальным российским жандармам. Кончилось тем, что ротмистр дал Коле подержать свою тяжелую саблю и даже слегка вытащить из ножен ее зеркальное лезвие... А тяжелый револьвер и, безусловно, смелый характер господина ротмистра были вескими гарантиями того, что встреча с разбойником окончится явно не в пользу последнего.

Однако разбойник так и не появился, а пассажиров ожидал ночлег на постоялом дворе почтовой станции. Татьяна Фаддеев-не удалось выхлопотать для себя и племянника отдельную комнату. Ночью деревянный дом вздрагивал от тяжелого влажного ветра. Кусались клопы. Коля не выспался и вторую половину дороги был кислым и уже не помышлял о приключениях...

Слава Богу, на обратном пути обошлось без ночлега. На сей раз пассажиров с оружием (по крайней мере, явно заметным) в экипаже не оказалось, но Колю «разбойничьи проблемы» уже не заботили. Почти всю дорогу, пока не стемнело, он читал купленный в Симферополе увесистый том — «Тайны Вселенной. Популярное объяснение устройства мироздания. Сочинение г-на Старосадова для г.г. любознательных юных читателей». В книге были рассказы о планетах и звездах, о допотопных ящерах и мамонтах, о вулканах, морских приливах и высочайших вершинах мира.

Приехали домой поздно вечером. Лизавета Марковна и Саша не спали, встретили. Коля, затеплев ушами, сунул Саше бирюзовую овальную брошку с якорьком, которую (отчаянно смущаясь и сердито сопя) заставил Тё-Таню купить в Симферополе.

— Вот... Это тебе. На Рождество.

— Ой... благодарствую... Красота какая... — Она тут же прицепила брошку у воротника. — А разбойники не встречались?

— Пусть бы попробовали! С нами ехал офицер во-от с таким револьвером!

— Ой... вот страх.

— Опять?!

Еще запись.

Снег на Рождество. Почти как у Гоголя. Маркелыч опять стрелял. Истории в погребке.

Да, на Рождество погода сделала подарок — подморозило опять и выпал пушистый снег. Ну прямо как на рождественских картинках с поздравлениями.

В прошлом году, в Петербурге, Тё-Таня и Коля ставили дома елочку с украшениями — такой в недавние годы появился в столичных домах обычай. Но здесь елку было не достать, а ставить вместо нее маленький кипарис (так делали в семьях некоторых служащих РОПИТа) Коля не захотел. Во-первых, не по правилам это, а во-вторых... по правде говоря, кипарисы напоминали ему кладбище, где похоронен дядюшка, поручик Весли. Еще накличешь беду...

Но кое-какие рождественские украшения Коля все же смастерил. Вместе с Сашей. Они склеили из цветной бумаги фонарики и цепи, развесили по комнатам. А еще Коля по просьбе Фрола сделал большую звезду — пустую, как коробка, и обтянутую желтой и розовой прозрачной бумагой. Внутрь можно было вставить свечу.

— Колядовать пойдем, — объяснил Фрол. — Без колядок что за Рождество. А со звездой они не в пример лучше, чем просто так...

Раньше Коля только из книги знал про колядки. Из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». А теперь веселой компанией, с горячей звездой ходили в синих сумерках по слободке, стучались у дверей, кланялись и пели «Господи, слава Тебе» и «Рождество Твое, Христе Боже наш». А иногда и так: «Щедрик-ведрик, дайте вареник, грудочку каши, кильце ковбаски...» Это Коля научил ребят такой песенке. Вообще-то она была не «колядка», а «щедровка» (так написано у Гоголя), но что с того? Если можно в Диканьке, почему нельзя здесь? Пусть будет все как в той волшебной книжке!

Так и было. Хозяева домиков, где желто светились окошки, охотно открывали двери, смеялись, давали обсыпанные сахарной пудрой калачи, пряники и куски пирога.

— Спасибо, люди добрые!

— С Рождеством Христовым!..

Маленький изогнутый месяц весело горел в безоблачном небе, на сей раз черту не удалось украсть его. Морозец играючи щипал за щеки. А недалекое море было теплее зимнего воздуха,

оно не замерзало, его солоноватый запах смешивался с запахом снега, и от этого дышалось особенно празднично.

Один раз крепко толкнулся воздух, раскатив над крышами пушечный удар. Ясное дело, это отсалютовал празднику Маркелыч. (За такое дело через несколько дней околоточный надзиратель Семибас наконец конфисковал у георгиевского кавалера Ященко мортиру. Но у того нашлась другая.)

Иногда встречались незнакомые компании со звездами и свечками — те, что забрели сюда из дальних кварталов. С ними не ссорились, Рождество же! Даже махали руками и поздравляли с праздником. Раза два только случалась перекидка снежками, но без обид, шуточная. Один снежок попал в звезду, которую на палке держал Савушка, но свечка не погасла и звезда ничуть не покосилась...

Потом пошли в погребок проедать угощение.

Компания была вся та же: кроме Коли — Фрол, Макарка, Саша, Федюня с Савушкой и Женя, конечно. И даже Ибрагимка. Он сказал, что мусульмане тоже чтут Христа и Деву Марию, о том написано в Коране. Так объяснил Ибрагимке дед. Значит, ничего незаконного нету в том, что он, Ибрагимка, участвует в колядках. Дед в честь праздника насыпал Ибрагимке целый кулек леденцов, которые оченьгодились к чаю.

За чаем предложили рассказывать всякие интересные истории. Фрол начал было про Дубровского, но на него замахали руками: слышали про этого разбойника уже не однажды. Фрол надулся, но спорить и ругаться не стал: потому что опять же праздник. Тогда Коля и Саша сбежали домой (месяц светил все ярче) и принесли Гоголя. Уж какая история на такой вечер годилась больше, чем «Ночь перед Рождеством»!

Коля начал читать. Не подряд читал, а самые интересные места, остальное же быстро пересказывал своими словами. Но и на такое чтение ушло часа полтора. Слушали, приоткрыв рты, даже забывали жевать сладости и перевертывать часы. Никто, кроме Жени (даже Фрол), эту повесть раньше не знал. Да и Женя слушал будто впервые. Сказка вошла в погребок и села среди ребят. Она была в потрескивании печки, в шевелении огня за круглым фонарным стеклом, в тенях, что копошились по углам, во взволнованных вздохах Савушки...

Разошлись поздно. Женя пошел ночевать к Лазуновым, об этом он заранее условился дома. Жене постелили на сдвинутых стульях. Но легли не сразу, еще долго разглядывали книгу про

устройство мироздания. Коля подарил Жене складной ножик, что специально привез из Симферополя.

— Спасибо... А у меня никакого подарка нет.

Коля засмеялся:

— Мне твоя тетрадка — подарок на долгие времена. Пока всю не запишу.

А когда он еще ее запишет? Неделя, а то и две оставляли за собой всего несколько строчек.

Школа. Мешок — не такой уж вредный. Инструменты и рамка. Картина Жени Славутского. Кранцем по транцу. Конец погребка. Новоселье. Тё-Таня приходит поздно. Ее провожает доктор! Саша занимается правописанием.

Занятия в ремесленной школе начались вскоре после Рождества. И время побежало, как мяч по ступенькам — день за днем, прыг-скок...

С ребятами Коля ладил. Даже тот кудлатый парнишка, с которым в первый день случилась драка, оказался не столь уж вредным. Видимо, полез он тогда к Жене Славутскому не столько по злости, сколько по недостатку соображения. Звали его Степан Мешков, и потому он получил прозвище Мешок. Оно ему вполне подходило — ленивый да неповоротливый. Обиды на Колю он не держал, вел себя мирно. Вот и ладно...

Учились все дни недели, кроме воскресенья. Занятий было немало. Но Владимир Несторович, директор школы, попросил однажды Колю принести его гимназический табель, глянул в него и позволил ученику Лазунову не посещать уроки чтения, правописания и арифметики. Сразу появилось много свободных часов. Но Коля не спешил домой. Он шел в мастерскую, где стояли верстаки, токарный станок с тяжелой педалью для вращения и развешаны были по стенам пилы, коловороты, стамески, разных размеров молотки и всякие рубанки-фуганки. Иногда здесь занимался другой, не Колин класс, и Коля вместе с этими ребятами, с Федюней, набираясь опыта, пилил, строгал, сверлил и шурил доски и планки. Таким образом, работе с инструментами он учился вдвое больше, чем остальные.

Иногда в мастерской было пусто, и это особенно нравилось Коле. Тишина и пустота пахли свежим деревом, как, наверно, пахнет строящийся корабль. Такой корабль и правда был здесь. Только не натурального размера, а двухметровый. С необши-

тым, похожим на скелет корпусом, со свежеструганными мачтами и бушпритом. Это хозяин мастерской Трофим Гаврилович сооружал с помощниками наглядное пособие для будущих корабелов: чтобы не на доске рисовать, а показывать по-настоящему, где киль, где шпангоуты, где стеньги и брам-стеньги...

Видя интерес Коли Лазунова, Трофим Гаврилович иногда позволял ему выпилить и обточить какую-нибудь корабельную деталь и, случалось, хвалил. А потом даже показал, как работать на токарном станке. При этом сам крутил педалью чугунный маховик и зорко следил, чтобы Лазунов не сунул пальцы куда не надо. Коля пальцы не совал, резец держать научился быстро, и скоро они с Трофимом Гавриловичем наточили целую сотню дырчатых блоков-юферсов для стоячего такелажа. Каждый размером с «гудзик». Один юферс Коля отнес домой и с гордостью продемонстрировал тетушке. Та была чем-то озабочена, но все же старательно похвалила усердного ученика ремесленной школы.

Потом Коля сделал из еловых планок рамку. Размером с тетрадкой. Склеил, зачистил, покрыл прозрачным лаком. Дома он вставил в рамку желтый кусок картона, а к нему прикрепил зацепками из проволоки осколок с кентавром. Получилось очень славно. Будто предмет из музея древностей. Саше понравилось... Впрочем, ей нравилось все, что делал и говорил Коля.

Женя Славутский тоже одобрил осколок вазы в рамке. Он однажды пришел с большим листом бумаги и карандашами и срисовал в увеличенном виде кентавра, женщину и мальчика. Причем кентавра изобразил целиком, умело нарисовав круп, хвост и задние ноги, которых не было на черепке. А через несколько дней, в классе, он показал Коле готовый рисунок, раскрашенный акварелью.

Раскраска была неяркая, в песчаных и терракотовых тонах — тех, что у глиняной посуды и, наверно, у древней земли Херсонеса. Лица Женя вывел черными чернилами, и они оказались гораздо выразительнее, чем на осколке. Ну прямо живые!

— Честное слово, ты настоящий живописец, — искренне сказал Коля.

Женино бледное лицо порозовело. Он прошептал:

— Да что ты, я еще почти ничего не умею...

— Умеешь! Да еще как!.. Знаешь что? Надо сделать для этой картины раму.

И сделал!

Женя был счастлив. Сказал, что подарит «Кентавра» сестре

Лене. На именины. Вернее, на день рождения, потому что день ангела еще не скоро.

Коля и Женя, конечно, виделись постоянно. В обычные дни — в школе, а по воскресеньям — дома друг у друга. С утра или Женя прибежал к Коле, или тот спешил к Славутским. Дорога была не столь уж длинная — полпути до школы. Женины отец и мама встречали Колю ласково, но будто смущались и спешили оставить мальчиков одних. А Лена вела себя по-приятельски. Ну, будто Саша, только постарше. Вместе с братом и его другом сочиняла карты сказочных государств, которые Женя тут же набрасывал на бумаге. На картах разворачивались рыцарские кампании и плавания старинных кораблей по запутанным проливам...

А если собирались у Коли, то играли в шашки. Коля, с разрешения Трофима Гавриловича, сам их выточил на токарном станке, это было не сложнее, чем точить юферсы. А картонную доску для шашек сделал Женя. Не простую, а с рисунками всадников, многобашенных замков и крутобоких галеонов на каждой клетке.

С мальчишками из компании Фрола Коля виделся теперь нечасто. Иногда встречались на улице, чтобы поиграть в «кранцы-транцы», — вставляли в круг и перекидывали друг другу плетеную из троса грушу. Это был шлюпочный транец, какие спускают при швартовке между бортом и причалом. Кто уронит — тот вылетает. Кто остался последним, тот награждает остальных кранцем по транцу. Транец, как известно, это кормовой срез судна (ну, и не только судна). Вот по этому «срезу» и получают те, кто проиграл, тугим плетеным снарядом. Столько раз, каким по счету вылетел (счет, конечно, с конца). Ого-го, если крепко вляпают! Но вляпывали редко, потому что разрешалось уворачиваться.

На такую игру сходились на маленькой площади у старого колодца, на Пушечной. Не только Фролкина компания, но и разные другие мальчишки из слободки и даже от Пересыпи. В том числе и Колины одноклассники: неуклюжий Мешок, лопухий и веселый Митя Дымченко, конопатый Артемка Горох... Но это случалось лишь изредка.

А в погребке собирались после Рождества всего два раза. Видать, у каждого хватало дел дома.

У Ибрагимки заболел дед. Ибрагимка плакался: «Помрет, мне тогда куда идти? Больше никого нету». У деда была крошечная бакалейная лавка, дохода от которой хватало лишь на про-

корм себя да внука. Если не станет деда, Ибрагимка разве управится с торговлей? Вмиг все пойдет прахом... Доктор Орешников по просьбе Коли побывал у Ибрагимкиного деда, передал потом кое-какие лекарства. Деду стало лучше, но окончательно поднялся он лишь к весне...

Фролу тоже доставалось дома. Отец его был тихий, непьющий, работал плотником в доках, командовала в семье мать. Это была крупная громкая тетка. Торговала на рынке калачами и пирожками, которые пекла в громадной русской печи, сложенной в специальной пристройке. Мужем и Фролом помыкала по-всякому.

Случалось, что Фрол в сердцах обещал приятелям:

— Вот окончу школу, определюсь в мастерские и сразу заведу отдельное жилье. А то и раньше уйду, наймусь на шхуну юнгой, буду ходить в Азовское море, возить табак да арбузы...

Но все знали, что из дома он не уйдет, пока не вырастет его сестренка. Ей сейчас был третий год. Фрол сестренку любил, возился с ней как нянька, рассказывал сказки про Дубровского и совсем тогда не похож был на жокака мальчишечьей компании...

Федюню дед Евсей Данилыч приучал к хитростям корабельной постройки, а Савушка один, без брата, гулять не ходил.

А Поперешный Макарка помогал матери-прачке. Носил вместе с ней по квартирам чиновников выстиранное белье. Хоть и упрямылся по причине своего характера (не мужское, мол, это дело со всякими тряпками возиться), да много ли поспоришь, если у маменьки всегда веревка под рукой! Как сложит в четыре раза да ка-ак...

В середине февраля случилась еще одна напасть. Объявился хозяин разбитого дома, где был погребок. Старый боцман Гарпуненко. Приехал из Керчи и заявил, что будет заново подводить под крышу дом, чтобы помереть в родном гнезде. Решение, конечно, правильное, да только ребятам пришлось, прихвативши имущество, выметаться из обжитого помещения.

Саша, будучи близкой знакомой Настеньки и Маркелыча, поделилась с ними ребячьей бедой. Маркелыч тут же сказал, что, ежели возникла такая несуразная обстановка, пускай вся команда собирается у него в сарайчике (где он прятал вторую мортиру). Настенька, добрая душа, не спорила, только просила следить за печкой, чтобы не спалить все подворье. Саша сказала про это Коле, а он объявил остальным. Компания радостно вселилась в каменный «кубрик» и устроила новоселье. Но после встречаться там часто не удавалось...

Зато с Сашей Коля виделся постоянно. Почти каждый вечер. Может быть, Саша своей чуткой девичьей душой догадывалась, что Коле страшновато одному по вечерам (и скучно, конечно!). А возможно, и сама скучала, потому что с маменькой Лизаветой Марковной давно уже все переговорено. К тому же та часто уходила к соседям — то к Настеньке Ященко, то к вдовым сестрам Кабатчиковым, с которыми занималась карточным гаданьем. Вот Саша и спешила в гости к соседскому мальчику.

Они уже не стеснялись друг друга. Болтали о всяких делах, как давние друзья. И Коля за привычное Сашино «ой, страх» щелкал теперь ее по носу не шутя. Не изо всех сил, конечно, но и не как воздушную принцессу. Хотя... если случалось сдвинуться над книгой о «мироздании» головами и завитки Сашиних волос касались Колиной щеки, он чувствовал внутри сладкое замирание, которого стыдился сам перед собой. Но щеку не убирал...

Татьяна Фаддеевна все чаще приходила из лечебницы поздно. Коля так и не разобрался до конца, занимала ли Тё-Таня там какую-то должность и получала ли жалованье или просто помогала доктору Орешникову в его немалых медицинских хлопотах. По правде говоря, это Колю не особенно заботило. Тревожило другое: что тетушка в темноте возвращается одна. Конечно, едва ли ей были страшны сумрачные души развалин, однако и обычные злоумышленники могли встретиться на дороге. Из тех, что обитали в конурах и трактирах на развалинах Николаевской батареи и в глухих руинах посреди Городского холма.

Однажды Коля не выдержал, высказал такое опасение вслух. И даже храбро предложил: «Может быть, мне встречать вас?» (И обмер: вдруг скажет «встречай»?) Тё-Таня отозвалась сухо-вато:

— Неужели ты думаешь, что я хожу домой одна? Борис Петрович не позволил бы этого, он провожает меня до калитки.

— Да? А почему он не заходит?

— Ну... спешит себе. Да и зачем же заходить?

— Как зачем? Отдохнул бы, чаю выпил...

— Дома его ждет сестра. И кроме того...

— Что?

Татьяна Фаддеевна посмотрела на племянника со странным выражением:

— Мне кажется, он стесняется тебя...

— С какой стати? — изумился Коля. Впрочем... не совсем искренне.

— Не знаю. Человек он крайне деликатный... и вообще...

Что значит «вообще», Коля не стал уточнять. Пожал плечами и... успокоился. А потом сделал запись в тетради.

Тетрадь Коля не прятал, она всегда лежала на столе. Это означало, что Тё-Тане читать не возбраняется. Пожалуйста! Никаких тайн... Да и все равно там ничего не понять. Татьяна Фаддеевна и в самом деле, кажется, не поняла предпоследнюю строчку.

— Друг мой, не объяснишь ли ты мне, что означает странный восклицательный знак после слов «Ее провожает доктор»?

Коля сделал самые невинные глаза.

— Это значит, я за вас больше не тревожусь. А что такого?

Татьяна Фаддеевна почему-то смутилась. И она, и Коля стали смотреть в разные углы комнаты.

Конечно, для Коли не были секретом симпатии между тетушкой и доктором. И он видел, что эти симпатии крепнут. И доктор, кажется, понимал, что Коля это видит, вот и стеснялся...

А чего стесняться? Коля же не дитя малое, знал, что *это* бывает не только между юношами и девушками, но и между зрелыми людьми. Тё-Таня совсем не старуха, лишь чуть-чуть больше тридцати, да и Борис Петрович не намного старше... Через несколько лет Коля вырастет, уедет в университет, а потом отправится путешествовать по дальним странам, а тетушке что — куковать в тоске и одиночестве? Она же с ума сойдет, она всю жизнь привыкла заботиться о том, кто рядом...

Такие мысли уже не раз посещали Колю (видимо, взрослел). И возможный союз Татьяны Фаддеевны с доктором казался ему вполне удачным выходом из надвигающейся жизненной ситуации. Правда, была и тревога. А не случится ли, что в новом семействе он, Коля, окажется третьим лишним и его отправят на пансионное житье в Симферополь? Мол, нельзя же все годы быть экстерном, надо привыкать к «нормальной жизни». Но, поразмыслив, Коля приходил к выводу, что на такое черное коварство ни тетушка, ни доктор не способны. Борис Петрович и в самом деле человек весьма деликатный и порядочный, а Тё-Таня... да разве захочет она, чтобы ненаглядный Николя задохнулся в чужом городе от тоски по родному дому!?

— Тё-Таня, а как пишется фамилия Орешников? Через «е» или через «ять»?

— Что?.. Конечно, через «ять». Она от слова «орех», а как пишутся такие простые слова, третьекласснику-гимназисту пора бы помнить... А почему ты вдруг заговорил об этом?

— Ну... — Коля опять принял невинный и беззаботный

вид. — Должен же я знать, как писать будущую фамилию моей тети...

— Николя!

— Что, Тё-Таня?

— Знаешь, о чем я сейчас думаю?

— Конечно, знаю. О профессоре Пирогове.

— М-м... нет, — сухо сказала Татьяна Фаддеевна, потому что вспомнила именно о знаменитом хирурге... — Я подумала, что вы с Сашей совершенно без пользы проводите вечера. Болтаете о всяких пустяках, занимаетесь карточной игрой или разглядываете одну и ту же книжку...

Коля стремительно покраснел, вспомнив касание Сашиних прядок.

— А чего такого! В книжке много всякого полезного! Саше интересно, там и география, и астрономия...

— Не спорю. Но этого недостаточно. Ты мог бы поучить ее и другим предметам... Кстати, почему Саша сегодня нет у нас? Сходи и позови, я обещала заняться с ней правописанием. Ты напомнил мне об этом своим глупым разговором про «ять».

— Да она здесь была! Только на минутку убежала домой, скоро вернется...

— Все-таки сходи, чтобы поспешила... Никто тебя не съест на дворе.

— А кто говорит, что съест! — старательно вознегодовал Коля. — Вам все время кажется, будто я чего-то боюсь! Смешно даже!

— Вот и прекрасно. Иди... А таких рассуждений про фамилию и все прочее я чтобы больше не слышала!

Коля сделал глуповато-послушное лицо.

— Хорошо, Тё-Таня...

Он получил шлепок тетрадкой и не спеша отправился в прихожую, надеясь, что пока станет обуваться-одеваться, Саша появится сама. Так и случилось.

НОВЫЕ И СТАРЫЕ СТРАХИ

Может быть, Борис Петрович и впрямь стеснялся Коли как родственника Татьяны Фаддеевны — поскольку понимал, что тот о многом догадывается. Но как с пациентом с Колей доктор обращался решительно.

— Не вертитесь, сударь, стойте спокойно! Что значит «ще-

котно»? Я вас не щекочу, а об-сле-ду-ю... Дышите... Не дышите... Подышите еще... Голубчик, я сказал «подышите», а не пыхтите, как паровая машина в доковой лесопилке... Гм... Одевайтесь.

И пока Коля натягивал на ребристое тощее тело рубаху, доктор делился с Татьяной Фаддеевной своим недоумением:

— В легких я ничего не слышу. Не могу понять, откуда этот кашель...

— Опять в своей морской фуражке гулял, хотя есть прекрасная меховая шапка, оттого и кашель, — сокрушалась тетушка. — Эту фуражку я скоро спрячу с глаз или просто выброшу...

— Нет, Татьяна Фаддеевна, здесь что-то иное. Такие явления случаются порой от нервных переживаний. Но какие переживания могут быть у этого благополучного юноши?

Знал бы он, сколько их у «юноши»!

В конце концов доктор пришел к выводу, что Колю следует хорошенько пропарить в бане. Это средство помогает от множества хворей. В том числе и от простуды, и от нервов.

— Значит, придется просить Николая Тимофеевича, — озбоченно сказала тетушка. Так, «по всей форме», она именовала Маркельча.

У Маркельча на дворе стояла каменная банька...

А у Лазуновых баньки, конечно, не было.

Вообще, в нынешней жизни Коли и тетушки было гораздо меньше удобств, чем в столичной. Там при квартире (хотя и тесной, обшарпанной) была крохотная ванная комната с жаркой изразцовой печкой и теплая уборная. Здесь же по необходимым делам приходилось бегать на двор, в сложенную из ракушечных плит будочку. Если днем, то еще ничего. А вечером, перед сном, нужно было идти с фонарем, в котором шевелилось ненадежное пламя свечи.

В будочке дрожали и метались нехорошие тени: неосторожно махнешь ладонью, а на стене — кто-то жуткий, как гоголевский Вий...

Иногда Коля по вечерам специально отказывался от чая, чтобы не ходить на двор, терпеть до утра. И терпел. В этом было даже свое преимущество: не проспшишь школу. Но порой приходилось вскакивать чересчур уж рано. Под кроватью был, конечно, горшок (по заведенному еще с младенческих лет порядку). Но ведь его потом надо выносить, а кто это будет делать? Тетушка?

Или, может, Лизавета Марковна? Значит, надо самому. А если со своего двора увидит такое дело Саша? Вот ужас-то...

С мытьем тоже хватало хлопот. Татьяна Фаддеевна раздобыла где-то большущее железное корыто и каждую субботу устраивала ванну на кухне. С помощью Лизаветы Марковны грела на плите несколько ведер воды и сперва мылась сама, а потом отправляла на кухню племянника. Коля тщательно запирался изнутри ручкой от швабры. Давно прошли времена, когда он позволял Тё-Тане мыть себя, как фарфоровую куклу.

Мыться в корыте было одно мучение. Сядешь — железо обжигается, и прислониться не к чему. Встанешь — брызги разлетаются вокруг, а воды в корыте — всего ничего. А в ведрах — то почти кипятки, то совсем остывшая вода. И мыло в глазах, и пена в непромытых волосах. Плеснешь на себя из ковша — и по всей кухне потоп...

Два раза Коля с Женей и его отцом ходил в общественную баню при мастерских РОПИТа. Баня была большущая, гулкая, с жаром и клубами пара, в которых размыто проступало множество голых тел. В этой дешевой бане (билет — копейка, а для ребят бесплатно) мылись и мастера, и чиновники разных рангов, и даже доктор Борис Петрович, у которого дома тоже не было ванны. Коле здесь понравилось — было похоже на картинки про Дантов ад из «Божественной комедии», только без мучений и пыток, а наоборот, с веселым настроением. Но плохо то, что баня работала по вечерам, а домой одному в темноте... Ну, сами понимаете. А оставаться ночевать у Славутских каждый раз тоже было неловко...

Лизавета Марковна не раз говорила Татьяне Фаддеевне, что Маркельч с готовностью предлагает пользоваться банькой всем соседям. Пускай только подбрасывают дровишек, а то с ними в городе трудновато. И тетушка, случалось, ходила туда с Лизаветой Марковной и Сашей. А Коля не ходил, компаньонов-мужчин не было. Маркельч, конечно же, мылся с Настюшкой, такое их супружеское дело. И Коле — значит, опять одному? Но за окошком-то, как всегда, тьма-тьмушная. Лучше уж на кухне...

Однако на сей раз пошли они с Маркельчем.

— Сейчас мы твою хворь, тетка, за две минуты выгоним, — обещал по дороге Маркельч. — Вылетит она из тебя, как из мортиры с двойным зарядом...

Банька изнутри была обшита желтыми палубными досками. Разделись в тесном предбаннике, и Маркельч втолкнул Колю в

комнатушку, полную горячего воздуха. Под потолочной балкой туманно светился желтый фонарь. От рыжей глиняной печки несло жаром, как от собранной в сгусток Сахары. Батюшки! Да разве здесь можно дышать?! Коля ринулся назад, Маркелыч поймал его.

— Терпи, терпи. Сейчас привыкнешь...

Один вдох, другой... Еще... Ну и правда стало терпимее. То есть, может быть, еще не совсем гибель...

— Полежай-ка на полóк... — И Коля оказался на влажных горячих досках, недалеко от потолка. Маркелыч плеснул из ведра на раскаленную плиту. Воздух взорвался. Жгучий пар забил дыхание, и Коля снова решил, что пришел конец. Но выжил и сейчас.

Маркелыч взгромоздился рядом.

— Ложись-ка на пузо. Во-от так...

Он не пожалел для юного соседа дорогого березового веника, какие купить можно было только в Симферополе, а туда их привозили из Курской губернии, поскольку южнее березы не росли. Ой-ей-ей! В первый момент Коля решил, что тетушка поделилась с Маркелычем пироговским методом и пришел час расплаты за все грехи. Но нет, боли не было, а от каждого удара Колю охватывало новым упругим жаром и сладким березовым духом.

— Ну как? Будешь сызнава кашлять?

— Ой! Не буду!...

— То-то, что не будешь. Ну-ка, еще! Раньше, в своем Петербурге, такого лекарства небось не пробовал?

— Ох... не пробовал...

— Тогда пойдем. Чтобы по всей норме...

— Куда?... Ай!

Не успел он снова сказать «ай», как крепкие руки Маркелыча под мышки вынесли его через предбанник на жгучий холод. И сверху — ледяной поток из ведра.

— А-а-а! — Это уж точно была нестерпимая погибель. Но те же руки мигом вознесли его снова на высокие доски, в спасительный жар, обдали горячей березовой пургой.

— Уф... Маркелыч, разве так можно? Я же помру...

— Обязательно. Лет через сто... Только в царствии небесном, куда попадешь после смерти, таких парилок не будет. Потому пользуйся, покуда жив... Ведь жив еще?

— Кажется, да... только сил совсем нет...

— Как это нет? А кто меня будет веником греть? Не Ерофейка же, он большого жара не выносит... Ну-ка, давай поработай!

И оказалось, что силы у Коли еще остались. Даже немало. Он передохнул и замахал веником, охаживая крепкую, в сплетениях мускулов, спину Маркелыча. И работал добросовестно, пока Маркелыч не сказал: «Ладно, дробь». По-морскому это значило «хватит».

Спрыгнули, окатили друг друга теплой водой, сели на нижнюю полке, чтобы отдышаться.

— Маркелыч, вы тут говорили про какого-то Ерофейку. Это кто?

— Да трюмник, — небрежно отозвался Маркелыч. На скулах и усиках у него весело блестели капли. — Прижился тут, а с какого корабля, не говорит. Они этого не любят.

— К... кто не любят? — слегка обмер Коля. Уже не от жара, а от озноба.

— Да трюмники же... Ты разве про них не слыхал?

— Нет... Они кто?

— Ну, коротко говоря, существа такие... Ты небось про карликов да гномов сказки читал?

— Д... да...

— Ну вот. Я тоже читал, еще когда в кантонистах был. Приносил нам такую книгу капитан-лейтенант Барашников, доброй души был, случалось, баловал нас, мальчишек... Из той книжки я и узнал про гномов. Только они, гномы-то, в лесах да в горах обитают, а трюмники в кораблях, в глубине. Потому и название такое... В начале осады, когда велено было затопить поперек бухты корабли да фрегаты, трюмники с них, ясное дело, перебрались на берег, тонуть кому охота... Их там, на больших-то кораблях, даже не по одному, а по несколько в каждом жило... Как уж они осаду на суше пережили, не знаю, может, и не все уцелели. Однако же уцелели многие. А после войны стали обустроиваться. Судов-то осталось мало, вот и начали расселяться по банькам да погрёбам.

Коля слабым голосом сказал:

— Вроде как домовые? — Это он чтобы Маркелыч не заметил его обмирания.

— Ну, вроде... Только флотского происхождения. Оно и понятно, город-то корабельный...

— Но ведь это же, верно, сказки, не более того?

— Сказки не сказки, а от Ерофейки никуда не денешься. Как

придешь печку разжигать, он за ней обязательно возится. Или на полке среди веников. Или бороду выставит, на тот же веник похожий, да глядит с любопытством. Раза два я с ним даже разговор заводил, только беседует он без охоты. Два слова скажет — и в закуток... Да ты не бойся, он, Ерофейка-то, смиренный. Да и нет его сейчас. Я же говорю, он от сильного жара норовит сбегать на двор...

— Я и не боюсь, — жиденьким голосом сообщил Коля.

— Вот и ладно... Ты тут побудь с минутку, а я квасу принесу. Хорошо кваску-то после всего глотнуть, а я заранее не прихватил...

В открытую дверь Коля видел, как в предбаннике Маркелыч накинул на голое тело бушлат и в таком виде выскочил наружу. И... что же это! Святой Николай Угодник, спаси и сохрани! Конечно же, не один Ерофейка, а не меньше дюжины трюмников и всяких других существ ожили по углам. Зашелестели у печки, затрещали, будто слюдяными крыльями, на полке, замелькали по углам мохнатыми тенями. Тряхнешь головой — нет никого. Посидишь тихо две секунды — и опять... Маркелыч, он злодей! Нарочно рассказал всякую жуть и сбегал, чтобы мальчишка здесь настрадался среди страхов! Надо бежать, пока не поздно!

Однако шевельнуться было страшно. Может, лучше замереть? Голышом не побежишь, а пока одеваешься, кто-нибудь обязательно схватит за бока... К тому же, если шевельнешься, от разжигающего страха может случиться совсем нехорошее дело. Конечно, в банной сырости это незаметно, однако как потом вспоминать такое?..

Маркелыч шумно возник на пороге с глиняным кувшином в руках.

— Вот, попробуй-ка, что за квасок Настенька готовит! Как глотнешь — разом будто все атаки отбил. Полный отдых душе и телу.

Коля торопливо глотнул. Квас и правда был замечательный. В меру прохладный, пахучий, шипучий, разбежавшийся по жилам пушистыми щекочущими шариками... А Маркелыч был... вообще ни какой не злодей! Наоборот, замечательный Марелыч! Потому что вернулся так быстро! А про Колины страхи он, конечно же, и не догадывался. И чтобы не догадался впредь, Коля глотнул еще и бодро сказал:

— Спасибо! Маркелыч, а на тендере «Курган», на котором вы ходили, есть трюмник?

— Да кто же его знает? Не встречал. Они же не всегда на людях показываются. Да скорее всего, что и нет. Который прежде был, ушел небось за матросами, когда оставили тендер в Синекаменной бухте. А новый так и не завелся...

— Значит, «Курган» — это правда «Македонец»?! — подскокил Коля. Даже про страхи позабыл.

— Федос говорит, что так. Будто бы, когда он его купил, можно было разобрат краску прежнего названия...

— А зачем он дал ему другое имя?

— Ну, решил, видать, что негоже гвозди да табак возить на славном «Македонце». Обидно, мол, для геройского судна. И получится, что вроде как к чужой славе примазываешься... Но возможно, что и врет старик. Он такой, любит поболтать да туману напустить. Может, нарочно выдает кораблик за «Македонца», чтобы найти покупателя. «Македонец»-то был ходок не в пример другим тендерам да шхунам...

— А разве Макеев хочет его продать?

— Хочет. Старый стал, не управляется... И цену, надо сказать, просит по нашим временам пустяковую, да вот что-то никто и такую не дает... Иногда сижу да мечтаю: подкопить бы денжат да купить этот «Курган». Ходил бы куда хотел, по всему Черному морю, сам себе хозяин, волны да ветер, другой жизни не надо... — Маркелыч засмеялся. — А вашу команду взял бы в матросы. Я гляжу, вы народ дружный...

— А много ли надо денег?

— Э, да чего говорить. Вроде и не много, да нам с Настенькой столько сроду не иметь...

Коля подумал.

— Маркелыч, а вы слышали, будто лейтенант Новосильцев английское золото нашел?

— Были про то всякие разговоры. Я их еще мальчишкой слышал, в конце осады. Чего только не болтают языками. Однако Новосильцев, он офицер был в полном смысле. Хоть и сказывали, что сгоряча мог матросу вмазать по уху, но насчет честности тут дело железное. Кабы что нашел, отдал бы в казну до последней денежки.

— А если не успел? Или не смог взять с собой? Вдруг какой-нибудь золотой запас спрятан на «Кургане»? Может быть, в трюме есть тайник!

Маркелыч взъерошил Коле мокрые волосы.

— Если бы и был тайник, Федос его давно бы разнюхал, еще

при ремонте, он мужик дотошный. И к тому же какое золото там ни отыщись, оно все равно не наше с Настенькой, а того, чье судно. Вот кабы купить, а потом найти... А на что купишь-то? Видишь, какое получается кольцо... Ну, давай-ка собираться. Пойдем, а баньку слегка остудим. Не ночевать же Ерофею на холодном дворе...

Поздно вечером, в постели, Коле казалось, что он весь пропитан горячим березовым воздухом. А свежие рубашка и постель были прохладными, ласковыми, словно он лежал внутри летнего облака. От кашля не осталось и следа, дыши хоть во всю мощь. Но Коля дышал потихоньку. И думал.

Он думал о том, что и правда было бы замечательно, если бы Маркелыч стал хозяином тендера. Ну, в матросы мальчишек он всерьез не принял бы, конечно, однако взять в плавание разок-другой согласился бы. Потому что Маркелыч, он чем хорош? Вроде бы и взрослый дядька, а в то же время иногда совсем как мальчишка. Дурачится с ребятами, болтает по-свойски, рассказывает всякие веселые истории про свою прежнюю службу. Настенька порой только головой качает: «Ну, чисто дитя малое, одни игрушки на уме». Но не сердится... Может, Маркелыч научил бы Колю и его приятелей кое-каким парусным хитростям. Это ли была бы не радость!..

А ежели в самом деле пробраться на «Курган» да пошарить в трюме? Тендер стоит недалеко, в Артиллерийской бухте, никто его не караулит. Сам Федос Макеев живет в домике на Бутаковском спуске, а денег на сторожа у него, конечно, нет.

А где может быть тайник?

Коля представил внутренность трюма — длинные стрингера и выгнутые шпангоуты, вроде как на модели в школьной мастерской. Там легко спрятать все, что хочешь. Под любым флор-тимберсом, под плоским настилом кильсона, в пустоте между стрингером и обшивкой. Особенно если не совать кубышку с золотом просто так, а выдолбить в дереве специальное гнездо...

Коле и впрямь уже стало казаться, что клад обязательно там. Надо только сговорить ребят на поиски. И глядишь, в самом деле можно будет купить тендер для Маркелыча...

Маркелыч говорит: «Золото не наше». Ну и не Макеева же! Он его не покупал! Оно английское. И, значит, сейчас трофейное. А трофей — он того, кто его добудет!

Коле ясно представилось, как они вшестером: он, Женя,

Фрол, Макарка, Ибрагимка и Федюня (малыша Савушку лучше не брать), — ушибаясь о ребра корабельного набора, пробираются в носовую узкость, где форштвень и киль соединяются большой треугольной кницей под названием «кноп». В кнопе наверх выдолблена глубокая выемка. И незаметно прикрыта тонкой досочкой. Оторвешь ее, а там парусиновый сверток или глиняная посуда... Скорей открыть — и звонкий блеск монет рассыплется по трюму в свете фонаря золотые блики...

Это были уже не просто мечты, а, наверно, сон. Или почти сон. Слишком уж отчетливо виделись деревянные сплетения корабельного каркаса и ясно слышалось таинственное сопение ребят... И вдруг:

— Да ничего там нет, дурни окаянные! Зря только пыхтите тут, никакого от вас покоя! — Это из-за толстого основания мачты высунулась большущая кудлатая голова с растрепанной, как веник, головой. Трюмник!..

Наяву они, конечно, пришли бы в себя только на берегу, далеко от пристани. А сейчас... Коля понял, что сидит в постели и дышит, как после отчаянного бега.

Где он? Ох, слава Богу, дома. Здесь-то уж, конечно, никаких трюмников нет. Хотя... кто их знает... В комнате полутемно. У образа Николая Угодника горит лампадка, да в окно светит круглая, как масленичный блин, луна (наверно, потому, что и вправду скоро Масленица)...

Коля опасно повертел головой. Нет, здесь все в порядке. Это его комната, его привычные вещи. Даже полумрак — тоже его, привычный. К тому же в соседней комнате виден через щель прикрытой двери свет и слышен шелест книги — Тё-Таня еще не легла. Под этой крышей ничего сейчас Коле не грозит.

Да, а там, в трюме?

А на улицах, в развалинах, на пустырях?

А вообще в жизни?

Коля старательно вздохнул, попытался разозлиться на себя и стал размышлять разумно.

Конечно, никаких трюмников на свете нет. И призраков нет. И всяких смутных опасностей, которые иногда грозят непонятно чем, не существует тоже. Есть риск провалиться на экзаменах, заболеть, наткнуться на разбойников, лишиться (не дай Бог!) Тё-Тани или попасть в разные другие беды. Но этот риск, по правде говоря, совсем невелик. Самая реальная опасность — это наткнуться на невзорвавшуюся бомбу. На *спящую* бомбу. Не-

чаянно ударить ее или поднять и уронить. Но вот этот страх у Коли был как раз самым маленьким. Когда он повторял в уме стихи Шарля Дюпона, они с каждым разом казались ему все менее страшными и все более светлыми. С этакой спокойной печалью. «Давно закончилась осада. В приморском воздухе теплынь. У крепостного палисада седеет древняя полынь...» А рассуждения о бомбе, которая ждет поэта... Это просто боязнь, что откроются старые раны или каким-то другим способом аукнется давняя война.

А для него-то, для Николая Вестенбаума, как она может аукнуться? Он никогда не воевал, он ни в чем не виноват ни перед этим городом, ни перед теми, кто его защищал и осаждал. Наоборот, он хочет, чтобы город скорее вырастал из руин, делался радостным, живым, шумным (как предвещал в легенде белый всадник!). Чтобы все больше судов приходили в его бухты. Чтобы все больше ребят (веселых и дружелюбных) играли на заросших бастионах. Чтобы здесь появлялись школы и гимназии и не надо было таскаться по сырой рыжей степи в губернский Симферополь. Коля часто представлял себе *такой* город и заранее любил его. Но он любил его и нынешний. Несмотря на запустение, малолюдность и развалины. Несмотря на свои страхи.

Так откуда же эти страхи? Почему он не такой, как другие ребята? Даже смиренный стеснительный Женька не в пример храбрее своего друга Коли Лазунова. Даже малыш Савушка... Хотя... у Савушки старший брат, с братом ничего не страшно. Женя здесь старожил, привык ко всему. Ибрагимка и Макарка — те вообще впитали в себя здешнюю жизнь с самого рождения. Ничего другого они и не видели. Они просто частичка этого города. Откуда у них может быть страх...

«Да при чем здесь город? — сказал себе Коля. — Страх разве в нем? Страх внутри тебя. Он сидел в тебе еще там, в Петербурге. Ты привез его с собой, со своим боязливым характером, и поэтому никогда от него не избавишься».

«И как мне быть? Я же не могу сделаться таким, как Маркелич... Или таким, как Фрол. Тот ничего не боится. Ничего и никого. Это сразу понятно, когда он глядит прищуренно и усмехается. «На пути не стой, у меня пистоль»...

А может быть, потому и не боится, что есть у него пистолет?»

Мысль была простая и ясная. С Коли слетели остатки сонливости. В самом деле, ведь именно оружие придает человеку силу и бесстрашие. Ощущение безопасности! Стоит вспомнить

попутчика ротмистра с его саблей и револьвером в черной кобуре!

Какой сумрак пустырей и развалин может быть страшным, если ты идешь по нему с пистолетом за пазухой и знаешь, что в стволе добрый пороховой заряд, пуля «минька» (от имени французского изобретателя Минье) и надежный кремень в зажиме курка-собачки!.. И конечно же, любые страхи перед жизненными бедами разлетятся вдребезги, если только взглянешь на длинноствольное оружие, висящее на стене рядом с осколком древней амфоры! Потому что...

Да потому что пистолет — негибкая сила и твердость духа. Такая мысль даже приобрела в Колином воображении зримую форму. Представилось ему, что длинный стальной ствол — это как бы стержень человеческой души, не дающий ей гнуться и колебаться.

Значит, что же? Все дело в том, чтобы достать оружие?

А где?

Понятно, что не каждый день приваливает человеку счастье, как Фролу, — отыскать на поле боя вполне исправный пистолет. Это ведь не осколки, не пули, не всякая мундирная мелочь, которую ребята ищут на продажу. Да теперь, в мерзлой земле, и вообще ничего не откопаешь. Значит, путь один: как-то раздобыть пистоль у Фрола...

Коля уже не думал о кладе, спрятанном в трюме бывшего «Македонца». То, что недавно казалось вполне правдоподобным, теперь представлялось сплошным вздором. Другое дело — настоящий тяжелый пистолет с черным, пахнущим порохом дулом и тугой пружиной замка. Это не сон, не фантазия...

Но разве Фрол согласится расстаться со своим сокровищем? Не променяет ли на какое добро. Да и что за добро мог бы предложить ему Коля? Книгу о тайнах мироздания? Свою капитанскую фуражку? Желтый лаковый пенал с набором карандашей и новеньких стальных перьев, что купили в Симферополе?.. Коля ясно увидел, как Фрол оттягивает нижнюю губу и шелкает по ней нечищеным ногтем (так, что разлетаются мелкие брызги).

А может быть, купить? В жестяной коробке из-под столичных леденцов у Коли хранился немалый денежный запас, накопленный за долгие времена. Были здесь и полтинники, подаренные тетушкой на разные праздники, и пятаки, которые она отдавала ему со сдачи, когда бегал в ближние лавки за сахаром и хлебом (помогал кухарке Полине), и даже несколько копеек, выигранных у Юрки Кавалерова и других ребят на пустыре за

Касьяновой усадьбой — в запрещенную взрослыми игру «дамки-чирики». Коля собирался купить волшебный фонарь со стеклянными картинками и керосиновой горелкой, но отъезд поломал эти планы... Сумма в коробке набралась немалая, около четырех рублей с полтиной. Фрол таких денег небось сроду не видал. Но... Коля опять представил, как Фрол, вытянув длинную шею, смотрит с ехидным прищуром...

А если Фрол и согласится, то — Коля чуял это — у всех останется нехороший осадок. Этакое впечатление, что «дворянчик Николя выудил Фролкин пистоль за большие деньги». Фрол сам постарается внушить эту мысль остальным. И... похоже ведь, что будет прав.

Нет, оружие добывать надо в честном деле. Вроде поединка... Ну, не в настоящем бою, конечно, и не в драке, а в чем-то вреде состязания. В споре каком-то... Фрол — спорщик известный. Если упрется на своем — стоит до конца, хоть лбом его о стену бей. Упрямый, как... как инкерманский камень, из которого сложены здешние дома. Ядра не могли прошибить его и оставили круглые, очень ровные ямки-отпечатки... Камень из такой стены валяется на дворе у Маркелыча. С круглой вмятиной посерединке. Маркелыч, когда ремонтировал дом, пригасил откуда-то этот известняковый брус да потом, видать, бросил за ненадобностью. Теперь круглый отпечаток (размером с блюдце для варенья) служил поилкой для петуха с французским фельдмаршалским именем Пелисье и нескольких кур. Но в эти дни, несмотря на близость Масленицы и весны, пришли такие холода, что Настенька забрала кур и петуха-фельдмаршала в дом. А Коля, возвращаясь из бани, заметил в свете фонаря, что вода в каменной посудине превратилась в гладкую льдинку.

В тот момент он это лишь мельком отметил про себя, а сейчас... Лишь бы не случилось завтра оттепели! И было солнце — холодное, но яркое! И тогда... слава доктору Клоубонни, спутнику отважного капитана Гаттераса!

«У МЕНЯ ПИСТОЛЬ...»

Утро было морозным и солнечным. Коля сразу увидел это сквозь стекло — у окна искрились ветки низкорослой акации. Проснулся Коля поздно — день был воскресный. Татьяна Фаддеевна, однако, после завтрака отправилась в лечебницу. Там в свободные от работы дни как раз был самый большой наплыв

хворых мастеровых. Иных надо было бы уложить в больницу, но доктор Орешников до сей поры не мог добиться у городского начальства ее открытия. Вот и приходилось врачевать всех больных очень скороспело, в тесной комнате, которая называлась «амбулатория».

То, что тетюшка ушла, было Коле на руку. Он тут же (натянув от холода заячью шапку) отправился на двор к Яшенкам. Там никого не было. В круглой вмятине на белом камне по-прежнему блестел прозрачный лед (в нем даже замечен был пузырек).

Коля сел на корточки, надавил на края круглой льдинки. Она не шелохнулась. Он надавил снова. Никакого результата. Вот досада!.. С этой досадой он вскочил и ударил по камню каблуком. Раз, два, три!.. Потом сел и нажал на лед снова. Льдинка, поупрямившись немного, вдруг скользнула вверх и упала в сухую траву рядом с камнем. Хорошо, что не разбилась!

Это была не просто льдинка, а прекрасная ледяная линза! Конечно же, гораздо более гладкая, чем та, которую в далекой Арктике смастерил из осколка айсберга доктор Клоубонни, чтобы разжечь в снежном доме огонь!

Коля растопыренными пальцами взял линзу за края. Ладонью пошлифовал плоскую сторону, чтобы стала еще прозрачнее. Сердце колотилось так, что отдавалось в ушах под шапкой. Стало жарко... Святой Николай Угодник, сделай, чтобы все получилось! Ну пожалуйста!.. Коля повернул ледяное стекло одной стороной к солнцу, другой — к растопыренной ладони. Лучи на коже сошлись в яркое крошечное пятнышко. Но никакого ощущения. Никакого. Ни... ай!

Коля заплясал, дуя на ладонь. Словно петух Пелисье воткнул в нее свой колючий клюв! Но это была радостная боль!

Коля выхватил из кармана армячка припасенный заранее кусок пакли (вырванную из щели оконную конопатку). Сжал её в комок, навел горячую точку на серые волокна. Не сразу, через полминуты, но все же они пустили синий дымок. А потом задрожал на пакле желтый неяркий огонек. Ура!..

Коля дунул на паклю, уложил линзу обратно в каменную ямку и, пыхтя от натуги, уволок камень за сарайчик, подальше от солнца.

Как удачно, что именно сегодня вся компания собралась пойти на пустошь, за кладбище у Пятого бастиона, и там, в неглубоком рву, пострелять из пистолета. Фрол давно обещал ребятам это развлечение и вот наконец назначил время.

Место было не близкое, зато удобное — в отдалении от домов. И едва ли Куприян Филиппыч Семибас захочет морозить нос и уши и тащиться сюда, если и обратит внимание на пальбу.

Спустились по откосу в серый пересохший бурьян. Каблуки стучали о комки замерзшей глины. Изю ртов шел пар. Закутанный до носа Савушка привычно стал на посту. Остальные протоптали в бурьяне дистанцию, подперли камнями дырявый медный таз, которому надлежало стать мишенью.

Ну и пошла пальба!

Каждый стрелял два раза. Почти никто не промахнулся, даже осторожно вздыхавший Женя, который взял пистолет впервые. Оно и понятно — таз вон какой большущий!.. Лишь Коля (он по жребию стрелял предпоследним) один раз попал в самый край, а вторую пулю вообще пустил мимо.

В другом случае он расстроился бы ужасно. Такой удар по самолюбию! Но сейчас мысли были не о том. Коля небрежно махнул рукой:

— Бывает... Видать, не выспался. — А думал про главное: как начать с Фролом запальчивый спор?

Но сегодня Коле везло необычайно.

Фрол, всадивший две пули в самую середину медного дна, спрятал оружие за пазуху и вынул изогнутую матросскую трубку. Солидно покашлял. С той же обстоятельностью, что заряжал пистоль порохом, набил трубку табаком из холщового мешочка. Всех оглядел желтыми глазами, хмыкнул и спросил, заранее зная ответ:

— Кто-нибудь хочет?

Все, конечно, замотали головами.

Фрол и раньше баловался табачком — и в погребке, и, случалось, на улице, если не на глазах у взрослых. И каждый раз предлагал приятелям. Но Коля отказался, честно объяснив: «У меня же легкие слабые, мы из-за этого из Петербурга уехали». Женя сказал еще честнее: «Нет, я не буду. По-моему, это нехорошо». («Чего нехорошего-то...» — добродушно хмыкнул тогда Фрол. Но насмеяться не стал.) Федюня сказал, что им с Савушкой хватает дедова дыма. Тот целыми днями пускает клубы, как старый турецкий пароход. Ибрагимка сослался на Коран. Потом, правда, сообразили, что мусульмане курят за милую душу — кальян, например, — но уличать Ибрагимку никто не стал.

Лишь Поперешный Макарка, купившись на Фролкино «ты небось тоже не захочешь», потребовал себе трубку. Втянул дым,

вытарашил глаза и долго кашлял, скрючившись в углу погребка. Его колотили по спине. Мало того, когда он пришел домой, мать учуяла запах, и ее крепкая веревка уже вовсе отучила Макара от интереса к «табашному зелью», несмотря на его строптивый характер...

И сейчас, после стрельбы, Фрол готовился в одиночестве предаться дымному удовольствию. Все давно знали, что затягивается Фрол не сильно, зато синие клубы он выпускал всем на загляденье.

На этот раз, однако, дело у Фрола не заладилось. Спичек у него, конечно, не оказалось, вещь эта в обиходе была новая и дорогая. Из кармана длиннополой своей тужурки вытащил Фрол кремь-огниво, зазубренный осколок бомбы и обугленный трут из куска пенькового троса. Начал привычно колотить чугуном по камешку. Но искры летели слабо, трут не загорался. Ну никак!..

Все внимательно следили за Фролом, но это внимание только злило его. Он зыркал желтыми глазами и сквозь зубы выдавил два нехороших слова. Потом от досады хлопнул о свои разбитые сапоги драной суконной шапкой.

— Потому что табак — это вред, — тихо, но бесстрашно сказал Женя.

— Сам ты вред... Отсырел он, что ли? Или кресало затупилось...

— Таким кресалом только тесто месить, — подал голос Коля. Понял, что пришел его черед. — Лучше уж какой-то другой способ испытать... Попробуй кремнем пистолета.

— Ну да, скажешь! Он и так на исходе, а нового нет!

— Ну, тогда еще как-нибудь...

— «Нибудь» как?

— Древние люди огонь трением добывали. Вертели палочку на камне...

— Воткни ее себе... и верти.

Коля ради пользы дела снес это спокойно. А Ибрагимка укоризненно напомнил:

— Ай, ведь обещались друг с дружкой не ссориться.

— Я и не ссорюсь... — Фрол опять безуспешно колотил осколком. — А пускай он с брехней под руку не суется...

— Я не с брехней. Я помочь хочу. Есть же много способов получить огонь. Некоторые люди даже с помощью льда костры разжигают...

Фрол уронил руки.

— Че-во?

— Вот тебе и «чево». С помощью льда. Не слышал?

— Спятил Николай, — уверенно сообщил Фрол. — С помощью льда лечат больные головы. В которых мозга за мозгу зацепилась. Называется «компресс». Попроси своего знакомого доктора...

— Доктор тебе нужен, — миролюбиво объяснил Коля. — От упрямства лечить. Ты, как упрешься, ничего знать не хочешь.

— Да чего знать-то? Что льдом огонь добывают?

— Ну да!

— Больной, — убежденно сказал Фрол.

Остальные смотрели на Колю приоткрыв рты. И с сочувствием. Видно, тоже как на больного. Все, кроме Жени. Тот, кажется, что-то понимал. Да, он же читал роман Жюль Верна! Ладно, лишь бы не раскрыл секрет заранее. Коля незаметно мигнул ему.

— Значит, не веришь? — спросил он Фрола.

— Гы... — выдохнул Фрол.

И тогда Коля наконец сказал:

— Спорим!

— Об чем?

— О том, что льдом зажгу твою трубку!

Фрол помигал. Потом что-то новое появилось в его глазах.

Какая-то хитрая мысль.

— Ладно, спорим! А на что?

— Давай на что-нибудь важное. Дело-то все же непростое...

— Договорились. И смотри не отпирайся. Ежели проспоришь, в полночь пойдешь на кладбище и принесешь с могилы капитана Банникова жестяной цветок. А мы подождем, — ласково проговорил Фрол.

В осаду не каждого хоронили на Северной стороне. Некоторым, особенно убитым в начале войны, «посчастливилось» обрести место вблизи города. Могила капитан-лейтенанта Банникова, погибшего в ноябре пятьдесят четвертого года, находилась в самой середине здешнего кладбища. Она была знаменита лежащим на плите большущим якорем и надетым на каменный крест железным венком с серебристыми жестяными розами. Сходить ночью на кладбище и добыть такую розу считалось у всех мальчишек делом весьма славным и геройским. Во всем городе таких смельчаков можно было перечесть по пальцам. Фрол был среди них. (Но ему что, с пистолетом-то!)

Фрол смотрел выжидательно. Не пойдет мальчик Николай

среди ночи на кладбище. Он и в сумерках-то норовит быть поближе к остальным, когда шагают вблизи разбитых домов.

Коля обмер. Внутри. А что, если не получится? Но не было обратного пути. Он сказал небрежно:

— Хоть цветок, хоть целый букет...

— И не говори, что тетушка не пустила!

— Не скажу... А с тебя что требовать, когда проспоришь?

— А чего хочешь?

— Пистолет!

Фрол мигнул. Догадался о чем-то? Но... какой же человек в здравом уме допустит, что изо льда получается огонь? А если тут прячется хитрость, он, Фрол, не лыком шит, разглядит вовремя!

— Заметано!.. Разбивайте!

Они сцепили в рукопожатии пальцы, и Савушке — самому бесхитростному — поручено было расшибить эту сцепку ребром ладони.

— Ну! — сказал Фрол. — Теперь пошли наверх! Там лужи застывшие, льда сколько хочешь.

Коля отозвался деловито:

— Не из всякой лужи лед пригоден. Пошли к Маркелычу. Там этим делом заниматься способнее.

— Уже вертеться начал, — хмыкнул Фрол.

— Я не верчусь, а хочу наверняка...

Выбрались из рва, пошли по пустырям, потом вдоль разбитой казармы. Женя оказался рядом.

— Думаешь, получится? — спросил он тихонько.

— Я уже пробовал, — ответил Коля одними губами.

Фрол шагал позади. Вдруг он громко сообщил:

— А я разгадал твою хитрость! Ты небось возьмешь у тетушки спички, напишешь на пачке «Ледь» да и скажешь: «Вот, я льдом зажигаю!» Такой фокус не пройдет!

— Не будет такого фокуса.

— Или обломишь с крыши сосулину, стукнешь ею по кресалу: «Льдом искру выбил!»

— И такого не будет, — снисходительно пообещал Коля. — Будет по-честному. Все пускай решат — правильно это или нет...

Фрол тревожно задумался на ходу, а у Коли все стонало внутри от опасений. Но... что может случиться-то! Ведь утром же получилось. А сейчас морозец по-прежнему крепкий, солнце такое же яркое. Разве что Настенька зачем-то разыщет за сараем камень да выколупает льдинку. Но можно же налить воду и заморозить сызнова...

Такими мыслями Коля успокоил себя и, чтобы не отдаться страху снова, начал рассказывать, как Маркелыч вчера выгонял из него хворь. И как говорили с ним про трюмников и про золото «Македонца».

Оказалось, что про трюмников знают все. Кое-кто их даже видел. Савушка поведал, что их трюмник по имени Коконя катал его на закорках по баньке — от двери до печки и обратно.

— Это тебе приснилось, — ласково сказал Федюня. — Ты в бане-то один сроду не бывал.

— А вот и не приснилось! Бывал! Когда позже всех кончил мыться... Я потом с мокрого заду шерсть отклеивал, потому что Коконя весь волосатый...

Посмеялись.

Коля уже не верил в клад, спрятанный в трюме, но все же сказал и про это. Может, все-таки слазить поискать? Было бы тогда у Маркелыча свое судно.

— А с чего это золото Маркелычу отдавать, если найдем! — возмутился Макарка. Не по жадности, а ради спора. И все заспорил, чье было бы золото, если бы и впрямь нашли.

Фрол сказал рассудительно:

— Чего делите неснятую шкуру? Ничего в трюме нету. У Новосильцева с командой чуть не целая ночь была для отхода. Неужто оставили бы золото врагам или пожару? Долго ли было вынуть его из тайника...

— Да ведь нести-то с собой небось тяжело, — заметил Федюня.

— Да они и не понесли. Спрятали где-то вместе с флагом, с вахтенным журналом да картами, чтобы все это к французам не попало, если попадутся в плен. Скорее всего, зарыли в подземном ходе...

— Вот бы отыскать, — тихонько сказал Женя.

Фрол щелкнул губой:

— Поди отыщи. Ходов этих под городом да вокруг не счесть...

Пришли на двор к Маркелычу. Настенька и Саша развешивали на пеньковом шнуре выстиранное белье. Оно застывало на глазах.

— Гости пожаловали, — улыбнулась Настенька. — Вы только с печкой там поосторожнее...

— Мы не будем разжигать, мы на минутку, — сказал Коля.

Саша подошла, почуяв что-то интересное. Настенька скрылась в доме.

Камень с ледяной линзой оказался на месте, за сараем.

— Женя, помоги, пожалуйста... — попросил Коля. Вдвоем они легко выволокли известняковый брус на солнце.

— Лед? — спросил Коля, указывая на застывшую в лунке воду.

— Лед! — хором сказали все. Кроме Фрола. Но и он не спорил.

Коля сел на корточки, надавил на ледяные краешки. Испугался вновь: а вдруг примерзло напрочь? Но линза выскочила легко, выпуклым боком отразила солнечную искру. Коля опять потер ладонью плоскую сторону.

— Фрол, доставай-ка трубку...

Фрол мигал. Догадался, в чем дело? Однако не спорил, достал трубку, протянул.

— Нет уж, ты ее держи в зубах. Будешь раздувать, как полагаются... Присядь-ка, а то я не дотянусь...

Озадаченный Фрол исполнил все без спора.

Коля навел солнечное пятнышко на туго набитый табак. И не успел даже встревожиться: получится ли? Дымок почти сразу побежал вверх извилистой стружкой.

— Раскуривай! Раскуривай! — закричали мальчишки, радуясь чуду. Фрол послушно засопел трубкой. Она выпустила синее облако, выбросила икру.

— Ура-а!!

Фрол выпрямился. Неторопливо затянулся, потом придавил в трубке тлеющий табак большим пальцем. Он старательно прятал огорчение.

— Хитер ты, Николая. Видать, много книжек прочитал... Не знал я про такое дело...

Коля сдержанно пожал плечами. Кто же, мол, виноват, что не знал.

Савушка, завладев ледяным стеклом, восхищенно разглядывал сквозь него ссадину на костяшке мизинца. Ибрагимка, Федюня и Макарка дышали у него за спиной. Ибрагимка тихо цокал языком.

Передача пистолета состоялась тут же. Было похоже, будто подписавший капитуляцию фельдмаршал, сохраняя достоинство, сдает оружие победителю. Фрол протянул пистолет вперед рукоятью:

— Держи, раз выиграл...

— А припасы? — напомнил Ибрагимка.

— На припасы спору не было! — тут же вмешался Макарка.

Но Фрол снисходительно сказал:

— Они мне теперь к чему? — Выгреб из кармана мешочек с

порохом и пригоршню пуль. — Э, да тут и кремешок запасной! А я и не помнил! Повезло тебе, Николая.

«Можешь взять обратно пистолет, только не говори больше «Николая!» — чуть не вырвалось со злостью у Коли. К счастью, сдержался. С безразличным выражением лица рассовал по карманам боеприпасы. Расстегнул армячок и курточку. На штанах был суконный пояс с круглой костяной пряжкой. Коля стал заталкивать за него пистолет.

— Зачем он тебе? — жалобно сказала Саша. — Страх какой.

— По носу... — пообещал Коля.

После этого все разошлись. Коля и Женя пошли к Лазуновым домой.

Коля вколотил в стену граненый гвоздь — в щель между камнями, которую угадал под штукатуркой. Сделал из шнура петлю, повесил пистолет в аршине от рамки с осколком амфоры. Оглянулся на Женю:

— Ну, как?

Женя сказал, что хорошо. Потом спросил:

— Выходит, ты заранее все рассчитал? Для этого спора...

— Конечно... А что? — Коле вдруг почудилось в Женином голосе скрытое осуждение. И он сразу напрягся: — А что? Разве это нечестно?

— Отчего же нечестно. Все по уговору, — успокоил его Женя. Правда, как-то скучновато. Но, возможно, он просто завидовал в душе. Потому, наверно, и спросил: — А Татьяна Фаддеевна позволит тебе держать дома настоящий пистолет?

— Конечно, позволит! Ей-то что!

...Татьяна Фаддеевна не позволила. Увидев на стене грозное оружие, она подняла крик. Даже не совсем приличный для образованной дамы. Дала волю всем своим чувствам и женским страхам. Смысл ее отчаянных возгласов сводился к тому, что Коля обязан «сию же минуту отнести этот ужас на свалку, пока он не взорвал весь дом!».

Коля, у которого хотели отобрать его надежду и радость, тоже потерял сдержанность (потом даже стыдно было). Он кричал в ответ (и пустил слезу), что женщины вот ни на столечко не смыслят в оружейных делах. Ну как, скажите на милость, может *возражаться* пистолет, который вовсе не бомба и в котором даже нет ни крупинки пороха?

— Вот, посмотрите сами! Загляните сюда, в дуло!

— Не подходи ко мне с этой гадостью!

— Здесь и кремень-то совсем сбит! И пружина совершенно слабая, курок почти не щелкает! — врал уже напропалую Коля.

— Я сказала: выбрось эту мерзость!.. Зачем тебе оружие? Разве ты солдат? Или бандит?

— Вы же сами хотели, чтобы я стал военным! Толкали в корпус!

— И очень жаль, что не сумела затолкать! Там тебя приучили бы слушать старших!

Вот она, дамская логика!

Дошло уже до того, что Коля пообещал (совсем уже со слезами): если тетушка заставит его унести пистолет, то он унесет — пожалуйста! — но домой после этого не вернется. Останется жить в какой-нибудь разбитой хате. Татьяна Фаддеевна прореагировала безжалостно:

— Ты там умрешь от страха в первые пять минут!

— С пистолетом не умру!

К счастью, пришел в гости доктор Орешников. Со свойственным деликатному мужчине спокойствием разобрался в причине спора. Уговорил Татьяну Фаддеевну и Колю умерить горячность. Осмотрел пистолет. Подтвердил, что «этот музейный экспонат» и в самом деле не опасен.

— Если, конечно, не пытаться заряжать его порохом и пулями. Но, я надеюсь, Коля достаточно благоразумен...

Коля тут же поклялся в своем благоразумии. И, катясь дальше по наклонной плоскости греха, с жаром наврал, что у него нет никаких боеприпасов. Мало того, он вынул из куркового затвора кремешок (поскольку помнил о запасном) и торжественно бросил его на кухне в мусорное ведро.

Тетушка с мучительным стоном сдалась. При условии, что, когда она дома, «этого предмета не должно быть на стене». Коля тут же затолкал пистолет под свой диванчик...

А на ночь он положил пистолет под подушку. Опять захотелось плакать, Коля всхлипнул, погладил деревянную рукоятку, будто шейку живого существа. Но... пистолет не отзывался на ласку. Он лежал под подушкой, холодный и твердый. Чужой.

Почему?

«Выходит, ты заранее все рассчитал?» — вспомнился Женин вопрос.

«Ну и что? Разве нельзя рассчитывать заранее, когда заключаешь пари? Разве это нечестно?»

«Отчего же нечестно? Все по уговору...»

Коля опять потрогал пистолет. А будет ли он защитой от страхов? Почудилось, что да. Коля представил ночные развалины, и они теперь показались ему совсем не такими жуткими, как прежде. И если даже идти к могиле капитан-лейтенанта Банникова, то с пистолетом не так уж боязно... Однако же какое-то сомнение продолжало точить Колю. Он так и не разобрался, уснул.

Утром в школе было много разговоров о вчерашнем пари. Спрашивали Колю, правда ли, что выпуклая льдинка дает огонь. Коля не скрывал, что вычитал об этом в книжке. Фрол в разговорах не участвовал. Будто его все это не касалось. Женя тоже не заводил разговора о пистолете, даже не спросил, как отнеслась к нему тетушка. А вообще-то он держался обычно, разговаривал как всегда, по-дружески. Только... только показалось Коле, что Женя иногда слишком быстро отводит глаза. Но, наверно, и вправду только показалось. Немудрено после вчерашнего...

Дома Коля опять водрузил пистолет на стену — Тё-Тани не было.

— Побудь здесь хоть немного, — шепнул он пистолету.

Вещи иногда умеют мысленно разговаривать с людьми. И Коля понимал, что с Фролом пистолет, конечно же, разговаривал. Но сейчас пистолет молчал, глядя вниз длинным опущенным стволом...

А собственно говоря, как он сумеет помочь Коле одолеть его страхи? Не будешь же таскать его каждый раз собой, когда надо идти по темной улице. Да и не ходит Коля один... И боязнь экзаменов пистолетом как прогонишь? Ведь не станешь палить в хрестоматию по греческому языку! И не потащишь его с собой в гимназию!.. Можно взять пистолет разве что в баню, если пойдешь мыться один. Но и там от него какой прок? Стрелять в трюмника Ерофейку, если тот вдруг высунет голову из-за печки? А зачем? И как потом жить, если по своей трусости погубишь безобидное добродушное существо? (Да и нет на свете никаких трюмников!)

А Женин уходящий в сторону взгляд? Словно тому неловко за Колю. Может, и почудилось, а может... Смирный и застенчивый Славутский в вопросах совести всегда чуток, будто магнитная стрелка. Может, и не скажет ничего, а в глазах читается: «Это нехорошо...»

Значит, появилась в их дружбе трещинка? Пускай самая незаметная, а все-таки...

Коля затолкал пистолет за пояс и стал одеваться.

Фрол жил в двух сотнях шагов от Колиного дома, в кособокатой приземистой хате под ярко-рыжей черепицей. Когда Коля подошел, он таскал на сколоченных из трех досок санках закутанную сестренку. Покосился, сказал неловко:

— Вот катаю, пока зима. А то не сегодня-завтра все потает... — Санки скребли полозьями то по слежавшейся полоске снега у ракушечной изгороди, то по мерзлой земле.

— Фрол, держи... — Коля рукоятку вперед протянул пистолет.

Фрол уронил веревку, сдвинул на затылок суконную шапку.

— Это... с каких шей?

— Ну, с таких... Все равно он твой. А не мой... Я же чувствую... И тетя Таня не позволяет.

Фрол привычно шелкнул по губе.

— Это ваше с тетушкой дело. Я-то при чем? Что утеряно в спору, то обратно не беру. Может, в Петербурге не так, а у нас это не по закону...

— Да оставь ты Петербург, — с досадой сказал Коля. — Я потому и отдаю... что спор был неправильный. Вот как раз не по закону. Я же заранее знал, что ты проспоришь. Все подготовил. Не было никакого риска.

— Ну, это всегда так и бывает, — усмехнулся Фрол. — Помню, мне Адам говорил: если двое бьются об заклад, один всегда дурак, а другой подлец...

— Значит, я подлец?!

Фрол вдруг сильно смутился.

— Я же не про тебя... Просто поговорка такая. Ну... в ней все же есть кой-какая правда.

— А я не хочу такую правду! Вот и забирай!

Фрол сильно помотал головой на тонкой шее. Шапка еще сильнее съехала назад, желтые волоски заискрились на солнце.

— Не возьму. У меня тоже свое понятие есть, хотя и не дворянин.

— Дурак ты, — чуть не со слезой сказал Коля. — При чем тут «дворянин», не «дворянин»! Я же с тобой по-хорошему...

— Ну... и я по-хорошему. Ты старался, спор выиграл, значит, пистоль твой.

— Мой?

— А чей же!

— Точно мой?

— Само собой! Что желаешь, то и делай с ним. Выброси, если охота.

— Я выбрасывать не буду, — с удовольствием сказал Коля. — Я тебе его дарю. А от подарков отказываться нельзя. Это ведь тоже не по закону!

Он распахнул на Фроле тужурку, сунул пистолет стволом во внутренний карман. А в наружные карманы погрузил порох, кремль и пули. Фрол стоял, растерянно растопырив руки. Закутанная в клетчатую шаль сестренка на санках молча хлопала глазами.

— Вот так, — сказал наконец Коля. И с великим облегчением зашагал прочь.

— Коль... — сказал ему вслед Фрол.

— Чего? — Коля оглянулся.

— Ты это... не злись, что я иногда говорю «Николя»... И вообще... Я не со зла, просто у меня язык такой... шершавый.

— Да ладно, я знаю...

...В этой истории с пистолетом осталось досказать немного.

По законам литературы, если в повествовании появляется пистолет, он должен обязательно выстрелить. Причем не просто так, а в какой-то решительный момент. Это и случилось. Только долгое время спустя.

Почти через сорок лет после рассказанных событий, в ноябре 1905 года, в Северной бухте, напротив подпорной стенки Приморского бульвара, что разбит был на месте развалин Николаевской батареи, горел восставший крейсер «Очаков». Горел и светился раскаленным металлом. Его, почти лишенного брони, расстреливали по приказу адмирала Чухнина береговые батареи. Командир восставшего лейтенант Петр Петрович Шмидт командовал, чтобы все покинули корабль. А потом и сам с мальчишкой-сыном бросился в ледяную воду. Скоро Петра Петровича и четырнадцатилетнего Женю подобрали на миноносец 270, но тот почти сразу начал тонуть от тяжелого огня с «Ростислава». Шмидт и Женя опять оказались в воде. Они были подобраны и арестованы верными царю офицерами, доставлены на «Ростислав» и брошены в трюм.

А матросы с «Очакова» плыли к берегу, к бульвару.

— Братцы, пощадите! — слышались из воды крики.

А «братцы» в солдатских шинелях и бескозырках с кокардами шеренгой стояли у гранитного среза и равномерно давали один

залп за другим. Из длинных стволов выскакивали оранжевые огоньки и мгновенно отражались на граненых штыках мосинских трехлинеек. Стрельбой командовал усатый офицер в длинной шинели и фуражке с очень блестящим козырьком.

— Огонь, сволочи! Огонь! — кричал он сильным бабьим голосом и перед каждым залпом взмахивал зеркальным сабельным клинком.

На склонах Городского холма, на ступенях Матросского бульвара, у памятника Казарскому черной массой толпился народ. Слышались крики и плач.

— Изверги! Палачи! О Боге забыли!..

Кое-кто пытался прорваться на берег, но оцепление из солдат и полиции было несокрушимым.

И все же через это оцепление как-то прошел сутулый седой человек в потертой флотской тужурке. Он был без фуражки, блики искрились на его рыжеватых коротких волосах. Это был известный многим мастер адмиралтейского завода по фамилии Буденко. Он шагал по пустому пространству между оцеплением и стреляющей шеренгой. Широко шагал, но спокойно. Сухие листья платанов хрустели под ногами.

Мастер осторожно обошел раненую чайку, которая билась на ракушечных плитах. Она казалась оранжевой от пламени. Какой-то унтер бросился мастеру наперерез, но замер, изумленный хладнокровными насмешливыми словами:

— На пути не стой, у меня пистоль...

Далее все было, как в известной повести Пушкина: «...Дубровский, подошел к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь». После, правда, уже не по «Дубровскому». Пробитый несколькими пулями и двумя штыками, мастер упал на плиты и мгновенно умер. Используя короткую заминку на набережной, два матроса в воде рванулись в сторону, ушли в тень береговых выступов и вдоль них то вплавь, то между скользких камней пробрались к причалам Артиллерийской бухты. Там, под настилами, они притаились на время, а потом по темным откосам проползли наверх и скоро оказались в переулке Артиллерийской слободки, где жило немало сердобольных рыбаков...

Может быть, в спасении двух этих жизней и был главный итог существования на свете мастера Фрола Никодимовича Буденко. И оправдание пистолета.

Часть II

ТЕНДЕР «КОТЁНОК»

БАРАБАННЫЕ ПАЛОЧКИ

Когда Коля сделался взрослым Николаем Федоровичем, ему несколько раз случалось читать воспоминания разных авторов о Севастополе шестидесятых годов. Один из них назвал те годы «безвременьем славного города». Все эти литераторы писали почти одинаково: о длинных улицах развалин, о мертвой белизны прекрасных, но разрушенных зданий, о грудах камней и щебня, о сглаженных временем брустверах и траншеях.

Упоминали писатели и о строящихся храмах, о растущих на берегах бухт доках и мастерских, о горожанах, сумевших соорудить жилища среди руин. Но все же главными впечатлениями в этих очерках были малолюдство и запустение.

И, наверное, для того, чтобы сильнее поразить читателя картинами запустения, авторы утверждали, будто нигде сквозь груды камней и щебня, сквозь голую глину и кремнистую твердость дешней земли не пробивалась никакая зелень.

Это неправда.

И на центральных улицах, и в запутанных переулках слободок, несмотря на беспощадность бомбардировок, уцелели кое-где старые деревья. Они стояли и вдоль тротуаров Екатерининской улицы, и вокруг развалин домика государыни Екатерины, и по берегам оврагов и балок. В тех же балках и среди окраинных кварталов сохранились остатки садов и виноградников. А кроме того, за десять мирных лет на склонах и откосах, среди мертвых и оживающих дворов, у разбитых стен и каменных лестниц появились молодые деревца, закурчавилась кустарниковая поросль. Кое-где развалины сверху донизу были окутаны зарослями дрока, похожего на водопады из тонких веток и листьев.

Весной шестьдесят седьмого года вся эта растительность вспухла бело-розовой пеной цветения.

Северный житель Коля Лазунов не знал, как зовутся здешние

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

кусты и деревья. Ему говорили: «Миндаль... кизил... персик... черешня... акация...» Он кивал и тут же забывал названия. И утыкался лицом в грозды цветов. Подумать только! — по берегам Финского залива и по дворам столицы еще лежал почти нетронутый оттепелями снег, еще по Неве ездили на лошадях, а здесь уже все цвело и зеленело!

Весна в этом году случилась ранняя, миндаль стал зацветать уже во второй неделе марта, а за ним, набирая силу, оделись пахучими гроздьями и другие деревья. О случайном февральском снеге никто уже не помнил. Душа радовалась!

Конечно, выпадали и холодные дни. И особенно ночи. Бывало, что под набежавшими серо-сизыми тучами ревел шторм. Отороченные пенными гребнями волны так гремели галечником на берегах за Карантинной бухтой, что слышно было даже в переулках Артиллерийской слободки. Волны эти штурмовали Константиновский форт, врывались в Северную бухту, на внутренний рейд, мотали ошвартованные у плавучих бочек суда. На некоторых парусниках для безопасности спускали стены. Чайки косо металась на фоне косматой штормовой мглы, лететь против ветра они не могли, их сносило, и они укрывались под берегами Южной бухты, где шторм не мог показать всю свою силу.

Однако в этих штормовых ветрах уже не было ледяного зимнего холода. В них можно было ощутить влажную согретость — первый намек на близкие теплые времена.

Застывшая земля давно оттаяла, глинистые тропинки на склонах делались липкими и скользкими, впаянные в них камни держались теперь непрочно, шевелились под подошвами. Это если спешишь в школу и выбираешь не лестницу, а ближнюю дорожку, ведущую вниз к Южной бухте.

По обоим берегам Южной бухты лежали ржавые горы тяжелых ядер, множество пушечных стволов и якорей. Их свозили сюда с затопленных судов, подымать которые взялся опять купец Телятников.

Большими усилиями водолазов подняли наконец на поверхность и один из корабельных корпусов. Поглядеть на это собралось на руинах Николаевской батарее и склонах Хрустального мыса почти все немногочисленное население города. Корабль медленно вырос из синей, покрытой мелкой зыбью волны. Из открытых орудийных портов хлестали потоки. Тотчас пошли среди мальчишек (да и среди взрослых) споры: что это — «Сили-

стрия», «Уриил», «Три святителя»? Поди разберись, когда это уже и не корабль вовсе, а громадная обросшая туша без мачт...

На той же неделе подняли еще одного затопленного великана. Оба корабля буксиры утащили в самую оконечность Северной бухты, к Инкерману, и приткнули к отмели. Там их неспешно принялись разделявать плотники. Видимо, просто для того, чтобы не занимали место. Говорили, что ни корпуса целиком, ни их древесина ни для чего уже не годятся, потому что источены морским червем...

Пришел апрель, близилась Пасха. Дни сделались совсем теплые, почти летние. По берегам появилось немало рыбаков. Но Коля рыбалкой не интересовался. Ничуть. Ему казалось скучным подолгу ждать дерганья поплавка, да и жаль было трепещущую, попавшую на крючок рыбу. Приятно было угощаться жареной ставридой или кефалью, но видеть, как она бьется, пуская кровь из-под жабр, это уж увольте... Конечно, в такой постыдной жалостливости Коля не признавался никому из приятелей. Кроме Жени. Женя его понимал. Он и сам не был любителем рыбной ловли.

Интереснее было охотиться за крабами. Кинешь приманку из гнилого мяса в сетку, натянутую на ивовый, с грузилами, обруч, спустишь эту сетку с причала к самому дну и смотришь, как осторожный краб подбирается к добыче. А потом — дерг вверх! Попался!.. Однако, сам Коля крабов не ловил, смотрел только, как охотятся другие. Но скоро убедился, что хорошего тут мало. Мальчишки обычно сразу расшибали крабов о камни, чтобы пустить их мясо на наживку для рыб. А иногда варили их, выколупывали «начинку» и делали из пустых панцирей и клешней чучела — для продажи туристам. Но такое занятие Коле казалось противным и предательским по отношению к пленным крабам.

Впрочем, среди мальчишек Артиллерийской слободки мало было любителей рыбалки и охоты за крабами. Всех гораздо больше волновала другая охота.

На отогревшихся склонах кургана и косогорах, на обвалившихся брустверах и в полузасыпанных траншеях мельтешили, как воробьиные стаи, мальчишки со всего города. Добывали из-под камней, из сухой глины и сыпучей, перемешанной с гравием земли то, что осталось от войны.

Уже не один год шла такая охота, но до сих пор пули и осколки попадались сплошь и рядом. Форменные «гудзики» тоже. А случалась и более интересная добыча: кокарды, штыки, памятные фляжки, истлевшие ремни с форменными бляхами, медные

накладные буквы и цифры с эполет. Некоторые счастливики находили ржавые тесаки и даже сабли...

Немало встречалось и ядер. Всякий раз у Коли замирало сердце, но при осторожном осмотре он убеждался, что это сплошные чугунные шары, без отверстий и без остатков запальных трубок. Ну, оно и понятно. Так ли уж много их, бомб и круглых гранат, ударилось тут о землю и не взорвалось? Скорее всего, это большая редкость...

Коля увлеклся сбором трофеев не меньше остальных мальчишек. А может, и больше. Ему это было в новинку. Он горел азартом, для него каждая находка была свидетельством истории, в то время как его приятелей чаще всего интересовало другое: на сколько копеек «потянет» их трофей?

Впрочем, Колю это интересовало тоже. Не столько ради самих денег, сколько опять же из-за азарта. Это было увлекательнейшей игрой — такая и не снилась ему в прежние времена, в столице!

У разных ребячьих компаний были свои, определенные давним обычаем места для торговли. Мальчишки и девчонки Корабельной стороны предлагали свой товар посетителям Малахова кургана, Второго и Третьего бастионов. Ребята из городских кварталов держались ближе к пристаням, куда подходили шлюпки с прибывших пароходов. И в этом было свое преимущество. Только что ступившие на берег пассажиры горели свежим интересом к здешним достопримечательностям и сувенирам.

Первые пароходы с туристами — и российскими, и иностранными — стали приходить в конце марта. Сперва не очень часто, а потом чуть не каждый день. Иностранцы обычно приплывали из морей, лежавших за Босфором, где перед этим посещали земли древних библейских стран...

Коля, конечно, сперва стеснялся торговать. Но быстро привык и, в точности как другие мальчишки, бойко объяснялся с «дамами и господами», на пальцах показывая стоимость своего товара.

Заработанные копейки и гривенники он ссыпал дома в жестяную коробку и думал, что, если у них с тетушкой наступят трудные времена, он с гордостью откроет свой запас.

Татьяну Фаддеевну, однако, не радовал образ жизни ее ненаглядного племянника — успевшего загореть под весенним солнцем и вечно перепачканного сухой глиной, пылью бастионов.

— Ты совершенно превратился в уличного сорванца! Целыми днями пропадаешь на свалках!

— Там не свалки, а исторические места! Я собираю коллекции!

— Тебе надо заниматься не коллекциями, а уроками! Иначе на весенних экзаменах тебя ждет чудовишный позор!

Коля на всякий случай мысленно плевал через плечо, но боялся не очень. Во-первых, он все-таки занимался уроками (хотя и не столь старательно, как зимой). Во-вторых, он уже знал, что не так страшна гимназия, как оно казалось прежде.

А в ремесленной школе уроков домой вообще не задавали. Особенно Коле Лазунову, давно получившему зачеты по большинству предметов. Теперь он ходил только в мастерские да на занятия по корабельному делу. Да и там ему — строившему вместе с Трофимом Гавриловичем учебную модель — было легче, чем другим. Основные названия корабельных деталей он знал давно, а те, что не знал, запоминал сразу.

Кстати, именно он приклеил Фролу новое прозвище. Когда изучали устройство шпангоута, все развеселились, узнав, что треугольная деталь на стыке двух корабельных ребер называется «флор». Очень уж похоже на «Фрол». А нижняя часть ребра — тимберса — называлась «флор-тимберс».

— Фрол-тимберс! — громко высказался Коля, знавший, что за шутки не наказывают (тем более таких прилежных учеников, как он).

Трофим Гаврилович погрозил пальцем, но и посмеялся вместе со всеми, видя, как забавно растерялся Фрол Буденко.

С той поры и повелось: «Эй, Фрол-Тимберс!» А вскоре от прозвища остался просто «Тимберс». Фрол понял, что сердиться нет никакого резона. Кличка все равно не отлипнет, если уж приклеилась. К тому же была она корабельной, значит, ничуть не обидной. На Колю Фрол не злился. После истории с пистолетом он вообще относился к нему по-иному — как к равному и без насмешек...

Иногда Коля возвращался с поисков добычи перед самым заходом солнца (а заходы эти делались все более поздними). И если Тё-Таня оказывалась дома раньше его, снова возникал шумный разговор:

— Где ты был? Я себе места не нахожу! Ты свихнешь себе шею на этих бастионах, если только... если не случится чего-нибудь еще хуже!

Коля опять мысленно плевал через плечо и сцеплял на левой

руке два пальца, но бодро отвечал, что ничего хуже свихнутой шеи не бывает.

— Перестань глупо острить! Я говорю серьезно! Скоро ты сведешь меня с ума!..

Однажды за Колю заступился Борис Петрович. Доктор объяснил тетушке, что «мальчик ведет себя в соответствии с законами природы». Все дети за зиму устают от холода и занятий, поэтому стремятся на улицу, на солнце и свежий воздух — к шумным и подвижным играм. А прилежание их в это время, увы, ослабевает.

— И тут уж, любезнейшая Татьяна Фаддеевна, необходимо смириться, с природой не спорят.

— Но если бы это были нормальные игры! А он тащит домой всякое... всякий военный ужас!

— Что поделаешь. Надо учитывать своеобразие местных условий...

Но ни Татьяна Фаддеевна, ни доктор не знали тогда, что Коля не только собирает «военный ужас», но и торгует им. А когда это открылось, для тетушки было новое потрясение.

— Это переходит все границы! Какой стыд! А если об этом узнают мои знакомые? Соседи?

— Давно уже все знают...

— Ты словно гордишься этим!

— А чего такого?

— Ты... видимо, забыл, что ты не только ученик ремесленной школы, но и... фон Вестенбаум!

Коля пожал плечами. То, что было неприемлемо для столичного мальчика из почтенного (хотя и небогатого) рода фон Вестенбаумов, вполне годилось для Кольки Лазунова из Артиллерийской слободки. А таким он себя ощущал все больше. И сказал с интонацией именно слободского мальчишки:

— Я разве ворую? Я честно деньги зарабатываю, своим хребтом. На черный день...

Татьяна Фаддеевна села к фортепьяно и разразилась бурной музыкальной пьесой.

Фортепьяно появилось в конце марта. Его где-то раздобыл и с несколькими мастеровыми привез на телеге доктор. Сказал, что дарит его Татьяне Фаддеевне и Коле.

— Но Борис Петрович! Как можно! Это же безумно дорогой подарок!

— Ничуть! Оно досталось мне случайно и почти бесплатно.

Отыскали, когда разгребали развалины за Морской библиотекой. Смотрите, сохранилось почти без царапин. Мне пришлось только на два-три часа стать настройщиком...

Доктор был не только медик, но и весьма изрядный музыкант. Прекрасно играл на виолончели и — вот, оказалось — умел настраивать пианино.

Тетушка в конце концов приняла подарок. Тем более что девать его все равно было некуда. Не спускать же с крутого склона за Косым переулком (телега уже уехала).

Маленькую фисгармонию перетащили в комнату, где спал Коля (он не спорил), а фортепьяно заняло почетное место. И теперь, когда у Татьяны Фаддеевны в споре с племянником кончались слова, она садилась за клавиши, и фортепьяно гремело гневной музыкой. А тетушкина прямая спина выражала негодование.

Любопытно, что, несмотря на все возмущение Татьяны Фаддеевны, лазать с мальчишками по бастионам и траншеям и даже торговать трофеями она Коле не запретила. Видимо, по тем же соображениям, что «всю жизнь держать мальчика у юбки не будешь».

Коля же, чтобы лишний раз доказать свою правоту, однажды сказал:

— Женья Славутский уж на что воспитанный мальчик, а от нас никогда не отстает.

Тё-Таня только руками развела. Женья был для нее действительно примером благоразумности и скромного поведения. И если уж он...

Женья в самом деле искал трофеи и продавал их вместе с другими ребятами из компании Фрола (Тимберса!). Деньги он иногда отдавал Лене на хозяйство (все-таки кой-какая помощь!), а порой покупал на них бумагу, карандаши и акварельные краски в писчебумажной лавке Савватеева, что зимой открылась в начале Морской улицы.

Однажды Коля и Женья на берегу Южной бухты, у самой воды, нашли рядом с громадным якорем-кошкой обломок доски. Была доска толщиной дюйма два. Черная от старости, но сухая. Кое-где ее проточил морской червь, но не сильно, с краю.

— Возможно, от корабельной обшивки, — определил Женья.

— Главное, что старая... — Коля ухватил обломок под мышку. — Давай потащим в школу!

— Зачем? — удивился Женья.

— Есть одна мысль... Можно из этой штуки выточить барабанные палочки. Получится не меньше дюжины. Скажем покупателям, что нашли на бастионах. Таких трофеев еще ни у кого не было.

Женья подумал, пожал плечами, но не заспорил.

По извилистым тропкам поднялись они от воды на обрыв, принесли доску к школе.

— Иван Ефимыч, можно ключ от мастерской? Поработаем немного...

Сторож поворчал, но дал. Знал, что наставники доверяют ученику Лазунову. Да и второй, Славутский, был деловой парнишка, не то что некоторые сорвиголовы.

В мастерской опилили доску до нужной длины (палочки, они ведь примерно вершков десять). Раскололи доску на двенадцать квадратных палок. Дерево кололось неохотно (дуб, наверно), однако в конце концов подчинилось топору и железным клиньям. Потом на верстаке остругали палки, чтобы сделать более или менее круглыми, — получились заготовки. Дерево даже внутри было темным, старинным на вид. То, что надо! Заготовки припрятали за верстаком, потому что уже вечерело. А на следующий день снова попросились в мастерскую, стали точить. Женья крутил педалью тяжелый маховик, а Коля водил отточенной стамеской по вертевшейся в зажимах станка заготовке. Летели мелкие стружки, пахло мореным деревом.

Первая палочка получилась на загляденье! Гладкая, но старинного вида — серовато-коричневая, будто долго пролежавшая в земле. Черные дырки-червоточинки усиливали это впечатление.

— Здорово, да? — сказал Коля, оглаживая нагревшееся дерево. Он и палочке был рад, и гордился своим токарным умением.

Женья смотрел странно. У Коли вдруг екнуло сердце. Он вспомнил историю с пистолетом.

— Ты... может быть, думаешь, что это нечестно? Ну... потому что сделали сами, а продавать будем как настоящие... Тогда ладно. Не станем...

Но Женья отозвался небрежно:

— Отчего же нечестно? Тем, кто купит, это ведь все равно, они будут думать, что и правда от барабанов. А когда что-то ясно представляешь, оно будто так и есть... Да к тому же эти палочки все равно из дерева той поры...

— А тогда чего ты так... смотришь?

— Я хочу попросить... Можно, я две палочки возьму себе?

— Да почему же две? Половину! Мы же вместе работаем!

— Я как-то не подумал... Я не про то. Мне они нужны не для продажи, а для себя... — Женя слегка порозовел.

— Ну, для себя так для себя! Какая разница... Жень, а зачем они тебе? Если секрет, не говори...

— Да не секрет. Просто я боюсь, что другие станут смеяться... У меня с давних пор дома есть барабан. Он не такой большой, как настоящий, потому что он игрушка, но все же изрядный. С ведерко... А палочки давно потерялись. Вот я и хочу для них... Играть я не собираюсь, не маленький, но просто пусть они будут...

Кажется, Женя чего-то недоговаривал, но Коля был рад и такому признанию.

— Конечно! Мы, когда все выточим, выберем самые лучшие!..

Женя порозовел сильнее.

— Потому что... у меня есть одно желание. Нарисовать картину. Про того барабанщика, про французского... Будто он нашел наконец свой барабан и теперь пора возвращаться к себе. И он присел отдохнуть перед дорогой... Вроде бы все хорошо закончилось, но он не очень веселый. Потому что прежде было много тяжкого... да и впереди неизвестно что. И вот он сидит, а кругом развалины и над ними луна... А палочки нужны мне, чтобы лучше получилось. Ну, как добрая примета...

Коля в один миг будто воочию увидел эту картину. Как настоящую! И шепотом сказал:

— Ты только нарисуй обязательно. Не отступайся.

— Я постараюсь...

Неизвестно, нарисовал ли Женя такую картину. Однако несколько набросков сделал. И один из них отдал Коле. Тот сказал:

— Ты настоящий художник!

...Женя Славутский и правда стал художником. Был он не очень знаменит, но его некоторые полотна в прошлом веке висели в городском музее. «Затопление кораблей», «Гендер «Македонец», «Дети, собирающие пули под огнем». Сохранились ли они сейчас, трудно сказать. Едва ли. Ведь столько было еще потом боев, обстрелов, пожаров...

А основным делом Евгения Славутского были даже не картины, а его работа по росписи вновь построенных в городе храмов.

Он и там не был главным, лишь помогал тем знаменитым живописцам, чьи имена сохранила история. Но все же долю своего труда Славутский в это дело внес и потому считал, что кое в чем в жизни преуспел. А слава — что? Он любил разноцветье красок, свой город, своих друзей, а не славу...

«ПУШКАРИ» И «КОРАВЕЛЬЩИКИ»

Две неровные шеренги, в каждой человек шесть или семь, стояли в пяти шагах друг от друга. В одной — ребята из команды Фрола Буденко по кличке Тимберс. В другой — незнакомые им мальчишки с Корабельной слободки. Дело происходило в неглубоком каменистом рву под разваленным бруствером Четвертого бастиона. Шел разговор:

— Чего приперлись на чужое место?

— А оно ваше? Вы его купили?

— А может, ваше? Мотайте отсюда за свою Лаб... таб... Лабораторную балку!

— «Лаб-баб!» Говорить научись, косоротый!.. Бегите сами за свой Пятый бастион, пока не догнали!

Шел обычный дележ территорий. Как на всем белом свете.

Вообще-то земли были поделены. В основном. Ребята из кварталов у Малахова кургана, Ушаковой балки и Аполлоновки обычно собирали трофеи на линии обороны от Третьего бастиона до Килен-бухты. То есть на Корабельной стороне (мало им этого, что ли?!). Потому и назывались «корабельщики». Во владении мальчишек и девчонок Артиллерийской слободки и прилегавших к ней улиц были Пятый и Шестой бастионы, редут Шварца, люнет Белкина, батарея Шемякина, траншеи у кладбища. В общем, все, что находилось у правой части оборонительной линии. Поскольку Артиллерийская слободка была там главным поселением, юных жителей этих мест именовали «пушкарями».

Земли от Центральной балки до Пересыпи, посреди которых возвышался Четвертый бастион, были ничейными. Значит, спорными. То есть вообще-то они считались «городскими». Но жителей в центральной части города было мало. Ребятам среди них — и того меньше. Их жиденькая ватага не могла, конечно, отстаивать свои права. Ладно хоть, что их не прогоняли. Но и во внимание не принимали. И как во всей мировой политике, территория слабенького и малолюдного государства стала предме-

том дележа и полем вооруженных конфликтов для более сильных соседей.

Компании «корабельщиков» и «пушкарей» время от времени сходились у Четвертого бастиона, и тогда начинались разговоры, подобные нынешнему:

— Чего приперлись-то? На ваших дистанциях и так добра немерено! Руки загребушие...

— А вы у себя уже все выковыряли? На кладбище покопайтесь, вам покойнички кой-чего поотрывают!

— Мы вам сами сейчас поотрываем! — пообещал Поперешный Макарка. И плюнул под ноги.

— «Пушкари», «пушкари», пальцем ж... подотри! — сказал с той стороны похожий на растрепанного воробья мальчишка.

— Корабельщики в ответ: «Обоср... мы весь свет», — сообщил знакомый с Пушкиным Фрол. Не пожалел Александра Сергеевича ради красного словца.

— Шас мы вам покажем, где свет, а где его нет, — спокойно пообещал худой длиннорукий парнишка с курчавой башкой. Видно, предводитель.

Женя Славутский рядом с Колей тихонько вздохнул. Вот уж кому не хотелось драться, так это Женьке. А Коле разве хотелось?! У него противно стонало в животе и обморочно пустело под сердцем. А куда денешься?

Длиннорукий деловито спросил:

— Ну, чего? Стенка на стенку? Или сделаем выставку?

«Выставка» — это когда с каждой стороны выставляют по одному бойцу. Чей боец победит, те и остаются на завоеванной территории. А противники отступают. Конечно, их отступление не похоже на бегство, они покидают спорную территорию с достоинством, оглядываются и обещают в следующий раз намылить своим недругам транцы. Но на сей раз уходят — таков неписанный закон.

По такому же закону полагалось выставлять для схватки «поединщиков» примерно равных по росту и силе.

Фрол сказал с коротким зевком:

— Давайте выставку. Чего всем-то мордоваться, у нас малой... — И кивнул на Савушку.

— У нас и того мельче, — сказал командир «корабельщиков». В его шеренге стоял «шкертик» лет шести, в громадных, аж «до самого пупа», сапогах и просторной рубахе. У него была круглая коротко стриженная голова, любопытные глаза и широкий улыбчивый рот.

А еще был среди «корабельщиков» мальчишка с рыжими локонами и веселыми бесстрашными глазами. Ростом с Колю. Они уже несколько раз переглянулись, и Коля обреченно почувствовал — это его судьба.

Мальчишка был отчаянно похож на всадника, который осенью мчался за поездом. И теперь он смотрел на Колю, как на знакомого. С насмешливым прищуром.

Длиннорукий спросил его:

— Бунчик, пойдешь?

— Как скажешь, — беззаботно отозвался рыжий (вернее, золотоволосый) Бунчик. Шагнул вперед и опять уперся взглядом в Колю. Тот заставил себя смотреть в ответ прямо и без боязни.

Бунчик прищурил один глаз. Спросил Колю:

— Ну как? Будешь?

— Кольчик, давай, — ласково сказал Фрол.

Ему, Тимберсу окаянному, чего? Конечно, «давай»! А зачем? У Коли ну ни капельки злости к этому Бунчику нет! Наоборот... Им бы подружиться, а в спину говорят «давай»...

Вот так и солдаты, которые в мирное время могли бы стать друзьями, на поле боя кидаются друг на друга, потому что командиры отдали приказ...

А ради чего кидаться-то? Ради вот этого куска земли, на котором всем хватает места? Ради того, что на тебя смотрят «боевые друзья»? Ради того, чтобы не назвали трусом? Вот ведь жизнь какая — не хочешь, а идешь...

Коля встал перед Бунчиком.

Тот смотрел все так же прищуренно. Потом сказал:

— Где-то я тебя видел...

— А уж я тебя как видел... Сказать — не поверишь, — с грустной ноткой усмехнулся Коля.

— А ты скажи!

— Обойдешься! — Надо было как-то разозлить себя. Ведь сердце-то совсем непонятно где, а колени жидкие, как кисель.

— А по мо не на? — жизнерадостно спросил Бунчик. Это означало «а по морде не надо?»

— А по жо не хо? — с последними остатками мужества выдал ответ Коля. В полном соответствии со стилем и нравами «пушкарей» и «корабельщиков» (слышала бы Тё-Таня).

Бунчик толкнул его ладонями в грудь. Не сильно. Коля откачнулся, но не отступил. За ним стояли «пушкари», смотрели на него, как на крепкую надежду. Коля кулаком слегка двинул

Буньчика в плечо. Конечно, это была лишь разминка. Сейчас будет нешуточный ответный удар. Но...

Буньчик не бил в ответ. Не смотрел на Колю. Смотрел мимо него, вытянув шею и округлив глаза. Потом отчаянно крикнул:

— Не смей!

Коля рывком оглянулся.

Сзади, правее шеренги «Пушкарей», от бруствера в ров спускалась разбитая каменная лесенка. На верху ее сидел на корточках «шкертик» в громадных сапогах. Он улыбался. Он только что пустил с ладоней по лесенке свою тяжелую находку. Ржавый серо-коричневый мяч, дюймов пяти в диаметре, неспешно прыгал по косым ракушечным ступеням. При каждом скачке раздавалось негромкое «туп...», «туп...», «туп...». Слышно было отчетливо, потому что наступила глухая тишина. Чем литое ядро отличается от круглой артиллерийской гранаты, знал каждый. Наверно, кроме «шкертика». На ржавом шаре мелькала крупная черная дырка.

Коля все видел очень замедленно. Каждая секунда растянулась в минуту.

Туп... Туп... Туп...

Внизу под лесенкой валялся сброшенный с лафета ствол чужинной карронады. Точно на пути у «мячика». Ракушечник — не очень твердый, а когда металлом о металл...

— Падай! — тонко закричал кто-то. Но упали только двое. Остальные задеревенели. Потом Коля увидел, как Женька Славуцкий (опять же очень замедленно) прыгает к карронаде, переворачивается через голову. Оказывается сидящим на пути у гранаты и мягко принимает ее в подставленные ладони, потом на грудь. И откидывается спиной к пушечному стволу...

Тишина лопнула, время побежало вскачь. К Жене подскочили. Он слабо улыбнулся:

— Могла ведь грохнуть...

Длиннорукий командир «корабельщиков» бережно взял у него гранату. Побаякал.

— Такой подарок как рванет... Половину всех положил бы...

«А ведь правда!» — эхом ахнуло все внутри у Коли. И сейчас уже не было бы ничего. Ни этого теплого весеннего дня, ни этого безоблачного неба, ни курчавой молодой полыни над откосом, ни громадных прогнивших корзин с землей, из которых когда-то был сложен бруствер... Потому что не было бы его самого,

Коли Лазунова... Может быть, в стихах Шарля Дюпона — правда? Предсказание судьбы...

В ушах продолжало стучать: «Туп... туп... туп...» Уже не скачущая граната, а сердце.

Буньчик вдруг поднял голову. Сказал плачуще:

— А ну иди сюда, балбес!

Это он «шкертику». Тот, путаясь в сапогах, начал виновато спускаться по ступеням. Коля вдруг понял, что это младший брат Буньчика. Не рыжий, но лицом похож...

Буньчик, натянув на ладонь рукав, вырвал шипастый прошлогодний чертополох с тяжелым глинистым комлем.

— Иди, иди...

— Не надо... — через силу сказал Коля. — Маленький же, глупый еще...

— Вот и надо учить, чтобы поумнел...

При молчаливом всеобщем понимании Буньчик взял прикопавшего «шкертика» за шиворот и комлем треснул его между лопаток. Не очень крепко, но все же так, что на рубaxe остался отпечаток, похожий на рыжую звезду.

— В другой раз шкуру сдеру...

— Я думал, оно ядро, — обрадованно объяснил «шкертик», счастливый оттого, что отделался так легко.

— Чем думал-то? По весу не чувствуешь, что ли? Ядро ты и не поднял бы, только в штаны бы наложил с натуги...

Командир «корабельщиков» все баюкал находку. Фрол наклонился над ней. Сказал озабоченно:

— Как теперь быть-то? Ежели оставить, кто-то снова отыщет... Может, рванем?

— А чего ж! Рванем, — согласился «корабельщик».

— В костре?

— С костром возни-то сколько! Цельный час лежишьверху транчем и боишься: грохнет или нет... Мы эту голубушку так, как ей привычнее... Подержи, пожалуй... — Он протянул гранату Фролу. Тот мягко, но безбоязненно принял ее.

Командир «корабельщиков» потянул из кармана широченных штанов серую веревку. Все сразу поняли, что это такое, — пороховой шнур в нитяной оплетке. Вещь редкая и весьма ценная среди ребячьего народа.

— Режик у кого-нибудь найдется?

Женя протянул складной ножик, подаренный на Рождество Колей. «Корабельщик» отрезал кусок шнура длиною в пол-аршина. Возвращая ножик, вежливо сказал:

— Благодарствую.

Потом стал ввинчивать кончик тугого фитиля в запальное отверстие гранаты.

Коля смотрел не дыша. «А если она... прямо сейчас?..» Сердце ударилось о ребра все с той же тревогой. Но остальные следили без опаски, со знанием дела.

— Огонька небось надо? — сказал Фрол.

— А как же...

Фрол вытащил выпуклую линзу. После истории с пистолетом он всегда носил с собой зажигательное стекло. Не ледяное, конечно, а от старой pozorной трубы. Нацелился было на фитиль, но с опаской спросил:

— Запалим — и куда?

— Да вон же! — «Корабельщик» мотнул курчавой головой на каменный откос в дальнем конце рва. Там в желтом слоистом известняке чернели квадратные дыры, спуски в минные галереи, что вели когда-то навстречу врагу русские саперы. — Тут один колодец есть, прямо вниз. Зажжем да кинем... Гляньте-ка сперва, нет ли кого близко.

Похожий на растрепанного воробья мальчишка взлетел по лесенке, крикнул оттуда, что никого.

Фитиль загорелся бездымно, раскидал красные искры.

— С дороги! — крикнул командир «корабельщиков». И длинными плавными прыжками кинулся к дырам.

«А если запнется?»

«Корабельщик» не запнулся. Замер на миг у откоса и бросил гранату в черную нору. Кинулся обратно.

— Бежим подальше! Падай! А то плюнет вверх осколки...

На этот раз послушались все. Упали среди пологих груд кремнистой земли. Коля увидел у носа ярко-зеленые травинки. По одной шел черный блестящий жучок. И было тихо-тихо.

И долго было тихо.

Командир «корабельщиков» приподнялся на локтях.

— Вот подлая, неужели загасла... Ну да ладно, там ее и так никто не найдет. Глубина такая, что...

В это время под землей словно подавилось горячей кашей громадное чудовище:

— Кха!..

Всех потрянуло, из колодца высвистнуло горячим ветром куски щебня. Они взлетели вертикально и никого не задели. Снова упала тишина.

Все поднялись. Командир «корабельщиков» отыскал глазами Славутского.

— Тебя как звать-то?

— Женя, — сказал тот вполголоса.

— На-кось... — «Корабельщик» протянул ему блестящую бляшку на цепочке. На серебристом металле отчеканены были полумесяц и звезда. То ли орден, то ли знак какой-то. Видать, турецкий.

— Да что ты... Зачем?

— Держи, — строго сказал «корабельщик». — Кабы не твое геройство, мы сейчас, может, руки-ноги друг дружки по камням собирали бы.

У Жени зарозовели щеки.

— Да какое геройство... Я весь обмер. А потом меня будто толкнул кто-то...

— Тебя же ведь толкнул, а не кого другого... — вдруг сказал Бунчик. — Бери... — После этих слов он притянул к себе братишку (хотя и дал ему при этом легкий подзатыльник). Тот прижался к Бунчику с запоздалым испугом. А Савушка — к Федюне (Коля мельком отметил это). Женя, что-то смущенно бормоча, опустил награду на цепочке в карман курточки.

Командир «корабельщиков» поскреб курчавый затылок и вздохнул.

— Вы, ребята, теперь не бойтесь нигде ходить. Наши вас никогда не тронут.

— А кто боится-то! — вскинулся Макарка. — Ибрагим, разве мы боимся?

— Зачем спорить, — сказал Ибрагимка.

— Вот и ладно, что не бойтесь, — покладисто отозвался командир. — И дальше не бойтесь. Ходите по нашей земле хоть до самой Килен-бухты.

— А вы по нашей. Хоть до Херсонеса, — сказал Фрол.

— А то чего делим-то? — вдруг вставил слово тихий большеглазый мальчонка чуть помладше Коли и Бунчика. — Может, гибель свою...

До сих пор он молчал, а тут — надо же такое! У Коли опять холод по сердцу...

И все притихли на минуту. Потом командир «корабельщиков» сказал «ну, бывайте...», и обе команды разошлись по своим сторонам.

После они еще не раз встречались в здешних местах, и, конечно, не было уже никаких споров. С другими компаниями

случалось по-всякому, а с этой всегда говорили по-приятельски. Иногда обменивались новостями. Рассказывали про самые интересные находки и про глупых иностранцев, мало что понимающих в товаре. Говорили о счастливчиках, которым удалось отыскать в земле несколько французских серебряных монет «воот с такую медаль». А Буньчик однажды поведал историю, как его знакомый мальчишка, что жил в хибаре у старого водопровода в Аполлоновой балке, в «том годе, по весне» отыскал средь осыпей Второго бастиона золотую иностранную табакерку.

«Пушкари» засомневались. Мол, ежели это по правде, то такой случай стал бы скоро известен всему городу. Буньчик засмеялся:

— Так отец-то с маменькой у него не дурные же. Велели ему молчать накрепко и сами никому ни слова. Однако же на деньги с той табакерки строят теперь новый дом...

Эта история повернула Колины мысли опять к поиску клада. Вдруг все же удастся помочь Маркельчу? Но Фрол, как и в прошлый раз, заявил, что искать золото в трюме — дело совершенно глупое.

— С той же пользой, что у себя под кроватью...

Женя, однако, вступился за Колю:

— Ты, Тимберс, какой-то скучный. Как услышишь про что-то интересное, сразу норовишь этот интерес развеять.

— Ну, ищите, ищите, — хмыкнул Фрол. — Только сперва узнайте: правда ли, что макеевский тендер тот самый «Македонец». Что-то у меня такой веры нынче нету...

— А давайте спросим деда! — вмешался Федюня. — Он про многие корабли все знает досконально. Может, помнит и про «Македонца»!

Дед Федюни и Савушки, Евсей Данилыч, был в свое время марсовым на линейном корабле «Двенадцать Апостолов». В феврале пятьдесят пятого года, когда «Апостолам» пришлось занять место во второй линии затопленных кораблей, Евсей Карпухин с остатками команды перешел на бастионы и там весною был ранен в ногу. С той поры нога плохо сгибалась. Таким образом отставной квартирмейстер Данилыч пополнил армию хромых и безногих ветеранов, которых в соотношении с другими жителями было в городе почему-то очень заметное количество.

Сделавшись отставником, Евсей Карпухин быстро состарился. Бакенбарды его стали растрепанными и редкими, светлые

глазки под косматыми бровями слезились, крепкий большой нос превратился в мягкую пористую грушу. Дед часто кашлял, виновато улыбаясь при этом и открывая редкие прокуренные зубы. Однако силы не потерял.

У всех таких инвалидов путь был один — в яличники. И всем хватало работы, потому как в городе, изрезанном длинными бухтами, яликов нужно множество, даже если население совсем не большое...

Евсей Данилыч, однако, общим путем не пошел. Руки у него были умелые, способные к тонкой работе. Начал он резать из грушевого корня курительные трубки, плести для хозяек узорчатые корзины, мастерить всякую мелочь для кухонного хозяйства. Все это добро его дочь, мать Федюни и Савушки, неплохо продавала на рынке, а порой и на пристанях — заезжим иностранцам. Такой доход был совсем не лишней, потому что отцу ребятишек, матросу с парохода «Благодарение», что ходил от здешнего порта до Одессы, платили негусто.

Однако с прошлой весны дед Евсей Данилыч почти оставил свой промысел и занялся делом, на первый взгляд совсем не прибыльным и даже ребячьим. Начал он мастерить корабль саженой длины. По-умному говоря, модель. И не просто безымянный корабль, а свои «Двенадцать Апостолов», которых помнил до самой малой досочки, до последнего нагеля в обшивке (так он утверждал).

— С этой памятью возведу я корабль с достоверностью, мне и бумаг никаких с чертежами не требуется, — говорил он внукам слегка самодовольно. — И пускай люди после меня знают, какой он был, наш корабль, в полном соответствии с натурой...

Коля с приятелями раза два уже был у Евсея Данилыча, разглядывал наполовину готовую модель. На первый взгляд она казалась даже не наполовину, а вовсе готовой. Но требовалось смастерить еще множество мелочей для корпуса и оснастки, выточить и расставить по орудийным палубам пушки, сшить и подвесить к реям паруса, протянуть немало тросов бегучего такелаж...

Евсей Данилыч работал в каменной пристройке, которую, конечно же, именовал кубриком. В кубрике был для ночевки широкий топчан, для тепла — железная печка, для гостей — сиденья-чурбаки, напильные из утлэгаря шхуны «Каламита», что в позапрошлом году раздолбало штормовой волной о камни прямо на внутреннем рейде, у Павловского мыса.

Ребята рассаживались на чурбаках, а Евсей Данилыч заводил какую-нибудь историю.

Самый любимый рассказ деда был про то, как сопротивлялся затоплению его родной корабль «Двенадцать Апостолов».

— Это князь Меншиков, не к ночи будь помянут, надумал таким путем загородить рейд. Сперва одну линию затопили, а после и вторую — между Михайловской и Николаевской батареями. Владимир Алексеич Корнилов, он геройский был адмирал, ни за что не хотел флоту такой погибели, говорил: «Выйдем на открытую воду и схватимся с врагами по-честному, как того велют морские законы. Или победим, или погибнем честно для славы русского флага... Только не все командиры его поддержали. По правде говоря, даже Павел Степаныч с ним не согласился, хотя была у них крепкая дружба. Мол, погибнуть дело нехитрое, а кто же тогда будет защищать город? Враг войдет беспрепятственно, потому как светлейшему князю со своей сухопутной армией против союзников ни за что не устоять, город-то был открытый, бастионы еще не построены...

Ну, и начали топить корабли. Слезы слышны по всем берегам, народу собралось видимо-невидимо... Это сейчас в городе безлюдье, а в ту пору было тут населения, почитай, сорок тысяч... И вот все сорок тысяч — в плач. А морякам какой выход? Приказ есть приказ. Прорубают днища. Корабли один за другим идут на дно. Как есть с пушками, с припасами, потому как выгружать было некогда, опасались, что враг вот-вот начнет вторжение...

Ну, значит, все назначенные корабли и фрегаты уже ушли на дно, только «Три Святителя» никак не хотят тонуть. Еле покончили, утопили пушками с «Громоноса».

А мы на «Апостолах» думаем: «Господи, неужели и наша судьба будет такая же? Ведь и повоевать не успели как следует». Потому как не повезло нам перед Синопом, не успели попасть туда из-за открывшейся течи...

Поставили нас у входа в Южную бухту. Вскоре началась бомбардировка, та, в которой погиб Владимир Алексеич Корнилов. Нам же опять с врагом сражаться неспособно, закрывают его от нас берега да наши же позиции. Матросы чуть не плачут. А командир говорит: «Не горюйте, братцы, скоро свезем пушки на сушу и сами пойдем на батареи, там успеем посчитаться с неприятелем». Так оно и вышло. Почти все ушли с орудиями на берег, лишь самую малость от команды оставили, несколько десятков из тысячи человек. И я в это число попал. Присился тоже

на бастионы, да офицеры говорили: «Надо кому-то и за кораблем смотреть. А тебе, Данилыч, и побережь себя не грех, в годах уже, сверх срока служишь»... А на корабле в ту пору был плавающий госпиталь...

Обидно мне, товарищи бьются, будто сам наш корабль весь в сражении, а я, значит, вроде милосердной сестры... Но пришел и наш черед. К зиме те суда, что были затоплены, разболталось, ослабла их линия. И решили устроить вторую, ближе к Южной бухте. Туда-то назначили и наш корабль...

Ну, все исполнили, как приказано: спустили стеньги, подпилили шпангоуты, прорубили днище... Все другие корабли, кто был в линии, ушли на дно, а наш никак. То же, что в прошлый раз со «Святителями». Мы-то, конечно, уже на берегу, смотрим с Павловского мыса, как наш корабль будто живой страдает, погибать не хочет, и сами мучаемся, будто все наши души там остались.

Подошел пароход «Владимир», начал бить по кораблю из пушек, да проку никакого. И тут вспомнили матросики, что в жилой палубе, где прежде был лазарет, осталась икона Николая Чудотворца. И пошел разговор: потому, мол, и не тонут «Апостолы».

Тогда старый мой товарищ, Арсений Гушиков, и я пошли к командиру: «Дозвольте, ваше высокоблагородие, сходить до корабля, снять с него святой образ». Капитан-лейтенант, что в ту пору был за главного, отвечает: «Да ведь потонете! Он вот-вот ко дну пойдет!» — «Никак нет, ваше высокоблагородие, не потонем, не сумлевайтесь! А чудотворную икону оставлять мыслимое ли дело!» Он и отпустил.

Поплыли мы, а зыбь с моря шла немалая, еле выгребли да чуть не задубели от брызг. Ну зацепились за брошенный трап, Арсений — наверх, а я жду. Скоро он вернулся с иконой, слава Спасителю... Только отошли мы, как слышим бурление воды, будто кто-то рыдает во много голосов. Смотрим: пошел наш корабль ко дну... Лучше бы и не видеть такого... — Тут Евсей Данилыч всякий раз промокал суконным обшлагом глаза, а ребята деликатно вздыхали и смотрели вниз.

Дед, шумно подышав и покашляв, заканчивал:

— На берегу, ясное дело, распределили нас по разным бастионам. Образ чудотворный оказался, говорят, на Третьем, с нашими товарищами. А мы с Арсением попали на Пятый. Там его и убило штуцерной пулей у меня на глазах... — Старик быстро крестился на блестящую в углу иконку. — А я вот уцелел... Как

я полагаю, неспроста уцелел, а отпущено мне время, чтобы построить мою модель в полном совершенстве. На память всем, кто будет дальше служить на море. Потому как был это один из самых лучших кораблей в российском флоте, красавец. Одно время сам Павел Степаныч на нем свой флаг держал, да...

Потом Евсей Данилыч запальчиво кричал и воинственно поглядывал сквозь открытую дверь, в которую со двора доносился голос его дочери, скликавшей кур. И назидательно обращался к внукам:

— А то, что ваша маменька, почтенная Евдокия Евсеевна, говорит, будто занят я ребячьей забавой, так вы эти слова принимайте с поправкой на ее непонимание. Моей работой интересуется сам капитан второго ранга Николай Иванович Костомаров, тот, что на Четвертом бастионе командовал передовой батареей. Видели небось ее остатки?.. Николай Иванович нынче в бывшем доме Эдуарда Иваныча Тотлебена собирает всякие предметы, имевшие касательство к нашей обороне, и устроит потом их всеобщее обозрение. И говорил мне уже не единожды: «Твой корабль, Евсей Данилыч, будет там главным украшением»...

После этого дед раскуривал трубку (вроде той, что у Фрола), пускал к потолку синие клубы, и дым этот был похож на дым от залпов корабельных орудий.

Модель стояла посреди кубрика на обширном столе. Ее освещало не только бьющее в окно солнце, но и два корабельных фонаря, которые старик часто не гасил даже днем. Он считал, что смесь дневного и фонарного света лучше высвечивает корабль со всеми его деталями.

Один фонарь стоял на полу и бросал желтые лучи вверх. Тени рангоута и такелажа падали на стены запутанным рисунком. Это был фантастический корабельный узор. В движении синего дыма он казался живым. Словно еще один корабль — невесомый и громадный — возник здесь и, раздвинув пространство, прошел сквозь стены.

Женя сказал однажды, что ради одной этой картины он готов бывать у Евсея Данилыча каждый день...

Колю и Женю Евсей Данилыч отмечал особо — за их понимание корабельного устройства и за то, что они по его просьбе выточили четыре фигурных столбика для подставки модели (у деда токарного станка не было). На вопросы их отвечал охотно и обстоятельно. И сейчас, шагая с приятелями с Четвертого бастиона, Коля удивлялся себе: почему он до сих пор не догадался расспросить старика о «Македонце»? Ведь Савушка еще зимой,

в погребке, советовал сделать это, но потом, за другими делами, как-то выскочило из головы...

На этот раз к Евсею Данилычу пришли вчетвером: два его внука, Женя и Коля. Когда расселись на чурбаках, Коля сразу взял быка за рога:

— Евсей Данилович, правду ли говорят, что тендер «Курган», который у Федоса Макеева, это тот самый «Македонец», которым командовал лейтенант Новосильцев?

Дед покашлял, обстоятельно обдумывая ответ. Пошевелил ключкастыми, как пакля, бровями.

— По всем данным, так оно и есть, — наконец веско заявил он. — Их два таких было. Один назывался «Луч» и шибко пострадал в одна тыща восемьсот тридцать восьмом году. Командовал им тогда капитан-лейтенант Панфилов, который потом, к осаде, был уже контр-адмиралом... Стоял этот «Луч» у абхазского берега, и случилась тогда небывалая буря, при которой погибло не одно судно, выкинуло их на сушу. И такие тут напасти: с одной стороны свирепое море, с другой черкесы нападают безжалостно. Ну, отбились наши, однако. А тендер потом сняли с мели, да только после того был он уже не такой хороший ходок, как прежде... Я к чему это говорю? К тому, что «Луч», а потом «Македонец» считались в свое время самыми скорыми среди тендеров. Было у них одно заметное отличие. Обычно у военного тендера форштевень отвесный, прямой, и бушприт от него идет вот так... — Евсей Данилыч сухой ладонью повел над краем стола. — Говоря по-умному, горизонтально... А у «Луча» и «Македонца» форштевни были изогнутые, будто глядящие вперед, и бушприты ноками своими глядели малость вверх. Потому, как мне думается, и скорость у них была поболее остальных...

— А ведь на «Кургане» форштевень тоже выгнутый! — радостно подскочил на чурбаке Коля. — Я видел! «Курган» стоит в Артбухте!

— То-то и оно. «Луч» до осады не дожил, значит, «Курган» не кто иной, как «Македонец» и есть... Я вот думаю, что ежели Федос решит свое судно продавать на слом, надо его уговорить, чтобы снял штурвал и всякие мелкие вещи да отдал его высокоблагородию капитану Костомарову для выставки...

— Да зачем же на слом-то! — опять подскочил Коля. — Маркелыч сказывал, что «Курган» еще крепкий. Его бы только в надежные руки... Может, Маркелыч накопит денег да купит.

— Эх-хе-хе... — с сомнением покашлял дед.

— Евсей Данилыч, а правду говорят, что лейтенант Ново-

сильцев отыскал английское золото? — осторожно спросил Женя.

Старик покашлял опять.

— Мало ли чего болтают... А вы неужто решили это сокровище отыскать? Пустое это дело, ребята, на таких находках счастья не сделаешь. Деньги, они труд любят, их надо зарабатывать, а не из тайных мест выколупывать... Вот так-то, любезные «пушкарри»...

Мальчишки молчали, виновато посапывая. Потом Савушка засмеялся:

— Дедушка, мы «пушкарри», а ты «корабельщик», хоть и живешь на нашей стороне. Потому что строишь корабль...

— Оно так, — усмехнулся дед. — А вы с «корабельщиками» небось все войну ведете?

— Не-е, мы нынче с ними помирились, — радостно сказал Савушка. Федюня толкнул его ногой: «Не вздумай про гранату...» Савушка послушно примолк.

Коля хотел еще расспросить Евсея Данилыча про трюмников, но не решился.. Старый матрос лицом сам похож был на трюмника — так вдруг подумалось Коле. В самом деле, если вечером в бане глянет из-за печки такая голова — ну, в точности трюмник. Коля поежился. И с досадой сказал себе: «Опять ты со своими дурацкими страхами...»

И еще один страх сидел в нем — оставшийся после взрыва. Сидел в душе, как холодная колючка. Но вместе со страхом была и гордость. Ведь то, что случилось, немного походило на войну, и на этой войне он, Коля Лазунов, вел себя без открытой трусости. Конечно, не с тем геройством, что Женя, но и не хуже других.

ГОРОХ И ПУЛИ

Фрол соорудил гальваническую батарею.

Как батарея устроена, Фрол в подробностях не объяснял. Где взял нужные для нее вещества и предметы, он тоже не говорил, только хитро хмыкал. В большой стеклянной банке бултыхалась прозрачная жидкость, в ней видны были две металлических пластины. Разглядеть их как следует было невозможно, поскольку банку для безопасности оплетала густая веревочная сетка. От пластин через широкую деревянную пробку шли наружу две проволоки.

Когда Фрол соединял концы проволоки, между ними проскакивала синяя трескучая искра. Мальчишки совали к проводам палец и ойкали — ударяло как горячей иголкой. Коля тоже сунул. Не хотелось, да что делать-то? Нельзя же быть боязливее всех...

А Саша совать палец не стала («страх такой»). И Савушка не стал. Сказал «нема дурных». И Коля подумал, что Савушка умнее всех.

Фрол поглаживал банку.

У меня искра,
Воевать пора, —

поговаривал он тем же тоном, что и любимые слова про пистоль.

С помощью искры было решено взорвать фугас на пустоши недалеко от Пятого бастиона. Точнее — перед остатками люнета Белкина. Так же, как случилось это в последние дни осады, при штурме со стороны союзников. Тогда союзники (те, кто уцелел) драпали от люнета что было сил...

Впрочем, военные события часто перепутывались в памяти. Даже у взрослых перепутывались, а что говорить о ребятах, которых при осаде не было еще на свете или только-только родились. И не мудрено, что нынешняя мальчишечья игра у бывшей первой дистанции оборонительных укреплений включила в себя совсем разные бои: не только день последнего штурма, но и начало осады, когда случилось Инкерманское сражение.

В тот день для отвлечения сил противника Минский пехотный полк под командованием генерала Тимофеева выступил с Шестого бастиона и стремительно двинулся к французским батареям на горе Рудольфа. Ворвались на батарею, стали заклепывать орудия, разгорелся нешуточный бой. Весь французский корпус генерала Форе поднялся по тревоге.

Что один полк перед корпусом! Минцы сделали свое дело, генерал Тимофеев приказал трубить отход. Послушались не сразу, очень уж горячая была схватка. Но все же приказ есть приказ, начали отступать. Горячий генерал Лурмель со своей бригадой бросился преследовать русских. Себе на беду. Французы попали под огонь Шестого бастиона и Шемякиных батарей и потеряли чуть не половину бригады. И генерала потеряли...

Теперь же, в игре, получилось, что русских преследуют сразу два генерала — Лурмель и Трошю (который когда-то атаковал люнет Белкина). Русские отступали, огрызаясь огнем. С крика-

ми «ура!» переходили в контратаки. Отбивали воображаемого врага деревянными штыками...

Это была славная схватка... Конечно, настоящая война — дело кровавое и вовсе не веселое, но игра в войну — это совсем другое. Убивают-то не по правде! И если когда-нибудь люди наконец догадаются прекратить войны на всем белом свете (Коля был уверен, что это случится скоро), мальчишки будут играть в сражения еще долгие века. Потому что здесь и горячий азарт атак, и постоянные победы! А если под ногами взорвалась песочная бомба или уткнулся в грудь картонный меч — что такого! Полежал на траве, притворившись убитым, несколько секунд — и снова вперед!.. И Коля вместе с остальными не жалел сил, раскидывая вокруг себя сделанных из воздуха интервентов.

— Заманивай их, братцы! — кричал Фрол, размахивая пистолетом. Он уже дважды выпалил из него без боязни, поскольку известно было, что околоточный надзиратель Семибас нынче в отлучке.

И «братцы» заманивали солдат Лурмеля и Трошю на пустырь перед рвом у люнета Белкина.

Саши среди воюющих, конечно, не было. Не женское это дело ходить в штыковые атаки. Коля предлагал Саше сделаться сестрой милосердия, но она отказалась. Какая радость сидеть в блиндаже и слушать отдаленные вопли скачущих среди камней и груд мусора вояк! Лучше она будет читать журнал «Земля и море» — там столько всего интересного, что он кажется бесконечным...

Зато кроме обычной компании Фрола в сражении участвовали и другие мальчишки. В том числе Мешок, Митя Дымченко и конопатый Артемка Горох. А Ибрагимки не было. Он отнекивался от таких игр, ссылаясь на множество дел в лавке у деда...

«Минский полк» наконец заманил противника на поле с фугасом. Фугас был сделан из нескольких картузов оружейного пороха, добытого в известных лишь мальчишкам артиллерийских погребах. Сверху картузы затвердели от старости, но под этой коркой порох был вполне годный.

Заряд был еще перед игрой зарыт в землю и завален всяким мусором и щебенкой. Провода протянуты в ров. Банка-батарея спрятана среди камней. Запыхавшиеся мальчишки с разбега попрыгали с невысокого каменистого обрыва.

— Никому не высовываться! — приказал Фрол (или генерал Тимофеев, или генерал Тимберс — как хотите). Взял в руки про-

вода, встал на камень, выглянул наружу. — Враг приближается... Подпустим ближе... Огонь! — Он пригнулся и свел концы.

На пустыре громко ухнуло. Земля толкнулась. Над головами свистнули камни. Ребята повывскакивали из рва. Над землей стоял высокий дымный столб. От закатных лучей он казался рыжим. В отдалении кричала дурным голосом чья-то перепуганная взрывом коза.

Фрол стал прямо и вытянул шею.

— Генерал Лурмель убит, — строго и сумрачно сказал он. — Это был храбрый противник... — И Фрол приложил два пальца к своей рваной суконной шапке.

— А он по правде убит? — шепотом спросил Савушка.

— Да, — таким же шепотом отозвался Женя Славутский. — Только не сейчас, а давно, не бойся.

Фрол выгасил из-за пазухи пистолет и третий раз разрядил его в воздух (когда только успел зарядить?). Видимо, это был салют по храброму французу Лурмелю.

На этом сражение кончилось. Наши победили, и можно было расходиться по домам. Сразу все поскучнели. Дома всех ждали привычные заботы. А Фрола еще и крики матери, что «опять где-то цельный день болтался, байстрюк окаянный, вместо чтобы матери помочь» и что «вымахала орясина ростом с отца, а все ишшо с ребятишками скачет, как шалая коза с колючкой под хвостом»...

Коля пошел проводить Женю до лестницы, что вела вдоль стены Седьмого бастиона к рынку и Городскому оврагу. Поздно уже было, но сейчас, после недавней боевой горячки, Коля не чувствовал привычных опасений.

Женя тоже был доволен недавним сражением. Вроде бы все мирный по характеру, а сегодня тоже развоевался. Он сказал:

— Хорошо поиграли, да?

— Хорошо. И рвануло здорово. Погромче того раза, на Четвертом... Женя, знаешь что?

— Что?

Коля сказал, наполовину дурачась, а наполовину всерьез:

— Когда будем воевать в другой раз, ты возьми свой барабан. Под барабанный марш ходить в атаку не в пример веселее...

Женя принял это всерьез. И всерьез вздохнул:

— У меня уже нет барабана.

— А куда девался?

Женя быстро глянул на Колю и стал смотреть под ноги. Ответил с полуулыбкой:

— Подарил. Вместе с палочками...

— Кому?

Женя искоса взглянул опять.

— Ты не поверишь, наверно... Барабанщику... Тому самому, французскому...

— А! — засмеялся Коля. — Шутишь!

Женя вздохнул снова:

— А вот и не шучу... Я недавно шел из вечерней лавки, Лена посылала за солью, сумерки уже были... Я решил сократить дорогу, проскочить сквозь разбитый дом купца Шагаева. Прыгнул в окно, прошел к другому, смотрю, а он сидит на подоконнике. Я сразу понял, что это он, потому что мальчик вроде нас, но в мундире. Белые ремни крест-накрест, и пуговицы в два ряда блестят... А волосы длинные, почти до плеч... Смотрит и молчит, глаза еле видны.. Ну, мне, по правде сказать, слегка страшновато стало...

«Слегка!... — ахнул про себя Коля. — Я бы умер на месте!.. Ох, да это ведь просто сказка. Женька придумывает, будто рисует картину...»

— И что дальше? — спросил он небрежно, хотя по спине уже гуляли сотни колючих мурашек. Бессовестный он, этот Славутский! Нашел время сочинять такие истории!

— Дальше?... Мы смотрим друг на друга и молчим. Потом он говорит: «Здравствуй... Ты меня не бойся». Я говорю: «Здравствуй... Не нашел еще свой барабан?» Он головой покачал: «Не нашел... Теперь, наверно, никогда не найду. Так и буду маяться до конца времен». И вдруг заплакал. Тихонько так, почти незаметно... Знаешь, мне так жалко его стало... «Посиди здесь, — говорю, — не уходи, я сейчас...» Побежал домой, схватил барабан — и обратно... Прибегаю, а он сидит, ждет. Я ему протянул барабан: «Вот... Может, пригодится? Он не такой большой, как настоящий, зато палочки хорошие...» Видел бы ты, как он обрадовался! Схватил его, надел на плечо поскорее. «Самый подходящий! Спасибо, товарищ! Храни тебя Бог!» Махнул рукой и пропал...

— Как же ты с ним беседовал? — ослабевшим голосом спросил Коля. Не для того, чтобы уличить Славутского, а желая успокоить себя. — Ты не знаешь, французского, а он едва ли говорит по-нашему.

Женя сбил шаг.

— А ведь правда... Я и сам не понимаю как... Но разговаривали! Вот как мы с тобой сейчас...

Конечно, это была Женькина сказка. Немного печальная и если бы днем, то очень даже славная. Но сейчас, как всегда при мыслях о темных развалинах, стало Коле тошнливо. А Женя, видать, не почуял его страха. Сказал: «Ну, до завтра» — и запрыгал вниз по ступеням.

С верхней площадки лестницы Коля помахал Жене вслед и торопливо зашагал к дому.

Солнце к тому времени быстро свалилось в море, и закат раскинул в полнеба разноцветные перья. Прекрасный закат! Ну, прямо для какой-нибудь Женькиной картины!.. Только эта красота мало радовала Колю. Огненные перья стремительно тускнели, из переулков стекались лиловые сумерки.

Коля до сих пор не мог привыкнуть, как быстро здесь наступает после захода темнота. Над Петербургом зори всегда тянулись часами. А тут, у южного моря, несколько минут закатных красок — и сумрак!

И Коля оказался в этом сумраке.

Нет, крошечной тьмы, конечно, не было. Смутно светились побеленные изгороди. Даже разбитые, пустые дома отражали остатки рассеянного света, потому что сложены были из белого инкерманского камня. В отдалении светились два желтых окошка. В небе разгорались звезды. Да много ли проку от этих окошек и звезд!

Все страхи сразу ожили в душе у Коли. И каждый шаг он теперь делал с усилием, как среди черной душной ваты. А потом остановился совсем — укрылся в нише глубокой, прорезанной в ракушечнике калитки. Потому что впереди, там где окна, мелькнули невысокие тени. Может быть, здешние псы, а может быть... Если собаки, то ладно. Они добродушные, а некоторые даже и знакомые. Но и от собак бывает хоть какой-то шум, а тени скользнули беззвучно.

Может, трюмники?

«А что они тебе сделают? — попытался образумить себя Коля. — Они же безобидные, и к людям относятся по-хорошему!» Но сердце ухало как припадочное. Оно боялось не какого-то определенного зла, а замирало перед неведомым...

Калитка, в которую Коля вжимался спиной, была целая. Но двор за ней — заброшенный, и дом в нем — пустой, с проваленной крышей. И в той заброшенности тоже мог бродить кто-то... Эта мысль как бы толкнула Колю в спину. Он на цыпочках побежал через кремнистую дорогу, зацепился сапожком за камень, упал, расшиб колено, расцарапал ладони, вскочил и спрятался у

другого забора. Но забор был светлый, и, разумеется, Коля был виден на нем всем ночным существам, которые водились здесь...

Презирая и ненавидя себя, Коля свернул к узкому каменному трапу, чтобы оказаться ниже по склону. Там тянулась Ростиславская улица, где большинство домов были обитаемы и можно было встретить не трюмников, не духов, а настоящих людей.

Нет, людей не оказалось и здесь, но окошки светились во многих местах, и сердце стало колотиться послабее. Правда, и по этому пути Коля шел с великой опаской, часто замирал у калиток. Но все же приближался к своему Косому переулку. Скоро повезло — подбежал из темноты знакомый кудлатый пес Нагель. Сперва напугал, потом обрадовал. Коля ухватил Нагеля за густую шерсть загривка и с таким вот безбоязненным спутником добрался наконец до своей калитки.

— Наконец-то!.. Силы небесные, на кого ты похож! Где ты был?!

Вот ведь одно невезенье за другим: Тё-Таня уже дома!

— Я гулял...

— Я понимаю, что не уроки учил! Где ты гулял и почему до такого времени?

— В войну играли. Потом Женю проводил... Я разве виноват, что солнце садится в одну минуту? — сказал Коля тетушке. А себе мстительно добавил: «Вот тебе твоя дурацкая трусость. Сейчас расплачивайся...» И почувал, что расплата, кажется, и правда не за горами. Потому что Татьяна Фаддеевна смотрела странно. Очень странно.

— Значит, виновато солнце?

— Ну... не только. Я тоже виноват... — На всякий случай он решил не ершиться (к тому же ведь и вправду виноват). — Тё-Таня, я впредь буду внимательней следить за временем...

— Полагаю, ты станешь очень внимательным... после того примерного наказания, которое получишь сегодня. Потому что у меня кончилось последнее терпение.

У Коли охнуло под сердцем. Или под печенкой, не разберешь. «Вот оно... Достукался». И главное, не было ни сил, ни слов для противодействия. Только все более, как тяжелая жидкость, наливалась в него виноватость. «Так тебе и надо!.. Может, хоть это выбьет из тебя наконец всю твою трусость!»

— Ты слышал, что я сказала?

— Да, — грустно отозвался он. И попытался спрятать обми-

рание за последней капелькой юмора: — Вы, верно, опять про метод Пирогова?

— К сожалению, нет. Я поняла, что у меня не поднимется рука... Я просила научить тебя уму-разуму Бориса Петровича, но он почему-то отказался...

— Ну и правильно! — вскинулся Коля. — Разве он имеет право? Он же все-таки не родственник!

— Что значит «все-таки»?!

— Ну... то и значит. А как же вы собираетесь... учить меня уму-разуму?

— Как скверного и упрямого мальчишку, которого, к сожалению, некому выдрать! Ты будешь два часа стоять в углу! На коленях!.. — Видимо, тетушка совсем недавно придумала этот метод воспитания и теперь вдохновлялась на ходу. Добавляла подробности: — Да! И не просто так, а на сухом горохе. Голыми коленями... Как ленивый и непослушный деревенский школьник.

Это был все-таки не «метод Пирогова»! В облегченной Колиной душе опять шевельнулась искорка смеха.

— У нас же нет гороха.

— Есть у Лизаветы Марковны. Ты пойдешь к ней и попросишь две горсти. И скажешь зачем. Пусть она и Саша знают, чего ты добился своим поведением.

Этого еще не хватало! Вот стыд-то!

— Тё-Таня! Лучше уж не на горохе! Лучше... вот на этом! — Коля полез в карман когда-то новеньких, а теперь уже обтрепанных штанов (они уже не застегивались под коленками, потому что «гудзики» отлетали, сколько тетушка ни пришивала). Нашупал горстку пуль — круглых и «минек». Протянул на ладони.

Татьяна Фаддеевна возвела брови.

— Разве это лучше, чем горох?

— Ничуть не лучше, даже больнее. Но зато... как-то достойнее. Будто расстрел вместо повешенья...

У тетушки дрогнули губы. Она зажала поежавшую улыбку и отвернулась.

— Ты... совершенно несносное создание... На сегодня ты лишаешься ужина! Умойся и немедленно марш в постель. Никакого чтения, никаких игр. Саше я скажу, чтобы не приходила. Будешь лежать и размышлять о том, как исправиться...

— Но еще же только девятый час!

— Предпочитаешь стояние в углу?

Коля засопел и стал стягивать сапожки.

— Что у тебя с чулками? Почему опять дыры на пятках?

— Я, что ли, нарочно их дырявлю? Если хотите, могу босиком гулять. Многие уже так гуляют...

— Твоя деградация идет с нарастающей скоростью, — скорбно сообщила Татьяна Фаддеевна. — Известно тебе, что такое деградация?

— Известно... — буркнул Коля. — Воды-то хотя бы можно попить?

— Можно. И немедленно стели постель. А я уйду и вернусь после полуночи.

— Надеюсь, доктор проводит? — дернуло за язык Колю.

— Ты глупый мальчишка! Я иду к Лизавете Марковне. Она хочет научить меня новому сложному пасьянсу. Вернее, гаданию... А ты... надеюсь, для человека, который болтается в темноте по улицам, не будет казаться страшным провести вечер одному в собственном доме?

— Ни в малейшей степени, — тем же тоном отозвался Коля. После уличных страхов собственный дом ему и в самом деле казался безопасным. Так что напрасно тетушка думает, будто одиночество станет для него дополнительным наказанием.

Когда он лег, Татьяна Фаддеевна задула на столе лампу.

— Оставить в моей комнате свет?

— Как хотите, — самым безразличным тоном отозвался Коля.

Она оставила. И ушла, сухо сказав «покойной ночи». Щелкнул на двери внутренний замок новейшей английской конструкции. Коля натянул до носа одеяло и стал смотреть в потолок. И думать о всем случившемся.

Что же все-таки делать-то?

Почему он такой трус?

Так невозможно жить дальше. Уже и мальчишки догадываются, и, скорее всего, знает про его страхи и Саша. Сколько же можно так существовать? До старости, что ли?.. А как вылечить-ся?

В глубине души Коля даже сожалел, что тетушка не решилась, а доктор отказался применить крайние меры. Может быть, полноценная вздрючка выбила бы из него всю недостойную мужнины боязливость? В конце концов, не зря же придуманы наказания... И ведь именно из-за своего дурацкого страха он слишком поздно пришел домой!

«Сейчас ты получишь то, что заслужил», — мрачно пообещал себе Коля. Встал с постели. В углу под горящей лампадкой раз-

ложил на половицах пули — близко друг другу, двумя аккуратными блинчиками, под оба колена.

«Будешь стоять два часа!»

Он опустился коленями на пули, подпернув ночную рубашку... О-о-ой! Какие там два часа! И двух минут не выдержишь! Лучше бы уж прут, им хоть быстро... Свинцовые зубы безжалостно вгрызлись в коленные чашечки. «Стой, негодяй! Сам виноват!» Но терпеть не было сил. Коля вскочил. Впившиеся в кожу пули отвалились и застучали об пол. В глазах стало сыро... И сделалось вдруг очень стыдно. Потому что увидел себя как бы со стороны. Съезженного, в рубахе до шиколоток, изъеденного, как морским червем, страхами всех сортов и размеров... До чего же это глупо! Разве стоянием на коленях изменишь свой характер? И битьем не изменишь...

Было лишь одно средство — то, о котором Коля догадывался давно и о котором боялся думать всерьез. Потому что знал: на такое он не решится никогда в жизни.

Это он раньше думал: никогда в жизни. А сейчас понял: пришла пора. Надо было стиснуть зубы, скрутить душу и отчаянно пойти навстречу страхам. Чтобы наконец сделаться сильнее, чем они. Чтобы не томиться каждый день от мыслей о предстоящем. Чтобы не слабеть от предчувствия выдуманных бед. Чтобы не бояться города, который любишь. Потому что нельзя же так — и любить, и бояться!..

Коля сел на постели. Потер колени, вздохнул. Скинул ночную сорочку и стал одеваться.

Оделся он не так, как днем. Курточку надел на нижнюю рубашку, а верхнюю оставил на спинке стула. А поверх нее бросил чулки с дырами на пятках. Загородил стулом постель. Открыл дверь тетушкиной комнаты так, чтобы свет лампы падал на стул. Если Тё-Таня придет раньше срока, она глянет в дверь, увидит одежду на стуле и поймет, что Николай наконец уснул, раскаявшись в своих поступках... Под одеяло со стороны ног следует, пожалуй, подложить несколько книг. А туловище и голову из-за спинки не видно.

Сапоги он тоже не стал надевать, оставил у двери, чтобы сразу было ясно — хозяин их дома. Надел домашние башмаки, переделанные из Тё-Таниных туфель.

Потом Коля вернулся в комнату и стал выколупывать конопатку из оконной рамы. Небольшое окно было одинарным, потому что здесь не север. Однако щели на зиму были забиты паклей крепко, и Татьяна Фаддеевна до сих пор не решалась ее вы-

тащить — иногда бывало еще холодно, особенно по ночам. Теперь Коля выдирает паклю безжалостно. Затем он сгреб ключья под диван и пошатал раму.

Пошатал, надавил... открыл со скрипом. Плотный уличный воздух вошел в комнату — с запахом цветущих деревьев, ночного моря, нагретых за день камней и резкой, до озноба, прохладой. Лампадка у иконы Николая Чудотворца замигала. Коля встал перед иконой, несколько раз перекрестился и мягко выпрыгнул в невысокое окно — в подростящую, мелко цветущую траву, названия которой он не знал. Оглянулся и притворил за собой раму.

ЛУННАЯ КРУГОСВЕТКА

То, что Коля решил сделать сейчас, ему еще вечером, до заката, показалось бы невыполнимым. Но теперь он знал — иного выхода нет. Он решил назло себе и всем на свете страхам обойти по кольцу главную часть города. По Екатерининской, по Морской. Мимо светло-зеленых от луны развалин, а где-то, может быть, и прямо через них. И уж после этого (если останется жив) он не будет бояться ничего на свете. Или почти ничего...

Полная луна поднялась недавно, однако светила уже в полную силу. Тени от нее были черными и резкими. Коля тряхнул плечами, шагнул за калитку и быстро пошел вниз по Косому переулку. Путем, обратным тому, каким недавно спешил к дому. Только Нагеля, к сожалению, нигде не было...

Холодок цапал Колю за непривычно голые икры, встречный ветерок отбрасывал со лба отросшие пряди. Капитанскую фуражку Коля тоже оставил дома — на гвозде, который зимой вбил для пистолета.

Коля шел и удивлялся, что не боится. *Пока* не боится. Место было знакомое, и, видимо, весь запас страха, предназначенный этим переулкам, Коля растратил еще прежде. К тому же луна разогнала зловещие сумерки, видно было далеко. Встречные не попадались, но и безлюдья не ощущалось. Светились окошки. Был четверг Страстной недели, шли вечерние службы. Наверно, поэтому слышался негромкий перезвон колоколов — на Михайловском соборе, на старенькой кладбищенской церкви и где-то совсем далеко — кажется, в Херсонесском монастыре. А впрочем, звон этот, возможно, был лишь в ушах у Коли...

Так он дошагал до верха лестницы, на которой при заходе

солнца расстался с Женей. Пошел вниз. Луна светила слева, по ступеням рядом с Колей прыгала черная тень. Разболтанные башмаки срывались с пяток и отчетливо стучали по камням. В этом стуке была насмешливая смелость, даже какой-то вызов.

«Вот удивительно, почему же мне не страшно?»

Коля спустился к оконечности Артиллерийской бухты. На лунной воде чернели парусники. Здесь ему встретились несколько мужчин и женщин. Шли, наверно, в церковь или из церкви. У нескольких лавок горели фонари. Вдали, у кабаков, стоявших вдоль руин Николаевской батареи, слышались скандальные крики. Возможно, матросы подрались с мастеровыми или просто пьяницы разгулялись. «Эк ведь они. Нехорошо же, пост ведь», — подумалось Коле с ноткой Жени Славутского.

Коля не пошел по берегу. Он взял направо и двинулся вдоль Городского оврага. Здесь тянулся каменный забор с густыми космами дрока. Листья на дроке распустились еще не везде, он похож был на вздохмаченную темную шкуру. Стало наконец страшновато. Луна в такт шагам прыгала по кромке забора. «Как та граната по ступеням...» Порой она пряталась в дроке, и делалось совсем темно.

Однако скоро овраг с забором кончился, и Коля с колотящимся сердцем вышел на окруженный разбитыми двухэтажными домами пустырь. Зеленовато белели под луной зазубренные вверх стены. Чернели тени и неровные проемы окон. За этими окнами, внутри развалин, могло быть сколько угодно призраков и всякой потусторонней жути. Так много, что... что на всех на них опять же не хватало страха. Тем более что ни одно туманное существо так и не показалось в окнах.

Коля подождал немного, прошептал на всякий случай: «На пути не стой, у меня пистоль», глубоко вздохнул и перешел пустырь, гремя башмаками по щебенке.

За пустырем была короткая улица (опять же из развалин), которую Коля прошагал, не глядя по сторонам и крепко сцепив на левой руке указательный и безымянный пальцы — это, как известно, помогает от нечистой силы, хотя и не в полной мере. Видимо, трусил он в эти моменты крепко, потому что потом расцепил пальцы еле-еле. Но страх его был уже какой-то отстраненный. Словно все это происходит не с ним, Колей Лазуновым, а с каким-то другим мальчиком, причем происходит не по правде, а во сне, а сам он как бы со стороны наблюдает за этим сном...

В таком вот слегка затуманенном состоянии Коля достиг подножия одной из лестниц, которые вели на главный город-

ской холм. Здесь опять стало нестрашно, поскольку попадались люди. Но потом лестница опустела, и сонное состояние вновь накрыло Колю.

Он поднимался по ракушечным ступеням (стук-стук каблукми), и лунное пространство вокруг сдвигалось, перемешивая тени, светлые и черные контуры развалин, редкие деревья и одиночные пятнышки далеких огоньков. Косо выросли в воздухе развалины Морской библиотеки с уцелевшей Башней ветров, ушла налево, к Малому бульвару, засыпанная камнями улица, вздыбились остатки домов с колоннами, справа светлым айсбергом возник в лунных лучах недостроенный Владимирский собор, в котором были похоронены адмиралы Лазарев, Корнилов, Истомин и Нахимов.

От того, что рядом покойники (пускай и очень знаменитые), веселее не стало, появилась внутри дополнительная зябкость. Но опять же не у Коли, а у того мальчишки, что в странной дреме шагал рядом. В дреме и в ломаном пространстве, которое смещало массы домов и скрадывало расстояния.

Коля повернулся к собору спиной и тихо ахнул. Впереди, под холмом, начиналось громадное лунное пространство с блестящими, как рождественская фольга, сабельными клинками бухт, с редкими огоньками на берегах и в черных нагромождениях города. А за этой чернотой, за смутными обрывами Северной стороны, за Константиновским мысом вставала искрящаяся стена моря.

Мигал над фортом на мысу красный маяк. Мигали плавучие огни. Двигались цветные огоньки пароходов... Вот оказаться бы там, вблизи этих огней, среди людей, занятых неусыпным морским трудом, в котором нет места для страхов и сомнений!.. Но Колин путь лежал в другую сторону. Он сам этот путь назначил себе.

Коля сжал зубы и зашагал направо, к восточному спуску с холма. Сонный мальчик-попутчик исчез. Коля опять был один со своими ощущениями, со страхом окружающей ночи. Но теперь в нем появилось что-то новое. словно только что виденный морской простор поделился с Колей капелькой своей уверенности и силы...

Впереди открылась Южная бухты с огнями над доками, с движением неутомимых судов. И это снова прогнало от Коли чувство пустоты и безлюдья.

«А ведь я прошел уже половину пути! И, пожалуй, самую страшную...»

Но Коля обманывал себя и знал это.

Во-первых, он прошел меньше половины. Во-вторых, самой страшной частью пути должна была стать Екатерининская улица. Широкая, бесконечная, с белыми громадами зданий, лишенных стекол и крыш. Коля заранее представлял ее — пустую, залитую мертвым светом луны.

Впрочем, сначала улица не была пустой. Коля спустился на нее недалеко от Михайловского собора, и здесь, конечно, встречались люди. Но жизнь была заметна лишь на отрезке между собором и тем концом улицы, где за площадью белело уцелевшее здание Морского собрания и где площадь спускалась к Графской пристани. Направо же расстилалась лунная пустота, и Коля (под удивленными взглядами нескольких прохожих) шагнул в эту пустоту. Зачем это понесло одинокого съезженного мальчика в край, где нет никого и ничего?

Но никто не окликнул Колю...

Он сделал несколько шагов, и сразу стало очень тихо. Колокольного звона давно уже не было. Лишь равномерные удары каблучков и такие же равномерные удары отяжелевшего сердца расталкивали тишину. А потом перестали расталкивать и стали ее частью...

Пространство опять начало свои ночные фокусы: передвигало дома, склоняло над мальчишкой фасады со сломанными колоннами и барельефами, наслаивало их друг на друга. Домик с сохранившимся номером 13, где жил когда-то Нахимов, оказался совсем в другом месте. Дом Тотлебена, где обещали открыть музей, прижался к домику Нахимова вплотную. Он был почти цел, в нижнем этаже блестели стекла, но не светилось ни одного огонька.

Вообще не было нигде ни единой живой искры. Только лунные лучи. Луна теперь светила сзади и чуть слева, и тугой фосфорический свет словно подталкивал Колю. Но не мог пробиться в проемы дверей и окон. Чтобы оказаться подалеже от этих непроницаемо черных прямоугольных дыр, Коля заставил себя выйти на середину мостовой. Было жутко оказаться посреди лунной пустоты, но все же не так страшно, как вплотную к руинам... Длинная тень шагала по плитам впереди и немного справа от Коли, и он, чтобы ни о чем не думать и не глядеть по сторонам, стал смотреть на эту тень и забавлять себя мыслями: какая она длиннорукая, длинноногая, с головой-огурцом. А краем взгляда все равно видел медленное кружение высоких разрушенных зданий — они то плавно придвигались, то отплывали. Но

постепенно это делалось привычным, и страх растворялся в равномерности движения. В равномерности стука башмаков...

Потом слева опять блеснула вода Южной бухты, мигнули доковые огоньки. И сразу стало легче. Проще. Коля прерывисто вздохнул и будто сбросил тяжесть. А когда бухта вновь спряталась за развалинами, прежний страх уже не вернулся и кружения домов больше не было.

Улица сделала плавный поворот направо, был близок ее конец. Впереди уже засветились белыми стенами развалины городского театра. А слева зачернел выбитыми окнами и пробоинами трехэтажный громоздкий дом. Коля знал, что в нем во время войны были лавки караимов (наверно, тех, кого так не любил разбойник Алим). Говорят, торговали до последних дней осады...

Тень теперь маршировала точно впереди хозяина. Коля ободряюще сказал ей, что «кругосветное путешествие» теперь-то уж точно перевалило за половину. От площади с театром он повернет на Морскую, а она гораздо уютнее и добрее мертвой Екатерининской. Там даже есть обитаемые дома. Кроме того, с Морской ведут к Карантинной и Артиллерийской слободкам несколько лестниц. Взбежишь по ним — и там уже недалеко свои привычные места...

Так, подбадривая себя и тень, Коля миновал дом караимов. И услышал крик.

Игла нового страха прошла его от затылка до пяток. Первым отчаянным желанием было стремительно провалиться под плиты мостовой. Но провалиться не получилось, и пришлось выслушать повторный крик. Он был слабый. Он долетал от наполовину рухнувшего двухэтажного дома, что стоял рядом с бывшими лавками караимов. И теперь Коля даже разобрал слова:

— Мальчик!.. Ну помогите же мне!..

Голос был человеческий, живой. Кажется, девочек... Да! Коля различил в неровной оконной дыре фигурку в светлом платье.

Те двадцать шагов, что отделяли Колю от девочки, он пролетел за один миг. Она стояла на подоконнике и смотрела сверху вниз блестящими от луны глазами. Волосы ее были светлые, перехваченные черной ленточкой.

Ликуя от того, что теперь он не один, Коля спросил с радостным выдохом:

— Что с вами?

— У меня застряла нога. И кругом никого. Хорошо, что оказались вы...

Ступня девочки была в щели между перекошенным карнизом и вздыбившимся камнем подоконника. Морщась, девочка сказала жалобно и чуть капризно:

— Я забралась сюда, чтобы осмотреться, и вот... Вы можете отодвинуть камень?

Коля вскочил на выступ, тянувшийся под окном. Героически надавил плечом снизу вверх каменный брус. Тот нехотя свалился внутрь дома.

— Какой вы сильный... Вы меня спасли! — Голосок девочки был негромкий, но звонкий, даже чуть переливчатый. Коля протянул руку, чтобы помочь ей спрыгнуть. Девочка мотнула волосами.

— Нет, здесь высоко. Лучше туда... — Она посмотрела за спину.

Коля подпрыгнул, лег животом на подоконник, ловко перевалился в окно, следом за камнем. Земля за окном в самом деле была гораздо выше тротуара. Коля опять протянул руку, и девочка дала свою. Пальцы ее оказались очень теплыми и твердыми. Прямо как у мальчишки.

— Благодарю вас... — Девочка легко скакнула вниз. Платьице с кружевной оторочкой на миг вздулось, как раскрывшийся зонтик, открыло выше колен тонкие ноги в светлых чулочках. Коля мигнул.

Свет луны свободно входил в дом сквозь провалы стены и крыши. Освещал девочку, словно голубой фонарь. Она быстро нагнулась, чтобы поправить подол. Глянула из-под легких, упавших на лицо волос.

— Какое счастье, что вы помогли. Иначе бы я просидела здесь до солнца, а это никак нельзя... Я так благодарна...

— Что вы, не стоит... — неловко сказал Коля. — Нога не болит?

— Ничуть... — Девочка выпрямилась, потопала ногой. — А как вы здесь оказались? Я раньше вас не встречала.

— Я живу далеко. А сюда пришел... потому что гуляю...

— И вам позволяют гулять в такое время? — спросила она чуть лукаво.

— А вам? — улыбнулся Коля.

Девочка округлила губы, отдувая волосы с лица. Потом убрала прядки ладонями. И призналась со вздохом:

— Я сбежала... Впрочем, дома догадываются, но уже привыкли, поскольку это не первый раз...

— И вам не страшно одной среди ночи?

Она сказала чуть насмешливо:

— Считается, что девочки все ужасно боязливы. А мальчики сплошь храбрецы...

Коля был счастлив, что встретил ее — настоящую, с теплыми пальцами, с осязательным ласковым дыханием, вылетающим из улыбчивых губ. Когда рядом живой человек, руины теряют пугающую таинственность. Просто камни, вот и все. И в приливе радостной откровенности Коля сказал:

— Вовсе я не храбрец. Наоборот... Я сбежал и пошел, чтобы отучить себя от пустых страхов.

— По-моему, это и есть храбрость, — задумчиво отозвалась девочка.

— Ох уж...

— А я... первые разы я обмирала от ужаса. Да что поделаешь. Приходится...

— Отчего же вам приходится гулять по ночам? — неловко спросил Коля. И подумал: «Может быть, тайна, а я лезу без спросу?»

Девочка вздохнула опять:

— Это не тайна. Я ищу котенка...

Новая игла проколола Колю. Но это было лишь мгновенье. Он тут же засмеялся:

— Этак вы можете кого-нибудь напугать до смерти!

— Отчего же?

— Да разве вы не слышали сказку про девочку-призрака, которая ходит по развалинам, ищет котенка, который потерялся еще при осаде?

Она посмотрела удивленно и озабоченно.

— Не слышала... никогда в жизни. Вот странно...

— А ваш котенок давно потерялся?

— Давно. Еще в начале осени.

— Так он же с той поры вырос!

Девочка опять дунула на волосы у лица.

— Думаете, вырос? Ну, он все равно узнает меня... А к тому же я слышала, что потерявшиеся котята долго не растут. В этом нет никакого чуда, просто они скучают и голодают, поэтому и не могут расти...

— Ну, возможно... — сказал Коля из вежливости. Стало жаль девочку. Наверно, она очень любила котенка.

— А почему вы ищете его по ночам?

— Разве не понятно? — грустно сказала она. — Ночью слышен самый тихий звук.

Они оба замолчали и прислушались, будто именно сейчас должен был подать какой-то звук пропавший котенок.

И звук пришел.

Сначала он был почти неразличим в тишине. Какое-то шевеление той же тишины. Не поймешь даже, что это: шелест, чуть слышный скрип, чей-то очень далекий стон? Потом стало понятно — это слабый-слабый писк.

Коля и девочка с полминуты не дышали, вытянув шеи. Потом девочка одними губами сказала:

— Бусенька... Где он?

— Там... — шепнул Коля и кивнул в глубину дома, скрытую от луны. И опять взял девочку за теплые пальцы. Потянул.

Переступая через камни, они пошли в темноту, и скоро пришлось двигаться почти на ощупь. На пути оказалась стена. Коля провел по ней ладонью. Нашупал среди каменных блоков щели. Писк был слышен уже явно. Казалось, он сочится из этих щелей.

— У меня есть свечка, — возбужденно шепнула девочка.

— А есть, чем зажечь? — усомнился Коля. Но в тот же миг тихонько затрещал и разгорелся желтый огонек.

Щели теперь виднелись отчетливо. Было заметно, что многие камни в стене держатся непрочны. Коля вцепился в один, потянул. Камень размером с лошадиную голову гулко рухнул на остатки половиц. Девочка ойкнула и отскочила. Огонек заметался.

— Осторожнее, — строго сказал Коля. И потянул еще один камень. Тот упал с таким же гулом, а в стене открылась маленькая ниша.

В нише сидел тощий серый котенок. Он беззвучно открыл розовый рот.

— Бусенька! — со всхлипом сказала девочка. Коля быстро взял у нее свечку. Девочка схватила котенка, прижала к груди. Он пискнул, вцепился в платье слабыми коготками и тут же притих. А через несколько секунд раздалось умиротворенное «мр-р... мр-р...». Было похоже, что закипает маленький чайник.

Девочка гладила найденыша и всхлипывала, низко наклонив голову. Волосы опять упали вперед, закрыли лицо и котенка.

— Зачем же теперь плакать, — рассудительно сказал Коля, хотя у самого заскребло в горле.

Так прошла минута. Свечка потрескивала, и ее горячее сало падало Коле на пальцы. Наконец девочка откинула волосы.

— Идемте, — сказала она.

Коля двинулся назад, к знакомому окну.

— Не туда... — Девочка взяла его за ладонь и потянула в темноту. Свечка погасла. Но тут же темнота раздвинулась, открылся новый пролом. Они вышли на каменный тротуар. Девочка ладонью прижимала урчащего Бусеньку к груди. Потом улыбнулась и вскинула ресницы. На них блестели капли.

— Такое счастье, что я встретила вас. Вы спасли Буську...

— Да разве это я? Вы и без меня бы...

— Нет-нет, это вы... Как вас зовут?

— Николай... Коля. А вас?

— Оленька.

— Оленька, я провожу вас до дома.

— Что вы! Не надо. Я... мне совсем недалеко... Коля!

— Что, Оленька?

— Скажите правду: вы в самом деле чего-то боялись, гуляя ночью?

Он не смутился и сказал небрежно:

— Теперь это не имеет значения.

— Как знать! Сейчас не имеет, а завтра... опять... Коля, можно я сделаю вам подарок?

— Какой?

— Сделаю так, что вы больше ничего не будете бояться.

— Совсем ничего? — улыбнулся он, потому что, конечно же, это была шутка.

— Почти, — серьезно сказала Оленька.

Он кивнул, поддаваясь игре:

— Да, я хочу.

— Закройте глаза.

Коля, улыбаясь, закрыл. И слышал, как мурлычет котенок, как тихо дышит Оленька. Она тепло дунула ему в лоб.

— Вот так... Нет, не открывайте глаз! Сосчитайте до десяти. И потом уж откройте...

Коля послушно сосчитал. Медленно поднял веки. Оленьки не было. Нигде. Показалось только, что за углом дома стихли быстрые легкие шаги. Коля бросился туда, но там увидел лишь

нагромождение ракушечных глыб. И отчетливо понял, что Оленьку не догонит, не найдет.

Но досады и печали не было. И... страха никакого не было. Совсем. Не было *так*, что Коля даже удивился: неужели это он обмирал недавно, шагая по пустой Екатерининской?

Насвистывая, Коля перешел площадь, оказался на Морской. Было красиво, лунно, даже сказочно. Было по-прежнему безлюдно, однако в этом безлюдье не пряталось никакой угрозы. Проходя мимо развалин, Коля знал, что в их черной пустоте нет никого и ничего. А если и есть какие-то трюмники или другие загадочные существа, то они безобидны, стесняются людей и никогда не вылезут наружу...

Коля поднялся по лестнице, вдоль которой стояли маленькие черные кипарисы. Оказался в переулке, где заборы были сложены из темного, пористого, как губка, камня. Прошел еще два квартала, и — вот он, Косой переулок.

В лунном свете навстречу шла девочка. Это была Саша.

— Господи... Куда ты подевался? Я не знала, что и думать! — Саша часто дышала.

— А как ты догадалась, что меня нет? — снисходительно сказал Коля. Он чуял Сашино беспокойство, но оно казалось пустяком.

— Я... не догадалась, а увидела... Тетя Таня дала мне ключ и сказала: «Сходи посмотри, не забыл ли этот бездельник прикрутить лампу. Заснет, а лампа начнет коптить...»

«Не за лампу она боялась, а за меня», — понял Коля.

— И что было дальше?

— Я пошла, а замок открыть не смогла. Ключ такой... хитрый... Пошла к твоему окошку, чтобы взглянуть, и вижу — тебя на постели нет. И окно закрыто еле-еле... Я так перепугалась.

— Отчего же? Вот глупая, — ласково сказал Коля.

— Может, и глупая, а... я же знаю, что бывают такие люди, лунатики называются. Когда полная луна, ходят, будто во сне, по крышам да по карнизам. Падают и разбиваются...

— Никогда они не разбиваются, на то и лунатики, — наставительно сказал Коля. — Да я и не лунатик, не бойся. Просто решил прогуляться вечером ради интереса... А ты перепугалась и пошла искать?

Саша опустила голову. Засопела и чуть ли не всхлипнула.

— Ну-ну, без сырости, — сказал Коля и взял Сашу за ладони. Они были холодные.

— Ты небось продрог, — прошептала Саша. — Одет еле-еле...
— Нисколько! Я и думать забыл про холод! А вот ты продрогла. Пальцы как ледашки... — Он приподнял ее руки и жарко подышал на пальцы. — Теплее стало?

— Теплее...

«Саша, а я видел девочку и нашел ей котенка!» — чуть не сказал Коля. Но удержался. Потому что она сразу: «Страх какой...», и тогда придется щелкать по носу. К тому же ясно, что это не та девочка. Просто случилось удивительное совпадение. Хотя... если Женя Славутский станет снова рассказывать про барабанщика, Коля уже не будет думать, что это просто сказка.

— Пошли, — сказал он Саше. И они, держась за руки, двинулись к дому. Яркая луна смотрела на них с высоты.

— Коля, хочешь, я тебе рубаху сошью? — вдруг тихонько спросила Саша.

— Какую рубаху? — удивился он.

— Флотскую. С большим синим воротником. В таких иногда матросы ходят, которые с заграничных судов... Красиво так...

— Небось мальчишки засмеют...

— Да с чего же? Над флотским ни над чем не смеются. Хоть над нашим, хоть над заграничным...

— Ну, сшей...

Они вошли во двор. На крыльце стояла Татьяна Фаддеевна.

— Нагулялся? — устало сказала она. — Вот и ладно... Сашенька, спасибо тебе, ты иди домой, спать пора. А мы поговорим...

В комнате Коля сразу сказал:

— А чего такого? Я решил погулять в ночных развалинах, чтобы прогнать из себя всякий страх. А то вы постоянно намекаете, что я трус.

— Видимо, не трус, раз не побоялся нарушить мой запрет и не стал лежать, как было велено... Ладно! Поскольку ты все равно не спишь, вернемся к дневным делам. Нам пора поговорить со всей ответственностью...

Коля был спокоен и внутренне весел. Оленька сказала правду: он и правда ничего не боялся. По крайней мере, в данный момент. И самой чувствительной тетушкиной кары не боялся тоже. Поэтому сказал беспечно:

— А может быть, лучше завтра? Иначе придется спать на животе, а я не умею...

Татьяна Фаддеевна стиснула пальцы.

— Ты можешь хоть на пять минут стать серьезным?!

А он разве не серьезен?

Татьяна Фаддеевна смотрела в темное окно.

— Я хочу сказать вот про что... Сядь. — (Коля быстро сел на постель). — Я... Борис Петрович... он сегодня... предложил мне стать его женой.

— Да? — скучновато сказал Коля.

— Да... и я не понимаю твоего молчания.

— Тё-Таня... — внутри у Коли предательски щекотались смешинки. — Я-то при чем? Не мне же он предложил.

— Ты в самом деле несносный мальчишка, — скорбно сказала Татьяна Фаддеевна.

— Но почему? Я... просто не знаю, что сказать. В чем тут новость? Все к тому и шло...

— Но сегодня он это сделал *официально*.

— А вы что ему сказали... *официально*?

— Я сказала, что посоветуюсь с тобой.

— Зачем?!

— Николая... Мы одна семья, это изменило бы всю нашу жизнь, и я считаю себя не вправе... если ты не согласен...

— Да согласен я, согласен!.. Только дайте одно обещание.

— Какое же?

— Что вы с доктором не станете отправлять меня в Симферополь, на пансион. Если окажусь вдруг тут не ко двору...

— Николая! Как у тебя поворачивается язык... такое...

— Обещаете не отправлять?

— Обещаю... хотя, наверное, следовало бы отправить. Борис Петрович никогда не позволит такого. По-моему, он к тебе слишком снисходителен.

— Он ко мне справедлив... А мы поместимся здесь втроем?

— Это ведь еще не сейчас... Вдова Кондратьева готова недорого уступить нам дом, и можно будет сделать пристрой для гостиной и ванной...

— Вот видите, вы уже все обдумали, — снисходительно сказал Коля. — Ой! У меня еще одно условие...

— Не слишком ли много условий, друг мой? — тетушка, видимо, обрела уже прежнюю уверенность.

— Не много! Летом вы позволите мне гулять босиком!

Татьяна Фаддеевна возвела глаза к потолку...

КАТЕНЬКА

Саша и правда сшила Коле рубашку с иностранным матросским воротником. Не сразу, а к лету.

Давно уже прошла Пасха, пробежал май — с густеющей зеленью трав, цветом акаций и еще каких-то южных деревьев. На дворе у Лазуновых два неторопливых каменщика пристраивали к дому помещение из широких брусьев инкерманского камня. В отношениях доктора и тетушки, кажется, ничего не изменилось. Венчание было отложено до того срока, когда будет готова пристройка.

В конце мая Коля с Татьяной Фаддеевной съездили в Симферополь, и третьеклассник Вестенбаум сдал весенние экзамены. Не столь блестяще, как зимой, но все же успешно. А когда вернулся, Саша, смущаясь, протянула ему сверток:

— Вот... Помнишь, я обещала перед Пасхой...

Воротник был ярко-синий, с пристроенными по краям белыми тесемками. А на груди был такой же синий с белыми полосками галстучек. Коля вспомнил, что видел такую форму на матросах с голландского парохода, который весной приходил в Севастополь.

Рубашка оказалась в самую пору. Свободная, легкая. Носить ее с суконными штанами было глупо, и тетушка вместе с Лизаветой Марковной соорудила для Коли холщовые летние брючки длиной пониже колен. Вроде тех, что носили многие городские мальчишки. Только Тё-Таня еще украсила каждую штанину снизу двумя синими пуговками. Так, мол, гораздо приличнее. Коля возмутился — засмеют. Сошлись на том, что пуговки заменили трофейными английскими «гудзиками» с якорями. В общем, получился вполне морской наряд.

Коля натягивал этот костюм прямо на голое тело. Конечно, мальчику из приличной семьи полагалось носить еще нательную рубашку и нижние штанишки с кружевами. Но Коля с ужасом представил, как эти кружева увидят ребята, когда надо будет раздеваться перед купаньем. Нет уж, надо быть как все. Женька вон тоже... И босиком бегает, как остальные.

Увидев босого Женю Славутского, Татьяна Фаддеевна махнула рукой и больше не мешала племяннику «деградировать» окончательно.

Купались обычно за Артиллерийской бухтой, где Хрустальный мыс опоясывали галечные пляжи. Здесь было удобно. Девчонки и тетушки поблизости оказывались редко. А если по-

одаль, то и наплевать. Сбросил с себя все, кроме нательного крестика, и с разбега бултых в зеленую глубину. К медузам, юрким ставридкам и суетливым замшелым крабам.

Коля научился плавать еще в Петербурге, вернее, на даче под Петергофом, у знакомых. Но то купание, в пресной и мутноватой балтийской воде, не шло ни в какое сравнение со здешним. Черноморская вода была плотной, держала мальчишек на плаву как рыбешек, и, казалось, утонуть в ней невозможно. Коля так и говорил Татьяне Фаддеевне в ответ на ее вечные опасения. И добавлял:

— Не могу же я ходить купаться с няней! Здесь без присмотра плавают и ныряют даже грудные дети. — Он, конечно, преувеличивал, но не очень.

Постоянное плескание в море было одной из главных радостей южного лета. Но ребята не забывали и о деле. О своей охоте за товаром для туристов.

Коля и Женя давно уже сплывили иностранцам барабанные палочки. По двугривенному за штуку. Получилось два рубля. Поделили поровну.

— Но ты ведь весной уже дал мне две палочки, — слабо сопротивлялся Женя. — Значит, сейчас моих было только четыре.

— Весной был подарок, это не в счет. К тому же ты... ведь ты же отдал их барабанщику. Разве не так?

Женя не сказал, что не так. И больше не спорил.

Саша иногда ходила с мальчишками, собирала трофеи для продажи. Но не часто. Не девичье это дело — копаться в оружейном мусоре. Там еще и кости человеческие встречаются до сей поры — страх такой... Ей нравились другие находки, те, что говорили о давних веках. Коля тоже мечтал о трофеях античных времен. Не раз напоминал он Саше: когда пойдем в Херсонес? И та говорила, что, да, скоро пойдем, да все случилось как-то, что недосуг. То у нее дела по дому, то сам Коля шастает с ребятами по бастионам и траншеям.

Конечно, можно было пойти в Херсонес и с мальчишками, но у тех лишь одно на уме — набрать побольше того, что на продажу. Можно было стовориться с Женей, уж он-то все понимает. Но... хотелось с Сашей. Именно с ней, с одной. По крайней мере, на первый раз. Казалось, что именно она принесет удачу и можно будет отыскать осколки амфор со сказочными рисунками. А то и целую вазу! Ох, да только ли в находках дело...

— Коля, на той неделе обязательно!

Но «на той неделе» в семействе Маркелыча случилось удиви-

тельное событие, и Саша несколько дней торчала у них в доме, помогая счастливой Настеньке.

— Ну, ты, что ли, поселилась там окончательно? — рассердился наконец Коля. Он «ухватил» Сашу у нее на крыльце, когда та опять торопилась к Ященкам.

Саша не обиделась, обещала примирительно:

— Завтра с утра пойдем обязательно. Как раз вторник, пустой день...

— Почему пустой?

— Ну... мы ведь и к Девичьей бухте пойдем тоже, а по вторникам да по четвергам и пятницам туда лучше всего.

— Что за бухта такая? — насупленно сказал Коля и стал царапать босой пяткой крыльцо.

— Ты разве не слышал?

— Ничего я про нее не слышал, — соврал Коля и смутился. Потому что он, конечно, знал про Девичью бухту от мальчишек, и Саша могла об этом догадаться.

Она, видно, не догадалась и тоже смутилась — от того, что приходится объяснять.

— Ну... маленькая такая бухточка, рядом с Песчаной. Среди обрывов спрятанная. Там по понедельникам, по средам и субботам купаются девчата. Потому и название такое.

— А... почему там? Далеко же... — неловко сказал Коля.

— Ну, почему... — вздохнула она. — Вам-то, мальчишкам, хоть где можно, никто на вас не глядит. А девочки... им надо укрытое место.

Коля опять почесал пятку о каменную ступень. А потом, чтобы скрыть смущенье, заметил небрежным тоном:

— Да разве бывают совсем укрытые места? Наверно, сверху, на обрывы, все равно может кто-то подойти...

— Да кто? Случайных людей там не бывает, а здешние знают и не подходят, потому что есть же совесть-то... Ну, только вредные мальчишки иногда подбираются. Бессовестные, да?.. Девочки тогда сразу в воду или за камни. Да как завизжат! От такого визга хоть кто деру даст!..

— Дураки... — бормотнул Коля, краснея, будто сам был замечен среди бессовестных мальчишек.

— Конечно, дураки. Ты же не такой, верно?.. А наши один раз тоже... Фрол да еще кое-кто с ним... Я тогда на них так разозлилась! А Федюне за это от деда перепало горячих. Ого как! Жаль только, что ему одному, а не всем... — Она засмеялась, и

Федя почувал, что настоящей злости на мальчишек у Саши, кажется, нет. — Да ты небось от ребят слышал про тот случай...

— Ничего я не слышал...

Он опять врал. Эту историю он узнал в недавнем разговоре на дворе у Маркелыча.

А дело случилось такое. В прошлом году, за неделю до Ильина дня, Фрол предложил приятелям:

— Пойдем русалок наблюдать. А то скоро купанью конец, так и не поглядим.

«Наблюдать русалок» — это и значило подглядывать за девчонками у моря.

Пошли, кроме Фрола, Макарка, Ибрагимка, Федюня да еще двое ребят — не из постоянной компании Боцманского погребка, но знакомые. Просился и Савушка, да его не взяли.

Семилетний Савушка, оставшись посреди пустого двора, заревел. Вышла мать. Пожалела:

— Это почему же они, окаянные, без тебя пошли куда-то? Раньше всегда брали.

— Говорят, дорога дальняя. И говорят еще: «Рано тебе на русалок глядеть».

— Чего-чего?! — Матери, видать, про «русалочьи игры» было известно. — Ну-ка, говори толком!

Савушке бы смолчать да выкрутиться как-нибудь, а он от великой досады на «изменщика» Федюню (пускай знает, как бросать брата!) выложил ребячьи планы во всех подробностях. И не только матери, но и деду, который вышел и присел с трубкой на порог своей пристройки.

Мать всплеснула руками.

— Отец, ты только послушай! Вырос на нашу голову охальник! Ты уж его проучи за такое бесстыдство! — Это она о Федюне, конечно.

— А чего ж... Оно как водится... — покивал тот, окутавшись дымом. О взглядах знаменитого Пирогова на воспитание он не слышал, но свои собственные взгляды у него были похожие.

Докуривши трубку, Евсей Данилыч не поленился, сходил на ближний косогор, где росли несколько одичавших вишен, и срезал подходящую для такого дела ветку. А после того опять сел на пороге — терпеливо поджидать старшего внука. Савушка между тем томился в доме, убеждая себя, что не сделал ничего худого: правду же сказал!

Когда Федюня наконец появился на дворе, дед спросил с настоящей ласкою:

— Ну-ка, рассказывай, юнга, где гулял?.. Только не вздумай врать, мне и без того все ведомо.

Федюня сразу понял: и вправду «ведомо». Обмяк и хныкнул:

— А чего... Я и не хотел... Все пошли, и я пошел...

— У «всех» свои тятки и деды, а у тебя — я. Потому — идем со мною.

И обмякший Федюня безропотно поплелся за дедом в его конуру. Тот пропустил его вперед, а Савушке (которого ноги против воли привели сюда же) велел с порога:

— Пока обожди тут.

Дошатая дверь неплотно прикрылась, и вскоре за ней прорезались несколько коротких воплей. Затем Федюня, придерживая штаны, вылетел на двор, мокрыми глазами яростно чиркнул по брату и умчался за дровяной сарайчик. Дед же с прежней ласкою поманил корявым пальцем присевшего от перепуга Савушку:

— Ступай теперь ты...

— Зачем?! За что меня-то?!

— А за ябеду, — охотно пояснил Евсей Данилыч, под мышки внося Савушку через порог. — Ябеда, она последнее дело. Зачем на Федора сказал?

— А ежели он худое задумал! — слабо брыкался бедный Савушка.

— Ежели худое, ты ему и скажи: не делай так. А к старшим да к начальникам с жалобой идти — это срам, — разъяснял дед, садясь на топчан и ставя несчастного Савушку между колен. — Когда будешь матросом, товарищи тебе такого сроду не простят...

— Не буду я матросом!

— А кем же еще будешь? У нашего брата иной дороги не бывает. Потому и понятие должен иметь с малых лет. Ну-кошь, расчиняй гудзики...

Уложивши младшего внука животом на здоровое, левое колено, Евсей Данилыч трижды отмерил ему «вишневою порцию» (не шибко, но чтобы все-таки ощутил). И велел воющему Савушке:

— Цыц!.. А теперь иди, проси прошенья у брата.

— Не буду!

— Неужто не будешь?

— Ай! Буду! Буду!.. Да ведь он не простит!

— А коли не простит, приходи ко мне сызнова. Непрошеному положено вдвое...

Конечно, Федюня простил глупого Савушку. Куда его девать: брат же, да и ябеду свою сделал не от злобы, а по неразумению. Малой еще...

Скоро они лежали рядышком на черепичной кровле сарайчика и согласно дышали, переживая недавнее. Солнце жалееючи грело сквозь холщовые штаны пострадавшие места. Обиды на деда не было. Потому что, по правде говоря, оба получили за дело.

Савушка повозился на черепице и спросил наконец:

— Ну и чего там?.. Зачем это ходят смотреть на них?..

— Да я и сам не знаю. Это Фролу хотелось. Пойдем, говорит, подразним их и напугаем, а сперва поглядим... А чего там глядеть? Высоко же, с обрыва-то. Издаля они в точь как мальчишки...

— А напугали их?

— Не успели. Они нас первые заметили. Завизжали сперва, попрыгали в воду. А потом разозлились, видать, повыскакивали и давай в нас камнями! Да разве добросишь! Ну, мы все равно скорей бежать от ихнего визга...

— Глупость одна, — уверенно сказал Савушка.

— То-то и есть, что глупость. Я и сам так думаю...

Так же думал он и следующим летом. Так и сказал, когда Фрол предложил «навестить русалочек».

— Дурь одна, а забавы никакой. Только ноги бить пять верст туда и обратно...

— Дедова прута боишься, — без жалости напомнил прошлое Фрол.

— А вот и не боюсь. Савушка теперь умный, не скажет. А идти неохота, дурная забава...

Ибрагимка и Макарушка были вроде бы не прочь — отчего бы не поразвлечься. У Коли же, уяснившего наконец, о чем речь, начали гореть щеки. Стыд такой... Вспомнилось, как разглядывал атлас в кабинете доктора. Никого тогда рядом не было, да и то не по себе. А сейчас... Но если не пойти, скажут — забоялся...

Они сидели тогда на дворе у Маркельча, на каменном выступе, что тянулся снаружи сарайчика, где была теперь их «кают-компания». Синяя тень скрывала их от горячего июньского солнца. Расположились в ряд, лишь Фрол отдельно, на пустом

бочонке, перед всеми остальными. Он молчал насмешливо, явно ждал, что скажет «Николя».

Но Колю опередил Женя (он сидел с краю от всех):

— Я тоже не пойду ни в каком разе.

Фрол изогнул левую бровь.

— А ты почему? Тебя вроде бы дома не дерут.

Женя сказал негромко и ясно:

— Разве в том дело? Просто нехорошо... Грех это.

Фрол опустил левую бровь и возвел правую:

— Ох уж! Великий ли грех-то?

— Может, и не великий, а все равно... Потом как про такое скажешь на исповеди?

— А ты что? Про все на свете на исповеди признаешься?

Женя пропустил насмешку мимо. Только удивился слегка:

— А разве можно иначе? Тогда зачем она, исповедь?

Фрол мигнул. Стал серьезным. Согнутым мизинцем потрогал нижнюю губу. Сказал уже без намека на ехидство:

— А я вот тоже думаю: зачем? Отчего это надо перед попом душу открывать? Разве он святой? Бог и без того все про нас знает. У него и надо просить милости, когда виноват. Если захочет — простит...

Коля, нагнувшись, смотрел на Женю мимо Ибрагимки и Маркарки. Женя отвечать Фролу не стал, только шевельнул плечом: чего, мол, с тобой спорить. А потом проговорил все же, но будто не для Фрола, а для себя:

— После исповеди на душе легче... — И встретился глазами с Колей. Тот съезжил плечи.

На исповеди Коля был последний раз еще в Петербурге. Татьяна Фаддеевна не обременяла племянника религиозным воспитанием. Если он вечером скажет перед сном молитву, а в праздники побывает на церковной службе — того и достаточно. Что же касается исповеди, то — считала она — у мальчика должна созреть для того в душе ясная потребность. По правде говоря, Коля такой потребности пока не ощущал. Ведь в самом деле Бог и без того знает и видит его насквозь — все, что есть в нем хорошего и плохого. Зачем же еще кому-то рассказывать про это? Можно просто укрыться с головой одеялом и прошептать: «Боже, отпусти мне грехи, которые я наделал, я постараюсь исправиться и больше не поступать дурно», и тогда появляется надежда на прощение. А если после того прочитаешь еще «Отче наш», чувствуешь себя христианином не меньше остальных.

Однако сейчас Коля был полностью на стороне Жени. Мало того! Он понял наконец, что надо сказать Фролу!

— Я тоже туда не пойду. Потому что это свинство. Они же ничего не ведают, а мы исподтишка. Это... как предательство.

Вопреки ожиданию, Фрол не ошетинился. Опять с задумчивостью потрогал губу и сказал сочувственно:

— Просто вы еще не выросли, вот и не понимаете. Никакого греха тут нет, потому что такая человеческая натура, мужской интерес. Без него ничего бы на свете не было...

— Чего это не было бы? — подозрительно спросил Поперешный Макарка.

— Люди бы не женились, и род человеческий перевелся бы.

— Люди женятся по любви, а не по твоему дурацкому интересу, — с усилием задавив в себе неловкость, сказал Коля.

У Фрола — рыжие искры из глаз:

— А любовь на чем держится, по-твоему?

«Любовь — от Бога», — чуть не ответил Коля. Но смолчал в последний миг. Не от стеснения, а потому что не хотелось отдавать для спора такое вот, сокровенное. Про это можно бы с Женей, один на один, но уж никак не с Тимберсом... Подумаешь, «вы еще не выросли!» А сам-то много ли вырос? «Интерес» у него...

А Фрол опять вдруг утратил насмешливость и сказал примирительно:

— С любовью это ведь как кому по жизни повезет. Хорошо, если как у Маркельча с Настей. А если как у нашего отца с мамкой, то какая там любовь? Каждый день она его поедом ест. А все равно... Жениться-то всякий обязан, кто мужского сословия, когда достигнет совершенных годов...

— Неужто всякий? — звонко удивился маленький Савушка.

— А то как же. Если, конечно, этот человек не монах и не хлипкого здоровья.

Федюня, который не любил споров, на сей раз вмешался в разговор:

— Павел Степаныч Нахимов не монах был и здоровьем был не обиженный, а про женитьбу не помышлял. И офицерам не советовал. «Надо, — говорил, — о службе думать и о матросах заботу иметь, а не глупыми делами заниматься». Дед про это рассказывал не раз...

— Я тоже слышал про это, — вспомнил Коля.

— Много вы знаете! — с привычным хмыканьем отозвался Фрол. — Это он здесь об одной лишь службе радел, а в Курской

губернии у него жена была и детишки, только жил он с ней невенчано. Она сама не хотела, потому что была иудейской веры...

— Что ты такое сочиняешь! — вскинулся Коля и даже кулаки сжал.

— Вовсе не сочиняю. Павел Степаныч и сам был из иудеев по родству-то. Его деда звали Нахум. Оттого и фамилия, только отец Павла Степаныча малость изменил ее. Отца-то сперва звали Самуилом, он был из еврейских кантонистов, служил в полку барабанщиком, а когда крестился, стал Степаном. Служил усердно, офицером сделался, в дворяне вышел. Ну а сын его Павел Степаныч — сами знаете, кем стал... Только жене его да детям от того не легче, раз незаконные. Родня его сразу их погнала из имения, когда погиб...

С минуту все ошарашенно молчали. Потому что была в словах Фрола скучноватая увесистость. Она убеждала, что Фрол не врет. Или, по крайней мере, сам верит в то, что сказал.

Коля наконец спросил, стараясь говорить пренебрежительно:

— Это тебе небось твой Адам Вишневский наплел?

— Не наплел, а рассказал, что было... Да и не он один. Многие про это слышали, только почему-то правду знать не хотят. И вы тоже...

Женя сказал негромко:

— Потому что, Фрол, от твоей правды никакой радости. Ты ее так говоришь, будто иголки во всех втыкаешь.

— А ты чего хотел? Правда, она часто бывает колючая... Да только сейчас-то вы чего испугались? Здесь как раз никакой колючести нет. От того, что вы про Павла Степаныча знаете, разве стал он хуже? Как был герой, так и есть. Человек-то бывает плохой или хороший не от того, какой он крови, а от того, какая у него душа...

«А ведь в самом деле», — подумал Коля. Да, Фрол умел порой повернуть разговор так, что враз начинал казаться умней и справедливее остальных. И он добавил еще справедливости в новых словах:

— Вон Ибрагимка, он татарского роду и не нашей веры, а разве хуже нас? Может, не такой образованный, зато душа по-добре, чем у иных.

Ибрагимка застеснялся, заболтал грязными ступнями, сказал сипловато и дурашливо:

— Ай нет, я вредный...

Все засмеялись, кроме Савушки. А тот вдруг спросил с непривычной строгостью:

— Фрол, а твоя душа — добрая?

Фрол неожиданно обмяк:

— А чего я?... Мне откуда знать? Это надо со стороны глядеть...

— Со стороны оно выходит по-разному, — опять же с необычной взрослостью сказал Савушка.

— Ну и что? — Фрол сузил глаза, глянул поверх голов. — Это у каждого — по-разному. Только ангелы бывают без всего плохого, но они на небе, а на земле — люди. Без вредности ни одного человека не бывает... Вы думаете, адмирал Нахимов всегда был такой добрый, отец матросам, да? В молодости с ним всякое случалось...

— Он, когда мичманом на фрегате «Крейсере» вокруг света ходил, матросов спас во время бури, — напомнил Женя.

— Ну, спас, потому что храбрый был да умелый, про это все знают... Одних спас, а другим, случалось, ого как зубы чистил! Ему за такое даже от командира Лазарева попадало. От того, с которым они теперь рядом лежат под собором.

И снова с досадой Коля ощутил, что Фрол не сочиняет, опять в его словах те самые «иголки».

А Федюня заспорил:

— Врешь ты небось. Добрее адмирала Нахимова никого не было.

— Это уж потом, когда ума набрался...

— Все равно врешь! Я у деда спрошу, он про Павла Степаныча все знает!

— Спроси, спроси, — совсем уже привычным тоном посоветовал Фрол. — Он с тебя сызнова штаны снимет...

Федюня набылчился. Могло кончиться настоящей ссорой, но опять вмешался Савушка. И спросил про другое, про то, что зашло в нем с начала разговора:

— Я все равно не понимаю. Зачем всякий должен жениться?

— Ай, до чего непонятливый, — вздохнул Ибрагимка. — Без того детей бы не было, тебе же сказано.

— А почему не было?

Фрол с ухмылкой глянул на Федюню:

— Он чего, до сей поры не знает, откуда дети?

— Ему ж только восемь, — опять насупился Федюня. — Успет еще.

Но Савушка прекрасно знал, не глупее других. Дети появля-

лись по-всякому. В некоторых землях их высиживали вместе с птенцами в гнездах большие птицы. А как увидят, что это не птенец вовсе, хватают в лапы и несут людям на чье-нибудь крыльцо. Бывает, что младенцы заводятся в стогах и скирдах и из травяных и хлебных зерен... Соседская девчонка Анфиса, что на год старше Савушки, говорила ему, будто бы малыши вылезают прямо из матерей, как котята из кошек, но это было такое несусветное вранье (разве люди — кошки?), что и спорить не стоило. Савушка просто обозвал Анфиску душой и пошел прочь... В здешних краях все было проще простого. Дети вырастали на бахчах среди арбузов (изредка, правда; арбузов — тех в тыщу раз больше). Как младенец созреет и стебель отвалится у него от пупка, люди слышат новорожденный крик и находят мальчика или девочку... Савушка так и сказал:

— Чего не знать-то, если самого на бахче нашли. Маменька же говорила.

Надо сказать, никто не засмеялся, даже Фрол. Мелькнули улыбки, но быстро пропали. Женя нашелся первый, объяснил ласково:

— Все правильно, Савушка, только жениться все равно надо. Потому что найти ребенка на бахче могут лишь женатые люди. Такой закон природы. Ну, то есть так устроено на свете. Для того, чтобы у маленького были отец и мать. А то чего хорошего, если с первых дней сирота? — Он вдруг сбился, виновато глянул на Колю. Но тот глядел весело, обрадованный ловким рассуждением своего друга.

Были довольны и остальные. Савушке объяснение показалось разумным. Тем более что Женя был человек, не склонный к вранью.

Однако очень скоро жизнь опровергла «научные» утверждения Жени Славутского.

На следующий день после того разговора мальчишки собрались в Карантинную балку, где можно было отыскать немало осколков от бомб и гранат. Там, среди бурьяна и глиняных груд, хватало и литых ядер всякого калибра — французских и русских, — но такую тяжесть никому не продашь, а осколки весьма ценились туристами.

Вприпрыжку спускались по скальной тропинке — там, где слободка называлась уже не Артиллерийской, а Карантинной (впрочем, сами жители не всегда могли разобраться, где какая).

По сторонам тянулись каменные заборы, за которыми — бахчи и огороды. Савушка чуть отстал: он наступил на колючую кожуру прошлогоднего каштана и досадливо прыгал, держась за ступню. Потом прислушался. Сквозь нагретый воздух пробивались слабые вскрики, похожие на кошачий писк. Вроде бы за изгородью...

Савушка всегда жалел котят. Был он ловкий мальчонка и, забыв про боль, разбежался, прыгнул, уцепился за верх изгороди. Подтянулся, лег животом. Простор бахчи волнисто стелился широкими листьями, среди них полосато зеленели незрелые еще, но уже набравшие величину арбузы.

Писк раздался опять. Савушка, метнувшись взглядом по зелени, углядел среди листьев холщовый сверток, из которого торчала крошечная человечья ножонка. Она суетливо сгибалась и разгибалась.

— Эй! — завопил Савушка. — Сюда идите! Живее!

Ребята бегом бросились назад — было в Савушкином крике что-то *такое*. Прыгать на забор не стали, неподалеку оказалась в нем широкая щель (немалое, кстати, удобство для любителей даровых арбузов, когда те созреют). Пролезли, кинулись, куда указывал Савушка. Он прыгнул за ними. Столпились у свертка. Меньше всех удивился, конечно, Фрол.

— Э, да это, видать, подметыш... — И умело взял младенца на руки, смокнул над ним губами (ясное дело, помнил, как нянчился с грудной сестренкой).

Из холщовых тряпиц глядело кукольное личико с крошечными пузырьками на губах и блестящими глазами.

— Чей он? — изумленно сказал Коля.

— Кабы знать, — хмыкнул Фрол и огляделся.

Глянули вокруг и остальные. Домик хозяев бахчи белел в отдалении, высоко на склоне. Ясное дело, не оттуда ребенок. Неподалеку торчала сложенная из ракушечника будка. Наверно, тот, кто подкинул малыша, думал: выйдет из будки человек и заметит. А не понял того, что в таких будках если бывает кто-нибудь, то лишь в пору арбузного созревания, когда надо сторожить. Повезло крохе, что слабый крик услышал чуткий на ухо Савушка.

— Ай, куда же его теперь? — озабоченно спросил Ибрагимка.

Фрол хмыкнул опять. И протянул примолкнувшего младенца Савушке:

— На... Сам понесешь или помочь?

Савушка попятился, как от крапивы.

— А чего я-то...

— Вот те на! А кто его нашел? Сам же вчера говорил: кто на бахче дитя найдет, тот и родитель. Отец или мамка. Будешь теперь тятенька...

Савушка попятился пуше.

— Не говорил я такого!

— Да как же не говорил? Все слышали, не так ли? — Фрол хитро оглядел мальчишек. Те (кроме Макарки) дружно хихикнули и закивали: был такой разговор. Потому что очень уж смешно перепугался Савушка. Намокшими глазами он глянул на каждого: не пора ли зареветь? Но увидел на Женином лице сочувствие и вспомнил:

— Я же неженатый! Ты сам вчера говорил, что без того нельзя!

Женя развел руками:

— Ну, ошибка вышла. В природе случается такое. Ничего, справишься один...

Савушка отчаянно глянул на последнюю надежду, на Федюню. Тому бы пожалеть брата, но и он не удержался от забавы:

— Ради такого случая и оженить можно, дело недолгое. Ан-фиска вокруг тебя давно, будто кот вокруг сметаны, ходит...

Савушка наконец заревел:

— Не хочу я-а-а...

И тут Макарка — он всегда поперек всех! — сердито повернул разговор:

— Ну, чего дразните малóго? Дело не шутейное. Куда его девать, дите-то?

Все разом посерьезнели. Фрол качнул малыша на согнутых локтях.

— Если Савушка не хочет, придется кого-то искать. Против воли в отцы не запишешь...

— Надо отнести к хозяевам, чей огород, — предложил Женя.

Фрол сумрачно глянул на дальний домик.

— А хозяева-то знаете кто? Бабка да дед Горпищенки. Мало того, что оба зловредные, так еще и песок из их сыпется. На кой им грудное дитя на старости лет? Они нас метлой с порога...

— Тогда одно остается, в участок, — с прежней сердитостью рассудил Макарка. — Дядько Куприян решит по закону.

Фрол опять покачал малыша.

— Закон законом, а из Семибаса какая нянька...

— Может, отыщет того, чей он по правде, — неуверенно сказал Федюня.

— Жди... — хмыкнул Фрол.

Колю осенило:

— Давайте отнесем к тете Тане! Она знает, что делать с такими маленькими!

В самом деле! Тё-Таня знала выходы из всех затруднительных положений, а уж что касается новорожденных младенцев — тем более!

На том с радостью и порешили.

Фрол бережно и с умением понес найденыша, остальные возбужденно шагали с двух сторон. Малыш слегка попишал, потом вновь успокоился. Когда были уже вблизи от Колиного дома, повстречали Маркелыча и его Настеньку. Маркелыч волок на хлипкой тележке свою мортирку. Настенька шла рядом и что-то укоризненно ему выговаривала. Оба увидели ребят.

— Вот, велит, чтобы сvez орудие в участок, — пожаловался Маркелыч. — Заодно с Семибасом. Тот который раз уже пристал: сдавай мортирку, потому как дома иметь артиллерию не положено... Эй, Фрол, что это у тебя?

— Да вот, Савушка нашел на бахче. Сам вчера наворожил такое, а нынче тятенькой быть не хочет: не умею, мол...

Никто не засмеялся.

— Дай... — одними губами сказала Настя. Взяла у Фрола сверток, покачала тихонько, осторожно размотала пеленку. — Катенька... — И большущими светлыми глазами глянула на мужа: — Это Господь послал...

Повернулась и, ничего не сказавши больше, пошла с девочкой к дому.

Маркелыч сунул веревку от тележки Фролу.

— Отвезите Куприяну Филиппычу. Да скажите там заодно, что случилось. Все едино, без полиции тут не обойтись.

Настя обернулась издалека:

— Не надо говорить...

— Да не бойся, — осторожно успокоил ее Маркелыч. — Если Бог дал, никто не отберет.

...Никто не отобрал у них Катеньку. Росла она веселая и добрая, всем соседям по нраву. Глазами похожая на мать, а вздернутым носом на отца — георгиевского кавалера и шкипера Николая

Тимофеевича Ященко. Тот с первого дня звал дочку «Катенок». Похоже было на «котенок». Оно и понятно, такая ласковая...

Находились, конечно, языкастые бабки, что меж собой, а то и с другими людьми любили поболтать: не родная, мол, она им. Дошли наконец слухи и до Катеньки, та кинулась к маменьке. Настасья засмеялась:

— Ты на нос свой погляди. Разве не точно батюшкин?

И не однажды потом случалось такое, но всякий раз отец и мать со смехом успокаивали дочку: чего, мол, слушать всяких сплетниц. Но однажды, когда шел ей шестнадцатый год, расплакалась Катенька всерьез, потому что вновь услышала где-то ядовитый слух. И снова пристала к матери: откуда же эти разговоры, если ничего не было?

— Да было, было, — не выдержала Анастасия Павловна. — Ладно, скажу. Дело-то шутейное. Правды на грош, а разговоров пошло на сто фальшивых рублей... Ты ведь знаешь Савву Иваныча, что живет ниже нас, на Шлюпочной?

Катеньке как не знать — потупилась, чуть зарделась даже.

— Ну и вот, — продолжала мать, — был он еще в ту пору несмышленный, рассказал приятелям, что детей малых находят на бахчах. Другие мальчишки, постарше, решили подшутить. «Давай, — говорят, — Настя, мы с твоим дитем погуляем, пока ты по хозяйству управляешься». Я малость удивилась: не девочки же, чтобы в мамки-няньки играть. Но и обрадовалась. Потому что дел и правда выше головы, а отец в плаванье был. Ничего такого не подумала, мальчишки-то все знакомые, добрые. А они унесли тебя на бахчу, положили в межу да Савушку подослали, чтобы он увидал. И говорят: «Вот, нашел дите, значит, быть тебе тятенькой». Тот с перепугу в слезы... А Горпищенко прослышали, что на их бахче нашли подметыша, вот и пустили слух. С той поры бабки и плетут, чего в голову взбредет, каждая добавляет свое... А не веришь, спроси сама у Саввы.

Катенька не утерпела, спросила однажды:

— А правда ли, Савва Иванович, что в малые годы с вами да со мной мальчишки сыграли шутку?

— Ну как же, Катерина Николаевна! Было такое! Нашел я вас, а они говорят: «Ну вот, дочка есть, теперь женись безотлагательно, иначе нельзя». Вы раньше разве не слыхали про это?

— Да я всякое слыхала... А тогда в меже... я в пеленках была?

— Вся как есть завернутая, — успокоил Савва. Враз понял, как страшно Катеньке представить, будто она оказалась перед

ним без всякой одежды, пускай и кроха совсем. — Один только нос торчал... Я тогда еще у мальчишек пытал: почему это арбузы растут ни во что не закутанные, а человеческий ребенок сразу запеленатый? Был с нами Женя Славутский, умный такой мальчонка, из образованных... нынче он живописец, для Морского музея картину пишет... вот он и дал разъяснение: пеленки, мол, из листьев образуются, такой закон у земной природы, чтобы маленький не простыл, пока не нашли. Я и поверил... А почему вы, Катерина Николаевна, так взволновались из-за давней той истории?

— Да так... Старухи чего только не плетут...

Савва свел густые брови.

— Старух этих, если не смолкнут, я длинными языками в литейный ковш макну, будут знать!...

Савушка, вопреки предсказанию деда (царство ему небесное), не стал матросом. Сделался он мастером в горячем цехе адмиралтейского завода, где лили якоря, причальные кнехты и тяжелые детали для новых судов. Брат его работал там же. Оба слыли знатоками своего дела. Жалованье у мастера было приличное, и свадьба у Савушки и Катеньки получилась не бедная. А сына они назвали Куприяном, в честь бывшего околоточного надзирателя, деда Филиппыча, которого позвали к малышу в крестные отцы...

...Но все это случится в будущие годы, много позже того дня, когда Коля и Саша собрались в Херсонес и к Девичьей бухте, куда Коля недавно отказался наотрез идти с мальчишками.

Он и Саше сейчас сказал на всякий случай:

— Ну а зачем нам туда, к Девичьей бухте-то? Это разве тоже Херсонес?

— Рядом... Там отыскать можно всякое. Черепок с кентавром я как раз на том берегу нашла... Да ты не бойся, вторник же... — и усмехнулась тихонько.

Коля старательно зашевелил пальцами босых ног.

Саша скользнула глазами по его загоревшим ногам — от побитых коленок, торчавших из-под сморщенных штанов, до пыльных ступней. Будто щекотнула ресницами-крылышками.

— Башмаки завтра надень, а то ноги отобьешь.

— Не отобью! Я привычный!

— Хоть привычный, а дорога не близкая...

ЩИТ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Дорога, однако, была не столь уж дальняя. Херсонесский берег и строящийся на нем собор видны были прямо со склонов Артиллерийской слободки, верстах в двух, за Карантинной бухтой. На ближнем берегу бухты Коля бывал уже не раз. А обойдешь ее — и вот она, древняя земля поселенцев с Эллады.

Вышли незадолго до полудня. Раньше не получалось: тетушка и доктор все никак не уходили в лечебницу, а говорить о своих планах Коле не хотелось. Начнутся опять расспросы, наставления, предостережения, а это могло спугнуть удачу.

Наконец отправились.

Коле, хоть и в башмаках, шагалось легко. Потому что день был хороший. Безоблачный, но без лишнего зноя. От разбитых домов и ракушечных ступеней привычно пахло теплым камнем, а прилетавший с побережья ветерок приносил другие запахи: моря и южных трав (названий которых Коля еще не знал).

От Шестого бастиона по извилистым дорожкам спустились в Карантинную балку. Здесь густо пахло полынью. Она, серовато-зеленая, высокая, росла островками. Такими же островками подымался бурьян — и свежий, и серый, прошлогодний. Но было и много ничем не заросших груд — сухая красноватая глина, щебень, желтые глыбы песчаника. Там и тут, в глине и среди камней можно было разглядеть ядра всяких калибров. Одни, полужарытые, ржавчиной своей сливались с землей. Другие, почти не тронутые коррозией, темнели дерзко и открыто, как выкатившиеся на середину комнаты мячики. С двух сторон их накидали сюда наши и французские батареи.

Коля относился к ядрам без особой боязни, но и без лишней беспечности. Два ядра — для коллекции — лежали у него в комнате под кроватью (подальше от глаз тетушки), а больше и не надо. Таскать их в сумке — одна морока, и туристам эту тяжесть все равно не продашь. И к тому же кто их знает? Подынешь такой «мячик», а у него снизу — запальное отверстие... И Коля старался лишней раз не задевать чугунные шары. Зачем дразнить судьбу? Кто знает, вдруг именно судьба предупредила его давней газетной строчкой: «...ждет один из них — меня».

Да, еще не от всех страхов избавился Николай Лазунов-Вестенбаум. Ох, не от всех...

Но сейчас эти страхи еле шевельнулись и пропали. Была в Коле веселая беззаботность, было ожидание радостных и ничуть не тревожных событий. Летали желтые и коричневые бабочки. Од-

на, лимонного цвета, села на коротенький рукав Сашиного платья. Наверно, приняла серо-зеленый полосатый ситец за траву.

— Это капустаница. Она решила, что ты капуста.

— А вот и нет. Капустницы белые, — серьезно возразила Саша. — Не прыгай так по камням, ногу свихнешь...

Но Коля прыгал — такое было настроение.

Однако веселая прыгучесть не мешала ему привычным взглядом зацеплять на пути трофеи. Он поднял несколько зазубренных чугунных черепков (наверно, две бомбы столкнулись тут в полете). Выковырял из глиняных комков две пуговицы с номерами французских полков и плоский латунный значок с орлом и буквой N — то ли с форменной сумки, то ли с кивера. Бросил в холщовую сумку, что висела на плече.

Саша часто уходила вперед, теряясь в своем «растительном» платьице среди полыни. Потом нетерпеливо оглядывалась:

— Опять застрял из-за этих «гудзиков»? Разве мы затем пошли?

— Иду, иду!..

От Шестого бастиона до оконечности Карантинной бухты по прямой не более версты. Если бы нормальной дорогой, то и говорить не о чем. А по склонам и горкам, по ямам и буеракам, да еще с останковками, — путь, конечно, не такой быстрый. Но за полчаса все равно добрались до синей гладкой воды. Здесь бухта погибалась запятой и была неширокой, шагов сто. У маленького мыса приткнулась к дощатому причалу двухмачтовая шхуна с убранными парусами. Еще одна шхуна втягивалась с моря в бухту: завозили на шлюпке вперед якорь и мотали канат на шпиль. «Кажется, это называется *верпование*», — вспомнил Коля.

На шхунах суетились матросы, а на берегу — ни души. Только стрекот стоял в нагретом воздухе — то ли цикады, то ли обычные кузнечики. Они прыгали среди желтого мелкоцветья, чиркали Колю по ногам сухими крылышками. Травы стало гораздо больше, и дорога сделалась легче. Даже тропинка обозначилась, она змеилась недалеко от берега по плоским заросшим буграм. Солнце теперь светило в затылок, грело спину и плечи сквозь успевший полинять матросский воротник. Впереди, на синеве открытого моря, солнечно желтели несколько зданий. К ним и вела тропинка. К ним и шагала Саша, поторапливая Колю. А он опять присел на корточки.

— Саша, смотри!

Это было растение — ну прямо из тропических стран! Мясистые овальные листики с колючками. Как с картинки в журнале «Земля и море».

— Это кактусы!

— Это «ведьмины пятки», — терпеливо сказала Саша. — Их тут много.

— Ну, пускай «пятки»! Все равно из породы кактусов. Значит, здесь совсем южный край. Да?

— Да уж ясно, не Петербург... — Впервые в разговоре с Колей у Саши появилась нотка превосходства. Впрочем, чуть заметная и только на миг. — Ну, идем... Видишь там самый большой дом, недостроенный? Это здешний Владимирский собор, его сам царь закладывал, когда приезжал сюда.

— Да знаю я... А чего же до сих пор не достроили, если сам царь?..

Саша вздохнула с житейским пониманием:

— Работа большая, а людей и денег мало... А внутри того собора знаешь что?

— Что?

— Стенки от храма, где крестился князь Владимир. Ну, тот, что Ясно Солнышко. От него пошла по Руси православная вера...

— Чего-о?

Коля читал, конечно, что киевский князь Владимир взял когда-то Корсунь (так в ту пору звали Херсонес), а после помирился с византийцами и крестился у них. А потом крестил все свое княжество. Но неужели здесь, в полудне ходьбы от Колиного дома?.. Да, Коля слышал, что собор закладывал сам император, но думал, что это в память об осаде, а про княжье крещение не слышал.

— Не может такого быть, — сказал он уверенно.

— А вот и может! Нам отец Кирилл рассказывал... А иначе зачем бы такой громадный собор строили на этом месте? Недаром называется Владимирский, так же, как в городе...

Собор, даже недостроенный, в самом деле был громаден. Издали не казался очень большим, но сейчас, когда шли к нему, он словно двигался навстречу и вырастал на глазах. Не было еще башни и купола, но светлые треугольные фронтоны с рельефными крестами возносились в синее поднебесье. Темнели ряды оконных арок. Храм казался постройкой античной древности.

Эта громадность и торжественность желтого от солнца строения быстро убедила Колю в правдивости Сашиного рассказа.

— А ты видела остатки того храма? Там, внутри...

— Два раза... Хочешь посмотреть?

— Еще бы! А нас пустят?

— Да там обычно нет никого.

Но на сей раз у храма были люди. Два господина с усиками, в сюртуках иностранного покроя, и две дамы в пестрых платьях, с кружевными зонтиками и лорнетами. Одна молоденькая и симпатичная, другая вроде сухопарой гувернантки, каких Коля немало видел в Петербурге. Он наметанным взглядом сразу определил — туристы. Скорей всего заграничные. В трех шагах от туристов почтительно топтался старый дядька в мятой матросской фуражке — ясное дело, сторож. К нему-то и шагнула Саша, сказала безбоязненно и звонко:

— Дяденька, можно зайти в храм? Мальчик недавно приехал, хочет посмотреть.

Пока «дяденька» соображал и скреб затылок под сдвинутой на лоб бескозыркой, девушка весело спросила по-французски:

— О чем просят эти дети?

— Хотят побывать там, где только что были мы, мадемуазель, — учтиво сообщил один из господ.

«Гувернантка» подняла лорнет.

— О! Я вижу, юные аборигены здесь не лишены стихийного религиозного чувства...

«Ах ты, карга парижская!..»

Тщательно следя за выговором, Коля учтиво произнес:

— Мадам! Стихийность религиозных чувств свойственна дикарям с островов, открытых капитанами ла Перузом и де Бугенвилем. А здесь Россия, мадам.

— О! — пожилая дама уронила лорнет. Два господина столкнулись твердыми соломенными шляпами, поднимая его. Девушка обрадованно засмеялась:

— Какой очаровательный гамен!

— Вы так находите, мадемуазель? — язвительно сказал Коля.

— Не обижайтесь, пожалуйста! Гамен — это...

— Не трудитесь, мадемуазель. Роман месье Юго «Les misérables» известен не только на берегах Сены.

Последовала немая сцена вроде той, которой заключил свою знаменитую комедию любимый Колей писатель Гоголь. С удовольствием отметив это, Коля обернулся к сторожу:

— А правда можно побывать внутри?

— Пожалуйте... паныч... — Да, мальчишка был помятый и взлохмаченный, однако же явно не из простых. Вон как отбрил непонятными словами французику.

В окруженном высоченными стенами пространстве стоял странный, сказочный свет. Потолка еще не было, его заменяло высокое густо-синее небо, в котором висело лишь одно полу-

прозрачное облако. Время от времени высоту косо рассекали чайки. С южной стороны били в оконные арки широкие лучи. Их ярко-желтый свет растворялся в синеве воздуха, придавая ему зеленоватый таинственный оттенок.

Между стенами слышался тихий гул и шелест. Это было эхо легкого прибоа, что шуршал галечником внизу под обрывами. Коля мигом забыл о французах. Душа у него притихла. Саша взяла его за руку очень теплыми пальцами и повела на середину.

— Вот...

Серые бугристые стенки — высотой по пояс — очерчивали контур древнего византийского храма — совсем небольшого по сравнению с нынешним. Кое-где были заметны цоколи колонн. В дальнем краю стенки выгнулись дугой, отмечая алтарное закругление. А в центре площадки были косо навалены известняковые плиты. Видимо, для строительства.

— Говорят, там под ними купель, — шепнула Саша. И перекрестилась. Коля тоже перекрестился. Показалось на миг, что у дальних стен возникли в зеленоватом воздухе древние священники в золоченых одеждах и усатые воины в кольчугах, со снятыми острыми шлемами в руках... Он зажмурился, постоял так и коснулся ладонью верха каменной стенки. Камень был сухим и прохладным. А воздух все шелестел и шелестел отзвуками моря.

Саша опять взяла его за руку.

— Идем?

Теперь они пошли не к большому входу, а к узкому проему в боковой стене. Здесь был высокий, по колено, порог. В Коле вновь проснулся прежний петербургский мальчик (тот, что вспомнился недавно при разговоре с французами). Он вспрыгнул и отработанным жестом протянул руку Саше. И она — ну, в точности как Оленька! — легко и ловко приняла его помощь. Наверно, в каждой девочке, независимо от звания-воспитания, прячется принцесса.

Они спрыгнули в колючую траву, глянули друг на друга и рассмеялись.

— Ты о чем это так ловко говорил с теми приезжими?

— А... больно много о себе думают. Будто их Франция пуп Земли, а мы дикари. Ну, я им напомнил одну книжку, чтобы носы не задирали...

— Какую книжку?

— «Всеми гонимые»... Да я же тебе рассказывал о ней. Про Козетту... А еще там есть Гаврош, мальчишка такой. Он во время

боя, под выстрелами, собирал пули для ружей. Ну, как здешние ребята во время осады...

— Значит, он против наших воевал?

— Нет, это еще раньше было... А та девица вдруг сказала, что я похож на него.

Саша скользнула по нему глазами:

— Такой же смелый?

— Нет, наверно, такой же... языкастый... — И засмеялся опять.

А Саша спросила без улыбки:

— А он уцелел там, под пулями?

Коля вдруг ясно ощутил ее тревогу. И хотел сперва соврать: да, уцелел. Или можно было сказать: «Не знаю, не дочитал». Он ведь и правда читал роман лишь урывками. Трудно все же одолеть такой пухлый том по-французски. Татьяна Фаддеевна написала эту книгу через симферопольский магазин, у которого были связи с Францией, и сказала, что русского перевода еще, видимо, нет. То, что Коля не прочитал, она пересказывала ему по вечерам, полагая, что столь увлекательная и нравоучительная книга будет весьма полезна для мальчика. И могло случиться, что Коля и вправду не знал бы еще судьбы Гавроша. Но сейчас врать было невозможно. После того, как только что побывал в святом месте...

— Нет, он погиб...

Коля заметил, как Саша украдкой сцепила пальцы замочком: от дурной приметы.

— Тогда не надо.

— Что не надо? — неловко сказал он.

— Чтобы ты был похож...

У Коли почему-то — мурашки по спине. Он бодро тряхнул головой:

— Ну а теперь куда?

Обогнули храм по теневой стороне. Открылось еще одно здание. Красивое такое, с наружной лестницей, сводчатыми окнами, с крестом над крышей.

— А там что? Церковь?

— Нет, там настоятель монастыря живет и монахи. А церковь вон... — Саша вытянула руку к невысокому зеленому куполу с золоченым крестом. — Это храм Семи Священномучеников, его тоже недавно построили...

— Ты в нем была?

Саша виновато вздохнула:

— Ни разу. Один раз подошла, но он оказался закрыт до черной службы, а ждать не было времени... Коля...

— Что?

— Я... Тут еще одна церковь есть. В нее я всегда захожу. Она... будто моя... Хочешь, зайдём?

Он удивился ее голосу — и смущенному, и с непонятной тайной. Торопливо кивнул. И опять она взяла его запястье тонкими теплыми пальцами.

Снова пошли мимо недостроенного храма. Теперь уже не было видно ни французов, ни сторожа. Полная пустота и солнечная тишина, которой не мешали ни шорох моря, ни трескотня кузнечиков. Мимо штабелей из брусьев инкерманского камня, мимо груд из бревен и досок, а потом через гущу жесткой и высокой сурепки вышли на берег Карантинной бухты. Шхуна, что недавно верповалась с моря, уже стояла теперь у ближнего причала. А за бухтой увидел Коля холм, белые заборы и крыши Артиллерийской слободки. Совсем недалеко. Казалось, будь тут мост, добежать можно в несколько минут. Свой дом Коля не разглядел за соседними крышами, но Сашин и Маркелыча — вот они... Саша, однако, тянула его вдоль берега, направо.

Здесь в зарослях дрока стояли развалины. Можно было угадать, что это церковь, только снесенная снарядами наполовину. Остался нижний этаж, его верхние кромки поросли полынью.

— Это церковь Святой Ольги, — шепотом сказала Саша. — Ее освятили за год до войны. Потом пришли французы, засели в ней и стали обстреливать нашу сторону из ружей. У них ружья шибко далеко бьющие...

— Штуцера...

— Ну да... Тогда наши с Шестого бастиона да с редута «Ростислава» по ним из орудий...

— По церкви-то...

— Когда война, разве глядят, где церковь, где что... Всю как есть поразбивали, теперь уж, наверно, заново не построят...

— Это и есть *твоя* церковь? — тем же, что у Саши, шепотом спросил Коля.

— Да... Пойдем в нее?

— Пойдем...

Вход сплошь зарос цветущим дроком. Саша и Коля пролезли вдоль стены, между каменным косяком и колючими мелколистными плетями (они цеплялись за воротник). Из дверного проема дохнуло каменной прохладой и влагой. Внутри было по-

лутемно, хотя сквозь заросшие окна и пробойны пробивались тонкие лучи.

Потолок первого этажа сохранился, только змеились по нему густо-черные трещины. Стены казались закопченными. У них всюду были навалены земля и камни. Местами — до половины высоты.

Коля постоял — глаза привыкали к сумраку. Саша ждала рядом. Потом тепло шепнула ему в ухо:

— Нам надо туда, — и потянула за руку.

По земляной груде с битыми кирпичами они поднялись к глубокой полукруглой нише. Она была похожа на заделанное окно. Из окошек напротив падал сквозь листву зеленоватый свет. Он мягко вымывал из сумрака роспись на побитой штукатурке. Видна была голова Богородицы в темном платке, очерченном тонким нимбом. Большие глаза ее были печальными и тревожными. А еще различим был Младенец. Он прижался к плечу Матери, поднял голову и смотрел ей в лицо. Выражение глаз было таким же, как у Богородицы. Так по крайней мере виделось Коле в этом зеленоватом таинственном полусвете. Маленькая ладонь мальчика лежала у мамы на плече. На нее падал тонкий луч, и она светилась, словно крыло светлой бабочки...

— Это я нашла в прошлом году еще, — тихонько сказала Саша. — И расчистила...

— И с той поры приходишь сюда? — понятно шепнул Коля.

— Да... В уцелевшие-то церкви много людей ходят, а сюда никто... Мне кажется, им тут грустно совсем без людей... — Она вытянула руку, пальцами осторожно провела по верхнему краю росписи, над чуть заметными нимбами Иисуса и Марии. — Вот я и прихожу. И свечку им ставлю...

В самом деле, на нижнем уступе ниши лежал крошечный восковой огарок.

— Если хочешь, тоже поставь... — чуть слышно предложила Саша.

— У меня же нету...

— Я взяла...

У Саши была такая же, как у Коли, холщовая сумка. В ней лежала половинка круглого хлеба и заткнутая тугой бумажной пробкой бутылка с квасом. (Коля несколько раз рыцарски предлагал: «Давай понесу», но Саша говорила: «Вот еще. Мне вовсе не тяжело».) Теперь Саша достала из сумки две похожие на желтые карандаши свечки и красную бумажную коробочку. Коля знал, что на ней написано:

Сърныя спички фабрики Д.І.Паркеръ

— Хочешь, зажги...

Коля хотел. Он любил зажигать спички. Умело цапанул голвкой о картонку-чиркалку. От головки отлетела горящая крошка, клонула его в рубашку, но, к счастью, не прожгла. Палочка загорелась едким шипучим огоньком.

— Давай... — Коля оплавил нижние концы свечек, укрепил их на каменном выступе. Близко друг от друга (ведь он и Саша тоже были рядышком). Придвинул горящую спичку (уже вторую) к одному фитильку, к другому. С тихим треском зажглись два ярких язычка. От их дрожащего света лица на фреске словно ожили, в глазах блеснули искорки.

Саша быстро встала на колени. Коля постоял, потом, спохватившись, опустился рядом — коленями в земляные и кирпичные крошки. Что-то острое попало под левую коленку, но он не шевельнулся. Саша неразборчиво шептала рядом. Коля не помнил ни одной подходящей молитвы. Он перекрестился и, глядя на два строгих освещенных лица, мысленно спросил:

«А почему вы позволили расстрелять эту церковь?»

Потом виновато опустил глаза. Разве он имеет право задавать *Им* такие вопросы?... А может быть, *Они* специально сделали это, чтобы он и Саша оказались здесь вдвоем? Чтобы наступила вот эта минута, немножко похожая... да, чуть-чуть похожая на венчание... Или как это называется — «обручение»?.. От такой грешной мысли у Коли полыхнули уши. Он покосился на Сашу: не догадалась ли?

Она легко встала.

— Идем, Коля. А свечки пусть горят...

Снова обнял их солнечный воздух с запахом южных трав и моря. Теплый ветерок приподнял Колин воротник, мотнул Сашино платье с частыми оборками ниже колен, сбросил с ее головы на плечи белую косынку.

Сквозь всякие чертополохи Коля и Саша прошли шагов двести и оказались у остатков серой крепостной стены. Они торчали из земли обглоданными зубцами, словно хребет притаившегося под землей исполинского дракона. Кое-где камни густо опутывало желтое мелкоцветье дрока. Местами к камням прижималась высокая полынь. Среди травы цвел синий цикорий... Здесь Коля сделал первую находку. Башмак его зацепился за какую-то скобку. Оказалось — полукруглая ручка глиняной амфо-

ры с остатком горлышка и круглого бока. Под ободком горлышка были заметны зубчики выдавленного узора.

— Ой, да такого добра здесь сколько хочешь, — махнула рукой Саша. Но Коля как представил, что эту ручку тысячу лет назад держали в ладонях древние жители Херсонеса (может быть, такие же мальчишки и девочки, как он и Саша), — сразу озноб между лопаток. Он сунул остаток амфоры в сумку.

— Пойдем к морю, — предложила Саша. — Там у берега волной намывает много всего.

Пошли вдоль стены — без тропинки, через всякие заросли. Саше-то ладно, она в чулках, а на Колиных икрах колючки представляли белые цапаины, а иногда и крошечные красные бусинки. Но он ни разу даже не пикнул. И в награду за терпение судьба наградила его новыми трофеями. Там, где стена была совсем низкой, на уровне локтя, Коля заметил на ее гребне, среди каменной крошки, два черных кружка. Размером с мундирный «гудзик». Не веря еще в такое счастье, он ухватил их, повертел перед глазами, потер помусоленными пальцами, почистил о штаны и рубаху (что, конечно, не прибавило его костюму чистоты).

— Саша, это же монетки.

— Ой, правда... У меня таких еще нету...

На черной меди проступали прямоносые греческие профили в шлемах с гребешками. Это с одной стороны. А с другой... На одной монетке, приглядевшись, можно было рассмотреть остроносый корабль с мелкой щеточкой весел и квадратным лоскутом паруса. На другой — какой-то запутанный клубок..

— Ох, Сашка... Это, кажется, змеи сплелись. Наверно, священные...

Саша часто задышала у Колиной щеки.

— Правда змеи... Ой, страх, как они сцепились...

— Опять «ой, страх»? Щелкну!

— Я нечаянно... А кораблик тоже красивый.

— Тебе что больше нравится? Кораблик или змеи?

— Не знаю...

— Тогда выбирай! — Коля подержал руки за спиной и протянул сжатые кулаки.

— Зачем? Обе денежки твои...

— Ты мне еще поспорь. Выбирай живо...

— Тогда вот... — Она мизинцем коснулась его костяшки на кулаке.

Саше достался кораблик. Она благодарно засопела, стиснула монетку в пальцах...

Потом они спустились к морю, под обрыв — узкой ломаной тропинкой среди желтых пластов известняка.

Обломки такого же камня валялись у воды. Источенные прибоем, в круглых впадинах и дырах, они похожи были на черепа морских чудовищ. Легкие волны с шорохом обтекали эти камни. Разбегались по крупной гальке и откатывались. После них оставались полосы шипучей пены с искрами в каждом пузырьке. Резко пахло водорослями. Их бурые груды были навалены среди камней. Над ними густо скакала какая-то мелкая живность, похожая на стеклянную крупу.

Саша села в тени обрыва. Достала из сумки квас и краюху, отломив кусок.

— Хочешь?

Коле не хотелось есть. Он проглотил из бутылки теплого кваса, постоял над Сашей, которая аккуратно жевала корочку. Они встретились глазами. Коля вспомнил, как только что они стояли в разрушенной церкви на коленях, рядышком. Как потрескивали свечки. Почему-то очень застенялся, сбросил башмаки и, прихрамывая на каменных окатышах, пошел к воде. Волна залила щиколотки. Коля по очереди дрыгнул ногами и зашел поглубже. Соль защипала царапины, но не сильно, даже успокаивающе. Прохлада смыла усталость. Коля, расталкивая ногами воду, пошел вдоль берега. Новая волна приподнялась упругим пластом, замочила кромки штанов. Коля засмеялся, выбрался на гальку и пошел вдоль полос угасающей пены.

Здесь он увидел и отправил в сумку сразу множество интересных вещей. Громадную крабью клешню, несколько обточенных прибоем разноцветных камешков, пару черно-коричневых осколков херсонесской посуды с узором из квадратных завитков, ржавую шляпочную уключину, почерневшую пуговицу с арабской вязью и большую деревянную пробку (наверняка от морского бочонка).

Он так увлекся, что на минуту забыл про Сашу. Она догнала его:

— Коля, смотри!

Он оглянулся. Саша безбоязненно держала за спину крупного краба. Протягивала Коле — прямо к лицу! Краб сердито шевелил клешнями. Коля взвизгнул и отскочил. Саша засмеялась:

— Ага, испугался!

— Я... не испугался вовсе. Просто от неожиданности. Суешь под нос...

Смех у нее мигом угас.

— Ты обиделся?

— Да ничутьки... Ну-ка дай. Как его держать, чтобы не цапнул? — Это потребовало от Коли немалой храбрости: взять в пальцы такого зверя. Но он взял, хотя сердце колотилось. Краб задергался сильнее. Это живое шевеление передалось Колиной руке, и он ощутил в нем досаду и страх.

— Давай отпустим. Зачем мучить...

— Я и сама хотела! Только решила сперва показать.

Посаженный на плоский камень краб заторопился и боком убежал в воду. Рядом с ним проскочили узкие рыбешки и колыхнулась похожая на большущую пуговицу медуза...

Коля обулся, и они с Сашей пошли рядом. Скоро обрывы сделались ниже, превратились в нагромождения желтых глыб. Среди них заметна была каменная кладка — арки и участки стен. Меж камней и у воды лежали несколько серовато-белых колонн. Они похожи были на великанские свечи или, пожалуй, на прямые березовые стволы, только без черных рубцов. Отдельно от колонн валялись их верхушки — капители — с причудливыми завитками из мраморных листьев.

Это вам не осколки посуды, это была настоящая монументальная древность! И Коля всей душой пожалел, что не может утащить домой хотя бы одну колонну. Поставить бы у калитки, увенчать капителью — и ты будто в Элладе времен Одиссея и Язона... Оставалось подобрать кусок мрамора, отколовшийся от каменного листа на капители. Кусок этот изрядно утяжелил сумку.

По камням сновали серые ящерки с мелким узором на спинках. Взбегали по вертикальным выступам, словно их трехпалые лапки были смазаны клеем. Коля немало минут потратил, охотясь за ними, — хотел накрыть ладонью. Ни разу не удалось. Чего боялись, глупые! Он бы только подержал их чуть-чуть, поразглядывал и выпустил...

Пробравшись через глыбы, прошли по песку вдоль небольшой полукруглой бухты и опять отделились от моря. Здесь по заросшим всхолмлениям снова потянулись остатки крепостной стены — такие же, как неподалеку от собора. В одном месте, среди польни, различим был фундамент круглой башни.

Пошли вдоль стены, раздвигая коленями и животами польнь, — искали, где каменная кладка пониже, чтобы перебраться на ту сторону. Саша сказала, что в этих местах были главные городские ворота. Отец Кирилл рассказывал.

— Те самые ворота, к которым вещий Олег свой щит приколотил? — ахнул Коля.

Ему вмиг представилось, как Олег, стоя на седле верного белого коня, вгоняет обухом боевого топора гвозди в прижатый к воротам щит. Створки ворот сбиты из громадных дубовых плах с железными скобами. Щит — обтянутый красной кожей, окованный по краям и украшенный позолоченными шляпками. Посередке — золотистая узорчатая бляха. Сверху щит округлый, а внизу заостренный. Князь вбивает громадные гвозди в верхний край, а снизу щит подпирают копытами усатые дружинники. Голова у Олега запрокинута, шишकाстый шлем сорвался в траву, русые волосы разметались по плечам. Коня пугают гулкие удары, он перебирает тонкими ногами. Наверно, это тот самый конь, из черепа которого потом выползла «гробовая змея»...

Конечно, потом жители Цареграда-Херсонеса оторвали Олега щит и забросили в чертополох...

— Ох, Сашка, а вдруг он и сейчас где-то здесь валяется?

— Кто? Вещий Олег?

— Да при чем тут Олег! Я про щит!

— Ну ты и выдумщик! Его бы тыщу раз нашли!

— Не все сразу находят. Может, завалился в камни, зарос травой...

Саша опять что-то сказала, но Коля уже не слушал... Конечно, щит уже не тот, красная кожа почернела и превратилась в лохмотья, золоченые бляшки потускнели, железная оковка в бурой ржавчине. Но все равно это *он*... Коля совершенно отчетливо представил, как из щели между глыбами ракушечника торчит среди стеблей сухого бурьяна ржавый закругленный край. Это совсем рядом, надо только перебраться через стену!

Уверенность была такая, что он не медлил ни мига. Подскокил, ухватился за верхний край и, царапая колени о серые пористые камни, забрался на гребень. Лег животом, подышал две секунды. Перевалился вниз и оттолкнулся...

ХОЗЯИН КАМЕННОЙ КЕЛЬИ

Казалось, он прыгнул удачно — на желтый плоский камень. Как раз на такой, чтобы встать на него обоими башмаками. Но... время будто завязло в своем беге. Потому что Коля увидел на камне гусеницу.

Изворачиваясь и раскидывая (медленно-медленно) руки для плавного опускания, Коля успел разглядеть гусеницу до самых

мелочей. Она была длиной с его мизинец и шетинистая, как ершик для чистки ламповых стекол. Полосатая, красновато-коричневая. На кончике каждого волоска горела крохотная солнечная искра. На головке шоколадного цвета двумя маковыми зернышками чернели глазки...

«Пушистик...»

Сейчас левая подошва впечатает пушистика в известняк...

Коля отчаянно поджал ногу. Тело его, лишенное с одного бока опоры, ушло в сторону. Лицо зарылось в пахучую полынь, локоть попал на щебенку. Каменные зубы сквозь рукав вгрызлись в кожу. Ох и боль...

Коля приподнялся, сквозь мокрые ресницы, сквозь стебли увидел, как подбегает Саша. Она совсем неподалеку нашла в стене пролом. Коля встал на колени. Потом поднялся совсем. Прятать слезы было бесполезно, они текли по щекам.

— Ну-ка покажи... — ловко и осторожно принялась она подвертывать рукав. На сгибе он был изодран и набух красным. Вывернув локоть и вытянув шею, Коля посмотрел на рану. «Ух ты как...»

— И зачем полез, — упрекнула Саша. — Тут дыра недалеко, можно и не прыгать. У всех мальчишек одно скаканье на уме...

— Я нормально скакнул. Это из-за нее... — Он подбородком (с которого сорвалась капля) показал на камень. Там, сгибаемая пушистую спинку, все еще двигалась гусеница.

— Ой, страх...

— Сама ты страх. Она красивая...

— Я их боюсь до ужаса. Таких... щекотательных.

Коля улыбнулся сквозь слезы. Правым рукавом вытер щеки и глаза. Режущая боль в локте слегка ослабела, обдугая прилетевшим с моря ветерком.

Саша размотала с шеи косынку.

— Дай-ка завяжу.

— Вот еще! Портить платок! И так засохнет...

— А если зараза попадет! Во время осады знаешь сколько народу померло из-за этого в Гушином доме!

— В каком еще доме?

— В лазарете. Мне соседка наша, тетка Федосья, рассказывала, она там за ранеными ходила. Привезут солдатика или офицера с пораненной рукой, и сперва рана вроде не очень опасная, а потом рука начинает распухать, чернеет вся, как головешка. Ее отрежут, а уже поздно, чернота на тело полезла. И пиши пропало... Гангрена называется.

«Сама ты гангрена! — чуть не взвыл Коля. Страх ожег сильнее боли. — Наворожишь еще!» Но только сказал сквозь зубы:

— Ладно, вяжи... Только промыть бы сначала...

— Тогда бежим к морю!

И побежали было, да тут голос за спиной:

— Что, ребятки, беда приключилась?

Незаметно оказался рядом человек в длинном темно-сером подряснике, в черной скуфейке, из-под которой торчали пегие пряди. Высокий, сутулый, с редкой бородкой и очками на утином носу. Не поймешь — старый или не очень. Голос хрипловатый и ласковый.

Длинными пальцами незнакомец аккуратно взял Колину руку ниже локтя, нагнулся, чуть не уронив очки, кашлянул:

— Изрядно... Однако же не смертельно. Пойдемте ко мне, чада, моя келья неподалеку. Там и займемся врачеванием.

Он пошел, шурша подрясником по листьям, головкам и колочкам высокого разнотравья. Коля — следом, Саша — позади всех. Раза два незнакомец оглянулся на Колю с улыбкой: не бойся, мол. Он слегка похож был на Бориса Петровича — и взглядом своим сквозь очки, и тем, что при каждом шаге так же птичьим дергал вперед головой. Под грубым подрясником двигались острые лопатки. Коля опять, уже насухо, рукавом вытер щеки.

Келья оказалась каменным сарайчиком, сложенным частью из брусев ракушечника, а частью... из обломков колонн, капителей и мраморных кусков со следами орнамента. Две небольшие колонны стояли по краям двери, сверху на них лежал карниз какого-то древнего херсонесского дома.

Дошатая дверь со скрежетом уехала внутрь от толчка ладонью.

Внутри оказалось светло — солнце падало сквозь широкое застекленное окно с частым церковным переплетом. А утварь убогая — топчан под суконным одеялом, некрашенный стол, такие же табуреты и косоватые, но крепкие полки вдоль стен. На полках вперемешку книги, терракотовая посуда, бутылки разной формы и величины...

Совсем неяркая при солнце, горела перед большим образом Спасителя лампада.

Хозяин кельи закашлялся, подержал ладонь у груди, словно загоня кашель внутрь. Глянул чуть виновато.

— Как вас звать-то, птички Божьи?

Они сказали свои имена разом и сбивчиво, но хозяин разобрал.

— Ты, Николай-свет, садись к столу да руку клади на него. А ты, Сашенька, дай-ка с полки вон тот зеленый пузырек...

В глиняной плошке хозяин принес воду, куском очень белого холста промыл Колин локоть, потом откупорил флакон.

— Не бойся, больно не будет.

Коля и не боялся. Слегка пощипало, зато прежняя боль растворилась во влажном холодке. Пока этот неожиданный спаситель бинтовал руку прохладной холщовой лентой, Коля смотрел по сторонам. Он разглядел, что посуда на полках — не обычные кринки и корчаги, а скорее всего древние горшки, амфоры и кувшины. Некоторые были склеены из черепков. Кое-где черепков не хватало — чернели дыры. А в дальнем углу стояли амфоры побольше. Одна — совсем громадная, с Колю ростом. Сбоку от нее белела мраморная голова какого-то древнего мужа с отбитым носом и печальным взглядом. У другой стены светилась расколота каменная плита со строками вырезанных греческих букв...

— Ну вот и готово, — хозяин кельи похлопал Колю по руке. Покашлял опять. — До свадьбы заживет.

«При чем тут свадьба!» — Коля мельком глянул на присевшую у окна Сашу и ощутил, как опять затеплели щеки.

— Спасибо... святой отец.

Это «святой отец» прозвучало как-то слишком по-книжному, но как еще обратиться, Коля не знал. Посопел и спросил:

— Простите... а как вас зовут?

— В монастыре называют брат Андрей. А вы, если хотите, можете звать отцом Андреем. Не для чина, а поскольку я вправду вам в батюшки гожусь, а то и в деды.

— Спасибо, отец Андрей... А скажите, вот это все вокруг... это вы сами собрали?

— Кое-что сам. А иные вещи принесли разные люди. К нам ведь нередко приезжают археологи, те, что древности раскапывают. Из Петербурга, из Москвы, из Киева... А я определен настоятелем нашим к ним в помощники да в сторожа. Такое у меня послушание... А я и рад. Старину я люблю, и жизнь у меня тут спокойная, помогает размышлениям... Говорят, в скором времени устроят здесь выставку откопанных редкостей, тогда это все, что видите, там, я думаю, пригодится... — Он опять покашлял, вытер губы холстинкой. — Ну а вы, дети мои, чем тут заняты? Просто так гуляете или с каким интересом?

И тогда Коля сказал... сказал то, что зрело в нем незаметно, будто давно уже, а сейчас вдруг сложилось в несколько слов:

— Отец Андрей, можно я вам исповедуюсь?

Тот быстро нагнулся над Колей, дернул себя за бородку.

— Но ведь... оно не по закону. Я не священник, а простой монах. Исповедоваться надо батюшке, в храме, в своем приходе. А потом — причастие...

— Ну да, я знаю... Но я читал, что иногда могут исповедовать и монахи. Например, на поле боя, или на корабле, или... ну, если какие-то необычные условия...

Отец Андрей нагнулся еще ниже.

— А сейчас что же? Они такие... *необычные*?

Коля уткнулся глазами в стол. Как про это сказать? Как объяснить, что именно сегодня, на этой древней земле, среди святых развалин, солнца, запаха вечной полыни и вечного моря вдруг захотелось ясности и чистоты? Чтобы никакие тяжести не томили душу, никакие самые мелкие занозы ее не царапали... Ох, да что это? Стыд какой... С ресницы опять упала капля, расплылась на желтой доске темной звездочкой. Коля лбом лег на забинтованный локоть.

Отец Андрей быстро придвинул табурет, сел рядом.

— Э, да ты что распечалился, отрок?... Сашенька, душа моя, окажи мне подмогу. У меня все венки кончились, погуляй поблизости, нарви сухой полыни, она для подметания пригодней всего... А мы с Колей пока побеседуем.

Коля услышал, как Саша ответила что-то послушно и неразборчиво, скрипнула дверь. Мягкая ладонь коснулась Колиного затылка.

— Ну, голубчик... что с тобой такое? Что-то тяжелое на сердце?

Коля поднял лицо.

— Да... святой отец. Прежде всего страх... Он уже прошлый, но все равно...

И он стал рассказывать про страх тоски и одиночества, который не дал ему остаться в корпусе. Думал, это будет долго, а вся история уложилась в две минуты, в десяток сбивчивых фраз.

Пальцы отца Андрея легли ему на плечо.

— Не терзайся. Возможно, это и не страх был, а веление судьбы. Она тебе предписала иную дорогу...

— Но ведь я хотел быть моряком!

— В моряки идут не только через военный корпус. Может быть, не случайно ты оказался в этих краях... В любом случае

грех твой невелик, тем боле что ты сожалеешь о нем. А Господь милостив...

— И еще был страх... Перед ночными развалинами. Но я его преодолел. То есть мне помогла одна девочка...

— Уж не Сашенька ли?

— Нет, другая, незнакомая. Когда я пошел среди ночи, чтобы победить себя, она встретила в разбитом доме и сказала: «Ты больше не будешь бояться»...

— Добрая девочка.

— Очень... А еще я...

Ох как трудно было говорить про медицинский атлас (хорошо, что Саша еще не вернулась). Но рассказал и это. И про записку в конце.

Кажется, отец Андрей улыбнулся. Потом покашлял.

— Похожее со многими мальчишками случается. Главное — помни, что прочитал в конце.

— Я помню.

— Вот и хорошо. А Господь простит.

— А еще... У меня есть друг. Он тоже любит... ну, тайны всякие и старину... Надо было бы вместе с ним сюда пойти, а я... Мне хотелось только с Сашей...

— Ну, это дело объяснимое... Будет время, сходишь и с другом. Дней у вас впереди не считано...

— Все равно... получилось, будто обманул его.

— А ты скажи ему про это, признайся. Как-нибудь при случае. Вот и снимешь вину. Если друг, он обиды держать не станет...

«А ведь правда!»

— А еще... сделал я палочки барабанные. На станке в школе. И продал приежжик будто настоящие, военные. Сказал, что отыскал на бастионах...

Отец Андрей усмехнулся:

— И много ли с того торгу нажил?

— Рубль... Да я не ради рубля. Скорее ради интереса...

Отец Андрей вздохнул. И сказал, что Господь простит мальчику и этот грех.

Про Женю Коля говорить не стал. Почему-то ему казалось, что для Жени случай с палочками не был прегрешением.

— А еще...

И вдруг понял: вроде бы настоящих грехов больше и нет. Ну, Тё-Таню порой не слушал, убегал без спросу из дома. Ну, стянул однажды из шкафа леденцы для Савушки (потом, кстати, почти

что признался — сказал, что сгрыз сам, не утерпел). Уроки порой не делал, а тетушке говорил, что выучил... Вспоминать такие мелочи здесь были как-то не к месту... Пистолет у Фрола выма- нил почти что обманом, да вернул же...

Но нет же! Оставалось еще одно, и немалое. И смолчать про такое было никак нельзя.

— А если не дела, а мысли... Они тоже бывают грехом?

— Смотря какие...

— Я сегодня подумал... Я и раньше про это думал, а сегодня особенно... в развалинах церкви Святой Ольги... Вы сказали, что Господь милостив, да?

— А разве не так?

— Я знаю, что так. Но он еще и всемогущ, да?

— На то он и Господь Бог.

— А тогда почему...

— Что, мальчик? — тихо сказал отец Андрей.

— Почему он позволил, чтобы расстреляли церковь? И чтобы вообще стреляли... Чтобы войны всякие и несчастья... Вы скаже- те: в наказание за грехи. А разве у всех грехи? Под бомбами гиб- нут и невиноватые. Даже младенцы...

— Вот оно что... — непонятно вздохнул монах.

Коля вопросительно поднял мокрые глаза. Отец Андрей с печалью смотрел сквозь стеклышки маленькими бледно-серыми глазами.

— Значит, и к тебе пришло сомнение...

— Сомнение тоже грех? — спросил Коля чуть ли не с вызо- вом.

— Сомнение, наверно, не грех... если не ведет к дурным де- лам. Ни один человек не проживет без сомнений... Когда-ни- будь у каждого появляются такие вопросы, как у тебя.

Коля ощутил непонятную виноватость. Опять опустил глаза. Шепнул:

— А ответа нет?

— Полный ответ знает только Создатель... Он сотворил мир громадный и непростой. И сотворил законы, по которым надоб- но жить в этом мире. А люди творят свои законы, не всегда со- гласные с Божьими... Ну что ж... Господь после греха Адама и Евы позволил людям жить, как они сами разумеют, и добывать истину своими силами, в спорах и ошибках. Это на Земле. А уж на небе каждому воздается по делам его...

— Это правда? — прежним шепотом сказал Коля.

— Это правда. Если в такое не верить, как тогда жить?.. На-

верно, Господу в его царстве нужны души, которые сами укреп- пили себя среди земных тягот и страданий... И невинные стра- дальцы там получают самую большую радость.

— Значит, все на Земле идет, как люди задумали, а Бог ни при чем?

— Бог отзывается на многие просьбы, которые от чистого сердца... Но только посуди сам, как можно выполнить их все? При осаде и наши, и союзники равно молились о победе... Но победу решают не молитвы, а людские усилия. Господь же с одинаковой болью смотрел на страдания тех и других. И на их безумие...

— Значит, все, кто воевал, не попадут... на небо?

— Отчего же не попадут? Они долг свой выполняли. Ежели от опасности не бежали, не предавали, не зверствовали, друзей защищали, Господь их примет... А вот с тех, кто столкнул тыся- чи людей на бранном поле, кто заставил их нарушить заповедь «Не убий», спросит сполна.

— Значит... и с государя? — испуганно выдохнул Коля.

Отец Андрей коротко посмеялся.

— Перед Господом все едины — и великий государь, и самый маленький барабанщик...

Это он случайно сказал или что-то знал?

— Вы, наверно, слышали историю про барабанщика?

— Что за история, Коленька? Не помню...

— Ну, мальчик-барабанщик французский. Будто убили его, а он все ходит по развалинам, ищет свой барабан. И пока не най- дет, душа его не успокоится...

— Да это же сказка, их немало после осады... А если веришь в нее, помолись, чтобы нашел он свой барабан поскорее...

«Он уже нашел... И наверно, он уже на небе. А если нет... Господи, возьми этого барабанщика к себе», — быстро прошеп- тал Коля. Мысленно прошептал. И вдруг ощутил, что на душе у него ясно и спокойно. Даже улыбнулся.

Улыбнулся и отец Андрей.

— Вот и поговорили... У тебя, Коля, сердце доброе, по добру и старайся жить, а Господь тебя не оставит... И Сашеньку...

Оказалось, Саша вернулась и сидит у порога на корточках. Рядом со снопом сухой полыни. Услыхала про себя и подошла.

Отец Андрей встал. Коля тоже встал. Отец Андрей легко по- ложил ему на растрепанную голову ладонь, подержал немного. А когда опускал, Коля неожиданно для себя перехватил его за-

пятье (показалось — невесомое) и быстро ткнулся губами в сухую кожу над пальцами.

— Ну-ну... — неловко сказал отец Андрей и опять прошелся пальцами по его волосам. Саша тоже приложила губами к руке монаха — неспешно, как в церкви у батюшки. Отец Андрей и ее погладил по голове.

— Пташки вы мои... залетели мне на радость. И угостить-то вас нечем. Разве что молочком холодным? У меня тут две козы обитают в окрестностях, я за ними сам смотрю, сам дою...

Он, покашляв опять и отдышавшись, отодвинул в стене у пола каменную плитку, достал из открывшейся дыры глиняный горшок, а с полки такие же красно-коричневые толстостенные кружки.

— Только вот хлебушка у меня нет, не сходил за ним нынче в трапезную...

— У нас есть! — обрадовалась Саша.

Разломил ковригу на три части. Стали пить прохладное, пахнущее сладкими травами молоко. Из-за большущей кружки Коля вновь поглядывал по сторонам. И вдруг 'столкнулся со взглядом безносого мраморного грека. Взгляд теперь был почему-то укоризненным. И Коля понял — почему.

Наверно, это был пустяк. Едва ли стоило говорить о такой мелочи. Но... нет, пусть даже самая мелкая мелочь не царапает душу.

— Отец Андрей... А вот все, что здесь есть... и у вас, и еще в земле зарытое... Оно, значит, ваше?

— Да почему же мое? Божье.

— Ну, раз это археологи ищут для науки, а вы у них сторож, значит, все находки надо отдавать вам?

Видно, отец Андрей сразу понял, о чем речь. Опять посмеялся сквозь кашель.

— Вы про черепки, про монетки да бусинки? Этого добра здесь хватит на всех, на сто лет вперед. Другое дело, если мраморную фигуру откапаете, или какую-то плиту с письменами, или целую посудину. Особенно ежели такую, как вон та... — Он кивнул на громадную амфору в углу.

— Или щит вешего Олега, — невинным голосом подсказала Саша.

Ох, Сашка! Смирная-смирная, а порой будто шило в языке.

— А щит-то здесь откуда? — удивился отец Андрей.

— С ворот. Вот он, — Саша стрельнула в Колю глазом из-за

кружки, — говорит, что Олег его где-то здесь приколотил, когда Херсонес назывался Цареградом.

— Голубчики мои... — отец Андрей зашелся дребезжащим смехом. — Да ведь Цареград-то был вовсе не здесь. Так звали на Руси стольный город византийский, Константинополь. Его и взял однажды Олег. Там и щит свой оставил в знак победы...

«О-о-о... — Будь кружка чуть побольше, Коля засунул бы в нее голову. Чтобы скрыться от стыда и остудить запольхавшие щеки. — Вот балда дубовая! И что на меня нашло?»

В таких случаях лучше сразу раскаться до конца.

— Ох, да знаю я! Знаю про Константинополь! Просто у меня в мозгах... будто что-то одно за другое зацепилось. Наверно, от полынного запаха... И потому что два знаменитых города. С одним Олег воевал, с другим Владимир... — Коля даже стукнул лбом о стол.

— Ну, не кручинься так, — отец Андрей дотянулся, потрепал его по воротнику. — С кем не бывает? От твоей ошибки никому беды нет...

— Кроме его самого, — вздохнула Саша. — Зря только руку ободрал... Отец Андрей, скажите ему, чтобы не скакал, как дурная коза, а то сломит шею. Там проход рядом, а он через стену прыг!..

— Я как надо «прыг!» — обрадованно перескочил Коля на другой разговор. — Кто знал, что там гусеница?

— Неужто испугался букашки? — усмехнулся отец Андрей.

— Что вы, он не испугался, он давить не хотел. Красивая, говорит!

— Конечно, красивая! А ты свое: «Ой, страх...»

— Значит, жалеешь всякую Божью тварь, — покивал отец Андрей.

— Он жалеет. Нынче краба отпустил. Иные мальчишки как поймают краба, хряп его о камни, так что брызги! А он его в воду, как в люльку...

— Все про меня изложила? Или еще будешь? — сурово спросил Коля.

Саша виновато сморщила нос.

— Больше не буду... Я же не худое...

Молока выпили по две кружки, даже в животе забулькало. Пора было двигаться дальше.

Отец Андрей помахал им с порога, а когда они отошли шагов на десять, закашлялся опять, прижал к груди руки. Коля остановился. Подумал чуть-чуть.

— Саша, подожди... — и бегом вернулся к порогу.

— Отец Андрей, у вас ведь простуда. Кажется, изрядная. Давайте я сведу вас к знакомому доктору. Или приду с ним сюда, он не откажется.

Отец Андрей улыбнулся, часто дыша после кашля:

— Добрая ты душа, Коля, спаси тебя Христос... А болезни я не страшусь, на все воля Божья.

— Но... вы же говорили, что люди решают сами. Значит, надо к доктору.

— У нас в монастыре есть лекарь. Он обещал мне сделать овчинные припарки с медом. Говорит, всю хворь разом снимет. Ступай с Богом, за меня не тревожься. Будет случай, заходи с Сашенькой. И друга приводи...

СИНИЕ ТЕНИ

Скоро приземистое каменное жилище осталось за взгорком. А вокруг опять был солнечный, пахнувший степью и йодистой солью простор. Справа — синева открытого моря, впереди и слева — чуть всхолмленные пустоши, где среди серых камней обильно атели маки. Трещал в траве всякий «кузнечиковый народ», пересвистывались пичуги. И ни души кругом. Повстречались только две лохматые козы — наверно, те, о которых говорил отец Андрей...

Ноги у Коли шагали без всякой усталости, несмотря на увесистые башмаки. Коля не знал, была ли его беседа с отцом Андреем настоящей исповедью, но на душе и в теле звенела легкость, как, наверно, у жаворонка. Если разбежаться как следует, можно, пожалуй, и взлететь. Только трава мешает разбегу...

А локоть, кстати, совсем уже не болел.

Скоро, однако, стала ощущаться досадная помеха. Квас и молоко, скопившиеся в животе, давали о себе знать. Хорошо хоть, что эта смесь не забурлила в кишках, а только тяжелела с каждой минутой.

— Саш, гляди, вон за тот камень коршун сел. Может, там гнездо! Надо посмотреть.

— Опять придумываешь! То щит, то коршун... Не пойду я, иди один, если хочешь... — Кажется, она все поняла.

— Я мигом! — И помчался. Потому что если не мигом, то... ой-ей-ей!

Через минуту он вышел из-за камня с новой легкостью в теле. И с трофеем в руке. А Саше не было... Впрочем, почти сразу она появилась из-за дальнего обломка скалы. Застеснялась, крикнула чересчур бодро:

— Ну, нашел гнездо?

— Нет! Зато вот что нашел!

Это был треугольный, изъеденный ржавчиной кусок железа. При желании его можно было принять за наконечник скифского копья. Коля так и объяснил. Саша не спорила. Пусть будет наконечник, жалко ей, что ли...

Поднялись на плоский холм у моря.

Море было темно-синим, с зеленью и белой кромкой пены под обрывами. Стригли воздух и покрякивали чайки. Облаков почти не было — так, два-три комка пуха. Слабый ветер колыхал Колин воротник. Коля огляделся. Ого, сколько они прошли! Недостроенный собор казался отсюда совсем маленьким. Город на береговых ярусах Большой бухты был виден почти целиком. Белый, стройный, будто вовсе не разрушенный. Низкий форт на Константиновском мысу был врезан в море желтой решительной чертой. Наверно, он все еще ждал вражеские корабли...

Саша потянула Колин рукав.

— Идем. Девичья бухта уже рядом.

Бухта была крошечная, тесная, по форме похожая на изогнутый мизинец. Со спокойной темно-зеленой водой, в которой угадывались размытые пятна медуз. Воду обступали слоистые желтые обрывы. Они были почти такие же, как везде, только из пластов известняка всюду торчали козырьками белые плоские камни. Словно в давние времена создания мира кто-то замешал в слоеный пирог сплюснутые ядра орехов. Внизу между обрывами и водой лежала узкая белая полоса пляжа. Сразу видно — не из галечного, а из чистого песка, что в здешних местах было редкостью.

В бухте было тихо и пусто. Кругом — тоже безлюдно, однако там, под обрывами, как-то чересчур. Будто заколдовано. Даже чайки не летали. В Коле вдруг шевельнулась полузабытая боязнь, похожая на страх ночных развалин. Он повел плечами.

— Какая тут... пустота. — Он чуть не сказал «безмолвие», но это было бы слишком... поэтично, что ли.

А у Саше, конечно, никакой боязни не было.

— Идем вниз... Осторожно только, а то опять...

Вниз вела то ли тропинка, то ли лесенка из редких камней-ступенек. Крутая до невозможности. Саша привычно запрыгала вниз. Коля — следом. Страх пустынности он одолел, а крутизны и высоты он никогда не боялся. Прыг, прыг... Наконец он сиганул далеко в сторону и заскакал впереди Саши, чтобы в случае чего по-рыцарски подхватить ее (это, по правде говоря, было бы очень приятно). И...

— Ай!.. — Камень, торчавший из обрыва таким балкончиком, закачался под Колей. Тот замахал руками, не зная, куда прыгнуть дальше. Сейчас вместе с этой глыбой вниз... Уф... Камень покачался и замер. Коля тоже.

— Я ведь говорила: осторожнее, — назидательно сообщила сверху Саша. — Стой смирно...

— Ой! — Коля присел. Потому что Саша прыгнула рядом и камень заболтало опять. Саша крепко взяла Колю за плечо. Камень успокоился.

— Испугался? — поддела Колю Саша.

Отпираться было глупо.

— Конечно... Я же не знал про такое...

— Все пугаются первый раз. Это камень-качун. Кажется, что вот-вот сорвется, а на самом деле он держится крепко. Можно качаться сколько хочешь.

И они покачались вновь, крепко держа друг друга за руки. И пустота покачалась под ними, и море в теснине берегов, и скалы...

— Теперь прыгай вон туда...

Наконец оказались внизу, у воды. Солнце светило из-за кромки обрыва громадной лучистой звездой. Коля поднял лицо. Сухой жар зашекотал щеки... Коля приоткрыл один глаз. Высота берегов казалась небывалой. А синева неба — во много раз темнее, чем обычно. Коля шумно вздохнул. Эхо этого вдоха мягкими крылышками разлетелось по бухте.

Коля опять сбросил башмаки и пошел у воды. Было очень приятно идти по твердому прохладному песку. На нем оставались удивительно четкие отпечатки босых ступней (как следы дикарей в книжке о Робинзоне). Но песок был все-таки не везде. Иногда вровень с ним лежали плиты песчаника — в их круглых вмятинах слюдяными оконцами блестела вода. А местами попадались небольшие россыпи гальки. Там и большие окатыши светло-серой и желтой расцветки, и крошечные круглые камушки разных пород. Когда их заливала вода, они делались удивительно разноцветными...

— Коля, смотри!..

Саша сидела на корточках у края галечной россыпи. Мизинцем передвигала камешки на ладони. Потом потянула Коле. Он сразу увидел, что это не простые гальки. На ладони блестели полупрозрачные горошины из мутноватого стекла с перламутровым отливом. В них чернели крошечные проколы для ниток. Коля опустился рядом.

— Ух ты! Бусы... Ты скоро собираешь на целое ожерелье.

— Красивые, верно?

Признаться, бусинки были не столь уж красивые. Главное достоинство их то, что древние. Может, тысячу лет назад (а то и две!) их носила на тонкой шейке девочка, похожая на Сашу. Коля сказал:

— Переливаются... Вот наденешь их и станешь совсем красавицей.

— Ох уж! Это я-то красавица? — Она царапнула себя ноготком по переносице. — Конопушек больше, чем мака на прянике, не отскребешь.

Коля чуть не сказал, что «в конопушках главная твоя красота», но сильно застеснялся и засопел. И быстро спросил про другое:

— А тот осколок с кентавром ты где-то здесь нашла?

— Вон там...

В давние времена скальный обломок в сажень ростом скатился с обрыва и застрял на пляже в двух шагах от воды.

— Я под камнем рылась в песке и вытащила... Даже и не ожидала такого...

— Давай еще пороем...

— Давай!

И дальше случилось... ну, просто небывалое! Сидя на корточках, они с полминуты путались руками, подкапывались под камень-великан. Потом пальцы их разом нащупали твердый неровный краешек. Потянули...

Черепок был с половинку Сашиной ладони.

Он был с рисунком...

Не просто с рисунком, а... у обломанного края различим был крепкий лошадиный круп с пышным хвостом и ногами, а справа от него — тонконогий кентавр-жеребенок. Он стоял как бы поодаль и виден был целиком. Вполоборота к зрителю.

— Ух ты-ы... — тонко сказал Коля. Он и Саша сдвинулись над находкой висками, и Сашины завитки зашекотали Колино ухо. Но сейчас это не вызвало у него никаких особых чувств. Он

смотрел только на кентаврэнка. Тот стоял спокойно, однако в каждой его жилке ощущалась готовность в любой миг сорваться с места и помчаться по степи. Степь была оторочена по нижнему краю квадратными завитками орнамента...

— Саш, это ведь половинка *того*... что ты мне подарила...

— Ой... тебе так кажется?

Она совсем вблизи глянула ему в глаза своими зрачками-смородинами. То ли с тревогой, то ли... с лукавством.

— Не кажется, а точно! Я же помню излом!.. — Коля положил черепок на колено, пальцем провел на кромке. — А это — часть кентавра, который тянет за руку мальчика...

— Правда похоже... Коля...

— Что?

Саша чуть улыбнулась. Ноготком тронула кентаврэнка.

— Погляди, он на тебя похож.

— Не выдумывай... Здесь и лица-то не разглядеть.

— Зато волосы. И еще это...

— Что?

— Твоя прыгучесть...

— Ох, Сашка... — Он сделал вид, что рассердился. Она не поверила.

— Похож, похож... Это, наверно, сын большого кентавра. А тот кентавр, на твоём черепке, зовет мальчика, чтобы они подружились...

— Саш... — насутился Коля. — Но так ведь не бывает.

— Думаешь, кентавр и человек не могут подружиться? Они же оба мальчишки.

— Я не про то. Не бывает таких совпадений. Чтобы сперва один черепок, а через год — его другая половинка... — И он строго глянул Саше в лицо: «Признавайся. Этот осколок был у тебя раньше и ты подсунила нарочно, чтобы получилось чудо!»

Но она сказала спокойно (может, чересчур спокойно?):

— А чего такого? Вся посудина пряталась, наверно, здесь в песке. Потом камень скатился и раздавил ее. Вот и находим по кусочкам...

— Тогда давай еще!..

И они несколько минут подрывались под камень с энергией перепуганных землероек. Но отыскивали только два крошечных осколка со следами орнамента.

— Если бы спихнуть камень... — вздохнула Саша. Но для этого нужен был циклоп Полифем из мифа про аргонавтов.

Они сели, прислонившись к бугристой каменной грани. С теневой стороны известняк был прохладным.

Коля опять положил осколок на колено.

— Теперь-то они уж точно подружатся, — с довольным вздохом сообщила Саша.

— Почему?

— Ну как же! Ты этот черепок тоже вставишь в рамку, вплотную к тому. Вот он... — Саша опять тронула кентаврэнка, — и мальчик окажутся рядом...

— Нет, что ты! Я сделаю отдельную рамку, ты это повесишь у себя!

— Зачем?!

— Ну... зачем. Так будет правильно. Хорошо...

— Это, может, мне хорошо и тебе. А ему?.. — на сей раз она коснулась лошадиного крупы. — Думаешь, радостно быть разделанным напополам?

«А ведь и правда!»

— И мальчишки тогда не сбегутся, — тихо добавила Саша. — И вообще...

— Что вообще?

— Это же довесок к подарку, вот и все...

Это было, конечно, не «все». Оба понимали, но говорить про такое неловко. И Коля сказал:

— Тогда я попрошу Женю, пусть нарисует, будто оба черепка вместе. И вставлю это в рамку. Для тебя.

— Ладно, — шепнула Саша.

Потом они минуты три сидели молча. Коля вдруг ощутил, что ноги-то, оказывается, изрядно устали. Коля их вытянул и, нагнувшись, начал тереть от шиколоток до колен.

— Притомился? — заботливо сказала Саша.

— Гудят немного, — честно признался Коля. И пошевелил пальцами.

— Можно уже и домой. Обратный путь короче, потому что без задержек...

— Ага... Только давай еще посидим.

Сидеть было хорошо. Коля прислонился к камню затылком и смотрел на обрывы. Солнце давно уже перевалило свою верхнюю точку и наклонными лучами освещало скалы из-за ломаной кромки. От камней, торчавших в слоях известняка, падали на желтые отвесы косые тени. Они были похожи на синие перья. Частые и словно приглаженные в одну сторону взмахом слышного ветра.

— Саша, смотри, сколько синего на желтом...

— Чего?

— Я про тени... Они же синие. И вон их как много. По всем скалам...

— Ой, правда. Я раньше не замечала...

— Наверно, это не всегда, а только в такой вот час... Смотри, похоже, что вот-вот все кругом станет синее.

Правда, казалось, будто высоченные берега захлестывает бесшумный ультрамариновый листопад.

— Саш... Я понял!

— Что?

— Это та самая *Синекаменная бухта*! Где прятался «Македонец»!

— Ой... да ну...

— Что «да ну»? Смотри сама! Место здесь как раз для такого парусника. Вход в бухту узкий, тендер уйдет вон туда за поворот, с моря и не заметишь! А он ведь может осторожно, даже на веслах... Люди гадают: «Где, где эта Синекаменная бухта?», а она у всех под носом!.. Ну, скажи опять: «Выдумщик».

Саша сказала не так:

— Если она *та самая*, то должен быть подземный проход. А где?

— Мало ли где! Небось тут немало всяких дыр среди камней... — И Коля опять обежал глазами обрывы. И зацепился глазом за знакомый камень-качун. Тень под ним... да, она была особенно густой! Под самым камнем — даже не синяя, а черная.

— Я сейчас! — Коля рывком прогнал из ног усталость, скачками пересек пляж. До качуна было саженой пять. Коля по каменным выступам ринулся вверх (хорошо, что босиком, ноги не скользят!).

Качун торчал не прямо над пустотой, а над узким известняковым выступом. Тот был, словно нижняя губа, а качун — верхняя. Когда он, покачиваясь, опускался, то как бы замыкал щелястый рот. Понятно, что в этом «рту» лежала самая густая тень.

Коля лег на «нижнюю губу» животом. Верхняя нависла над ним, почти коснулась спины.

— Сашка, смотри, чтобы какой дурак не прыгнул сверху! — И добавил про себя: «А то как гусеницу...»

— Коленька, не надо-о!

«А-а-о-о...» — разнеслось меж обрывов.

— Не бойся, я быстро!

И опять задержал ногами, ввинтился в темноту.

Он правильно догадался! Каменный «рот» не смыкался вблизи, за ним начиналась «глотка». Этакая округлая щель длиной в аршин. А потом небось и расширяется!

Но из черноты тянуло холодом и такой жутью, что Коля понял: соваться одному — себе дороже. Сбивая на животе рубаху, он выбрался на солнце. Спрыгнул на уступ ниже каменных губ.

— Саш, иди сюда!.. Прихвати мою сумку и башмаки, чтобы не возвращаться!

Саша послушалась. Скоро она часто и пугливо дышала рядом.

— Ты какой-то... совсем не думаешь, да? Суешься, куда не надо! А если он качнется!

— Разве он сам по себе качается?

— А вдруг!

— Такое «вдруг» не бывает... Саша, там проход. Я видел, вот ей-Богу! Наверно, по нему и ушел Новосильцев с матросами.

— Ну и пусть ушел. А ты не ходи! Страх такой...

— Опять?.. Да ладно, не пойду. Это же надо готовить специально, потому что тут должна быть экспедиция.

— Чего там искать-то? Они все равно давно ушли.

— А если как раз там закопали флаг и журнал... и золото?

— Да ну тебя! А если сгинешь там?.. Колька, не вздумай! А то я тете Тане скажу, пусть она тебя взгреет! Вот!.. И можешь меня потом хоть со свету сжить.

Конечно, никому она ничего не скажет. Но вся изведется от страха. Или (что еще хуже!) полезет следом, не отступится. А разве это девчоночье дело!

Коля засмеялся как можно беззаботнее:

— Да пошутил я, никуда не полезу. Что там делать-то? Только шишки набивать. Да еще скелет какой-нибудь под ноги попадется...

— Ой, страх какой!

— Ты снова? Ну, все! Подставляй нос.

— Я больше не буду.

— Подставляй, подставляй! — Коля с самым беспощадным видом сложил пальцы для шелчка. — И стой крепче, не слети вниз...

Саша покорно опустила руки. Зажмурилась. Конопушки сбегались на боязливо сморщенной переносице. Коля... коротко вздохнул, вытянул трубкой губы и, ужаснувшись тому, что делает, чмокнул Сашу в загорелую щеку.

Она широко открыла глаза:

— Ой...

У Коли колотилось сердце. В ушах стоял комариный писк.

— Зачем ты... — шепотом сказала Саша. Густой румянец смешался с загаром.

— А что... — сипло сказал Коля. Он смотрел на свои босые ноги.

— Это же... так нельзя...

— Отчего же нельзя... если...

— Что... если... — Саша опустила лицо. Кажется, она не очень рассердилась.

— Если... ты мне нравишься, — выговорил Коля с последними остатками смелости.

— Ну... и все равно. Это нехорошо.

— Отчего же нехорошо?

— Потому что... это лишь большие так делают. А мы ведь...

— И не только большие. Такие, как мы, тоже. Только не говорят другим.

Она чуть-чуть (или показалось?) улыбнулась, не поднимая ресниц:

— Откуда же ты тогда знаешь? Если не говорят...

— Ну... иногда все же рассказывают. Только редко.

— Это самые бессовестные болтуны. Фрол небось...

— И не Фрол вовсе! Мне один взрослый знакомый признался про себя. Американец...

Саша вскинула глаза. В них даже слезинки блеснули. И горький упрек: «Ну, ты уж совсем...»

— Да правда же! — Коля отчаянно перекрестился, вскинув лицо к небу. — Пусть меня бомба разорвет, если вру!.. Его зовут Сэм. То есть Сэмюэль. Он турист. Я водил его по городу. А он вспоминал свое детство... Ты послушай!

НИТЬ ОТ ВОЗДУШНОГО ЗМЕЯ

Это случилось за две недели до прогулки в Херсонес.

В то утро ждали туристов сразу с двух пароходов — английского и американского.

Английский «Ройал стар», своим рангоутом похожий на фрегат, уже четвертые сутки торчал на Северном рейде, у входа в Сухарную бухту, но до сих пор с него никто не сходил на берег. Городские власти всех рангов терпеть не могли англичан и привычно чинили экипажу и пассажирам всякие препятствия. То

будто бы неправильно оформлены карантинные документы, то не в порядке судовые бумаги, то что-то неладно с паспортами пассажиров. Придирки, надо сказать, часто были несправедливы. Но что поделаешь, такое отношение к сынам Альбиона сохранилось в городе со времен осады. И не потому, что были они тогда врагами, а потому, что, не проявляя большой доблести в ратных делах, чванливость демонстрировали сверх меры...

Возможно, портовое начальство маринвало бы «Ройал стар» еще, но стало известно, что среди пассажиров есть жители Франции, а к французам отношение, как известно, было иное...

А ночью из Босфора пришел американский «Грейт Миссури», совершавший путешествие из Штатов в Европу. Ему тут же позволено было стать на якорь напротив развалин Николаевской батареи, чтобы шлюпочный путь от парохода к пристаням был самый короткий. И пожалуйста на берег, никаких проверок. Потому что американцы были друзья. Во-первых, Россия никогда не воевала с Америкой. Во-вторых, Соединенные Штаты недавно сделали то же, что и наша империя, — избавились от рабства. Правда, у нас это случилось по воле государя, а в Америке царя не было, и поэтому там пришлось изрядно повоевать, прежде чем крепостники-плантаторы поняли, что время кнутов и цепей кончилось навсегда.

Русские очень близко принимали к сердцу события этой войны. Несколько наших корветов даже ходили в Америку, чтобы поддержать северные штаты в борьбе с рабовладельцами-южанами, которые назывались «конфедераты». Правда, в военные действия не ввязывались, но, как говорится, «дали кой-чего понять»...

Все это делало американских туристов желанными гостями.

...Шлюпки с туристами обычно швартовались в Артиллерийской бухте у специального причала. Случалось, подходили и к Графской пристани, но в Артбухту чаще. Коля, Фрол, Поперешный Макарка и Федюня со своим «товаром» заранее заняли места на ракушечном парапете вблизи от пристани. Жени с ними не было — уехал к тетке в Ялту. Ибрагимка помогал в лавке деду. Савушка с вечера маялся животом (переедл незрелых слив), и мать его сегодня не пустила.

По соседству оказалось немало знакомых и незнакомых мальчишек (да и девочек тоже). Но Коля с друзьями успели прежде других и заняли самое удобное место — у ступеней, что вели от причала на набережную. Ни один турист не минует этот широкий каменный выступ на повороте.

Разложили свое добро: грудки круглых пуль, полушарок и «минек», осколки, «гудзики», значки и пряжки с фуражек и мундиров. Были тут и более редкие вещи. У Федюни, например, медная рукоятка французской сабли с остатками темляка, у Фрола сломанный английский тесак, у Коли тяжелая белая медаль с вензелем королевы Виктории на лицевой стороне и выпуклым изображением индийского храма на обратной. Коля нашел ее недавно на «чужой территории» вблизи Третьего бастиона...

Шлюпок долго не было. Солнце поднялось уже высоко и грело изрядно. Высвечивало над берегом склоны Хрустального мыса. Никакой «хрустальности» в мысе не было. Он напоминал громадного горбатого зверя, прилегшего у моря. Сквозь его пыльно-зеленую шкуру желтели голые ребра камней.

В прозрачной зелени воды неподвижно висели медузы. У берега под мысом стояли несколько рыбацких шхун с черным рангоутом и такелажем, от них ощутимо пахло нагретой смолой. За крайней шхуной был виден изогнутый форштевень «Кургана» — бывшего «Македонца».

Наконец с каменных глыб взорванной батареи закричали, замахали маленькие ребятишки, специально поставленные для сигналов. Первый вельбот, равномерно махая желтыми длинными веслами, вошел в бухту. Над ним густо пестрели разноцветные зонтики и шляпы. И вот вельбот прильнул бортом к дощатым мосткам (доски под гостями начали прогибаться). Повизгиванья, смех. Шляпы и зонтики, светлые сюртуки и пышные платья, трости и веера двинулись вверх по ступеням.

— О-о, souvenirs!..

— Les petits commerçantes!

А иногда по-русски:

— Мальчик, сколько есть стоит этот троф-фей?

Тут главное успевай ответить каждому и не пропусти выгодного покупателя. Мальчишки иногда на пальцах, иногда словами бойко объясняли, что три пули — копейка, осколок средних размеров — три копейки, а вот этот (похожий на скорлупу кокоса) — пятиалтынный.

— Что есть пья... ти... лтын?... О, это не совсем мало!

— Ну и не совсем много. Ты, месье, иди полазай сам по бастионам, тогда узнаешь...

— О, бастион — это да, это les Braves c'est le Sort!..

Коля, если был вместе с ребятами, не пользовался французским, это было бы как-то нечестно. Так же, как другие, жестикулировал, вскидывал растопыренные пальцы, мотал головой, ес-

ли давали слишком низкую цену. А по-иностранному только: «Мерси, мадам... Сэнкью, сэр...»

Лишь один раз он «открылся» и поговорил с пожилой французской парой — помог Савушке получить двугривенный за пробитую солдатскую фляжку. Он сообщил почтенным супругам из Нанта (крайне изумленным!), что фляжка найдена у оборонительной башни Малахова кургана, где в последний день обороны было самое пекло, и продырявлена она самодельной полусферической пулей, каковые русские солдаты отливали прямо в траншеях, когда не хватало боеприпасов.

Насчет пробоины, возможно, правда, а все остальное — беспардонное вранье. Фляжка была английская, а британцы, как известно, Малахова кургана не нюхали. Но Савушка так сиял, получив серебряный двугривенный, что Коля не испытывал ни малейших угрызений совести за свою фантазию. Дома Савушка гордо отдал матери заработанные деньги, был расцелован и обласкан («Смотри, дед, еще один помощник растет») и получил в награду пятак. На него он купил в лавке Ибрагимкиного деда кулек леденцов и полдня гордо угощал приятелей.

Сейчас Коля успел продать полдюжины пуль и «гудзиков» и мятую бляху от сардинского ремня (за пятак), когда в трех шагах от него остановились двое. Один — кругловатый, в соломенном канотье, светлом пиджаке и канареечном жилете. Второй — весь в темно-сером, в цилиндре, высокий, с длинным лицом и рыжеватыми бакенбардами. Они беседовали по-французски. Кругловатый похотывал, длинный отвечал коротко. Он говорил с акцентом — видно было, что англичанин.

Француз, хохотнув очередной раз, взял англичанина под локоть и подвел к ребятам. Точнее — прямо к Коле.

— Вот вам и первая картинка здешней экзотики, дорогой мистер Брайтон...

Англичанин рукой, затянутой в серую перчатку, перехватил трость и гнутой рукояткой осторожно поворошил Колин товар. На самого Колю он, кажется, и не взглянул, но глянул на французца и заметил:

— Вам не кажется, месье Дюваль, что хозяин этих сувениров мог бы сойти за английского мальчика? Если бы не был столь растрепан и помят...

— Хо-хо... Юнги на пристанях Темзы бывают не менее помяты и лохматы!

— Пожалуй, вы правы... Гм... смотрите-ка... — Согнувшись,

мистер Брайтон взял в лайковые пальцы медаль. — Вы знаете, месье, что это?

— Хо! Понятия не имею!

— Такими медалями награждали солдат британских колониальных полков за участие в боях с индийскими повстанцами. Видимо, она принадлежала ветерану войск ее величества... Представьте, какая горькая судьба. Явиться на эти дикие берега, под стены варварского города, чтобы потерять прежние славные награды и, скорее всего, жизнь... И то, что город был в конце концов взят, — слабое утешение...

«Ну, все! Пора», — понял Коля. Зря он, что ли, учился изъясняться на языке Руссо и Лафонтена? Он поставил левую пятку на парапет, сцепил на колене пальцы, уперся в него подбородком. Поднял глаза на француза.

— Месье, спросите вашего английского друга, почему он решил, что *этот варварский город был взят?*

Поняли, кажется, оба.

— О!.. Хо-хо! — это, конечно, месье Дюваль.

Англичанин сохранил невозмутимость, лишь приподнял под цилиндром бровь:

— А разве нет?

— А если *да*, то почему же мистер Брайтон ходит здесь не как победитель, а как турист?

Англичанин выпрямился и сказал с высоты роста:

— Это следствие великодушной европейской политики... если русский мальчик понимает, о чем речь.

— Русский мальчик не понимает, — сообщил Коля, не меняя позы и взгляда (а на щеках холодок), — почему господа считают, что они *взяли* город. Всем известно, что русская армия сама оставила Южную сторону и отошла на северный берег, чтобы закрепиться на новых позициях. Союзники их даже и не пытались штурмовать... Французам удалось штурмом взять Курган, но вот и все. А храбрым солдатам ее величества в этой кампании вообще ни разу не везло...

Коля выговорил это почти не сбиваясь и достаточно хладнокровно. Хладнокровие по-прежнему сохранял и англичанин (а француз — тот аж подпрыгивал от веселого возбуждения). Брайтон рукоятью трости потрогал бритый подбородок. Глянул на Дюваля.

— Не правда ли, месье, такое умение постоять за честь соотечественников достойно понимания?.. Спросите у юного россиянина (на вас он смотрит более дружелюбно), сколько он хочет за

эту свою находку. И скажите, что я не собираюсь торговаться... — Джентльмен все еще держал медаль в лайковых пальцах.

Коля прыгнул с парапета, встал, положив локоть на ракушечный столбик, изогнул талию с изяществом инфанта. Посмотрел между англичанином и французом, на рыбацьи шхуны.

— Гость нашего города мистер Брайтон может взять эту вещь просто так, на память. Возможно, она принадлежала его знакомому... которого, кстати, никто не звал на наши *дикие берега*.

Англичанин, не меня выражения лица, аккуратно согнулся. Аккуратно положил медаль рядом с пулями и осколками. Неторопливо выпрямился. Глядя Коле в лицо, коснулся двумя пальцами полей цилиндра. И пошел прочь — прямой и невозмутимый, как циркуль. А Дюваль на прощанье торопливо развел руками: что, мол, поделаешь с этой британской гордостью.з

Мальчишки всю перепалку выслушали с открытыми ртами.

— О чем это ты с ними? — слегка завистливо спросил Фрол.

— Да ну их... Все еще считают себя полными победителями. Забыли, как их тут честили в хвост и в гриву.

— Ты с ними говорил... будто барон какой-то... — заметил Фрол со смесью уважения и насмешки.

— Почему «будто»? — хмыкнул Коля. — Я и есть барон.

— Ох уж!..

— Ничего не «ох уж», — небрежно отозвался Коля. Запал недавнего спора с иностранцами еще не угас в нем. А насмешка Фрола слегка разозлила. — Барон фон Вестенбаум, последний представитель старинного обрусевшего рода. Черный с золотом дуб на зеленом поле, девиз: «Верность и прочность». По-латыни, конечно...

Федюня и Макарка, слушали, мало чего понимая. Фрол неуверенно сказал:

— А чего ж ты тогда... Лазунов?

— Это тетушкина фамилия. По закону нельзя сразу в двух школах, вот она здесь и записала меня Лазуновым. А в гимназии — Вестенбаум.

— Фон? — язвительно сказал Фрол.

— Представь себе... Не веришь, спроси в гимназии. Если будешь в Симферополе, зайдешь и спроси.

— Ага, когда я там буду... И кто нас пустит в гимназию, с таким рылом... Это же не «ваше сиятельство»...

Пассажиры первой шлюпки уже ушли с пристани, вторая еще не подошла, можно было переругиваться, не отвлекаясь на торговлю.

Коля, демонстрируя хладнокровие (как недавний англичанин), разъяснил:

— Баронам не говорят «сиятельство», невелик титул. Достаточно «благородия».

— Виноват, ваше благородие!

— Тимберс! — сказал Коля и спиной оттолкнулся от столбика.

— Чего?

— Давай я оставлю в сторонке «фона» и «Вестенбаума». Пойдем вон за сарай, стыкнешься с Лазуновым. Думаешь, если выше на полбашки, значит, можешь болтать языком как рында-булинем? Я тебе теперь не тот, что осенью...

Коля понимал, что Фрол сильнее, но страха сейчас не было ни крошки.

— Вы чего! — взвился Поперешный Макарка. — Забыли, что обещались еще зимой жить без ссоры-драки?!

— Пусть тогда не скребет, — буркнул барон фон Вестенбаум и босой пяткой стукнул о парапет.

— А я чего. Я только спросил, — добродушно объяснил Фрол и шелкнул себя по губе. — «Фон» так «фон», мне жалко, что ли...

Снизу от пристани двинулась новая компания пассажиров. Видимо, с американского парохода. Более шумные, чем недавние европейцы, в более пестрой и свободной одежде. На мужчинах широкие шляпы, у многих вместо галстуков цветные, небрежно повязанные платки... Американцы, бесцеремонно отодвигая друг друга локтями, обступили мальчишек с их товаром. Торговля пошла громкая и азартная. Русские деньги были не у всех. Предлагали американские центы, английские пенсы, французские су и франки, греческие драхмы и даже какие-то монетки с арабской вязью. Ребята не отказывались. Брали всякую «деньгу», прикидывая по размеру и весу ее стоимость в копейках.

После можно будет обменять иноземную валюту у небритых жуликоватых дядек, что ждут иностранцев у гостиничных подъездов и трактирных дверей. Эти дядьки всегда норовят надуть мальчишек, ну да «мы тоже не лыком шиты».

Колина колониальная медаль мигом ушла за серебряный доллар. Коля уступил ее рыжебородому здоровяку, который оказался из Канады и слегка понимал по-французски. Коля доступно изложил ему историю медали, которую только что слышал от мистера Брайтона. Бородач пришел в восторг, похлопал Колю по плечу, сунул ему монету и бросился догонять спутников. Ко-

ля слегка озадаченно вертел доллар с отчеканенным профилем Джорджа Вашингтона и пытался понять: совершил ли он выгодную сделку или оказался в дураках?

— Простите... Я случайно услышала, что вы говорите по-французски... — раздался рядом с Колей чистый голосок. Он вскинул глаза. Перед ним стояла девушка в бело-розовом полосатом платье, в похожей на скомканную газету шляпке и с кружевным зонтиком у плеча. У нее были темные локоны и веселые серые глаза. Коля впервые за все лето застенялся пыльных босых ног. Соскочил с парапета.

— Да, мадемуазель... Я могу быть чем-то полезен?

— Право, я даже не знаю... Я и мой спутник с парохода «Грейт Миссури»...

За девушкой возвышался крепкий румяный мужчина лет тридцати. С шапкой русых волнистых волос и такими же светлыми усами (их концы были чуть загнуты). Он был без галстука, воротник белой рубахи свободно лежал поверх серой куртки, похожей на матросскую. Смотрел незнакомец добродушно и с легкой виноватинкой: ничего, мол, я не понимаю...

— Значит, вы не из Франции? — уточнил Коля.

— О нет! Мои родители да, из Марселя, но они давно переехали в Штаты, и я родилась уже там. А мистер Клеменс вообще всеми корнями в Америке... — Она живо оглянулась на спутника. Тот, видимо, решил, что его представляют юному торговцу сувенирами и нагнул голову:

— Сэмюэль... о, Сэм...

— Он говорит, что его можно называть просто Сэм, — разъяснила девушка. — А я... мадемуазель Софи, если угодно. Простите, а как ваше имя?

— Николя, — сообщил Коля и поморщился. Но что он мог еще сказать?

— О, Николя... А можно «Ник»? Как это принято в Америке.

— Разумеется! — обрадовался Коля.

Мадмуазель Софи обернулась к Сэму и указала на Колю:

— Ник...

— Ол райт! — Сэм протянул мимо девушки ладонь. Она была широкая и твердая. Сэм крепко потряс Колину руку — так, что она чуть не выскочила из плечевого сустава. Коля осторожно освободился и спросил:

— Вас, наверно, интересуют сувениры?

— Да... и они тоже, — кивнула Софи. — Но прежде всего мы

хотели бы видеть интересные места. Мы много читали про осаду. Она чем-то похожа на нашу недавнюю войну...

— В которой освобождали негров?

— Да-да... Но мы не хотели бы ходить с толпой. Тем более что мы уже отстали... Не могли бы вы показать нам знаменитый Малахов курган и... вообще что сочтете нужным. Вам, наверно, известны здешние примечательные места?

— Конечно, мадемуазель!

Прогулка обещала быть интересной. Софи и Сэм казались славными. К тому же — из-за океана, из тех краев, где индейцы, Кордильеры, мустанги, Ниагара...

Софи обернулась к Сэму и что-то пошебетала по-английски. Сэм ответил, озабоченно сведя брови.

— Он говорит, что будет несправедливо, если из-за прогулки ваша коммерция потерпит убыток. Во сколько вы оцениваете весь свой товар?

Будь это англичане или даже французы, Коля не постеснялся бы. Но сейчас он сказал честно:

— Все вместе где-то не больше полтинника. Если вот с этой скорлупой... — и качнул пальцем тяжелый осколок бомбы.

Оказалось, что американцы запаслись русскими деньгами еще у стамбульских менял. Софи аккуратно отсчитала Коле пять новеньких гривенников, а Сэм обрадованно завязал все сувениры в узелок — в ту ситцевую тряпицу, на которой они были разложены. Затолкал узелок в нечто похожее на маленький саквояж (он снабжен был ремнем, чтобы носить на плече).

Они зашагали втроем. Софи посередине, Сэм слева (под руку с ней), Коля справа — чуть забегая вперед и оглядываясь. Вышли к оконечности бухты, свернули от рынка налево. И еще раз налево. Двинулись вдоль трактиров, лавочек и мелких гостиниц, что облепили исполинские развалины Николаевской батареи. Справа зеленел всяким чертополохом и желтел проплешинами Городской холм. Кое-где на нем адели крошечные маки.

Коля вел себя как добросовестный проводник. Показал и недостроенный храм-усыпальницу на вершине холма, и памятник Казарскому среди молодых акаций на Малом бульваре, и уцелевший дом Морского собрания, где во время осады был перевязочный пункт — печальное хозяйство знаменитого хирурга Пирогова.

Через площадь вышли к Графской пристани с ее белой колоннадой и спасенными при осаде двумя статуями и львами. По широкой лестнице спустились к причалу. Под теплыми досками

настила хлопала мелкая волна. Иногда выплескивалась через щели и прохладно шекотала ступни. Мадмуазель Софи весело ойкала и подбирала оборчатый подол, показывая белые башмачки с кнопками. Яличники хриплыми голосами наперебой зазывали пассажиров. Пахло копченой скумбрией — ее тут же продавали словоохотливые тетки. Толстый городовой в белой рубахе и при сабле покрикивал на теток, чтобы убирались — не положено, мол. Те отмахивались.

Коля среди яличников увидел знакомого.

— Василий Андреич, туристов везу на Корабельную. Из Америки...

— Ишь ты! Ну, хоть из Америки, все равно пятачок. Не обедают небось.

Коля отдал свой пятак — тот, что получил за сардинскую бляху. Мадмуазель Софи, увидев это, замахала руками, полезла в усыпанный бисером ридикюль. Коля решительно покачал головой. Ему нравилось быть хозяином.

Ялик резво запрыгал на мелкой зыби.

Коля не забывал про свою задачу и здесь.

— Вот это, на мысу, Павловский форт. А слева, на том берегу, Михайловский. К нему во время осады протянули наплавной мост, по которому отошла армия...

Софи быстро переводила Сэму Колины слова. Он понятливо кивал (видимо, слышал про мост раньше). И улыбался Коле глазами.

— Ловко ты с ними чешешь языком, — уважительно заметил Василий Андреич.

— О чем это он? — спросила мадемуазель Софи.

Коля перевел.

— А где вы учились языку?

— Дома...

— О-о... Вы родились в этом городе, Ник?

— Нет, мы переехали сюда прошлой осенью. Из Петербурга... Но я уже привык здесь...

— Вы, наверное, сын моряка?

— Я сын морского врача... А здесь при осаде погиб мой дядя.

— Как жаль, что Франция и Россия оказались здесь врагами, — вздохнула Софи. И перевела Сэму. Тот что-то ответил. — Сэм говорит, что война это вообще... не знаю даже, как сказать... Сэм, ну как вы можете! Такие выражения при ребенке!.. Конечно, не стану переводить!

— Скажите Сэму, что я понял, — насусленно улыбнулся Коля. — И что согласен...

Ялик ткнулся к низкому пирсу у Корабельного берега. Отсюда тянулся проход между каменными белыми стенами. Длинный, чуть не с версту. У стен синел цикорий и росла высокая трава, похожая на крошечные пальмы. С виду красивая, но если сорвешь и разотрешь между пальцами — запах ужасный. Растение это потому и называли вонючкой. Коля это рассказал Софи, а слово «вонючка» перевел деликатно — «неприятный аромат».

Софи все пересказывала Сэму. Тот вдруг заметил:

— Какая длинная дорога...

— Да, это не очень-то интересный путь, — виновато отозвался Коля. — Но зато самый короткий до Малахова кургана.

Сэм, улыбаясь и глядя на Колю, сказал несколько длинных фраз.

— Он говорит, что не считает дорогу скучной. Она напоминает ему детство. Рядом с его городком были похожие заборы, они огораживали выгоны. По такому проходу Сэм с приятелями бежал в ближний лес, когда удирал с уроков... А вы убегаете с уроков?

— Иногда, — уклончиво отозвался Коля, чтобы не выглядеть пай-мальчиком. И перевел разговор на другое: — Мадемуазель, наверно, невеста мистера Сэма?

— О нет! Мы просто друзья. Познакомились только на пароходе. Мистер Клеменс удивительный рассказчик, а я... видимо, благодарная слушательница... Я чуть не умерла от смеха, когда слушала его историю про новобранцев из Алабамы в военном лагере...

— Значит, Сэм все же был на войне?

— Немного. В армии конфедератов...

— Но... ведь конфедераты воевали за рабство. Неужели он... — в угасшем голосе Коли прозвучало нешуточное огорчение. Софи перевел Сэму. Тот подергал себя за ус. И опять долго говорил на ходу, поглядывая на Колю.

— Ник! Сэм объясняет, что никогда не стоял за рабство. Среди негров у него немало друзей, а в детстве он даже помог одному бежать в северные штаты — раздобыл для него лодку и одежду. Но все не так просто. Он южанин и говорит: что хорошего, когда на твою землю вторгаются солдаты-янки, топчут поля, жгут дома. Северяне — они ведь тоже не ангелы... Впрочем, Сэм очень скоро покинул армию и стал корреспондентом... А самое главное, Ник (я в этом убедилась), — он остался мальчишкой,

который всегда готов устраивать неграм побеги, играть в пиратов и совать нос куда не следует. Поэтому за ним нужен глаз да глаз... — И она погрозила усатому другу пальцем.

Софи оказалась права. На Малаховом кургане Сэм в самом деле повел себя, как мальчишка. Он лазал по кустам и брустверам, садился верхом на пушки, разгребал башмаками сухую глину, отыскивая пули и осколки. И надо сказать, ему везло! И он радовался совсем как школьник.

— Ол райт, Ник! Теперь мы сядем на пристани рядом и откроем общий бизнес! А?

Оказавшиеся рядом туристы поглядывали на шумного американца со сдержанным неодобрением. К счастью, в этот час народу было еще немного.

Наконец, когда уже спустились с кургана, Сэм отыскал толстенную, похожую на колотушку кость.

— О! Это наверняка обломок французского полковника.

— Как вам не стыдно, Сэм! — возмутилась Софи. — Положите в траву эти... останки...

— Это кость лошади, — снисходительно сказал Коля. Софи насмешливо перевела.

— Я знаю, Ник! — не смутился Сэм. — Но я не для себя, а для мистера Блюхера, своего соседа по каюте.

— Он все равно не поверит... про полковника...

— Неважно! Главное, он сделает наклейку. Он собирает коллекцию для старой тетушки, которая должна ему оставить наследство. Тетушка сходит с ума от заморских экспонатов и верит всему! — И он запихал в саквояж кость несчастной кобылы, по смертно возведенной в офицерский чин.

— Я вам говорила, Ник... — шепнула Софи.

Потом они пешком двинулись мимо остатков Третьего бастиона, вдоль полузасыпанных траншей и батарей. Пересекли глубокую Лабораторную балку, перешли Пересыпь, где еще заметны были остатки батареи Стала. И наконец по вырубленной в пластах известняка лестнице поднялись к площади, где белели развалины городского театра. Американцы держались молодцами. Софи только с сожалением поглядывала на усеянный колючками и перемазанный сухой глиной подол.

Коля тоже почти не устал. К тому же он был здесь хозяин.

— А вон там, за театром, дорога к Мачтовому бастиону. На

нем воевал граф Лев Толстой, который написал про Севастополь и еще много чего... Это совсем недалеко.

— О да! — закивал мистер Клеменс. — Мы должны туда... непременно... — И вдруг что-то тихо сказал Софи.

— Сэм говорит, что просит у вас прощения, Ник, — сообщила она.

— За что? — изумился Коля.

— За несерьезное поведение. Он понимает, в какие героические места попал, но порой поддается своему легкомысленному характеру...

— Да ладно... — растерянно буркнул Коля. И повел легкомысленного Сэма и Софи на бастион — туда, где весной случилась стычка с «корабельщиками» и где взорвали гранату.

Здесь вперемешку лежали полуистлевшие мешки с землей, громадные корзины со щебенкой, орудийные стволы, разбитые лафеты. Между ними проросли высокие красноглазые колючки.

Спустились в ров.

Мистер Клеменс опять превратился в прежнего Сэма.

— Там что? — он азартно смотрел на квадратные норы.

— Минные галереи...

— Туда можно?

— Лучше не надо. Были случаи, когда люди терялись. А кое-кто даже подрывался.

— Но если недалеко...

— Сэм, — категорически произнесла Софи. — Если вы делаете туда хоть шаг, я немедленно покину вас. И уведу Ника! — Она, забывшись, сказала это по-французски, но тут же перевела.

— Слушаю и повинуюсь, — горестно покорился Сэм, это было ясно без перевода. Затем он все же сказал: — Чисто женская паника... У меня достаточный опыт подземных путешествий. Еще в детстве лазил... Рядом с нашим городком есть удивительнейшая пещера с массой запутанных коридоров, и вот мы с мальчишками... И не только с мальчишками, кстати...

— С кем же еще? — подзаборила Сэма Софи, незаметно уводя его от опасного места. И, конечно, все переводила Нику.

— Если хотите знать, это история моей первой любви. Я был как Ник. И она... Ее звали Бетси... Чтобы показать, какой я герой, я увел ее в пещеру на прогулку и сделал вид, что заблудился. Бедная Бетси ударилась в слезы, но я поклялся, что отыщу выход, если она... да, если она поцелует меня. А я ее. И мы поцеловались и даже объявили себя обрученными, хотя не совсем представляли, что это значит... По правде говоря, я и в пещеру-то с

Бетси отправился потому, что целоваться на свету у меня не хватало смелости... А заблудиться по-настоящему я не боялся, поскольку прихватил с собой моток толстой нитки от воздушного змея. Один конец привязал к кустам у входа, а другой незаметно разматывал за собой. Бетси ничего не заметила, потому что не слала свечку и боялась, что она погаснет...

— А дальше что? — с неподдельным интересом спросил Коля.

— Потом, конечно, мы выбрались. И Бетси объявила меня героем и самым смелым мальчиком в нашем штате. И мы поцеловались еще... Но через месяц она с родителями переехала в Коннектикут, и это была моя первая в жизни душевная драма. Увы...

В конце этого рассказа они опять оказались на площади у театра. Здесь мадемуазель Софи увидела извозчика, который только что привез сюда троих англичан. И сообщила, что ноги у нее ничего не чувствуют и она умирает с голоду.

— Немедленно на пароход!.. Но сначала отвезем домой Ника, он устал не меньше нас...

— Мерси, мадемуазель Софи. Я живу совсем недалеко, мне проще пешком... Извозчик!

Тот послушно подкатил.

— Доставите господ на Графскую, там кликните им яличника, чтобы отвез на «Грейт Миссури»...

Софи подержала двумя ладонями правую руку мальчика.

— Ник, у меня в Чикаго есть такой же, как вы, брат. Чуть помладше. Я буду ему рассказывать про вас... Сэм!

— Да-да... — Тот полез за пазуху. Достал большущую пятидолларовую монету. — Вот...

Коля без обиды, но решительно покачал головой.

— Благодарю, господа, не надо. Вы были гостями...

— Но... — Сэм заговорил быстро и убедительно.

— Ник, он объясняет, что это не плата, а просто подарок. На память. Больше у него ничего интересного нет. И у меня...

— Ничего и не надо. Я запишу про нашу встречу в своем журнале, вот и будет память...

...Он и правда записал вечером:

М-ль Софи и м-р Клеменс, то есть Сэм. Он был конфедератом, но недолго. Они вовсе не жених и невеста. Дорога на Малахов как в Америке. На Четвертом бастионе, Сэм хочет в галерею. Как он и Бетси в пещере (секрет). Ножик...

А «ножик» вот почему. Спихватившись, Сэм вытащил из брючного кармана плоский «складешок» с жестяной рукояткой.

— Вот...

— Ник, Сэм говорит, что этот нож у него с детства. И в той пещере он был с ним. Вещь простенькая, но... возможно, она приносит мальчикам удачу.

Это было другое дело!

— Сэнкью, Сэм!

Колина ладонь утонула в крепкой ладони Сэма.

Извозчик нетерпеливо кашлянул...

Коля помахал вслед коляске, которая торопливо покатила меж выбеленных солнцем руин Екатерининской. Было немного грустно. Он покачал на ладони ножик. В самом деле простенькая вещица, будто из ближней скобяной лавки. Если бы не выбитые на плоской ручке заграничные буквы: BARLOW...

КАМЕННЫЙ КАПКАН

Коля, разумеется, рассказал приятелям про лаз под камнем-качуном. И про свои догадки. В то, что Девичья бухта и есть Синекаменная, ребята поверили не сразу. Но почесали затылки и... рассудили, что такое может быть.

Ну а сговаривать народ на экспедицию долго не пришлось. В конце концов, любой подземный ход, любой лаз под скалами обещает приключения и тайны. Если и не удастся найти золото с «Македонца», чтобы помочь Маркелычу, то, может быть, отыщут что-то другое. Например, флаг и вахтенный журнал — их Новосильцев с матросами тоже мог спрятать под землю.

В путь собрались с утра. Взяли еду, корабельный фонарь, заправленный деревянным маслом. Заранее купили в рыночной лавке моток суровых ниток длиной сто сажений. Продавец, конечно, решил, что мальчишки будут запускать змея...

Саше про этот поход Коля не сказал. Все равно она с мальчишками под скалы не полезет («страх такой!») да еще и Тё-Тане может проговориться с перепугу. Зато Жене пришлось рассказать про недавнюю прогулку с Сашей. Во всех подробностях.

— Жень... ты не обижайся, что мы тебя не позвали. Просто... так получилось...

Женя не обиделся. Он был понятливый.

До бухты добрались меньше чем за час. Это определили, зажавши в пальцах травинку, как солнечную стрелку. Коля уди-

вился — так быстро! Когда ходили с Сашей, дорога казалась удивительно длинной.

...Потом Коля с друзьями облазит все эти места вплоть до Херсонесского мыса, где стоит белый каменный маяк. Обойдет по берегам Стрелецкую, Камышовую и Казачью бухты. Будет искать добычу среди остатков французского лагеря-городка, который назывался «Камьеш». И Девичья-Синекаменная бухта станет казаться ему совсем ближней, ну прямо рядом с домом. И все-таки первая вылазка в Херсонес, когда бродили там с Сашей, все равно будет вспоминаться как дальний поход...

В бухте никого не оказалось — день-то был не девичий. Поэтому, прежде чем лезть под камень-качун, решили искупаться. А куда спешить? К тому же подземные поиски требовали сил и свежести, и бултыхание в мелких ласковых волнах должно было эти силы и свежесть налить в мальчишек «под самое горлышко».

Купались долго. Потом долго грелись на песке. Перегревшись, окунулись еще разок. А когда вышли на берег снова, Фрол глянул себе под ноги и озабоченно сказал:

— Ого...

Как не скажешь «ого-го»,
Коль такое под ногой... —

И быстро нагнулся. Стал разгребать мелкую гальку. И всем открылась ржавая бомба...

Впрочем, для бомбы снаряд был мелковат. Скорее, артиллерийская граната — вроде той, что взорвали на Четвертом бастионе. То, что не ядро, ясно сразу. Круглое запальное отверстие выходящее чернело на выпуклом коричневом боку...

Фрол аккуратно взял находку в ладони. Покачал. Проговорил задумчиво:

Баю-бай, прошли все войны.
Баю-бай, лежи спокойно...

Коля мельком подумал, что у Фрола это, пожалуй, самые удачные стихи. Но спокойно от такой мысли не стало. Коля сказал сумрачно:

— Тимберс, на кой черт ты ее вырыл? — И тут же незаметно сцепил пальцы: поминать черта в таком положении не стоило.

— А если кто другой выроет? — рассудительно отозвался Фрол.

— Ай, куда ее теперь? — боязливо спросил Ибрагимка.

— Зарыть поглубже, — предложил Женя. — Так, чтобы никто не нашел.

— Давайте рванем! — загорелся Макарка.

— Запала-то нет, — напомнил Федюня.

— Можно утопить, — заметил маленький, но рассудительный Савушка.

Фрол, однако, возразил, что на мелком месте топить эту штуку не резон, а на глубину с ней не доплывешь. Лучше все-таки взорвать. Забраться на обрыв и сверху шарахнуть о камни. Может быть, грохнет...

«Это будет третий взрыв в моей жизни», — подумал Коля. И от нехорошего предчувствия заглодело внутри. Потому что известно всем, что на третий раз что-то обязательно случается. Но спорить он не стал, только сцепил пальцы крепче.

Скальными крутыми тропинками снова поднялись на отвесный берег. Фрол при этом бережно держал снаряд у груди. Коля и Федюня готовы были подхватить Фрола сзади, если вздумает загреметь вниз со своим опасным грузом.

Фрол, однако, не загремел, он был ловкий. И Колино предчувствие тоже не оправдалось. Когда Фрол скомандовал всем «подальше от края», швырнул гранату на нижние береговые камни и отскочил сам, из бухты не донеслось ни звука.

Осторожно глянули вниз. Граната, отскочившая от камня, черной ягодой виднелась на песке.

Спустились. Обступили гранату.

— Не хочет... — сказал про нее Фрол, как про живую.

— Давайте еще раз, — нерешительно предложил Федюня.

— Это опять, что ли, переть наверх? — сказал Поперешный Макарка. — А потом опять сюда, если не сгροхает?

Все, задрав головы, посмотрели на кромку обрыва. Над ней двигались плотные кучевые облака. Было душно. Совсем недавно купались, а теперь опять плохо дышалось от жары. В бухте среди каменных отвесов было горячо, как в недавно истопленной печке. А над морем легла по горизонту сизая мгла.

Нет, второй раз лезть наверх никто не хотел. Да к тому же пора было заняться главным делом.

— А если пальнуть по ней из пистоля? — предложил Ибрагимка.

— С издаля не попадешь. А ежели с близи, то самого, кто выстрелит, побьет осколками. Не будешь ведь целиться, спрятавши башку...

Фрол мягко уложил гранату в свою сумку из мешковины, которую носил через плечо. А пистолет, который до этого был в сумке, затолкал за широкий матросский ремень.

— Ты что, Тимберс, так и будешь ходить с гранатой на боку? — безразличным тоном сказал Коля.

— А куда же ее девать? Вернемся домой — выберем момент и рванем гальванической искрой...

— А сейчас-то зачем таскать с собой? Спрячь где-нибудь, — предложил Женя. Но во Фроле проснулось упрямство. С ним бывало так иногда. Вроде советуешь ему правильно, а он упрется вопреки этой правильности и хоть лбом его колоти о шлюпочный киль. И теперь он только погладил сумку по округлившемуся боку.

— Зачем прятать-то? Потом сызнава и не сыщешь. Надежнее, когда при себе...

Это было глупее глупого. И рискованно и тяжело тащить наверх такую тяжесть. Но Тимберса разве переспоришь? Да и никому не хотелось казаться слишком боязливым.

Коля все же попросил:

— Ты тогда держись подальше от других.... — Это была вроде бы шутка, но в то же время и просьба: «Поосторожнее...»

— Да не вздрагивайте, — хмыкнул Фрол. — Если при бросании не сгροхала, то в сумке-то с чего ей взрываться? Сроду такого не бывало...

— Тогда смотри хотя бы, не зацепи за камень, — сказал Женя. Фрол только повел плечом: не учи, мол, ученого...

Стали вновь подыматься по уступам узкой тропинки. Взмокшие, добрались до камня-качуна. Заглянули под него. Из черной щели приятно веяло холодком. Однако ясно было, что пробраться в лаз можно только ползком.

Фрол полез первым. Лег на каменную «губу» под нависшим камнем и заелозил по ней животом. А сумку осторожно двигал перед собой. Даже здесь не расстался с ней. Почему? Может быть, он что-то предвидел?.. Как потом все благодарили судьбу за это непонятное упрямство Тимберса...

Один за другим пролезли в прохладный сумрак остальные (Савушка опасно сопел; ему предлагали подождать снаружи, но он про такое и слушать не хотел).

Сразу за щелью пространство расширилось. Можно было даже стоять, если пригнешься.

Федюня, который притащил с собой круглый корабельный фонарь, деловито сказал:

— Фрол, давай-ка огонька...

Фрол заколотил осколком по кремню (солнце сюда не попало, линза не годилась). Трут на сей раз не капризничал, загорелся исправно. Засветили под выпуклым стеклом фитиль. В желтом свете выступили грубо отесанные стены. Большущие ломаные тени зашевелили на них руками-щупальцами. «Вот они, призраки...» И Коля с легким ознобом понял, что пришло время настоящих приключений. Как в рассказах из журнала «Земля и море».

Федюня с фонарем пошел впереди. Коля за ним, потом Женья. Как там выстроились остальные, Коля не видел. Заметил только, что Фрол со своей сумкой шел позади всех, в небольшом отдалении...

Каменный потолок стал повыше, можно было не пригибаться.

— Федор, ты не спеши, — сказал Коля в спину Федюне. — Освещай помаленьку все стенки. Вдруг тут где-нибудь тайник... — И от собственных этих слов сердце у него взволнованно затюкало.

Но тайника не было. Не было видно ни единой щелки на бугристой поверхности известняка. Коля костяшками пальцев стучал по камню, но звук был тупой и тихий, не выдававший никакой пустоты.

«Ладно, — утешал себя Коля, — куда-то этот ход все равно приведет. Может быть, к пещере или таинственному колодцу...»

Шагов через тридцать ход круто, буквой Г, повернул направо. А еще через два десятка шагов все остановились. Впереди была решетка.

Состояла решетка из вертикальных прутьев, тянувшихся сверху донизу. Ржавых, но крепких. Железные эти прутья... да и не прутья даже, а брусья в два пальца толщиной, расположены были не столь уж часто, однако не пролезть никому, даже Савушке.

Конечно, решетку подергали, потолкали, но она не шелохнулась. За ней был мрак. Во мраке наверняка скрывались тайны и, может быть, сокровища, однако попасть к ним было немислимо. Возможно, где-то прятался механизм отпирания, известный лейтенанту Новосильцеву. Но где? И что за механизм? Брусья казались намертво впаянными в камень внизу и вверху.

Коля, Женья и Фрол при свете фонаря ощупали стены и каменный пол — не найдется ли выступ, который поддастся нажатию? Не откроется ли углубление с хитрым рычагом? Все напрасно...

— В общем, приехали, — с ядовитой ноткой подвел итог Фрол. — Его благородие были не дурак, заперли за собой ворота накрепко...

Коле хотелось заскулить от досады. И от виноватости. Притащил друзей в такую даль, а зачем?.. Никто Колю не упрекнул ни полсловечком, но от этого было не легче. И с отчаяния Коля предложил:

— А может быть, рванем? Не зря Тимберс бомбу ташил.

Но Фрол на сей раз повел себя разумно. Сказал, что мысль дурная. Взрыв едва ли разворотит брусья, сила его уйдет сквозь решетку, а вот каменный свод может обвалиться. И тогда уж сюда никто никогда больше не попадет.

Коля уныло сказал:

— А зачем попадать-то? Все равно за решетку не сунешься.

Фрол возразил, что можно где-нибудь разузнать секрет. Или раздобыть специальные пилы.

— Такие, которыми раньше узники пилили решетки в башнях, когда убегали...

Но и Коля и другие понимали, что это пустые слова. Где раскопаешь секрет? Где достанешь такие пилы? Да и будет ли охота возиться? После первой неудачи интерес пропадает, а остатки его заслоняются другими делами.

Все разом притомились. Захотелось под открытое небо, на солнце. Можно снова искупаться, смыть усталость и досаду...

Но солнца снаружи не было. Когда выбрались из-под камня, оказалось, что недавние кучевые облака сошлись в потемневшую тучу, сизая мгла от горизонта придвинулась к самой бухте. В туче проскочила кривая молния — такая же ярко-голубая, как искра от батареи Фрола. Зарокотало. Стукнули редкие капли. Потом ударил такой ветер, что легонького Савушку чуть не снесло с площадки — в него вцепились сразу несколько рук.

Фрол хмыкнул:

— Пришла беда — отворяй ворота... Нам теперь ни вверх, ни вниз соваться не след. Промокнем до нитки, а то и сметет под обрыв. Лучше отсидеться под «крышей»...

И все опять забрались в темную щель.

Снова зажгли фонарь.

А снаружи теперь свистело, гремело, и косой ливень полностью заслонил за щелью пространство.

Эта была стремительная гроза — из тех, что приходят не издалека, а быстро собираются над побережьем, выстраивая тучу прямо над головами, в зените. Они бешеными смерчами атакуют берега. И заранее предсказать нападение такой грозы не всегда могут даже опытные моряки...

Стало сыро и зябко. В щель залетали брызги. Все отодвинулись. Сели плотным кружком, поставили посреди него фонарь. Лица в желтом свете казались похудевшими и очень озабоченными.

— Как вы думаете, надолго это? — спросил Коля. Он такой удар здешней погоды видел впервые.

— Ненадолго, — зевнул Фрол. — Такие грозы — скорые. За час небось отгремит.

«Час — тоже немало, — подумал Коля. — Ну да ладно. Зато похоже на приключение. Как путешественники в африканских горах... Только не опасно ли это?» Но спрашивать про опасность, конечно, не стал.

Ветер смешанным с брызгами шквалом ударил в убежище. При этом в щели вспыхнуло и грохнуло с такой силой, что Коля вскочил. Брякнулся теменем о низкий свод. Никто на его испуг не обратил внимания — потому что испугались не меньше.

— Давайте уйдем за поворот, — жалобно сказал Федюня и взял фонарь. Никто не спорил. Гуськом ушли за крутой изгиб коридора. В жидком свете опять проступила та окаянная решетка, зато здесь было не страшно. Какая гроза пробьется сквозь скальный массив!

Теперь удары грома были приглушенными, шум ливня стал тише и ровнее, вой ветра казался отдаленным.

«А может быть, гроза и правда ослабела?» — Коля хотел подползти к повороту и выглянуть. Женя осторожно придержал его за рукав:

— Не надо.

— Я только... — И в этот миг встряхнулась вся каменная толща.

Видимо, удар молнии пришелся где-то совсем близко. Может быть, прямо у входа в подземелье. Скальная порода не смогла на этот раз приглушить грохот — он прокатился по коридору, ушел за решетку и стих лишь очень далеко в каменных глубинах.

Эхо его катилось уже в полной темноте — пламя фонаря от удара заметалось и погасло. Почему-то запахло жженой травой.

Все с полминуты молча прижимались друг к другу. Потом захныкал Савушка.

— Ну-ну, без нытья, — сказал в сумраке Фрол. Голос его был необычно тонким. Слышно стало, как Фрол бьет кресалом о кремень. Бил он долго и часто — наверно, руки у него тряслись. Искры летели слабые...

Наконец трут заглел, дал огонек. Снова зажгли фонарь. Савушка тер глаза. Женя сидел, закусив губу. Ибрагимка ладонями сжал щеки и равномерно покачивал головой, глаза его были закрыты... А Коля вдруг услышал, что гул грозы слабеет со скоростью отходящего поезда... Ну и в самом деле пора — хватит уж таких страхов!

Коля на четвереньках подобрался к повороту (Женя теперь не удерживал). Высунул голову. Он думал увидеть если не пробившийся солнечный свет, то по крайней мере струи дождя в пасмурном воздухе грозы. Но мрак был тот же, что и сзади, у решетки.

— Ребята... — осевшим голосом позвал Коля.

Камень, веками торчавший над обрывом и безвредно качавшийся в своем гнезде, сейчас не выдержал попадания молнии. Может быть, надломился в скале его корень, как порой ломается в десне корень зуба от крепкого боксерского удара. Многопудовый «качун» всей своей тяжестью осел на торчавшую под ним каменную губу.

Щель все же светилась, но была она теперь еле приметной, шириною в два-три пальца...

Впрочем, когда гроза ушла, щель засветилась ярче, впуская отраженные от скал солнечные лучи. Только от этих лучей не было радости. Тоска была, потому что капкан захлопнулся накрепко. Попробуй сдвинь могучую глыбу!..

Конечно, пробовали. Дружно налегали ладонями на камень: «Раз-два, ухнем! Е-ще раз!..» И раз, и два, и, наверно, тысячу... Глыба лишь чуть покачивалась вверх-вниз — видимо, это было ее памятью о прошлых размашистых качаниях...

Савушка опять захныкал, Фрол сердито цыкнул на него.

— Тимберс, ты чего кидаешься на малюго! — с непривычной злостью вскинулся Федюня. — Сам затащил сюда всех, а теперь...

— Я затащил?! — взъелся Фрол, словно только и ждал, чтобы сорвать досаду. — Их благородие барон фон Вестенбаум затащили!

— Он первый раз, а ты сызнова, перед грозой! — плаксиво заспорил Макарка. — Лучше бы промокли, чем помирать здесь!

— Ай, зачем помирать? — осторожно сказал Ибрагимка. — Спасаться надо...

— Позови своего Алима, он спасет... — буркнул Фрол.

Тогда заговорил Женя Славутский:

— Ребята, мы же еще зимой, в погребке, обещали не ссориться...

— То в погребке, а то здесь! — сварливо откликнулся Макарка. — Здесь хоть кто злей собаки станет.

Женя сказал убедительным тоном:

— Нельзя нам злей собаки. Если мы перегрыземся, не будет спасения. Надо дружно...

«Женька прав... Но как быть-то? — прыгали у Коли мысли. — Хоть дружно, хоть еще в сто раз дружнее, камень не столкнешь... Может, всем вместе закричать изо всех сил? А кто услышит? Если и придут девчонки, то не раньше, чем послезавтра... Да и едва ли услышат на такой высоте, из-за камня. А если и услышат, убегут, решат, что их дразнят или пугают. «Ой, страх какой!» Саша может вспомнить про камень, догадается, что мальчишки отравились сюда. Но это лишь тогда, когда их хватятся. А хватятся не раньше вечера. И сперва будут искать по улицам, ходить от одних родителей к другим, а там и ночь наступит. Значит, помощь придет не раньше утра. Это в лучшем случае... А если Саша не догадается?... Кроме нее, про щель под камнем не знает никто... Через несколько сотен лет ученые-археологи отвалят на обрыве камень и найдут семь маленьких скелетов. «Наверно, уважаемые коллеги, здесь был детский склеп времен эллинской культуры...» Тьфу, дурак!» — И Коля уже нарочно стукнулся затылком о каменный потолок.

И услышал, как Женя говорит негромко и веско:

— Наверно, Фрол, пришло время для твоей гранаты. Не зря тащил...

И Фрол с той же серьезностью согласился:

— Значит, не зря.

Сразу все стали опять дружными и деловыми.

— А чем запалить-то? — спросил Федюня. — Кабы фитиль...

— У меня маленько пороха с собой, — сказал Фрол. — На два

пистолетных заряда. Скрутим из бумаги сигарку, сунем в запал. Сработает небось... У кого есть бумажка?

Ни у кого не было. Даже у Жени, который часто таскал в кармане маленькие листки и карандаш для беглых рисунков.

— Вот незадача! — стремительно впал в досаду Фрол. — Неужто ни у кого ни клочка? Сейчас бы любую ассигнацию не пожалел, ей-Богу...

Тогда Коля полез в карман...

Он и сам не знал, зачем постоянно таскает с собой вырезанное из газеты стихотворение. То ли как талисман, то ли считал это доброй приметой. Положил однажды и с той поры вынимал только перед стиркой... А может, не случайно все это? Так же, как не случайно граната Тимберса?

Он протянул Фролу протертый на сгибах газетный кусок. Ду- мал, Тимберс усмехнется, узнав стихи, но тот серьезно кивнул.

Пороховая сигарка получилась тугая, аккуратная. Толщиной в самый раз для запального отверстия. Фрол осторожно ввинтил ее.

Гранату подложили под камень. Там снизу нашелся в одном месте неглубокий проем (неужели опять не случайно?). Шувельнули глыбу, насколько она позволяла, вверх, опустили, и она прижала снаряд к каменной площадке.

Но теперь открылась новая трудность. Пороху-то осталось всего ничего. Надо было протянуть к запальной трубке пороховую дорожку, чтобы поджечь издалека, из укрытия, а получилась дорожка всего с аршин, как ни экономь.

Фрол шепотом выругался по-матросски. Все долго и озадаченно смотрели то на порох, то друг на друга.

— А если выковырять из пистолета? — предложил Савушка.

— Как из него выковыришь... — сумрачно сказал Фрол, — там пыж забитый. Да и толку-то. Хватит еще на полстолько... Ладно, ребята, я... вот что... Вы давайте за угол, а я зажгу — и следом. Небось успею...

— Не вздумай, — непреклонно сказал Женя. — Сработает вмиг, тебя разнесет.

Тогда Коля спохватился:

— А если фитиль?!

Все посмотрели на фонарь.

— Да я не про этот! — Коля только сейчас вспомнил про нитки. Вот ведь голова дырявая! Специально покупал, чтобы не за-

плутать в подземелье, а когда полезли в щель, забыл про них, не зацепил у входа, как собирался. — Где клубок-то?

Клубок нашелся в сумке у Фрола.

— Станет ли гореть? — усомнился Фрол.

Коля возбужденно сказал:

— А если фонарным маслом пропитать? Оно горючее!

Для пушей надежности решили сплести фитиль из нескольких ниток. Очень хотелось на свободу, но лучше уж все сделать как надо, чем из-за спешки провалить дело. Растянули нить от выхода до поворота раз, другой, третий... Так, чтобы рядом легли восемь прядей. Сплели их между собой. Молча работали пальцами, путались иногда, но не досадовали друг на друга. Только слышалось частое дыхание.

Из оставшихся ниток Фрол свил еще кусок, длиной в сажень, — для пробы. Пропитали его маслом и зажгли подальше от пороха. Получилось! Жаркий огонь взметнулся и пробежал по нити за две секунды. А от изгиба коридора до гранаты было сажень десять — значит, двадцать секунд.

Вновь приоткрыли горящий фонарь. Осторожно, неторопливо протянули сквозь емкость с маслом длиннющий фитиль. Снова разложили на полу. Снаружи, видимо, разгулялось вымытое грозой солнце. Теперь из-под камня пробивался яркий свет. Гранату и место вокруг нее было видно без фонаря. Фитиль концом положили на пороховую дорожку, тянувшуюся к запалу.

Все, конечно, боялись: получится или нет? Если граната не рванет, надежды не останется. А если рванет, но не сбросит камень?.. Или вдруг от взрыва обвалится весь проход?.. Впрочем, такие мысли были у Коли. А какие у других, он не знал. Каждый молчал. Наверно, чтобы не сглазить...

— Ну, пошли за угол... — как-то нехотя, насупленно проговорил Фрол. — Больше ждать нечего. — Конечно же, он боялся не меньше остальных. И почуяв это, все послушались без спора.

За поворотом сгрудились у фонаря.

— Ну-ка давайте все подальше! Чтоб никто не вздумал сунуться из-за угла! Вмиг башку снесет...

Все отошли на пару шагов.

— Кольчик, помоги, — вполголоса попросил Фрол. — Откинь стекло, а я запалю...

Коля отвернул набок шаровидное, в крупной железной сетке стекло. Коля сунул в широкий язык пламени конец фитиля.

Огонь вцепился в фитиль сразу. И помчался по нему скачками, словно отмеряя сажень за саженью.

— Назад!! — гаркнул Фрол на мальчишек, вытянувших шеи. Послушались все, кроме Коли. А Коля из-за плеча Фрола продолжал смотреть на бегущий огонь. Спрятаться можно будет в последний миг.

Свет из-под камня стал еще ярче. Он рассеивался в воздухе, отражался от желтого известняка боковой стены. Граната была видна отчетливо. Рядом с ней сидел крупный серый котенок.

«Откуда?.. Не может быть!.. Вот не повезло бедняге... Он ничего не почувствует... Будут красные брызги... Ни за что не успеть!..» — Такие мысли прыгали в Колиной голове, когда он прятал ее за каменный выступ.

Это ему казалось, что прятал. А ноги несли к котенку.

— Назад!.. — очень слабо, откуда-то из дальней дали кричал ему в спину Фрол.

Коля обогнал пламя... Самым трудным было, схватив котенка, погасить в себе скорость и набрать ее снова — в обратном рывке... Он налетел на Фрола, упал на него, перекатился, ожидая в этот же миг услышать позади могучий удар. Но было тихо.

Котенка Коля не выпустил. Тот не вырывался, только под шерсткой мелко стучало маленькое кошачье сердце. У Коли тоже стучало. А больше ничего не было слышно.

— Загасло, что ли? — наконец озобоченно сказал Федюня. И сунулся было из-за угла.

— Назад! — рявкнул опять Фрол. Он уже не смотрел на фитиль, сидел в укрытии. Сказал уже спокойнее. — Обождем минуточку, потом пойду гляну...

«Это я на бегу погасил фитиль! — с ужасом подумал Коля. — Что же будет? Ниток больше нет, а...» — И в этот миг грянуло.

Коля слышал взрыв третий раз в своей жизни. Однако прежние два звучали приглушенно, почти не страшно, а этот резким треском рванул барабанные перепонки. Свистнула и врезалась в каменную стену у поворота щебенка. Фонарь подскочил, упал набок и погас. И все упали вниз лицом. И Коля. Правда, не плашмя, а на локти, чтобы не придавить котенка. Тот сипло мяукал.

Переждав звон в ушах, Коля поднялся на колени. В каменном коридоре стоял рассеянный свет. Коля с котенком на руках вслед за Фролом вышел из-за угла.

Глыбы на входе не было. В большом проеме клубился пыльный дым. Сквозь него пробивалось влажное солнце.

ТА САМАЯ ДЕВОЧКА?

К воде спускались долго. Скальная тропинка-лесенка стала скользкой — держись, не зевай! Всем было весело. Казалось бы, с чего? Далеко в подземный ход не попали, ни золота, ни каких-то следов лейтенанта Новосильцева не нашли. Но... ведь что-то все-таки нашли! Приключение, вспоминать о котором потом будут с азартным замиранием души. А еще — радость от того, что дружба оказалась крепче страха: не перессорились, не поддались унынию, вырвались к солнцу!

Солнце швыряло из-за скал тысячи широких лучей. Воздух оставался еще влажным, и лучи в нем были хорошо видны. Туча ушла в правую часть неба и громоздилась исполинскою горой. При солнце она была особенно темной, сизо-черной, но уже не пугала. Впереди тучи сияла громадная радуга.

В воздухе резко пахло водорослями, рыбой и солью. Он искрился мириадами рассеянных в нем крошечных капель. Они покалывали щеки, руки, ноги.

Все скакали вниз быстро и, пожалуй, чересчур беспечно. Федюня уронил фонарь — стекло вдребезги.

— Вот уж дед тебе покажет, как бить фонари! — предсказал Макарка, но без вредности, а так, дурачась.

— А вот и не покажет! Это не дедов фонарь, а наш, мы с Федюней его у пристани за Хрусталкой нашли! — звонко сообщил Савушка. И чуть не свалился, поскользнувшись, — Ибрагимка схватил его за шиворот.

— Ай, какой бестолковый...

Коле было труднее всех. Он держал у груди котенка. Женя двигался чуть впереди — готов был подхватить Колю, если тот вдруг споткнется.

Наконец спустились на песок. И лишь тогда стали разглядывать спасенного котенка, гладили, чесали за ухом. Приговаривали «у, какой мурластый», «хорошая киса»... Никто не сказал Коле, что он герой. И сам он про такое не думал. Хорошо, что все так закончилось. Он впитывал в себя ласковое урчание котенка и был счастлив. Только вот шиколотку жгло надоедливой болью. Кажется, пламя фитиля успело лизнуть Колю по ноге, когда он проскакивал к гранате. Коля потерял одну ногу о другую.

Фрол наконец сказал ему:

— Лихо ты рванул. Я сперва не понял, думал, ты спятил. А потом смотрю, этот зверь... И откуда появился?

— Небось в щель пролез, — догадался Ибрагимка. — Может, думал, что там птичьи гнезда.

— Он еще малой. Такие не охотятся, — сказал Федюня.

— Не такой уж малой, — сказал Макарка.

Котенок был взрослее того, которого Коля и Оленька нашли весной. Старше, наверно, как раз на те два с лишним месяца, что прошли с той предпасхальной ночи. Если сравнивать с человеческим возрастом, то Оленькин котенок был вроде Савушки, а этот — как Коля или Женя...

— Можно я подержу кису? — попросил Савушка.

Коля отдал котенка — тот пошел к Савушке охотно.

Послегрозовая свежесть таяла. В воздухе опять растворялось горячее тепло. Все решили, что пора снова искупаться.

— Смоем все страхи, — хмыкнул Фрол. — А потом уж перекусим....

Быстро скинули одежду — все, кроме Савушки.

— Я пока не буду. Подержу кошку, чтобы не убежала.

Все сочли это разумным. Только Макарка сказал:

— Это не кошка, а кот...

Купались долго. Коля наконец устал плавать и встал в прозрачной воде по горло. Закашлялся — мелкая волна дурашливо плеснула ему в открытый рот йодистой горькой солью. Рядом оказалась Женя.

— Проглоти слюну, чтобы не так горчило.

— А, пустяки! Я люблю морскую воду.

— Какой ты молодец...

— А чего тут такого? — удивился Коля. — Морская соль полезна для здоровья.

— Я не про соль, а про котенка. Как ты здорово рассчитал! Как метнулся...

— Я ничего не рассчитывал! Я... меня будто толкнуло... Как тебя тогда на бастионе. Помнишь, ты говорил?

Наконец все выбрались на берег. Попрыгали, чтобы вытряхнуть из ушей воду. Стали натягивать штаны и рубахи — жариться на солнце больше не хотелось, будет перебор... Савушка принес котенка Коле.

— Подержи теперь, я окунусь.

— Давай... Далеко в воду не заходи... — Савушка, конечно, умел плавать, но мало ли что, если один...

Женя опять стал рядом.

— А Татьяна Фаддеевна разрешит держать дома котенка?

— Я... не знаю. Разрешит, я думаю... А разве я должен взять его себе?

— А разве нет? Ведь *ты* же его спас. Он теперь тебе... ну, как родня.

— Ой, и правда... Ну, если родня, то обязательно разрешит. Только не надо ей говорить, *как* я его спас. А то ужас что будет... Я знаешь, как его назову? Бусый... Буська.

Котенок на руках у Коли замурлыкал громче и стал тереться усатой щекой о синий галстучек на его груди.

— Ай, а где Савушка?! — звонко сказал Ибрагимка.

Место, где только что мелькала Савушкина голова, было пустым. Лишь рябила и сверкала под солнцем вода...

Федюня и Женя бросились первыми. Фрол следом. Потом и остальные. Коля оказался последним. Когда он забежал в воду по грудь, то понял, что до сих пор держит котенка. Метнулся обратно, посадил котенка на ближний камень и кинулся в воду опять. Запнулся, упал в волну с головой, поднялся и увидел, что Федюня и Женя — уже по пояс в воде — несут Савушку на берег. Остальные шли по сторонам.

Голова Савушки была откинута, глаза полузакрыты, руки и ноги болтались.

Едва ступили на берег, Фрол рывком положил Савушку себе на колено, крепко хлопнул по спине, запустил ему пальцы в рот. Из рта побежала вода, но Савушка не шевельнулся. Фрол бросил его спиной на песок, начал сгибать и разгибать Савушкины тоненькие руки. Видимо, он где-то слышал, как откачивают утопленников... Он старался изо всех сил...

А время бежало. Оно летело со свистом и звоном мимо Колиных ушей, в нем были нарастающий ужас и отчаяние. Потому что Савушка был по-прежнему неподвижный, неживой. Мертво белели из-под прикрытых век глазные яблоки... Коля смотрел будто сквозь мутноватое стекло. И в то же время замечал все подробности: громадно раскрытые, отчаянные глаза Федюни, закушенные губы Жени, плачущую гримасу Макарки, острые ключицы Ибрагимки под облепившей его рубашкой. И даже то, как спокойно, никуда не убегая, смотрит на все происходящее серый худой котенок.

«Можно, я подержу кису?» Ведь это было вот-вот, минуту назад! И вдруг... Господи, неужели Савушки *больше нет*? Почему?!

Фрол прекратил бесполезные движения. Постоял на коленях, согнувшись. Потом встал. То ли незаметно покачал голо-

вой, то ли просто уронил ее. Руки его висели вдоль мокрых штаннин.

И все стояли вокруг Савушки. А он лежал со вздернутым острым подбородком и будто прислушивался к чему-то дальнему, нездешнему. Руки и ноги его до локтей и колен были очень темными по сравнению с ребристым шуплым тельцем. Словно Савушка недавно бродил на четвереньках в корабельном сурике.

«Больше он нигде и никак не будет бродить...»

«Это еще Савушка или уже не...»

Федюня вдруг завыл и упал рядом с Савушкой, головой ему на грудь.

Макарка тонко заплакал.

... — Эй, мальчишки, что у вас?!

От обрыва бежала девочка. В коротком белом платьице, с красной косынкой на шее, с черной ленточкой на светлых, отлетающих назад волосах. Она очень быстро бежала. Ременчатые белые туфельки на длинных загорелых ногах мелькали, как клочки бумаги в потоке ветра.

Она с разбега растолкала ребят. Рванула за плечи, откинула от Савушки Федюню. Стремительно и гневно оглядела всех:

— Вы что! Распустили нюни!..

Так же, как недавно Фрол, она рывком положила Савушку животом себе на колено. Так же запустила ему пальцы в рот. Серdito дернула спиной. Вода хлынула из Савушки снова — сильнее, чем в прошлый раз. Но он по-прежнему не дышал.

Девочка перевернула Савушку на спину. Ртом прижалась к его губам. Равномерными толчками дыхания принялась вгонять воздух в его тошенькую грудь... И грудь наконец шевельнулась. Савушка закашлял.

— Кашляй, кашляй. Полезно, — сказала она. Савушка послушно стал кашлять еще. Девочка хлопнула его по щекам — справа и слева. Савушка наконец открыл глаза.

— Чего дерешься? — сипло сказал он. Девочка засмеялась.

Она приподняла Савушку за плечи, заставила сесть.

— Подержите кто-нибудь, чтобы не лежал больше. И пусть еще поплюет...

Федюня подхватил брата за спину.

Савушка не плевал. Он растерянно оглядывал мир, в который только что вернулся. Потом заулыбался:

— Я, что ли, чуть не потонул, да?

Девочка засмеялась:

— Теперь все в порядке...
 Она быстро огляделась.
 — Буська! Вот ты где, бродяга!
 — Мр-р... — сказал с камня котенок.
 — Я думала, ты просто так сбежал, а ты... Вот молодец! —
 И подхватила котенка на руки. Потом опять посмотрела на мальчишек. Сквозь упавшие на лицо легкие волосы.
 — Оленька... — тихонько сказал Коля.
 Она отдула волосы, встретилась с ним глазами. И этими глазами — серыми и лучистыми — сказала ему: «Здравствуй».
 — Это тот самый Буська? — все так же тихо спросил он.
 — Конечно, — улыбнулась он. И сразу стала озабоченной: —
 Ладно, мне пора. «Барабанщик» сейчас отходит от пирса...
 — Какой барабанщик? — всхлипнув за ребячьими спинами, сказал Макарка.
 — Теплоход так называется. Наш, ребячий... — Она снова шагнула к Савушке, тронула зачем-то пальцем его сжатый кулачок, махнула рукой и побежала к обрыву. Придерживала на плече Буську.
 — Оленька! — сказал Коля. На этот раз громко. Она обернулась на миг, снова махнула ладонью и скрылась за выступом скалы, где, видимо, начиналась тропинка.
 Савушка в этот миг заревел. Негромко, но чисто, без кашля. Все, конечно, кинулись к нему.
 — Ты чего?
 — Напугался?
 — Болит что-то?
 — Зачем вы ее сюда пустили?! — ревел Савушка.
 — Кого?
 — Ее... Она девчонка, а я голый...
 Всех разом одолел смех. Не удержаться.
 — Чего ржете, как жеребцы! — зашелся обидой Савушка. — Нарочно позвали, да?
 — Дурень, — сказал Фрол. — Она тебя от смерти вызволяла. — Было ли ей время тебя разглядывать?
 — А и не надо разглядывать, когда и так все видно!.. — не унимался Савушка. Левой ладонькой он запоздало прикрывал низ живота, а правой кулачком растирал по щекам слезы.
 Счастливым Федюня напомнил брату:
 — Совсем бестолковый! Ты же в том году вместе с Анфиской купался и не думал ни про что...

— Это в том году, а не в нынешнем... — упрямо гудел Савушка.
 Фрол наконец разозлился:
 — Хватит пускать соленую воду! Рядом и так целое море! Скажи спасибо, что не потонул!
 — Лучше потонуть, чем такой срам...
 — Тьфу на тебя! — взвинулся старший брат. — Вот как вмажу по транцу! — Он плюнул на ладонь и, наверно, вмазал бы. Но рядом с Савушкой сел на корточки Женя.
 — Не плачь. Она вовсе ни про что такое и не думала. Потому что это... ей все равно. Она ведь не девочка...
 — А кто? — Савушка замахал сырими ресницами.
 — Она — ангел.
 Савушка перестал мигать. Округлил глаза.
 — Сам ты ангел, — неуверенно сказал он. — Врешь все...
 — Не вру. Вот ей-Богу правда, — Женя перекрестился.
 Федюня сказал насупленно:
 — Зачем ты малюго сбиваешь с толку? Да божишься еще... Ангелы — они Божьи, врать про них грех...
 — Да разве я вру? — Женя снизу вверх глянул на ребят. — Вы сами-то разве не видели? Она же не по земле бежала, а по воздуху. И... сквозь нее камни и море были видны. Неужто не заметили?
 — Ай, вроде бы я заметил... — нерешительно сказал Ибрагимка.
 — Ничего ты не заметил! — строптиво ввинтился Макарка.
 Женя встал.
 — Если она простая девочка, то откуда взялась? И куда девалась?
 Фрол сказал неуверенно:
 — Мало ли откуда? Из любопытства спустилась с обрыва да обратно поднялась...
 — Где поднялась-то? — спросил Женя. Негромко так, будто жалеючи всех. — Идемте... — Он пошел к скальному выступу, за которым скрылась девочка. Оглянулся. — Ну, идите же сюда. Смотрите...
 Все подошли. Даже Савушка приковылял на все еще слабых ногах. За выступом не было ни тропинки, ни ступенек. И никакой щели. Был только голый вертикальный срез известняка.
 Все с минуту стояли и молча смотрели на гладкий камень.

Потом по одному стали отходить на прежнее место. Остались только Женя и Коля.

— Все-таки это девочка, — осторожно, чтобы не обидеть Женю, сказал Коля. — Это Оленька. Я ее знаю. Весной я помог ей отыскать котенка. У нее теплые пальцы...

Женя не обиделся. Но и соглашаться не стал.

— Ну и что же, что пальцы? Что же, что Оленька?.. А того ба-
рабанщика звали Жан. По-нашему Ванюшка...

Обедать никому не хотелось. Только Савушке дали кусок ко-
лотого сахара, чтобы сладил во рту и горле горечь и соленость.
Помогли ему натянуть штаны и рубашонку.

— И как тебя угораздило? — подступил наконец к причине
страшного происшествия Фрол. — Мы мигнуть не успели, а тебя
уже нет! И сумел враз наглотаться...

— А я не знаю!.. Я нырнул маленько и гляжу — на дне, на го-
лом камне, что-то круглое. «Гудзик» или денежка. Меня к нему
кто-то будто потянул. Я его ухватил... А после ничего не пом-
ню...

— Теперь и не узнать, что за гудзик тебя чуть не утопил, —
проворчал Федюня.

— Как же не узнать? Вот он... — Савушка протянул сжатый
кулак.

— Что у тебя там? Разожми! — велел Федюня.

Савушка виновато сказал:

— А не разжимается... Никак...

Савушкины пальцы, сведенные крепкой судорогой близкой
гибели, разжимали долго и осторожно. Федюня, Фрол, Коля.
И ждали, что в руке у Савушки окажется ржавая французская
пуговица или черная херсонесская монетка. Но пальцы наконец
разомкнулись, в глаза брызнул чистый желтый блеск.

На ладони лежала золотая монета.

Она была большая, размером с российский серебряный
рубль. И совершенно чистая. Без всяких прилипших чешуек,
песчинок и темных пятен. Словно ее только что вынули из-под
штампа. На одной стороне отчеканен был профиль какого-то
полководца в античном шлеме и надпись греческими буквами:
ЭЛЛАДА. На другой — два кентавра. Один — крупный, с курча-
вой бородой, второй — тонконогий кентавренек-жеребенок.

Они стояли рядом, но головами в разные стороны, и кентавр-
мальчишка оглядывался на пожилого будто с вопросом: «Ты раз-
решешь мне поскакать, порезвится?»

— Ай, как живые, — восхищенно выдохнул Ибрагимка.

Фрол задумчиво сказал:

— Правду сказывали, что в Синекаменной бухте случаются
чудеса... Вот, нашли все же сокровище. Теперь Савушка с Федю-
ней богачи...

— А почему — они?! — вскинулся Макарка. — Ты ведь тоже
Савушку вытаскивал! Значит, и твоя добыча! И другие помогали...

— Ох уж «помогали», — сказал Коля, вспомнив себя с котен-
ком на руках.

— Больше всех девочка помогла, — хмуро напомнил Федюня.

Фрол усмехнулся:

— Где она, та девочка? Да ангелам золото и ни чему. Правда,
Жень?

Женя рассудительно сказал:

— Савушка монету нашел. Ему и решать.

Савушка всех обвел влажными блестящими глазами.

— Вы разве забыли?! Говорили же: если золото найдем —
Маркельчу на корабль!

Монету завернули в мятый, но довольно чистый Колин пла-
ток (у других, даже у Женьки, платков не было). Положили в сум-
ку Фрола, на самое дно. Фрол проверил, хорошо ли заряжен пис-
толет, вставил кремь. Если несешь сокровище, лишняя пре-
досторожность не мешает.

Когда шли к городу, заспорили: хватит денег, полученных за
монету, для покупки тендера? Хоть и золотая, хоть и большая, а
все же одна...

— Давайте спросим у отца Андрея, — предложил Коля. — Это
монах в здешнем монастыре, он вроде сторожа на раскопках.
Все знает про древности...

— А не отымет этот сторож монету? — засомневался Фрол. —
Вдруг скажет: казенная...

Коля уверенно мотнул головой:

— Не отнимет. Он не такой... И вообще, здесь особый случай.
Ну, как сама судьба...

Решили зайти к отцу Андрею немедленно. Было по пути.

Ребята остались поодаль, лишь Коля и Фрол пошли к сто-

рожке по тропинке среди густой полыни. Навстречу шел мужчина в длинном подряснике и скуфейке. Но не отец Андрей.

— Добрый день вам, — нерешительно сказал Коля.

— Слава Господу... Далеко ли путь держите, отроки? — Монах был еще не стар, с густой бородкой и внимательными карими глазами.

— К отцу Андрею... Он дома?

— К отцу Андрею? — Монах стал смотреть мимо Коли. — А ты, стало быть, его знал?

— Почему «знал»? — упавшим голосом сказал Коля. — Разве... Монах перекрестился.

— Царство ему небесное. Славный был брат, добрая душа...

У Коли намокли глаза.

— Я ведь говорил ему: надо к доктору... — выдавил он шепотом.

— Да не в докторе дело, — вздохнул монах. — Брат Андрей и с кашлем своим прожил бы немало, если бы на то Божья воля. Да вышло по-иному. Две недели назад заштормило, волна прибила на шлюпке рыбаков к ближним скалам. Бросились мы спасать. Бог дал, вытащили всех, да брат Андрей не уберется, ударило головой о камни... — Монах перекрестился опять.

У Коли все же сорвалась слезинка. Упала на босую ступню.

— Ты помолись за него, мальчик, — сказал монах.

— Помолось, — шепнул Коля. Фрол осторожно дышал у него за спиной.

...Нельзя сказать, что гибель отца Андрея сильно огорчила всех — незнакомый же. Только Женя сочувственно подержался за Колино плечо. Некоторое время, однако, шли молча. Потом опять, слово за слово, пошел разговор о прежнем: хватит ли денег?

— Давайте я посоветуюсь с тетей, — предложил Коля. И стрельнул глазами во Фрола. — Не бойся, не отберет.

— А кто боится? — хмыкнул Фрол. — Только больше никому не надо рассказывать. Мало ли что...

На том и порешили. Все знали, что Татьяна Фаддеевна Лазунова — самый образованный человек в округе. Она и разберется в сложном деле, и худого не посоветует.

Когда были уже у Карантинной бухты, Савушка вдруг взял Колю за рукав.

— Можно, я спрошу?

— Что, Савушка?

— Саша не может ли сшить мне воротник, как у тебя?

— Нравится?

— Страсть как нравится.

— Я ее попрошу. Небось не откажется.

— Коля, а если та девочка ангел... котенок, значит, тоже ангел?

— Не сочиняй, Савушка, — строго сказал Коля. — Котенок это котенок...

ТЕНДЕР «КОТЁНОК»

Ветер был самый подходящий. Едва ли он дотягивал до трех баллов, но все же на синей воде там и тут вспыхивали пенные гребешки. Особенно заметны они стали, когда тендер вышел за бывшую линию затопленных кораблей. Дуло с норд-веста. Кораблик шел курсом крутой бейдевинд. Можно было слегка увалиться под ветер, взять левее, но Маркелыч не хотел слишком прижиматься к скальному берегу. Не стоит рисковать даже в малости, когда первый раз пошел с мальчишками на борту.

При крутом бейдевинде, когда ветер чуть ли не в нос, не очень-то наберешь ход. Но все-таки скорость казалась немалой — оттого, что резвые небольшие волны бежали почти навстречу. Изогнутый форштевень тендера, словно бритвой, взрезал их бурливые гребешки. Иногда на палубу забрасывало брызги.

Мальчишки и Саша собрались на баке, у шпора бушприта, зажатого крепкими деревянными битенгами. Впереди над бушпритом и утлегарем круто выгнулись треугольные парусиновые крылья — стаксель и кливер. Красота!.. Был конец августа. Встречный воздух прогонял жару, но полуденное солнце уже пропитало теплом палубу, и доски ласково грели босые ноги. Иногда из щелей выступала смола и прилипала к ступням, но это никого не огорчало.

Ветер вскидывал за плечами синие воротники...

Саша после Савушкиной просьбы сшила воротник не только ему. Всем сшила. Их можно было надевать на любую рубашку, завязывая на груди узкие концы (так делали многие иностранные матросы, которых появлялось в городе все больше). Коля был доволен: теперь он не будет выделяться среди ребят. Ему очень нравился его воротник, но порой было неловко: люди часто поглядывали удивленно, а то и косо. Кое-кто из полужнако-

мых мальчишек даже звал его «Колька-голландец». А теперь — нате вам!

Воротники стала носить почти вся компания. Даже Ибрагим-ка повязывал его поверх замызганной рубашки, похожей на короткий полосатый халат. Конечно, в других ватагах, особенно за Южной бухтой, нашлись вредные люди и начали чесать языки:

Пушкари-голландцы —
Сіни голодранцы...

Однако там, в Корабельной слободке, главной была команда курчавого Филиппа Кучки по прозвищу Цыган и рыжего Буньчика, с которыми «пушкари» Фрола Буденко на Четвертом бастионе заключили вечный мир. Эти «корабельщики» не давали своих союзников в обиду...

Из мальчишек лишь Фрол стеснялся носить воротник. Но сейчас, на палубе, Фрол тоже надел его. И даже Саша, смущаясь, украсила свое платье синим с полосками прямоугольником. Здесь можно — все свои, никто не скажет, что такой наряд не для девочки...

Ребята не знали, конечно, что через несколько лет синие воротники-гюйсы станут частью формы во всем российском флоте. И почти во всех других странах тоже. И что сразу рубашки и блузки с матросскими воротниками сделаются любимой и привычной ребячьей одеждой, мода на которую сохранится на долгие десятилетия. Да и как не сохраниться? Ведь во все времена многие мальчишки, да и девчонки тоже, мечтают о дальних морях и парусах...

Дунуло чуть покрепче, снова взлетели брызги, и маленькое одномачтовое судно побежало еще резвее. Или показалось, что резвее...

Вообще-то старый тендер длиною чуть больше двадцати метров и водоизмещением в сто двадцать тонн делал сейчас едва ли больше пяти узлов. Это несмотря на то, что нынче он лишен был чугунного груза десяти орудий и экипажа в тридцать с лишним человек. Это в прежние боевые времена «Македонец» при крутом бейдевинде давал до двенадцати узлов, а нынче, постаревший, расшатанный, с обросшим днищем, он мог лишь вспоминать лихую молодость. Зимой придется ставить на ремонт (что опять же потребует денег и сил, ну да как-нибудь...).

И все же старый кораблик держался молодцом. И ясно, что со стороны он выглядел красавцем — с изогнутым стремительным форштевнем, с приподнятым бушпритом и откинутой на-

зад мачтой, с освещенной солнцем парусиной кливера, стакселя и широкого гафельного грота.

Облик тендера не портило даже то, что Маркелыч не стал поднимать на стеньге рейковый топсель, а на топ-штаге летучий кливер. Когда идешь с таким юным народом, надо быть начеку. Дунет посильнее, можно замешкаться, убирая лишнюю парусину. Хорошо было Новосильцеву, когда на каждую снасть по служителю. А сейчас на тендере, кроме Маркелыча, находились всего трое взрослых — его добрые приятели, которые согласились пойти к нему в матросы за очень даже небольшую плату. Скорее по дружбе и ради вольной жизни под парусами... Один теперь стоял на юте у скрипучего штурвального колеса и нактоуза, двое других приглядывали за парусами.

Маркелыч впервые шел на тендере не только шкипером, но и владельцем...

Денег, полученных за монету с кентаврами, хватило. Не так уж много просил старый Федос Makeев. А ценность монеты, как оказалось, была не столько в ее золотом весе, сколько в древности, редкости и удивительном изяществе чеканки.

— Называется «антиквариат», — объяснял Коля приятелям.

Нельзя сказать, что с оценкой и продажей находки все обстояло просто. Но трудности не коснулись Коли. Они легли на плечи тетушки и (главным образом!) на плечи доктора Орешникова, который проявил немалый энтузиазм и умело использовал знакомства среди ученых людей в Симферополе.

А наиболее серьезной трудностью во всем этом деле оказался сам Маркелыч. Когда ребята в сопровождении Татьяны Фаддеевны принесли ему несколько крупных ассигнаций, он сперва ничего не понял, потом смешался, покраснел и наотрез отказался брать деньги.

— Да как же я могу... Потом всю жизнь не расплачусь... Люди-то что скажут... Татьяна Фаддеевна, да с чего это все? Чем я заслужил?

Татьяна Фаддеевна уговаривала Маркелыча недолго. Через минуту суховатым сказала:

— Николай Тимофеевич, это ведь не я придумала. Это решили мальчишки. Они нашли монету, когда купались, они так постановили... Не знаю... Может быть, это та же судьба, как... с Катенькой? Тогда отказываться грех... — И вышла из сарайчика, где шел разговор.

Ребята продолжали уговаривать. Доказывали, что расплачиваться не придется — это же не заем, а подарок. И люди ничего

не скажут, потому что ничего не узнают, будут думать, что Маркелыч скопил деньги сам. А подросший и ставший дерзким Савушка неожиданно заявил, глядя на Маркелыча в упор:

— Ежели не возьмешь, утоплю эти деньги в море, прямо там, где нашел золотую деньги!

(«Не ты нашел, — мелькнуло у Коли уже не первый раз. — Оленька коснулась кулака, когда уходила...»)

Но даже Савушкины слова не убедили Маркелыча. Он дергался растопыренными пальцами за щеки и мотал головой.

— Дорогие вы мои... Я вам всей душой за это... Да только подумайте сами: как это взрослый мужик возьмет такие деньги у малых детей?

— Да разве мы такие малые? — сердито сказал Фрол. — Голова-то варит у каждого, сами решать способны...

— Оно так, да только...

Женя вдруг негромко попросил:

— Николай Тимофеевич, послушайте меня...

— Да говори, говори. Я чего... я слушаю...

— Вот вы, когда были такой, как мы... даже меньше нас... вы дрались за этот город. Значит, и за нас... Потому что он же наш... И вас могли каждый день убить. И вы это знали и все равно... жизни не жалели... А теперь из-за денег упрямитесь. Разве деньги дороже жизни?

Может, у кого-то другого эти слова прозвучали бы напыщенно и ненатурально. Но это у другого. Смирный ясноглазый Женька сказал их так, что стало тихо-тихо. Только желтая бабочка скреблась в застекленном оконце. Саша тихо взяла ее в ладонь и отнесла к открытой двери.

Маркелыч, съезженно сидевший на кривом табурете, опять помотал зажатой в ладонях головой. Потом откинул руки и выпрямился.

— Ну... коли так, пускай тендер будет общий. Мой и ваш. И ежели у кого какая нужда, сразу подыдем паруса...

Однако общий-то он общий, а документы оформлять пришлось все равно на Маркелыча. Оно и понятно — он и шкипер, и главный покупатель.

Он придумал для кораблика и новое название — «Котёнок».

Ребятам сперва показалось — какое-то уж слишком не морское, мирное по сравнению с «Македонцем» и даже с «Курганом». Маркелыч, однако, сказал:

— Ну и что же, что мирное? Он в свое время навоевался, теперь у него другие заботы. А «Котёнок»... Я сперва хотел, чтобы

«Катенок», в честь Катеньки, да люди подумают, что ошибка. Ну и пусть пишется с буквой «о», а мы-то будем знать, что к чему... А? — При этих словах Маркелыч смутился, как дитя, но никто уже не спорил. А Коля подумал, что название с буквой «о» тоже может иметь смысл, — вспомнил Буську...

Путь от стоянки в Артбухте до мыса Херсонес тендер «Котёнок» одолел за час с небольшим. Прошли за левым бортом знакомые древние берега с недостроенным Владимирским собором. Где-то там, недалеко от собора, была могила отца Андрея с маленьким деревянным крестом... Уплыла назад чуть приметная скала у входа в Синекаменную бухту. Вслед за ней уплыли маяки у Камышовой и Казачьей бухт. Стал виден Херсонесский маяк. Ветер был все такой же ровный, но слегка зашел к норду.

Маркелыч не пошел близко к мысу, взял мористее. И лишь когда маяк оказался на зюйд-осте, Маркелыч скомандовал матросам:

— Ну, братцы, пора! Уваливай... Поворот фордевинд!

Бушприт быстро побежал к зюйду. Солнце весело ударило навстречу. Ветер зашел в корму, потом перевалил на левый галс. Маркелыч и два матроса, работая на гика-шкоте и завал-талях, перетянули парусиновую громаду грота на другой борт. Бревно гика тяжело прошло над головами, заскрипели на мачте деревянные кольца-сегарсы, парус гулко ударил о правые ванты. Тендер сразу увеличил ход. Еще бы! Сейчас был полный бакштаг — лучший относительно ветра курс для парусного судна.

Город, видимый теперь с левого борта, быстро уходил за мыс. Белый, освещенный солнцем, с ярусами улиц на холмах, он отсюда, издали, вовсе не казался разрушенным. Прекрасный приморский город, где на бульварах и площадях множество жизнерадостных людей... Когда-нибудь он обязательно будет таким. Давно закончилась осада, а новые войны и беды городу пока не грозили.

— До свиданья, Севастополь, — не сдержал легкой грусти Коля.

Оказавшийся рядом Маркелыч вздохнул:

— Эх, нет у меня больше ни одной кегорны. А то бы отсальтовали нашему городу... Миша, голубчик, приспусти-ка и подыми снова флаг!

Матрос Миша исполнил команду. Флаг у задней шкаторины

грома скользнул на сажень вниз и снова ушел к ноку гафеля. Весело затрепыхал.

Это был не просто российский флаг, а с короной и почтовым рожком на верхней, белой полосе. Флаг РОПИТа. Маркелыч добился его, подрядившись в правлении Общества доставлять для доков кое-какие грузы. Флаг Общества давал всякие преимущества при стоянках в черноморских гаванях. Кроме того, Маркелыч сговорился уже, что к зиме поставит «Котёнка» для ремонта на РОПИТовские стапеля...

Коля, Женя, Фрол и Федюня поглядывали на флаг с гордостью. Как-никак они имели отношение к РОПИТу — учились в его ремесленной школе.

Правда, ученики Лазунов и Славутский со школой уже расстались. В Ялте попечением графа Мордвинова открывалась мужская прогимназия, и на семейном совете Славутских решено было, что Жене там самое место. На испытаниях определяют, в какой класс ему можно пойти — во второй или третий. А жить он будет у тетушки Дарьи Алексеевны, отцовской сестры...

Когда все это определилось окончательно, Женя загрустил. И наконец сказал Коле:

— Там ведь и четвертый класс есть. А из него можно в пятый гимназический, гимназию там тоже скоро откроют... И море там такое же, как здесь... А?.. У тети Даши дом большой, у нас была бы своя комната...

И Коля, до той поры думавший, что врос в Севастополь окончательно, заметался в душе.

Жаль город, но он ведь будет неподалеку. Дорога занимает лишь несколько часов. Да и Маркелыч на «Котёнке» не раз появится в Ялте, может доставить в Севастополь соскучившихся мальчишек.

Жаль друзей-приятелей, но Женька-то самый близкий друг...

А Саша?.. Но были слухи, что откроют в Ялте и женскую прогимназию. Если не в том, то в следующем году. Тё-Таня убедила уже Лизавету Марковну, что Саше учиться надо непременно, и обещала помочь в подготовке...

Потом были еще всякие обсуждения, хлопоты по передаче документов в Ялту, разговор с Дарьей Алексеевной, которая приезжала в Севастополь. Женькина тетушка была совсем не похожа на брата, Кондратия Алексеевича. Грузная, громкоголосая и энергичная, она с энтузиазмом поддержала все планы. Заявила, что к обоим гимназистам будет относиться как к родным племянникам, а ежели что не так, то и попадать будет обоим

одинаково. При этом она погрозила толстым веснушчатым пальцем. Женя и Коля одинаково хихикнули. Известно было, что нет добродушнее существа, нежели эта грозная с виду тетя...

Татьяна Фаддеевна старательно скрывала грусть близкого расставания. На этот раз грусти у нее замечалось больше, чем перед Колиным поступлением в корпус. И это несмотря на недавнюю свадьбу. Кстати, венчание было очень скромным и малолюдным, и после него ничего не изменилось. Пристройка к дому не была еще готова, супруги Орешниковы по-прежнему жили порознь и главные силы отдавали не семейной жизни, а обустройству городской больницы. Борис Петрович все-таки выхлопотал у городских властей кое-какие деньги и домик, в котором решено было разместить двадцать коек для мужчин и пять для женщин. Это немного даже для нынешнего малолюдства, но все-таки...

Колю доктор Орешников излишне чинно спросил:

— Николай, я надеюсь, причиной вашего решения стало не наше с Татьяной Фаддеевной бракосочетание? Вы, насколько я знаю, не были против?

— Да что вы, Борис Петрович! Просто надоело быть экстерном, надо же когда-то учиться как все... Ну и Женька... Да к тому же летом и в зимние каникулы я все равно буду здесь!

И вот теперь они плыли в Ялту окончательно. Татьяна Фаддеевна, чтобы проследить за обустройством Коли, тоже уехала туда, но сухопутной дорогой. После плавания на «Андрее Первозванном» ей при одной мысли о морском путешествии становилось дурно. А Коля и Женя в сопровождении друзей-приятелей совершали свой первый в жизни парусный рейс. И, скорее всего, последний в это лето.

Что поделаешь, все в жизни кончается, и это лето тоже бежало к концу. И, возможно, кончалась история дружной компании — той, что сложилась прошлой зимой в Ботманском порте.

Будет, конечно, еще теплый сентябрь. И в октябре тоже будут еще зеленеть деревья и цвести палисадники. Да и позже, говорят, случаются совсем летние дни. Но эта — пусть даже теплая пора — будет уже иной. С иными заботами и тревогами, с иными радостями.

К вечеру «Котёнок» придет в Ялту. Завтра Маркелыч возьмет в ялтинских пакгаузах попутный груз, а на следующий день отправится в обратный рейс. Коля и Женя помашут с пирса друзьям, и это будет, конечно, грустно. Может быть, даже слеза набе-

жит. Но... это будет еще не сегодня. А сейчас была звонкая радость парусного плавания. И летело навстречу высокое солнце. Взглянешь сквозь ресницы — и оно похоже на рыжего всадника-мальчишку.

...Разве обязательно каждую минуту думать про то, что *будет*, если есть такое *сейчас!*

Все равно никто не ведает своего будущего.

И они не ведали...

Макарка не знал, что, сделавшись матросом на броненосце, он даст по зубам сволочному, ненавидевшему нижних чинов лейтенанту и за то окажется под судом. Бежит из военной тюрьмы, будет пойман и пойдет в сибирскую каторгу. Поперешный характер, однако, не позволит Макару Калюжному послушно тянуть каторжную лямку. Он уйдет от стражи в тайгу, смешается там с вольным, недоступным властям народом, будет охотиться, жить по займам и глухим деревням, потом с чужим паспортом окажется в Тюмени, станет матросом на пароходе «Отец» и будет ходить на нем от этого города и до самого Ледовитого моря. Потом женится, заведет детей и внуков, которым на старости и откроет полную историю своей жизни и настоящее имя...

А у Ибрагимки вскоре умрет дед, объявятся кредиторы и тут же приберут к рукам лавку, а сердобольные турецкие рыбаки, которых шторм загонит к Севастопольским берегам, пригреют мальчишку и на своей фелюге тайно переправят в Стамбул. Там Ибрагимка отыщет дальних родственников, и они не прогонят его. Устроят учеником к чеканщику, и станет Ибрагим стамбульским ремесленником — одним из многих тысяч. И так же, как все они — то в горестях, то в маленьких радостях, — проживет свою жизнь, рассказывая своим сыновьям и дочкам о разбойнике Алиме и о детских приключениях на российском берегу...

А Саша... Саша сейчас стояла рядом с Колей и боялась, что он поранит руку. Дело в том, что Женя забыл дома свой ножик и попросил у Коли. Женя хотел очинить карандаш, чтобы сделать набросок мыса Фиолент. Вот Коля и достал свой «складень» фирмы «Барлоу». И прежде, чем дать Жене, раскрыл, подбросил и ловко поймал за рукоятку. И еще раз...

— Не балуй, — сказала Саша. — Он же острый! Страх какой...

— Опять? По носу...

— И ничего не по носу! Сам получишь! Будешь дурачиться с ножом, отберу и выкину за борт!

— Не вздумай! Это же американский подарок! Сэм подарил!

Забыла, что ли? Я тебе рассказывал в Синекаменной бухте. Когда мы первый раз... — Он хитро глянул и замолчал.

Саша быстро оглянулась на присевшего у бушпритного бита Женью. Порозовела. Быстро сказала:

— И не было там ничего... И про Сэма ты все выдумал...

Кажется, и впрямь она не верила, что Коля встречался с американцем Сэмом. С тем, который в пещере целовался с девочкой Бетси. Не верила больше двадцати лет, до восьмидесяти девяти года, когда из дальнего плавания к островам Тихого океана на Севастопольский рейд пришел военный клипер «Кречет».

Молодой профессор гидробиологии, сотрудник Севастопольской биологической станции Николай Федорович Лазунов-Вестенбаум, съехал на берег в первой же шлюпке. Крепко обнял жену, присел на корточки перед двумя мальчишками в широких шляпах с лентами и белых матросках.

— Господи, большущие какие... Ну и понятно, ведь почти год...

Сыновья, роняя шляпы, повисли у него на плечах...

Потом, когда в обширной пролетке ехали на Морскую, к дому, братья сидели против родителей, к извозчику спиной, и неотрывно глядели на отца, явно торопясь что-то сказать. Младший открыл рот, но старший — личность солидного девятилетнего возраста — толкнул его локтем и заспешил:

— Папа, если появилась в доме интересная книга, кто должен читать первым? Ведь старший, не так ли?

— Нет, младший! — подскочил на сиденье брат и ухитрился лягнуть старшего исцарапанной, кофейного цвета ногой. — Младшим надо уступать!

— Перестаньте сейчас же! — Мать сморщила переносицу с чуть заметными, проступившими сквозь крем конопущками. — Николай, они сведут меня с ума. Они скандалят из-за этой книги третий день!.. Кончится тем, что я приглашу для них гувернантку с самым свирепым нравом. Родом из Германии.

— Не надо, — быстро сказали оба брата.

— Нет, надо! Потому что у меня уже нет сил...

— А что за книга? — любясь присмирившими (надолго ли?) детками, спросил Николай Федорович.

— Американское издание. «The adventures of Tom Sawyer», автор некий Mark Twain... Хорошо, что дети овладели английским чтением, но этот их неугасимый спор... Говорю: «Читайте вместе, вслух». Однако же произношение у каждого такое, что не понимают друг друга. Текст разбирают прекрасно, а говорить не

научились. Я вчера взялась читать им сама, но и меня они на слух воспринимают с трудом... Зато, когда уснули, я одна дочитала книгу до конца. И... знаешь что?

— Что, дорогая? — встревожился профессор ее необычным тоном.

— Там я прочла о мальчике Томе, который в пещере (и не только в пещере) целовался с девочкой Бекки. Почти Бетси, верно?.. Коля, того американца, о котором ты не раз говорил мне, звали точно Сэм? А не Марк?

— Сэмюэль... Ты покажи мне потом эту книгу.

Вечером, после чая, о книге вспомнили снова. В ней был и портрет.

— Милая, конечно, это он. Только чуть постаревший. Те же усы. И глаза... А Марк Твен — это не что иное, как псевдоним. Станный, кстати. Увы, я не столь хорошо знаю английский, но, по-моему, в переводе это означает «Вторая марка» или что-то подобное...

— Похоже, что так... Но где же наши пираты?

Братья тут как тут:

— Папа, а кому же сегодня можно читать? Ему или мне?

— Сегодня никому, — находчиво разрешил спор отец. — Потому что скоро пора в постель. Лучше я перед сном расскажу вам о Сандвичевых островах. А завтра все определит честный жребий. Так решают все сложные вопросы настоящие моряки...

— Брысь умываться и укладываться, — добавила мать. — Помните о гувернантке. И если сейчас опять начнете бузу, я каждому надеру уши.

Мальчишки ускакали с песней «Спасите наши уши, спасите наши души!».

Профессор Лазунов-Вестенбаум сказал:

— Фи, сударыня! Драть уши неаристократично. Не забывайте, что вы баронесса. — Эта была его давняя шутка.

— Ага, баронесса с Карантинной слободки! — охотно откликнулась Александра Григорьевна.

— С Артиллерийской, сударыня!

— «С Артиллерийской» звучит претенциозно. А «с Карантинной» — в самую точку. К тому же они все равно были рядом, а теперь уже слились.

— И тем не менее я патриот Артиллерийской слободки и более никакой. Ее переулков, трапов, погребков и косогоров.

— Увы, наши дети тоже. Когда они живут у бабушки Лизаве-

ты, она позволяет им играть с мальчишками в «кранцы-транцы» и бегать босиком.

— Какой ужас!

— Не смейся. Твоя тетушка и ее супруг не лучше. Доктор научил их делать оружие из старых подтяжек. И они выставили стекло в особняке контр-адмирала Зарубина.

— Представляю, какой был скандал!

— Нет, не представляешь! Более чем скандал! Адмирал повел себя, как мальчишка. Хохотал и просил обучить его стрельбе из этой штуки...

Профессор поцеловал жену.

— Мир прекрасен, — сказал он.

Но все это будет еще не скоро... А пока тендер «Котёнок» бежал вдоль южного берега, и сердца радовались сбывшейся парусной сказке.

— А что, братцы, не поставить ли брифок? — спросил Маркелыч. Взрослые матросы отозвались со сдержанным почтением: «Как скажете, шкипер». А ребята, даже Саша, радостно завопили, что «поставить непременно!».

Маркелыч и два матроса по вантам забрались на длинный, подвешенный под салингом рей. Взяли еще и Фрола, чтобы с каждого конца было по два человека.

— Не боишься? — сказал Маркелыч.

Фрол только хмыкнул.

...Потом он три года будет ходить на «Котёнке» юнгой и матросом, пока не уйдет на завод в механический цех. Уйдет же потому, что у матроса на крошечном паруснике заработок с гулякин нос, а родители стали хворые и надо ставить на ноги подрастающую сестренку...

Но опять же это потом. А пока освобожденная от сезней парусина взметнулась по ветру.

— Живо выбирайте шкоты! — заголосил с высоты Маркелыч. Мальчишки и Саша потянули снасти. Не очень умело потянули, но все же брифок взял ветер. Мигом спустившиеся матросы, Маркелыч и Фрол помогли. Рей был обрасоплен как надо, концы брасов и шкотов закреплены на кофель-нагелях. Прямой, как на фрегате, парус теперь стоял упруго, без полосканья и дрожи. Заполоскали было впереди брифока стаксель и кливер, но тут же опять натянулись.

Чтобы лучше видеть паруса, все перешли на ют.

Навстречу тендеру, хлопая колесами, шел против ветра небольшой пароход «Русь».

— Небось папенька на нем, — вздохнула Саша. — Да только не увидит нас, он внизу, у топок...

— А что такое «теплоход»? — вдруг вспомнил Федюня. — Девочка тогда сказала: теплоход «Барабанщик»...

— Небось она про пароход так, — рассудил Фрол. — Пар-то получается от тепла, вот и выходит «теплоход».

Женя оторвался от рисунка.

— А разве есть пароход «Барабанщик»? Я не слышал про такой...

— Да мало ли их нынче, — сказал Макарка. — Про все разве услышишь...

«Котёнок» слегка кренился на правый борт и все больше набирал ход. Ветер дул слева и со спины, кидал на затылки синие воротники. Встречные лучи просвечивали парусину, и казалось, она упруго звенит от солнца.

Все опять замолчали. Шумел в снастях догонявший парусник ветер, бурлила кильватерная струя. Не отставая от тендера, неслись рядом с мачтой несколько чаек. Мальчики и Саша смотрели на них, запрокинув головы...

Что будет впереди? Сейчас никто не думал об этом. Им хватало нынешних — просвеченных синевой и солнцем, продутых теплым ветром, подхваченных парусным бегом — бесконечных минут. И может быть, минуты эти как раз были тем, что называется «счастье».

Декабрь 2000 г.

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД

Часть I

НОВЭМБЭР ЧАРЛИ

УРОК МАТЕМАТИКИ

Здание было старинное. В давние времена, лет сто назад, в нем устроили гимназию, а еще раньше, до Первой обороны, здесь размещались классы морских юнкеров. Говорят, в этом доме не раз бывали знаменитые адмиралы парусного флота — те, кто похоронен сейчас в белом храме на горе, высоко над синими бухтами.

От французских и английских ядер здание почти не пострадало. Чудом уцелело оно и во время последней войны. Теперь в этом длинном двухэтажном доме находилась обыкновенная школа номер двадцать. Общеобразовательная, средняя, с преподаванием ряда предметов на английском языке. Проще говоря, «с английским уклоном».

С тыльной стороны к школе пристроили спортивный зал и крыло для малышей продленки, а классы и кабинеты помещались в старом корпусе.

Окна были узкие и очень высокие, прорезанные в могучих стенах из посеревшего инкерманского камня. Перед окнами росли громадные акации. В самый знойный полдень в классе стоял мягкий зеленоватый свет и было прохладно.

...За окнами забренчал звонок. Славка удивился: неужели конец урока? Но ни один человек не поднял головы от тетради. Значит, просто недалеко от школы проехала машина для сборки мусора. Они ездят медленно, и водитель на ходу звенит колокольчиком. Здешние ребята умеют отличать колокольчик от школьного звонка. А Славка еще не научился...

Славка улыбнулся, отодвинул тетрадь и стал смотреть на окна. В крайних были только деревья, и между листьями ярко синели клочки неба. В среднем окне видна была часть школьного двора и белая изгородь с решетчатым каменным забором. Ее узор напоминал поставленные в ряд штурвалы.

За «штурвалами» виднелись крыши ближних улиц — школа

стояла на взгорье. Крыши были под оранжевой ребристой черепицей. Раньше Славка видел такие лишь на картинках и в кино. Между крышами торчали узкие острые тополя. Они назывались «пирамидальные», но походили не на пирамиды. На зеленые копыта они походили.

Дальше было видно только небо. Но Славка знал, что за крышами и тополями лежит море.

От того, что море совсем близко, Славку ни на миг не покидала спокойная прочная радость.

Он познакомился с морем не так, как ожидал... В самолете Славку укачало, и в конце рейса он уже не поднимал голову с подлокотника кресла. И чего греха таить, несколько раз даже сунул носом в плотный бумажный пакет, который по маминой просьбе торопливо принесла стюардесса. Когда через динамик объявили, что самолет идет над «самым синим в мире» Черным морем, Славка не смог даже привстать, чтобы глянуть в иллюминатор.

Мама сказала укоризненно и жалобно:

— Что же ты? А еще в моряки собрался.

Славка в ответ еле шевельнул спиной. Мама сама не понимала, что говорила. Качки Славка не боялся. А самолет и не качало, он шел как автобус по бетонке, но все равно желудок наливался муторной тяжестью, и сердце словно повисало в пустоте.

Из самолета Славка вышел на ватных ногах и с каплями на лбу. Пахло нагретым бетоном от рулежной дорожки, остывающим металлом от самолета и неизвестными травами откуда-то издали — от вечернего горизонта.

Земля качнулась под Славкой, но он улыбнулся.

«Пусть, — подумал он. — Ничего...»

Эта земля была не виновата, не она измотала Славку. Измотал самолет, а он был частью прежней жизни, частью города, из которого Славка прилетел. Там могло быть плохо, а здесь уже не могло...

Ехать надо было еще километров семьдесят, и мама боялась. Думала, что в машине Славку совсем укачает. Но пока получали багаж, пока мама искала такси, Славка почти пришел в себя.

Когда подъезжали, было совсем темно. Города Славка не увидел. Он увидел только несметное множество огней — и очень ярких, и не очень, и еле заметных. Они горели и внизу и сверху, потому что улицы взбегали высоко по склонам. В небе огни сме-

шивались со звездами, а внизу вытягивались в дрожащие золотые нитки. Славка понял, что огни отражаются в черной воде. Среди отражений тоже горели огни: белые, зеленые, красные.

— Это корабли! — догадался Славка. — Мама, там корабли!

Было похоже на сон. Голова слегка гудела от долгой дороги, врывался в кабину и шумел в ушах теплый ветер, стремительно шуршали колеса. А огни наплывали — снизу, сверху. Отовсюду...

— Мама, это же корабли, да?

Мама погладила его по плечу.

— Большой рейд, — сказал водитель. — Флот стоит...

Они долго ездили по узким улицам с неяркими фонарями, искали переулок с названием Якорный спуск. Машина была на крутых подъемах. Славку опять слегка замутило. Мама нервничала. Ей казалось, что водитель спешит и сердится. Но шофер сделал все как надо: отыскал нужный дом, подъехал к самой калитке, вытащил из багажника чемоданы и сказал:

— С прибытием вас. Всего вам хорошего...

Бабушка Вера Анатольевна оказалась высокой старухой с морщинистым коричневым лицом. Она неторопливо и крепко обняла маму, и они поцеловались. Потом она протянула к Славке ладонь, словно хотела по голове его погладить, но не дотронулась. Пожевала впалыми губами и тихо сказала:

— Вот ты какой, Славущка. Большой...

Морщины у нее слегка разошлись. При яркой лампочке Славка увидел, что лицо у Веры Анатольевны покрыто мелкой белой сеткой: это кожа в глубине морщинок была незагорелая...

Потом Вера Анатольевна кормила маму и Славку ужином: голубцами, виноградом, арбузом. Мама все благодарила и боялась, что у Славки заболит живот. А еще они с Верой Анатольевной о чем-то говорили вполголоса... Славка не слушал, он думал о своем.

— Вера Анатольевна, а море далеко?

Бабушка замолчала, будто удивилась.

— Море? Тут везде, Славущка, море... Вот спустишься до гостиницы, потом направо, а там и набережная.

— Мама... — умоляюще сказал Славка.

Мама рассердилась. Потому что Славка сумасшедший! Он едва держится на ногах (мама, кстати, тоже). Идти неизвестно куда среди ночи!.. Море никуда не денется!

— Ну, ма-ма... — отчаянным шепотом сказал Славка.

Мама виновато посмотрела на Веру Анатольевну...

На улице, так же как на аэродроме, пахло неизвестными трава-

ми, а еще почему-то — свежим теплым хлебом. Горели редкие фонари, светились окна. Тени от листьев падали на белые заборы и домики. Они были похожи на мягкие серые крылья, эти тени.

Кто-то весело, не по-ночному, трещал в траве: то ли сверчки, то ли цикады.

«Какой ты хороший, Город», — одними губами сказал Славка. И вдруг его толкнуло: он-то все видит и слышит, а бедный Артемка...

Славка кинулся во двор, влетел в комнату, слегка напугав бабушку Веру Анатольевну. Выволок из-за чемоданов портфель, а из портфеля выдернул за уши Артемку. Тот обалдело косил блестящими глазами. Славка бегом вернулся к маме. Артемка радостно махал растопыренными лапами.

— Боже мой, какой ты еще ребенок, — сказала мама...

Набережная в самом деле была недалеко. Славка не сразу понял, что это набережная. Были деревья с фонарями (листья на свету казались очень зелеными), потом под ногами вместо асфальта появились мокрые каменные плиты, и вдруг Славка увидел, что он на краю земли.

Дальше ничего не было. Громадная темнота была дальше. Начиналась она в двух шагах и уходила неизвестно куда. Эго распахнулся космос. Он дышал йодисто-соленой свежестью, словно в темноте развесили громадные черные простыни, выстиранные в холодном рассоле.

Из этой темноты и прохлады подкралось что-то смутно-белое, шипучее, и — бах! — перед Славкой встала стена из брызг. Они секунду висели неподвижно, а потом посыпались на Славку, на маму.

Мама по-девчоночьи взвизгнула и отскочила. А Славка засмеялся:

— Мама, это прибор!

— Отойди, Славка, вымокнешь!

— Это же прибор! Мама, он соленый!

Бах! — опять выросла белая стена. А когда рассыпалась и упала, Славка увидел, что космос не пустой. В нем жили огоньки. Яркий красный огонек — прямо перед Славкой — давал тройную вспышку и угасал на несколько секунд. Конечно, это был маяк. А левее маяка, теряясь во мраке, тоже мигали белые и красные огоньки, каждый по-своему: одни редко, другие часто.

Справа от маяка вклинивалась в морскую тьму полоса огней. Наверно, там был мыс или другой берег бухты. Вдруг часть бере-

га оторвалась и, сверкая огнями, тихо пошла влево, к маяку. Целый кусок суши со множеством окон и фонарей!

Славка не сразу понял, что случилось. Но потом услышал далекую музыку и догадался, что это уходит в море пассажирский лайнер.

Теплоход шел вроде бы не быстро, но почему-то очень скоро стал уменьшаться, тускнеть и превратился в еле заметное светящееся облачко.

Ослепительной звездой вспыхнул в дальней дали прожектор, махнул синим лучом и погас...

— Славка, ты же промок насквозь!

И правда, рубашка прилипла к плечам и груди. Брюки набухли, стали жесткие и тяжелые, будто из жести. Артемка тоже был весь мокрый, только длинные уши, зажатые в Славкином кулаке, оставались сухими.

— Славка, ты меня слышишь? Пора.

— Еще самую минуточку...

Через полчаса, засыпая на скрипучем диване, Славка успел подумать: «Лишь бы это был не сон!» С таким страхом он и уснул.

...Это не было сном. Утром он увидел море во всей его синеве и громадности. И Город...

Славка зажмурился и задохнулся. Потом захохотал и, забыв про маму, кинулся вниз по улице, по тропинкам, по каменистому откосу, через сухие колючки, которые обрадованно вцепились в брюки...

С моря летел теплый ветер. На мачтах и сигнальных вышках бились и трепетали разноцветные флаги.

— Семибратов, голубчик мой, ты почему не решаешь? — Грузный и седой учитель математики навис над Славкой.

Славка поспешно встал.

— Я решил, Яков Павлыч...

— Когда же ты решил? Покажи-ка... Дорогой мой, где же здесь решение? Ты просто ответы написал!

— Разве неправильно? — удивился Славка.

— Ответы правильные, но объяснения-то нет. Почему у тебя икс равен пяти, а, скажем, не семи или не тысяче?

Славка неловко улыбнулся и пожал плечами:

— Как же тысяче? Если пяти.

— Да! Но почему? Может быть, ты просто списал ответ?

— Он не списывал, Яков Павлыч, он раньше всех закончил, — тут же заступился Славкин сосед, маленький Женя Аверкин. — Остальные-то еще и не решились.

— Да я понимаю, голубчики, я это, так сказать, чисто теоретически предположил. Но что мне ставить Семибратову? Пятерку за молниеносное решение или двойку за отсутствие такового?

Пятый «А» зашумел, доказывая, что ставить, разумеется, следует пятерку. Даже ехидная Любка Потапенко высказалась за это. Видимо, по инерции.

— Тогда напиши все-таки объяснение, — рассудил Яков Павлович. — Или вот что... Реши-ка лучше, любезный Семибратов, еще задачку. Вот эту...

Он положил на парту четвертушку листа с уравнением.

Славка несколько секунд смотрел на бумажку.

— Надо объяснение писать? Или можно сразу?

— М-да... — сказал Яков Павлович задумчиво, но с интересом. — Следовательно, ты утверждаешь, что данное уравнение для тебя — дважды два?

Славка этого не утверждал. Он вовсе не хотел показаться хвастуном. Но он видел, что ix равен двенадцати, а если видишь, зачем лишние слова?

— А ну-ка напиши ответ, — сказал Яков Павлович. — Садись и напиши... Так... А теперь все же сооруди мне решение по правилам, постарайся. Я тебя прошу...

Над объяснением Славка вздыхал минут десять. Не напишешь ведь, что ix похож на желтый шарик и что этот шарик мечется туда-сюда по лиловой плоскости, ищет, где темнее, а деваться ему все равно некуда. Все-таки Славка разжевал уравнение, как требовали правила. Яков Павлович посмотрел, покачал головой. Спросил:

— В прошлые годы у тебя как было с математикой?

Славка опять встал.

— По-всякому... Двоек не было.

— Угу... Троек тоже не было. Почти... — заметил Яков Павлович. — Так?

Славка кивнул. «Не подумали бы, что хвастаюсь», — опять мелькнула мысль.

— А четверки если и были, то за плохой почерк и неряшливость, — заметил Яков Павлович. — Или я не угадал?

Славка вздохнул. Все было угадано точно.

— Однако математику ты не очень любишь, — сказал Яков Павлович. — А любишь ты... что?

— Географию и английский... — шепотом сказал Славка.

— Ну, садись... Садись, голубчик Семибратов.

Яков Павлович вздохнул почему-то, подошел к столу, придвинул журнал.

Галка Ракитина глянула с передней парты, что там появилось в журнале, и показала пятерню. Славка сел и улыбнулся. В этой школе он получил первую отметку.

...Школа понравилась Славке с первого взгляда.

Она стояла на стыке двух зеленых улиц. Угол у здания был как бы срезан, и срез этот служил фасадом. Фасад — узкий, с зубчатыми башенками, с высоким крыльцом и чугунным узорчатым балконом.

Перед крыльцом лежала маленькая площадь. Справа, от нижних улиц, к площади избегали две лестницы со ступенями из ракушечника. Наверно, здорово мчатся по этим лестницам, когда кончились уроки!

Над лестницами росли большие деревья... Сначала Славка пришел сюда с мамой. С утра мама сходила к директору и записала Славку, а потом повела его знакомиться со школой и классной руководительницей.

Учительницу, Светлану Валерьяновну, они нашли во дворе. Там она с молоденькой вожатой и похожим на д'Артаньяна преподавателем физкультуры обсуждала дистанцию для какой-то эстафеты.

Мама строгим взглядом напомнила Славке, что следует поздороваться: не себе под нос, а отчетливо и с наклоном головы, как полагается интеллигентному мальчику одиннадцати с половиной лет.

Славка так и сделал, хотя Светлана Валерьяновна сперва ему не понравилась. Она была высокая, тощая и длинноногая. С не очень строгим, но каким-то скучным лицом. Но когда она улыбнулась, Славка успокоился: хорошая была улыбка, совсем даже не учительская.

У мамы с классной руководительницей завелся разговор, и Славка сразу заскучал. отошел тихонько к забору и сел на каменный выступ. Мама, конечно, говорила, что Славка — мальчик, в общем, неплохой, спокойный и даже ласковый, хотя, разумеется, бывает всякое. А сама она, Славкина мама, по специальности тоже педагог, окончила факультет иностранных языков, но из-за слабого голоса работать в школе не смогла. И

что, видимо, это к лучшему, потому что для работы с детьми нужен особый талант. И она преклоняется перед теми, кто посвятил детям всю жизнь.

Светлана Валерьяновна кивала: да, учительская работа, конечно, не сахар. Иногда просто бежать из школы хочется на все четыре стороны, но куда побежишь? Славкиной маме хорошо, а куда денешься, если специальность — историк? Да и, по правде говоря, привыкла уже, трудно без ребят...

— Вот они, мои гвардейцы! Отучились...

Во двор выбегали будущие Славкины одноклассники. Издавка — ничего ребята, а если поближе — кто их знает?

Девчонки были в обычной коричневой форме, а мальчишки в разных рубашках: белых, светло-голубых, васильковых, синих. Брюки тоже разные, а кое-кто в шортиках.

«Прийти бы так на уроки в Усть-Каменске!» — подумал Славка.

В начале четвертого класса теплым сентябрьским днем отправила мама Славку в школу в летней пионерской форме, и многие тогда смотрели на него, как на заморское чудо. А Юрка Зырянов и компания гоготали: «У моряка акулы штаны обгрызли...» Завуч Ангелина Самойловна сперва наорала на Зырянова, а потом сказала Славке: «Сам виноват. Надо быть как все, а не выпендриваться...»

Но хватит об этом! Не будет больше ни Усть-Каменска, ни горластой Ангелины, ни криков «моряк с печки бряк...».

Длинноногий очкастый парнишка в зеленых шортах и сиреневой рубашке догнал кудрявую девчонку и деловито огрел по спине портфелем.

Девчонка взвизгнула:

— Змея очковая!

— Савин! — заволновалась Светлана Валерьяновна. — Игорь, иди сюда! Ты опять?

Белобрысый Игорь Савин подошел, не теряя достоинства.

— Игорь, когда это кончится?

Савин вежливо наклонил набок голову.

— На выпускном вечере в десятом классе, — разъярил он. — Там я отлуплю ее последний раз.

— Кто кого еще... — издавка подавала голос девчонка.

— Сил у меня нет, — сказала классная руководительница Славкиной маме. — Они дерутся с первого класса.

— Мы не деремся, — возразил Савин. — В первом и втором классе она лупила меня. А теперь я ее. Это не драка.

— Вы решили при новичке и его маме продемонстрировать все, на что способны...

Савин внимательно посмотрел сквозь очки на Славку, повернулся к Славкиной маме и сказал ей «здрате». Мама заулыбалась. Видимо, несмотря ни на что, она угадала в Савине интеллигентного и воспитанного мальчика.

— Что вы с Любой опять не поделили? — горестно спросила учительница у Игоря.

— Она объективно вредна для человечества, — авторитетно сообщил Савин. — Своим ехидством она доводит людей до стрессового состояния.

— Глиста, — отчетливо проговорила в отдалении вредная для человечества Люба (кстати, внешне вполне симпатичная).

— Потапенко! С ума сойти... Убирайтесь оба... И чтобы ничего подобного больше не было! Игорь, ты можешь наконец это обещать?

Игорь дипломатично шевельнул плечом: он не хотел давать опрометчивых обещаний. Он только сказал «до свидания».

Мама смеялась:

— Славные ребята...

Светлана Валерьяновна неожиданно согласилась:

— Хорошие. Иногда дурачатся, а вообще неплохой класс.

— Я так довольна, что мы попали к вам. Директор сначала не хотел записывать, потому что Славик не учился раньше в «английской» школе, но я объяснила, что сама с ним занималась.

— А у нас в любой школе неплохо. Знаете, с разными там проблемами «трудных детей», вопросами дисциплины и всякими подобными вещами особых сложностей нет... У нас, Елена Юрьевна, другое горе...

Светлана Валерьяновна замолчала и слегка ссутулилась. Потом сказала:

— Три дня назад опять вот... Вы не слышали? Андрейка Илюхин. Я его знала немного, он раньше в нашей школе учился.

— Господи... — прошептала мама. — Что же случилось?

— Война... — Светлана Валерьяновна слегка развела руками, будто оправдывалась. — Сколько лет прошло, а вот... Земля-то была нашпигована этим ужасом: снаряды, мины. До сих пор нет-нет да и откапывают... Уж говорим, говорим ребятам, лекции читаем, плакаты развешиваем, а все равно... В прошлом году гранатой шестиклассника искалечило, а нынче... Нашли что-то, в костер положили. Трое теперь в больнице, а самый старший,

четвероклассник... Один был у родителей. Отец в море, даже прилететь не смог. Мать вся седая...

Славка увидел, что мама смотрит на него отчаянными глазами.

— Расстроила я вас, — негромко сказала Светлана Валерьяновна. — Только я это не ради пустого разговора. Слав... Тебя ведь Славой зовут? Тебе это надо знать, ты здесь новичок. Если попадетесь на глаза хоть какая-то подозрительная железка...

— Он не тронет! — громко сказала мама. — Он мне поклянется! Слышишь?

Славка хмуро кивнул. Разве он не понимает? Но зачем пугаться так, будто он уже нашел противотанковую мину и играет ею в футбол...

Потом, когда шли из школы; Славка много раз дал маме всякие клятвы, что нигде, никогда, ни с кем... Ни при каких обстоятельствах! Даже пальчиком не коснется, если увидит что-нибудь такое. И будет бежать, как от бешеной собаки.

Он это повторял, но думал не про себя. С ним-то ничего не случится. А почему погиб неизвестный Андрейка? Что его толкнуло совать в огонь свою находку?

Какая-то тоскливая жалость появилась у Славки. Будто давно хотел он встретить этого Андрейку здесь, в Городе, и не успел...

Но Город же не виноват! Он не сам родил в своей земле взрывчатку. По нему стреляли...

— Славка, ты меня не слушаешь!

— Слушаю. Мама! Я уже сто раз дал самое честное слово!

— Все равно, — устало проговорила мама. — Теперь это будет моим вечным страхом.

Не хотел Славка для мамы вечного страха. Он сказал рассудительно и ласково:

— Ты же совершенно зря боишься. Здесь столько тысяч ребят, а случилось это... ну, всего несколько раз. Наверно, под машину и то чаще попадают.

— Еще не хватает, чтобы ты попал под машину!

— Да, — вздохнул Славка. — Кроме того, я могу поскользнуться на арбузной корке, подавиться косточкой от абрикоса, отравиться старой колбасой. Что еще? Да! Стукнуться головой о батарею, упасть с лестницы, насмерть простудиться...

— И получить от меня по загривку.

— Как неинтеллигентно, — сказал Славка. — Мама, пойдем купаться! Я не захлебнусь, не разобьюсь, не уйду на дно. Пойдем, ты же обещала!

Мама вдруг взяла его за локоть и принялась звонко хлопать сади по штанам. Славка изумился так, что и сказать нельзя.

— Это что? Новый метод воспитания?

— Метод! Все брюки перепачкал известкой, когда сидел на заборе... Кстати, пора бы знать, что неприлично сидеть при взрослых, если они разговаривают стоя.

— А вы бы тоже садились на забор, — сказал Славка.

Они посмеялись, хотя и не очень весело. Потом еще некоторое время шли они задумчивые. Но море было рядом, а день стоял такой хороший...

— Почему ты не познакомился с ребятами? — спросила мама.

Славка даже замигал.

— Как это?

— Очень просто. Подошел бы и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Слава. Я буду учиться с вами».

Славка только вздохнул.

Знакомство — дело непростое и долгое. Четвертый день учится Славка в этом классе, а не всех еще знает. Даже по именам не всех запомнил... Или всех — уже?

Он решил проверить и глянул вперед, вдоль своего ряда. На первой парте — Галка Ракитина и Юра Конев, потом Костя Головин и Дима Неходов. Кажется, хорошие ребята. На третьей парте Оксана Байчик и Лена Смирнова. Это еще не ясно, что за люди...

Зато с четвертой партией ясно все: здесь сам Вячеслав Семибратов и быстроглазый, стриженный ежиком Женя Аверкин...

Женька словно ждал, когда о нем вспомнят: легонько задел Славкину ногу коленом. Он улыбался жалобно и виновато. Укордкой показал Славке раскрытую ладонь.

На Женькиной смуглой ладошке были написаны две лиловые буквы: *НС*.

Славка даже вздрогнул: «Новэмбэр Чарли!»

Он скосил глаза в Женькину тетрадь. Ну и ну! Бедный Женечка барахтался в числах, как утопающий теленок среди плавающих льдин. А кому хочется хватать двойку, да еще за первую в году самостоятельную работу?

Что у него за уравнение? Почти как у Славки, только числа другие, потому что другой вариант. Но как помочь? Яков Павлович вроде бы и добрый, а следит строго, особенно за последни-

ми партами. За шпаргалку, не моргнувши, вкатит Аверкину два очка, да и Славке заодно переправит оценочку.

Славка поднял руку.

— Яков Павлыч, можно выйти?

— Сделай одолжение. Можешь даже не возвращаться, с тобой у нас дела на сегодня кончены.

— Да нет, я на минуточку! — испугался Славка.

Он мигнул Аверкину: «Не бойся». И выскочил в коридор. И тут же обругал себя балдой. Ручку-то не взял! А в коридоре, как назло, — ни души.

Женька страдает и ждет. Положение действительно «НС»: урок скоро кончится. Внизу уже весело голосит малышня: первоклассников часто отпускают минут за пять до звонка.

Славка помчался на первый этаж. Первоклашки носились по коридору и толпились у выхода. На коричневых ногах-стебельках, в пестрых неформенных рубашках, с разноцветными ранцами, они были похожи на какие-то растеньица, сбежавшие с грядок и газонов.

Славка не умел обращаться с представителями младшего школьного возраста, но сейчас выхода не было. Он быстро глянул: кого бы остановить? Вдоль стены гарцевал верхом на швабре, взятой напрокат у технички тети Лизы, пацаненок в клетчатой рубашонке. На спине у него подпрыгивал зеленый ранец, украшенный Винни-Пухом из мультфильма.

— Эй, наездник!

Мальчишка сделал разворот и подскакал. Глянул на Славку бесстрашно и весело.

— Хорошая у меня лошадка?

— Хорошая, — торопливо сказал Славка. — Послушай, выручи, пожалуйста. У тебя есть ручка? Лучше бы шариковая...

— У меня всякие есть!

Он с радостной готовностью скинул ранец и вытащил из него толстый пучок фломастеров, карандашей и авторучек, стянутый резинкой.

— Выбирай. Тебе насовсем?

— Мне на минуточку. Спасибо, Наездник...

...Через три минуты Славка смиренно сидел в классе, с интересом смотрел в окно и показывал Женьке из-за локтя ладонь с мелкими фиолетовыми цифрами. Аверкин радостно шпарил в тетради строчку за строчкой. Потом благодарно опустил ресницы.

Весело затренькал звонок.

НАЕЗДНИК

Славка вместе с Аверкиным вышел в коридор.

— Спас ты меня, — сказал Женька. — Прямо за уши вытянул.

Он вытащил из кармана мятый, но довольно чистый платок. Начал стирать с ладони буквы, спохватился, отдал платок Славке:

— Вытри руку.

Славка попробовал, но без успеха: чернильные иксы, плюсы и минусы въелись в кожу.

— Всухую не оттереть...

— А ты помусоль. Вот так... — Женька смешно полизал растопыренную ладошку. Потом, видя, что Славка опять возится с платком, торопливо вытер ладонь об острую поцарапанную коленку. Коленка сделалась лиловой.

— Ну вот, покрасился, — с упреком сказал Славка. — Нет, я потерплю до дома. Целое уравнение мне все равно не съесть.

Женька с задумчиво-огорченным видом разглядывал на ладони размазанный «сигнал бедствия».

— А почему ты «SOS» не написал? — спросил Славка.

— SOS все понимают. Яков Павлыч, если бы заметил, дал бы такой SOS! А это... — он помахал рукой с растертыми буквами, — мало кто знает.

— Жень... А как ты догадался, что я это пойму?

Женька заулыбался:

— Я у тебя в портфеле красный справочник видел. Ну и подумал: если у человека такая книжка, он знает, наверно...

Славка опасливо глянул на Аверкина: не увидел ли Женька в портфеле кое-что еще? Вернее, кое-кого. На самом дне, под учебниками. Но Аверкин улыбался бесхитростно.

— Ты откуда знаешь свод сигналов? Занимался? — спросил Славка.

— Немного. Я в этом году в детскую флотилию хочу пойти, в группу рулевых-сигнальщиков... Туда с двойками не берут, вот я и засигналил тебе...

— А где такая флотилия? — заволновался Славка.

— На Пушкинской, над Малой бухтой. Недалеко.

— Там парусная секция есть?

— Не знаю. Но я спрошу сегодня, если хочешь.

— Хочу, — сказал Славка. — Еще бы... Ты не забудь, спроси. Ладно?

Они вышли на крыльцо, и сразу — тр-р-р-р: словно кто-то прочертил мелом пунктир через площадь! Это в своих белых сандаликах радостно мчался к ним Наездник.

— Привет! Ну что, помогла моя ручка?

— Помогла, — сказал Славка. И объяснил Женьке: — Я его ручкой твое уравнение писал. Свою-то забыл.

— Целая бригада меня спасала, — вздохнул Женька. — Даже неудобно...

Наездник переступил с ноги на ногу и осторожно потянул Славку за рукав.

— Что тебе? — спросил Славка.

Мальчишка встал на цыпочки и осторожно прошептал:

— Прокати меня... пожалуйста...

— Как это прокати?

— На плечах. Я люблю кататься.

Славка слегка обалдел от такого простодушного нахальства:

— Ничего себе заявочка!

Но он помнил про авторучку и понимал, что нельзя быть благодарным. Вообще-то, если разобраться, катать Наездника должен Аверкин, но как-то неловко торговаться.

— А далеко тебя везти?

— Не-е... До лестницы и назад!

— Ну, давай...

Славка присел. Наездник прямо с крыльца ловко перебрался ему на шею. Он оказался легонький, словно кости у него были трубчатые, как у птиц.

— Ты держи меня, — предупредил он.

— Еще и держи его... — проворчал Славка и ухватил Наездника за бока. — Ноги убери, ты мне каблуками рубашку изво-зишь.

Наездник послушно вытянул вперед ноги в желтых гольфах и белых сандаликах.

Женька смотрел на Славку и Наездника с веселым интересом.

Славка трусой пересек площадь туда и обратно и ссадил пассажира на каменный парапет крыльца.

— Спасибо, — с достоинством сказал Наездник.

— На здоровье...

Наездник ускакал к приятелям, которые резвились под деревьями. А на крыльце Славка увидел ребят из своего класса. И среди них Любку Потапенко.

— Кони сытые бьют копытами... — пропела Любка.

У Славки запольхали уши. Ну что он за несчастный человек? Неужели и здесь ему не прожить без дразнилок и прозвищ?

Но Женька Аверкин поспешно и сердито сказал:

— Тебя, Любушка, уже сунуло не в свое дело! Прокатил чело-века — ну и что такого?

А Игорь Савин разъяснил:

— Конь — животное благородное. Ехидна же — вымирающий вид. Она осталась с тех времен, когда на земле жили тупоголо-вые плезиозавры и всякие другие ископаемые.

— Жаль, что охраняется законом, — вздохнул Аверкин.

А Костя Головин сказал Любке:

— Не бойся, на тебе никто не поедет. Кому охота потом из штанов ядовитые колючки вытаскивать?

Любка сказала, что все мальчишки дураки, и ушла. Ребята разбежались. Только Славка с Женькой задержались на крыль-це. Стояли и смотрели, как резвится Наездник. Первокласники побросали в кучу ранцы и прыгали друг через друга. Что-то вро-де чехарды устроили. Наездник прыгал легко и красиво, но все время оглядывался на Славку. Скакнет — и посмотрит...

«Знаем мы это дело...» — подумал Славка и поторопил Авер-кина:

— Пошли.

Но Женька помотал головой и сел на ступень. Положил на колени плоский твердый портфель. Глянул на хитрого Наездни-ка, на Славку и сказал:

— Да прокати ты его еще немножко. Осчастливь человека.

Наездник замер и насторожил уши. Женька засмеялся.

— Ты что! — возмутился Славка. — Он привыкнет и совсем с меня не слезет!

— Ну, разок... — попросил Женька.

— Тебе-то зачем?

— Ну, пожалуйста, — как-то слишком серьезно сказал Женька.

Славка повернулся к Наезднику:

— Иди сюда, подарок судьбы! Свалился ты на мою голову...

Он обвез радостного Наездника вокруг площади, а когда вер-нулся, увидел, что Женька делает в альбоме рисунок. На рисун-ке — Славка и Наездник во время скачки.

Это был очень легкий, быстрый набросок. Лица — едва наме-чены. Но все равно можно было узнать коня и всадника (по крайней мере, Наездника Славка сразу узнал).

Наездник заглянул в альбом и сообщил:

— Я тоже рисовать умею.

— В твоём возрасте все умеют рисовать, — сказал Женька.

— Ага, — согласился Наездник и опять умчался.

— Жень, подари картинку, — попросил Славка.

Женька молча выдернул из альбома и протянул листок. Потом снизу вверх внимательно посмотрел на Славку.

— Слушай-ка, а я догадался! Вы братья, да?

— С чего ты взял? — изумился Славка. — Я его сегодня первый раз в жизни увидел.

— А похожи...

— Мы? Да брось ты... — начал Славка и тут же понял: в самом деле есть сходство.

У Наездника были прямые, очень светлые волосы. Они ровно разбегались во все стороны от макушки, как меридианы от полюса. А на «полюсе» торчала мягкая кисточка.

У Славки была такая же причёска (если можно это назвать причёской), только волосы потемнее и, кажется, пожестче.

Мама сама стригла Славку: подрезала отросшие прядки на лбу, на висках, на затылке. Славкина кисточка на темени ей нравилась. Мама иногда ласково дергала ее и называла Славку «Кисточка ты моя». Если без посторонних, это было даже приятно. И все же Славка срезал бы волосяной пучок без жалости, если бы не боялся, что получится лысинка. Потому что малышам вроде Наездника такие кисточки на макушке, может быть, подходят, но одиннадцатилетним мальчишкам героического вида они не придают.

Впрочем, Славка никогда не старался походить на героя. Ни видом, ни делами. Быть бы не хуже других. Но и это не всегда получалось...

Славка и Аверкин спустились на Морскую и распрошались у лестницы.

Славка оглянулся. Наездник спускался следом. Он был не один, по бокам шли две первоклассницы. Славка даже загляделся: как Наездник идет! Плечи откинул назад, кончики пальцев сунул в кармашки, прорезанные у пояса, локти развел по сторонам и ступает, будто фея по головкам одуванчиков. Снисходительно беседует с девочками. Повернет к одной голову, скажет слово, улыбнется. Потом на другую так же глянет. А они с него не сводят глаз, даже спотыкаются.

Неужели Славка в семь лет был такой же? Нет. С виду, может быть, и похожий, а характером совсем другой.

БРИГ «МЕРКУРИЙ»

Когда Славка был маленьким и жил в Невьянске, он ходил с мамой на работу. Мама заведовала библиотекой в заводском клубе, руководила самодеятельным театром и вела кружок английского языка. Дел у нее было «выше головы», а Славка проводил время в полуподвальной большой комнате, где стоял бильярд.

В бильярд играли с утра до вечера. Славка забирался на высокий подоконник и часами смотрел, как по сукну мечутся с костяным стуком желтые шары.

Мама просто стонала:

— Неужели тебе здесь лучше, чем в детском саду?

Славка кивал. Он был ненормальный ребенок. Он не любил детский сад и жутко скучал там. До обеда кое-как терпел, а когда наступало время тихого часа, впадал в отчаянье. При мысли, что надо укладываться спать в большущей комнате, где совсем не так, как дома, и где ничего не напоминает о маме, на Славку наваливалась черная тоска.

Дома было лучше. В своей комнате Славка мог просидеть в одиночку целый день и не соскучиться. Но приходил сосед Юрка Зырянов. Он был старше Славки, закончил первый класс и делал все, что хотел. Развинчивал Славкины игрушки, лазил в холодильник за вареньем (Славка даже сам этого не делал!) и маминой губной помадой рисовал на зеркале чертиков и крокодилов. А если Славка запирался и не пускал, грозил отлупить во дворе.

Однажды Славка не выдержал. Он вежливо попросил Юркину маму поговорить с сыном, чтобы тот вел себя подержаннее.

Тетя Зина выслушала Славку внимательно, потому что знала: Славик Семибратов — хороший, воспитанный мальчик, никогда не хулиганит и не врет. Она покивала:

— Эт-та что ж... Эт-та правильно. Я с ним поговорю.

Разговор состоялся через несколько минут. Славка гулял во дворе и слышал каждое слово, потому что окно в тети-Зининой комнате было открыто.

— Юрий! А ну иди ближе, паразит! Иди, иди! Эт-та что, я бегать за тобой буду? Кому говорят!

Потом послышалась короткая возня, и вдруг раздался вопль:

— Мамочка, я не буду!

Славка от ужаса скорчился за кадушкой у водосточной трубы.

— Не буду, мамочка, прости, не надо больше! Ой-я, прости,

не буду! — верещал Юрка. Потом он на несколько секунд умолк: видно, кончилось дыхание. И тогда в нестерпимой тишине слышны стали сухие частые шелчки. Они были равномерные и неуловимые, как тиканье больших часов, которые не остановить.

— Ой-я-я, не надо, больно же!! — опять взорвался криком Юрка. Захлебнулся, и вопли его превратились в тонкий визг. Это был режущий, вибрирующий визг, словно в горле у Юрки, как в милицейском свистке, прыгал маленький шарик.

Славка, приседая, убежал в дальний угол двора и зарылся в лопухи. Он зарылся бы в землю, если бы мог! Он сидел там до вечера. Стояла глухая тишина, и Славке все чудилось в ней громкое беспощадное шелканье...

Он же не хотел такого ужаса! Ему надо было только, чтобы Юрка оставил его в покое!

Юрка его не оставил. На другой день он поймал Славку на детской площадке, надавал пинков и подзатыльников, накопил мокрым песком. Славка молча отплевывался и даже не защищался, только закрывал глаза. Смотреть на Юрку было нестерпимо стыдно.

С той поры он ни дня не оставался дома. С утра до вечера торчал в бильярдной. Мама приходила в отчаянье: Славка дышал прокуренным воздухом, Славка слушал неподходящие разговоры. Славка мог простудиться на подоконнике, потому что от окна дуло.

Мама не знала, что, следя за игрой, Славка почти не дышал, разговоров не слышал и холода не чувствовал. И не видел людей. Только шары. Движение желтых шаров завораживало Славку. В этом движении были строгие законы, разгадывание которых приносило радость. Он научился безошибочно чувствовать, куда и как разбегутся шары, ударившись друг о друга.

Может быть, поэтому Славка легко угадывал и другое: куда отскочит брошенный в забор камень, как взлетит под напором ветра воздушный змей, куда ляжет сорвавшийся с дерева лист и попадет ли в цель стрела, пущенная из самодельного лука. Все подчинялось законам инерции, скольжения и рикошета, законам желтых шаров.

И когда Славка в школе познакомился с наукой математикой, цифры и числа в задачах тоже показались ему желтыми шарами.

Но это было потом. А тогда в клубе Славку невозможно было стащить с насиженного места на подоконнике. Редкие часы, ко-

гда бильярдная пустовала, были для Славки тоскливыми часами. Он сидел, сиротливо съежившись, и уныло глядел на лиловое суконное поле. По сторонам почти не смотрел. Поэтому лишь случайно и далеко не в первый день он заметил на тускло-зеленой стене картину.

Обычно картина висела в тени, а в тот раз на нее падали лучи. На картине было лунное море. Сама луна скрывалась за светлыми облаками, но ее лучи пронизывали воздух и рассыпали свет по высоким волнам. Среди волн шел двухмачтовый парусник. Несмотря на волны, он шел ровно и спокойно. У него были сплошь дырявые паруса, и сквозь них виднелось небо, но все равно он шел уверенно.

В этих рваных и гордых парусах, в этой уверенности маленького судна была загадка. Какая-то заманчивость и притягательная сила. Была в лунном беспокойном просторе музыка — совсем непохожая на строгую ударную музыку костяных шаров.

Славка молча привел за руку слегка испуганную маму и только тогда шепотом спросил:

— Это что?

— Это бриг «Меркурий». Копия картины художника Айвазовского. Что тебя испугало?

Славка досадливо поморщился. Его ничего не испугало. Просто он не хотел говорить громко, когда рядом тайна.

— Почему рваные паруса?

— Кажется, после боя. Это наш русский корабль, он сражался с турецкими кораблями. Их было много, а он один, но он победил.

— Где он сражался?

— На Черном море... Славка, я не помню точно, я же не историк.

— Что такое «бриг»?

— Ты же сам видишь — корабль...

— Нет, почему он «бриг»?

— Ты меня уворишь, — сказала мама.

Она не понимала! У Славки отозвалось в душе звучание когда-то слышанных и забытых морских слов: «Бриг... брег... регата... фрегат... навигатор...» Это были слова про одно и то же. Про что-то загадочное, связанное с этим лунным морем.

А где их разгадка?

— Ну почему «бриг»? — повторил он, потому что не умел сказать иначе о своей непонятной тревоге.

Мама вздохнула.

Она повела Славку к себе в библиотеку. Там, на задних полках, она отыскала две старые книги, которые назывались «Морской словарь».

— Если хочешь, читай и разбирайся. Не маленький уже, через месяц в школу.

Она объяснила ему, как искать по буквам нужные слова.

Слово «бриг» Славка нашел быстро. Вот что было написано:

«БРИГ (Brig). Двухмачтовое судно с прямым вооружением, но имеющее гафель на гроте. Б. становятся очень редкими судами, т.к. бригантины и шхуны вытеснили их...»

Почти ничего Славка не понял. Но незнакомые корабельные слова опять отозвались в нем как странная зовущая музыка. Вроде вступления к фильму «Дети капитана Гранта», который Славка любил до безумия. И он стал искать букву Г: нужно было узнать, что такое «гафель» и «грот»...

С того дня Славка почти позабыл про бильярд. Он ушел в чтение словаря, как уходят в дальнее плавание — надолго и без оглядки...

Но через месяц словарь пришлось отдать: мама устраивалась на другую работу, и ей без этих книг не подписали бы какой-то обходной лист.

Славка будто с лучшим другом распрощался. Тогда мама, чтобы утешить его, достала где-то книгу «Корабли и бастионы». Подарила Славке.

В этой книге было про все! Про бриг «Меркурий», про адмирала Нахимова, про Синопское сражение, про неприступные морские крепости, про искусных парусных капитанов. И про город, в который возвращались после побед линейные корабли, фрегаты и бриги.

Это был город, куда русские моряки приходили с палуб для последнего отчаянного боя. И в прошлом веке, и в этом...

Город, где стоял памятник капитану брига «Меркурий»...

Книгу Славка прочитал десять раз и сто раз — ее последние слова:

«Отшумела война, и опять заросли непобедимыми травами бастионы.

Может быть, теперь навсегда? Может быть... Над бухтами висел безоблачный полдень. Два человека шли вдоль зеленых брусчаток, на которых чернели давно умолкнувшие карронады, мимо старых памятников, по извилистым лестницам, сложеным из брусьев ракушечника. А по холмам раскинулся Город, который они любили больше жизни...»

Два человека — это старый морской офицер и его десятилетний внук.

Все на свете, кроме мамы, отдал бы Славка, чтобы оказаться на месте этого мальчишки...

Книга эта была лучше всех, которые знал Славка. Но она не заменила морской словарь. Она только рассказывала о кораблях, а словарь был сам как частичка кораблей, частичка того далекого Города.

...Однажды Славка с мамой зашел в районную библиотеку. Там работала Василиса Георгиевна — старушка в больших, как иллюминаторы крейсера, очках. Это было уже в Первозаводске. Славка учился тогда во втором классе. Мама и Василиса Георгиевна разговаривали, а Славка разглядывал книги. Ходил он от стеллажа к стеллажу. И вдруг увидел полочку с надписью: «Тому, кто хочет стать военным».

А на полке среди разных учебников и уставов стояла красная книжечка со звездочкой и якорьком. «Справочник вахтенного офицера!»

Зачем она здесь, за тысячи миль от моря?

Славка начал листать. Много было совсем непонятно и скучно: чертежи, схемы, какие-то правила. Но потом... Потом пошли морские узлы, курсы и галсы парусных судов, корабельные огни! А главное — флаги Международного свода сигналов! О такой таблице Славка целый год мечтал!

Он хотел поскорее попросить книгу у Василисы Георгиевны. Хотел... и не попросил. Испугался: «А вдруг скажет: нельзя, ты здесь не записан». Или решит, что Славка слишком маленький для такой книжки. А если и даст, то не насовсем же. Потом опять прощаться, как со словарем?

Что случилось со Славкой? Может быть, «морская болезнь» совсем помutilа ему мозги? Он оглянулся. Никого рядом не было. Он тихо расстегнул ранец...

И началась у Славки странная жизнь: она состояла из радости и страха.

Пока он изучал флаги Свода, пока разбирался в морских узлах, про все забывал. Но когда закрывал «Справочник», сразу вспоминал, какое ужасное совершил дело.

Он прятал книгу то под подушку, то за шкаф, то внутрь дивана. Так часто и старательно ее перепрятывал, что мама увидела и спросила:

— Откуда у тебя «Справочник»?

Славка, наверно, стал краснее, чем корочка книги. И сказал, что дал почитать один мальчик.

Мама удивилась. Она знала, что приятелей у Славки в школе нет. В классе его дразнили непонятным, но обидным словом «Измючик» и считали слабачком, потому что он боялся давать сдачи приставалам.

— Странно, — сказала мама.

Она полистала «Справочник» и увидела библиотечный штамп.

— Почему здесь печать?

Славка пробормотал, что, наверно, мальчик взял почитать книгу в библиотеке.

— Что-то не нравится мне твое заиканье, — сказала мама. — Ты правду говоришь?

Славка прошептал, что правду.

— А ну-ка дай честное морское слово, — потребовала мама.

Это был коварный прием. Что Славка мог ответить? Дать такое слово? Но не самый же последний человек он на свете! Тогда признаться? Легко сказать...

И Славка заревел. Тут же все и выяснилось.

Ух, как ему влетело! Конечно, мама его не лупила, как тетя Зина Юрку, но ругала с такой силой, что волосы дыбом и дым из ушей. Славка просто булькал от слез и умолял маму, чтобы она поскорее отнесла «Справочник» в библиотеку.

Но мама не отнесла. Она отправила туда Славку и объявила, что не будет ему прощенья и пощады, пока он не расскажет все Василисе Георгиевне и не вернет ей книгу собственноручно.

Что делать. Славка побрел. С полчаса он всхлипывал перед дверью библиотеки. Наконец Василиса Георгиевна зачем-то вышла и увидела его.

Давясь от стыда, Славка признался в своем черном деле. И разумеется, опять пустил слезу.

Маленькая, седая, очень добрая на вид Василиса Георгиевна не пожалела Славку. Она разговаривала с ним сурово. Потому что если человек в восемь лет украдкой таскает домой казенные книги, добром этот человек не кончит! Что сказал бы Валерик Семибратов, Славкин папа, если бы он был жив? Валерик Семибратов ходил в эту библиотеку девять лет подряд и ни разу не то что не украл, а даже не порвал ни одной книжки. А сын? Стыд и срам! Бедная Славкина мама... Пусть Славка поставит на место «Справочник» и уходит, потому что больше им разго-

варивать не о чем... А если он захочет когда-нибудь в жизни еще раз украсть книгу или что-то другое, пусть вспомнит этот кошмарный день.

Но когда Славка прошептал «до свиданья» и поплелся к двери, Василиса Георгиевна спросила чуть помягче:

— А скажи на милость, зачем тебе эта взрослая книга?

Славка остановился и молчал.

— Я тебя спрашиваю, Вячеслав Семибратов. Зачем?

— Интересно... — еле слышно сказал Славка.

— Что интересно?

— Про корабли...

— Ну ладно... Раз тебе так интересно и раз ты признался, можно поступить следующим образом: я отдам тебе «Справочник», а ты принесешь взамен какую-нибудь другую книгу. Согласен?

Славке было невыносимо стыдно, но отказаться тоже никаких сил не было. Чтобы теперь все сделалось по-честному, он принес в библиотеку «Маугли». После «Кораблей и бастионов» это была самая любимая книга.

Большая, с цветными вкладками.

— Мама разрешила? — строго спросила Василиса Георгиевна. (Славка кивнул.) — А не жалко?

Славка даже засопел от жалости, но сказал:

— У нас есть, маленькая. На английском языке.

— А ты умеешь читать по-английски?

— Немножко... А еще мама читает...

Через день Василиса Георгиевна, вернула книгу маме, потому что «Справочник» все равно был не нужен: его собирались списывать в макулатуру. Но Славка узнал об этом лишь через полгода. А до той поры, если очень хотелось вспомнить о приключениях лесного мальчишки, они с мамой читали по-английски. И Славка хорошо понимал. Наверно, потому, что все в этой книжке было уже знакомо.

Они с мамой часто читали вдвоем. И в кино ходили вдвоем. И в лес. И картошку чистили, и посуду мыли, и чемоданы укладывали, когда переезжали. Все вдвоем. Они вообще были вдвоем на свете. Только где-то далеко, в южном городе Новочеркасске, жила двоюродная бабушка — тетка Славкиного отца. Мама и Славка никогда ее не видели. Но время от времени, обычно к праздникам, от бабушки Веры Анатольевны приходили письма.

Мама отвечала и однажды послала даже фотографию: свою и Славки.

После этого Вера Анатольевна стала писать чаще, спрашивать про Славку и звала их с мамой в гости. Но мама говорила, что это, наверно, из вежливости.

Потом... Славка даже не поверил сначала! Бабушка написала, что поменялась домами с какими-то знакомыми и переехала в город, где родилась и жила до войны. К морю она переехала! Туда, где были корабли и бастионы, где на мачтах трепетали разноцветные флаги Свода сигналов, которые Славка знал теперь наизусть.

Она переехала в тот самый Город!

Славка решил. Крупными буквами он написал письмо и сам кинул в ящик. Это была просьба о чуде.

Здравствуйете, бабушка Вера Анатольевна! Я никогда не видел моря и кораблей. Пожалуйста, еще раз посильнее позовите нас с мамой в гости. Тогда мама согласится. Пожалуйста!

И Вера Анатольевна позвала:

Приезжайте со Славушкой хоть в гости, хоть насовсем. Дом большой, прописку я оформлю, потому что я ветеран войны и мне помогут. Жить у нас хорошо, а вместе будет всем веселее...

— Поедем! — возликовал Славка.

Но мама засмеялась:

— Глупенький! В незнакомые края, к незнакомому человеку...

— Но она же зовет!

— Видишь ли, Славик... Она человек старый и, кажется, больной. У нее дом. Она думает, наверно, что я стану помогать ей по хозяйству. А разве я похожа на домохозяйку? На бабушку в фартуке?

Нет, мама не была похожа на домашнюю хозяйку. Она была молодая, стройная, красивая. Многие люди говорили Славке: «Какая у тебя красивая мама». Будто Славка сам этого не знал!

Но почему же все-таки не поехать? Если маме некогда, он сам будет помогать бабушке. А может быть, и помогать нечего. Скорее всего, Вере Анатольевне просто скучно жить одной.

— Она же зовет!

— Позвать легко. А кто мне найдет там работу по специальности? А если мы с бабушкой не сойдемся характерами? Она хо-

зйка в доме, а я не привыкла быть квартиранткой... Да и хватит уж нам мотаться с места на место.

Славка тихо и умоляюще сказал:

— Ну, тогда хоть в гости...

— Это другое дело. Если будут деньги и летний отпуск, можно поехать.

Разговор был в марте. Ждать оставалось три месяца. Сначала Славка очень ждал и очень надеялся. А потом все меньше. Потому что это было бы слишком большое чудо. Таких чудес просто не бывает.

И он оказался прав. Мама не поладила с начальством и уволилась, денег на дальние поездки не было. Когда Славка окончил второй класс, они переехали в Покровку.

АНЮТА

Покровка — это не деревня, а небольшой город рядом с большим заводом. Мама там нашла наконец интересную работу: устроилась консультантом-переводчиком в технической библиотеке. Славку тоже устроила: на лето — в городской лагерь (где он скучал), а потом — в третий класс маленькой восьмилетней школы...

В третьем классе Славке жилось спокойно — его почти не дразнили и не обижали. Правда, и друзей не нашлось, но Славку это в те времена еще не волновало. Главное — что? Отсидеть уроки, сделать побыстрее домашние задания — и бултых на тахту с хорошей книжкой. Или можно побежать к маме в библиотеку. Там всегда много журналов из всяких стран, а в журналах часто попадаются снимки с разными теплоходами и даже парусными кораблями. И с видами дальних приморских городов...

Бабушка Вера Анатольевна по-прежнему писала письма. Спрашивала про «Славушку» и звала хотя бы в гости. Мама говорила, что будущим летом они поедут обязательно.

В апреле Славку приняли в пионеры и даже выбрали звеньевым — за то, что учился без троек. В конце мая завком выделил маме однокомнатную квартиру, и они переехали туда из тесной комнатухи в старом доме, где коридоры пропахли горелым луком и кислой капустой.

А в начале каникул у Славки за один день случилось три радости.

Во-первых, мама купила ему джинсовый костюм. Вообще-то мама не одобряла этой моды: она считала, что интеллигентные мальчики гораздо лучше выглядят в коротких штанишках. Но Славка ее долго упрасивал. Мама уступила, потому что школьную форму Славка истрепал, а дни стояли прохладные.

На костюме была нашивка с корабликом и медные морские пуговицы. Не совсем такие, как у настоящих моряков, но все равно блестящие и с якорями. Славка млеет от счастья.

В этом костюме он пошел с мамой в гости к ее знакомому — Константину Константиновичу. Это была вторая радость.

У Константина Константиновича оказалось интересно, как в музее. Над дверью висели большущие лосиные рога, в углу — чучело ястреба, на стене — оленья шкура, а на шкуре — большой бинокль, тяжелый охотничий нож и двуствольное ружье «зауэр».

Константин Константинович сказал, что ружье старое, но прекрасное. И очень ценное — штучной работы. Но хотя оно было ценное, Константин Константинович вставил в него пустые гильзы и дал Славке два раза шелкнуть курком. И посмотреть в бинокль, конечно, тоже дал (жаль, что бинокль был полевой, а не морской). И даже разрешил поиграть ножом, хотя мама боялась, что Славка «останется без пальцев».

Мало того! Они с Константином Константиновичем грохнули на кухне охотничьим капсюлем! Тут мама чуть не потеряла сознание и строго попросила «не портить ребенка».

— Хорошо, хорошо, — сказал Константин Константинович. — Это был последний эксперимент. Вообще-то, Слава, мама права: такими вещами не шутят. В этих штуках гремучая ртуть, а она очень капризная. Сто лет может лежать, а потом взрывается от одного чиха.

Славка серьезно кивнул. Константину Константиновичу можно было верить. Он был опытный и смелый человек: охотник, путешественник и спортсмен. Он стрелял на соревнованиях по летающим мишеням — тарелочкам — и за это получал грамоты и медали.

Славке казалось, что Константин Константинович похож на английского морского капитана из книжки с рассказами Джозефа Конрада. Высокий, худой, с ровным пробором на гладкой прическе, с белозубой улыбкой и светлыми глазами. Только смеялся он не по-капитански: дребезжаще и нерешительно. И при этом сильно стискивал пальцы, словно пробовал их на излом. Но, может быть, это оттого, что он стеснялся мамы. Славка за-

мечал, что многие мужчины при маме начинают смущаться и слегка глупеют...

После чая Константин Константинович предложил Славке и маме погулять. И они втроем отправились в парк.

Славка раньше не бывал в этом конце Покровки. Весь прошлый год он жил в своем квартале и других мест почти не знал. Он слышал, что рядом с Покровкой есть озеро, но думал, что оно вроде пруда в Перво заводске. А озеро оказалось громадное.

Славка метнулся к берегу.

Вода уходила почти до горизонта! А у дощатой пристани качался большой белый катер и поднимались настоящие мачты!

Но и это не все. В сотне метров от берега летели над серой водой похожие на белые сабли паруса.

Славка припаялся к месту. Напрасно мама и Константин Константинович звали его на карусель, в тир и в комнату смеха. Он молча мотал головой. А потом отчаянно сказал:

— Мама, ну вы идите. Вы гуляйте, а потом придете за мной. Я не полез к воде, не свалюсь. Не утону! Я никуда не уйду... Ну, пожалуйста!

Мама хотела заспорить, но Константин Константинович взял ее под руку и подмигнул Славке. Он был замечательный человек.

Едва они ушли, Славка подбежал к пирсу. Но ступить на него не решился. Наверное, это разрешалось лишь тем счастливым, которые ходили под парусами.

Маленькая яхта, лихо кренясь, прошла у самого берега. Ее вели двое мальчишек в оранжевых спасательных жилетах. Мальчишкам было лет по тринадцати. Славка начал дышать медленно и с дрожью. А яхта уходила, и было слышно, как смеются ребята...

Кто-то тяжело остановился рядом. Славка посмотрел. Это был коренастый дядька с густой светлой бородой. Он спросил:

— Ты откуда, прекрасное дитя?

Славка осип:

— Я... Смотрю. Здесь можно стоять?

— Стой, — сказал бородач.

Яхта сделала поворот и опять пошла к берегу.

— А здесь... — сказал Славка совсем шепотом, — здесь с какого класса записывают?

Бородатый дядька задумчиво посмотрел на Славку сверху. Провел толстым пальцем по его морским пуговицам, будто пересчитал. Потом поднял голову.

— Анюта! — крикнул он в пространство.

Славка вздрогнул от громкого голоса. В этот миг он не знал, конечно, что случилась у него сегодня третья радость.

— Анюта! — крикнул бородатый.

Из-за сарайчика появилась большая девчонка. Странная какая-то: квадратная, с японскими глазами, большим ртом и носом-картошкой. С темной мальчишеской челкой.

— Чего надо? — поинтересовалась она.

— Вот, человек пришел, — не очень решительно сказал бородатый. — Может, возьмешь? Воспитаешь — матросом будет...

Анюта посмотрела на Славку, потом на бородатого, потом опять на Славку. Затем — куда-то между ними. И сказала:

— Это называется «дай вам боже, что нам негоже».

— Ну, Анюта, — приглушенно сказал бородатый. — Человек сохнет. Посмотри в его страдальческие очи. Он целый час торчит у пирса как пришитый.

— Он сбежит через неделю, — заявила Анюта, рассеянно глядя в дальние дали.

— Не сбегу я, честное слово, — сипло поклялся Славка.

— Пошли, — сказала Анюта, взяла Славку за плечо и повела на пирс.

На пирсе стояли фанерные тупоносые яхточки с удивительно высокими мачтами. А одна такая же покачивалась рядом, на воде. Она была белая, недавно покрашенная, но на плоском носу краска оказалась уже содранной. Полоскали поднятые паруса. На главном парусе была пришита черная буква «С» и цифры «2021».

— Моя, — хмуро сказала Анюта. — Международный класс «кадет». Монотип. Имя — «Трэмп». По-английски значит «Бродяга».

— Я знаю, — торопливо сообщил Славка.

Анюта покосилась на него и продолжала:

— Два паруса. Большой называется «грот», маленький...

— Стаксель! Я знаю.

— Я смотрю, все ты знаешь, — заметила Анюта.

У Славки запылали уши.

Анюта сказала:

— Сейчас пойдём... Вылезай из клешей и куртки. А то киль-немся — и булькнешь на дно, как кот в авоське.

Послушно и суетливо Славка выбрался из костюма. И сразу

задрожал — то ли от озноба, то ли от волнения. Анюта глянула на него — тошенького, покрытого пупырышками, — сердито хмыкнула:

— Подарок судьбы... Комариная личинка на морозе. Плавать-то хоть умеешь?

— Я в бассейне занимался.

— Знаю я эти бассейны... Где я на тебя жилет возьму? Подожди...

Она принесла откуда-то надутый резиновый круг и продела в него Славку.

Славка знал, что с такими кругами плавают на пляжном мелководье малыши, но не стал обижаться и спорить. Главное, что сейчас он пойдет под парусами. По правде! Не во сне!

— Будешь работать на стакселе, — сказала Анюта. — Вон те веревки называются стаксель-шкоты.

— Я з... — Славка прикусил язык и, кажется, стал пунцовым, как его спасательный круг. Вытянул руки по швам и тихонько сказал: — Есть...

День был пасмурный, и плотный ветерок от облачного горизонта нагонял волну. Яхточка, отвалив от пирса, подскочила на гребне.

Славка вцепился в борт.

— Шкот возьми! — прикрикнула Анюта.

Второй гребень ударил в фанерную скулу и окатил Славку брызгами. Брызги оказались неожиданно теплыми. И Славка на всю жизнь запомнил первое приветствие встречной волны...

Они мотались по озеру больше часа. Иногда «Трэмп» крепился так, что почти ложился парусом на воду. Анюта сидела на борту и время от времени лихо откидывалась назад. Сейчас она совсем не казалась неуклюжей, ловкая была и быстрая.

Иногда она хитро поглядывала на Славку.

— Страшно?

— Нисколечко, — говорил Славка.

— А если ляжем?

— Не ляжем.

— Откуда ты знаешь?

Славка пожимал мокрыми плечами. Он не мог объяснить. Просто у него внутри словно был маятник, отмечающий границу опасного крена. И опять вспомнились желтые шары...

— А если все-таки ляжем, Комарик?

— Ну и что? — говорил Славка, и ему становилось жутковато, но не от страха, а от азарта и счастья.

— Поворот!

Как управляться со стаксель-шкотами, Славка понял быстро.

— Есть поворот!

...При полном ветре они подлетели к пирсу. Мокрый и счастливый, как тысяча именинников, Славка со швартовым концом в руках выскочил на доски. Подошел бородатый тренер. Посмотрел на Анюту:

— Ну?

— Лады, — сказала Аня.

А Славка увидел, как по пирсу бежит перепуганная мама.

Он отчаянно боялся, что мама не разрешит заниматься в парусной секции. Она всегда так за него тревожилась! Но мама разрешила. Может быть, для того, чтобы Славка не огорчился из-за сорванной поездки к Вере Анатольевне. Поездка опять не получилась, потому что все деньги ушли на обстановку новой квартиры.

— Занимайся, плавай, — сказала мама и вздохнула: — Это лучше, чем все лето слоняться без дела.

И Славка не слонялся. Почти каждый день он с утра бегал на озеро. Было на спортивной базе какое-то расписание занятий, но Славка не обращал на него внимания. Когда появлялась Аня, они спускали на воду «Трэмп», и начиналось счастье. Когда Аня не было, Славка все равно не скучал. Помогал спускать яхты, варить обед на самодельной печке и штопать старенькие флаги Свода сигналов. Эти флаги развешивали над базой во время праздников и соревнований.

Секция парусников была маленькая: пять «кадетов» и семь «финнов» — гоночных яхт-одиночек. Занималось полтора десятка взрослых и десятков ребят. Славка был самый младший, а маленькому среди больших всегда живется неплохо...

Славка приходил домой вечером. В первые дни мама волновалась, но понемногу привыкла. Бывало, что Славка заставал у них дома Константина Константиновича. Мама при этом почему-то притворялась строгой, а Константин Константинович становился особенно бодрым и разговорчивым. Славка про себя снисходительно улыбался. Он прекрасно понимал, что взрослые мужчины и женщины могут понравиться друг другу. Могут даже влюбиться. С этим ничего не поделаешь. Но Славка не тревожился. Он знал, что мама всегда останется мамой и никогда не будет любить его меньше, чем сейчас.

Они втроем пили чай, потом Славка брал книжку и лез в постель. Гудели усталые ноги, горели от солнца плечи, и сладко ныли натертые шкотами ладони. Буквы начинали бегать по книжным страницам, как муравьи.

Засыпая, Славка слышал, как Константин Константинович рассказывает о приключениях на охоте, о поездках за границу и о встречах со знаменитыми артистами. Он и сам раньше был артистом, а потом работал администратором концертных бригад и жил в больших городах. В Покровку его занесли «странные жизненные обстоятельства»...

Однажды Славка увидел дома большую компанию незнакомых гостей. Было шумно, звенели рюмки. Когда мама торопливо целовала Славку, он почувствовал, что от нее пахнет вином. Славка слегка испугался.

Мама кормила его на кухне и как-то скомканно объясняла, что у Константина Константиновича день рождения, а в комнате у него ремонт...

Славка молчал, он не любил, когда обманывали...

Хотя, конечно, обманы бывают разные. На Анюту Славка не обиделся, когда она выкинула с ним шуточку.

Один раз шли к базе от острова Лазурит, и Аня вдруг скорчилась, а японские глаза ее сделались круглыми.

— Комарик, задай стаксель-шкот на утку. Бери гика-шкот и руль. Я не могу.

— Что с тобой?

— Кажется, приступ. Давно надо было аппендикс вырезать...

Славка перехватил управление. Крепко дуло с левого борта, шла боковая волна, приходилось сильно откренить. Но Славка (может быть, с перепугу) лихо подогнал яхту к пирсу, молниеносно ошвартовался по всем правилам корабельной науки и завопил:

— Виктор Семенович, вызывайте «Скорую», у Аньки аппендицит!

Тогда завопила и Аня:

— Молчи, балда, я же пошутила!

— Зачем? — опешил Славка.

— Чтобы посмотреть, как ты справишься без меня.

Славка помолчал и заплакал.

Аня удивилась. Подолом тельняшки принялась вытирать Славке лицо.

— Ты чего, Комарик? Обиделся, что ли?

— При чем тут «обиделся»? Страшно же...
 — Чего страшно? Ты хорошо управляешься.
 — Дура, — сказал Славка. — Я из-за этого разве? Я думал, вдруг не успею. Если сильный приступ, может быть... этот... перитонит... От него же умереть можно.

Она виновато засопела, а Славка продолжал тихонько реветь.
 — Перестань, — попросила Аня.
 — Дореву и перестану, — сердито сказал Славка.

Анюты он давно уже не стеснялся. Все равно она знала, что за человек Славка Семибратов: где он хорош, а где так себе. Притворяться перед ней героем было бесполезно. Поэтому Славка без смущения визжал, когда Анька мазала ему зеленку ссадины, не скрывал, что боится нырять с трехметровой вышки (все равно ведь нырял!), и даже доверял кое-какие тайны.

Рассказал, например, об Артемке.
 — Тащи его к нам, — велела Аня.

С тех пор Артемка плавал на носу «Трэмп»...

А в августе все это кончилось. Сразу, в одну неделю. Сначала уехала в Пермь Аня. Она подала заявление на какие-то курсы, чтобы стать корабельным радистом и плавать по рекам и морям.

— Крику дома было! «Десятый класс не кончила, куда-то срываешься!» А я все равно... На аттестат я в вечерней школе сдам.

— А я как? — шепотом спросил Славка.

— Ну, Комарик... Ты чего? Я тебе писать буду... Ты в том году сам станешь рулевым!

Через несколько дней после Анюткиного отъезда закрыли спортивную базу. То есть не совсем закрыли, а соединили с большим заводским яхт-клубом, но клуб этот находился в двадцати километрах, на другом озере. Славка понимал, что в такую даль он ездить не сможет.

Бородатый Виктор Семенович грустно объяснил Славке, что в парке решено строить красивую набережную, а их дощатый домик и пирсы снести, потому что они портят пейзаж.

— Кому она нужна, эта набережная!

— Нас с тобой, Славка, не спросили. Ничего не поделаешь, это форс-мажор.

— Что?

— Иначе говоря, действие непреодолимой силы. Есть такое

морское понятие. Это когда стихия сильнее и люди уже ничего не могут сделать.

— Но здесь же не стихия!

— Все равно форс-мажор, Славка. Обстоятельства сильнее нас.

«А кто теперь будет ходить на «Трэмп»?» — хотел спросить Славка, но не смог. Он стиснул зубы, вытащил из кладовой два флага и поднял их на сигнальной мачте.

Один флаг был сине-белый, в шахматную клетку. Он означал букву «N» и назывался «Новэмбэр». Второй состоял из пяти полос: по краям синие, потом белые, а посередине красная. Он соответствовал букве «С» и носил имя «Чарли». Когда их поднимают вместе, получается сигнал NS. Это значит, что люди израсходовали силы и, если не будет помощи, корабль пойдет ко дну.

Виктор Семенович увидел флаги и взъерошил большой ладонью Славкины волосы.

— Не поможет это нам, мой капитан. Да и бедствия особого нет. Только у нас двоих неприятность: ты без плаваний останешься, а я из начальства пойду в рядовые тренеры...

Славка и сам понимал, что ничего уже не поможет. И флаги поднял просто так. В знак протеста, что ли...

— Ладно, переживем как-нибудь, — утешил его Виктор Семенович.

Но переживать было трудно. Славка горевал. И как раз в один из этих дней, мама сказала:

— Если уж так получилось, не переехать ли нам в Усть-Каменск?

— Зачем? N — Большой город... Театры, музеи. Окончишь школу — под боком институты.

Нужны были Славке эти институты, как в днище дырка. А никакой мореходки в сухопутном Усть-Каменске, конечно, нет.

Но мама продолжала уговаривать.

Славка грубовато сказал:

— Кому мы там нужны...

Мама очень смутилась:

— Видишь ли... Туда переехал Константин Константинович. Он работает в филармонии... Ну и... Я давно хотела с тобой побеседовать... Короче говоря...

— Короче говоря, он сделал тебе предложение, — снисходительно сказал Славка.

БАБУШКА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА

В Усть-Каменске перед первым сентября мама купила Славке новый портфель. Вместо потрепанного ранца. Портфель был большой, коричневый, с двумя блестящими замками и кожаной пряжкой посередине.

— Смотри, — смеясь, говорила мама, — у портфеля лицо. Замки — как два глаза, а пряжка вместо носа. Похоже?

Славка слегка улыбнулся: похоже.

— Выразительная физиономия, — продолжала мама. — Мне кажется, она будет говорить о твоих успехах. Если все хорошо — будет веселая. Если чего-нибудь натворишь или получишь двойку — тоже все на ней отразится. Так что лучше не скрывай свои грехи.

Славка пожал плечами. После истории со «Справочником вахтенного офицера», которая случилась давным-давно, он ничего никогда от мамы не скрывал. Вернее, почти ничего. Бывали, конечно, редкие случаи, когда он помалкивал. Например, о том, как они с Анютой во время крепкого шквала перевернулись посреди озера и бултыхались в волнах минут пятнадцать, пока не подлетел на взмыленной моторке перепуганный Виктор Семенович... Славка не болтал об этом, чтобы маме не почудилось, что он был на краю гибели.

А про оценки и про школьные дела он всегда рассказывал. Тем более что и скрывать было нечего.

Но все же мамины слова про лицо портфеля он запомнил. Казалось иногда, что портфель поглядывает на хозяина с усмешкой и даже пренебрежительно. Это могла заметить и мама. И Славка привык ставить портфель носом к стенке.

Он не шадил портфель. Ездил на нем с ледяной горки, пинал, когда были горькие минуты, и два раза дрался им с врагами. Кроме того, он провертел внизу дырку, чтобы живущий в портфеле Артемка не сидел в полной тьме и мог хоть одним глазочком глянуть на белый свет.

Через год портфель выглядел так, словно его раскопали в древнем кургане.

В этом году, когда Славка первый раз собрался в новую школу, бабушка Вера Анатольевна осторожно сказала:

— Какой он у тебя, Славушка... подержанный. Хочешь, я тебе новый куплю?

— Спасибо, Вера Анатольевна, я к нему привык.

Он и в самом деле привязался к портфелю, хотя сначала его не любил.

Вера Анатольевна вздохнула:

— Ну, привык так привык...

И отошла.

Она всегда так: скажет что-нибудь, повздыхает и отойдет. Или захочет его по голове погладить и руку на полпути остановит. Славку это, по правде говоря, слегка раздражало. И еще раздражало, как она жует губами, прежде чем сказать что-нибудь. Или начнет что-то искать в своем шкафчике и копошится, звенит многочисленными пузырьками с лекарствами. А ты стой и жди...

Но Славка ни разу не выдал своего раздражения. Он чувствовал, что Вера Анатольевна его любит. Только это была какая-то осторожная любовь, издалека. Словно бабушка боялась, что Славка огрызнется на ласку.

В доме у Веры Анатольевны были две большие комнаты с побеленными стенами и несколько закутков и комнатушек. Мебель стояла старая, и ее было мало. Главным образом кровати. Вера Анатольевна летом сдавала комнаты отдыхающим.

— Ведь не ради денег, Леночка, — рассказывала она как-то маме. — Скучно одной... А теперь вы приехали, вот у меня и праздник.

Мама вежливо поцеловала ее в коричневую щеку. А Вера Анатольевна нерешительно улыбнулась и сказала:

— Умру когда, все вам и останется...

Славка увидел, как маме это не понравилось. Ему тоже. Что они, за наследством сюда приехали? Но Вера Анатольевна торопливо добавила:

— Ты только не обижайся, Леночка, вы ведь у меня одни...

Славка знал от мамы, что муж Веры Анатольевны был директором школы в Новочеркасске и умер пятнадцать лет назад. Давным-давно была еще маленькая дочь, но она погибла под бомбежкой в первые дни войны.

Конечно, невесело жить одной...

В тот день, когда Славка получил пятерку по математике, он вернулся домой в самом лучшем настроении. Мамы не было: она ушла договариваться насчет работы. Славка решил, пока ее нет, оборудовать свой угол. Он жил в комнатушке с одним окном и хотел сделать ее похожей на каюту.

Когда он здесь поселился, Вера Анатольевна сказала:

— Не тесно тебе, Славушка? В угловой комнате попросторнее...

— Нет, спасибо. Вера Анатольевна, здесь хорошо.

— Ну, хорошо так хорошо... — Она повздыхала и принесла из сарайчика обшарпанную, но прочную этажерку.

Узкий, будто корабельная койка, диван, столик, этажерка, вешалка за дверь — что еще надо?

А сегодня по дороге из школы Славка купил в книжном магазине большую карту мира. Она могла закрыть всю стену над диваном.

— Вера Анатольевна, можно, я ее повешу?

— Да что ты спрашиваешь... Твоя комната, делай как хочешь. Говорил бы ты мне, Славушка, «баба Вера». Не чужие ведь...

— Хорошо... баба Вера. А молоток у вас есть? И гвоздики...

Он прибил карту, а потом, над столиком, рисунок Женьки Аверкина. Тут Вера Анатольевна позвала его обедать. Пока Славка жевал котлету и глотал компот, она все поглядывала на него издали. Потом сказала:

— Все не пойму, похож ты на своего папу или нет... Иногда вроде бы совсем такой же, а иногда — непохожий.

Славка вытряхивал в рот прямо из стакана компотные ягоды (что, разумеется, никогда не должны позволять себе воспитанные дети). Он прожевал их и сообщил:

— Мама говорит, что я ни на кого не похож. Все в роду темные были, а я русский.

— Папа твой тоже светленький был...

— Да что вы, Вера Ан... ой, баба Вера... У нас же карточки есть. У него темные волосы! И мама говорила...

— Мама-то его не видела маленького. А у меня есть фотография. Хочешь взглянуть?

— Спасибо. Хочу, конечно.

Они пошли в комнату, и баба Вера опять долго звенела пузырьками в шкафу, из которого пахло лекарствами. Достала картонную коробку. В ней лежали вперемешку разные снимки.

— Вот он, Валерик... Папа твой. Сколько уж прошло-то? Двадцать пять лет почти... Это когда мама его уже болела и он у меня жил.

Славка даже замигал. На лужайке среди пушистых одуванчиков и солнца стоял мальчишка лет восьми с велосипедом «Школьник». С прямыми светлыми волосами и кисточкой на

макушке. В сбившейся на животе клетчатой рубашке. Он смотрел весело и смело. В глазах — блестящие точки.

— Наездник, — шепотом сказал Славка.

— И верно, наездник, — согласилась баба Вера. — Всю жизнь за рулем. Вот и... А что ни говори — похож.

Не может быть, что столько лет прошло! Снимок будто вчера сделали. Прочный, блестящий, без всякой желтизны. И четкий-четкий. Каждое семечко видно на одуванчиках, каждый узорчик на шинах велосипеда. А у мальчишки — каждый волосок. И царапинка на лбу. И крошечная родинка под левой коленкой — такая же, как у Славки. И даже видны прожилки в радужной оболочке глаз, обращенных прямо на Славку.

«Это папа... — мысленно сказал Славка. — Па-па...» Он словно пробовал на вес это слово. Он его так редко говорил.

Кому скажешь?

Но и этому мальчишке не скажешь. Это просто Валерка Семибратов. Похожий на Наездника пацаненок, не знающий, что у него будет когда-то сын Славка.

Или... знающий все-таки?

«Ты кто?»

«Я... Славка... Твой сын».

«Вот это да! А не врешь?»

«Хоть кого спроси...»

«Интересно... А какой ты, сын?»

«Я... я не знаю...»

«А кто знает? Пушкин? Чего ты молчишь?»

«А чего говорить?»

«Какой ты? Смелый?»

«Ну...»

«Что ну? Говори по правде».

«Если по правде, всякое бывает».

«Эх ты, «всякое»...»

«Ладно! И ты сейчас не герой... Может, ты верещишь, когда тебе мажут йодом царапины, и боишься оставаться в темной комнате, как я, когда был восьмилетним... И вообще не очень задавайся. А то завтра заканючишь «прокати», а получишь фигу».

«Ты, Славка, не путай. Катаешь ты не меня. Время другое...»

Неужели правда двадцать пять лет прошло? И нет мальчишки, который прямо сейчас глядит на Славку живыми глазами... Вообще нет. Даже взрослого, который из этого мальчишки вырос...

— Ты, Славушка, что шепчешь?

— Я?.. Так просто. Баба Вера, вы не убирайте эту карточку, ладно? Я потом еще посмотрю... А это кто?

— Это я.

Вот здорово! На снимке с отломанным уголком была молодая женщина в коротком бушлате, в черном берете со звездочкой, с брезентовой сумкой через плечо. А рядом — двое матросов с автоматами. Автоматы старого образца — с большими дисками.

— Вы в морской пехоте воевали, баба Вера?

— Да нет, Славушка. Разве я воевала?.. Не говори мне «вы» ради бога... Это они воевали. — Баба Вера показала на матросов. — А я фельдшером была, в медсанбатах да в госпитале.

— Но все равно же на войне. Вы... ты же рисковала?

— Это, конечно, случилось. Под обстрелами сколько раз была. И под бомбежками, когда раненых вывозили...

— Баба Вера... Страшно, да?

— Да нет, Славушка... Как Ниночку убило, мне уж ничего не страшно сделалось. Думала: пускай со мной хоть что... Боли только боялась. Я какая-то чудная была: чьи-то раны обрабатываю, перевязываю, а сама будто их боль чувствую. Потом сколько лет в больницах проработала, а так и не привыкла...

— Баба Вера, а ты это где снялась? Ты в этом городе на войне была?

— Нет, отсюда я еще до войны уехала... А это на Дунае, в сорок четвертом.

— У тебя... наверно, медали есть?

— Есть. Орден даже. Красная Звезда... Это как раз дали после того, как фотографию сделали. Ранило еще тогда...

Она улыбнулась, и на лице ее сбежалась частая сетка морщин.

— Ты, Славушка, не думай, что я из-за старости хромаю и лекаря пью. Не такая уж я еще старуха. Это во мне кое-где железо сидит. Правда, самую малость...

Славка подвинулся к ней и щекой коснулся ее рукава. Чуть-чуть.

— Баба Вера... ты не обижайся на меня.

— Славушка, да ты что, мой хороший? За что обижаться?

Он вздохнул:

— Мало ли... Есть за что.

Она притянула Славку, прижала к своей шерстяной кофте. От кофты пахло лекарствами, кухонным дымом и горькой сухой травой — той же, что пахло в каждой комнате этого дома.

Когда вернулась мама, она удивилась до невозможности. И обрадовалась: Славка, одетый в драный тренировочный костюм, самоотверженно драил в комнатах полы. Вера Анатольевна жалобно уговаривала перестать или хотя бы отдохнуть.

А вечером, когда баба Вера собралась в магазин за крупой и солью, Славка сказал:

— Все ты да ты. Давай схожу. Маленький я, что ли?

— Ты и так устал. С полом намучился, уроки делал...

— Не намучился я. Мне все равно гулять надо. Мне нравится.

Он правду говорил. Для него было радостью ходить по улицам Города.

ВОЛЬ

Из магазина Славка не пошел знакомой улицей. Гораздо интересней выбирать новые дороги. Славка наугад свернул в переулок с маленькими белыми домами и большими деревьями.

У деревьев были крупные листья — по пять на одном корешке. Их края уже задела сентябрьская желтизна. Среди листьев качались колючие зеленые шарики.

Деревья назывались «каштаны». Шарики тоже назывались «каштаны». Если с шарика содрать колючую кожуру, под ней окажется ядро — твердое, как деревяшка. Это и есть по-настоящему каштан. Говорят, их как-то жарят и едят. Спросить надо бабу Веру...

Крупный шарик с длинными шипами словно услышал Славины мысли. Он лопнул у Славы на глазах, и лаковый коричневый орех запрыгал по ракушечным плитам: лови меня и жарь.

Славка даже ойкнул. Потом засмеялся и кинулся за каштаном.

И запнулся. За край каменной плиты.

Недаром говорят, что запинаться левой ногой — к несчастью. Славка грохнулся так, что, кажется, звон пошел над улицей. И не только грохнулся, а еще проехался по ракушечнику. Сумка улетела вперед, из нее выкатился пакет с солью.

Славка полежал, приходя в себя. Поднялся, постанывая. Боль раскатывалась по нему колючими тяжелыми клубками. Славе показалось, что они похожи на неочищенные каштаны, только не на зеленые, а на багрово-красные. Славка рукавом вытер глаза, подобрал и уложил соль. Потом присел на краешек тротуара, прислушался, где и что особенно болит.

Сильнее всего болела левая нога. Но хуже было другое: штанина оказалась распластанной от калена до самого низа. Видимо, зацепилась за острый угол плиты. На ноге Славка увидел длинную кровавую царапину.

Но царапина — что? Заживет. А брюки...

«Ой, мамочка...» — сокрушенно подумал Славка.

И словно эхо отозвалось на улице:

— Ой, мамочка, не надо! Больше не буду! Пустите!

Славку будто прижало к тротуару. Издалека, из давних недобрых времен, прилетел этот крик.

— Ой, мамочка, не надо! Больно!

Да что же это? Неужели *здесь* может быть *такое*?!

Славка вскочил.

На другой стороне улицы крепкая женщина в розовом брючном костюме вела за ухо толстого мальчишку лет девяти. Он неуклюже пританцовывал на ходу и верещал.

Собственная боль придала Славке смелости. Он бросился через дорогу. Порванная штанина захлопала по ноге.

— Вы что! — закричал Славка. — Не надо!

Женщина остановилась и отпустила мальчишку. Он отскочил к забору и взялся за ухо. Женщина повернулась к Славке.

— Чего не надо? Ты откуда такой заступник?

Славка почувствовал, как вся его решимость испаряется. Но сказал:

— Ему же больно...

Женщина визгливо крикнула:

— Больно?! Еще не так надо! Еще штаны снять да хворостиной!..

Славку снова толкнула злость. Он вспомнил мать Юрки Зырянова. И сказал сипловато, но храбро:

— Это никто не имеет права, даже родители. За это можно и в милицию...

Он вдруг увидел, что глаза у женщины налились слезами.

— Да? — сказала она тонким голосом. — В милицию? — И неожиданно заплакала, шумно хлюпая носом и фыркая. — А если у него рук-ног не останется, тогда в какую милицию? Кого поведут?

Славка совсем растерялся. Он готов был, что она заругается, даже стукнуть попробует, а тут — вон что.

— Легко грозить-то! — причитала тетка. — Все заступники,

все храбрые. Вам все игрушки, а матерям да отцам потом слезы на всю жизнь!

Качая высокой крашеной прической, она пошла от Славки, но потом обернулась и плачущим голосом закричала с новой силой:

— От Андрюшки Илюхина что осталось? Матери и посмотреть не дали! Гроб заколотили, а что там, никто не знает! А вам что в лоб, что по лбу!.. Обожди, матери все равно скажу! Она тебе покажет, как патроны ковырять! Она тебе ремнем поковыряет!

Последние слова были уже не для Славки, а для толстого мальчишки. Прокричав их, женщина еще раз громко шмыгнула носом и зашагала вдоль забора. Скрылась в ближней калитке.

Славка проводил ее взглядом и посмотрел на мальчишку. Тот все еще держался за ухо. Лицо у него оставалось злым, но на Славку он глянул виновато и смущенно. Это был толстый неуклюжий мальчишка, но глаза у него были хорошие: большие, темно-коричневые. Славка их разглядел, хотя уже наполнили сумерки. В глазах у мальчишки все еще блестели слезы.

Славка хмуро спросил:

— Что за патрон ты расковыривал? Голова-то у тебя есть?

— Да он пустой же, — отозвался мальчишка. — Ржавая гильза от зенитки, я ее в Сухой балке нашел. Ничего я не расковыривал, а только чистил. Хотел из нее автомат сделать...

— Бывает, что гильза пустая, а капсюль в ней целый. В нем гремучая ртуть, — сказал Славка. — Она может сто лет лежать, а потом взрывается от одного чиха. Я это... в книжке про саперов читал.

— Там капсюль выстреленный, — возразил мальчишка. — В нем ямка... Я чистить начал, а эта дура как подскочит! Прямо на улице... Гильзу куда-то кинула, а меня за ухо...

— Наверно, она не со зла, — сказал Славка. — Просто перепугалась. Вон, даже заплакала...

— А она всегда такая, то ругается, то ревет. Я ее давно знаю, это наша соседка.

— Я сперва думал, что это твоя мама...

— Ты что! — возмущенно сказал мальчишка. — Мама никогда не дерется... Откуда ты взял, что это мама моя?

— Ну... ты же сам кричал: «Мамочка!»

Мальчишка вздохнул и со взрослой серьезностью ответил:

— Что же еще кричать, если больно...

Они помолчали.

— У тебя брючина порвалась, — неловко сказал мальчишка. Будто Славка сам не знал!
 Мальчишка вдруг предложил:
 — Хочешь, пойдем ко мне? Мама зашьет.
 — Нет уж, — вздохнул Славка. — У меня своя мама есть.
 И, хромая, он зашагал домой, хотя свидание с мамой на этот раз не обещало ему радости.

Когда Славка вернулся, бабы Веры не было дома: видимо, ушла к соседям. А мама была. И конечно, нервничала. Она спросила, где Славка изволил болтаться столько времени.

Славка шагнул на свет и с сокрушенным видом встал посреди комнаты: чтобы мама сразу увидела порванную штанину.

Мама сказала неприятным голосом:

— Миленький сюрпризик.
 — Я же не нарочно, — буркнул Славка.
 — Если человек спокойно идет по улице, брюки у него не рвутся.

— Я запнулся.
 — Ты выглядишь так, будто не запнулся, а побывал в хорошей свалке. И дышишь, как после драки.
 — Потому что... Там к мальчишке приставали...

Мама посмотрела недоверчиво:

— И ты полез заступаться?
 — Что же было делать, — скромно сказал Славка. Он сразу почувствовал, что вопрос о брюках теряет опасную остроту.
 — И сколько их было, этих... обидчиков?

Славка смутился.
 — Одна... К нему соседка привязалась, такая здоровая тетка. Он кричит на всю улицу, а она... за ухо тащит.

Мама слегка встревожилась:

— Но, надеюсь, ты не грубил этой женщине.
 Славка дипломатично пожал плечами.
 — Она его отпустила и ушла куда-то...

Мама покачала головой.

— Никогда не думала, что ты способен вмешиваться в уличные скандалы. У тебя переменялся характер... Жаль.

— Что жаль? Значит, пускай уши отрывает?
 — Я не про то. Жаль, что я не знала заранее. Купила бы не только рубашку, но и брюки. Хотя, конечно, денег в обрез...
 — Разве нельзя зашить эти?

Мама нагнулась.

— Ну где же... Если бы по шву, а то вон как разодрал. Да и машинка у Веры Анатольевны не работает... А это что? Та-ак. — Она увидела царапину.

— Чепуха, — поспешно сказал Славка.

— Открой тумбочку, принеси йод.

— Ну, мама...

— Стыд какой! В пятом классе, а боится йода, как детсадовский ребенок.

— Лучше уж зеленкой, она не так шиплет.

— Йод испарится, а зеленка липучая и долго не смывается. Или ваше сиятельство намерено ходить размалеванным на потеху публике?

У Славки тоскливо засосало под желудком. Горестно вздыхая, Славка по плечи забрался в самые недра тумбочки. Маму он понял сразу.

Мама каждый день спрашивала, почему он жарится в шерстяных брюках и не хочет носить шорты. Легкая одежда — это так эстетично и полезно для здоровья!

— Не понимаю твоего упрямства, — огорчалась она. — Ходят же в шортах твои одноклассники.

— Всего три человека...

— Я уверена, что они — самые умные. Почему тебе не быть четвертым?

Славка в ответ неопределенно бормотал. После прошлогоднего скандала с Юркой Зыряновым и завучем Анжелиной ходить в коротких штанах он стеснялся. Во время каникул еще туда-сюда. Но в школу... Здешним ребятам хорошо, они привыкли, а ему все кажется, что найдется какой-нибудь тип вроде Зырянова и поднимет злорадный крик... Но признаться в таком своем страхе Славка тоже стеснялся и отговаривался как умел.

Однако завтра не отговоришься. Не идти же в школу в измочаленных джинсах с кожаной заплатой на задку или в продранных на коленях «трениках»...

Сумрачно размышляя о неотвратимости судьбы, Славка вернулся к маме с коричневым пузырьком.

— Садись и давай ногу, — велела мама. — Убедительная просьба не пищать и не дергаться.

— Не буду я дергаться, — хмуро сказал Славка. Он вспомнил, как верещал на улице толстый мальчишка. Не хватало еще и ему, Славке, так же завопить.

Ватка в маминых пальцах набухла почти черным йодом.

Р-раз! — от колена до щиколотки прошла по царапине коричневая полоса. Славка часто задыхался, но даже не зажмурился.

— Больно?

— Больно, — сказал Славка. — Но наплевать.

— Зачем выражаться так энергично? Впрочем, если, как ты говоришь, «наплевать», давай для верности еще раз. Мало ли какие тут микробы...

Мама примерилась, чтобы снова смазать царапину. Но тут, спасая Славку, звякнул в коридоре колокольчик. От него к рычажку на калитке тянулась проволока.

— Я открою, — поспешно сказал Славка и выскочил во двор.

Он думал, что вернулась баба Вера. Но это была не она.

Пожилой почтальон принес телеграмму. Попросил расписаться. И опять у Славки тоскливо засосало внутри: при жидком свете уличного фонаря он разобрал на бумажной полоске печатные буквы: «УСТЬ-КАМЕНСК...»

Телеграмма была маме. Не Славке. Ни в коем случае не имел он права совать в нее нос. Однако такой жгучей сделалась тревога, что Славка остановился под яркой лампочкой у крыльца. Воровато отогнул край телеграфного бланка.

Все строчки прочитать он не сумел, но подпись увидел...

Славка молча отдал маме телеграмму, ушел в свою комнатушку и залез в постель.

Было еще рано, и спать не хотелось. Но Славка выключил свет и натянул на голову простыню. В душной темноте завертелись, запрыгали беспокойные мысли.

ГРЕМУЧАЯ РТУТЬ

Когда улетали из Усть-Каменска, Славка поверил, что все, точка. Прошлое не вернется. Но миновала неделя — и вот, телеграмма. Будто бесконечно длинная злая рука протянулась за Славкой и за мамой.

Славка съезжился под простыней. Хочешь не хочешь, а лезли в голову воспоминания об Усть-Каменске.

...Там были спокойными лишь первые дни. А когда Славка пришел в школу, сразу стало ясно: хорошей жизни не будет. В том же классе, в четвертом «А», оказался Юрка Зырянов. Они с тетей Зиной переехали в Усть-Каменок еще давно. В каком-то классе, во втором или третьем, Юрка посидел два года, и теперь они со Славкой сравнялись.

Юрка узнал Славку сразу:

— Семибратик-семицветик, мамина кисточка! Какое счастье... — Он обвел красным языком тонкие губы, словно облизнулся от удовольствия. — Смотри-ка, в адмиралы записался! Здравия желаю, ваше превосходительство!

У Славки на школьную курточку были перешиты пуговицы от джинсового костюма.

Из-за этих пуговиц Юрка больше всего издевался над Славкой. И Юркины дружки издевались. Сколько прозвищ они Славке надавали! Хватило бы на весь морской флот.

И если бы только прозвища! И подножки, и шипки всякие, и рисунки на доске. И ухмылки из всех углов...

Надо было сразу дать им в ответ как следует! Славка боялся сначала. Но если у тебя за душой паруса, нельзя бояться до бесконечности.

Однажды на перемене Славку взорвало, как гремучую ртуть! Он, всхлипывая от ярости, кинулся на Юрку. Того загородили дружки.

— Шкура... — сказал Славка Зырянову. — Один на один душонки не хватает?

Юрка ухмыльнулся:

— В школе драться нехорошо, нельзя учителей расстраивать. После уроков — наше вам, пожалуйста. За гаражами.

И Славка пришел за гаражи. Он трусил отчаянно и все же пришел. Потому что не было выхода. Но едва он встал против ненавистного Зырянова, как отовсюду слетелась Юркина компания. Славку закатали в сухой бурьян, зажали рот, набили в волосы репьев, надавали пинков и разбежались, хохоча и подвывая.

Славка на целые сутки будто закаменел от ненависти. А на другой день в начале первого урока молча врезал Юрке по физиономии тяжелой коробкой с акварелью. Но драки опять не случилось. Случилось классное собрание, на котором долго ругали Славку, а классная руководительница предложила снять с него на месяц пионерский галстук. Галстук не сняли (попробовали бы только!). Вмешалась вожатая и объяснила, что делать этого нельзя. Кроме того, она сказала, что Юра Зырянов тоже виноват. Семибратов — новичок, и Зырянову с товарищами следовало поскорее приобщить его к коллективу.

Юрка скромно кивал и соглашался. Он был подлый. Видимо, тети-Зинино воспитание приучило его к изворотливости. Он

сказал, что прощает Славку за утренний случай (вот гад!), а после собрания опять подкараулил его с друзьями...

Про эти дела наконец узнала мама.

— Почему у тебя в каждой школе истории?

— Не в каждой...

— Срежь ты, в конце концов, эти пуговицы, если из-за них столько несчастий!

Славка не срезал. Потому что это была память об озере и «Трэмпе». Потому что если срежет — значит, совсем струсил. Потому что если срежет — Юрка обрадуется, а потом найдет другую причину для насмешек.

— Разве в пуговицах дело... — сказал Славка маме.

— Дело в том, что ты не умеешь ладить с другими мальчиками. Учительница говорит, что ты ведешь себя вызывающе. Не хочешь найти с классом общий язык.

— Это они не хотят. Я никого не трогаю...

— А ты попробуй подружиться.

— Как?

— Ну, позови Юру Зырянова с ребятами в гости. Покажи свои книги, фильмоскоп...

— О Господи... — сказал Славка.

И все продолжалось. Утром он шел в громадную гулкую, похожую на вокзал школу и то воевал там, то плакал. Потом шел домой по городу Усть-Каменску и ненавидел его улицы.

На улицах было два цвета: грязно-белый и черный. Грязно-белыми были многоэтажные коробки домов, обледенелый снег, подернутое дымкой зимнее небо. Черными — голые деревья, окна, заборы, телеграфные столбы, провода и трамвайные рельсы. И комья застывшей земли на пустырях. И клетки недостроенных зданий. И угольные кучи у котельных... Словно кто-то нарисовал все на пыльном ватмане мутной тушью.

Может быть, для других это был хороший город, счастливый город. И даже разноцветный. Для тех, у кого была радость. У Славки радости не было. В школе ее не было и дома — в больших комнатах с блестящей мебелью, которая называлась «гарнитур».

Мама и Константин Константинович ссорились. Сначала нечасто. Незаметно и сдержанно, когда думали, что Славка их не слышит. Потом — чаще и откровеннее. Константин Константинович уже не болтал со Славкой и не рассказывал о путешествиях. Он частенько приходил домой поздно, сердито разматывал

шарф и укрывался в своей комнате. В это время у него бывали блестящие, как у больного, глаза и красное лицо.

Мама неприятно ровным голосом спрашивала, где и с кем он задержался. Константин Константинович отвечал, что у него много работы. Мама смеялась ненастоящим смехом и говорила, что это прекрасная работа, если там каждый вечер угощают коньяком.

Иногда у мамы были заплаканные глаза.

Однажды Славка вернулся из школы и услышал, как Константин Константинович кричит. Он кричал маме такие слова, что Славку будто лицом ударили о терку. Он, как был в мокрых ботинках, шагнул в комнату и громко сказал:

— Не смейте кричать на маму!

Константин Константинович бешено глянул на Славку, сцепил пальцы, словно переломать их решил, и сказал маме:

— Ну вот что... Я в воспитание твоего наследника не лезу. Пусть он не лезет в мои дела.

— А ты не кричи на нас, — сказала ему мама и увела Славку.

Она успокаивала Славку, объясняла, что у Константина Константиновича нервная работа и расшатанное здоровье, потому что у него была трудная жизнь. Скоро все наладится, и они станут жить дружно.

Но ничего не налаживалось. Однажды они опять ссорились. Константин Константинович противно кричал и вдруг замахнулся на маму. И встретился взглядом со Славкой. Он задержал руку, как-то по-щенячьи взвизгнул и убежал к себе в комнату. Славка увидел, как он упал на тахту, стукнул кулаками по тугой подушке и мелко затрясся.

Было противно. Неужели этот человек недавно казался Славке похожим на капитана?

Славка стал его ненавидеть. Не называл по имени. Даже мысленно Славка называл теперь этого человека просто *Он*.

Он тоже не терпел Славку. Запретил бывать в своей комнате, где висели чучела, оружие, спортивные медали и стоял хрустальный кубок — главная награда, которую *Он* получил за стрельбу.

По вечерам в квартире была давящая тишина. *Он* запирался в своей комнате. Мама, вздыхая иногда, сидела у лампы над переводами английских статей. Славка в своем углу шелестел страницами или шептался с Артемкой.

Так прошел учебный год. К бабушке Вере Анатольевне опять не поехали. У мамы было неважно со здоровьем, и врачи запре-

тили ей далекие поездки. Славку на июнь отправили в лагерь: мама говорила, что в лагере есть яхты.

Яхты были. Четыре «оптимиста». После «кадета» они показали Славке фанерными коробками. Но дело не в этом. Плавали «оптимисты» — смешно сказать! — в бассейне длиной в двадцать пять метров.

Славка не стал смеяться. Он пожал плечами и начал считать дни до конца смены. Ко многим приезжали родители, а к Славке мама не приезжала. Только посылала письма. Лишь вернувшись, он узнал, что мама две недели лежала в больнице.

Потом были два дождливых унылых месяца. Мама и *Он* по-прежнему ссорились. По ночам, когда подступала злая тоска, Славка сжимал в темноте кулаки и мечтал, чтобы *Он* попал под трамвай...

В конце августа мама и *Он* поругались особенно сильно. Мама заплакала, надела плащ, взяла сумочку и хлопнула дверью. Славке показалось, что она ушла навсегда.

Славка бросился следом. Он искал маму под дождем по всем улицам. Почему она ушла одна? Им надо было уйти вдвоем. Навсегда. Где она теперь?!

Вернулся Славка часа через три. В комнате встретил Славку *Он*.

— Где ты шляешься, мерзавец? Мать бегаёт, ищет... Щенок сопливый!

Славка даже не обратил внимания на «сопливого щенка». Его захлестнула радость: значит, мама вернулась!

— Где она?

— Где? Носится за тобой по слякоти, трагедии устраивает, вместо того чтобы дожидаться и надавать оплеух. Марш в комнату!

Он хотел схватить Славку за плечо. Славка откачнулся и сказал:

— Оставьте меня в покое.

— В покое?! — *Он* взвизгнул и задышал, будто обжег рот горячей картошкой. — Тебя в покое? А меня?.. Ты мне жизнь изломал, змееныш!

Славка удивился. Спросил с любопытством и чуть пренебрежительно:

— Каким образом?

— А таким, что ты на свете есть... — неожиданно усталым и печальным голосом проговорил *Он*. — На кой черт ты появился? Мне свой сын был нужен, а не такая пивка...

Славка сказал:

— Я к вам в сыновья не записывался. У меня мама есть...

— Мама твоя... — начал *Он*, скрипнув зубами.

— Что? — прищурившись, спросил Славка. А потом подумал: чего стоять здесь и слушать всякие гадости? Лучше пойти и встретить поскорее маму.

Славка шагнул к двери.

Он взревел:

— Куда?! — Ухватил Славку за ворот и дернул к порогу своей комнаты. — Опять надеешься исчезнуть? Не пройдет!

Кажется, *Он* замахнулся.

«Неужели будет бить?» — подумал Славка и приготовился драться до смерти.

Он не ударил. Швырнул Славку на середину комнаты и глухо сказал:

— Будешь сидеть под замком, пока мать не придет. А потом... Не договорил, выскочил, захлопнул дверь.

Славка поднялся с пола. Отчаянно болел ушибленный локоть. Шумело в ушах, как на встречном ветру, и щипало в глазах от жуткого унижения. Даже мама никогда не поднимала руку на Славку, а этот... этот...

Славка старательно разбежался и грянулся плечом об очень твердую дверь.

— Откройте сейчас же! — отчетливо сказал он.

Тихо было за дверью.

— Откройте!! — закричал Славка. Ударил каблуком.

Крепкая была дверь. Ненавистная была дверь! Все было ненавистно в этой комнате, в этой клетке!

— Откройте!.. Открывай!!

Ни звука в ответ. Лишь закопченный трамвай невыносимо прогремел за окном по мокрым черным рельсам.

Все, что копилось на душе у Славки, поднялось в нем, как неторопливая холодная волна. Очень тяжелая волна. Как ртуть. Славка отошел к столу и взвесил в руке призовой кубок.

От удара о дверную ручку хрусталь разлетелся на мельчайшие брызги.

Дверь распахнулась сразу. *Он* встал на пороге, увидел стеклянную россыпь и приоткрыл рот.

— Подонок, — сказал *Он* плачущим голосом. Подумал и растерянно добавил: — Убью ведь... Пусть...

Славка увидел его глаза и подумал: «Может, в самом деле большой?»

Странно подпрыгивая, *Он* вбежал в комнату, подскочил к стене, оглянулся на Славку и как-то полувопросительно сказал опять:

— Убью...

Он сдернул с гвоздя ружье. Отбежал, стал шарить в ящике стола.

В первый миг Славка испугался. Но почти сразу что-то в нем отключилось. Не стало ни страха, ни злости, ни обиды. Только тяжелое утомление наваливалось. Такое, что хотелось прилечь и про все забыть. «Пускай, — подумал Славка, — все равно...»

Вместо того чтобы выскочить за дверь, Славка подошел к стене и прислонился лопатками к оленьей шкуре (из которой всегда лезли волосы). Там, где недавно висел «зауэр».

С безразличием Славка смотрел, как *Он* дрожащими ломкими пальцами толкает в казенник патроны, как, отвесив губу, поднимает пляшущие стволы. Впрочем, была, кажется, в Славке капелька любопытства: выстрелит или нет? Но боязни не было никакой.

Дульные срезы двустволки глянули на Славку — как зрочки, близко посаженные к переносице.

Славка очень хотел спать.

Но все же он оставался Славкой Семибратовым, сыном веселого парня Валерия Семибратова, который успел в жизни сделать одно очень важное дело: вовремя рванул в сторону руля. И видимо, поэтому появилась у Славки мысль: «Как же так? Без сопротивления?»

Ему не хотелось сопротивляться. Но до последнего момента человек должен быть человеком, и Славка через силу потянул руку к висевшему рядом ножу.

Рубчатая рукоятка удобно легла в ладонь. И, бросая нож от плеча — прямо врагу в глаза, — Славка уже знал, что не промахнется.

Но *Он* был опытный стрелок, привыкший на лету расшибать мелькающие мишени. Вздернув стволы, он отбил ими клинок (Славка сразу понял, что нож рикошетом уйдет в угол и воткнется в косяк у окна).

Несколько секунд (или минут, или часов) висела тишина. Потом *Он* бросил ружье на тахту, взял себя за щеки и побрел из комнаты.

Славка постоял, закрыв глаза, подошел к тахте и неторопливо разрядил «зауэр»...

Когда прибежала мама, Славка сидел у стола и, как шахматных королей, рассеянно переставлял по клетчатому пластику тяжелые патроны. А *Он* лежал в спальне на кровати и не то постанывал, не то скулил.

Мама увидела открытое ружье и торчавший в косяке нож.

— Что? — шепотом сказала мама. — Что здесь было?

Славка молчал. Мама прижала его к себе. Патроны покатились и стукнули о паркет. Славка высвободился.

— Осторожнее, мама, — тихо сказал он. — Это не игрушки.

— Что здесь было?!

Славка подобрал патроны.

— Давай уедем, мама, — попросил он. — Пожалуйста. Давай уедем...

— Уедем! Немедленно! Уедем!.. Господи, какая же я была глупая...

Они дали Вере Анатольевне телеграмму, уложили чемоданы, купили билеты. На сборы ушло двое суток. Все это время *Он* не показывался, даже не ночевал. А Славку не покидала трепетная, смешанная со страхом радость. Неужели ждет его море и Город? Лишь бы ничего не сорвалось!

Иногда среди дня Славку валил тяжелый сон. Будто Славка вернулся из трудного похода, где было много бессонных ночей. Но, падая на постель, Славка успевал тайком от мамы сунуть под подушку конверт с билетами. На всякий случай...

Они отдали соседям ключ, уехали в аэропорт, а через восемь часов перед Славкой было ночное море и мигали маяки. И Славка знал, что прежней жизни больше не будет.

Сначала было все-все хорошо, а теперь опять горько и беспойно. Славка лежал и думал: почему? С чего это началось? Не сегодня, не с телеграммы. Наверно, с того разговора на школьном дворе. С рассказа Светланы Валерьяновны о незнакомом Андрюшке Илюхине.

Тогда словно облако прошло по ясному солнцу.

Славка думал в тот день: позабудется, уляжется беспокойство. И правда, он ходил по Городу, купался в море, сидел на уроках, таскал на плечах Наездника, и вроде бы снова все стало как надо. Солнечно, радостно.

А сегодня — опять тревога. Сначала этот крик на улице, потом телеграмма... Опять словно замотались на ветру флаги Навэмбэр и Чарли.

Славка вертелся. У простыни были жесткие швы, горела расцарапанная нога. Больно так...

Но сильнее боли было ощущение опасности. Она подкрадывалась с двух сторон. Брала Славку в клещи. Отчаянные мысли о телеграмме перепутывались с мыслями об Илюхине. Два этих страха, две опасности смыкались, зажимали Славку в кольцо. Но почему? Телеграмма — это ясно. А Илюхин? Он-то при чем?

Будто он должен был что-то важное сказать Славке, о чем-то предупредить, и не успел.

Не успел Андрюшка, не стало его в один миг...

«Почувствовал он что-нибудь или нет? — мучаясь, размышлял Славка. — Понял ли, что это смерть? Каким был его последний миг? Вспышка, удар?..»

Говорят, ощущения бегут по нервам к мозгу, как ток по проводам. Чтобы увидеть и почувствовать что-то, нужно время. Очень-очень короткое, но все-таки время. Может быть, Андрюшка перестал существовать раньше, чем нервы передали сигнал о взрыве?

От мысли, что Андрюшка не успел испытать ни страха, ни боли, стало немного легче. Не было для Андрюшки ни толчка, ни пламени — сразу темнота. Или даже темноты нет? Ни-че-го...

Как это? Жил-жил и сразу — ничего?

А если бы это с ним, со Славкой? Если бы тот гад нажал тогда на спуск?.. Мама потом успокаивала, говорила, что не мог он выстрелить, не хотел: просто попугать решил. Но Славка-то знал, что мог. Хотя бы случайно: у него же пальцы тряслись, у психа... И тогда — что? Наверное, все же был бы горячий удар в грудь...

А потом?

Славка представил себя будто со стороны. Как он лежит ничком и волосы от оленьей шкуры прилипли к мокрой куртке. И наверно, все так же торчала бы кисточка на макушке... А потом вбежала бы мама...

Что было бы с мамой?!

Славка дернулся и сел.

Как же так вышло? Он стоял у стены — чурбан чурбаном — и совсем не подумал о маме.

Вот почему его мучит Андрюшка Илюхин!

«Вам игрушки, а отцам и матерям на всю жизнь слезы!» Нет,

тогда было не до игрушек, но все равно... Почему он не подумал?

«Один был у родителей... Мать вся седая...»

Что осталось бы маме? Славка смотрел бы на нее с фотографий — вот и все. Как сегодня смотрел на Славку маленький Валерка Семибратов... Как, наверно, смотрит со снимков на свою маму Андрюшка Илюхин. С четких больших снимков, на которых глаза — будто живые...

Славка крепко зажмурился и замотал головой. Нет! Его мама не будет седая. Ничего с ним больше не случится. Во веки веков.

Ничего! Лишь бы не вернулась усть-каменская жизнь. Это было бы самое страшное. Но с чего вдруг она вернется? Смешно даже думать!

Телеграмма? Но мало ли какие дела могут быть у мамы? Славка просто слишком крепко треснулся о тротуар, и от такого удара у него разболтались нервы. Да еще от этой истории с толстым мальчишкой и его соседкой. Да еще от духоты в комнате. Сам виноват: забрался в постель спозаранку и даже окно не открыл.

Надо встать. Выйти на улицу. Пробежать пару кварталов, чтобы свежий воздух выдул из головы дурацкие мысли. Ведь ничего же не случилось. Славка сам выдумал опасности и страхи!

Славка нащупал ногами свои легонькие кроссовки...

Мама сидела в большой комнате у лампы и пришивала к голубой рубашке белый накладной воротничок. Она обернулась на Славкины шаги.

— Ты почему улегся и не поужинал? Вера Анатольевна вся извелась, она еще не привыкла к твоим фокусам.

— Не хочется мне есть... — Он двинулся к двери.

— Ты куда?

— Ну, «куда»... — Пришлось взять с тумбочки газету и демонстративно оторвать клочок...

— У тебя что, живот болит?

— Немножко.

— Я говорила: не ешь столько арбуза и винограда.

— Да пустяки... — пробормотал Славка и выскользнул за дверь.

Он прыгнул с крыльца. Ему показалось, что он окунулся в ночь, как в ласковую воду. Воздух был теплый-теплый. Трещали сверчки. Славка осторожно, чтобы в доме не динькнул колокольчик, открыл калитку. Высоко среди листьев светил фонарь.

Славка шагнул на каменный тротуар, в перистую тень акаций. Огляделся. Время позднее и темное, на улице ни души, можно пробежаться раздетому.

...Когда Славка вернулся, мама, конечно, стояла на крыльце.

— Где ты был? Почему ты голый носишься по улицам?

— Так, пробежался... В комнате жарко, я решил на воздухе погулять.

— Ты сведешь меня с ума.

— Со мной же ничего не случилось. Просто побегал.

— Ты сегодня какой-то на себя не похожий. Что у тебя стряслось?

«Ничего не стряслось», — хотел сказать Славка. Но тревога вернулась и прихлынула с такой силой, что он не сдержался:

— Потому что... Мама, а что в той телеграмме?

Она сразу стала другая. Ласковая и чуточку виноватая.

— Да что ты, маленький... Ты из-за этого?

— Что в ней?

— Чепуха в ней. Глупые просьбы о прощении. Как будто в этом дело.

— Мы не уедем отсюда?

— Куда? Я уже о работе почты договорилась...

— Правда не уедем?

— Разве мама тебя когда-нибудь обманывала?

«Всякое бывало», — подумал Славка без обиды, но сумрачно. Однако не верить и бояться не было уже сил. Тревога ушла. Славка вздохнул так, будто хотел вобрать в себя весь теплый воздух Города. Мама взяла его за плечи:

— Горячий какой! Набегался... Пойдем спать, беспокойная душа.

— Я погуляю еще, мама... Да не на улице, здесь, во дворе! Две минуточки.

Когда она ушла, Славка подошел к забору. Виноградные листья легонько задевали его плечи и щеки. Славка встал на старый курятник, забрался на забор и сел, свесив ноги на улицу. Сидеть было удобно: забор сверху покрывали широкие черепичные плитки.

Тепло приморской ночи обнимало Славку. Он просто купался в этом тепле. Голубые мохнатые звезды светили ему с высокого неба. Это было очень черное южное небо, но Славке казалось, что где-то над невидимым отсюда морем, у самой воды, горит полоска заката. Ему хотелось почему-то так думать.

Тишина была сплошь наполнена трелями ночных кузнечиков. А больше — ни звука.

Потом далеко отсюда, на башне Матросского клуба, заиграли куранты. Наверно, уже пришла полночь.

Куранты вызванивали слова корабельного вальса:

Нелегкого дня отгремели раскаты,
И ночь на стеклянные бухты упала,
Храня под опущенным флагом заката
Непрочный покой бастионов и палуб...

УТРО

Славка натянул новую голубую рубашку и — со вздохом обреченного — легонькие синие шорты. Они тоже были почти новые. В Усть-Каменске Славка надевал их всего два-три раза: лето выдалось зябкое и слякотное.

Мама сама повязала Славке галстук, поправила пришитый белый воротничок. Причесала Славку, стараясь не задеть гребнем кисточку на макушке. Она смотрела потеплевшими глазами, и Славка понял: наконец-то он выглядит «как нормальный воспитанный мальчик одиннадцати с половиной лет».

— Для полного вида возьми портфель и покажись мне изда-лека, — попросила мама.

Квадратная физиономия портфеля стала удивленной. Он привык соседствовать с потертыми синими брюками, а сейчас в его никелированных очах отражались тощие незнакомые ноги.

— Чего уж теперь... — сердитым полупшепотом сказал Славка то ли портфелю, то ли себе.

Он нехотя крутнулся на пятке перед мамой. Потом дрыгнул поцарапанной ногой:

— Вон какое украшение...

— С каких пор мальчики стали стесняться боевых ранений? Такие украшения только придают мужественный вид.

— Вот и получается, что я хвастаюсь, — буркнул Славка.

Мама вздохнула:

— Вашему сиятельству не угодишь... Ладно, если ты так страдаешь, сегодня купим новые брюки. Только пойдем вместе, чтобы примерить. Сколько у тебя уроков?

— Пять. И еще классный час.

— Классный час был позавчера.

— И опять будет. В четверг говорили, чтобы никто посторон-

ние вещи в школу не таскал, а сегодня какой-то военный придет. Будет опять... ну, про это рассказывать. Чтобы не трогали всякие штуки, если кто найдет.

У мамы сразу испортилось настроение. Славка увидел мамыны тревожные глаза и пожалел ее.

— Мам, ну ты так боишься, будто на каждом шагу мины поставлены. Что ты за меня волнуешься? Я же по разным оврагам и закоулкам не ползаю!

Славка немного хитрил. В «разных закоулках» он бывал. Ему нравилось бродить по старым улицам, и эти улицы приводили его в неожиданные места. То в заросший незнакомой травой тупичок с заколоченным домом без крыши, то на полянку среди высоких стен из ноздреватого песчаника, то на старое кладбище, где между кипарисами темнели пустые окна разбитой часовни.

На серых камнях брошенного дома можно было разглядеть длинный ряд круглых выбоин — видимо, след пулеметной очереди. На полянке, среди редкой травы, мелких желтых цветов и осколков черепицы Славка нашел ржавую шляпочную уключину и маленький якорь с курсантского погона. А в колючих кустах на кладбище прятались памятники с настоящими тяжелыми ядрами и горками пушечных ядер...

Славка уже побывал с мамой на Кургане Славы, на бастionaх, где дремали на солнце старые корабельные орудия, в Панораме и Музее флота. Сильной, хотя и осторожной любовью новичка он любил многоэтажные белые улицы, зеленую чашу Приморского бульвара и площади с бронзовыми памятниками адмиралов. Любил причалы, где над вышками трепещут флаги сигнальных сводов и где вместо причальных тумб впаены в бетон стволы старинных пушек. Но это были места, известные всем, там ходило множество людей.

А в старых переулках Славка оставался с Городом один на один.

Славке все было интересно. Как растут в щелях среди камней маленькие синие цветы. Как блестят на лестничных ступенях спрессованные в камень ракушки. Что за слова оттиснуты латинскими буквами на разбитых плитках оранжевой черепицы. Где живут громадные черно-лиловые жуки-рогачи...

Однажды на пустыре, позади маленького уютного стадиона, он долго крался за таким жуком. Тот привел его к нагромождению бетонных глыб у желтого каменного обрыва. Между глыба-

ми торчало ржавое железо и чернела узкая щель. Наверно, это был разбитый дот. Славка придвинулся к щели. Но из темноты веяло такой могильной сыростью, что он подумал: «Как-нибудь потом, когда буду не один...»

Мама, конечно, тревожилась, если Славка долго не приходил домой. Расспрашивала, где был.

— Просто гуляю. Смотрю вокруг, — объяснял Славка.

Он не обманывал. Он просто не касался подробностей, чтобы не волновать маму.

Схитрил Славка и сегодня. Накануне объявили, что не будет первого урока, но он вышел пораньше. Ему хотелось пойти в школу длинной дорогой, через гору, на склоне которой стоял на гранитном уступе зеленый «Т-34» — памятник погибшим танкистам. У танка Славка уже бывал, но выше не поднимался. Что там?

Было нежаркое утро с очень синим небом и маленькими желтыми облаками. Славка стал подниматься по кремнистой тропинке. Хотя и круто шла дорога, но шагать было легко. Славка ничуть не запыхался, когда добрался до верха.

Слева была стройка с башенным краном и клетчатым каркасом большого дома. Далеко впереди — привычно белая улица с зелеными калитками. А прямо перед Славкой лежала поляна с густой высохшей травой. Трава была серая, высокая — Славке по пояс. Немного похожая на бурьян, только с колючками на редких листьях.

Прикрывая портфелем колени, Славка двинулся через траву. И только сейчас заметил удивительную вещь: на ломких стеблях тут и там висели раковины улиток. Они были пустые и легкие. Кое-где они приклеились так густо, что стучали друг о друга, как маленькие кастаньеты.

Славка сорвал несколько самых крупных и сунул в карман.

Скоро трава стала ниже. Теперь это была свежая трава с мелкими цветами. Какие-то очень крупные кузнечики запрыгали перед Славкой. Он загляделся на них и почти наткнулся на низкую каменную стенку.

Стенка была чуть выше Славкиных колен, а длиной в несколько шагов. По краям ее стояли квадратные башенки — Славке до пояса. В их верхние площадки были вмурованы черные ядра, а посреди стенки на широком выступе лежала чугунная плита с выпуклыми буквами и цифрами:

БАТАРЕЯ ВЪДЪНСКАГО 1854—1855

Славка тронул коленками стенку и погладил плиту. Пористый камень был холодный и влажный, он впитал в себя прохладу ночи. А чугун уже нагрелся от солнца.

Славке понравился этот памятник. Запрятанный в траве, побитый кое-где осколками более поздней суровой войны, но все равно прочный. Очень простой и крепкий. Он таким и должен быть, потому что здесь в давние времена стояла батарея. Не пускала в город врага. И, конечно, держалась до конца. Здесь всегда держались до конца все бастионы, редуты и рavelины.

Славка смущенно оглянулся, дернул с земли похожий на мелкую ромашку цветок, положил его на плиту.

Потом он присел на холодные камни.

И вдруг он увидел улитку. Живую! С рожками и крошечными блестящими глазками. Она тащила вверх по стенке свой спиральный домик. Славка видел улиток раньше только в книжках и мультфильмах. Он присел на корточки и стал разглядывать это маленькое чудо. А потом спохватился! Артемка-то ничего не видит! Сколько можно держать в темноте беднягу? Кругом пусто, никто не станет смеяться, что пятиклассник возится с тряпичным зайцем.

Славка торопливо вытянул Артемку из-под учебников, взял за уши.

— Смотри вокруг!

И сам выпрямился, оглянулся. Он до сих пор смотрел только перед собой, а теперь глянул по сторонам. И просто задохнулся от неожиданной радости. Утренний Город лежал вокруг, как громадный праздник, как лучшая на свете морская сказка. Две узкие синие бухты врезались в улицы и обнимали центр Города.

Они, как две исполинские руки, хотели обнять и холм, на котором стоял Славка. И самого Славку.

Это сам Город протягивал к Славке руки, звал его.

Звали сверкающие от солнца белые дома, похожие на громадные теплоходы. Звали белые теплоходы у причалов, похожие на многоэтажные дома. Звали замершие в бухтах грозно-синие крейсера и эсминцы. Звала зеленая громада Кургана, желтый рavelин у выхода из Большой бухты, путаница старых переулков...

Город принимал Славку!

Славка хотел качнуться навстречу и оробел.

«Правда? — спросил он у Города. — Но я ведь еще... Я всего неделю... Разве я уже твой?»

Город празднично сверкал и смеялся:

«Не бойся, Славка Семибратов! У меня тысячи мальчишек! Будет еще один!»

«Но я... может быть, я еще не такой уж... Не такой, как тебе надо...»

Город распахивал руки. Он принимал Славку такого, как есть. С младенческой кисточкой на темени, с припухшей царапиной на ноге, с тряпичным другом Артемкой. Со всякими боязливыми мыслями и с невыученным уроком по ботанике. Со всеми обидами и надеждами.

«Значит, я твой? — сказал Славка. — Ладно, я буду... Я иду!»

На другом краю поляны, за поворотом каменного забора, Славка увидел лестницу, о которой не знал раньше. Она шла рядом со стеной, тоже опускавшейся по склону. Лестница была обыкновенная, а стена — старинная, сложенная из такого же серовато-желтого камня, как береговые рavelины. В ней темнели бойницы, украшенные сверху тяжелыми карнизами. В точности такие, как в оборонительной башне на Кургане.

Что сейчас за стеной? Склады какие-нибудь или мастерские. Но раньше здесь наверняка была крепость...

Лестница привела к маленькой Орудийной бухте, где у пирсов ждали народ пассажирские катера. Пассажиров было мало, и катера обиженно подвывали сиренами.

Славка обошел бухту и зашагал вдоль набережной. Мимо театра с высокой колоннадой, мимо запертых киосков и фонтана, опутанного ветками раскидистой ивы, мимо Дворца пионеров с белыми горнистами над высоким фасадом... У маленького кинотеатра с названием «Прибрежный» он спустился к самой воде.

Никого здесь не было.

На каменной плите лежали многопудовые адмиралтейские якоря — в память о погибших моряках с восставшего в 1905 году крейсера.

Славка опять вытащил Артемку. Макнул с берега лапами и ушами, чтобы Артемка почуял, что такое соленая вода. Сказал:

— Погляди на море при солнечном свете.

Поглядеть было на что. На рейде весело рыскали моторки, деловито суетились буксиры. Неторопливо шел в даль набережной серый катер под флагом вспомогательного флота и с синим выпелом брандвахты. Выползал из бухты теплоход «Шота Руставели» с черным острым корпусом и сахарно-белыми надстрой-

ками. Только серо-синие боевые корабли были неподвижны. Жизнь этих стальных громад была таинственна и скрыта от посторонних глаз. Они стояли как возникшие над водой крепости: недаром над их форштевнями полоскали красные, с большими звездами флаги — такие же, какие принято поднимать над береговыми крепостями...

Над кораблями, над морем неумоимо носились чайки...

Море вдали было очень синее, а у берега темно-зеленое. Оно шевелило у камней водоросли. Громадные камни едва виднелись над водой. Они лежали там и тут, недалеко от гранитных ступеней.

У самого большого и самого дальнего камня Славка заметил белое пятнышко. Там бился на мелкой волне игрушечный кораблик.

На мачте не было флагов Новэмбэр Чарли, но и так любой мог понять, что яхточка попала в беду.

Гибнущие корабли надо спасать, если они даже совсем крошечные.

До парусника было метров двадцать. Доплыть — раз плюнуть. Но Славка твердо обещал маме, что не будет купаться в одиночку. Можно, конечно, успокоить совесть тем, что спасательная экспедиция — не купание, но лучше сначала попробовать другой способ.

Славка отправил Артемку в портфель и торопливо разулся. Камни обросли скользкой зеленью. Время от времени их заливала волна, и тогда вода становилась белесой и непрозрачной от миллионов крошечных пузырьков. Славка балансировал и несколько раз вставал на четвереньки.

«Ка-а-ак булькнись, — думал Славка. — Вот тогда будет спасательная операция...» Но думал, впрочем, без особого страха.

Некоторые камни были совсем скрыты, и он пробирался по колено в воде. Царапину сильно щипало от морского рассола. Иногда приходилось прыгать с одного скользкого уступа на другой. Было жутковато и весело.

Наконец Славка добрался. Встал коленями на мокрый каменный скос, дотянулся до маленькой мачты.

Яхточка оказалась сделанной грубо, но правильно: с большим плоским фальшкилем, с намертво закрепленным прямым рулем, с туго натянутыми проволочными вантами. Легонький корпус был вырезан из пенопласта.

Славка заколебался. Взять парусник с собой? В портфель не влезет. Да и зачем? Если надо, Славка может сам такой смасте-

рить. К тому же не для Славки его строили, а чтобы плыл он по морям и океанам.

— Плыви, — сказал Славка.

И маленький шлюп с треугольными парусами запрыгал среди волн. Пошел к выходу из Большой бухты, в открытое море.

Славка повернулся к берегу.

И охнул...

Рядом с его портфелем сидела на корточках Любка Потапенко. Она не просто так сидела! Она открывала портфель!

— А ну, не тронь!!! — заорал Славка.

Любка посмотрела на него и, кажется, удивилась. Громко сказала:

— Ты чего кричишь? Я забыла, что по истории задано. Я у тебя в дневнике посмотрю!

— Не тронь портфель, дура! — опять завопил Славка.

А что он еще мог сделать? Пока доберешься по скользким камням, Любка все разнюхает!

И она разнюхала. Она весело ойкнула и вытащила Артемку за уши. В точности как Славка.

— Не тронь! — опять закричал Славка.

Он прыгал, скользил, ударялся о камни коленками, подымал брызги и наконец выскочил на плиты.

— Дай сюда, — свирепо сказал он.

Но Любка отскочила и все любовалась Артемкой.

— Какой смешной! Это твой, да?

— Ты чего шаришь по чужим портфелям?

— Тебе жалко, что ли? Я только задание посмотреть...

Наглость какая! Это она так задание смотрит!

— Отдай зайца! — потребовал Славка, и голос у него стал звенящим от злости и страха.

— А если не отдам?

Славка шагнул вплотную. Любка перестала улыбаться и протянула Артемку:

— На, а то заплачешь. Возьми свою куклу.

— Сама кукла! Кудрявая кукла с ватными мозгами.

— Мальчик, успокойся. Ты из какого десада?

Славка лягнул ее мокрой ногой. Любка отпрыгнула, аккуратно поставила свой портфель, прищурилась и сжала кулачки.

— Вот как врежу...

Славка понял, что она в самом деле врежет. Она его ничуть не слабее, а главное — не трусливее. Отлупит, и тогда совсем позор.

— Скажи спасибо, что ты девчонка, — пробормотал он. Отошел и поспешно записал Артемку в портфель. Потом оглянулся.

Любка смотрела на него непонятно: без ехидства и как-то задумчиво.

— Какой черт тебя сюда принес?! — в сердцах крикнул Славка.

— Никакой не черт. Я от бабушки ехала, с той стороны. — Она показала на другой берег Большой бухты. — Иду и вижу: ты на камнях.

— Ну и иди... к бабушке, — сумрачно посоветовал Славка.

Она заморгала, будто растерялась. Потом опять прищурилась и медленно проговорила:

— Так, да?... Припомним.

И зашагала прочь, потряхивая черными кудряшками. А Славка горестно задумался. Что за подлая особенность у Любки — оказываться где не надо и соваться куда не просят.

Под желудком у него тоскливо засосало. Видимо, там есть неизвестная науке железа, которая откликается на тревожные мысли и всякие опасения. Сейчас откликнулась она активно: Славку даже слегка затошнило.

А ведь как хорошо начиналась Славкина жизнь в новой школе! В пятом «А» встретили его просто замечательно. Раньше нигде так не встречали.

Женька Аверкин тогда сразу сказал:

— Садись со мной, я пока один.

Костя Головин посоветовал:

— Станут в продленку агитировать — не ходи. Детский сад. Лучше записывайся в баскетбольную секцию.

Славка удивился:

— Там же рост нужен!

— Подумаешь, рост, — сказал Дима Неходов. — Была бы голова. — Этим он сразу как бы признал, что считает Славку здравомыслящим человеком.

Никто не косился с насмешкой, никто не задевал, будто случайно, плечом и не предлагал помериться силой. Только Любка Потапенко чуть не испортила настроение. Все улыбалась хитренько, а потом спросила:

— У вас в Усть-Каменске девочки красивые?

Славка сперва растерялся. Сказать, что их там много и всякие встречаются? Кто-нибудь подденет: «А ты что, всех девочек разглядываешь?» Ответить, что на девчонок не смотрел? Здешние девчонки скажут: «Глядите, какой гордый!» А с ними ссориться тоже не стоит.

Славка подумал и ответил:

— Они там все такие, как ты.

Любка сделала вид, что счастлива без памяти:

— Ой, как замечательно!

А Игорь Савин сказал Славке:

— Несчастный город. Понятно, почему ты оттуда сбежал.

Все засмеялись, а Любка фыркнула, надулась и отошла...

Сегодня она, конечно, постарается отыграться.

Как теперь быть? Артемку он даже не успеет домой занести: до урока пятнадцать минут. Куранты на Матросском клубе пробили четверть десятого.

Славка стал натягивать носки и кроссовки. Настроение было унылое. Так хорошо начинался день, и все испортила проклятая Любка!

А может быть... Может быть, не так уж и страшно? Если Любка в самом деле начнет болтать, он как-нибудь отговорится. Сочинит, например, историю про соседского малыша, который всегда толкает ему в портфель свои игрушки.

А может быть, Любка не такая уж и вредная?

Ладно! Будет ли неприятность из-за Артемки, еще неизвестно. А если опоздаешь на английский, неприятностей точно не миновать.

И Славка помчался к школе, попутно размышляя, что у коротких штанов есть все же свои преимущества: в своих шерстяных брюках он бы такую скорость не развил!

Славка поднялся по лестнице на площадь и увидел, что не опоздал. Всюду бегали ребята: был самый разгар перемены.

У верхних ступеней росло большое дерево с гладким серым стволом и большущими зубчатыми листьями. На нижней ветке по-обезьяньи держался Наездник. Он уцепился за сук руками и ногами и висел спиной вниз. Вывернув шею, смотрел на пробежавших внизу ребят.

Он встретился со Славкой глазами и просиял:

— Здравствуй! Подожди, я на тебя сяду.

— Повалилась лиса в курятник... — сказал Славка. — Ты что, в лошади меня записал?

— Да, ты моя лошадка, — весело согласился Наездник.

— За лошадьми, между прочим, ухаживают, — хмуро заметил Славка. — Их, между прочим, кормят...

— Овсом?

— Овес ешь сам. Я лошадь особой породы...

— Ладно, я подумаю, — серьезно сказал Наездник, спустился с дерева и стал что-то искать в своих карманах.

Вытащил синий стеклянный шарик, три этикетки от жевательной резинки, бельевую прищепку, два пятака, шестеренку от будильника... Не поймешь даже, как все это помещалось в его плоских кармашках. Наконец он достал сплюснутую конфету «Белочка» в замусоленном фантике.

— На! Вместо овса.

Славка понял, что краснеет, и сурово сказал:

— Не выдумывай чепуху! Лопай сам, я же пошутил.

— Давай тогда пополам.

— Пополам — другое дело, — сказал Славка. — Ладно уж, садись.

Он загадал, что если хорошо прокатит Наездника, то и в классе все будет хорошо. И прокатил как надо! Правда, на крыльце слегка запнулся левой ногой, но зато привез Наездника прямо в школьный коридор и, к неудовольствию тети Лизы, приземлил его на широкий подоконник.

— Спасибо, моя лошадка, — крикнул Наездник и приготовился мчаться по своим делам.

— Постой... Наездник... Тебя хоть как зовут-то?

Он обрадованно заулыбался:

— Меня? Денис.

Взрослое какое-то было имя.

— Денис... И больше никак?

— Еще... Динька.

Будто колокольчик звякнул. И, откликнувшись на этот короткий звон, забренчал школьный звонок.

...Любку на уроке английского Славка не увидел. Занимались по группам, и Потапенко была в другом кабинете. Зато Аверкин, как всегда, сидел рядом.

Славка незаметно отклеивал от ног присохшую зелень водорослей.

— По морю бродил? — прошептал Женька.

— Ага.

— Крабов ловил?

— Корабль спасал. Кто-то яхточку упустил, а она в камнях застряла.

— Слушай, я узнал про паруса. Есть такая секция во флотилии.

— Вот здорово... Спасибо, Жень.

— Тебя твой Наездник искал...

— Да видел я уже это сокровище...

— Семибратов и Аверкин, беседовать будете на перемене, — перебила их англичанка Анна Ивановна. — А если у Семибратова есть потребность поговорить, пусть он выйдет к доске. Я вам задавала какое-нибудь английское стихотворение, на выбор. Учили?

Славка не учил. Но кое-что он знал с прошлых времен. Он поспешно стер с ноги последнюю зелень, вздохнул и вышел. И выдал балладу Стивенсона «Рождество в море». Это были его любимые стихи. Когда Славка их читал, он даже забывал стесняться.

Все остались довольны. Анна Ивановна — Славкиным произношением. Славка — отметкой, а группа — тем, что баллада оказалась очень длинной и спасла по крайней мере трех человек.

АРТЕМКА

Все-таки Любка Потапенко была подлая. Ехидная, коварная и вероломная. Целый день она даже не смотрела на Славку, а в начале пятого урока подняла руку и сладким голосом сказала:

— Светлана Валерьяновна, мы ведь говорили на классном собрании, чтобы никто не носил в школу посторонние предметы? А у Семибратова в портфеле посторонний предмет.

Класс обрадовался.

— Мина? — спросил Костя Головин.

— Самогонный аппарат, — предположил Дима Неходов.

— Ножницы для длинных языков! — крикнул Женька Аверкин и шевельнулся, будто хотел прикрыть собой Славку.

— Это не посторонний предмет, — возразила Оксана Байчик.

— Тише... Тише, ребята! — Светлана Валерьяновна почти испуганно смотрела то на Любку, то на Славку. Она очень не любила всякие ЧП. Да и кто из учителей их любит? — Слава Семибратов, объясни, что случилось?

В эти секунды Славка успел передумать многое.

Можно отпереться. Шарить в портфеле никто не станет, здесь нет усть-каменской Ангелины, которая не стеснялась обыскивать ребячьи карманы и сумки (Славка там поэтому запирает портфель на ключ).

Можно обиженно встать и уйти из класса. За это попадет, но не очень. Зато он успеет спрятать Артемку.

Но тогда опять надо будет хитрить, что-то сочинять. Славка решился на дерзкий шаг. На атаку. Он встал.

— Я могу показать! Можно, Светлана Валерьяновна, я всем покажу?

Он взял портфель, твердыми шагами вышел к доске и за уши выдернул Артемку на свет. Поднял его над головой.

Конечно, никто, кроме Любки, не ожидал увидеть лупоглазого зайца, сшитого из диагоналевой пиджачной ткани, в полинялом зеленом комбинезоне и клетчатой кепочке между ушей.

Ребята на несколько секунд притихли. Потом кто-то младенческим голосом пропел:

— Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять!

И пошло:

— В лесу родилась елочка...

— Плутишка зайка серенький...

— Я не хочу в этот зоопарк, здесь хищники без клеток!

— Витька, он на тебя похож!

— А ты на обезьяну!

— Ну, заяц, погоди!

— Ребята, ребята! Ну-ка, успокойтесь! У нас урок!

И понемногу в самом деле все успокоилось. Наверно, не потому, что уговаривала Светлана Валерьяновна, а потому, что всем хотелось узнать про зайца.

Светлана Валерьяновна слегка растерянно спросила:

— Это и есть твой посторонний предмет?

— Да, — сказал Славка и опустил Артемку. — Это неопасный предмет. Зайцы взрываются только в мультфильмах, да и то резиновые. А этот лежал на дне портфеля и никому не мешал. Про него никто бы даже не узнал, если бы не Потапенко. Что за привычка лазить в чужие портфели!

— Я только дневник хотела посмотреть!

В классе опять засмеялись.

Савин сказал:

— Любочка боялась, что мама Семибратова забыла расписаться.

— Игорь, подожди... Хорошо, Слава, садись на место... Все же, наверно, не следует такие игрушки носить в школу. Зачем он тебе здесь?

Славка обвел глазами класс и решительно сказал:

— Я его все время с собой ношу. Кто хочет, пускай говорит, что я как в детском садике... Потапенко этого и хотела... Только я этим зайцем не играю. Ношу — вот и все.

— А зачем? — спросил кто-то.

— А просто так... Я мог сейчас что угодно придумать: будто я его случайно нашел или будто мне его кто-то из малышей подсунул. Все бы поверили. Но врать я не буду. Это мой зверь. Его зовут Артемка. Кто хочет, может смеяться.

Никто не засмеялся. Может быть, потому, что голос у Славки стеклянно зазвенел.

Опять стало тихо. Светлана Валерьяновна осторожно спросила:

— Это что же, Слава? Твой талисман?

Славка мотнул головой.

— Нет. Я не знаю... Просто он со мной путешествует. Когда я на яхте занимался, он всегда со мной плавал...

— Морской заяц, — серьезно сказал Дима Неходов.

— Там не море, а озеро, — объяснил Славка. — Зато Артемку там все любили... Он намокнет, а его за уши вздернут на мачту, он и сохнет на ветерке... Когда я уезжал, ребята говорили, чтобы я Артемке настоящее море показал. Я сегодня с ним на берег пришел, а Потапенко... Появилась откуда-то — и в портфель!

Оксана Байчик подняла руку.

— У Потапенко есть одно свойство, — деловито разъяснила она. — Если кто-нибудь привлек ее внимание, она за ним ходит по пятам, а потом выскакивает навстречу, будто случайно...

Любка взвилась:

— Чем это Семибратов привлек мое внимание?

— Уж не знаю.

— Ну и молчи, если не знаешь!

— Девочки! Девочки, успокойтесь...

— А как Артемка с тобой плавал? — спросил Костя Головин. — Болтался на мачте?

— Нет, он на носу сидел. Мы его к штагу привязывали.

Светлана Валерьяновна взглянула на часики.

— Ну хорошо, ребята, Артемка Артемкой, а урок уроком... Что тебе, Женя?

Аверкин встал.

— Светлана Валерьяновна! У нашей бабушки старые журналы есть, «Нива» за тысячу девятьсот двенадцатый год, а там фотография: летчик капитан Андреади. Он из нашего города до Москвы долетел. Самолет весь из реечек и парусины, а под крылом плюшевый мишка привязан...

— Вот бы Любочку туда, — сказал Савин. — Она бы на этого

капитана сразу в морской штаб наябедничала: посторонний предмет!

— Я не ябедничала, я при всех! Потому что сами договаривались, чтобы в классе был порядок!

— Тише! Люба! Ребята!.. Порядок нужен без сомнения. Но что касается Артемки, то он, по-моему, порядка не нарушал. Жил себе спокойно у Славы в портфеле... — Светлана Валерьяновна вдруг улыбнулась. — Ну и что? Я, например, могу вам честно признаться: когда я была студенткой, все годы таскала в сумке шахматного конька. Мне его один третьеклассник подарил на практике, на первом курсе. В приметы я не верю, но конек определенно приносил мне счастье. Потому что я его любила.

— Не было там у вас Потапенко... — сказал Аверкин.

— Не надо нападать на Любу. Она заботилась о пользе класса, но немного перестаралась...

— Ну-ну, — сказала Оксана Байчик.

Светлана Валерьяновна предложила:

— Теперь все-таки займемся историей. Артемка в это время пусть посидит на подоконнике. Я уверена, что он будет самым дисциплинированным учеником.

— Подождите, — попросил Савин. — Семибратов, подними его еще раз, покажи всем.

Славка опять вскинул Артемку над головой. И сам на цыпочки привстал.

Игорь выхватил из-под парты фотоаппарат и щелкнул спуском. Славка даже вздрогнул. Потом растерянно улыбнулся и спросил:

— Зачем тебе?

— Для истории.

— Все равно не получится. Здесь темно.

— Получится. У меня пленка двести пятьдесят единиц.

После урока Артемка пошел по рукам. Отнеслись к нему любовно, но каждый хотел подержать, погладить, подергать за уши.

Поэтому вид у него скоро стал помятый.

Славка стоял в сторонке, чтобы не подумали, будто он дрожит за Артемку. Но когда Витька Семенчук собрался рисовать на Артемкином пузе череп и кости, Славка решительно вмешался. Отобрал потрепанного зайца, а заодно и мел:

— Давай я лучше на тебе нарисую!

— Давай, — согласился Витька и выпятил живот.

Но тут пришло известие, что не будет классного часа. Все радостно завопили, схватили портфели и разбежались.

Славку в коридоре остановила вожатая Люда.

— Семибратов! У тебя правда есть заяц-путешественник?

Славку даже шатнуло. Он-то думал, что вся история уже позади.

— Откуда вы знаете?

— Ребята сказали. Да ты что расстроился? Это же здорово! Напиши про него заметку, а? Надо стенгазету выпускать, а ни одного интересного материала, все такая сухомятина...

«Прославился», — тоскливо подумал Славка.

— Лучше не надо, Люда...

— Ой, только, пожалуйста, без этих «не надо»! Игорь Савин обещал снимок сделать.

Еще не легче!

— Да не умею я заметки писать!

— А я не умею работать вожатой, — бодро сообщила Люда. — Но я работаю. Уже четвертый год. И говорят, что вроде бы получается. Вот и ты давай так же. Газету все равно выпускать надо.

Отступить было некуда. Да и какой смысл отказываться? Раз про Артемку знает столько народа, бояться уже бесполезно.

Люда устроила Славку в уголке пионерской комнаты за журнальным столиком. Дала листок.

Славка подумал и, вздыхая, написал название «Артемка». Зачеркнул и, рассердившись на весь белый свет, написал снова «Мой Артемка».

Но заголовок — не самое трудное. Мама говорила, что самое трудное — первая фраза (иногда маме приходилось писать статьи и доклады).

Славка написал первую фразу:

У меня есть игрушечный заяц Артемка.

Почесал авторучкой переносицу и написал вторую:

Только я им не играю.

Дальше пошло легче:

Артемка со мной путешествует. Мы с мамой часто ездили с места на место. Артемка сидел у окна вагона и смотрел на леса и поля. Когда мы жили в Покровке, Артемка ходил со мной и Анютой Лагуновой на яхте. Анюта Лагунова была мой рулевой...

Славка вспомнил Анюту и подумал: «Где она теперь? Обещала написать... Наверно, писала, да только по старому адресу, в Покровку. Не знает, что я давно уехал...»

Артемка всегда сидел на носу и первый получал все брызги. Один раз у нас были гонки, и мы заняли второе место. Все говорили, что это Артемка нам помог. Нам дали грамоты, а ему шоколадную медаль. Мы с Анютой эту медаль съели, потому что тряпичные зайцы не питаются шоколадом...

Тут Славка засомневался: «Может быть, не надо про гонки и медаль? Подумают, что хвастаюсь...» Но потом решил не зачеркивать, потому что без этого получалось очень коротко. А с медалью, которую они съели, — смешнее.

Пока Славка писал и размышлял, собрались ребята. Видимо, это был совет дружины. Среди них оказался Женька. Славка не знал, что он в совете!

Женька подмигнул Славке — «трудись, не унывай» — и забрался на подоконник в другом конце комнаты.

Славка опять согнулся над листом.

Теперь мы с Артемкой живем у моря. Я его макнул в соленую воду, чтобы он был настоящий морской заяц. Меня об этом просили ребята...

Что еще написать? Он перечитал заметку. Не все здесь было правдой. Никто не просил макать Артемку. Никто в Покровке и не знал, что Славка через год окажется у моря. Но Славка успокоил себя: «Если бы Анюта знала, то обязательно попросила бы».

Да, в заметке была не вся правда про Артемку. Всю правду Славка мог бы рассказать лишь очень близким друзьям...

Ребята шумно рассаживались вдоль стен. Пришла и тоже села — недалеко от Славки — полная завитая учительница английского языка. Не Анна Ивановна, а другая. Класная руководительница пятого «Б». Звали ее, кажется, Елизавета Дмитриевна.

Рыжеволосый мальчишка, чуть постарше Славки, весело спросил:

— Кого-то чистить будем?

— Тебя, — сказала серьезная девочка с желтой косой.

— Меня не за что... А может, и есть, да вы не знаете.

— Сергей, сядь, пока не узнали, — попросила Люда. И обратилась к учительнице: — Елизавета Дмитриевна, где Сель?

«Англичанка» нервно подняла голову и сказала почему-то обиженным тоном:

— Я велела ему сидеть в классе, пока не позовут. Я же не знала: вдруг у вас есть еще какие-то вопросы на повестке дня?

— У нас, конечно, есть вопросы, но давайте сначала отпустим вас и вашего ученика.

— А что он опять начудил? — спросил огненноволосый Сергей.

— Сейчас узнаешь, тебе понравится. Кстати, сходи-ка позови его.

Сергей охотно убежал и через полминуты вернулся. Следом за ним шагнул в пионерскую комнату небольшой веснушчатый мальчик.

Очевидно, это и был пятиклассник со странной фамилией Сель.

Часть II

ТИМСЕЛЬ — ОРАНЖЕВЫЙ ПАРУС

ПОХИТИТЕЛЬ ВАРКЕНТИНЫ

Он был заляпан веснушками так густо и беспорядочно, что они казались ненастоящими. К тому же это были не обычные золотисто-рыжие веснушки, а коричневые. Того же цвета, что загар, только темнее. Словно мальчишка, запрокинув худенькое треугольное лицо, бегал под обильным дождевиком из густого кофе. На щеках, на носу, на лбу, на подбородке — и мелкие брызги, и пятнышки величиной с копейку, и целые сгустки. Маленькие галактики из веснушек. Но не только лицо забрызгал коричневый дождик — и шею, и руки, и ноги. На коленках такие пятна, будто мальчишке пришлось ползать по лужайке, где росли ягоды с шоколадным соком.

— Здравствуйте, — негромко, но без стеснительности, сказал мальчик.

И Славка сразу понял: вот человек, в котором мама за одну секунду угадала бы «воспитанного интеллигентного мальчика». Несмотря на веснушки.

Он был сдержан, вежлив, подтянут. И аккуратен во всем: начиная от ровно зачесанных набок темно-русых прядок и кончая белыми носочками и блестящими, будто сейчас из магазина, сандалиями-босоножками.

Что такой мальчик мог натворить?

— Выйди на середину, — сухо сказала Елизавета Дмитриевна.

Сель оставил у дверей портфель и вышел.

— Встань как следует, — потребовала Елизавета Дмитриевна. Видимо, по привычке.

Он и так стоял по струночке. В самом прямом смысле. Будто струнки были натянуты в нем от ключиц до подошв. Руки опустил по швам, пятки сдвинул, плечи держит ровненько. Белые уголки воротника лежат точно над блестящими пуговками нагрудных карманов; галстук — отутюженный, на рубашке сталь-

ного цвета — тоже ни морщинки; пряжка пионерского ремешка не сдвинута от середины ни на сантиметр, а стрелки на васьковских шортиках такие, словно под ними спрятаны стальные линейки. Только голову Сель держал не по-строевому. Он ее слегка опустил — как и положено примерному, но случайно провинившемуся ученику.

Однако Елизавету Дмитриевну почему-то лишь рассердил образцовый вид ее питомца.

— Сейчас ты, конечно, изображаешь милого послушного ребенка. А расскажи-ка, что ты устроил той ночью?

Сель слегка шевельнул головой. Это было почти неуловимое движение. Но странное дело, у Славки тут же — в один миг! — исчезла всякая мысль, что Сель собрался просить прощения. Не было в этом мальчишке ни покорности, ни раскаяния. И струнки, которые держали его прямо, были стальные.

— Я уже много раз рассказывал, — сдержанно сказал Сель.

— Ты рассказывал в милиции и в классе, а ребята, которые собрались здесь, ничего не знают. Вот им и расскажи. Или боишься?

Сель быстро поднял на учительницу спокойные зеленовато-серые глаза. И тут же опустил.

— Тима, расскажи, пожалуйста, — поспешно попросила Люда. — Ребята в самом деле ничего не знают.

— Подробно рассказывать?

— Давай подробно, — с явным интересом попросил рыжеволосый Сергей. — С деталями.

Сель согнутым пальцем быстро поскреб подбородок, будто хотел отцарапать веснушку, и опять опустил руку. Потом сказал:

— Было десять часов вечера. С зюйда пошел хороший ветер, примерно в шесть баллов. Я решил, что этого хватит...

Славка отодвинул листок и насторожился.

— Я решил, что этого хватит. Все, что было нужно, я приготовил заранее...

— То есть это был обдуманый поступок! — перебила Елизавета Дмитриевна. — Заранее запланированное хулиганство!

Сель не изменился в лице.

Но Славке почудилось, что струнки в мальчишке натянулись туже.

— Это был обдуманый поступок, — подтвердил Сель и посмотрел на вожатую. — Люда, как я могу рассказывать, если меня перебивают?

— Тима, не капризничай... Елизавета Дмитриевна, пусть он расскажет.

— Он паясничает! Пусть он не разводит истории, а сразу скажет, зачем проник на корабль.

— На баркентину? — спросил Сель, и Славке послышалась в его голосе еле заметная насмешка.

Славка смотрел на Селя не отрываясь. Он еще не знал, что сделал этот веснушчатый мальчишка, но уже твердо знал, *какой он*.

— Да, да, на баркентину «Сатурн»! — громко сказала Елизавета Дмитриевна. — Какая разница!

— Разница есть, но не в этом дело... Я хотел перегнать «Сатурн» через бухту и выбросить на бетонные сваи старого причала.

Рыжий Сережка тихо свистнул, и Люда наградила его неласковым взглядом.

Кто-то громко сказал:

— Одиссея капитана Блада...

Спокойная девочка с косой приоткрыла рот.

Женька Аверкин, который сидел на подоконнике, подтянув подбородку колени, быстро опустил ноги, словно решил спрыгнуть на пол.

У Славки затюкало сердце. Почему-то так же затюкало, как прошлым летом, когда он увидел над Покровским озером летящие паруса.

Смуглый, строгого вида паренек с комсомольским значком — видимо, председатель совета дружины — спросил:

— Откуда там взялись сваи? Где они?

— Напротив Чернореченского пирса. Левее разделочной базы.

— Там нормальные причалы базы. Неразрушенные.

— А еще левее...

— Там нет.

— Есть. Я же не вслепую собирался идти. У меня схема была начерчена.

— Начерти.

— На чем?

Славка торопливо поднялся. Он должен был хоть чем-то помочь этому мальчишке. Позади Славки стояли у стены листы картона. Он торопливо вытащил один лист на середину комнаты, а потом протянул Селю кусок мела. Тот, что отобрал у Витьки Семенчука.

— Спасибо, — сказал Сель и быстро посмотрел на Славку. И они встретились глазами. И в серо-зеленых глазах Селя было не просто «спасибо». Он словно сказал взглядом: «Видишь, как мне приходится...»

«Ты держись», — успел ответить Славка.

«Я держусь...»

Картон поставили на стул и прислонили к спинке. Сель нарисовал что-то похожее на длинный сачок.

— Это Большая бухта. Это станция Черная Речка. Вот причал и «Сатурн». А это база и сваи. Если с разгона туда врезаться, корпус застрял бы между сваями и получил бы пробоину. Он бы засел там, и его раздолбило бы волнами.

— Ве-ли-ко-лепно! — вставила Елизавета Дмитриевна.

Неожиданно поднялся круглолицый и немного сонный семиклассник.

— По-моему, Сель все придумывает, — сообщил он, — Рассказывает сказки, а мы слушаем. Какой может быть разгон без парусов? Там нет ни одного паруса, мы по этому «Сатурну» еще в прошлом году лазили. Там все сгнило.

— У меня был свой парус. Старый грот от крейсерской яхты, — объяснил Сель. — Я его поднял вместо фока-стакселя.

«Такую парусину при шести баллах? Один?» — подумал Славка. И Сель словно услышал его мысли. Он опять попробовал отколупнуть от подбородка веснушку и сказал с сожалением:

— Вручную было не поднять. Я фал намотал на ручной брашпиль... А барабан там несмазанный, визжит. Наверно, от этого сторож и проснулся. Я шкот закрепил на нагеле и стал носовой швартов перепиливать, а сторож в это время и появился. На трапе...

— А ты бы драпал! — воскликнул рыжий Сережка.

Ему тут же возразили:

— Куда драпать, если сторож на трапе? В воду, что ли?

Сель спокойно сказал:

— Я мог и в воду. На мне надувной круг был. Я все равно собирался с борта прыгать перед сваями... Но тут я не сумел, у меня нога подвернулась.

— Стойте! Что здесь происходит? — Елизавета Дмитриевна обвела совет негодующим взглядом. — Вы... обсуждаете его поступок как итоги военной игры! Вы забыли, что Тимофей Сель совершил злостное хулиганство! Он... хуже! Он пытался совер-

шить угон судна! Если хотите, это преступление. Мне сказали, что по закону это... пиратский акт.

Все притихли сначала. Потом кто-то хихикнул:

— Страшный пират одноногий Сильвер...

— Сельвер...

— Повесить на рее...

А Женька Аверкин негромко сказал:

— Пиратский акт это если для грабежа. Для выгоды.

— А он? — Елизавета Дмитриевна ткнула в похитителя баркентины круглым пальцем. — Вы хотя бы спросите, чего он хотел!

— И так понятно. Он хотел спасти «Сатурн», — по-прежнему негромко сказал Женька. У него был странный, виноватый какой-то вид, и на Селя он не смотрел. И Сель не взглянул на него ни разу.

— От чего спасти? — удивилась девочка с косой.

Сель обвел глазами всех ребят. И на Славку посмотрел. И спросил:

— А вы знаете, сколько было у нас баркентин?

Голос у него не стал громче, но сделался вдруг особенно ясным, открытым.

— Их было двенадцать, — сказал Сель, не опуская головы. — «Тропик», «Меридиан», «Сириус», «Шокальский», «Капелла»...

«...«Вега», «Кропоткин», «Альфа»...» — отозвалось в Славке.

— Я даже все названия не помню, — продолжал Сель. — Но все равно... Это же нечестно! Идешь в каком-нибудь городе, видишь: мачты! Все как по правде: ванты, реи... Подбегаешь — ресторан «Нептун», ресторан «Кронверк», кафе «Парус»... Даже из маленькой шхуны «Испаньолы» в Ялте бар сделали! «Сатурн» оставался последний, а теперь и его...

— И что же плохого в том, что устаревшие суда продолжают служить людям? — почти спокойно поинтересовалась Елизавета Дмитриевна.

У Славки даже кулаки сжались. Он бы ей сейчас сказал...

Но Сель ответил не хуже:

— Мне трудно вам объяснить. Некоторые люди не понимают разницы между парусником и пивной.

— Тима! — воскликнула Люда.

На розовом лице Елизаветы Дмитриевны появились белые пятна. Как заплаты. Но она решила, видимо, больше не кипятиться.

— Допустим, — сказала она. — Допустим, я презренное сухопутное существо, а ты рыцарь моря. Но вот что странно: ты один протестуешь против того, чтобы на «Сатурне» оборудовали кафе. А из *наступающих* моряков никто не протестовал.

— Протестовали, — сказал строгий восьмиклассник. — Мой отец даже в газету писал.

— В газету — другое дело! Но ни твой отец, ни другие не пытались устроить кораблекрушение.

— Им бы от начальства влетело, они боялись, — разъярил рыжий Сережка.

Елизавета Дмитриевна встала.

— Вот именно! А неустрашимый Сель не боится ничего. Он чувствует, что совет дружины на его стороне. И я это чувствую. Вы видите в нем героя! А этот герой, между прочим, теперь на учете в детской комнате милиции и сегодня на классном собрании получил строгий выговор. Вот так!

— Может быть, и хватит? — тихо спросила девочка с косой.

— По-вашему, хватит? Значит, по пионерской линии ему ничего не будет? А на классном собрании даже было предложение исключить его из пионеров!

Люда удивленно взглянула на учительницу, а потом на чернявую девочку, сидевшую недалеко от Женьки.

— Галя! Было такое предложение?

Чернявая девочка смущенно сказала:

— Да, Елизавета Дмитриевна предлагала...

Послышались смешки. Люда подумала, нахмурившись, и не хотя проговорила:

— Извините нас, Елизавета Дмитриевна, но такие вопросы не ставятся классными руководителями, это дело отряда. И решает это не классное собрание, а пионерский сбор. Есть определенная разница.

Елизавета Дмитриевна обессиленно села.

— Ну, если так... Если здесь решили обсуждать меня, а не его... А вы на *него* посмотрите! Он даже ошибок своих не признал.

— Почему? Я признал, — тихо сказал Сель. — Глупо это было.

— Наконец-то до тебя дошло!

— Да. Нельзя было делать это одному. И парус, и швартовы, и штурвал...

— Я вас поздравляю! — Елизавета Дмитриевна поднялась и решительно направилась к дверям. — Целуйтесь с этим... адмиралом.

Сель неожиданно громко сказал:

— На «Сатурне» папин брат, дядя Саша, практикантом плавал. А меня на «Сатурне» в октябрята принимали, там сбор был! А теперь что?

— Не одного тебя принимали там в октябрята! — бросила Елизавета Дмитриевна.

— Не одного, — согласился Сель.

А Женька Аверкин, который насупленно смотрел на него, медленно отвернулся. Остальные тоже выглядели недовольными.

Елизавета Дмитриевна остановилась у дверей и решительно потребовала:

— Ответьте, наконец: по-вашему, он ни в чем не виноват?

Восьмиклассник встал.

— Сель виноват, — сказал он. — И давайте с этим кончать. Он виноват, потому что нарушил портовый режим. У него нет судоводительских прав, а он хотел вести судно, да еще по внутреннему рейду. У него даже опыта нет...

— Я с дядей Сашей на «Л-6» ходил, на руле, — негромко сказал Сель и опять опустил голову. Как в начале разговора.

— Яхта — одно, а трехмачтовый парусник — другое. Ты и штурвал бы не удержал. Тебя могло снести на другие суда, на военные корабли. Вот тогда было бы дело!

— Другие суда стоят очень далеко, — глядя в пол, сказал Сель. — Ближе к выходу из бухты.

— Ну и что же? Ты такой опытный капитан, что хотел управлять баркентинной? Да еще в ночное время и без огней. А если бы снесло?.. Вот за это я предлагаю строгий выговор. А за все остальное он и без нас уже получил. Кто-нибудь против?

Здесь все решала секунда. И Славка даже не колебался. Он быстро встал.

— Я против!

Конечно, к нему обернулись все разом. И конечно, Елизавета Дмитриевна возмутилась:

— Ты, по-моему, не в совете! И вообще, ты, кажется, новичок!

— Вы тоже не в совете, — осторожно сказал Славка.

— А ты нахал. Как твоя фамилия?

— Семibrатов, — сказал Славка и посмотрел на Селя. Они встретились взглядами лишь на секунду, но Славка все равно успел заметить: «Спасибо».

И спасибо не за то, что против выговора. Выговор — ерунда.

Все понимают, что скоро он будет забыт. И Сель про него забудет, и совет. Тут другое...

— Дело не в том, кто в совете, а кто нет, — сказал Славка, — дело в том, что баркентину снести не могло.

— Почему не могло? — быстро спросил восьмиклассник. Славка торопливо выбрался из-за столика, зацепил его и чуть не опрокинул. Подошел к столу с картоном.

— Вот смотрите, — волнуясь, начал он. — Если ветер отсюда, а баркентина стоит носом к выходу из бухты, тогда стаксель закреплен на левый галс. Когда судно увалится, галс все равно останется левый... Если и снесло бы, то сюда, в конец бухты.

— А там, — сказала Елизавета Дмитриевна, — у самого берега чернореченский Дом пионеров.

— Да, — согласился Сель, — они как раз просили «Сатурн», чтобы сделать морской клуб.

— Но туда тоже не снесло бы, — сказал Славка. — Потому что вот... — Он быстро, несколькими взмахами нарисовал баркентину — вид сверху — и от стакселя прочертил длинную стрелу. — Ветер сюда. Дрейфа почти нет, потому что курс — полный бакштаг. С таким маленьким парусом баркентина только полным курсом и пошла бы. Он же всего вот какой...

Славка перевернул картон и нарисовал теперь баркентину, стоящую к зрителям бортом. И впереди фок-мачты, над носовой палубой, — белый треугольничек. Стаксель, сделанный из паруса яхты.

Никто не перебивал Славку. А когда он кончил, все пошло очень быстро. Даже неправдоподобно быстро. Председатель совета дружины серьезно сказал:

— Это довольно убедительно. Видимо, человек разбирается... Тогда что? Тогда я предлагаю объявить Селю не выговор, а порицание. Кто «за»? Все «за». Переходим к следующему вопросу. Кто не член совета, тот... спасибо, может идти домой.

Сель пошел первый. Он сделал налево кругом и зашагал к двери. Мимо безмолвно негодующей Елизаветы Дмитриевны.

«Оглянись, — подумал Славка, — ну, пожалуйста, оглянись!»

Сель обернулся. То ли просто так, то ли молча позвал Славку за собой. И вышел.

Славка торопливо шагнул за ним.

— Семibrатов, а заметка?

Славка сунул вожатой листок и выскочил в коридор.

«Только бы он не ушел! Только бы не ушел!»

МЫ ОДНОЙ КРОВИ

Сель не ушел. Он поставил ногу на батарею отопления и, кажется, возился с пряжкой сандалии. Он глянул на Славку зеленатыми с искорками глазами, подергал на сандалии ремешок и сказал:

— Растянулся. Хлябает и хлябает, просто невозможно ходить.

Славка остановился рядом. Очень внимательно, словно от этого зависела чья-то судьба, он осмотрел ремешок и пряжку.

— Надо новую дырку проколоть.

— Так нечем же, — объяснил Сель почти обрадованно.

Славка сдернул с себя кожаный пояс. Там у пряжки был шпенок с довольно острым концом.

— Давай, — сказал Славка.

Сель снял сандалетку. Славка положил ее на подоконник и начал сверлить в ремешке отверстие. Сель нагнулся рядом и тихо дышал у Славкиной щеки.

— Тупой, не берет... — пробормотал Славка.

— Ну, тогда не надо. Я дома шилом...

— Подожди, я еще... Вот, пошла... Слушай, а где стоит этот «Сатурн»? Я парусных судов наяву еще не видел...

— У станции Черная Речка. Разве ты там не бывал?

— Я еще нигде почти не бывал... Я неделю назад приехал... Вот, готово! На.

— Спасибо. — Сель встал на колено и застегнул пряжку. — В самый раз...

(А было не в самый раз. Туговато было. Славка это видел.)

Славка, стоя над Селем, спросил:

— Я еще хотел узнать... Разве бегучий такелаж на «Сатурне» сохранился?

— Нет, конечно. Все сгнило или растащили.

— А как ты поднял стаксель? Откуда взялся фал?

Сель встал. У него странные сделались глаза: и виноватые, и обрадованные.

— Кроме тебя, никто про это спросить не догадался... Ты никому не говори, ладно?

— Честное слово, — быстро сказал Славка.

— У меня свой фал был. Капроновая веревка...

— Значит, до марсовой площадки лазил? — тихо спросил Славка. — Иначе же не продернуть.

Сель опустил голову и шевельнул плечом. Словно хотел сказать: «А что было делать?»

Славка представил, как это было. Ветер шесть баллов — натянутые тросы гудят, а обрывки хлещут по мачте. Высота — с пятиэтажный дом. Темно. Под ногами гнилые выбленки — ступеньки, привязанные к вантам...

— Жутковато, наверно... — тихо сказал он.

Сель вдруг улыбнулся:

— Ветер свистит, а я — гордый и бесстрашный — устремляюсь вверх, прямо к звездам!.. И на каждой выбленке шепчу «мамочка».

Они со Славкой засмеялись. И были они уже не просто Славка Семибратов и Тимка Сель. Кажется, что-то уже связало их. Чуть-чуть.

Сель перестал смеяться и сказал:

— Обидно только, что все зря...

— Не зря! — вырвалось у Славки, и он смутился. И начал суежливо продергивать в петли поясок.

«Ты, Тимка, не зря пробрался на «Сатурн». Иначе не было бы совета дружины. И тогда неизвестно, как бы мы встретили друг друга!»

Сель спросил:

— Неужели ты никогда парусников не видел? Схему точно нарисовал...

— Ну, по книжкам-то я знаю...

— У тебя какие книжки?

— Со схемами? «Операция «Парус», журналы «Катера и яхты», потом еще «Паруса над океанами», перевод с чешского. Только там кое-что напутано. Еще «Парусно-моторные суда» Цурбана...

— Цурбан есть? Вот повезло! Там все подробно, да?

— Конечно. У тебя нет?

— Откуда? Я только слышал про нее.

— Хочешь почитать?

— Еще бы! А когда можно?

— Сейчас можно, — ликуя в душе, сказал Славка. — Давай побегим ко мне...

— Давай! Если у тебя время есть...

— Конечно, есть!

Они вышли на крыльцо.

— Ой! — спохватился Сель. — Мне же еще надо в библиотеку! В нашу, школьную. Если не дам книжку, будет скандал. Их всего на три дня нашему классу дали.

— Что за книжка?

— Да вот... — Сель вытащил из портфеля потрепанную книжонку в бумажной корочке.

Славка даже засмеялся: он увидел старого знакомого — «Маугли». Сокращенное издание для тех, кто изучает английский язык.

— У меня такая была, только потерялась.

— Жаль, что потерялась, — вздохнул Сель, — Пригодилась бы. Я письменный перевод не сделал из-за всей этой истории. Завтра Куин Лиза вкатает мне двойку от всей души.

— Какая Куин Лиза?

— Елизавета Дмитриевна. Ее так зовут у нас: Королева Елизавета, Куин Элизабет. Куин Лиза... Тебе хорошо, ты не у нее...

— Много задали переводить?

— Целая страница. Вот, у меня заложено... — Сель открыл книжку. Из нее упал сложенный вчетверо листок. Славка нагнулся за ним.

— А! Это уже не надо, — сказал Сель. — Это анкета для детской флотилии. Записаться хотел...

— А сейчас не хочешь?

— Ты смотри, тут графа: «Согласие классного руководителя». Думаешь, Куин Лиза даст мне теперь согласие? От нее дождешься!

— Жалко...

— Конечно. Только спрашивать ее я не буду.

— Я тоже хотел записаться... — сказал Славка.

Сель, кажется, обрадовался:

— Тогда возьми анкету, она чистая!

Славка замотал головой. Получалось нехорошо: Тимке во флотилию нельзя, а Славке вроде бы на эту Тимкину беду наплевать.

— Да бери! — сказал Сель. — Зачем тебе лишний раз бегать за анкетой? Сразу заполнишь, подпишешь — и к начальнику.

Славка вздохнул и взял. Потому что отказываться тоже было неудобно. Вдруг Сель скажет: «Я тебе помочь хочу, а ты ломаешься...»

Славка виновато спросил:

— Неужели она такая вредная, ваша Куин Лиза?

Сель печально ответил:

— Королевы бывают хорошими только в сказках и шахматах... Ты подождешь, пока я книжку сдам?

— Постой, — сказал Славка. — Двойка-то тебе к чему? Давай напишем перевод. Я его, наверно, помню.

— Вот здорово!

Сель без лишних слов уселся на высокий парапет крыльца — в сторонке, чтобы не мешать пробегавшим туда-сюда ребятам. Положил на колени портфель, на портфель — тетрадку. Славка сел рядом.

— Готов? Пиши: «Когда Маугли вышел из зарослей на поляну...»

Славка помнил текст почти наизусть. Иногда увлекался и шпарил без передышки. Сель останавливал:

— Подожди, это я сам, а то нечестно получается... Здесь я тоже могу. А это что? Все слова знаю, а выходит чепуха какая-то. Они что, дрались до крови?

— Да нет! Это же клич такой. Как пароль: «Мы одной крови — ты и я!»

Сель быстро глянул сбоку на Славку. Хотел написать, но держал ручку. Головкой ручки поцарапал подбородок. Сказал, опустив глаза в тетрадку:

— Сидим рядом, разговариваем... а даже не знаем, как друг друга зовут...

— Я знаю, — торопливо и смущенно возразил Славка. — Тебя Тимка зовут... Да?

— Меня зовут Тим, — серьезно сказал Сель. — Все меня так зовут с тех пор, как я только родился. Все, кто... ну, кто мне не враг...

— А меня Славка... Тим... ты пиши. «Мы одной крови — ты и я...»

...Тим, конечно, понравился маме. Славка видел, что мама им просто любит. В Тиме было все, чего не хватало Славке. А Славке не хватало собранности, подтянутости, внутренней интеллигентности, умения держаться и вести себя, как положено воспитанному мальчику из приличной семьи.

Когда баба Вера позвала обедать, Тим не ломался и не отказывался. Вилку и нож он держал как полагается. Не торопился, как на поезд, не глотал непрожеванные куски и спокойно, без смущения отвечал на мамины деликатные вопросы.

И Славка благодаря маме узнал, что отец у Тима — инженер на судне, которое часто уходит в океан, чтобы поддерживать связь со спутниками и космонавтами. А Тимкина мама — дежурный администратор в гостинице для моряков.

— Надеюсь, дома у тебя не станут волноваться, что ты задержался? — осторожно спросила мама.

— Просто некому волноваться. Папа в море, а мама до завтра на дежурстве.

— И больше у вас никого нет?

— Еще сестра Валентина. Я в шесть часов пойду за ней в детский сад.

— Маленькая сестра?

— Нет, большая. Почти семь лет.

— Это все-таки не очень большая. Ты, наверное, о ней заботишься?

Тим улыбнулся:

— О ней не надо заботиться, Елена Юрьевна. Она самый самостоятельный человек у нас в семье. Вы бы слышали, как она по телефону разговаривает! Те, кто не знает, сразу начинают к ней на «вы» обращаться...

После обеда Славка и Тим рассматривали книги и журналы с кораблями. От книжки Цурбана Тим еле оторвался.

— Ты ее бери домой и читай сколько влезет, — сказал Славка. — Хоть месяц, хоть год... — Он готов был сказать: «Если хочешь, то бери насовсем», но не решился. Получится, будто он сразу набивается Тиму в друзья.

Тим обрадовался:

— Я срисую кое-что. Тут все детали как на ладони... Смотри, марсовая площадка в точности как на «Сатурне». Вот через этот брус я фал перекинул, блок искать было некогда.

— Парус тебе вернули?

— Ой... Даже вспоминать боюсь. Обещали отдать, когда кто-нибудь из взрослых придет. Дядя Саша, когда узнает, еще устроит мне головомойку. Это его парус. Мы однажды в Голубую балку ездили, и дядя Саша нам его дал, чтобы тент от солнца на пляже сделать...

Славка жалобно засопел. Когда при нем говорили о пляже, его сразу же нестерпимо тянуло купаться.

Он сказал об этом Тиму. Тим подпрыгнул:

— Так идем!

— Легко сказать «идем»... Меня одного не пускают. «Ребенок захлебнется, ребенок ударится о камни...»

— А со мной?

Славка посмотрел на Тима с сомнением.

Тим подошел к двери:

— Елена Юрьевна! Простите, что я вас отрываю. Можно, мы со Славой сходим на пляж?

Славка не видел маму, но сразу представил, какие круглые у нее стали глаза.

— Одни?

— Я всегда купаюсь один...

— Да, конечно... Но Славик... Он еще не привык.

Знала бы мама, что случилось на Покровском озере...

Тим рассудительно сказал:

— Елена Юрьевна, привыкать все равно придется. Если живешь у моря, с мамой каждый раз купаться не будешь.

— Ох, я это понимаю. Но я так волнуюсь...

— А мы придем ровно через час — из минутки в минутку. Вы не успеете поволноваться.

— Это совершенно точно? — жалобно спросила мама.

«Ура!» — шепотом сказал Славка.

...Они были уже в квартале от дома, когда мама догнала их. Она несла пляжную сумку.

— Вы забыли полотенца... И, кроме того, я тоже хочу поплавать. Нет-нет, не думайте, что я вам не доверяю. Просто мне стало завидно.

Они купались долго и весело. Плавали наперегонки. Брызгали друг на друга. Нырjali с бетонных ступеней. Пытались достать на глубине дно. Мама наконец вытащила их на берег.

— Сколько можно сидеть в воде! Вы превратитесь в русалок.

— Мальчишки-русалчики, новое открытие в науке, — сказал Тим. Он прыгал на одной ноге и тер полотенцем плечи.

Мама смотрела, смотрела на него и вдруг начала смеяться:

— Нет, это просто чудо! Какой же ты пестренький!

Славка вспыхнул: а если Тим обидится? Но Тим тоже засмеялся:

— Меня маляры обрызгали... Это мне мама рассказывала маленькому. Будто, когда я родился, меня в больнице несли по коридору, а там стены красили. У маляров случайно повернулся распылитель, и вся краска — на меня.

— Похоже, что так и было, — смеясь, заметила мама.

— Я этому долго верил, — сказал Тим. — Один раз у нас в детском садике был ремонт, и я у маляров узнал, чем надо масляную краску смывать. Растворитель такой в плоских бутылочках... Стащил у них одну бутылку и давай ноги тереть...

Мама удивилась:

— Почему же не нос и не щеки?

— А что мне нос? У меня с ногами беда была... Мы в пряталки часто играли в коридоре, где взрослая раздевалка. Там халаты висели. Спрячешься за них, а ноги торчат. Тапочки у всех одинаковые были, ну и ноги похожие, не угадаешь, кто где. А меня сразу — хватя!

Мама опять залилась смехом. И Славка. Он был рад, что Тим так весело и доверчиво рассказал эту историю. «Будто давним знакомым», — подумал Славка.

Когда вернулись, Тим сказал, что Славка теперь должен пойти к нему. Иначе будет просто несправедливо!

— А уроки? — привычно напомнила мама.

— Завтра же воскресенье! — разом сказали Славка и Тим.

— А ты забыл, что мы собирались в магазин за брюками?

— Зачем они мне в такую жару?

Тим сказал:

— Еще целый месяц будет лето.

Сначала они зашли в садик за Валентиной. Тим объяснил по дороге:

— Она могла бы одна ходить, да воспитатели не пускают. Боятся ответственности.

Валентина оказалась рослой девчонкой с круглым лицом и темными косами. Она басовито сказала:

— Я тебе поражаю, Тимофей. Неужели ты даже в субботу не можешь прийти пораньше? Я извелась в этом детском учреждении.

— Ой, я совсем забыл, что в субботу можно раньше...

Валентина посмотрела на аккуратно зачесанные, но все еще мокрые волосы брата.

— Исккупаться ты почему-то не забыл.

Они поднялись по узкой лестнице, стиснутой белыми стенами, в которых глубоко сидели зеленые калитки. Со стен спускались плети ползучего кустарника. Лестница называлась «улица Камчатского люнета».

Наверху был новый квартал. Тим показал на самый высокий дом — девятиэтажный:

— Мы на четвертом этаже живем. Вон балкон, слева...

Квартира у Тима оказалась большущая. От пола до потолка

поднимались книжные стеллажи. Среди стеллажей висели индейские и африканские маски. Многие книги были непонятные: физика, электроника. Но зато стояли томов полтораста библиотеки приключений, собрание фантастики и романы Фенимора Купера в старинных обложках с золотыми узорами.

— Тут я и помру, — жалобно сказал Славка.

Тим сказал, что помереть Славка еще успеет, и повел показывать корабельный конструктор, который отец привез из Англии.

Славка думал, что конструктор — это железки и кубики, чтобы строить игрушечные пароходы. Но увидел совсем другое — детали для модели галеона «Мэйфлауэр» — старинного парусника, который доставил в Америку первых переселенцев из Европы. Все было отштамповано так аккуратно и тонко, что казалось настоящим. Даже прожилки и сучки виднелись на коричневых досочках обшивки. Даже швы на выпуклых парусах из белой пластмассовой пленки.

— Корпус я почти склеил, — объяснил Тим, — а рангоут одному трудно ставить. Надо, чтобы кто-то держал.

— Давай попробуем!

Они провозились больше часа. Зато на «Мэйфлауэре» встали три мачты с марсовыми площадками и вантами.

— Хватит, — решительно сказал Тим. Славка разогнулся. И заметил в углу на столике пишущую машинку. Это был «Рейн-металл» с латинским шрифтом.

— Такая же, как у нас! Мы еще не распаковали.

— Это папина... Вообще-то и наша с Валентиной. Мы играем иногда.

Славка удивился. Мама его не подпускала к машинке. Какие тут игрушки?

— В сигналы играем, — объяснил Тим. — У нас есть два тома трехфлажного «Международного свода»... Знаешь?

Славка кивнул:

— Знаю. Только он устарел, сейчас двухфлажный.

— Для игры-то не устарел. Мы знаешь как играем? Я Вальке диктую по три буквы наугад... Она у нас ученый товарищ, все латинские буквы знает... Она печатает, а потом я по книге разбора расшифровываю. Иногда так смешно получается! Хочешь, попробуем?

Тим выволок с книжной полки толстенный синий том.

— Называй какие-нибудь флаги. Любые три буквы.

— Тим... — сказал Славка.

— Что?

Славка рассмеялся:

— Ничего. Просто ТИМ. Тангоу, Индия, Майк.

— Ой, а мне и в голову не приходило!

Они плюхнулись животами на ковер, начали поспешно листать книгу.

— Вот, смотри, Славка! ТИМ... «Облегчать вес, осадку...» Что бы это значило?.. А, знаю! Это меня стащили с «Сатурна» и облегчили у него осадку. Все правильно. Теперь посмотрим про тебя.

— У меня же шесть букв.

— Разобьем на два сигнала.

— Точно. Сла.. Сьерра, Лима, Альфа... Что будет?

— Сейчас... Вот это да! «Освободить»!.. Ты кого-нибудь освобождал?

Славка вспомнил толстого мальчишку, которого отбил у крикливой соседки.

— Да. Кажется, освобождал.

— А кого? Сейчас узнаем... Викто, Кило, Альфа... Что получается? Странно. Эти флаги означают слово «как»... Как ты освобождал?

Славке неловко было рассказывать об этом случае. Получится, будто хвастается, а героизма-то никакого тут нет. Он вздохнул:

— Военная тайна.

— Тайна? Хорошо, — сказал Тим. Зачем-то пополз по-пластунски к широкой тахте с подушками вместо спинки. Выволок из-под тахты желтую пластмассовую трубу с двумя пистолетными ручками. Славка такие видел в «Детском мире» — это был пневматический автомат, стреляющий теннисными шариками.

— Заряжен, — предупредил Тим. — Будешь открывать военную тайну?

Славка укрылся за томом сигнального свода:

— Вероломное нападение на мирных жителей...

— Не вероломное! Я честно предупредил.

— А я без оружия!

— Можешь кидаться подушками.

— Могу?

— Можешь.

Славка прыгнул на тахту.

— Пускаю в ход тяжелую артиллерию!

— А я скорострельную!

Шарики застучали о стену вокруг Славки. Славка пустил в Тима увесистой подушкой. Тим ее поймал и бросил в Славку. И прыгнул следом! Со стены с гулом сорвался боевой барабан какого-то племени из джунглей Ориноко.

Через минуту Славка лежал на полу, носом в ковер. Тим сидел на нем верхом. Славке было хорошо. Он чувствовал, что может скинуть легонького Тима одним движением плеч, но не хотел. Он был счастлив, что лежит вот так, а Тим победно смеется над ним и упирает ему между лопаток широкий автоматный ствол.

— Откроешь тайну?

— М-м... — сказал Славка. — Ни за какие сокровища.

— Что с тобой сделать?

— Как что? В сигналах же сказано: *освободить*.

— *Как?* — насмешливо откликнулся Тим.

— *Облегчить вес и осадку.* Слезть с меня.

— Тебя спасло знание Международного свода.

Тим вскочил, но подкатился на теннисном шарике и шлепнулся на ковер. Задумчиво сказал:

— Бах...

— Сейчас посмотрим, что такое БАХ, — деловито сообщил Славка и потянулся к синей книге. — Bravo, Альфа, Хотэл... «Открытая якорная стоянка».

— Все правильно. Пора становиться на якорь. А то сейчас явится Валентина.

И Валентина явилась.

— Это выходит за всякие рамки, — сурово произнесла она. — Немедленно приведите квартиру в порядок.

Славка почувствовал себя как перед завучем. Тим вскочил. Заправил рубашку, пригладил волосы и — просто чудо какое-то! — в один миг превратился из растрепанного мальчишки в аккуратно подтянутого Тима.

— Валечка, мы больше не будем.

Славка с сожалением посмотрел в окно.

— Темнеет уже. Пора домой, а то будет мне «бах»...

Тим проводил Славку до лестницы. Снизу к ним подбежал большой тощий пес.

— Боцман! — обрадовался Тим.

Славка вздрогнул.

— Не бойся, — сказал Тим. — Это здешний общий пес. Он ко всем ласкается.

— Да я не боюсь...

Боцман лизнул Славке ладонь, вежливо помахал хвостом и побежал по своим делам. Славке было неловко. Вдруг Тим решил, что он в самом деле испугался собаки?

— Тим... Я знаешь почему вздрогнул? Ты сказал «Боцман»... А меня так в старой школе дразнили...

Тим ничего не сказал. Он, видимо, сразу все понял: как не сладко было Славке в той школе и каким обидным было прозвище.

— Не говори только никому... — пробормотал Славка.

— Конечно, Славка... А меня в первом классе дразнили «Ржавая селедка».

— Почему?

— Ржавая — из-за веснушек. А селедка — из-за фамилии.

— Дрался? — тихо спросил Славка.

Тим вздохнул:

— И ревел, и дрался... На «ржавую» я не обижался, а на «селедку» — очень. Потому что она скользкая и соленая... А потом новая учительница пришла, услышала и говорит: «Сель — это вовсе не селедка. Это могучий горный поток, лавина, которая может все разрушить. Поэтому не дразните Тима...»

— И перестали?

— Не сразу, но перестали...

«Сель. Грозная лавина», — повторил про себя Славка. Нет, не годилось это для Тима.

— Пойду, — сказал Славка.

— Ну, до завтра. Да?

— До завтра... Тим! А можно, я тебе позвоню? В нашем квартале есть автомат.

— Вот правильно! Позвони! Запиши телефон. Двадцать три... девятнадцать... ноль восемь.

Славка легко запоминал числа. Но телефон ему хотелось записать. В этом был особый смысл. Будто они с Тимом подписывали договор о дружбе. Нет, до этого, конечно, еще далеко, но все-таки...

— А чем писать?

— Сейчас... — Тим достал из нагрудного кармана тонкий карандаш. — Смотри-ка, даже не сломался, когда по полу катались. Осторожнее, он как иголка.

— А бумага? Ой, у меня же есть. — Славка тоже полез в карман.

— Постой, — сказал Тим. — Это анкета.

— А зачем она мне...

— Ты же хотел...

— Не пойду я во флотилию, — сказал Славка. — Может, еще где-нибудь есть парусные секции?

— Не знаю. Есть, но, по-моему, только взрослые... А почему не хочешь в эту?

Славка положил свернутый листок на левую ладонь. Было еще не очень темно, можно писать.

Но сначала надо ответить Тиму. А что отвечать, если Тим и так все понимает?

Славка шепотом сказал:

— А ты как же?... Мы одной... В одной секции было бы лучше...

Чтобы скрыть смущение, он начал отчаянными штрихами рисовать на листке крупные цифры, а потом с размаху поставил точку. И ойкнул. Острый грифель проколол бумагу и воткнулся под кожу. Прямо в середину ладони.

Выступила капелька крови.

Тим взял Славкину руку и промокнул красную каплю угольным карандашом. Сказал:

— Теперь навсегда темная точка останется, как татуировка. Графит под кожу попал.

— Пусть, — сказал Славка.

Пусть. Это на память о бесконечно длинном счастливом дне, когда появился в Славкиной жизни Тим. Он будто подарил Славке одну свою веснушку.

Когда Славка подходил к Якорному спуску, было уже совсем темно. В будке телефона-автомата горела яркая лампочка. Славка зашарил по карманам. Ну конечно же, как назло, ни копейки! А придешь домой: сначала нахлобучка, затем ужин. А потом:

«Никуда твой Тим не денется, нечего бегать к телефону на ночь глядя...»

Славка заглянул в будку: вдруг повезет? И чудо случилось. На полу поблескивала монетка. Правда, это был гривенник, а не две копейки, но Славка знал, что можно звонить и с гривенником.

Что-то сердце бухает. От волнения и от радости. От того, что есть Тим.

«Двадцать три, девятнадцать, ноль восемь»...

— Тим... Это ты?

— Славка?!

— Это я...

— Вот здорово...

— Тим... ну, ты как? Все в порядке?

— Да. А у тебя? Был «бах»?

— Я еще не был дома. Еще будет.

— Может, пронесет?

— Пронесет, Тим! Ну... до завтра?

— Ладно. Утром приходи пораньше.

— Конечно... Тим...

— Что, Славка?

— Сель — это не лавина. Не поток... Сель — это парус. Марсель, брам-сель, стак-сель...

— Ой, точно...

— Тим... Ты тоже парус... Тим-сель...

— Славка... А какой это парус? Где на корабле тимсель?

— Я... не знаю... Тим!

— Что, Славка?

«Тимсель, ты самый хороший парус. Тим, мы одной крови, да? Тим, с ума сойти, я утром еще не знал, что ты есть на свете! Тим...»

— Тим, до завтра!

НЕСПОКОЙНОЕ МОРЕ

Радостное ожидание не покидало Славку всю ночь. Ему снились искры и вспышки. Солнечные зайчики плясали на зеленых волнах, звезды сыпались с фиолетового неба, а в густых травах, где звонко перестукивались раковины улиток, крошечные гномы роняли фонарики.

Славка пытался поймать колючие огоньки и наконец зажал один в ладони. Огонек обжигал руку. Славка проснулся, раскрыл кулак и посмотрел на ладонь. Там темнела угольная точка, а вокруг нее припухла и покраснела кожа. Это приживалась к Славкиной ладони Тимкина веснушка!

Славка вскочил. Вот откуда радость: его ждет Тим!

...Тим ждал Славку на балконе. Он был в оранжевой рубашке, и рубашка эта полыхала на солнце. Он замахал руками, увидев Славку, а потом крикнул в сторону балконной двери:

— Мама, он уже пришел!

Тимкина мама была большая, с веселым громким голосом и светлыми волосами. Совсем на Тима не похожая. Она показала Славке похожей на женщину со снопом — с плаката, выпущенного в честь праздника урожая. Такой плакат Славка недавно видел в книжном магазине.

Тимкина мама сообщила, что сейчас они будут завтракать. Да-да, она понимает, что Славка уже накормлен дома, но ни один мальчишка на свете не умер от того, что позавтракал дважды. Особенно такие костлявые товарищи, как Славка и Тим. Пусть они сию секунду отправляются за стол и не рассуждают, а то под горячую руку влетит обоим!

Славка подчинился. Из солидарности с Тимом он героически умял два блинчика с мясом.

— Какие у вас планы? — спросила Тимкина мама. — Надеюсь, вы не собираетесь угонять сегодня какой-нибудь корабль? Вдвоем вы, пожалуй, справитесь...

Тим серьезно сказал:

— Я же обещал, что больше не буду.

— Да, я помню. Ты сказал: честное слово, больше не полезу на этот «Сатурн». Об остальных крупнотоннажных единицах мирового флота ты деликатно умолчал. А сегодня на рейд пришел большой противолодочный крейсер.

Тим, глядя в тарелку, торжественно поднял левую ладонь.

— Клянусь: на Черном море флоту ничего не грозит. А до других нам сегодня не добраться.

Тимкина мама сказала задумчиво:

— Не знаю. На месте командира крейсера я бы все-таки усилила вахты и не пускала команду на берег.

Потом она поинтересовалась, куда Тим и Славка собрались.

— На Качаевку, на песчаный пляж, — сказал Тим. — Славка еще не видел по-настоящему открытого моря.

— Мама, я уверена, что мальчишки не слышали сводку погоды, — заявила Валентина. — Иначе они побеспокоились бы о куртках. Синоптики обещали в середине дня дождь.

— Я возьму тонкую, капроновую, — решил Тим. — Нам хватит одной...

В троллейбусе Тим спросил:

— Сразу на пески или побродим?

— А где побродим? Зачем?

Тим слегка замялся.

— Знаешь, есть место... Ну, просто такое место, обрывы гро-

мадные. Море видно далеко-далеко. Я, когда маленький был, там часто с папой гулял... Может, тебе неинтересно, тогда сразу на пляж поехали...

— Мне интересно, — быстро сказал Славка. Он заранее любил все, что нравилось Тиму. Да и в самом деле: обрывы над морем!

— Тогда поехали на Северный берег.

— Катером?

— Конечно.

— Ура!

Солнце было яркое, но появились волокнистые облака и усилился ветер. Когда катер отвалил от пристани, его слегка закачало. Тим и Славка стояли на носу. Славка на секунду зажмурился и улыбнулся.

— Здорово...

— Что? — не понял Тим.

Славка сказал немного виновато:

— Для тебя такой катер, наверно, все равно что автобус. А я первый раз по морю плыву.

— Что ты! — откликнулся Тим. — Не автобус. Мне на катерах всегда нравится. Только на открытом рейде лучше, чем здесь. Знаешь, как бросает, когда волна!.. Смотри, Славка, вот он, крейсер.

Славка оглянулся. Катер левым бортом проходил недалеко от кормы военного корабля. Она была такой громадной, что казалась стальным островом, поднявшимся из моря. Полоскал на ветру огромный военно-морской флаг. По палубам и трапам сновали матросы в сизых робах и черных беретах. Совсем крошечными они казались на этом корабле-исполнине.

На одной из палуб выстроились моряки в белых форменках, перед ними прохаживался офицер с кортиком.

— В увольнение собираются, — сказал Тим. — Не послушал командир мою маму.

Славка осторожно спросил:

— Тим, а тебе нисколько тогда не попало от мамы?.. Ну, за «Сатурн»...

— А как мне попадет? Меня привезли домой с опухшей ногой, думали, перелом. Перепугались все. А после времени мама не ругает, она только по горячим следам... Зато мне вчера утром перепало.

— Как это? — с опаской спросил Славка.

— Я рубашку не успел выгладить, а мама говорит: «Пират-

скими делами по ночам заниматься успеваешь, а на хорошее дело времени нет». Я говорю: «То дело тоже было хорошее». А она: «Хорошее, да?» И — бэмс меня полотенцем по шее. Я под стол — раз! Голову высунул, а она по тому краю стола — бэмс! Я с другого конца — она тоже. Я тогда засел и жду. Потом спрашиваю: «Можно уже вылезать?» А мама говорит: «Лучше сиди, я еще не успокоилась».

Славка засмеялся. То, что рассказал Тим, было не страшно. Это не так, как с Юркой Зыряновым. Но все же Славка сказал:

— А говорил: не попало.

— Так это потом, и не за «Сатурн», а за рубашку. И не мне, а столу... Смотри, Славка, подходим.

Крутой берег, сложенный из желтых пластов песчаника, навис над катером. Внизу пласты были изрыты пещерами, у обрыва торчали обломки скал. На одном из обломков загорелый пацаненок в белых штанишках и похожем на пальто черном пиджаке ловил крабов натянутой на обруч сеткой. Еще несколько мальчишек удили бычков намотанными на палец лесками. Славка хотел посмотреть, но не решился задерживать Тима.

Тим повел Славку по длинной лестнице. Они поднялись на площадку, где стоял высокий обелиск с гвардейским значком. Его с четырех сторон охраняли обелиски поменьше. Было пустынно, ветер шумел. Над серой плитой братской могилы качались высокие красные цветы.

С моря все гуще двигались облака. Острая вершина обелиска словно летела им навстречу.

— Кругом здесь памятники, — тихо сказал Славка. Тим кивнул:

— Сам знаешь, сколько было боев...

От площадки шла извилистая улочка. Дикий виноград оплетал каменные изгороди. Над черепичными крышами захлебывались в потоках ветра самодельные вертушки.

— Здесь в прошлом году кино снимали, — сказал Тим. — «Приключения Буратино». У нас в школе режиссер выступал. Стал рассказывать про съемки и говорит: «У вас здесь хорошо, похоже на Италию». А я говорю: «Это Италия на наш Город похожа». Куин Лиза потом ругалась.

— Тим, — спросил Славка, — ты здесь родился, в Городе?

— Конечно. И мама, и папа...

«Счастливый», — подумал Славка.

После «итальянской» улочки они прошли по новому району, где поднимались двенадцатиэтажные белые корпуса, и долго

шагали окраинными переулками. Затем они миновали посадки молодых кипарисов и строительную площадку, на которой уютно дремал маленький желтый экскаватор. За площадкой потянулась ровная земля с жесткой низкорослой травой. Эта земля обрывалась кромкой берега.

И дальше было только море. Впереди, слева и справа. И внизу — там, куда уходили стометровые обрывы.

Славка подошел к самому краю, и его мягко качнуло. Он впервые видел такие кручи, такую высоту. Тим осторожно, но крепко взял его за плечи.

Солнце давно уже ушло за пасмурные облака, но море вдали все равно оставалось синим. Только это была не праздничная, а суровая синева. Такими синими бывают иногда гроззовые тучи. А ближе к берегу море делалось зеленовато-желтым. Видимо, волны поднимали со дна песок.

Волны двигались на обрывы длинными пенными валами. Далеко-далеко внизу они заливали полоску пляжа и расшибались о красноватые утесы. Среди утесов росли кое-где большие деревья. Сверху они казались крошечными.

Ветер шел с моря плотным потоком. Он ударялся о подножие берега и взмывал вверх по бурым глинистым откосам. Длинные пряди мягкой высохшей травы струились на ветру, как серое несветящееся пламя.

— Куртку достанем? — спросил Тим.

— Тебе холодно?

— Я для тебя...

Славка помотал головой. Ветер был сильный, но не холодный.

Правда, сначала руки и ноги у Славки покрылись гусиной кожей, но через минуту он привык. А от Тимкиных ладоней на плечах стало совсем тепло.

По границе двух морей — зеленовато-желтого и синего — шел пассажирский катер. Он тяжело нырял среди гребней.

— Купальщиков повез с Качаевки, — сказал Тим. — Погода не для плавания и загорания... Но мы все равно туда пойдем, да, Славка?

Славка кивнул, но не двинулся с места.

— Ну... тогда пойдем, — осторожно напомнил Тим.

— Подожди, Тим, — попросил Славка. — Еще посмотрим. Ты, наверно, это тысячу раз видел, а я только сегодня...

Он лишь сейчас до конца понял слова: *открытое море*.

Ветер вдруг надавил так, словно хотел сорвать со Славки ру-

башку, а с Тима слуть все веснушки. Славка едва удержался на ногах. Тим сказал:

— Пошли. А то мы целый час на одном месте... Мы же не уйдем с берега, а двинемся по краю. Там дальше еще интереснее.

Они зашагали недалеко от кромки обрыва. Кое-где громадные темно-рыжие пласты отслаивались от берега и стояли отдельными стенами. Их равновесие было непрочным и угрожающим — вот-вот рухнут на узенький пляж тысячетонной массой.

Славка и Тим прочно держались за руки. Так не страшно было подходить к самому краю. В одном месте Тим сказал:

— Смотри, здесь полный отвес.

Пляжной полоски внизу не было, и море входило в берег острым клином. Берег опускался вертикальными стенами.

Славка глянул вниз. Прямо под ним, далеко-далеко, кипела штормовая вода. Славка бросил туда камень. Он упал в пену прибора.

— Страшенная глубина, — сказал Тим. — Ребята рассказывали, что во время войны там пряталась наша подводная лодка. Немцы ищут-ищут, а она у самого берега... Может быть, это легенда...

— А может, и не легенда? — сказал Славка.

— Может быть... Смотри, Славка! Иди сюда.

Тим отвел Славку от обрыва, и они оказались на краю бетонной ямы. Это было что-то вроде круглого сухого бассейна глубиной метра в полтора. Вниз вели ступеньки. На дне темнела ржавая железная площадка с громадными торчащими болтами но углам.

Славка почти сразу догадался, что это такое.

— Орудийное гнездо?

— Да. А вон там еще одно. Это была береговая батарея. Корабельные пушки крупного калибра.

Славка спустился к орудийной площадке. Здесь, за бетонными стенами, было безветренно и совсем тепло. На железе валялся голубой пластмассовый пропеллер от игрушечного самолета. На бетоне Славка увидел нацарапанную чем-то черным надпись:

«Тома, Витя».

— Тома и Витя тире безмозглые ослы, — сказал он. — Нашли где писать.

— Конечно, ослы, — согласился Тим. — А знаешь, Славка, иногда настоящие надписи находят...

— Какие настоящие?

— Тех времен... Наши моряки и солдаты оставили, когда защищались. Когда уже понимали, что погибнут... Имена разные и адреса. «Мы не уйдем отсюда. Сообщите родным...»

— А те, кто на этой батарее воевали... Они тоже погибли?

— Кажется, не все. Те, кто остались живые, взорвали орудия и пробилась к своим. Кажется, ушли в равелин, он еще держался... Говорят, с ними мальчишка был. Мне папа рассказывал, когда мы тут с ним бывали.

— Большой мальчишка?

— Вроде нас. Говорят, подносчик снарядов. А может быть, и не подносчик. Такие снаряды вручную, наверно, и не поднимешь. Но все равно... Тогда много ребят воевало.

— Я читал про одного, как он самодельную газету в окопах выпускал. А потом рванул немецкий танк и сам погиб.

— Да, я знаю, — сказал Тим.

Они поднялись из орудийного гнезда и опять пошли по краю обрыва.

— В этой глине еще сколько снарядов сидит, наверно... — тихо сказал Славка.

Тим его понял:

— Есть еще... Про Андрюшку Илюхина слышал?

— Слышал, конечно... Тим, я только понять не могу... Как ему в голову пришло: в огонь такую штуку толкать? Зачем? Не ребенок же! Неужели не понимал, что взорвется?

Тим посмотрел удивленно:

— Почему не понимал? Он как раз и хотел... Ты разве не знаешь?

Славка насторожился. Он в самом деле не знал подробности. В школе говорили о взрыве глухо и неохотно.

Тим сказал, будто заступаясь за Илюхина:

— Ты думаешь, он играл? Когда они с ребятами снаряд напали, сразу на стройку побежали, чтобы кому-нибудь взрослым сказать. Это на пустыре было, а рядом стройка... Прибежали, а сторож на них накричал: «Уходите отсюда, не выдумывайте!»

— Сторож что, ненормальный?

— Кто его знает... Наверно, какой-нибудь пьяный дурак попался... Ну, они побоялись еще куда-нибудь идти, решили сами обезвредить. Костер зажгли, снаряд в огонь сунули и залегли за плитами. Там такие бетонные панели... Ждали, ждали, а костер погас. Один мальчишка хотел пойти покочегарить, а Илюхин не пустил, сам побежал... Тут и рвануло...

— Тим, ты откуда знаешь?

— Все знают. Те, кто был с ним, они же рассказали потом. Их некоторых поранило. Тех, кто высунулся...

«Вот как было дело... — подумал Славка с каким-то облегчением. — Не так уж все глупо...»

Нет, все равно, конечно, глупо: бежать к какому-то сторожу, а не к военным! И костер — тоже глупо. Но все же это была не игра. Андрюшка Илюхин думал не о забаве. Просто он не знал, что делать, он ошибся. Но и взрослые иногда ошибались, когда приходилось сталкиваться со смертью.

— Тим... Ты его знал?

Тим хмуро объяснил:

— Его многие знали, он в хоре Дворца пионеров пел. Хорошо так пел...

...Берег стал ниже. Тим и Славка обошли стоянку для автотуристов и по тропинке спустились на пляж. Оттуда расходились последние купальщики. На мачте качался черный шар — сигнал, что купаться нельзя. Ветер гонял по песку пустые коробки от сигарет. Волны выкатывались на пляж длинными пенистыми языками. Они шумели. И ветер шумел.

Славка и Тим скинули обувь и побродили по набегающей воде. Пена забрызгала им колени. Вода откатывалась и старалась утянуть Славку и Тима за собой. Высасывала у них из-под пяток песок. Она оказалась довольно холодной, эта беспокойная вода. Тим честно сказал, что лезть в такой холод и в такие волны ему не хочется. Тем более что на берегу пусто, а на вышке штормовой сигнал.

Славка согласился. Он такое разыгравшееся море видел впервые.

Они сели и прислонились к большой, выброшенной волнами коряге. Корягу выбелило море и высушил ветер. Она отливала алюминиевым блеском. Была гладкой и теплой. Сухой песок тоже был теплым. Славка и Тим зарыли в него озябшие от воды и гудевшие от долгой ходьбы ноги...

Море теперь было трехцветным: у берега — песочно-желтое, дальше — ярко-зеленое, а у самого горизонта лежала сине-фиолетовая полоса. Недалеко от берега прыгали на гребнях оранжевые шары — буйки пляжного ограждения. Словно какой-то парокход за горизонтом растерял громадные апельсины, и волнами их пригнало к земле.

Кучевые облака сизо-серого цвета быстро двигались в сере-

дине неба. За ними иногда чувствовался проблеск солнца. Над головами у Славки и Тима в струях ветра неподвижно стояли чайки с распластанными крыльями.

Потом пошел дождик. Можно было убежать под навес, но не хотелось покидать насиженное место. Тим вытянул из спортивной сумки курточку. Ветер рванул капроновую ткань, но Славка и Тим быстро обмотали ею головы и плечи. Получилась крошечная общая палатка.

— Мы робинзоны, — сказал Тим. — Катер уже не придет, нечего ему тут делать. Нужно будет ехать автобусом на Северный причал... Славка... Ты не обижаешься, что я тебя сюда затащил?

— Здесь хорошо, Тим, — сказал Славка.

Что он мог еще сказать? Не скажешь ведь вот так открыто, что мечтал о такой минуте целые годы. Не будешь объяснять, что все это — счастье. Счастье от того, что рядом штормовое море и Тим.

Славка сказал:

— Смотри, какой водопад.

Недалеко стояла железная горка, чтобы скатываться прямо к воду. Волны взбегали на нее, и вода с верхней площадки лилась на гулкие ступени.

— Большой каскад Петродворца, — сказал Тим. — Я туда в июле с папой ездил... Ты там бывал?

Славка медленно качнул головой:

— Нет, Тим. Я мало где бывал: в Невьянске, в Первозаводске, в Покровке... Это все в одних краях, недалеко друг от друга. Мы там с мамой кочевали с места на место.

Тим примолк. Потом виновато проговорил:

— Дурак я все-таки. Ты меня извини, ладно?

— За что? — удивился Славка.

— Я болтаю, хвастаюсь. Все про отца, про отца... А ты... только с мамой.

— Ну и что такого? — спокойно сказал Славка. — Это у кого как в жизни получилось... Ты, может, думаешь, что он нас бросил или пьяница какой-нибудь? Он хороший был, Тим. Только я его никогда не видел. Он погиб в тот год, когда они с мамой поженились. Еще студентами были.

— А что случилось? — осторожно спросил Тим.

— Он разбился на мотоцикле... Ехал к товарищу на дачу, а через дорогу ребята побежали. Из лагеря. В войну играли. Он и крутнул на обочину, прямо на камни... Это в Первозаводске бы-

ло, где они с мамой учились. А потом мама в Невьянск уехала после института... Знаешь, Тим, я там впервые море увидел...

Тим удивленно поднял глаза, но ничего не спросил. Он почувствовал, видимо, что Славка расскажет сам.

И Славка рассказал про бриг «Меркурий». А потом, незаметно, еще про многое: про Покровское озеро, про Анюту, потом про Юрку Зырянова и Усть-Каменск. И даже про то, как уехали из Усть-Каменска.

Тиму рассказал и морю.

Море шумело то возмущенно, то сочувственно: сердилось на Славкиных недругов и понимало его огорчения.

Тим тоже все понимал. Он слушал молчаливо и серьезно.

И только время от времени натягивал на Славкины плечи подол куртки.

Домой Славка вернулся к вечеру. Мама, конечно, сказала, что «чуть не сошла с ума» за этот день. Засадил Славку за обед, а потом за уроки.

Уроки были пустяковые. Славка читал «Ботанику» и рассказывал про все, что сегодня видел. Мама просила его не отвлекаться, но он отвлекался.

— Мама! А еще мы видели, где стояла береговая батарея!

Мама охнула:

— Я же просила не соваться в такие места!

— Ну, мама! Ты сама не знаешь, чего пугаешься. Там только площадки от орудий. Тим еще в детские годы там гулял... А на море сегодня почти настоящий шторм!

— Я боялась, что ты полезешь купаться...

— Нет, волны большие. Тим не разрешил.

Мама сказала, что готова молиться на Тима.

— Когда он с тобой, я почти спокойна.

— А говорила, что чуть не сошла с ума.

— Но не сошла. Спасибо за это Тиму. Я благодарна судьбе, что он есть на свете.

«Я тоже», — подумал Славка.

Он вспомнил, как сегодня они прощались на улице и Тим побежал к троллейбусной остановке. Быстро побежал, не оглядываясь. Будто сразу забыл про Славку. И Славка испугался: вдруг не оглянется ни разу? Но Тим оглянулся. А потом высунулся из окна троллейбуса и долго махал свернутой курткой. И Славка был счастлив...

- Мама, дай, пожалуйста, две копейки. Я Тиму позвоню.
Он побежал к автомату.
Было уже темно. Ветер улегся, облака ушли, и светили теплые звезды.
Славка набрал номер.
— Валентина?.. А где Тим?
— Он только что залез в ванну и, судя по всему, занимается в ней подводным плаванием. Ты, Слава, не представляешь, какой там шум и плеск!
Славка огорченно завздыхал.
— Я могу его позвать, — предложила Валентина.
— Что же он, мокрый побежит?
— Он вылетит из ванной как пуля, если узнает, что ты звонишь. Я тебе гарантирую.
Славка представил мокрую веснушчатую пулю и засмеялся:
— Не надо. Передай ему: «До завтра».

ФЛАГОГРАММЫ

- Утром Славку встретил радостный Динька.
— Про тебя в газете написали! И фотокарточка приклеена!
Славка поехал.
Газета висела в коридоре нижнего этажа. Перед ней толпились читатели. Славка обошел толпу стороной: лишней известности ему не хотелось.
В классе на Славкиной парте лежали три фотоснимка. Большие, размером с тетрадку, и очень четкие. Но Славка посмотрел и огорчился. Он себе не понравился. Встрепанный какой-то, глаза испуганные, рот приоткрыт. Стоит на носочках и так тянет вверх Артемку, будто хочет приклеить его ушами к потолку. И конечно, волосы на макушке — торчком.
И такая фотография приклеена в газете!
Ну а кто виноват? Не Савин же. Савину все равно надо сказать спасибо: он старался, карточки напечатал быстро и аккуратно.
Славка поискал глазами Игоря, но того не было в классе. Зато откуда-то вынырнул Аверкин.
— У, как здорово! Подари одну.
— Возьми... — неохотно сказал Славка. — Только я тут какой-то уродина.
— Да что ты, все нормально! Как живой!

- Женька засунул снимок в портфель, потом глянул мимо Славки, поскучнел и отошел в сторону. Славка оглянулся и сразу забыл про Аверкина: сзади стоял Тим.
— Тим, привет!
Тим улыбался.
— Здравствуй! Я твою заметку читал... Покажешь Артемку?
— Конечно. После уроков, ладно? А то все опять набегут...
Тим увидел фотографии.
— Это Савин снимал? Мастер... — Он помялся и спросил: — У тебя всего две карточки?
Славка вздохнул:
— Возьми одну, если хочешь. Только что здесь хорошего?
— Все хорошее. Ты и Артемка...
После уроков Славка и Тим ушли в глухой уголок школьного двора — между забором и гаражом. Тут Славка и познакомил Тима с Артемкой.
Тим сел на перевернутое мусорное ведро, посадил Артемку на заляпанное веснушками колено, покачал его. Улыбнулся ему. И сказал про лупоглазую Артемкину морду:
— У него лицо умное.
Славка засмеялся.
— Нет, правда, — сказал Тим. — Он так смотрит, будто заговорить хочет.
Ну что же, Тим был прав. Иногда и Славке казалось, что Артемка может разговаривать.
Тим спросил:
— А откуда у него эта награда? На снимке ее нет.
К зеленому Артемкиному комбинезону был приколот маленький значок — синяя стеклянная капля с золотистым якорьком внутри.
Славка стало неловко, но он ответил честно:
— Женька Аверкин ему подарил. Сегодня мы сидим на фотографии, а он вдруг дает: «Возьми для Артемки...»
Тень скользнула по лицу Тима, но он тут же улыбнулся:
— Хороший значок.
Славку не успокоила эта улыбка.
— Тим... А что у вас с Женькой? Поссорились, да?
Тим покачал головой. Почесал у Артемки за ухом, подбросил его в воздух, опять усадил на колено и наконец ответил:
— Нет, мы не поссорились. Просто нам теперь... говорить не о чем. Я его тогда на «Сатурн» звал, а он не захотел. Ну и... все.
— Да? Я не знал, что он трус, — подавленно сказал Славка.

— Аверкин не трус, — возразил Тим. — Он, наверно, решил, что у меня это просто так, фантазия. Не поверил, что я по правде все это задумал.

— Теперь он, как увидит тебя, виноватый делается...

Тим пожал плечами, словно хотел сказать: «Я здесь ни при чем». Славка нерешительно спросил:

— Может, вы еще помиритесь?

— А зачем? Это когда друзья поссорятся, они могут мириться, а мы... так. Просто мы летом в одном лагере были. До этого почти не знали друг друга, а там оказались в одном отряде. Спали рядом, разговаривали по ночам... Я тогда думал, что он все понимает...

Славка хотел взять у Тима Артемку.

— Давай снимем значок.

— Зачем? Это как-то нечестно... Слушай, разве Аверкин думает, что я на него злюсь?

— Не знаю. Я с ним про тебя не говорил. Просто я заметил...

— Аверкин рисует хорошо, — вдруг сказал Тим. — Он в лагере первый приз получил на выставке рисунков.

— Да, — грустно согласился Славка. — Помнишь, у меня в комнате картинка, где я первоклассника на плечах таскаю? Это он рисовал... Тим...

— Что?

— А почему ты к Женьке пошел насчет «Сатурна»? У вас в классе разве нет... ну, таких, с которыми можно...

Тим опять покачал на колене Артемку, помолчал и ответил с еле заметной досадой:

— У нас хорошие ребята, но они не пошли бы. Тоже сказали бы, что это глупости... Знаешь, Славка, считают почему-то, что у меня в голове только несбыточные планы.

— Кто считает? — возмутился Славка.

— Многие. Даже мама иногда... Мне поэтому и за «Сатурн» не очень попало. «А, это опять Сель! Ну конечно, он всю жизнь чудит!» Одна Куин Лиза по-настоящему злилась, а остальные для вида. Даже на совете дружины... Ты сам видел. Ни один человек всерьез не верит, что я мог увести баркентину от пирса.

— Но ведь мог...

— А они не верят... Думают, что в голове у меня завихрения.

— Тим... А почему так? Это же неправда!

— Не знаю, может быть, и правда. Это еще с первого класса пошло. Мы тогда школьный забор изукрасили.

— Как?

— Всякими картинками... По телевизору передача была про Польшу, и показали, как там ребята на улицах рисуют. Если где-нибудь стройка и ставят временный забор, им специально дают краски: рисуйте на досках что хотите. Чтобы веселее было. Вот я тоже решил: зачем нам в школе белый забор? Подговорил ребят, мы целую неделю масляные краски собирали, а потом пришли рано утром и такую роспись устроили! Корабли, ракеты, слоны, пальмы!

— Здорово влетело?

— Мы не только забор, мы еще себя расписали, как индейцы. Конечно, шум был. Вместо уроков целый день олифой и скипидаром отмывались.

— А рисунки замазали?

— Нет, директор не дал. Их только через год закрасили, когда ремонт был... А про меня с тех пор и привыкли говорить: одни фантазии пустые в мозгах...

— Они же не пустые, Тим. Ты же все делаешь, как задумал. Рисунки сделал. И на «Сатурне»... Ты не виноват, что не удалось.

Тим протянул Славке Артемку и сказал с зелеными искрами в глазах:

— У меня и еще кое-что есть на совести. Потом расскажу... Ну что, идем по домам?

— Увидимся сегодня?

— Конечно! Я к тебе приду. Я Артемке «куриного бога» принесу, чтобы на шее носил.

— Это такой камешек с дыркой?

— Да. Видел такие?

— Только слышал.

— Из них амулеты делают... Знаешь, Славка, значок — хорошо, но он из магазина все-таки. А «куриный бог» — настоящий морской подарок.

Тим прибежал через два часа. Дома он переоделся, и опять на нем весело полыхала оранжевая рубашка. Но сам он казался смущенным.

— Не нашел я этот камешек. Все перерыл... Славка, поехали к морю! Я там знаю место, где людей мало, а камни такие, как надо. Сразу найдем.

...Место, о котором говорил Тим, оказалось маленьким каменистым пляжем на плоском берегу Карантинной бухты, недале-

ко от развалин древнегреческой крепости. По развалинам, среди одиноких белых колонн и заросших остатков башен, бродили туристы. Славка тоже рванулся туда, но Тим сказал:

— В другой раз. Там надо целый день ходить, а сегодня мало времени.

День был тихий и солнечный. Славка и Тим искупались в прогретой воде бухты. Славка немного боялся маленьких прозрачных медуз. А Тим говорил, что надо привыкать: моря без медуз не бывает.

Артемка в это время сидел на ржавом буйке, выброшенном на берег. Ждал друзей. Его принесли сюда не в портфеле, а просто так, взявши за уши: Тим держал за одно, а Славка за другое. Славка сначала опасался везти в автобусе и тащить по улицам Артемку открыто. Думал, что все будут оборачиваться и смеяться. Но Тим сказал:

— Что особенного? Идут люди, несут зайца. Кому какое дело?

И правда, почти никто не обращал на них внимания и уж совсем никто не улыбнулся...

Когда искупались, пошли искать «куриного бога». Нашли быстро. Круглый белый камешек со сквозным отверстием. А еще Славка нашел две ржавые автоматные гильзы, маленькую завитую ракушку — очень красивую — и трезубец от подводного ружья, которым тут же пропорол карман и расцарапал ногу.

Тим продел в отверстие камешка припасенный заранее шнурок. Торжественно повесил украшение на Артемку.

— Носи. Ты заслужил... Заслужил он, верно, Славка?

Славка кивнул. А Тим спросил:

— Давно он у тебя живет?

— Давно. Мне четыре года было, когда его купили. Случайно в каком-то киоске... Я им почти не играл тогда, забросил через несколько дней. Он валялся в старом чемодане. А потом мы стали переезжать, и мама начала ненужные вещи выкидывать. Его тоже хотела... А он лежит, лапы растопырил и смотрит так жалобно... Ну, я как-то... в общем, не по себе стало. Думаю: «Ему, наверно, обидно. За что его на помойку?» И вцепился. Мама говорит: «Большой уже, семь лет, а за всякую рухлядь цепляешься». А я не отдал, в ранец засунул. Так он и живет у меня вместе с учебниками...

— Ну и правильно.

— Знаешь, Тим, это, может, смешно, только я с ним иногда разговаривал... По ночам, в Усть-Каменске. Когда совсем уже

тоска брала... Посажу перед собой на одеяло и разные сказки рассказываю. Или про то, как к бабе Вере поедем... Я, Тим, про это никому не говорил, даже маме.

— Я понимаю, Славка. Я никому не скажу...

Они собрались домой.

— Позвонишь сегодня? — спросил Тим.

— Конечно. А ты в ванне опять не засядешь?

— Не засяду. Славка, знаешь что? Если ты когда-нибудь позвонишь, а меня дома не будет, можно Валентине передать флаграмму.

— Что?

— Письмо по трехфлажному «Своду». По нему любые фразы можно составить. Валентина их напечатает, а разбирать она не умеет. Получится секретное сообщение. А если даже я дома, тоже можно секретное сообщение передать.

— А зачем, Тим?

— Мало ли что! Вдруг надо по секрету что-то сообщить, чтобы никто посторонний не понял!

— Тогда мне книга нужна, чтобы сигналы составлять.

— Конечно! Ты второй том возьми себе, а первый, для разбора, будет у меня.

Славка обрадовался:

— Давай сейчас забежим к тебе за книгой!

Мама в этот вечер была хмурая. Может быть, получила письмо из Усть-Каменска? Или ее рассердила Славкина случайная тройка по ботанике? Мама сказала, что если Славка целыми днями будет где-то болтаться, это кончится печально.

Чтобы не наклепать лишних печалей, Славка поскорее сел за уроки. Их много задали, и он просидел до темноты.

Пора было бежать к телефону.

Славка придвинул к себе синий том «Свода».

Какую флаграмму составить для Тима? Надо передать что-то важное. То, что не скажешь просто так... Или то, что не решается сказать? «Тим, мы одной крови — ты и я...»

Может быть, в самом деле?..

Славка открыл книгу на букве «м». «Мы»... «Кэбек — Фокстрот — Оскар».

Теперь слово «один». Вернее, «одинаковый», это ближе по смыслу... «Фокстрот — Сьерра — Зулу».

«Кровь»... «Чарли — Bravo — Зулу»...

Слова «ты» в книге не нашлось. Международный свод сигналов требовал безукоризненной вежливости. Ладно, Тим поймет.

«Кэбек — Янки — Лима»... «Браво — Браво — Эхо»... «Хотэл — Джулиэт — Индия»...

Линия трехбуквенного шифра вытянулась на листке. Но это были не буквы. Это хлопали на ветру пестрые праздничные флаги. Это был их с Тимом тайный сигнал.

— Мама, у тебя найдется две копейки?

— Опять к телефону! Тим наверняка уже спит! Одиннадцатый час.

— Он не спит!

— У меня нет двух копеек.

У бабы Веры их тоже не нашлось. И гривенника не было.

Славка чуть не заплакал:

— Ну, дайте мелочи, я разменяю в дежурном гастрономе!

— Еще не хватало! — сказала мама. — Ночью бежать за пять кварталов! Ложись-ка спать.

Славка знал: если у мамы такое настроение, с ней спорить бесполезно. Он сделал вид, что ему срочно необходимо на двор, и кинулся к телефонной будке.

Может быть, повезет, как в первый раз?

Нет, не повезло, хотя Славка общарил в будке весь пол, все уголки. Он пробовал позвонить без монетки, но, конечно, ничего не вышло. Славка беспомощно посмотрел на телефон.

А в будке было все привычно и знакомо, словно он и не уходил отсюда с позавчерашнего дня. Словно до этой минуты шел у них с Тимом долгий-долгий разговор. И вдруг оборвался. И Славка не успел сказать всего, что хотел.

«Тимсель — ты парус...»

«Славка... а какой я парус?»

«Тим, ты замечательный парус. Парус огненного цвета. Их ставят на спасательных судах, такие паруса, чтобы видно было издали...»

«Разве я спасатель?»

«Да, Тимсель».

«Потому что хотел спасти «Сатурн»?»

«Потому что ты спас меня. Я думал, у меня никогда не будет настоящего друга... Была только Анята, но она большая была, а я маленький. И она ушла... Тим, ты никуда не уходи! Я все время боюсь: вдруг что-нибудь не так скажу или не так сделаю, а ты обидишься. Или вдруг я тебе надою. Тим... ты все равно меня не бросай. Я уже не смогу один... Тим, это не скажешь флаго-

граммой. В трехфлажных сигналах даже нет слова «друг». И я все равно не решусь тебе сказать про это ни сигналами, ни словами.

Тим, ты для меня как Город, как море... Как мама. Потому что без тебя я не смогу жить так же, как без них...

Тим, ты не сердись, что я не позвонил, ладно?

Спокойной ночи, Тим...

До завтра, Тим!»

Тим примчался в восемь часов утра.

— Ты почему не позвонил?

Славка с суровым упреком глянул на маму и рассказал Тиму, как было дело.

— Ты, Тим, не обижайся...

Когда шли в школу, Тим спросил:

— Артемка с тобой?

Славка хлопнул по портфелю.

— Давай вытащим, — попросил Тим.

Они извлекли Артемку на свет и ухватили за уши. Артемка обрадованно заболтал растопыренными лапами.

И тут Славка сказал слова, в которых уместились все неотправленные флагограммы и вчерашний молчаливый разговор у телефона. Он сказал:

— Тимсель, хочешь, это будет наш общий Артемка?

Тим просиял.

ДЕНИС И ВАЛЕНТИНА

Шли дни. Летние, хорошие. Почти без огорчений. Только мама порой тревожила Славку. После очередного письма или телеграммы из Усть-Каменска она ходила то задумчивая, то раздраженная. Но Славка прогонял тревогу. Все равно они не уедут! Об этом даже думать смешно. Куда он денется от Города, от моря, от Тима?

И от школы...

В этой школе Славка будто все годы учился, а не две недели. Его даже успели выбрать в редколлегию. После заметки про Артемку Люда сказала, что у Славки журналистские способности...

В субботу Люда предупредила:

— Скоро будет линейка, ты про нее напиши.

Линейку объявили после четвертого урока. Все классы выстроились во дворе. На середину вышли директор Юрий Анд-

реевич, завуч Мария Павловна, а с ними майор милиции, похожий на Тараса Бульбу.

«Что-то случилось», — подумал Славка.

Но директор начал говорить о самых обычных делах: о том, что пятый «Б» неплохо подежурил на этой неделе; о том, что санитарная комиссия разваливает работу; о том, что совету дружины пора взять на себя подготовку ко Всесоюзной радиолинейке, а не взваливать это дело на классных руководителей.

В конце речи Юрий Андреевич сказал:

— Теперь еще один вопрос. Пусть выйдет сюда первоклассник Денис Васильченко.

«Ого...» — с опаской подумал Славка.

Наездник вышел. Видно, не хотелось ему идти. Брел он, понурив голову. Остановился в пяти шагах от директора.

— Ближе, ближе, пожалуйста... Ну, Денис, что же было в прошлый вторник?

Денис переступил своими белыми сандалетками, помолчал и заревел:

— Я его только один раз стукнул! Он сам... Я же извинился...

Юрий Андреевич испуганно оглянулся на завуча. Мария Павловна быстро села перед Динькой на корточках.

— Денис, Денис! Что ты! Ну-ка перестань, никто тебя не ругает...

Юрий Андреевич смущенно заговорил:

— Тут недоразумение. Речь не о том, что Васильченко стукнул кого-то... Тем более что он извинился. Дело в том, что во вторник Денис Васильченко помог предотвратить аварию. Один шофер оставил на улице грузовик с металлоломом, а тормоза оказались неисправными. Машина стала потихоньку двигаться назад, под уклон. Представляете, что она могла натворить, если бы набрала скорость? Денис проходил мимо, увидел такое дело и тут же сунул под заднее колесо сумку с капустой и картофелем... Ты с рынка шел, Денис?

Денис хмуро пробормотал:

— От дедушки.

— Молодец... — продолжал директор. — Грузовик шел еще очень тихо, сумка его на минуту задержала...

— Люблю капустные шницели, — прошептал Славке Женька Аверкин.

Однако Славке было не до смеха.

— ...А Денис побежал и позвал морской патруль, который проходил недалеко, — закончил Юрий Андреевич.

Усатый майор открыл папку и неожиданно тонким голосом сообщил, что Денис Васильченко за смелость и находчивость награждается грамотой от имени городской автоинспекции.

Все захлопали, но торжественности не получилось: аплодисменты были вперемешку со смехом. Всех развеселило, как перепуганный Наездник пустил слезу.

Майор вручил насупленному Диньке грамоту и пожал руку. А Мария Павловна сказала:

— Ступай, Денис, в строй, ты молодец. Только старайся больше никого не стукать. По крайней мере, без причины.

— А я не без причины. Я его за дело, — мрачно объявил Денис.

— Тогда зачем же ты извинялся?

— Тамара Алексеевна велела.

По рядам прокатился хохот... После линейки Славка сказал Тиму:

— И про эту комедию я должен писать заметку.

— А ты не пиши про линейку, — посоветовал Тим. — Расскажи, как он машину остановил, вот и все. «Подвиг первоклассника».

— Тим, ну их к черту, такие подвиги, — озабоченно сказал Славка. — Он же сам под колеса мог сыграть. Вместо сумки...

— А что ему было делать? — возразил Тим. — Стоять и смотреть, как машина ход набирает?

Славка поморщился.

— Да нет, он все правильно сделал. Но обидно же: из-за взрослых дураков такие, как Динька, головой рискуют. Один тормоза не закрепил, другой еще что-нибудь не так... вроде того сторожа на стройке... А потом приезжает мать, спрашивает: «Где мой Динька?» — «Ах, извините, его нет, он подвиг совершил...» Весело?

— Уж куда веселее, — согласился Тим. — А где Динькина мама? Она уехала?

— Он говорил, что в командировку... Она какие-то аппараты на разных заводах налаживает... А он, обормот, на продленку ни за что не хочет ходить. Вроде как я в детский сад. Раньше за ним соседка смотрела, а теперь он у деда живет. А дед, кажется, старый и глухой. Динька что хочет, то и делает.

— Валентина тоже забастовала, — пожаловался Тим. — Заявила, что уволится из дetsада. Сидит дома и читает «Робинзона Крузо». Ничего себе дошкольница, да?

— Почему вы ее в школу не записали?

— Мама спрашивала — сказали, что рано. Ей только в январе семь лет исполнится.

— Так и будет весь год сидеть дома?

— Ох, не знаю... Славка, давай их познакомим! Вальку и Дениса!

— Думаешь, польза получится?

— Хуже не будет. Ей веселее, а Диньку она, может, к рукам приберет. Он меньше бродяжить станет... И тебе спокойнее. А то, я смотрю, ты из-за этого Наездника землю копытом роешь.

Славка слегка покраснел.

— Раз в лошади попал... Лошадь всегда о наезднике беспокоится.

— Если хорошая лошадь...

— Иго-го! — согласился Славка. — Пошли искать героя. Мне еще надо подробности узнать. Писать-то придется, хочешь не хочешь. Раз поручили...

В столовой, где обедал первый класс, Наездника не было. И никто не знал, где он. Даже молоденькая Тамара Алексеевна, которая, видимо, раскаивалась, что напрасно заставила бедного Дениса извиняться.

Нашли Диньку в закутке между школьным гаражом и забором. Он сидел на перевернутом ведре и через бумажную трубу разглядывал свои белые сандалетки. Очень внимательно. Будто хотел понять, почему они такие пыльные и потрескавшиеся и почему там, где большие пальцы, появились грязно-серые бугорки.

Другим, не занятым трубой глазом Динька настороженно глянул на Славку и Тима. Глаз был мокрый и красный.

— Нашел где сидеть... — сказал Славка. — А это что? Ему на граду дали, а он из нее телескопы делает. Ну-ка, убери грамоту в ранец... Дай я распряму.

Динька отдал грамоту и раскрыл ранец, а сам все смотрел в землю.

— Надо в альбом положить, чтобы разгладилась, — посоветовал Тим.

Динька, не глядя, протянул альбом для рисования. Тим открыл его и удивился:

— Смотри-ка! Это ты рисовал?

Динька на секунду скосил в альбом влажные глаза.

— Я...

На рисунке была баррикада — не то из мешков, не то из крупных булыжников. Из-за баррикады торчала старинная чер-

ная пушка. Из пушки вырывался желто-красный огонь и синий дым. На баррикаде рядом с огнем и дымом стоял лохматый мальчишка, в руке его дымился факел для запала.

— Здорово, — сказал Тим.

Славка согласился. Мальчишка был, пожалуй, слишком тонконогий и длинношей, но лицо хорошее, смелое. Он что-то кричал: наверно, командовал. Позади мальчишки было голубое море и много парусных кораблей. Они тоже палили — из всех пушек. Некоторые шли ко дну...

Конечно, Динька был не такой умелый художник, как Женька Аверкин. Зато очень старательный.

Славка спросил:

— Динь, ты это про что нарисовал?

Наездник поцарапал сандалеткой асфальт и нехотя объяснил:

— Нам про этого мальчишка Тамара Алексеевна рассказывала, его Колей звали. А фамилию не помню. Это давно еще было, когда война с французами. У него отца убили, а он тогда сам стал вместо него... Стрелял из пушки.

— Из мортиры, — сказал Тим.

— Ну, из мортиры... А потом мы про него рисовали.

— Отлично нарисовано, — похвалил Славка. — Только знаешь... он у тебя какой-то немножко слишком современный получился...

Юный артиллерист был в желтой рубашке с погончиками, в ярко-синих шортиках с модными косыми кармашками и в кедах, у которых Динька не позабыл прорисовать даже рубчики вокруг подошв.

— А какого надо? — слегка ревниво спросил Динька.

— Ну... — начал Славка и перехватил укоряющий взгляд Тима. Торопливо сказал: — А в общем-то, правильно. Они почти такими и были, те ребята... Ты почему не пошел обедать?

Наездник опять насупился. Моментально.

— Не хочу.

— Врешь, — сурово сказал Славка. — Ты боишься, что будешь смеяться. А никто не будет...

— Ага, не будет! Вон как гоготали на линейке!

— Линейка давно прошла, — сказал Тим. — До вечера, что ли, будешь тут прятаться? С голоду помрешь. И так уже совсем тощий.

— А ты конопатый! — огрызнулся Наездник.

— Денис! — рявкнул Славка. — Вот как дам по шее. И даже извиняться не буду...

Наездник дерзко хмыкнул.

— Не надо по шее, — примирительно сказал Тим. — Не хочет в столовую — пойдем к нам. Валентина покормит.

— Никуда я не пойду, — ошетинился Динька. Видно, ему было неловко за «конопатого».

— Пойдешь, — сказал Славка.

Они с Тимом надели на Диньку ранец. Потом ухватили строптивного Наездника за руки.

— Поехали!

Динька уперся. Они его потянули. Динькины подошвы заскребли по асфальту. Он в самом деле поехал. Сначала он сердито сопел. Потом посмотрел на Славку, на Тима и засмеялся.

Когда пришли, Тим сказал:

— Валентина! Это Денис. Его надо покормить. Нас тоже.

Валентина со спокойным интересом посмотрела на Диньку и сообщила, что его она покормит, а Тима и Славку не станет. Пускай сначала съездят на рынок за помидорами и кабачками. Дом доведен до полного опустошения: не из чего приготовить ужин.

— Кошмар какой-то, — жалобно сказал Тим. — С тех пор как она сидит дома, началось сплошное тиранство... Ты со мной съездишь?

Славка любил бывать на рынке. Там было так интересно: разноцветно и празднично. Под навесами лежали на прилавках груды помидоров, лиловых баклажанов, розово-серых гранатов, оранжевого перца. И целые горные хребты груш и яблок. И прозрачно-зеленые россыпи винограда. А по углам хитроватые старики и бабки продавали неожиданные и удивительные вещи: живых пестрых попугаев, рисовые веники с узорными ручками, разноцветные корзины, сделанных из плоских ракушек лягушат и чертиков, покрытые лаком раковины-рапаны, крабьи клешни на цепочках и целые чучела крабов.

А как-то раз надутая краснолицая тетка продавала за два рубля живого краба. Он тихо шевелил клешнями и безнадежно поглядывал на покупателей черными шариками-глазками на стельках.

— Зачем такой? — спросил какой-то строгий мужчина. — Для чего он годен?

— А хоть для чего! — оживленно объяснила тетка. — Хотите — сварите на закуску, а хотите — чучело сделайте, оно дешевле обойдется, чем готовое.

Славка и Тим насобирали по карманам рубль тридцать девять копеек и за эту сумму сторговали краба. Они отпустили его с бетонного блока недалеко от памятника кораблям, погибшим в Первую оборону. Сначала краб мертво шлепнулся на дно.

— Довели человека, — горестно сказал Тим.

Но краб полежал, шевельнулся и боком пошел в расщелину среди камней.

— Один-ноль в нашу пользу! Да здравствует охрана животного мира! — возликовал Славка...

В общем, рынок был интересным местом. Он тоже был частью Города, и Славка обрадовался, когда Валентина погнала туда его и Тима. Домой Славка не спешил. Мама была занята на какой-то, пока временной, но сложной работе в библиотеке, а бабу Веру он предупредил, что задержится у Тима. Когда уходили, было слышно, как на кухне Валентина командует Денисом:

— Иди мой руки, а потом нарежь хлеб. Надеюсь, это у тебя получится? Очень хорошо. А то я просто поражаюсь, какими беспомощными бывают иногда мужчины.

ТРОЕ НА ПЛОЩАДИ

Славка и Тим поехали по кольцевому маршруту: это дальше, но зато в троллейбусе свободнее. Троллейбус шел над Малой бухтой, где стоял вспомогательный флот и гидрографические суда. С высоты видны были белые рубки, трубы с голубыми полосами, желтые солнечные палубы и тонкая паутина антенн.

— Я, когда первый раз увидел столько кораблей, просто обалдел от радости, — признался Славка.

Тим сказал:

— Папин «Пеленг» тоже здесь стоит, когда приходит из рейса. Они в ноябре вернутся. Мы туда пойдем, он все покажет. Знаешь, как у них здорово!

Славка улыбался. Столько радостей ждало его еще в Городе!

Лишь одна досада грызла иногда Славку: где-то недалеко были яхты и паруса, а он вел береговую жизнь. Когда белые крылья скользили по синеве рейда, к Славке подкрадывалась тоска. Но не мог же он идти во флотилию без Тима! И Славка уговаривал себя, что все еще впереди, все как-нибудь наладится...

Они вышли на главной площади у старинной Адмиральской пристани с белой колоннадой и мраморными львами. Бронзовый адмирал Нахимов спокойно смотрел на Город. Над площадью разносились размеренные звуки шагов. Это шел пионерский караул. Ребята лет четырнадцати в матросской форме, в белых пилотках, с черными десантными автоматами. Два мальчика и три девочки. Они шли на смену к городскому мемориалу, где на плитах из красного гранита были перечислены все военные части и корабли, защищавшие город в последней войне.

— Четко идут, — с легкой завистью сказал Славка.

— Ничего, — согласился Тим. — Только девчонок я бы в караул не пускал.

— Почему? Всякие бывают девчонки. У меня Анютка знаешь какой капитан была!

Тим упрямо сказал:

— Анютку я не знаю. Если капитан — другое дело. А эти с бантиками. Бантики и автомат! Если заряженный дать, они и выстрелить не сумеют.

Славка промолчал. Он не имел ничего против девчонок. Такие же люди. Даже с Любкой Потапенко у него вроде бы наладились отношения. Потому что она подошла недавно и без всяких ужимок сказала: «Семибратов, ты меня извини за Артемку». Славке что? Он сказал: «Да ладно, пустяки...»

Славка и Тим прошли площадь и зашагали вдоль решетки Приморского бульвара.

Тим вдруг спросил:

— Знаешь, сколько в Городе памятников?

— Всех-всех? И Первой, и Второй обороны?

— И еще революции...

— И танки, и катера считать, которые на земле стоят, и все обелиски?

— Конечно.

— Я же весь Город не знаю, — сказал Славка. — Наверно, больше ста.

— Больше трехсот. А точно, по-моему, никто не знает. Зато одно совсем точно: ни одного памятника нет... знаешь кому?

— Ребятам... Да?

Тим кивнул и сердито шелкнул себя по ноге пустой авоськой.

Славка сказал:

— Я знаю, ты про это подумал, когда Динькин рисунок увидел. А потом когда караул шел...

— Я об этом и раньше думал. А сегодня опять... Тому парнишке, которого Динька нарисовал, памятник, может быть, поставят. Он знаменитый. А сколько было незначительных... Пули в земле собирали для штуцеров, воду на бастионы носили под обстрелом...

— Я читал. Полегло их сколько...

— А в последнюю войну еще больше... Знаешь, Славка, по-моему, надо тем и другим поставить один памятник.

— Общий обелиск?

Тим опять шелкнул авоськой.

— Обелиск не надо. Они все какие-то одинаковые... Если бы я умел, я бы нарисовал, как я хочу.

— А ты расскажи.

— Ну, понимаешь... Надо, чтобы просто мальчишки. Из камня или из металла, совсем небольшие. Чтобы как живые. И невысоко совсем. Может, прямо среди травы. Там у стены камни, а между ними трава...

— Где?

Тим замаялся, сбил шаг, но потом посмотрел на Славку прямо. И тихо сказал, не опуская глаз:

— На площади Карронад.

— А где такая?

— А такой нет. Я придумал.

Это было непонятно. Славке стало даже чуточку обидно, словно Тим что-то скрывал. И Славка проговорил с упреком:

— Придумал... А рассказал, будто все по правде. Камни, трава...

Тим как-то задумчиво улыбнулся:

— Я название придумал. А площадь есть... Ну, может быть, не площадь, а так, пустырь. Такой широкий перекресток. Но там хорошо.

В этом была загадка. Еще одна тайна Города. И тайна Тима.

Славка нерешительно спросил:

— Покажешь?

Тим сказал:

— Это недалеко от рынка, на горе. Если хочешь, можно сейчас.

Они поднялись по лестнице, которая вела вдоль крепостной стены с бойницами. Наверху Тим провел Славку по кремнистой

тропинке мимо белого забора и маленьких тонких кипарисов. «Кипарисы-мальчишки», — почему-то подумал Славка.

Они свернули за угол и оказались на широком месте.

Действительно, не то перекресток, не то пустырь. А скорее всего — маленькая площадь, потому что земля была вымошена старыми стертymi булыжниками.

И росла между камнями высокая трава с зонтиками желтых цветов.

Кругом — знакомая картина: небольшие белые дома, тополя и акации. Справа дома расступились, и видно, что склон уходит к нижней улице, за которой синее Орудийная бухта.

Словно охраняя этот спуск, поднялись в одном месте остатки желтой крепостной стены. Такие же, как у лестницы. Наверно, в прежние времена здесь был один из бастионов крепости.

Было здесь безлюдно и солнечно, и большие белые облака висели над площадью. Круглые, как надутые паруса...

Славка сказал шепотом, как в тихом незнакомом доме:

— Хорошее место... Я сколько раз рядом ходил, а не знал, что здесь такая площадь.

Тим показал на маленький двухэтажный дом:

— Вон там я раньше жил. Пока на новую квартиру не переехали... Мы тут играли с ребятами, по вечерам салют устраивали.

— Какой салют?

— У нас железное кольцо было, тяжеленное — звено от якорной цепи. Мы встанем со всех сторон — и давай его друг другу кидать, чтобы по камням рикошетило. Оно звенит, а от камней искры сыплются. Красиво так... И вообще хорошо.

Славка почувствовал: Тим не просто рассказывает, он чем-то дорогим делится. Так же, как Славка, когда рассказывал про Покровское озеро и про Артемку.

— Тим... — осторожно спросил он. — Ты сюда, наверно, часто ходишь?

— Иногда...

— А почему такое название — площадь Карронад?

— Ты знаешь, что такое карронады?

— Знаю, конечно. Пушкин корабельные. Они корпуса не пробивали насквозь, а разрушали внутри.

...Славка читал про эти пушки много раз. А недавно увидел одну собственными глазами. Был пустой урок, и Славка решил прогуляться до бастионов на Историческом бульваре. Прихватил с собой Наездника, который без дела болтался на школьном

дворе. На бастионе никого не было, над брустверами стояла сонная трава с пушистыми, как у одуванчиков, головками. Их неподвижные тени лежали на тускло-черных туловищах орудий.

Орудийные лафеты были ненастоящие, их отлили из чугуна, когда восстанавливали бастион. Зато сами пушки — это действительно пушки. Боевые. Не раз они качались на деревянных палубах старых линейных кораблей, а потом отсюда, с укреплений, посылали картечь и ядра в густые колонны атакующего врага...

Славка хотел не спеша пройти от орудия к орудию, но Динька, верный своей кавалерийской привычке, лихо гикнул и с разбега оседлал толстый, как железная бочка, орудийный ствол. Тут же взвыл и скатился на землю.

— Ты что? — перепугался Славка.

— «Что!» Потрогай!..

Славка ладонью коснулся орудия. Ого! Солнце, оказывается, разогрело пушку, как чугунную печку. «Будто после стрельбы», — подумал Славка, а Диньке сердито сказал:

— Прыгаешь очертя голову! Вот и поджарился.

Динька виновато пританцовывал, прижимая к «поджаренным» местам растопыренные ладошки. Славке стало жаль его, и он заговорил помягче:

— Смотри-ка, здесь надпись. Я раньше и не замечал...

— Тут не по-нашему...

— Написано «Саггон». Это был пушечный завод в Шотландии. Пушки они всему свету продавали, специально для кораблей.

— Если для кораблей, зачем она здесь? — насупленно спросил Динька. В его голосе так и звучало: «Забралась не на свое место, да еще жжется...»

Славка серьезно сказал:

— Когда враги навалились, было, наверно, некогда выбирать. Все пушки с кораблей пошли на бастионы...

Славка наклонился и глянул вдоль ствола. Ему захотелось представить, как на бастион движутся плотные шеренги английских пехотинцев в красных мундирах и зуавов в синей униформе и малиновых фесках. Динька пристроился рядом и тихо дышал у Славкиной щеки. Видно, он перестал обижаться на карронаду и тоже думал об атаке и залпах.

Но не было ни штурма, ни стрельбы. Стояла тишина, только трещали кузнечики. Так же, как сейчас, на площади Карронад...

— Хорошее название, — сказал Славка Тиму.

— Мне это слово нравится — «карронада», — сказал Тим. — Ну, и вообще, говорят, эта площадь с пушками связана. Во время Первой обороны, когда укрепления строили, сюда орудия с кораблей свозили, а отсюда уже везли на бастионы.

— На такую высоту затаскивали?

— Зато дальше удобно везти. А сюда, наверно, была дорога от Орудийной бухты... А может, и не так было... Но если и не так, здесь, по-моему, все равно стояли пушки. Вот и стена оборонительная...

— Ты хотел, чтобы памятник у стены стоял, да?

Тим серьезно кивнул и подвел Славку к стене. Она была сложена из больших каменных блоков, на которых сохранились выбоины от пуль. В узких бойницах синело небо. На разрушенной верхней кромке росли кусты.

— Вот здесь... — тихо проговорил Тим. — Они бы стояли вдвоем и за руки держались. Будто собой стену защищают. А за стеной — весь Город... А они будто не из разных времен, а вместе. Потому что Город один и тот же. Ну, я не знаю, как объяснить.

— А чего объяснять, — сказал Славка.

Он их как наяву увидел. Только не из камня и не из металла, а живых. Один — широкоскулый, курносый, в широкой холщовой рубашке, старинной большой бескозырке. Другой — чуть повыше, темноволосый, строгий. Держит за ремешок снятую каску. На плече тельняшка разорвана — большая, не по росту тельняшка...

А потом — будто даже неожиданно для Славки — подошел третий. Чуть повыше Диньки, чуть пониже Тима. В голубой школьной рубашке, с помятым ранцем на одном плече. Тоненький и угрюмый. Исподлобья глянул на Славку. Встал чуть в стороне от тех двоих.

— Тим, — сказал Славка. — Неправильно, если только двое. Такие, как Андрюшка Илюхин... Они ведь тоже погибли из-за войны... — Он хотел объяснить и не мог подобрать слова.

С давних пор Славка научился чувствовать неумолимость математических законов. Еще тогда, когда неотрывно следил за движением костяных шаров по бильярдному сукну. И сейчас он хотел объяснить, что во всем виновата жестокая математика войны. Если лежат в земле густки тротила и гремучей ртуть в ржавых оболочках, на них все равно кто-нибудь наткнется. Рано

или поздно. И чаще всего натываются маленькие и любопытные — те, кто ближе к земле и к траве; те, кто ошупывают коленками и локтями глинистые откосы и камни развалин; те, кто не пройдут мимо темного входа в подземелье и мимо загадочной находки. Это — тоже закон. Можно охранять, беречь, запрещать, но по беспощадному закону больших чисел на кого-то падает жребий. Не на того, так на этого. Потому что укрытые в земле снаряды — это продолжение войны. И если Андрюшка Илюхин погиб, он закрыл от смерти другого. Может быть, Диньку. Может быть, Тима или Славку. Может быть, тех ребят, которым не дал добежать до костра...

Но сказать все это Славка не сумел. Он только повторил:

— Они тоже из-за войны... Не все ведь по глупости...

Хорошо, когда тебя понимают. Тим понял сразу.

— Правильно... Почему я не подумал?.. Трое, конечно, лучше, а то несправедливо... Знаешь, Славка, в позапрошлом году какие-то малыши в подземелье провалились, где раньше минные склады были. Один семиклассник их вытащил, а сам не выбрался. Засыпало...

Славка кивнул. Потом сказал:

— А если бы не засыпало? Наверно, никто бы и не узнал. И героем бы никто не считал. А он ведь все равно как на войне. Будто тоже Город защищал... Тим, таких, наверно, тоже немало...

— Конечно...

Они постояли еще у теплой от солнца стены. Наверху в кустах ссорились воробьи. Где-то на рейде прогремела якорная цепь. Тим неловко улыбнулся:

— Мы размечтались, будто про памятник все уже решено. Будто от нас зависит...

Но Славка сказал серьезно:

— Все равно ты хорошо придумал.

— Мы, по-моему, вместе придумали, — сказал Тим. — Пошли, Славка, а то Валентина нам задаст...

Они обогнули стену, и Орудийная бухта вся открылась перед ними.

В бухту входила баркентина.

— «Сатурн»! — крикнул Тим.

И они помчались к берегу.

Баркентину тащил буксирный катер. Он вел ее к месту последней стоянки, где трехмачтовый парусник должен был пре-

вратиться из учебного судна в торговую точку треста кафе и ресторанов.

В своем последнем плавании старая, с ободранной краской на бортах, без парусов баркентина все равно была красива. На низкой набережной собрались зрители. Славка и Тим пробрались к самой воде.

— Отплавалось корытце, — послышался слева от Славки насмешливый голос.

Славка и Тим разом обернулись. Недалеко от них стояли трое курсантов и пожилой моряк с капитанскими шеvronами на погончиках светлой куртки.

Капитан коротко глянул на курсанта с гладким красивым лицом.

— О любом судне следует говорить уважительно, курсант Вересов.

Вересов, видимо, смутился и поэтому сказал излишне громко:

— Это если о судне, товарищ старший воспитатель. А «Сатурн» уже не судно, он без флага. Он теперь плавучая танцплощадка.

— И вы говорите об этом с удовольствием...

— Никак нет. Я просто отражаю объективную истину.

«Дурак», — подумал Славка.

Другой курсант, совсем юный, похожий на восьмиклассника, почему-то засмутился и спросил:

— Дмитрий Георгиевич, а правда, что какой-то пацан хотел перерезать швартовы у «Сатурна» и грохнуть его о камни?

Капитан кивнул:

— Да, я слышал.

Вересов усмехнулся:

— Представляю, как папаша порол этого юного флибустьера...

Славка взорвался:

— А ты!.. Сам-то... Только форму носишь! Попробовал бы ночью при шести баллах на марс подняться, чтобы фал протянуть! Весь день потом клеши сушил бы!

К Славке обернулись: и курсанты, и капитан, и вообще все, кто был рядом.

Вересов снисходительно сказал:

— Юноша, с вами не разговаривают. А что касается моих клешей, не беспокойтесь. У меня первый разряд по альпинизму.

— А по уму четвертый, детсадовский, — рубанул Славка.

Кругом засмеялись. Тим осторожно дернул Славку за рукав. Капитан с короткой усмешкой сказал Вересову:

— Видите, подрастающее поколение не нашло с вами общего языка.

Вересов с вкрадчивым нахальством спросил:

— Товарищ старший воспитатель, разрешите вопрос... Вы, кажется, одобряете того пирата, который хотел затопить «Сатурн»?

Дмитрий Георгиевич опять усмехнулся и наставительно произнес:

— Курсант Вересов, вы могли заметить, что действий, идущих вразрез с уставами морской службы, я никогда не одобрял...

— По крайней мере, вслух, — негромко добавил третий курсант — горбоносый и курчавый.

— Курсант Гальченко... — сказал капитан. Впрочем, без особой строгости.

Тим опять дернул Славку за рукав.

— Пойдем, — попросил он каким-то виноватым шепотом. — Пойдем, Славка.

И они ушли с набережной. Славка все оглядывался, а Тим смотрел под ноги...

У самого входа на рынок их окликнули:

— Мальчики! Сбавьте скорость! Я за вами от самой набережной бегу!

Их догоняла удивительно большая девушка. Высокая и толстая. Несмотря на тепло, она была в полосатом свитере, похожем на старинную матросскую фуфайку.

«Боцманша какая...» — подумал Славка.

Они с Тимом остановились.

— За вами не угонишься, — сердито сказала «боцманша». И выпуклыми синими глазами внимательно посмотрела на Тима. — Я про тебя слышала. Я тебя давно ищу. Это ты хотел перерезать швартовы?

Славка ошетинился: что ей надо?

Тим встал, как на совете дружины. Опустил голову.

— Вы из детской комнаты?

— Я из детской парусной секции при Доме культуры Вторчермета. Заместитель начальника базы. Пойдешь в матросы?

У Славки екнуло сердце. А Тим, не поднимая головы, сказал:

— Нет.

«Ботманша» обиделась:

— Это почему?

— Мы только вдвоем, — сказал Тим и взял Славку за руку.

«Ботманша» оглядела Славку с ног до головы и серьезно сказала:

— Кто же спорит...

ВИНДЖАММЕРЫ

В конце сентября выдалось несколько прохладных дней. Но что значит «прохладных»? Градусов двадцать тепла. По утрам перепали дожди — тоже не холодные, летние. Пошелкают по виноградным листьям, позвенят о перевернутое корыто, прибьют пыль на кремнистых тропинках... К полудню облака разбегались и небо опять становилось праздничным. Однако мама волновалась за Славку:

— Ты забываешь про свои гланды. Сколько можно шеголять в летней одежде?

Но Славка не хотел идти с мамой в магазин. Он был немного суеверен. Ему казалось, что, если они купят школьный костюм (такой же, как в Усть-Каменске), мама скажет однажды: «Вот что, Славик, погостили и хватит. Все это было несерьезно. Пора возвращаться *туда*».

Славка уговаривал себя, что опасения эти — пустые. Мама же обещала! Поэтому страх был маленький, дремлющий. Но он был постоянный. Славка видел, что мама недовольна. Затягивалось дело с выпиской-пропиской, поэтому и работа у мамы была временная. Кажется, не нравилось маме и то, как устроена жизнь в доме: туалет во дворе, умывальник и водопровод — тоже, вместо удобного серванта и шифоньера скрипучие пыльные шкафы пенсионного возраста...

А тут еще эти письма! Они приходили из Усть-Каменска почти каждый день. Сначала мама рвала их, а потом стала прятать в сумочку...

Нет, не было у Славки полного спокойствия. Он даже, чтобы умиловать судьбу, отыскал и надел на Артемку второго «куриного бога». А о школьной куртке и брюках он даже думать не хотел. В летней форме, обветренный, успевший загореть под сентябрьским солнцем, он чувствовал себя частью Города. Не оторвать!

В самом деле, не повезут же его в рубашке и коротких штанах в холодные края...

— Уже все мальчики ходят в костюмах, — убеждала мама.

— Не все, — упрявился Славка. — Тим не ходит. Он говорит, что еще будет жарко.

— Я уверена, что Тим в свою очередь ссылается на тебя.

— Тим ни на кого никогда не ссылается. Он самостоятельный.

— Это правда. И он, по крайней мере, всегда выглядит аккуратно. А ты свою рубашку и шорты скоро превратишь в лохмотья.

— А ты купи еще одни.

— Можно подумать, что я сама печатаю деньги!

Разговор услышала баба Вера. Сказала маме:

— О чем вы говорите, Леночка! Неужели я Славушке одежду не куплю?

Мама незаметно поморщилась, а Славка остался доволен.

— Баба Вера, постарайся, пожалуйста, чтобы рубашка была темно-синяя. Нам надо для формы.

— Вячеслав, — сказала мама, и Славка сделал вид, что смутился.

А баба Вера вдруг весело, совсем не по-старушечьи, ему подмигнула.

Когда мама ушла, Славка шепотом попросил:

— Баба Вера, а морской ремень можно? Два. Мне и Тиму. Ребятам в военторге не продают, а тебе дадут, ты ветеран...

В тот же вечер Славка пришел на рукав черный треугольник с золотым якорем и двумя маленькими звездочками для погон. На погончики рубашки Славка тоже поставил золотые якорьки. Баба Вера распоролла и сделала пошире петли на новеньких шортах, чтобы входил матросский пояс. Это была форма «винджаммеров», а звездочки — знак командира яхты.

Когда Славка пришел в этой форме в школу, Женька Аверкин сразу все понял.

— Записался? В парусную?

Славка кивнул. Женька сказал со вздохом:

— Вы с Тимом счастливые... А я ушел из флотилии. Две недели подряд только маршировать учат. Рулевые-сигнальщики... Я в художественную студию пойду во Дворце пионеров.

Славка почувствовал себя вроде бы виноватым перед Жень-

кой. Такое ощущение вины приходило к нему уже не в первый раз. И чтобы прогнать его, Славка спросил:

— Нарисовал что-нибудь новое?

— Конечно. Я каждый день...

— Покажешь?

Женька обрадованно полез за альбомом.

Славку вдруг будто толкнуло:

— Жень... Ты только с натуры рисуешь или можешь фантазировать?

Женька смутился:

— Не знаю... Смотря что...

— А ты когда-нибудь рисовал памятники?

«Боцманшу» звали Настя. Во время первой встречи она объяснила, как ехать до спортивной базы, и сказала, чтобы Славка и Тим приезжали в воскресенье с утра.

Они добирались около часа. Сначала катером через Большой рейд, потом на автобусе вдоль Северного берега. Почти до конца бухты. Зато база им сразу понравилась: аккуратные пирсы, сигнальная мачта с настоящего морского охотника, новый белый домик и большая вывеска:

*ЮНОШЕСКАЯ ПАРУСНАЯ СЕКЦИЯ
«ВИНДЖАММЕР»*

«Виндjamмер» значит «выжиматель ветра». Так называли самые быстрые парусные суда — сначала клипера, а потом громадные стальные барки и фрегаты.

На пирсах базы стояли «кадеты». Десяток новеньких, пластмассовых и три старых, с обшарпанными фанерными бортами.

Но оказалось, что секции в полном смысле еще нет. Потому что не было людей. Базу недавно оборудовали, и Настя подбирала экипажи. А подбирала она не спеша. Не хотела, чтобы записались случайные люди, такие, кто сбежит через несколько дней, испугавшись трудностей морской науки. Настя показалась Славке чем-то похожей на Анюту.

Начальником базы был высокий лысоватый дядька с недольным лицом и шевронами старшего помощника капитана. Игорь Борисович. Когда Настя привела Славку и Тима, он посмотрел на них вполне равнодушно, а на свою заместительни-

цу — почему-то насмешливо. Записал в толстый журнал фамилии и сообщил:

— Занятия с пятнадцатого октября. Осенью и зимой пройдет теорию, с апреля — на воду. Есть вопросы?

У Славки были вопросы. Он набрался смелости:

— А в этом году... нельзя на воду?

Игорь Борисович не удивился и не рассердился. Но и не обрадовался. Без всякого выражения спросил:

— Имеете опыт?

Славка кивнул на Тима:

— Вот он ходил на «эл-шесть»...

— Два раза, — честно сказал Тим.

— А ты?

Славка, волнуясь, достал свое удостоверение. Это был, наверно, не очень законный документ — Славке явно не хватало возраста. Но все же на плотном сероватом листке было отпечатано, что «Вячеслав Семибратов сдал необходимые зачеты по морской практике и судовождению и, на правах яхтенного рулевого третьего класса, может водить яхты с парусностью до 12 кв. м в дневное время». Стояла круглая печать ДСО и подпись старшего тренера.

Эта бумага — все, что мог сделать для Славки бородатый Виктор Семенович, когда прощались. Наверно, начальник покровского яхт-клуба не думал, что в ближайшие годы удостоверение Славке пригодится.

Игорь Борисович молча свернул и возвратил листок. Скучным голосом сказал:

— Анастасия Евгеньевна, помогите им спустить старый «кадет». Лучше седьмой номер, он не течет. Пусть поставят паруса, пройдутся у пирса...

«Седьмой номер» показался Славке таким родным, будто неизвестными путями приплыл сюда старенький «Трэмп». Славка взялся за паруса. Он ничего не забыл за прошедший сухопутный год. А Тим просто молодец! Все схватывал с первого раза.

Здесь, в оконечности бухты, была постоянная толчея волн. Приходила с рейда зыбь, раскачивали воду катера, ветер тоже взъерошивал на воде гребешки. Все это перемешивалось, и получались невысокие, но крутые и беспорядочные волны. Они подбрасывали «кадет», и он на ходу шлепал по воде звонким днищем.

Хорошие, веселые были волны! Они совсем не мешали Слав-

ке. «Семерка» помчалась по гребешкам, как лихая, но послушная лошадка. Брызги ударили по Тиму, который сидел впереди. Тим радостно взвизгнул. А Славке захотелось сразу и петь, и плакать, и смеяться...

Когда вернулись к пирсу, толстая веселая Настя показала им большой палец. А Игорь Борисович сообщил:

— Приведите яхту в порядок и можете ходить, пока у нас набор экипажей и предварительный период... Но имейте в виду: не дальше вон той баржи. — Он показал на большую наливную баржу «Бея», которая стояла в полукилометре от пирса; ее собирались резать на металл. — Помните, что здесь не Покровское озеро. Здесь военные власти, портовое начальство, движение катеров и диспетчерская служба. Есть вопросы?

— Нет вопросов, товарищ начальник базы, — с готовностью отозвался Славка. Но когда Игорь Борисович ушел, он спросил: — Настя, а чего он такой... скрипучий какой-то?

Настя утопила в море сигарету (она целыми днями дымила, чтобы похудеть) и разъяснила:

— Он хороший человек, только неприятности у него были. Какая-то авария случилась, когда он стоял на вахте. Он старпомом был на сухогрузе. Сказали, что виноват, перевели на портовый буксир, он поругался с начальством и ушел из пароходства... Только это между нами... А раньше еще, несколько лет назад, он на «Сатурне» плавал третьим помощником, паруса знает.

Сама Настя занималась в секции крейсерского плавания, во взрослом яхт-клубе, и заочно училась в пединституте. Славке и Тиму она сказала, что будет оттачивать на них свое педагогическое мастерство.

— Сначала отучись курить, — посоветовал Славка. — Не педагог, а пароход «Саванна» в плавании через Атлантику.

— Не смей критиковать начальство, — отозвалась Настя. — Должна же я иметь хотя бы один недостаток...

Однажды Настя предложила:

— Хотите, выпрошу для вас у Игоря новый «кадет»?

— Пфу! Это мыльницы, — сказал Славка. Он не любил пластмассовые яхты, потому что в свое время их презирала Анюта.

Тим сказал:

— Нам и этот хорош. Зря, что ли, возились?

Они за четыре дня привели «семерку» в порядок: заново красили корпус, подлатали паруса. Написали на белых бортах название «Маугли».

Игорь Борисович покосился и ничего не сказал. Вернее, сказал, но не про название:

— Семибратова назначаю командиром. Есть вопросы?

На следующий день, когда Славка и Тим увлеклись и выскочили за «Бею», он вызвал их к себе.

— Я предупреждал?

— Да, — прошептал Славка и обмер.

— Как это произошло?

— Случайно, — еще тише отозвался Славка.

— Надеюсь, что не нарочно. В следующий раз за подобную случайность будете до весны сидеть на берегу. В море за случайности расплачиваются головами.

Когда они как ошпаренные вылетели от начальника, Тим сказал:

— Давай, Славка, не рисковать. Лучше спросим сначала про Диньку и Валентину, а то опять влетит.

Дело в том, что Наездник уже много раз просил покатать его на яхте. И Валентину. Вместе. Потому что он и Валентина сделались неразлучными. Динька по секрету даже сообщил Славке, что они обязательно поженятся, как только окончат школу.

«Слишком рано, — сказал Славка. — Кроме того, Валентина кончит школу на год позже, чем ты».

«Верно...» — пробормотал Динька и задумался.

Прокатить их Игорь Борисович разрешил. Только по одному и недалеко от пирса. Валентина отнеслась к морской прогулке спокойно, а Наездник даже тихо подвывал от восторга, когда «Маугли» прыгал на гребнях. А потом про все расспрашивал: про паруса, про руль, про мачту.

— А эта цепь зачем?

— Для швартовки.

Затаскивать «Маугли» на пирс Тим и Славка не могли, сил не хватало. Они оставляли яхточку на плаву. В гавани, за пирсом, где начиналось мелководье, волны не бывало, и «кадет» мог ночевать спокойно. Его пристегивали цепью к плавучему буйку, а потом вброд перебирались на берег: воды здесь было чуть выше колен.

Обзавестись цепью их заставил сторож дядя Сеня. Он сказал, что обычный пеньковый швартов ненадежен: могут проникнуть злоумышленники и угнать яхту, а он, дядя Сеня, отвечает за все здешние плавсредства. Славка и Тим сначала заспорили: откуда им тут взяться, злоумышленникам? Но дядя Сеня резонно заме-

тил, что в свое время именно так рассуждал сторож, карауливший «Сатурн».

Цепь отыскали на железной свалке рядом с «Беей». Хорошая была цепь, почти не ржавая, длиной метра два. Звенья диаметром с грецкий орех. Один конец Тим и Славка намертво закрепили на скобе форшпигеля — плоского и тупого носа яхточки. А для запора Славка попросил у бабы Веры небольшой замок с двумя серебристыми ключиками. Один ключик взял себе, другой отдал Тиму...

Тим был прав, когда говорил, что придут еще теплые дни. Тридцатого сентября, в субботу, наступила такая жара, что хоть прямо с урока беги — и головой в море. Судьба сжалилась над школьниками: из-за какой-то конференции четвертые и пятые уроки отменили. Школа наполнилась радостными воплями.

Славка и Тим запаслись в буфете бутербродами и покатали на базу. Зачем терять время?

Настя выстраивала на пирсе шеренгу незнакомых мальчишек. Те почтительно смотрели на Славку и Тима, на их якоря и нашивки.

— Мы немного пройдемся, — небрежно сказал Славка Насте. Что ни говори, а приятно быть ветераном.

Настя грустно кивнула. Славка ее понял: ей отчаянно хотелось курить, но перед новичками было неудобно.

Вместе с портфелями (в них бутерброды и Артемка) Славка и Тим перебрались на «Маугли». Подняли паруса. Ветерок был теплый и плотный. Они вышли из гавани.

— Пойдем на ту сторону? — спросил Тим.

Славка кивнул. Тим опять спросил:

— Дашь на руле походить?

— А вот возьму и не дам, — сказал Славка, — чтоб не задавал глупых вопросов.

— Виноват, товарищ рулевой третьего класса.

Славка вздохнул:

— Учю я тебя на свою голову. На будущий год получишь яхту, а где я возьму матроса?..

— Диньку возьмешь. Он в тот раз два часа канючил, просился.

— Опять заново учить. Да Игорь и не разрешит. Скажет: что за детский сад?

— Настю попросим, она его уговорит. Она на него влияние имеет. Как Валька на Дениса... Ой, чуть не забыл!

— Что?

— Можешь писать заметку «Новый подвиг первоклассника Васильченко».

Славка даже рулем дернул не в ту сторону, и «Маугли» чуть не улегся парусом на воду.

— Что еще он натворил?

— Это мирный подвиг, — успокоил Тим. — Денис Васильченко записал в первый класс Валентину Сель.

— Ты что... Серьезно? Как это?

— Очень просто. Пришел в кабинет к директору и говорит: что за безобразие! Девочка без присмотра, одна дома. Читает, пишет, считает, как отличница, а в школу не берут. Ну, Юрий Андреевич посмеялся: хорошо, товарищ Васильченко, разберемся. Позвонил нам домой. Оказывается, в первом классе неполный состав... Мама Вальку быстро сводила в школу, ей там что-то вроде экзамена устроили. А она Тамаре Алексеевне знаешь что заявила? «Я просто поражаюсь, какие наивные вопросы вы задаете...» В понедельник пойдет учиться...

«Маугли» пересек бухту. Они сменили галс и пошли от чернореченских причалов к «Бее».

— Артемку забыли посадить на палубу! — спохватился Тим. — Опять бедняга в темноте сидит.

— Зато там вкусно пахнет, — сказал Славка. — Подбери стаксель, полощет...

Прыгали волны, плясало на них солнце. Ветер кидал на встречу соленые брызги. Славка жмурился от брызг и солнечных бликов. Сквозь радужные пятна он видел желтые обрывы, один из створных маяков Большого рейда — белую башню на горе — и пассажирский катер, бегущий из города вдоль Северного берега. Кто-то помахал им с катера, но Славка не разглядел. Над «Маугли» весело носились чайки. И жизнь была замечательная.

Тим сказал:

— Динька портрет Валентины нарисовал. Знаешь, даже похоже немного...

Славка подумал о Диньке, вспомнил его альбом, рисунок с мальчишкой на баррикаде. Потом вспомнил еще один альбом...

— Тим... Не обижайся, ладно? Может, подумаешь, что я болтун... Я Аверкину про памятник рассказал. На площади Карронад...

Тим резко обернулся:

— Зачем?

— Ну, ты не обижайся.

— Я не обижаюсь, ты что... Но только я не понимаю: зачем? — сказал Тим с мягким нажимом.

— Он рисует здорово, ты же знаешь... Так захотелось, чтобы кто-нибудь памятник нарисовал. Чтобы глазами увидеть. Я как-то не стерпел и проговорился... Надо было тебя спросить, конечно...

Тим сказал без восторга, но и без огорчения:

— Ладно, это же не военная тайна. Лишь бы он не стал всем болтать, а то опять начнут говорить про мои фантазии...

— Что ты! Он никому... Он так обрадовался — и скорее за карандаш.

— Хорошо получилось?

— Я же не видел, он только начал... Тим!

— Что?

— Знаешь, я подумал... А если у него хорошо получится, можно показать какому-нибудь скульптору. А потом набрать цветного металла... Все ребята помогли бы, если бы по правде памятник делать.

Тим потуже выбрал стаксель-шкот и повернул к Славке мокрое от брызг лицо.

— Славка, ну зачем ты... Говоришь про памятник, а думаешь про другое. Будто извиняешься...

— Ну... ты, наверно, все еще злишься на Аверкина, а я тогда про это забыл.

— Нисколько я на него не злюсь...

— Ну и хорошо, — с облегчением сказал Славка. — Возьми руль, сам же просил... А про памятник я все равно думаю.

Они поменялись местами.

— Металл собрать не так уж трудно, — сказал Тим. — Со старых кораблей знаешь сколько меди снимают! Например, оправы иллюминаторов.

— Вот бы достать иллюминатор! Я бы на стенку его приделал, а под стекло — какой-нибудь парусник.

— Иногда на свалке попадают. Даже среди железа.

— Когда цепь искали, я что-то не заметил.

— Ну, не каждый же раз. Как повезет.

— Тим, сходим посмотрим?

— Давай.

Тим взял покруче к ветру, и «Маугли» устремился прямо на корму «Бей». У самой кормы он рыскнул к берегу. Славка вы-

дернул шверт, и днище закрипело о твердый песок и мелкие ракушки. Тим поднял перо руля, а Славка сбросил спасательный жилет, выпрыгнул на берег и закрепил цепь за ржавый рельс. Ослабшие паруса заполоскали на ветру.

На берегу громоздилась куча металлолома.

— Смотри-ка, мы тут не одни такие охотники, — сказал Тим. Несколько мальчишек — из второго или третьего класса — возились среди железа. Трое по очереди дергали ручку разбитого корабельного телеграфа. Двое выдергивали из-под гремящего стального листа обрывок якорной цепи. Еще один — смуглый, похожий на галчонка, в продранных на коленях джинсах и обвисшей полосатой майке — стоял над ними и рассеянно баюкал заостренный с одного конца ржавый цилиндр.

Славка и Тим быстро посмотрели друг на друга.

«Все-таки это случилось, — подумал Славка. — Надо же, все так просто...»

Тим не спеша подошел к мальчишке и негромко спросил:

— Можно посмотреть?

И принял цилиндр на свои ладони. Оглянулся на Славку и сказал:

— Какой тяжелый...

Часть III

ЦЕПЬ

ПРАВО КАПИТАНА

— Какой тяжелый, — сказал Тим и посмотрел исподлобья на Славку.

Славка опять подумал: «Все-таки это случилось... — Он прислушался к себе. Сердце билось редкими толчками. — Значит, не боюсь», — подумал Славка. Он знал, что, если человек боится, сердце колотится беспорядочно и часто.

Снаряд размером с небольшой термос лежал в веснушчатых Тимкиных руках. Тим осторожно прижимал его к оранжевому спасательному жилету. Снаряд был покрыт коричневой ржавчиной. К ней кое-где прилипли плоские маленькие ракушки. Слово ребристые чешуйки. У снаряда была маленькая головка, похожая на привинченную пробку. Видимо, взрыватель.

«Все-таки это случилось...»

Прежде всего надо было убрать мальчишек.

Славка сказал негромко, но очень решительно:

— Идите отсюда, ребята. Здесь нельзя.

Его серьезный тон подействовал: ребята отступили на пару шагов. Но похожий на галчонка мальчишка — тот, что отдал снаряд, — огрызнулся:

— Нам нельзя, а вам можно?

— Здесь зона, понимаете? — сказал Славка. — Придет сторож, он вам головы поотрывает.

Белокурый мальчик лет восьми рассудительно заметил:

— Мы здесь сколько раз играли. Никакого сторожа здесь нет.

И остальные наперебой подтвердили это. Они стояли теперь плотной шеренгой. Их было шестеро, и при желании они вполне могли справиться со Славкой и с Тимом.

— Раньше не было, а сейчас есть, — напористо сказал Славка.

— А вы кто такие? — скандальным тоном спросил «галчонок».

Славка придумал на ходу:

— Мы пионерский патруль. Кто не верит, поехали на базу, там узнаете!

Он снова шагнул к ребятам, и они опять отступили. Наверно, поверили насчет патруля. В самом деле — форменная рубашка, нашивки... Но «галчонок» крикнул:

— Врет он! Он хочет все забрать, что мы нашли!

— Дураки! Хотите, чтобы вас в пыль разнесло?

— Подумаешь, в пыль! У нас Степан патроны разряжал — как семечки шелкал!

И шеренга сдвинулась еще плотнее.

Славка быстро оглянулся на Тима. Тим стоял неподвижно. Со сжатыми губами и напряженным лицом. И прижимал к груди ржавую находку.

— Убирайтесь! — отчаянно крикнул Славка ребятам. — Ну? Считаю до трех! Раз... — И он прыгнул к ним. Слово хотел схватить того, кто не послушается.

Они отбежали, но теперь смотрели совсем враждебно. «Галчонок» вдруг громко сказал:

— Пошли, ребята, к Степану! Степан придет — он им даст!

Компания грозно и обрадованно загудела, давая понять, что со Степаном шутки плохи. Сейчас они его приведут, и тогда самозванный патруль узнает, как приставать и командовать не на своей улице.

Они ушли, сердито оглядываясь. Курчавый мальчишка на прощание швырнул в Славку и Тима обломок черепицы. Славка сразу увидел, что обломок пролетит в стороне, но Тим вздрогнул и резко отступил на шаг. Славку будто шархнуло током!

— Тихо ты!

— Я тихо... — виновато сказал Тим.

— Очень тяжело?

— Да нет, держу. А что дальше?

— Сейчас!

Славка прыгнул к яхте, схватил портфель, вытряхнул бутерброды и учебники. Хотел вытряхнуть и Артемку, но подумал: «Не надо, Артемка мягкий».

Он подбежал к Тиму, поставил открытый портфель у его ног:

— Давай уложим...

Тим начал медленно сгибаться, отодвигая снаряд от груди.

— Дай мне, — сказал Славка. — Дай, Тим. У тебя руки устали. Тим осторожно переложил свой груз в Славкины ладони.

Снаряд в самом деле оказался очень тяжелым для своих размеров. Наверно, килограммов десять.

«Вот тебе и клятвы», — подумал Славка, вспомнив про все честные слова, которые давал маме.

Никаких угрызений совести Славка не чувствовал. Если оставить снаряд и кто-нибудь из-за него погибнет, какими честными словами оправдаешь себя? Обстоятельства оказались сильнее Славкиных клятв. Это был форс-мажор.

Тим встал на коленки и пошире растянул открытый портфель. Видимо, руки у Тима в самом деле устали: пальцы вздрагивали.

На дне портфеля Славка увидел Артемкину неунывающую физиономию с блестящими глазами. Славка медленно сел на корточки и начал опускать снаряд. Тихо-тихо. Теперь он уже не думал, что не боится.

Артемка понимающе улыбался и растопыривал лапы: готовился принять на себя ржавую тяжесть.

Снаряд лег на ватное Артемкино тело.

Славка встал. Было очень тихо. Казалось, что совсем исчез ветер. Палило солнце.

— Все, — сказал Славка и вытер мокрый лоб рукавом.

— Что все? Дальше-то что делать?

Славка не знал. Просто еще не подумал.

— Сейчас ребята вернутся, — сказал Тим. — С этим своим Степаном. И получится свалка.

Славка кивнул. Тим был прав.

Тим опять сказал:

— Наверно, мы зря их прогнали. Надо было все объяснить и послать за кем-нибудь: за военными или за милицией.

— Какие-то они бестолковые, — пробормотал Славка. Но он понимал, что Тим говорит правильно. И признался: — Это я сглупил.

— Я тоже, — сказал Тим.

— А теперь с ними не договоришься.

— Смотря что за Степан. Может, умный, а может, такой же, как они.

— Умный! Патроны расковыривал...

— Да, — согласился Тим. — Сейчас нельзя рисковать.

— Тим, — сказал Славка. — Давай затопим эту штуку.

— В бухте? Здесь мелко. Если она у кого-нибудь под килем сыграет?

Славка оглянулся на воду. Крутые резвые волны плескались под солнцем.

— Да, — сказал Славка. — И нельзя ее везти на яхте. Вон как кидает... Тим, ты не знаешь, как устроен взрыватель у этой штуки?

— Откуда я знаю...

— Нельзя на яхте, — опять сказал Славка. — Тут каждый толчок опасный. Может, в нем какая-нибудь проволочка на одной чешуйке ржавчины держится...

Он увидел, как Тим побледнел. Веснушки Тима сделались почти черными на побелевшей коже. Ну и что? Славка сам не боялся, что ли?

— Один пусть подежурит, а другой — на базу, — сказал Славка. — Надо кого-то позвать.

— А что на базе? — возразил Тим. — Игоря нет, Настя катер не водит. Телефон еще не подключили... И можно не успеть: явится компания со Степаном...

— Может, спрячем?

— Где?

Кругом был пустой берег, твердая как камень земля. Не зароешь. Если в железе спрятать — найдут. Если в песке, у самой воды, — вдруг кто-нибудь наступит?

— А если сбегать в милицию или в какую-нибудь военную часть? — предложил Славка.

— Где они здесь?

— Поискать...

— Ходить с этим подарочком среди людей?

— Да нет же! Один с ним здесь останется...

— Это все равно что на базу, — устало сказал Тим. — Можно не успеть... Давай, Славка, унесем его куда-нибудь подальше, где нет людей. Осторожно...

— Куда?

— Знаешь что... Здесь если по прямой, то, наверно, недалеко до обрывов. Помнишь, где гнездо орудия?

— Ну и что?

— Там всегда пусто. И глубина... Кинем с обрыва и отскочим. Если утонет — пускай. А если грохнет от удара об воду — нас не зацепит.

— А много идти?

— Километра полтора, наверно...

«Никуда не денешься, — подумал Славка. — Если это случается, не спрячешься, не свалишь на другого...» И пришел такой

страх, что дышать стало трудно. Неужели это его, Славкина, судьба? Неужели как Андрюшка Илюхин?

Да нет же! Не в костер же он будет толкать снаряд! Просто отнесет тихонечко и выбросит.

Но мысль о чешуйке ржавчины, на которой держится спуск взрывателя, была неотступной.

Славка резко дернул плечом и коротко выдохнул воздух.

— Придется нести, — сказал он. — А если кого-нибудь встретим, сразу пошлем за саперами.

— Если идти пустырями, едва ли встретим... Да ладно, Славка! Эту штуку в металлоломе привезли, и то она не взорвалась. Чего ей взрываться в мягком портфеле? Донесем.

«В самом деле...» — подумал Славка.

— Пошли, — сказал Тим.

«Пошли... Значит, вместе?... А зачем вместе? Вдвоем не так страшно, но если что-то... Если эта ржавая провололочка...»

Он сел на корточки и очень осторожно, стараясь не звякнуть замками, застегнул портфель. Лицо у портфеля было хмурое и боязливое.

— Тим, — сказал Славка, — яхту оставлять нельзя.

Тим удивился:

— Разве сейчас нам до яхты?

— Все равно, — сказал Славка. — Зачем идти вдвоем? Ты отведи «Маугли», а я эту штуку отнесу... Ну чего ты смотришь? Отнесу, и ничего не случится.

— Ты с ума сошел? — жалобно проговорил Тим. Но Славка не сошел с ума. Наоборот, он понял: сумасшедшими надо быть, чтобы идти вдвоем. И он понял еще, что надо говорить честно.

— Тимсель, — сказал Славка ласково. — Ну, пожалуйста, не спорь. Ну, ты же понимаешь... Зачем рисковать обоим?

Тим, нагнувшись, отколупывал от колен плоские, плотно прилипшие ракушки. Не поднимая головы, он сказал:

— Тогда уводи яхту ты. Ты капитан.

Это была правда. И Славка... Славка даже обрадовался в первую секунду! Но тут же представил, как Тим, согнувшись набок от тяжести, уходит через поросший бурьяном пустырь. И почувствовал Славка, что смотреть на это он не сможет.

«Гадина проклятая, свалилась на нашу голову! — мысленно сказал он снаряду. И тут же испугался: — Нет-нет, не гадина. Только лежи спокойно. Совсем спокойно...»

И он сказал Тиму то, что обязан был сказать, раз уж так получилось:

— Тим... Если я капитан... Капитан должен быть, где... труднее. — Он не решился сказать «опаснее».

— А я не справлюсь с яхтой, — не глядя на Славку, отозвался Тим.

— Не валяй дурака.

Тим выпрямился. У него были решительные зеленые глаза.

— Славка, давай по-честному. Бросим жребий.

«Давай!» — чуть-чуть не сказал Славка. Но не сказал, потому что это было бы как раз не по-честному.

Конечно, ничего страшного не случится, он в этом уверен. Но... если все-таки... Тогда что он скажет матери Тима?

«Тетя Маша, так получилось. Мы тянули жребий. Я не виноват, что выпало ему...»

А если наоборот? Если что-то с ним случится, со Славкой? Тогда что скажут его маме?

Ну почему здесь не появится ни один взрослый?! Что за проклятое такое невезение? И ждать уже нельзя. Пацаны могут вернуться в любую минуту.

Славка решил:

— Тим, не надо жребия, не обижайся.

Они всегда во всем были равны. До сих пор. Но сейчас стало по-другому. Тим не мог отказаться от жребия, а Славка мог, он имел право. Но он еще не сказал об этом. Он сказал о другом:

— Не обижайся, Тим, но я сильнее. И я к своему портфелю привык... И я умею толчки и рикошеты рассчитывать: не упаду и не споткнусь. Мне легче.

— Это нечестно, — сказал Тим.

Тогда, глядя в сторону, Славка наконец сказал:

— Тим, я командир яхты. Мы сейчас считаемся в плавании.

— Ну и... что? — тихо спросил Тим.

— Тим, — сказал Славка. — Ты не сердись... Командир имеет право приказывать.

У Тима стало чужое лицо.

— Ты мне приказываешь?

— Да, — чуть не плача, сказал Славка.

— Есть, капитан, — откликнулся Тим, глядя мимо Славки. — Слушаюсь, капитан.

Он это спокойно произнес, без всякой насмешки. Но ох как тошно стало Славке. И, глядя, как Тим идет к яхте, Славка отчаянно сказал:

— Ты думаешь, мне в герои хочется? Дурак ты... Тим! Ну, не злись! Нельзя же иначе!

— Я ничуть не злюсь, — не оборачиваясь, ответил Тим. Нанулся и стал распутывать цепь.

— Ты... знаешь что? — нерешительно проговорил Славка. — Ты ошвартай «Маугли» и подожди меня на базе. Я быстро...

Тим грохнул цепью о палубу и столкнулся «Маугли» с песком. Вошел в воду по колено и прыгнул в яхту. По-прежнему не глядя на Славку, он ответил:

— Я ошвартую яхту. Но после этого плавание кончится, и тогда ты мне уже не командир. Я сам знаю, что мне делать.

«Вот мы и поссорились», — подумал Славка.

Но надо было идти. Главное сейчас — чтобы идти. Чтобы скорее избавиться от страшного груза. Остальное будет потом: они помирятся с Тимом, который все поймет; они опять вдвоем сядут на «Маугли»; они обсудят с Тимом, как избавить Славкину маму от писем из Усть-Каменска; они завтра пойдут купаться на Качаевку и возьмут Валентину и Диньку...

...Если проржавевший спуск взрывателя не окажется слишком хрупким.

ВЕЛАЯ ДОРОГА

Потом Славке много ночей подряд будет сниться эта дорога. Светлая, почти белая земля с блестками кремния. Бесконечная дорога, белый бред под палящим солнцем...

Он вышел на эту дорогу не сразу. Сначала был пустырь с колючей травой и сухими раковинами улиток. Они хрустели под кроссовками. Славка решил было спрятать снаряд в этой траве и сбежать за помощью, но на пустыре паслись козы, и, значит, здесь в любую минуту могли появиться люди.

За пустырем тянулись домики и сады окраины. Обходить их пришлось бы очень далеко, и Славка пошел по улице. Он понимал, что делать этого не следует, нужно держаться подальше от людей. Но понимал он и другое: если идти в обход, не доберешься до моря и к вечеру. Тим явно ошибся, когда сказал, что до обрывов полтора километра. Он, видимо, не очень хорошо знал эти места.

К счастью, улица оказалась почти безлюдной. Только дважды промчались навстречу мальчишки-велосипедисты. Славка оба раза каменел от страха, будто встречные люди могли разбудить и встряхнуть снаряд...

Страх был непостоянный: он приходил волнами. Иногда он

накрывал Славку с головой — Славка леденел и замирал, и не спасало от холода солнце, которое жгло спину и плечи сквозь темно-синюю рубашку. Казалось, что вот-вот, сию секунду ударит грохот... Потом страх откатывал, и Славка ругал себя трусом, сопляком и нервной барышней. С минуту казалось, что все случившееся — пустяк. Что железная болванка, лежащая в Артеминых объятиях, не опаснее, чем старинный литой утюг бабы Веры. Но минута проходила, и опять наваливался страх.

Один раз Славка услышал в портфеле тихий, но отчетливый шелчок. Он оцепенел на секунду. Потом осторожно (быстро, но очень осторожно) поставил портфель в дорожную пыль и кинулся в кювет, в жесткую траву. И залег там, прикрыв голову руками.

Хорошо, что никого на улице не было.

Славка полежал, приподнял голову. Портфель стоял посреди улицы, и квадратная физиономия была у него виноватой. Славка понял, что шелкнул язычок разболтанного замка.

После этого страх ушел надолго. Славка даже стал насвистывать. Он спокойно добрался до конца улицы.

И тогда он увидел дорогу.

Узкая, прямая и длинная, она уходила в направлении моря. Но моря Славка не увидел. Дорога шла вверх и словно втыкалась в небо. Нужно было подняться до перевала. С двух сторон дороги стискивали побеленные каменные заборы. За ними поднимались острые кипарисы. Наверно, там были большие сады.

«А может быть, кладбище. Подходящее место, — подумал Славка и тут же одернул себя: — Не распускайся!»

Он ступил на эту дорогу с твердой белесой землей, почти горячей от солнца. Белый блеск резал глаза. Даже небо теперь было не голубым, а светло-стальным и бесплощадным.

От тяжести ныли руки и болели плечи. Славка осторожно перекладывал портфель из руки в руку, но ставить его на дорогу не решался. Не хотел лишних толчков. Портфель приходилось держать на отлете, чтобы жесткая нижняя кромка не чиркала по ноге и чтобы случайно не ударить коленом.

У Славки опять появилась мысль: спрятать портфель в укромном месте и сбежать за кем-нибудь. Но здесь, на дороге, сделать это было нельзя. Ни ямы, ни камня, ни заросшего травой кювета. Ровная твердая земля подходила прямо к белым стенам. У подножия стен росли кустики пыльной травы, но в них не спряталась бы даже улитка.

Дорога была как судьба: не избавишься от груза и никуда не

убежишь. В каменных заборах — ни калитки, ни щели, ни выхода в переулок. Оставалось идти вперед, а что впереди — неизвестно. И путь казался бесконечным.

Тогда Славка стал думать, что все равно это кончится. Все равно он выйдет к обрыву и кинет снаряд в воду. И станет хорошо и спокойно. И он побежит к Тиму, чтобы скорее помириться. И Тим скажет: «Ох и натерпелся я из-за тебя, Славка...»

А если не скажет?

Если обида у Тима такая, что он не захочет больше видеть Славку?

Но почему? Тим поймет! Он же справедливый. Он поступил бы так же, как Славка, если бы сам был капитаном.

А что сделал бы тогда Славка? Подчинился бы приказу?

«Я... я не знаю, — подумал Славка. — Да, я, наверно, подчинился бы. Но я извелся бы от страха, думая о Тиме. Я боялся бы сильнее, чем сейчас...»

«А он, думаешь, не боится? Думаешь, ему сейчас легко?»

«Но он меня простит, когда я вернусь...»

«Кто знает... Вот если наоборот, если не вернешься, тогда, конечно, простит. Потому что взрыв — это оправдание...»

При этой мысли Славке стало так жутко, как еще не было. Ему показалось, что все предугадано. С самого начала. С его приезда в Город. И разговоры об Андрюшке Илюхине, и находка на берегу, и эта дорога, с которой не свернешь, — все вело к одному.

«Что будет с мамой, если *это* случится?»

И мама будто появилась откуда-то и пошла рядом.

«Мама, ты прости. Что я мог сделать?»

А мама молчала и укоряюще смотрела на Славку.

И Славка вдруг сообразил, что надо сделать!

Надо осторожно вынуть снаряд и положить у стены. Кто-нибудь найдет? Пусть. Почему один Славка должен рисковать? Он унес эту страшную игрушку от ребят, он отмерил для себя свою долю риска. Пускай теперь кто-нибудь другой. Он не за себя боится, а за маму.

«У других тоже мамы...»

«Значит, я должен ходить по ниточке, а другие не должны?...»

«Сам взялся...»

«Но я не знал, что это так далеко. И так страшно... Я просто больше не могу».

«Ладно, оставь снаряд... Тим не оставил бы...»

«Это несправедливо. Почему это случилось именно со

мной? Я живу здесь всего месяц. Другие целую жизнь живу — и ничего...»

«Значит, это не твой Город?»

— Будь ты проклят, гадина такая, — шепотом сказал снаряду Славка, уже не думая, что снаряд может отомстить.

И будто от этих слов дорога кончилась.

Славка оказался на перекрестке. Впереди была обычная улица окраины, черепичные крыши, а за крышами плавилось под солнцем море. И опять рванулся с моря плотный теплый ветер.

— ...Слава! Семибратов!

Он даже не удивился. Он только обрадовался. К нему торопливо шла Любка Потапенко.

— Семибратов! Ты что здесь делаешь?

— А ты? — глупо спросил Славка и очень мягко поставил портфель на каменный тротуар.

Она улыбалась.

— Я же тебе говорила: у меня здесь бабушка живет. На улице Морских пехотинцев.

Славка не помнил такого разговора. Но какая разница? Главное, что все теперь будет просто. Главное, что не надо двигаться с места.

— Любка, — быстро сказал Славка. — Здесь есть где-нибудь военная часть?

У нее широко распахнулись глаза.

— Тебе зачем?

— Ты не спрашивай. Скажи — есть?

— Военная тайна, да?

— Да скорее же...

Она капризно пожала плечами.

— Подумаешь, какой нервный. Вон, через дорогу посмотри, там проходная.

И Славка увидел. Там опять была белая стена, но не такая глухая, как у дороги. В нее была встроена проходная будка, а рядом виднелись решетчатые ворота со звездами и якорями. У зеленой двери стоял часовой в черной форме морского пехотинца.

«Вот и все», — подумал Славка. И нетерпеливо сказал:

— Потапенко, сходи к ним, позови кого-нибудь из военных.

Пожалуйста.

— Зачем?

— Очень надо.

— Сперва скажи.

Было не до споров.

— Люба, — сказал Славка, — позови, пожалуйста. У меня в портфеле неразорвавшийся снаряд.

Она еще обиделась, дура:

— Ты что меня разыгрываешь? У тебя там Артемка. Вон из дыры лапа торчит!

В самом деле, внизу из портфеля торчала Артемкина лапа в зеленой штанине.

— Артемка на дне, а сверху снаряд. Честное слово.

Любой нормальный человек сразу кинулся бы к проходной.

Но Любка прижала к щекам ладони, приоткрыла рот и шепотом спросила:

— Правда, Слава? Покажи...

— Ну какая же ты безмозглая! — с отчаянием сказал Славка. — Тогда отойди! Отойди на сто метров! Ну!!

Он крикнул так, что она отскочила. Конечно, не на сто метров, но довольно далеко.

Славка поднял портфель и перешел дорогу. Сзади раздались тяжелые шаги. Славку обогнал пожилой усатый мичман в голубой куртке. Или, может быть, прапорщик — Славка не знал, какие там звания у морских пехотинцев. В общем, две звездочки на гладком черном погоне. Часовой козырнул. Мичман кивнул и взялся за ручку двери.

— Постойте, — тонким голосом сказал Славка. — У меня важное дело!

Мичман обернулся и удивленно поднял клочкастые седые брови. Придержал дверь.

— Ты к кому? Проходи. Ты сын майора Ковского?

Славка вошел. Он не имел права идти туда со своим грузом, но получилось само собой.

После знойной улицы здесь было прохладно и темно. Славка помигал, разглядел у стены табурет и опустил на него портфель.

— Я не сын... Пожалуйста, осторожнее. Здесь снаряд.

— Что за шутки? — недоверчиво и слегка раздраженно спросил мичман.

Славка быстро, хотя и осторожно, отстегнул замки. Он чувствовал небывалое облегчение. Здесь, при опытном взрослом человеке, не могло случиться ничего страшного.

— Вот... — сказал Славка и тихо откинул крышку. Мичман заглянул в портфель. Сначала нахмурился, но тут же лицо его стало спокойным.

— Где ты эту штуку разыскал?

— На свалке у танкера «Бея», в конце Большой бухты.

— А зачем притащил сюда?

— Куда же было девать? — со звоном спросил Славка. Его захлестнула обида. — Там были маленькие ребята!

Мичман опять посмотрел на Славку — теперь внимательным и продолжительным взглядом. И коротко улыбнулся.

— Да не бойся, — вдруг мягко сказал он. — Натерпелся, да? Это не снаряд, это портативный газовый баллон для разогрева самолетных моторов. Их многие путают со снарядами, кто не знает...

— Баллон?

Кто-то громко хихикнул.

Славка растерянно оглянулся и увидел Потапенко. Он только силуэт ее увидел в прямоугольнике двери, за которой полыхал знойный день, но сразу представил Любкино лицо.

Баллон!!

Завтра будет хохотать вся школа...

И все было зря: белая дорога, изнуряющий страх...

И нелепая ссора с Тимом!

Славка всхлипнул и кинулся к двери, проскочил мимо отлежавшей Любки и побежал вдоль стены. Сначала быстро — так, что горячий ветер забивал горло. Потом тише: стало колотить в боках. Но все равно бежал. По улице, по белой дороге...

Потом не хватило дыхания, и Славка перешел на шаг. Ветер мохнатыми ладонями гладил мокрое лицо. Славка наконец подумал: зачем было убежать?

Еще хуже будет. Еще больше станет издеваться Любка. Расскажет, как он выскочил, будто капризная девчонка.

И портфель с Артемкой остался там...

Вернуться?

Нет, вернуться он не мог. Он только пошел потише.

И может быть, от ровного шага ровнее стали мысли.

Что он нервы распустил? Разве плохо, что снаряд оказался баллоном? Наоборот. Иначе кто знает, был бы сейчас на свете Славка Семибратов или не был?

Портфель, конечно, отдадут Любке...

Любка развонит про эту историю? Пусть. Славка не виноват, что снаряд не настоящий. А если найдутся дураки, которые будут смеяться, — их дело. Пускай хоть весь свет смеется. Разве это сейчас главное? Главное — Тим!

Лишь бы Тим не ушел!

Какой-то переулочек вывел Славку к бухте. Правее базы. Славка подскочил к воде, разогнал ладонями нефтяную пленку, ко-

торая приплыла от стоявшего неподалеку танкера. Плеснул соленой водой в лицо. Вытерся подолом, заправил рубашку. Быстро зашагал к базе.

Тим не ушел. Он сидел у ворот на старом перевернутом ялике. Он поднялся навстречу Славке.

— Тим! — поспешно сказал Славка. — Это был не снаряд! Это газовый баллон... Мне мичман сказал... Тим, ты что?

Тим протянул Славке его учебники, связанные обрывком фала. Не глядя. Потом повернулся и пошел.

— Тим... — сдавленно сказал Славка.

Тим не остановился.

Славка пошел следом. Тим не оглядывался.

— Тимсель... — позвал Славка. Это было как пароль. Как сигнал о помощи.

Тим замедлил шаги. Не обернувшись, он сказал негромко:

— Ты за мной не ходи, пожалуйста. Ты... хуже, чем враг...

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ...

Дома Славка сразу лег на диван. Лицом к стене. Он не удивился, что его не зовут обедать. Не удивился, что баба Вера — печальная и растерянная. Не удивился тяжелому молчанию в доме. Все так и должно было быть в этот черный день.

Сначала Славка ни о чем не думал. Он очень долго лежал, сцепив зубы, а в голове, как замкнутая в кольцо кинолента, крутилось воспоминание: белая дорога, Любка, мичман, баллон, Тим, последние слова Тима. И снова: дорога... баллон... Тим... И опять.

«Ты за мной не ходи, пожалуйста. Ты... хуже, чем враг...»

Но почему?!

«Тим, почему? Я же тебя не бросил, не обманул... Ну, пусть я виноват, но я же не хотел... А ты сразу — как насмерть!»

И вдруг появилась ясная мысль. Такая простая и легкая, что Славка сразу сел. Он даже улыбнулся и кулаком себя стукнул по лбу.

Тим просто не понял, вот в чем дело! Он увидел у Славки вину, которой не было! Их поссорила какая-то ошибка... Эту ошибку надо выяснить и убрать. Уничтожить! Надо не валяться здесь, не впадать в тоску, а поговорить с Тимом. Обо всем спросить и про все объяснить самому. Тим поймет. Это же Тим...

Ну а если не поймет?

Ладно... Тогда Славка скажет: «Тим, я дурак был с этим своим капитанством. Я просто потерял голову. Не прогоняй меня, Тим, прости».

И Тим простит. Не может он поставить на Славке крест. Они одной крови — Славка и Тим...

Славка вскочил. Если бегом — он увидит Тима через пятнадцать минут!

Он качнулся к двери, и в эту секунду вошла мама.

У мамы были сжаты губы. Она коротко глянула на Славку, обвела глазами комнату и сухо спросила:

— Где твой портфель?

— Что? — растерянно сказал Славка.

— Меня интересует, где твой портфель. Почему ты принес учебники, связанные веревкой?

Она смотрела мимо Славки. Лицо у нее было напряженным и холодным.

«Все уже знает, — со страхом подумал Славка. — Любка разнюхала адрес и притащила портфель». Стало ясно, что несчастья не кончились.

— Ну, что ты молчишь?

А что было говорить? Самое глупое дело — давать ответы, которые известны заранее.

Мама посмотрела на Славку слегка удивленно:

— Ты объяснишь, наконец?

— Он остался у военных, — пробормотал Славка.

— У каких военных? Что ты там делал?

— Ну... что ты меня мучаешь? — вырвалось у Славки. — Ты же сама знаешь! Любка же рассказала!

— Любка? — удивилась мама. — Я не знаю никакой Любки. В чем дело?

Значит, Любки не было? Как по-идиотски он влип!

— Вячеслав! — сказала мама. — Я хочу немедленно знать, что произошло. Имей в виду, что мы договаривались: никогда не врать.

Врать он и не мог. Промолчать — другое дело. Но молчать уже было нельзя. Славка, глядя в пол, прошептал:

— Я отнес военным... одну штуку. Газовый баллон.

— Зачем? Что за баллон?

— Мы с Тимом его на свалке нашли...

— Ну и что?

— Мы его у ребят отобрали...

— Ну и что, я спрашиваю!

— Ну и... отнес.

— За-чем?

Тянуть было бессмысленно. Славка был измотан, он не мог сопротивляться. Он поднял глаза и проговорил:

— Я думал, что это снаряд.

Он не увидел на мамином лице ни страха, ни гнева. Мама, кажется, даже обрадовалась. Все так же сухо, но со скрытым облегчением она сказала:

— Очень хорошо. Иди поешь, а потом сможешь уложить чемоданы. Мы уедем сегодня.

— Мамочка... — шепотом сказал Славка. — Мама, ты со мной что хочешь... Только не это...

Потом крикнул:

— Не надо!

Он вцепился в маму. Сам того не сознавая, он кричал слова, которые кричат дети, оказавшись в тисках жестокости и боли. Да он и был сейчас маленьким мальчиком, изнемогавшим от боли и отчаяния:

— Мамочка, не надо! Мама, я больше не буду, ну прости, мама!

Но она оторвала от себя Славкины руки:

— Прекрати истерику!

Славка упал на диван. Но он тут же вскочил! Надо было драться за себя и за Город!

— Ты не имеешь права! — крикнул он. — Ты обещала! Ты слово давала!

— Ты тоже давал слово. И нарушил.

— Но у меня не было выхода!

— Не кричи. У меня тоже нет выхода. Ты меня сам вынуждаешь на это.

— Я не поеду, — сказал Славка. Он вдруг почти успокоился. В самом деле: не поедет, и все! — Я руками и ногами, зубами цепляться буду. Не поеду.

— Поедешь, — сказала мама. — Ты не будешь цепляться ни зубами, ни когтями. И не будешь устраивать скандалы. Пожалей Веру Анатольевну. Сейчас ты пообедаешь, и начнем укладывать-ся. Поезд уходит в половине десятого вечера.

— Ну и пусть уходит!.. Все равно ты не достанешь билеты.

— О билетах я позаботилась.

— Когда?

— Не твое дело.

«Но ведь Любки не было...» — подумал Славка. Любки не было, и о баллоне он рассказал сам. Сейчас. Значит...

— Значит, все это неправда, — сказал Славка и переглотнул.

— Что неправда?

— Все... Все твое вранье, — с отчаянной грубостью, но тихо сказал Славка, глядя ей прямо в лицо. — Ты все врешь. Ты едешь из-за *Него*.

Ни разу в жизни он так не говорил с мамой.

Ее щеки побелели.

На столике лежала пустая авоська, с которой Славка обычно бегал на рынок и в магазин. Этой авоськой, вытянутой в тяжелый жгут, мама хлестнула его по лицу. И еще, еще! В кожу впились твердые узелки.

Славка не увернулся и не защитился. Он только прикрыл глаза, но не от страха, а машинально. Он расстегнул пряжку и выдернул из петель флотский ремень.

— Возьми, — сказал он. — Пряжкой можно пробить до кости. Не бойся, шрамы придают мальчикам мужественный вид.

Мама бросила сетку и выскочила в другую комнату. Славка увидел, как она плачет у окна. Но он не пошел за ней. У него горели от ударов щеки.

Славка медленно продернул ремень в петлю.

— Славик, прости меня, — сказала, не оборачиваясь, мама.

— Я не поеду, — ответил он.

— Славик...

— Не по-е-ду.

Он сел, положил на колени руки и стал смотреть на окно, как на киноэкран. В окне качались узорчатые листья винограда. От вечернего солнца на них был оранжевый налет.

Никуда он не поедет. Смешно даже думать. Он еще и с Тимом не помирился...

А на той неделе — отрядный сбор, выпуск новой стенгазеты. На базе — общее собрание экипажей. Потом экскурсия на крейсер «Суворов». Неужели Славка в это время будет уже в ненавистном слякотном Усть-Каменске?

Мама вернулась в комнату и села рядом. Пальцами провела по Славкиной макушке.

— Ты едешь из-за *Него*, — опять сказал Славка.

— Да... Если хочешь правду, то из-за него тоже.

— Он гад, — решительно сказал Славка.

Мама не рассердилась.

— Он несчастный человек, — тихо объяснила она. — Ты не знаешь, сколько ему пришлось пережить.

— Я его ненавижу.

— Я понимаю... Он виноват перед нами. Но я перед ним, видимо, тоже виновата.

— В чем?!

— Не кричи. Ты не поймешь.

— А я? — спросил Славка. — Я-то в чем виноват? Меня вы за что мучаете?

— Ты, наверное, не виноват... Ты, видимо, и сегодня поступил правильно, я тебе верю. Но я извелась от страха за тебя. И сегодня я поняла, что этот страх не пустой.

— Да как раз пустой! Как этот баллон! Ведь снаряда-то не было!

— Но он мог и быть...

— И поэтому ты заранее взяла билеты, — с жесткой насмешкой сказал Славка.

Мама встала.

— Хорошо, издевайся надо мной, — сказала она. — Я виновата. Я тебя ударила... Еще я виновата, что люблю человека, которого ты не терпишь. Я не могу без него и не могу без тебя. Скажи, что мне делать?

Славка не знал. Он понял, что не устоит перед натиском несчастий. И подумал, что, наверно, сам виноват: он слишком боялся. Страх притягивает несчастья, как магнит. Если чего-то очень боишься, это обязательно случается. Давным-давно Славка отчаянно боялся, что мама увидит краденый «Справочник вахтенного офицера», — и мама увидела. Он боялся наткнуться на снаряд — и наткнулся. Правда, снаряд оказался не настоящим, но беды он принес настоящие. Из-за него случилось то, чего Славка боялся больше всего. Две самые страшные вещи: он поссорился с Тимом и уезжает из Города.

Значит, такая судьба? Такой несчастный день, от которого не убежишь?

Мама сказала:

— Ты, пожалуйста, не думай, что все будет по-старому. Мы разменяем с ним квартиру и будем жить с тобой вдвоем. Ты пойдешь в новую школу...

Славка тихо и совершенно честно сказал:

— Знаешь, о чем я жалею? Что я не нашел настоящего снаряда и не уронил его на камни.

Мама резко встала.

— Спасибо! И ты хочешь, чтобы после этого мы остались здесь?

— Ничего я уже не хочу, — с безразличием сказал Славка.

На него наваливалось тяжелое утомление. Как тогда, перед ружьем. Все сделалось пустым и ненужным.

Он машинально помогал маме укладывать чемоданы. Что-то отвечал заплаканной бабе Вере; кажется, обещал написать письмо.

Баба Вера сказала маме:

— Славушке-то зачем ехать? Он смотри, как прижился.

— Вы думаете, Славик захочет меня оставить? — спросила мама. Славка взял со стола тяжелую синюю книгу — «Международный свод сигналов». И тогда все опять взорвалось в Славке!

Уехать, не помирившись с Тимом?

— Я схожу к Тиму...

Мама встревоженно выпрямилась над чемоданом:

— Не надо, я тебя прошу...

— Но я должен попроситься! Неужели даже этого нельзя?

— Ты ему напишешь... Славик! Он приедет к тебе в гости!

Или ты к нему на будущий год! А сейчас не ходи, я так боюсь.

— Чего?

— Не знаю. Всякой случайности. Всего теперь боюсь. Смотри, уже темнеет..

— Мне надо ему книгу отдать!

— Он зайдет и возьмет у Веры Анатольевны...

— Ну хорошо, — зло сказал Славка. — А позвонить я могу? Будка-то не заминирована.

— Сходи позвони... Мы ходим вместе.

Вот как! Даже и поговорить с Тимом он не может один на один.

Ну ладно же!

Славка рванул из тетради листок, взял авторучку и открыл «Свод».

«НС», — написал он сначала.

Даже если Тим обижен насмерть, даже если он решил навсегда забыть про Славку, после этого сигнала он все равно прочитает флабограмму до конца.

«Тим, я не хочу, но меня увозят! Тим, пожалуйста, приходи хоть на минуту! Пожалуйста, Тим! Меня увозят сегодня вечером! Поездом! Насильно...»

«Насильно... Насильственно» — РХІ.

«Сегодня вечером» — FTC.

«Меня» — SCI...

«Поездом» — RLK...

«Вагон № 7... 21 час 30 минут...»

«Тим, ты придешь? Тим, в «Своде», нет таких слов: обида, прощение, дружба... Но ты же поймешь. Поймешь, Тимсель?»

В будке горела тусклая лампочка. Славка вошел, а мама осталась у открытой двери.

Славка набрал номер.

— Валентина? Позови Тима!

Он услышал:

— Тима нет, он ушел.

Этого еще не хватало!

— Куда?

— Он ушел с мамой к знакомым. Из Африки прилетел один человек, он привез от папы письмо и посылку. Представляешь, какая неожиданность? Но Тим сначала не хотел идти... Слава, может быть, ты объяснишь, что с ним случилось?

— А что?

— Он сегодня печальный, как целое кладбище. Ходит и молчит. Мама просто в панике.

Значит, Тим тоже?... Значит, ему не все равно!

— Валентина! У знакомых есть телефон?

— Есть, но, к сожалению, я не знаю номера.

— А как зовут этого знакомого?

— Дядя Толя...

— Полностью! Фамилия, имя, отчество!

— Анатолий Иванович Васильев. Слава, а что...

Славка нажал на рычаг и набрал 09.

— Справочное слушает...

— Дайте, пожалуйста, телефон Васильева Анатолия Ивановича!

— Адрес?

— Адрес... Я не знаю...

— Без адреса не можем. — И отвратительно заныли короткие гудки.

Славка опять закрутил диск.

— Валентина? Какой адрес у дяди Толи?

— Слава, я честное слово не имею понятия. Там новый микрорайон, без улицы. Как идти туда, я знаю, но адреса никогда не слышала...

— Прими флагограмму!

— Одну минуту, Слава... Я готова.

— Новэмбэр — Чарли, — сказал Славка.

— Всего две буквы? — удивилась Валентина.

— Сначала две... Дальше: Фокстрот — Тангоу — Чарли... —

Славка оглянулся на маму. Он не хотел маме ни обиды, ни огорчений, но все-таки сейчас это была его маленькая месть: «Пожалуйста, разбирайся, если поймешь». Он услышал в трубке, как зашелкала машинка. — Сьерра — Чарли — Джулиэт... Папа — Эксрей — Индия... Роумио — Лима — Кило...

— «Тим, приходи немедленно...»

— Дэльта — Новэмбэр — Гольф...

«Приходи немедленно...» А как Тим придет, если ничего не знает?

— Валентина, когда он вернется?

— Мама обещала, что они придут около десяти.

Ну, вот и все. Тим не успеет даже на вокзал. Не будет у Славки последней короткой радости, последнего утешения. Он уедет и не узнает, простил его Тим или нет. Несчастья сегодня бьют по Славке без промаха, до конца.

— Слава! Ты почему молчишь? Ты кончил передачу?

— Да... Нет, подожди. Валька, передай ему просто так... Слышишь? Скажи, что я его никогда не забуду...

ПРОЩАЙ, ГОРОД

Когда вернулись, мама сказала:

— Вечером прохладно, переоденься. Я все же купила тебе костюм.

Она разложила на диване куртку и брюки. Это была не школьная форма, а бархатистый джинсовый костюм со множеством олимпийских нашивок, пуговок и «молний». Мечта любого мальчишки. Но Славка посмотрел на него с молчаливой тоской. Так, наверно, смотрит приговоренный к каторге, когда равнодушный тюремный кладовщик швыряет ему полосатые штаны и рубаху...

Потом все, что делал Славка, было в последний раз.

Последний раз он постоял перед зеркалом в форме «винд-жаммеров».

Последний раз умылся во дворе под звякающим эмалированным умывальником.

Последний раз поужинал в кухне, где пахло дымом и горьковатой травой.

Последний раз оглянулся на свою каюту с большой картой мира, Женькиным рисунком над столом и брошенным на диван «Сводом сигналов». Обнял плачущую бабу Веру... Последний раз услышал, как трещат в тишине теплого вечера сверчки.

Потом он смотрел из такси на улицы Города. По ним шли счастливые, веселые люди, ничего не знавшие о Славкином горе... Была суббота, и на тротуары словно выплеснулась бело-синяя волна — форменки и широкие воротники идущих в увольнение матросов...

Машина прошла над Орудийной бухтой. Белым лучом врезался в черное небо освещенный прожекторами обелиск — памятник Городу.

Там, за обелиском, за желтым каменным мысом с пещерами и гротами были скалы, среди которых любили плавать Славка и Тим. Они приходили сюда, если надоедал бетонный городской пляж с его суетой, разноцветными зонтиками и разлапистыми шезлонгами... Зеленая вода среди скал медленно поднималась и опускалась — это подходили незаметные пологие волны. Они то заливали гроты, то уходили из них со звонким гулом. Из этих каменных пустот пахло соленой сыростью. Оттуда выбегали деловитые крабы с тонкими узорами на спинах и черными глазами на стебельках. Славку и Тима они не боялись... Славка прыгал с камня в прощитую солнцем глубину и видел мохнатые бурые водоросли, узкие тени рыб на песчаных проплещинах дна и серебристо-перламутровые осколки раковин-мидий... Из-за темной, обросшей скалы навстречу Славке выплывал Тим. Он улыбался. Они брались за руки и плыли вдвоем, и зеленоватые зайчики скользили по Тиму. И даже здесь, под водой, среди размытых красок и теней были видны Тимкины веснушки... А когда Славка выскакивал на поверхность и неторопливая волна приподнимала его, он видел синие дали, старую крепость и маяк на ней, белые улицы на дальнем берегу бухты, катера, теплоходы, паруса больших яхт на рейде и сизые громады крейсеров. И яркое небо, и неутомимых чаек, которые, подобрав красные лапы, кружили над Славкой. И над Тимом.

А Тим, блестящий от воды и солнца, стоял высоко на камне и собирался опять прыгнуть к Славке...

«Я не хочу уезжать! Не хочу! Не могу!!» — этот отчаянный тоскливый крик звенел в Славке не переставая. Но это был молчаливый крик. Его не слышал никто, даже мама.

Славка сидел прямо и спокойно. Он отвечал на какие-то мамины вопросы. Он, кажется, даже улыбнулся какой-то маминой шутке — неловкой и жалобной.

А улицы убежали назад, убежал назад Город, убежал от Славки. А впереди не было ничего...

«Ну, я же не хочу!!»

...Он помог маме втащить в вагон чемоданы. Он делал все как надо. Вежливо поздоровался с соседями по купе: маленькой загорелой старушкой и лысым капитаном третьего ранга, который безуспешно пытался открыть окно. Капитан третьего ранга оставил окно в покое, заинтересованно глянул на Славку (и на маму) и благосклонно кивнул:

— Здравствуйте, молодой человек. Будем знакомы. Меня зовут Федор Николаевич. А тебя?

— Меня зовут Слава. — Он ответил, как подобает вежливому ребенку.

— Очень приятно. Далеко держите путь?

— Мы гостили у бабушки, а теперь едем домой, за Урал. На родину, — торопливо объяснила мама.

Какая чушь! Его родина здесь. Здесь его единственный Город. А там что? Они мотались по разным местам, и Славка не помнил и не любил ничего, кроме Покровского озера. Он не помнил даже названия поселка под Перво заводском, в котором родился...

— А на пару дней мы заедем в Москву, — сказала мама. — Славик ни разу не был в Москве.

И не надо! Бывает, что человеку и в Москву не хочется нисколько! Славка успеет побывать там сто раз, когда вырастет.

А что заменит ему Город? Кто заменит Тима?

Поезд пошел. Резко загорелись лампы дневного света. Славка вышел в коридор. Здесь, напротив купе, окно было открыто. Славка встал на выступ отопления и прижался грудью к верхней кромке оконного стекла. Теплый-теплый воздух стал гладить его по лицу.

Поезд шел над ночными бухтами, в которых жил таинственной и неутомимой жизнью громадный Флот. Иногда пролетали мимо окна темные ветки, закрывали Город, а потом опять распахивалась перед Славкой бескрайняя россыпь огней. И в этом свете он различал скопление труб, кранов, мачт, сигнальных вышек. А над ними, по высоким берегам, тянулись высвеченные фонарями улицы. Славка разглядел свою школу...

«Даже документы не взяли, — подумал Славка. — Наверно,

мама затребует по почте... А может быть, она успела сходить в школу?»

Да наплевать на документы! А что будет с Артемкой? Посмеются и выкинут на свалку? Или все же его отыщут и заберет себе Тим?

Раньше в самые трудные времена со Славкой был Артемка. Теперь нет и его. Никого нет. Ничего нет.

Поезд нырял в туннели, с натугой брал подъемы, а Город все не кончался. Он только уходил вниз и сейчас был виден, как самолет...

— Славик, помоги мне разобрать постели, — позвала мама.

— Да подожди! — вырвалось у Славки. — Дай посмотреть последний раз!

Мама больше не окликала.

Потянулись темные деревья, заборы. Поезд сбавил ход. Остановился. Славка увидел белый домик с желтыми окнами и большой вывеской:

ЧЕРНАЯ РЕЧКА

Это все еще был Город. За станционным домиком, за деревьями дрожали в черной воде змеистые отражения огней. И совсем недалеко, на том берегу бухты, была база «Виндjamмер» с маленьким вертком «Маугли», дремлющим у буйка.

Недалеко? За тысячи миль! Потому что все это уже не его, не Славки. Потому что завтра ничего этого не будет: ни пляшущей воды, ни теплого ветра, шумящего в каштанах, ни запаха моря. Будет мокрый снег за окнами, черные деревья и безрадостные дни...

«Граждане пассажиры! Поезд номер двадцать три прибыл на первый путь. Стоянка поезда четыре минуты. Будьте внимательны к сигналам отправления...»

— Какая духота! А? — Лысый Федор Николаевич остановился рядом со Славкой.

Что ему надо? Почему в самые горькие минуты рядом не те люди, которые нужны?

Почему дома не оказалось Тима? Он бы пришел. Он бы к поезду прибежал! Он бы крикнул еще издалека:

«Славка!»

«Тим! Ты пришел! Тим, не обижайся, я не хотел...»

«Да брось ты про это, Славка...»

«Тим, я не хочу уезжать! Но я не виноват! Тим, мы ведь все равно... мы одной крови, да?»

«Конечно, Славка! Навсегда!»

«Тим, я напишу!»

«Ты обязательно напиши, Славка! И я тоже! Слышишь, Славка? Слышишь, Славка?!»

«Слышишь меня, Славка?! Славка!»

— Славка-а-а!!

Кинувшись к выходу, он сбил с ног капитана третьего ранга и проводницу...

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ТИМСЕЛЯ

Ученик пятого класса «Б» общеобразовательной средней школы № 20 Тимофей Сель за одиннадцать лет и три с половиной месяца прожил четыре жизни.

Первая жизнь была самая длинная и обыкновенная. В нее вошли детский сад, три класса школы, все радости и огорчения, которые случаются с человеком в его первое десятилетие.

Вторая жизнь началась, когда дядя Саша, папин брат, усадил Тима на носу большой яхты «Л-6» и дал ему в руки толстый капроновый трос.

— Держи стаксель-шкот, морячок...

Это была жизнь с мечтой о парусах.

Третья жизнь включала в себя один последний месяц, сентябрь. С того дня, когда появился Славка. У каждого человека начинается новая жизнь, когда среди множества приятелей и товарищей появляется единственный и самый нужный на свете друг.

Тим просыпался с радостью, что есть Славка. И засыпал с той же радостью. Каждый раз. Он, как праздника, ждал вечернего Славкиного звонка, а утром, как на праздник, бежал в школу: там будет Славка!

Эта жизнь кончилась сегодня днем.

Почему?

Потому что Тим оказался трусом. Да! Может быть, не все время он был таким, но в тот момент, когда Славка сказал «приказываю», Тим трусил. Он обрадовался приказу. Тогда он себе в этом не признался, он гордо и обиженно ушел к яхте, сделал вид, что не может быть сильнее морского закона.

А на самом деле он не мог быть сильнее своего страха.

Он кидал Славке сдержанно-обидные слова, а в самой-самой

глубине души таилась радость: не надо нести портфель. Можно, никого не предавая, уйти подальше от страшного места...

Это была недолгая радость. Когда «Маугли» отошел от берега и Тим увидел, как Славка уходит по пустырю, в Тима ударил горячий залп стыда и страха. Стыд был за себя, а страх теперь — за Славку. Почему Тим в тот момент не повернул к берегу, не бросился за Славкой? Сам не знал. Он уже не думал об опасности для себя, но будто по инерции продолжал вести яхту к базе. Зато потом, едва закрепив цепь, он кинулся туда же, куда шел Славка, — к обрывам. Вскочил на автобус, идущий до Качаевки, потом бежал через кипарисовые посадки, через какие-то ямы с остатками колючей проволоки...

Славки не было на обрыве. Да и не могло еще быть: он же шел пешком. Идти встречать? Но куда? Славка мог выйти на берег любой тропинкой, любым переулком.

Тим сидел на краю бетонного оружейного гнезда и ждал. И каждую секунду боялся услышать раскатистый удар взрыва. Наверно, нет ничего страшнее такого томительного и беспомощно-го страха.

Взрыва не было. Но и Славки тоже не было. И когда прошла целая вечность (даже непонятно, почему ни разу не наступила ночь), Тим опять побежал к автобусной остановке, а оттуда приехал к базе.

И просидел у ворот еще одну вечность.

Потом он издали увидел Славку: как он подходит к берегу, опасаскивает лицо...

Трудно рассказать, какое ликование поднялось в Тиме! Но поднялось и схлынуло. Потому что теперь, когда страх ушел, Тим опять подумал о себе. Вспомнил унижительную радость, которую испытал после Славкиного приказа. И понял, что больше они со Славкой не могут быть равными. Славка не дрогнул, держался до конца, а он, Тим, бросил его.

Да, бросил! Надо было наплевать на приказ. Надо было сказать: «Пойдем по очереди, будем меняться. Один тащит, а другой идет поодаль, чтобы не зацепило, если взорвется...»

«Но я же тогда не подумал об этом!» — сказал себе Тим.

А Славка? Славка, наверно, подумал, но промолчал. Из благородства! Капитан!

Если бы он не сунулся со своим приказом, все было бы как надо. Не стал бы Тим трусом! Не было бы этого унижения, от которого хочется завывать, как от зубной боли. Они до конца шли бы вместе.

Но Славка не захотел. Пожалел Тима. Не пожалел, а бросил! Одного! Чтобы он мучился от своей трусости и страха. Какое он имел право бросать Тима? Какое имел право делать его ничтожеством?

И когда Славка подошел, обида, перегоревшая и сбитая в тугой комок, сидела в горле у Тима. И Тим сказал Славке те слова...

Так началась четвертая жизнь Тима. Без Славки.

И очень скоро, уже по дороге домой, Тим почувствовал, что такая жизнь хуже смерти.

Сначала Тим говорил себе: «Он сам виноват. Он поступил нечестно». Но такие мысли не успокаивали. Во-первых, несмотря ни на что, Тим понимал: Славкино решение было правильным. Славка же не подозревал о Тимкиной трусости! Он просто хотел уберечь Тима от риска.

Во-вторых, какая разница — виноват Славка или нет, если Тим без него не может жить? И если сам он, Тим, виноват перед Славкой в тысячу раз больше?

Была бы хоть какая-то надежда, что Славка забудет эти подлые слова «хуже, чем враг», — тогда другое дело...

А может быть, надежда есть? Славка гордый, но он же добрый. И если честно рассказать о своем сегодняшнем страхе, о своих дурацких мыслях, о нелепой обиде, он, может быть, поймет?

Ведь не смеялся же он, когда Тим признался, как боялся лезть на марсовую площадку «Сатурна»...

Но тогда Тим боялся и все-таки лез. А сегодня струсил до конца.

Но этого же никто не знает! Если бы Славка не приказал, разве бы Тим ушел?

А может быть, завтра утром Славка сам подойдет и скажет:

«Брось, Тимсель, не надо обижаться...»

Скажет? После того, как Тим сказал ему такое?..

Нет, надо идти и все объяснить. Сейчас, скорее... Или не сейчас? Может быть, лучше завтра, чтобы сначала успокоиться и найти самые убедительные, самые правильные слова?

Мучиться до завтра?

Но, может быть, это все-таки лучше — подождать? Чтобы Славкина обида не была такой жгучей?

Эти мысли грызли Тима на улице, дома и в гостях у человека,

который недавно встречался с папой на Канарских островах. Это был давний товарищ отца и мамы, он знал Тима с пеленок. Он спросил:

— Тим, что гложет юную твою душу?

Мама сказала:

— Он сегодня как в воду опущенный. И не могу добиться, что случилось.

— Ничего не случилось, — сказал Тим.

Он не знал, конечно, что в этот момент Валентина смотрит на листок с отпечатанными буквами и озабоченно говорит Диньке, который засиделся у нее допоздна:

— Здесь что-то не так. Я определенно чувствую, что нам придется ехать на другой конец города...

Они приехали туда через сорок минут. Папин товарищ ввел их в комнату.

— Полюбуйтесь на неожиданных гостей.

Валентина протянула Тиму листок:

— От Славы.

Динька держал под мышкой второй том «Международного свода сигналов» — книгу разбора.

С этой секунды четвертая жизнь Тимсея рванулась и начала раскручиваться, как часовой механизм, у которого сорвало маятник (в этом случае шестерни воют от перегрузки, а минутная стрелка вертится со скоростью велосипедной спицы).

Буквы NC ударили, как двойной выстрел. Тим распахнул книгу. Сколько ушло на расшифровку? Минута, две? Тим не знал. Но он запомнил: когда прочитал номер вагона, большие электронные часы на стене показали 21.07.

Метнувшись к двери, он успел крикнуть маме:

— Славка уезжает, я на вокзал!

И через три секунды был на улице...

Про вокзал Тим крикнул для краткости. Он понимал, что туда уже не успеть. Был единственный шанс увидеть Славку — перехватить его на Черной Речке. До отхода поезда двадцать три минуты. Еще примерно столько же пройдет, пока поезд минует туннели, проползет над бухтами и одолеет подъемы и спуск. Но и катер на Чернореченский причал идет сорок минут. А как добраться до катера?

Тим рванулся к обочине.

По дороге, пересекавшей новый район, то и дело проносились легковые автомобили. Три из них Тим без колебания пропустил. Это были два самодовольных личных «Москвича» и такси, набитое пассажирами. Но когда за стеклами еще одного такси блеснули золотые полоски наплечного шеврона, Тим вскинул обе руки. Его оранжевая рубашка польхнула в свете фар.

Тим не ошибся. Машина проскочила метров двадцать и завизжала тормозами.

— Эй, мальчуган, что случилось?

Не было времени придумывать истории. Да и зачем?

— Товарищ капитан, мне надо на Черную Речку, к поезду! У меня уезжает друг!

— Да ты что! Мы совсем не туда!

— Я понимаю! Мне бы только до причала, до катера!

— Дома-то тебя искать будут...

— Дома знают, честное пионерское!

И улицы бросились навстречу, размазывая фонари в сплошные желтые полосы.

— Прямо к Орудийной, — сказал водителю человек в форме капитана Морфлота. — Ничего, это не очень большой крюк.

Машина подлетела к арке, за которой тянулись бетонные пирсы.

— Ни пуха ни пера, малыш!

Тим бросился к кассе.

...Зря он торопился. Зря капитан гнал машину. Вообще все зря...

Над окошечком кассира был прищиплен листок с обычными и беспощадными словами:

Движение пассажирских катеров по Большой бухте закрыто до 23.00.

Тим прочитал эти слова несколько раз. И все еще машинально шарил в карманах, искал мелочь для билета.

«А ведь и денег нет ни копейки...»

Когда бежал, в кармане что-то звякало, а сейчас оказалось — ключи. Два плоских ключа на блестящем колечке: от квартиры и от «Маугли». Тим растерянно подержал их на ладони.

И вдруг Тим понял, что ключ — это надежда.

Это риск — почти такой же, как с «Сатурном». Но ведь Славка уезжает!

По бульвару, мимо праздничных людей и светящихся фонтанов, Тим бросился к Адмиральской пристани.

Повезло! У дощатого настила прыгал на короткой зыби катер-лимузин. С пристани на борт шагнул молодой офицер в парадной форме.

— Товарищ капитан-лейтенант! Подождите, пожалуйста! Товарищ капитан-лейтенант! Мне надо на Северный берег, а рейд закрыт! Меня мама потеряет! — Сейчас нельзя было говорить настоящую причину.

Офицер обернулся. Веселые глаза, белые зубы.

— Что за крик?

— Мне надо на Северный берег, а катера не идут!

— Мы не туда, мы на крейсер.

— Вам же это две минуты! Пожалуйста!

— Не положено.

Тим заплакал. От бессилья и тоски по Славке.

— Ты что слезы льешь, моряк? Веснушки хочешь смыть?

— Дома же беспокоятся, — соврал Тим, а думал по-прежнему о Славке.

— Где же ты был? С обеда предупреждали, что рейд закроют.

— Я у товарища засиделся...

— Шут с тобой, прыгай, Конопухин... Пускай мамаша тебе всыплет по тому месту, на котором засиживаются. Оно у тебя тоже с веснушками?

Ладно, сейчас не до обид! Лишь бы скорее!

Катер вздыбился, раскидав пенные усы. Северный берег с обелиском в честь воинов-гвардейцев приблизился, накатил вплотную, навис над Тимом.

Каменистая крутая тропинка вела от пирса наверх, туда, где шоссе и автобусная остановка. Можно и по лестнице, но тропинкой ближе... Теплый, но плотный ветер качнул Тима над откосом, пузырем надул рубашку — она выбилась из-под резинки на поясе. Тим схватился за кусты, в ладонь злорадно вгрызлись мелкие колочки. Наплевать! Лишь бы успеть!

Квадратные окна автобуса светились у остановки.

— Подождите!

Зашипели двери, мигнули красные фонарики. Насмешливо так мигнули, будто сказали: «Денег нет — нечего и соваться».

Следующий автобус — через полчаса. А поезд, наверно, уже в пути.

У поворота заметались лучи от ярких фар. Тим выскочил на дорогу. Высоко поднял руки.

Крытый брезентом грузовик взвыл, как остановленный на бегу мамонт. Шофер в синей робе и берете со звездочкой распахнул дверь:

— Ты что, парень?! Головы не жалко?!

— Товарищ водитель! Мне надо на Кипарисную! Это прямо по дороге, до поворота!

— Ты что, обалдел? Это военная машина!

— Товарищ водитель! У меня друг уезжает, я не успею!

— Уйди с дороги!

— Я же его больше никогда не увижу!

— Я из-за тебя на губу сяду!

— Меня не заметят в кабине, я пригнусь! Товарищ...

— Носит вас по ночам! Лезь!

В машине резко пахло бензином.

— Друг у него уезжает... — проворчал матрос. — Твое счастье, что друг...

Все могучие силы — не лошадиные, а, наверно, бизоньи — взревели в моторе. Грузовик пошел через тьму, как ракета. Впереди опять замелькали красные сигналы автобуса. Еще несколько секунд — и автобус остался позади. Желтые окошки окраины пролетали мимо, как огни встречных поездов...

— Вот твоя Кипарисная. Шпарь отсюда мигом! Привет другу...

— Спасибо!

...Белый забор, зеленые ворота «Виндjamмера», лампочка у входа. В окошке дяди Сени темно. Спи, миленький дядя Сеня, спи крепко-крепко. Пожалуйста! Тим готов молиться, чтобы ты не проснулся! Как хорошо, что ты рано ложишься!

Но в ворота Тим все же соваться не стал. Он обошел забор по воде. Не снимая сандалий. Короткая сердитая зыб хлестала по ногам, парусиновые шортики намокли. Потом они высохнут и затвердевшими солеными кромками начнут ядовито царапать кожу. Но теперь некогда думать про это. Подол рубашки тоже намок, и Тим торопливо связал его концы узлом на животе.

Вот и «Маугли». Он закачался под Тимом, обрадованно закивал светлой мачтой.

Как хорошо, что Тим и Славка не уносят паруса в рундук, хранят их в ахтерпике — заднем отсеке с герметической дверцей! Скорее! Фал с железной мочкой на конце не дается в руки, мотается на ветру. Тихо ты, дурак, не до игры!

Наконец грот заскреб ползунками по тонкому рельсу на мачте, пополз вверх. И захолопал. Ух, как громко захолопал! Можно разбудить весь Северный берег!

Скорее! Тим вставил румпель и опустил шверт — деревянный выдвижной киль. Навалившись животом на носовую палубу, Тим отцепил замок. Подобрал гика-шкот.

Пошел!

Хорошо, что ветер не встречный, а боковой, можно идти в галфвинд. Кренит здорово, но зато скорость больше, чем при бейдевинде.

За пирсом сразу хлестнула в борт волна, ветер нажал, «Маугли» чуть не положило набок. Тим уцепился ногами за ремень, перегнулся наружу. В одной руке румпель, в другой шкот. «Маугли», родной, держись.

Тим никогда не водил яхту в одиночку и никогда не держал румпель в такой ветер. Хорошо, что он не поднял стаксель: с двумя парусами он бы не справился. Но с одним парусом «кадет» шел неровно, рыскал на волне. Его опять чуть не положило на гребне.

Тиму стало страшно — одному среди пляшущей черной воды, на фанерной скорлупке с непокорным рвущимся парусом. Он вспомнил, что не надел спасательный жилет. Да и где его было взять? Все жилеты под замком в кладовке.

Если «Маугли» опрокинется, Тим не сможет поставить его на таком ветру и волне.

И придется болтаться в воде, пока его вместе с яхтой не прибьет к берегу. А когда прибьет? И куда? И главное — Славка в это время будет уже далеко-далеко!

«Нет, Славка, я держусь! Я спешу! Я изо всех сил, Славка...»

Бояться больше нельзя. Сегодня из-за его трусости и так хватило бед! Может, и Славка не уехал бы, если бы не было ссоры. Может, он бы намертво отказался ехать, если бы знал, что Тим его не бросит!

А может быть, он еще уговорит Славку? Вдруг случится чудо?

По краям бухты змеились желтые маслянистые отражения фонарей. Впереди, на стрелках Черной Речки, мелькали синие огоньки. Они были все ближе. А поезд? Он, наверно, уже вышел из ближнего туннеля.

Но Тим успеет! Тут от берега до берега всего полмили, всего каких-то шесть или семь минут хорошего хода. Лишь бы «Маугли» не подвел!

Голубая полоса прожектора метнулась над мачтой и уперлась в парус.

— Яхта «Це-семь»! Яхта «Це-семь», немедленно вернитесь к

берегу. Кто разрешил ночной выход? Яхта «Це-семь», рейд закрыт! — взревел мегафон.

Откуда это? С патрульного судна? С береговой станции? С маяка?

Ветер крепче прежнего надавил на парус, а Тиму показалось, что это нажал широкий луч. От такого толчка «Маугли» почти лег на борт. Но Тим не выпустил гика-шкот, не ослабил парус. Потому что нельзя было терять скорость!

Он всем телом рванулся за наветренный борт. «Маугли» тоже рванулся и встал. С нижнего угла паруса ветер срывал капли.

— Яхта «Це-семь»...

Тим понимал, что с «Виндjamмером» покончено. Никто не простит мальчишке самовольный выход в ночное время без прав, без спасательных средств. Но и это было теперь неважно. Вдали показалась цепочка вагонных огней.

— Яхта «Це-семь»...

«Маугли» влетел в тень большого лесовоза. Кажется, это был «Бахчисарай». Корма «Бахчисарая» возвышалась совсем недалеко от берега.

Прожектор пометался и погас.

Трах! «Маугли» подпрыгнул и встал. Тим забыл выбрать шверт, и он с размаху врезался в песчаное дно. Его верхний край выбил переднюю стенку плоского швертового колодца. В яхту сразу пошла вода.

Тим выдернул шверт, сбросил парус и прыгнул за борт. Схватил цепь, потянул «Маугли» к берегу. Наконец днище зашуршало по песку. Но волны подбрасывали и сносили яхточку. Унесут совсем, если оставить. Надо вытащить ее на сушу. Тим дергал и тянул цепь изо всех яростных сил. Скорее же! Поезд уже подходит к станции!

Наконец корпус «Маугли» больше чем наполовину вылез на песок. Тим отчаянно потянул цепь в последний раз... И грохнулся спиной на жесткую траву и ракушки. Скоба вырвалась из форшпигеля, цепь осталась у Тима в руках.

Тим вскочил. Гремя цепью, бежал станционный домик и выскочил на платформу. Поезд замедлил ход.

Где седьмой вагон?

Тим бросился вдоль перрона, цепь звенела на каменных плитах.

— Славка, где ты?! Славка!!

ФОРС-МАЖОР

Славка прыгнул с верхней ступеньки и упал прямо на Тима. Они вцепились друг другу в плечи.

— Славка... — сказал Тим. Он сбивчиво дышал после бега.

А Славка ничего не сказал. Что говорить, раз Тим пришел? Он тоже часто дышал и смотрел на Тима. И в эту минуту, не смотря ни на что, был счастлив. Потом он заметил, что Тим мокрый.

— Ты откуда? Так на катере брызгает?

Тим понимал, что нельзя говорить про «Маугли». Если Славка все-таки уедет, в дороге он изведется от беспокойства за Тима. Тим быстро сказал:

— Зато я успел! Ты почему уезжаешь? Славка, ты из-за меня?

— Ты что! Тим, я не виноват, это мама...

— Из-за снаряда?

— Нет, Тим. Из-за... того. Того человека. Я же рассказывал.

Мама появилась в тамбуре.

— Славик, что это такое!.. Боже мой, Тим... Ты откуда?

Тим махнул рукой.

— Славка, — горячим и умоляющим шепотом сказал он. — Не уезжай.

— Тим, — сказала мама. — Как ты сюда попал? Как ты доберешься домой?

— На катере. Это неважно!.. Славка...

— Мальчики, у вас три минуты. Ради бога, не отходите от подножки!

За мамой появилась проводница. Она, кажется, ругалась.

Славка яростно оглянулся. И крикнул маме, проводнице, всем на свете:

— Хотя на три минуты оставьте нас в покое!

— Славка, не уезжай, — опять сказал Тим.

— Тим, я не могу...

— Упрись. Убегни...

— А мама? Она как? Она говорит, что не может без меня.

— Славка... Она сможет, она большая!

— Нет, — сказал Славка. — Она говорит, что нет... Я бы все сделал! Я бы в землю впаялся! Но... как я? Значит, получится, что я ее бросил?

— Ну, пусть и она не едет!.. Славка, я ей скажу!

Славка сжал губы и покачал головой. Как объяснить Тиму?

— Тим, я не виноват. Это... Ну, как приказ. Когда не хочешь,

а все равно надо... Тим, ты сегодня тоже не хотел, когда я... Но ты же понял...

— Я был дурак, — резко сказал Тим. — Я понял: не все приказы надо выполнять!

— Наверно. Только я не могу, Тим. Ну, не имею права.

— А если бы она разрешила? Ты бы остался?!

— Тим, она ни за что в жизни не разрешит...

Получался не тот разговор. Им сказать бы сейчас друг другу самые хорошие слова, а они тратили последние минуты. «Тим, ты не забывай меня. Ладно, Тим? Это такое чудо, что ты все-таки пришел!»

Незаметно они отошли метра на три от вагона.

Мама опять заволновалась:

— Славик, Тим... Поезд сейчас тронется.

— Подожди, еще красный свет, — резко сказал Славка. И спросил Тима: — Ты мне напишешь?

— Славка, я не о том! Ты скажи! Если бы ты не смог уехать, ты жалел бы? Она бы уехала, а ты не смог?

— Как не смог?

— Ну, заболел, ногу сломал! В яму провалился, черт возьми! Что угодно!

— Форс-мажор?

— Да! Чтобы ты не был виноват!

Чтобы мама уехала, а он остался? Славка не знал. Об этом трудно было думать. Как они друг без друга? Но... Позади Город. Позади море. Тим. А впереди? Да и что об этом говорить? Какая теперь разница?

— Тим, не все ли равно сейчас...

— Нет! Не все равно! Славка, скажи! Он остался бы?

Он не знал. Но Тим так отчаянно спрашивал об этом! Это было для него так важно! А секунды бежали.

— Мальчики, уже зеленый свет!

— Славка...

— Да, я остался бы, — сказал Славка. — Да, Тим!

С отчаянной силой Тим рванул его за руку, подтащил к бетонному столбу с фонарем. Толкнул так, что Славка ударился о столб затылком...

— Тим, ты что?!

Взметнулась и коротко прошуршала в воздухе цепь. Двумя стремительными витками опоясала Славку и столб. Ее замок очень больно ударил Славку по ребрам. Тим, яростно дыша, рывком стянул у цепи концы. Щелкнул замком.

Славка машинально рванулся. Цепь держала туго — не выскользнешь. Даже не вздохнешь.

Славка понял. Он сразу все понял! Больше, чем Тим. Тим думал, что цепь удержит только Славку, а она удержит и маму. Не уедет она без Славки!

Славка рванулся еще, радостно сознавая, что цепь ему не по-рвать. Мама оказалась рядом. В желтом свете фонаря Славка увидел ее перепуганные глаза.

— Что такое? Славка! Тим! Это что?!

Морщась от боли и смеясь от нарастающего ликования, Славка сказал:

— Я не могу. Видишь, я не могу ехать! Видишь, мама?! Хоть убей!

Тим стоял рядом — растерянный, маленький и мокрый. Мама лихорадочно дернула цепь и увидела замок. И мгновенно все поняла. Выпрямилась.

— Тимофей! — сказала она ледяным голосом. — Дай ключ!

«Тим, не надо!»

Тим зажмурился, будто ожидая пощечины. Сильно махнул рукой в сторону темных кустов. Славка увидел, как под фонарем сверкнуло колечко...

ТЫ — ПАРУС

Ровно шуршали по сухому асфальту колеса. Машина легко взлетала на подъемы и потом стремительно, почти со скоростью падения неслась со спусков. От этого появлялось чувство, похожее на невесомость. Теплый ветер врвался в окошко. Он лохматил волосы и упруго отгибал Славкины ресницы.

Город, плавно разворачиваясь, двигался навстречу. Наплывал. Огни наплывали. Множество огней и отражений в бухтах. Город возвращался.

Ровная скорость и ощущение спокойного счастья слегка убаюкивали Славку. То, что недавно произошло, вспоминалось как ненастоящее. Будто не с ним это случилось. Сон какой-то... Что было?

Ключи сверкнули и улетели, а мама стала снова дергать цепь. И что-то кричала Славке и Тиму. Потом бросилась к вагону.

— Федор Николаевич! Товарищ капитан! Вещи! Ради бога, вещи скорее!

Маме протянули в окно чемодан. Потом сумку. Потом еще

чемодан. Мама его не удержала. Он грохнулся, отскочила крышка. Тим бросился подбирать рассыпавшиеся свертки и книги. Кажется, мама сказала, чтобы он убирался, но он не убрался и помогал. А мимо них все быстрее и быстрее катились черные колеса, а над колесами ехали желтые квадраты окон.

А Славка стоял прикованный к бетонному столбу. Цепь отчаянно резала ему бока, а он тихо смеялся.

Мама захлопнула крышку, и они с Тимом подтащили чемоданы и сумку ближе к прикованному Славке.

Мама еще раз дернула цепь и сказала Тиму:

— Сию минуту ищи ключ.

Тим послушно полез в кусты, а Славка, все так же смеясь, сказал, что искать не надо. Надо открыть чемодан. Там в кармане на шортах лежит другой ключ от замка. От цепи ключ. От их с Тимселем яхты.

Потом Славка и Тим затащили «Маугли» на берег, в кусты, и убрали парус, намотали его на гик. Мама в это время что-то бес-порядочно говорила пожилому дежурному в красной фуражке. Затем Славка и Тим долго сидели в маленьком пустом зале ожидания, а мама с кем-то разговаривала по телефону. Выясняла, что делать с билетами. Горела яркая лампочка. Мамин голос казался громким, но все равно было тихо.

Хмурый дежурный несколько раз прошел мимо. Он очень осуждающе смотрел на Тима и на Славку.

Славка и Тим сидели рядом. Скамейка почему-то была очень высокая, и ноги не доставали до пола. Тим держал на заляпан-ных веснушками коленках цепь. Ее концы свисали. Тим качал ногами, и цепь тихо звякала. Тим покусывал нижнюю губу и, опустив голову, смотрел на брошенный у скамьи окуроч. Но иногда он быстро поднимал глаза на Славку. С какой-то странной улыбкой: и вопросительной, и виноватой, и упрямой.

Славка отвечал таким же быстрым взглядом. А цепь: дзинь, дзинь... Славка держал Тима за локоть. Двумя руками...

А может быть, ничего не было? Мчится машина... Может быть, они с мамой едут в Город первый раз, из аэропорта?

Нет, было! Потому что Тим — вот он, рядом. Он — справа, мама — слева. Славка — посередине...

Мама каменно молчит. Это не очень хорошо, но это не страшно. Теперь все равно, потому что Город возвращается. Он катит на Славку тысячи огней, темные тучи деревьев, цветные вспышки маяков.

И вот уже улицы побежали за окнами машины...

Тим, который молчал всю дорогу, оторвался от окна и тихо сказал:

- Елена Юрьевна, простите меня...
- За что? — сухо спросила мама.

Тим не ответил. Он сидел прямо и смотрел в затылок водителю. Водитель был молодой, кудрявый, как Любка Потапенко.

- За что же простить? — переспросила мама.
- Ну, за то... что я сделал.

Мама усмехнулась:

— Знаешь, это даже нечестно. Просишь прощения, хотя вовсе не чувствуешь, что виноват... Или чувствуешь?

Тим сказал негромко и со вздохом:

- Нет... Но все равно...
- Что все равно?
- Вы на меня сердитесь.

Мама опять усмехнулась:

— По-моему, это для тебя неважно. Тебя другое беспокоит: что будет дальше? Верно?

— Верно, — почти шепотом сказал Тим. — Но то, что вы сердитесь, тоже... беспокоит.

Славка улыбнулся про себя, потому что все это были пустяки. Главное, что они вернулись. Где-то уже далеко в ночи стучал по рельсам поезд. Без Славки, без мамы...

Мама взглянула на Тима, потом на спокойного Славку, опять на Тима и сказала как-то удивленно:

— Самое непонятное, что я не сержусь... Вот в первые минуты, когда поезд ушел, я действительно кипела. Если бы мне было позволено, я бы тебя в тот момент с наслаждением выпорола.

Славка поморщился, ему стало неловко за маму. Но Тим, кажется, искренне удивился:

— Кто же вам не давал? Я на что угодно готов был.

Мама коротко засмеялась:

- А сейчас?
- Что сейчас?
- Также готов... на что угодно?

Почти серьезно Тим сказал:

— Ладно. Только не увозите Славку.

Он, значит, еще не понимал! Он думал, что его, Славку, можно увезти второй раз!

Тим повторил уже совсем серьезно:

— Вы со мной что хотите делаете. Только не увозите его... Ладно? Пожалуйста...

Мама долго молчала. Тим ждал. Славка тоже ждал, но без страха, а просто с любопытством.

Мама сказала:

— Тим, ты ставишь меня в безвыходное положение. Я просто не имею права рисковать. Я же не знаю, что ты сделаешь в следующий раз, если мы попытаемся уехать. Вдруг заминируешь туннель или захватишь торпедный катер и обстреляешь вокзал. Или запрешь меня в трансформаторной будке и уморишь голодом...

Славка засмеялся.

— Сдаешься? — спросил он у мамы.

Она сказала без смеха:

— Почти...

Они уже ехали по Якорному спуску.

— Елена Юрьевна, у меня еще одна просьба...

— Это любопытно.

— Можно, я у вас переночую?

— Ты что же, боишься, что я схвачу сына под мышку и ночью сбегу?

— Нет. Нам со Славкой поговорить надо...

— У вас еще будет время, я обещаю.

— Нам сегодня...

— Тебя дома потеряют.

— А я позвонил маме со станции. Когда вы машину встречали.

— Ну и ну! Я вижу, ты все рассчитал...

Тим виновато засопел.

— Оставайся, — разрешила мама. — Только не будет у вас разговора. Посмотри, он совсем спит...

— Не сплю я, — сказал Славка. — Мы всю ночь не будем спать. Верно, Тим?

— Тогда я тебя запру, а ненаглядного Тима выставлю домой.

Тим смущенно объяснил:

— Домой не получится. Мама с Валентиной уехали на дежурство в гостиницу, а у меня ключа нет. Я его выкинул... Вместе с тем...

Мама сказала, что оба они, Тим и Славка, отправят ее на тот свет. В ближайшее время.

— Приехали. Убирайтесь из машины, ироды.

Тим, гремя цепью, полез из кабины...

Они выволокли багаж. Славка подошел к знакомой калитке с чешуйками пересохшей краски. От калитки пахло теплыми старыми досками. По ней вверх и вниз ползала мохнатая тень от

ветки акации — это тихо качался фонарь. Славка потянул шнурок, и знакомо звякнул в доме колокольчик.

Баба Вера открыла калитку и, кажется, очень удивилась. Расптеранно стояла на пороге.

— Мы не поехали, — сказала мама. — Они не захотели.

Баба Вера пожевала губами:

— Славушка...

Славка щекой прикоснулся к ее вязаной кофте, от которой пахло лекарствами, дымом и горьковатой теплой травой...

В Славкином закутке рядом с диванчиком поставили раскладушку. Свободного места почти не осталось, только узенький проход.

— Спать немедленно, — сказала мама и выключила свет.

И сразу поплыла на Славку темнота с россыпью городских огней, шуршанием шин и фарами встречных автомобилей. И опять мягко закачало Славку...

— Славка, подожди, — попросил Тим. Он протянул с раскладушки руку.

И Славка понял это, на ощупь взял его руку — маленькую, горячую, твердую. Они держали теперь ладонь в ладони. Что еще нужно в жизни?

Но Тим скрипнул раскладушкой и снова сказал:

— Славка, я дурак такой был тогда... днем. Это я со страха. Сам был виноват, а на тебя...

Славку все качало.

— Тим, — сказал Славка, — ты — парус... Помнишь, я говорил? Ты — оранжевый парус. Ты — спасатель... Я думал, что уже все, а ты успел... Ну, что ты бормочешь о каком-то страхе...

ПИСЬМО

Рано утром Славка и Тим приехали на Черную Речку. Надо было заделать швертовый колодец и перегнать яхту на базу. Но они опоздали. С «Маугли» уже возился Игорь Борисович. Он снял мачту и теперь отцеплял от гика парус. У берега стояла мотторка.

Игорь Борисович не удивился, когда виноватые Тим и Славка возникли перед ним. Он посмотрел исподлобья и грустно сказал:

— Чтобы я вас больше не видел. Ни на базе, ни в округе радиусом в милю.

Что же, они этого ожидали. Тим печально позвенел цепью, которую притащил с собой. Славка покачал тяжелой авоськой: в ней лежала банка с суриком и коробки с зубным порошком для шпаклевки.

Оба не двинулись с места.

Игорь Борисович снова коротко глянул на них.

— Есть вопросы?

— Есть, — хмуро произнес Тим. — Славку-то за что? Это я один все сделал.

— Семибратов — капитан. Если у капитана матросы творят что вздумают, он виноват больше всех. Гуляйте.

— Понял? — сердитым шепотом сказал Славка Тиму. Тим смешной, честное слово. Неужели Славка останется, если Тим-селя попрут из секции!

Он протянул банку.

— Краску возьмите...

— Зачем?

— Мы для ремонта принесли.

Игорь Борисович перестал возиться с парусом. Выпрямился и посмотрел на них внимательнее.

— Ах, для ремонта... Это мысль. Поехали на базу. Сперва почините колодец, а потом уж отправляйтесь на все четыре стороны. Так, по-моему, будет справедливо... Или нет?

— Справедливо, — сказал Тим.

Они молча стащили «кадет» на воду. Молча погрузили мачту и парус. Игорь Борисович укрепил буксирный конец. Кивком показал, чтобы лезли в катер.

Славка что-то вспомнил:

— Подождите!

Он бросился к станции, перебежал линию и нырнул в кусты. Вернулся минуты через три. Протянул Тиму два ключа на блестящем колечке.

— Вот это да! — сказал Тим. — Как ты нашел?

— Я еще тогда заметил, как они летят. Запомнил траекторию... Ты их в самые колючки закинул. Нарочно, что ли?

Они посмеялись. Хорошо им было, хотя и грустно. Грустно, что выгонят из секции, и хорошо, потому что они вдвоем. Это самое главное. Это уж никто не отнимет.

И утро было хорошее. Ясное такое и горячее. Синяя вода сверкала, и маленькие желтые цветы сияли среди берегового мусора и чахлой травы. Они качались от теплого ветра. А громад-

ные крейсера в солнечном мареве казались глыбами сизых скал...

— Долго будем стоять? — спросил Игорь Борисович. Они прыгнули в катер, затарахтел мотор. Неуправляемый «Маугли» заскакал на буксире.

Все молчали. Наконец посреди бухты Игорь Борисович заметил:

— Могли бы и рассказать, что у вас случилось...

— Мы хотели, — сказал Тим, — а вы сразу: «Гуляйте!» Даже не спросили...

— Ах, какие мы самолюбивые!.. А меня вы о чем-нибудь спросили? Как, например, меня подняли с постели до рассвета и какую я получил нахлобучку?

Славка и Тим растерянно посмотрели друг на друга. О нахлобучке, которую получил начальник базы, они не думали. А ведь получил. Из-за них. Что тут ответишь? А Игорь Борисович больше ничего не говорил и не спрашивал.

«Маугли» через разбитый колодец постепенно набирал воду. Но он немного набрал. Очень скоро они ошвартовались у базы...

С ремонтом провозились до полудня. Когда вгоняли в швертовый колодец последний шуруп, рядом появилась Настя. Шумно и сердито вздохнула, потом громко поинтересовалась:

— Может, расскажете, что натворили?

Тим вопросительно посмотрел на Славку. Славка сказал:

— Пожалуйста...

И, работая отверткой, он поведал о ночной погоне Тима.

— А что делать, если человека увозят? — насупленно спросил Тим.

— Почему же не увезли?

— Он же догнал! — сказал Славка.

— Ну и что?

Славка засмеялся:

— Я же говорю: цепь. В три обмотки к столбу — и на замок!

— Трепачи. Я с вами серьезно, а вы...

Славка встал и задрал к подбородку рубашку.

— А это не серьезно?

На животе и на ребрах у него были коричневые ссадины.

Настя поморгала. Повернулась и, прогибая доски на пирсе, пошла к домику.

Славка с размаху воткнул в доски отвертку.

— Все... Прощай, «Маугли». Хорошо мы с тобой жили...

Тим тоже сказал:

— Не скучай о нас, «Маугли». И не сердись...

Они погладили у «кадета» облупленный форшпигель и пошли в дом.

Игорь Борисович сидел за столом с неприступным видом. Что-то писал. Насти не было.

— Все готово, — сказал Тим. — Можно взять немного олифы, краску оттереть?

У него руки, ноги и подбородок были в сурике от шпаклевки. Славка тоже изрядно перемазался.

— Олифу еще на вас изводить... — сказал Игорь Борисович Тиму. — Особенно на тебя... Все равно пятнистый.

— Очень остроумно, — сказал Славка.

— А мне сейчас не до остроумия. Объяснительную пишу портовому начальству. По вашей милости. Возьмите олифу в кладовке... и сгиньте вы, наконец!.. За нарушение портового режима и судоводительских прав имеете месяц без выхода на воду. Есть вопросы?

Тим посмотрел на Славку, Славка на Тима. Поползла у Славки улыбка — не удержаться. У Тима засияли веснушки.

— Нечего тут ослепительно улыбаться, — проворчал Игорь Борисович. — Гнать бы вас вместе с толстой заступницей...

Из-за фанерной перегородки вырвался негодующий Настин баритон:

— Я попросила бы выбирать выражения, товарищ начальник базы!

Тим радостно спросил:

— А можно просто так пока приходиться? Заниматься на берегу?

— Не раньше чем через две недели. Пока не приду в себя, вам лучше не соваться.

Тим сдвинул пятки и опустил руки. Тим сказал:

— Есть появиться на базе через две недели.

Славка, глядя на него, одернул рубашку и тоже сказал тихонько:

— Есть...

Олифы оказалось на доньшке: хватило только, чтобы отмыть ладони да Тимкин подбородок.

— Ладно, дома отскребемся, — сказал Тим. — Только сначала пойдем выручим Артемку.

Оказалось, что Славка не помнит дорогу. Он запутался среди заросших улочек, тропинок, изгородей и пустырей.

Тим веселился:

— Всякие траектории запоминаешь, а улицу забыл! Ты как профессор, да?

Но Славке было не до веселья.

— Скажут: «Чего вчера убежал?..»

— Торопился, вот и убежал. Решил, что Любка портфель возьмет.

— Может, она в самом деле взяла?

— Вот и узнаем.

Наконец они выбрались на улицу Морских пехотинцев и увидели проходную.

Молоденький часовой в сурово надвинутом на брови берете долго не мог их понять. Потом взялся за телефон.

— Товарищ капитан! Тут пацаны... перемазанные, с якорями и нашивками. Спрашивают с меня какой-то портфель и какого-то зайца... Никак нет... Так точно... Есть! — Он обернулся: — Подождите за дверью.

Славка и Тим вышли на улицу. Почти сразу вышел и часовой. Строго сказал:

— Портфель вам будет завтра.

— Почему? — удивился Славка.

— Так приказано передать. Все. Свободны.

— «Свободны»... — передразнил Славка, когда отошли. — Новобранец какой-то, а командует, как адмирал... Завтра опять в такую даль тащиться... Хоть бы объяснил, когда приходиться!

— Да ладно. После уроков съездим, — утешил Тим.

— Зажилят они Артемку, — мрачно сказал Славка. Он понимал, что не будут морские пехотинцы зажиливать чужого тряпичного зайца, но его грызла досада.

— Славка...

— Что?

— Славка, — сказал Тим, — все это пустяки...

И Славка понял: «Все это пустяки по сравнению с тем, что было вчера». И опять поднялась в нем радость: он здесь, он с Тимом! Навсегда!

А Тим вдруг встревожился:

— Слушай, я опять чего-то забоялся... Мама у тебя не передумает?

— Что ты! Она сама учебники мои расставила, одежду развесила. Ты же видел.

Тим улыбнулся, но как-то нерешительно:

— Ну смотри. А то цепь на базе осталась...

— Тим... А если бы вчера не оказалось цепи? Тогда что?

Очень серьезно Тим сказал:

— Все равно... Схватил бы тебя в охапку и утащил бы куда-нибудь. Или вцепился намертво...

К ним обоим словно придвинулась вчерашняя ночь. И чтобы прогнать ее, Славка торопливо предложил:

— Поехали к нам! Отмоемся как следует, у бабы Веры есть керосин.

Тим жалобно сказал, что не доедет, помрет с голоду.

— Пирожок бы купить...

— А деньги? — спросил Славка.

Тим сиротливо побрякал медяками:

— У меня только на катер. А у тебя?

Славка вывернул пустой правый карман. А левый, истертый ракушками, камешками, крабьими клешнями и другими береговыми находками, был дыряв. Славка пропустил сквозь него руку навывлет. Растопыренная пятерня высунулась из короткой штанины. Славка торжественно показал ее Тиму.

— Миллионер, — сказал Тим. — Рокфеллер.

— Кто Рокфеллер? — спросил Славка. Взял Тима в охапку и аккуратно уложил в траву у забора.

Тим извернулся. Они с хохотом покатались, молотя землю перемазанными суриком ногами, пугая маленьких серых ящериц... Прогоняя остатки тревоги.

Славка сел Тиму на грудь. Коленками прижал к земле его локти.

— Возмездие неизбежно, — заявил он. — Ты меня обругал два раза: профессором и миллионером. Было?

— Было, — покаялся Тим.

— За профессора — раз, — сказал Славка и хлопнул Тима указательным пальцем по переносице.

— Раз, — согласился Тим и зажмурил один глаз.

— За миллионера — два!

Тим зажмурил второй глаз и сказал:

— Людоед.

— За людоеда — три.

— Сдаюсь, — сказал Тим, который никогда никому не сдавался всерьез.

Славка поднял его. Тим пожаловался:

— Теперь я совсем инвалид.

— Не дойдешь — донесу, — пообещал Славка.

У самой пристани Тим вдруг остановился. Сунул руки в карманы. Задумчиво посмотрел на Славку.

— От судьбы не уйдешь, — сокрушенно сказал он. — Ключи я все-таки потерял.

Мама была спокойной и ласковой. Она не стала упрекать Славку и Тима, что долго болтались где-то. Сразу их накормила, а потом помогла оттереть краску. И сказала:

— Теперь от вас разит за версту, как от старых примусов. Пошли купаться, смоее керосин!

Славка и Тим заорали «ура!».

Купались на городском пляже. Мама развеселилась. Она была похожа на девчонку в красном купальнике. Она гонялась за Славкой и Тимом, брызгала их, и на плечах у нее горели солнечные зайчики.

Потом все трое, взявшись за руки, ныряли с бетонных ступеней.

И лишь когда наплавались и напрыгались, мама села в сторонке и снова сделалась слишком спокойной. Непонятно как-то смотрела на Славку.

Славка осторожно подошел.

— Мама, ты чего?

— Ничего, Славик. Я, кажется, тебе очень завидую.

— Почему?

— У меня никогда не было такого друга, как твой Тим... Это же надо придумать: цепь...

— Ты правда на него не сердишься?

— Я его люблю, — сказала мама. И вскочила: — Не пойти ли нам, товарищи, в кино? Двухсерийный фильм «Четыре мушкетера»! Говорят, глупость ужасная, но очень смешно!

...В общем, это был прекрасный день. И прекрасный вечер. И Славка уснул счастливый.

Утро тоже было замечательное. Безоблачное. Мама проводила Славку до школы. На крыльце он, не стесняясь, чмокнул маму в щеку. А что? Многих провожали, и многие так делали. Мама потрогала его кисточку на макушке и сказала:

— Ни пуха ни пера...

А когда перешла площадь, помахала Славке с лестничной площадки...

Когда кончился третий урок, за окнами потемнело и ударил дождик. Но это был теплый летний дождик. Он весело звенел по стеклам, плескался в листьях и лупил каплями по асфальту.

На перемене в коридорах стали появляться мокрые взрослые. Это родители, бабушки и дедушки несли ребятам плащи и зонтики. Славку отыскал Наездник. Он держал под мышкой желтый полиэтиленовый сверток. Значит, о Диньке тоже позаботились.

— Слава, тебя внизу какая-то тетя спрашивает, плащ принесла!

Славка побежал на первый этаж. Он был уверен, что увидит маму. Но у раздевалки стояла баба Вера.

— Вот, Славушка... — Она протянула голубую прозрачную накидку. — А то намокнешь, простудишься...

— Да что ты, баба Вера... Зачем? Маленький я, что ли? Говоришь, ходить трудно, а сама...

Баба Вера смотрела нерешительно и куда-то мимо Славки. Шевелила губами.

— Устала, да? — неловко сказал Славка.

— Тут еще... вот. Письмо тебе, Славушка.

Он удивился. И сразу почему-то встревожился. Взял белый, без надписи, конверт. Рванул. Развернул клетчатый листок...

Хороший мой, Кисточка моя, не обижайся и не сердись. Я ничего не сказала заранее, чтобы не было лишних слез. Ты уехать не смог, а я не могу остаться. Все так перепуталось в моей взрослой жизни... Я обязательно приеду, как только во всем разберусь и все решу. Может быть, скоро. Не грусти, ты уже большой. Я только вчера поняла, что ты уже большой и имеешь право выбирать сам... Слушайся бабу Веру, помогай ей. Она очень хорошая. Я скоро подробно напишу обо всем.

Передай привет Тиму.

Крепко-крепко обнимаю тебя и целую.

Мама.

«Странно, — подумал Славка. — Дождик идет. Динька стоит. Ребята бегают. Все как раньше...»

Мама уехала, все должно стать черным. А осталось прежним. И сам он, Славка... стоял и ничего не чувствовал. И тут он

вспомнил: он читал где-то, что человек, получивший большую рану, не чувствует боли. В первую минуту не чувствует. А потом...

Но боль — что... Славка любую готов испытать, лишь бы не было этого письма. Однако письмо было. Славка зачем-то положил его на подоконник. Прочитал еще раз. Свернул, затолкал в конверт. Сунул конверт в левый карман, вспомнил, что там дыра, переложил в правый. Поковырял краску на подоконнике. Подоконник был гладкий, холодный и очень широкий. Наверно, в давние времена здесь на переменах сидели мальчишки в черных мундирчиках — морские юнкера — и лихорадочно учили такелажные узлы и названия частей рангоута... Надо же, какая чепуха лезет в голову... А Динька все стоит рядом... И баба Вера...

— Мама на каком поезде уехала? — тихо спросил Славка.

— На самолете, Славушка. Утром еще, как тебя проводила...

Самолет не догнать. А если и догонишь, то что дальше?

— Ладно, баба Вера, — сказал Славка. — Спасибо. Я пойду.

Ты меня не теряй, я задержусь сегодня, потому что шесть уроков да еще собрание, я в школе пообедаю, ты не волнуйся, пойду я...

Он пошел, пошел по коридору, а накидка тащилась сзади и скребла жестким краем по паркету. И, словно убегая от шороха, Славка все ускорял шаги...

«Ну, тихо ты, — говорил он себе. — А ну, держись! Чего ж те перь? Не смей... Хоть еще полминуты...»

Через боковую дверь он выскочил во двор и бросился в закуток между гаражом и забором. И там под дождем он прижался лбом к мокрой стене. И рванулись слезы...

Кто-то надел ему на плечи накидку. Кто? Динька... Надел и отошел. Потом Славка услышал гневный Динькин голос:

— Куда лезете? Нельзя сюда! Уходите!

Славка оглянулся. Наездник и несколько ребятшек из его класса шеренгой встали в проходе.

Славка глотнул. Еще глотнул, остановил слезы.

— Динь... — позвал он.

Динька повернулся. И его друзья разом повернулись, не сломав шеренги.

Они стояли, закутанные в разноцветные плащи и накидки с капюшонами. Будто большие целлофановые кульки на тонких, забрызганных дождем и грязью ногах. И это было не смешно, они были молчаливые и решительные. Готовые и дальше охра-

нять Славку. Потому что первоклассники лучше всех понимают, что такое горькие слезы.

У них были отважные и сердитые лица.

— Какие-то девчонки с зонтиками сюда шли, — объяснил Динька. — Мы их прогнали.

— Спасибо, Динь, — проговорил Славка и не удержался, всхлипнул.

— Ты не стесняйся нас, — деловито сказал Динька, — это все свои люди.

— Хорошо, Динь, — сказал Славка. Ему стало чуточку легче.

Динька посоветовал:

— Ты лицо поверни к дождю. Он все смоеет, получится, буд-то от воды мокрое.

Славка послушался. Капли ударили по щекам, по лбу и подбородку. И почти сразу дождь перестал. Будто, умыв Славку, решил, что вся важная работа сделана.

— Звонок уже был... — осторожно заметил Динька. — Ты на урок опоздал.

— Ну и пусть, — сказал Славка.

Он не вернулся в школу. Начинаясь сдвоенный урок физкультуры, и тошно было думать, что придется полтора часа прыгать в спортзале.

Славка не хотел видеть людей. Даже Тима. Потом он рассказал Тиму про все, а сейчас никого не надо.

Он пошел к морю.

Дождя не было, сделалось совсем тепло. С листьев катились капли, от блестящего асфальта поднимался легкий пар. Но небо и море оставались пасмурными. На пляже было пусто. О бетонные ступени билась небольшая волна.

Славка бросил на мокрый топчан одежду. Прыгнул в воду.

Он думал, что волны теплые, но вода обожгла его неожиданным холодом. И это было хорошо. Славка плавал, уходил в глубину, выскакивал на гребни, бешено лупил по волнам ладонями.

Снова прошел короткий бурливый дождик. Славка лег на спину и стал ловить ртом тяжелые капли. Но волны перевернули его, и он наглотался соленой воды.

Совсем измотавшись, Славка поплыл к железной лесенке. Здесь опять не повезло. Сзади подкатила волна, и он, когда поднимался, ударился коленом о ступеньку с наростами красной морской ржавчины. Ну и пусть!

Хромая, он побрел к топчану. С колена бежала размытая соленой водой кровь. Пусть бежит!

Он натянул промокшую одежду. Ну и пусть мокрая!..

В школу идти было рано. Славка пошел домой. Бабы Веры дома не оказалось. Славка нашарил в тайничке у косяка ключ. В комнатах был знакомый запах сухой травы. И все было как раньше. Только в углу под вешалкой не стоял теперь большой чемодан. Славка поставил на это место свои мокрые кроссовки.

В своей комнате на столе он увидел мамины часы с кожаной браслеткой. Квадратные, крупные. Мама любила часы, похожие на мужские. Под часами лежал клочок бумаги. На нем было три слова:

«Славик, это тебе».

Тоска опять зажала Славку. Он, как был в мокрых штанах и рубашке, сел на диван. Привалился к спинке. Подтянул к подбородку колени. Кровь из ссадины все сочилась. Славка плакал, вздрагивал и сердито облизывал колено. Оно было соленое — от морской воды, от упавших слез, от кровавых капель. Это был вкус беды.

Но... это был еще вкус моря. Если беда и если счастье — море всегда соленое. И когда все было хорошо, Славка со смехом и радостью глотал эту соль. В те счастливые дни, когда они с Тимом плавали наперегонки до пляжного буйка и обратно и когда носились вдвоем на верном «Маугли»...

Славка подумал о Тиме, и тот словно встал рядом.

«Не надо, Славка», — сказал Тим.

«Тебе хорошо говорить. Не твоя мама уехала...»

«Это нечестно, Славка, — сказал Тим. — Значит, я виноват? Если бы я не запер цепь, ты ехал бы сейчас с мамой».

Да, в самом деле. Он ехал бы сейчас. Он лежал бы, наверно, на полке и смотрел, как бегут назад голые деревья. И может быть, летели бы за стеклом серые полосы осеннего снега. И море было бы уже далеко. И Тим далеко. И Город...

«Тим, ты не виноват, — сказал Славка. — Я выбрал сам. Ты сделал все как надо».

«Тогда перестань плакать».

«Я не могу... Ты бы тоже плакал...»

«Да, наверно...»

«Тогда подожди».

«Хорошо, Славка, я подожду... Ну, что?»

«Все», — сказал Славка.

Он высушил утюгом шорты, рубашку и галстук. Оделся, затянул ремень. Вместо мокрых кроссовок надел старенькие сандалии. Надо было идти в школу. Отсидеть урок математики, встретиться с Тимом, ехать выручать Артемку...

Вернулась баба Вера. Удивилась, увидев Славку. Он сказал:

— У нас перерыв был. Я плащ принес, чтобы потом не таскать лишнее.

— А как же, если опять дождик?

Славка посмотрел за окно.

— Наверно, не будет больше, — сказал он.

У тучи золотился косматый край.

...В школу Славка успел к перемене. И сразу же его поймал во дворе Евгений Львович — молодой, похожий на д'Артаньяна учитель физкультуры.

— Сударь, какие врачи прописали вам прогулки вместо уроков?

Славка опустил голову.

— Молчание — не всегда золото, — напомнил Евгений Львович.

— Мама у меня уехала, — сипловато проговорил Славка. Не было у него сил выкручиваться. — Она срочно уехала, а я...

Евгений Львович взял его за плечо, сжал легонышко. Тихо сказал:

— Не журысь, хлопче...

И ушел.

Все-таки легче жить на свете, когда кругом хорошие люди.

Вместо Евгения Львовича появился перед Славкой Наездник. Глаза у него были вопросительные и тревожные.

— Хочешь, прокачу? — сказал Славка.

Динька сразу заулыбался. Бросил к забору свой ранец с притороченным свернутым плащом. Вмиг залез на забор, а с него на Славку.

— Два круга, — сказал Славка.

— Ура!

Они двинулись неторопливой рысью.

— Ты почему тут крутишься, домой не пошел? — спросил Славка.

— Маму жду. Она за мной зайти обещала.

Славка перешел на шаг.

— Значит, приехала твоя мама?
 — Конечно! Позавчера еще!
 — А моя уехала... — сказал Славка. И пошел тише.
 Динька негромко спросил:
 — Ты из-за этого плакал?
 — Да, — сказал Славка.
 — Значит, надолго уехала?
 — Может, насовсем...
 — Ты что! — Динька негодуяще дернулся на плечах у Славки. — Она придет!
 — Откуда ты знаешь?
 — Знаю, — убежденно произнес Динька. — Раз она мама... Они всегда приезжают.
 «Спасибо, Динь», — подумал Славка. И спросил:
 — Ты не видел Тима?
 — Видел. Он тебя искал, а потом куда-то подевался... Вон Валька идет. Спросим.
 — Валентина! — кликнул Славка. — Ты не знаешь, где Тим? Она остановилась.
 — К сожалению, знаю. Его только что повели к директору два человека. Женщина-милиционер и какой-то моряк. Ума не приложу, что он опять натворил...
 Ну, что это такое? Беда за бедой! Значит, не смог заступиться Игорь Борисович... Все теперь припомнят Тиму: не только ночное плавание, но и баркентину. «Это тот самый Сель. У него не первый раз...»
 Сине-белые флаги Новэмбэр Чарли опять забились на ветру. И нельзя было терять ни единого мига. Даже Диньку не ссадишь — на это уйдут лишние секунды.
 Скорее! Через двор, через коридор, через вестибюль! Двери директорского кабинета раскрыты. И Тим в самом деле там!
 — Юрий Андреевич, он не виноват! Честное слово! Он из-за меня!..

ГОРОД И ФЛОТ...

Юрий Андреевич поднялся из-за стола. Он был толстоватый, но двигался легко. Он подошел к Славке.
 — Во-первых, — сказал Юрий Андреевич, — личностей, которые врываются сюда без приглашения, да еще верхом, мы попросим выйти. Идите гулять, товарищ Васильченко. — Он снял

со Славки Наездника, унес его за порог и прикрыл дверь. Затем повернулся к Славке: — Странные вы люди. Только захочешь с вами побеседовать, как вы начинаете каяться в грехах: «Я виноват, он не виноват, я только один раз стукнул, я больше не буду.. Вас позвали не для разбора прегрешений, а для серьезного разговора... Сядь, Семибратов. Вон там, рядышком с друзьями.

Тим сидел на жестком диванчике у стены. На другом конце дивана, глядя прямо перед собой и зажав между коленями прямые ладошки, сидела Любка Потапенко. А у директорского стола расположились в двух креслах люди, о которых сказала Валентина: молодая женщина в форме старшего лейтенанта милиции и капитан второго ранга с седыми гладкими волосами.

Увидев Любку, Славка кое о чем догадался. И немного успокоился: значит, дело не в Тиме. К тому же Тим не выглядел ни взволнованным, ни испуганным. Он шепотом сказал Славке:

— Ну и ворвались вы... Как на конных скачках.

— Я думал, тебя опять...

Тим усмехнулся:

— Не меня, а всех...

Капитан второго ранга обернулся и посмотрел на Славку. У капитана были резкие морщины и очень светлые прозрачные глаза. Будто из зеленоватого стекла.

— Это ты — Слава Семибратов? — глуховато спросил он.

Славка встал.

— Ну и добро, — сказал офицер. — Мы принесли тебе сумку.

Он протянул Славке желтый бумажный сверток.

— Посмотри, годится или нет?

Славка недоуменно взял тяжелый пакет. Разорвал тонкий шпагат, развернул упаковку. В пакете оказалась голубая спортивная сумка с отпечатанным белой краской веселым и храбрым зубренком.

— Это не моя, — сказал Славка. — У меня портфель...

Офицер кивнул:

— Да, я знаю. Но подарок, который ты принес морским пехотинцам, решили не доставать из портфеля, это был бы лишний риск. Так и взорвали.

— А... — начал Славка и замолчал. Ни к чему были всякие вопросы. Он просто снова за одну секунду прошел сейчас раскаленную белую дорогу. — А сказали — баллон...

— Да... — офицер неловко усмехнулся. — Это мичман Федоров. Ему показалось, что ты очень переволновался, и он решил

тебя успокоить. Придумал на ходу какие-то баллоны для разогрева моторов. Неуклюже получилось... Но он не знал, что ты сразу убежишь.

Славка нагнулся и стал подбирать с пола обрывки шпагата.

Офицер сказал:

— Ты сядь, надо поговорить.

Но Славка не сел. Он отошел к окну, прижался коленями к холодной батарее и уперся ладонями в подоконник. Наверно, так не должны поступать воспитанные ученики, когда разговаривают со взрослыми, но Славка не хотел, чтобы видели его глаза.

Он стал смотреть во двор.

Там верхом на заборе сидел Динькин одноклассник Артур Новиков. Артур болтал ногами, ел банан, а банановой кожурой угощал худого серого кота, который устроился напротив. Интересно, что кот не отказывался, ел кожуру. Очевидно, ему не хватало витаминов.

«Хорошо, что Савин сделал фотографию, — думал Славка. — Все-таки будет память об Артемке».

— Слава Семибратов, ты успокойся, пожалуйста, и сядь, — попросила женщина-милиционер.

А капитан второго ранга сказал:

— Ничего, в таких случаях даже у взрослых не всегда выдерживают нервы.

И тут впервые заговорила Любка:

— При чем тут нервы? У Семибратова Артемка был в портфеле. Думаете, не жалко?

— Что за Артемка? — испуганно спросила милиционерша.

Юрий Андреевич торопливо ответил:

— Замечательный Артемка, герой школьной прессы. Я потом объясню... Ладно, Слава, зато люди не пострадали. Не горюй.

Славка, не оборачиваясь, проговорил:

— Спасибо за сумку... Бабушке не говорите про снаряд, а то она расстроится. И маме напишет...

— Напишет? — переспросил Юрий Андреевич. — Разве мама не здесь?

— Она уехала. Я с бабушкой...

Тогда Тим поднялся и подошел к Славке. Ничего не сказал, просто встал рядом. Славка посмотрел на него: «Тим, я держусь».

И они оба повернулись лицом к директорскому столу. Женщина-милиционер обратилась к капитану второго ранга:

— Сергей Дмитриевич, давайте о главном.

— Есть, Вера Матвеевна. Давайте о главном... Слава, для начала один вопрос: зачем нужно было тащить находку в такую даль?

— Ничего не оставалось. Мы думали по-всякому. Спрятать негде, а ребята могли прибежать... Они какие-то шальные...

— Понятно... И все же это был сумасшедший риск. Неужели нельзя было придумать ничего другого?

И тут вмешался Тим. Сдержанный, воспитанный Тим сказал:

— Разумеется, можно было придумать другое... Сидя в кабине. А там было некогда.

— Тимофей Сель... — сказал Юрий Андреевич.

— А почему получается, будто Семибратов в чем-то виноват? — дерзко спросил Тим.

Юрий Андреевич развел руками:

— Опять вы за свое...

Сергей Дмитриевич слегка нахмурился:

— Подождите, ребята... Никакой вины нет. Слава молодец...

— А почему я?! — взвинулся Славка. — Тим раньше меня снаряд увидел! Он его у ребят отобрал! Он, может, больше моего рисковал!

— Да, я понимаю. Вы оба. Я пришел сюда, чтобы сказать вам спасибо...

— А милиция тоже для этого? — напряженным голосом спросил Тим.

— Милиция для порядка, Тима, — отозвалась Вера Матвеевна. — У тебя после истории с «Сатурном» к милиции прохладное отношение, но мы не виноваты. А сейчас разговор о другом...

— Разговор вот о чем, — подхватил Сергей Дмитриевич. — Смелые вы люди. И неглупые. Я верю, что вы поступили правильно... Только не все такие, как вы. Если станет известно об этом случае, найдутся ребята, которым очень захочется совершить геройский поступок. Они полезут в такие места, куда лезть не следует, будут специально искать, чтобы проявить свои доблести. Допустить это нельзя.

— А кто узнает? — сказал Славка. — Только пусть Потапенко не болтнет где-нибудь.

— С ней мы уже договорились, — сообщила Вера Матвеевна. — Я за нее ручаюсь. Дело теперь за вами, мальчики.

— За нее ручаться нельзя, — мстительно сказал Славка. — А мы с Тимом будем молчать. Верно, Тим?

— Да, — сказал Тим.

Юрий Андреевич поднялся из-за стола.

— Спасибо, ребята. И не обижайтесь, что пришлось обойтись без торжественных построений и награды.

Тим засмеялся.

— Ты что, Тимофей? — спросил директор.

Славку словно бес толкнул:

— Юрий Андреевич, он вспомнил линейку, когда Дениса Васильченко награждали.

Директор не рассердился.

— Да, это не очень продуманное было мероприятие. Рад, что вы все понимаете... Вера Матвеевна, Сергей Дмитриевич, ребята вам еще нужны?

— Мне нужны, — сказал Сергей Дмитриевич. — Если можно, пусть мальчики меня проводят.

...Они вышли из школы. Облака уже разошлись, и асфальт высыхал, только в углублениях синели лужицы. У крыльца стоял «рафик» с военным номером. За рулем сидел матрос в отутюженной белой форменке.

Сергей Дмитриевич открыл дверцу:

— Садитесь. Прокатимся, а потом отвезу куда хотите.

Славка и Тим забрались в автомобиль. Сергей Дмитриевич устроился рядом, на том же сиденье. Машина поехала. Славка и Тим положили на колени сумку и молча разглядывали зубренка. Сергей Дмитриевич сказал:

— Кажется, обо всем поговорили, а на душе неспокойно. Нельзя, чтобы такие ребяташки, как вы, рисковали головами. Даже случайно. Постарайтесь в дальнейшем без этого.

— Да уж постараемся, — сказал Славка. Тихо и без насмешки.

Зубренок был очень симпатичный. Он мчался по голубой клеенке в веселую атаку.

Сергей Дмитриевич тронул Славку за плечо.

— Скажи честно: страшно было?

Славка хмуро спросил:

— Если скажу, что не страшно, вы поверите?

Сергей Дмитриевич коротко засмеялся:

— Пожалуй, нет. Хотя есть дураки, которые не боятся.

— Значит, я очень умный, — сказал Славка.

— А я вообще гений, — сказал Тим.

Сергей Дмитриевич расстегнул на левом запястье часы, по-

ложил их на зубренка. Они были большие, тяжелые, с парусным кораблем на циферблате.

— Это мне подарил командир флотилии. Возьмите, ребята, на память.

Славка посмотрел на Тима. Тим чуть поморщился.

— Спасибо, — сказал Славка. — Нам не надо.

— Потому что одни на двоих?

— Потому что это вам подарили, — сказал Тим.

— Мы ими все равно похвастаться нигде не сможем, — добавил Славка. — А если они просто как часы, то у нас есть. У Тима давно, а мне сегодня... мама оставила, когда уехала...

Сергей Дмитриевич не настаивал. Он взял часы.

— Ладно, — сказал он будто самому себе. — Что-нибудь придумаем.

«Придумайте, чтобы мама моя вернулась», — мысленно сказал Славка и опять стал смотреть на зубренка.

— Что за нашивки у вас? — спросил Сергей Дмитриевич.

— Парусная секция «Виндjamмер», — объяснил Тим. — Только мы пока не занимаемся. Мы пока вроде арестантов.

— Что так?

— Славка, можно рассказать?

Славка кивнул. Не все ли равно теперь?

И Тим рассказал. Он сумел это сделать коротко. Буквально в несколько фраз. А Славка слушал и думал: где теперь мама? Все еще в самолете или уже в Усть-Каменске? Хоть бы догадалась прислать телеграмму...

— Значит, цепь... — задумчиво сказал Сергей Дмитриевич. — Отчаянные вы ребята...

— Мы? — удивился Тим.

Сергей Дмитриевич спросил:

— Как фамилия начальника базы?

— Федосов... Игорь Борисович, — сказал Тим.

— Ладно... Куда вас отвезти?

— Если можно, на пляж, — попросил Славка.

— Не холодно купаться?

— Ничего, — сказал Тим.

«Рафик» покати́л к Орудийной бухте. Недалеко от пассажирских причалов они вышли из машины. Тим озабоченно проговорил:

— Я все время думаю: надо узнать, откуда лом привезли на свалку. Может быть, там есть что-нибудь еще... такое же.

— Совет опоздал на двое суток, — сказал Сергей Дмитриевич. — Но все равно спасибо... Давайте прощаться. И прошу вас помнить три вещи...

— Больше не попадать в такие истории, — догадался Тим. — Да?

— Да. Это первое...

— Молчать как рыбы, — сказал Славка. — Это второе.

— Все знаете... Ну а третье?

Славка пожал плечами. Он не ожидал услышать ничего нового. Сергей Дмитриевич жестко обнял его и Тима за плечи, придвинул к себе.

— Мальчики вы мои... Несмотря на молчание, помните: вам благодарны Город и Флот.

Когда шли на пляж, Тим спросил:

— Она сегодня уехала?

— Да.

— Ты не знал?

— Нет. Она письмо оставила.

— Славка... Наверно, это я виноват. Со своей цепью...

— Не говори глупости, — сказал Славка. На пляже было пусто. Славка подпрыгнул и уцепился за обруч громадного зонтика, впаянного ножкой в бетон. Заболтал ногами.

— Где ты коленку ободрал? — спросил Тим.

— Здесь. Купался, когда с физкультуры сбежал. Я устроил себе каникулы...

— Славка, — сказал Тим. — Не надо веселиться, если невесело. От этого не легче, я знаю.

Славка разжал руки и упал на бетон.

— Я не веселюсь, Тим... Давай макнемся!

Они стали раздеваться.

Славка сказал:

— А все же хорошо, что сегодня мамы нет. Не узнает, что эта штука настоящая...

Они встали на бетонную ступень.

— Имей в виду, вода сегодня холодная, — предупредил Славка.

— Ладно, вытерпим и это, — сказал Тим. — Прыгаем?

— Да... Подожди... Тим! А если дать ей телеграмму, что я заболел? Она же придет, верно?

Тим ничего не сказал. Он, видимо, не решился ответить и

опустил глаза. Но Славка успел заметить в его глазах невысказанный ответ: «Это нечестно...»

— Я пошутил, Тим, — сказал Славка и прыгнул в соленую воду.

Он никуда не поплыл, а повис, как в невесомости, в плотной зеленой толще. Холод сжал его на несколько секунд и ослабел, отступил. Глубина тихо звенела. Это отзывалась в ней работа судовых моторов, корабельного завода, плавучих кранов и доков. Это жили несмолкаемой жизнью Город и Флот.

Славка вдруг вспомнил, как ночью звенят сверчки.

В это время шумно прыгнул Тим...

ПЛОЩАДЬ КАРРОНАД

Прошла неделя. За это время мама прислала сначала телеграмму, а потом письмо. В телеграмме она сообщала, что долетела благополучно. В письме просила Славку быть осторожным, не ходить раздетым по холоду и слушаться бабу Веру.

«*Вера Анатольевна — замечательный человек, — писала мама. — Помогай ей во всем. Скоро я вышлю вам денег. А когда приеду, мы вместе подумаем о ремонте дома.*»

Этими словами она давала Славке понять, что придет. Но когда придет — было неясно. Дом бабу Веры выглядел прочным и, судя по всему, скорого ремонта не требовал.

Через день после маминого письма пришло еще одно. Со всем неожиданным.

Комарик, здравствуй! Кое-как нашла твои следы. Сначала узнала твой старый адрес, приехала в Усть-Каменск и здесь повстречалась вчера с твоей мамой. Она мне все про тебя рассказала. Даже про цепь. Ты молодец, и твой Тим молодец. Вы там держитесь, не меняйте курс. Тебе, Славчик, здорово повезло...

Мне тоже повезло. Меня, кажется, берут стажером на теплоход «Краснокамск». Если все будет нормально, может быть, в ноябре мы придем в ваш порт. Вот тогда поговорим!..

А я все-таки правду говорила: ты стал рулевым. Молодчина.

Как поживает ушастый друг Артемка? Привет ему, обормоту. Он еще не забыл Анютку?

Стало Славке после этого письма хорошо и грустно. Хорошо, потому что Анютка нашлась и вспомнились счастливые дни пер-

вых плаваний. Грустно, потому что столько печального случилось, пока Анютка где-то пропадала. Но ведь и хорошее случилось. И, несмотря ни на что, были у Славки море, Город и Тим.

И была теплая южная осень. А по Славкиным понятиям — еще полное лето. Вода, правда, стала холоднее, но все же они с Тимом иногда купались. Два раза с ними ходил купаться Динька. Холодной воды он не боялся, но плавать не умел и, когда его пытались учить, верещал так, что уши закладывало.

— Тихо ты! — прикрикнул наконец Славка. И пригрозил: — Я за тебя возьмусь. Ты у меня научишься вести себя как положено интеллигентному ребенку семи с половиной лет.

Динька притих и смотрел на Славку с опаской, пока ему не объяснили, что это была шутка...

Наступил еще один понедельник. После четвертого урока Динька разыскал Славку на втором этаже.

— Тебя с Тимом какая-то тетя ищет. Большушая.

Большушей тетей оказалась Настя. Она спросила:

— Не надоело отдыхать?

— Игорь Борисович сказал, чтобы две недели...

— Он велел прийти.

Славка и Тим ринулись на базу.

Игорь Борисович был, как всегда, хмур и недоволен жизнью. Он выставил из кабинета трех новичков, которых записывал в журнал, а Славке и Тиму сказал:

— Можете готовить яхту к выходу. Но чтобы никто из новых ребят не знал о ваших подвигах. Примеры заразительны, а мне здесь вполне хватает двух авантюристов... Есть вопросы?

— Нет! Вопросов! Товарищ! Начальник! Базы! — в два голоса откликнулись Тим и Славка и хотели рвануть на пирс.

— Стоп, — сказал Игорь Борисович. — Имейте в виду: я, еще не начав нормальную работу секции, получил уже от начальства крупный нагоняй. Из-за вас. Поэтому, если что натворите, больше вам не помогут никакие заступники.

— А... какие заступники? — осторожно поинтересовался Славка. Он почувствовал, что одной Настей здесь не обошлось.

Игорь Борисович усмехнулся:

— А вы не знаете?

— Нет! — хором сказали Тим и Славка.

— Любопытно... То из штаба флота звонят, то является кудрявая девица и орет на меня, как старый боцман на провинившегося юнгу... Чучело какое-то еще принесла. Чуть не забыл.

Он вытащил из тумбочки письменного стола странное существо. Оно оказалось шитым из пестрых лоскутков. У существа торчали длинные уши, но это был не заяц. Это был не то ослик с большим улыбчивым ртом, не то помесь кролика и обезьяны. Плюшевое брюхо его подпоясывал ремешок с блестящей пряжкой, а за ремешком торчал маленький заклеенный конверт.

Славка и Тим распечатали письмо.

Семибратов! Это тебе вместо Артемки, раз его больше нет. А если не понравится, пожалуйста, можешь выбросить. Мне-то что! Только не воображай, что я в самом деле обращаю на тебя внимание.

— Ну и Любка, — пробормотал Славка.

А Тим нерешительно посмотрел на обезьяну-кролика:

— Что с ним делать? Может, возьмем?

И они взяли себе этого ушастого зверя. Не вместо Артемки. Артемку никто не смог бы заменить. Взяли просто так — не выбрасывать же. Дали ему имя Шастик. Сперва назвали Ушастиком, а потом сократили. Шастик лучше. Как будто он озорной, беспокойный — все время где-то шастает. Пестрый улыбчивый зверек «шастал» над волнами, когда «Маугли» опять начал плавание. Но в сумке Славка его не носил. Шастик жил в яхте, в ахтерпике.

На базу приходилось ездить часто. Теперь Славка и Тим не только ходили на «Маугли». Они помогали Насте учить новичков. Тим носил на рукаве под якорем подшкиперскую звездочку...

Возвращались домой под вечер. И почти каждый раз делали крюк, чтобы зайти на площадь Карронад. Иногда здесь играли мальчишки: запускали змеев, а если дело было в сумерки, гоняли по камням звонкую железку — выбивали искры. Это были старые приятели Тима. Они и Славку встречали как приятеля.

А иногда здесь было пусто. Ходили по камням голуби, и качались травинки там, где должен был стоять памятник. Славка и Тим останавливались у края разбитой стены и смотрели на Город.

Город был очень красив под закатным солнцем. На белых домах и теплоходах лежал оранжевый налет. Море делалось светлым и удивительно ласковым. Дальние берега и темный горбатый Курган видны были сквозь тонкую золотистую пыль.

Славка смотрел на Город со спокойной радостью. Теперь это

был навсегда его Город. И не потому, что Славка рисковал со снарядам. Этой истории могло и не случиться (и лучше бы никогда не случилось!). Это был его Город, потому что Славка прикипел к нему сердцем.

Когда-то Славка (смешной он был человек!) думал, что найдет здесь безоблачную жизнь. Что не будет здесь огорчений и боли. Все было. А Город стал еще дороже. Славку приковали к Городу цепью, заперли замок и выбросили ключи в глубокое море...

В тот день ветерок был слабый, поэтому ходили под парусом недолго. Занятий с новичками не было. Славка и Тим ушли с базы раньше обычного. Но по Городу они еле брели, потому что домой не хотелось. Когда поднялись на площадь, уже вечерело.

Над площадью стояло безветренное тепло. Стрелотали кузнечики. Сначала показалось, что здесь никого нет. Потом они увидели мальчика в голубой школьной рубашке. Он сидел на старинной, вросшей в землю скамейке из решетчатого чугуна. Недалеко от стены. Держал на коленях не то альбом, не то папку. Быстро водил карандашом.

— Смотри-ка, там Аверкин, — сказал Славка и смущенно взглянул на Тима.

Тим остановился, будто споткнулся. Поскреб на подбородке веснушку и спросил:

— Может быть, подойти?

— Ты же не хотел раньше...

— Ну, почему я не хотел... Просто причины не было.

— Тогда пошли?

— Да, — сказал Тим. И добавил, будто оправдываясь: — Нельзя же стоять просто так, когда он нас увидит. А уходить тоже... Это наша площадь.

Славка окликнул Аверкина, чтобы он не подумал, будто они с Тимом хотят застать его врасплох:

— Женя...

Аверкин поднял голову. Вздрыгнул. Захлопнул папку. Но не встал, не собрался уходить. Он неловко заулыбался, отложил карандаш, обнял себя за плечи. Сидел и ждал.

Тим и Славка медленно подошли. Славка спросил:

— Ты здесь что делаешь, Жень?

Вопрос был глупый. По всем правилам Женьке следовало от-

ветить, что он косит траву или торгует рыбой. Но Женька перестал улыбаться, переглотнул и даже побледнел слегка.

— А вот помнишь... ты про памятник рассказывал... чтобы нарисовать. Вот я... пробую...

Они помолчали. Женька ссутулился на скамейке и водил ту-пым концом карандаша по закрытой папке. Славке вдруг показалось, что Аверкин выцарапывает на коже буквы NS.

И тогда Тим, словно через пограничную полосу, шагнул:

— Женя... Покажешь?

Женькины щеки вспыхнули, он согнулся, будто грудью хотел прикрыть папку. Но тут же выпрямился. Прошептал:

— Только еще не готово. набросок еще...

— Ну и что! — быстро сказал Славка. Он сел рядом с Женькой, а Тим обошел скамейку и встал сзади.

Женька медленно отвернул крышку.

На серовато-желтом листе была нарисована площадь: дома в отдалении, камни, остатки стены, трава и голуби. Но это было не главное. Главными были ребята. Они втроем стояли на низкой каменной площадке, сдвинувшись плечами и взявшись за руки.

Они были почти такие, какими представил их Славка, впервые оказавшись на площади Карронад. Только третий — в съехавшем набок галстуке, со сбившимся бинтом на колене, с приподнятыми ветром волосами — не был угрюмым. Он смотрел спокойно и открыто. Они все смотрели спокойно и открыто — маленький артиллерист со старинных бастионов, двенадцатилетний юнга из морской пехоты и нынешний мальчишка из ближней школы. В их лицах не было суровости. Но улыбок тоже не было.

Женька тихо сказал:

— Я сначала хотел их веселыми нарисовать. Думал: пускай смеются, несмотря ни на что... Но не получились они веселые...

— Ну и не надо, — откликнулся Тим. — Какое уж тут веселье... А так все правильно. Да, Славка?

Славка кивнул.

Женька был художник. Мастер он был, ничего не скажешь. Нарисованный памятник отливал металлом, и в то же время мальчишки выглядели живыми. Славка тихо спросил:

— Ты их долго рисовал?

— Долго, — признался Женька и тут же, не меняя голоса,

не поднимая лица, проговорил: — Слава, Тим, возьмите в матросы...

После этих слов стало совсем тихо. Славка не двинулся, и Тим тоже замер. А надо было ответить. Что? Можно было сказать: «Ты же в художественной школе занимаешься...» Или другое: «Понимаешь, у нас яхта на двух человек...»

Но в такие моменты нельзя изворачиваться и хитрить. По крайней мере, Славка не мог, не хотел. И Тим, видимо, не хотел тоже. Потому что Женька просился не в матросы. Ему просто хотелось быть вместе со Славкой и Тимом.

Славка медленно повернулся к Тиму. Тим опустил глаза.

Женька сказал шепотом:

— Я тогда не думал, что ты всерьез насчет «Сатурна»... Я бы не испугался.

— Ну а если бы даже испугался... Подумаешь, — хмуро сказал Тим. — Каждый может испугаться... И вообще это была глупая затея, теперь я понял.

Славка опять оглянулся на него. Удивленно.

— В самом деле, — сказал Тим Славке. — Я уже думал. Надо было не так. Надо было шум поднимать на весь город. Может быть, и спасли бы «Сатурн».

Женька повторил негромко, но упрямо:

— Я все равно бы не испугался.

— Я знаю, — сказал Тим.

Женька обрадованно поднял голову. Папка соскользнула у него с колен. Листок с рисунком спланировал в сторону и лег на камни. К нему бросились все трое. Хотели схватить, перепугались руками. Посмотрели друг на друга и засмеялись.

— Порвем ведь... — сказал Славка. — Осторожнее...

А Тим спросил у Женьки:

— Ты хорошо плаваешь?

— Не знаю... Нормально. А что, Тим?

— «Что»... А если вылетишь с яхты?

— Тим... Я хорошо!

— Если потонешь, в другой раз не возьмем, — сказал Славка.

Шуточка была так себе, но разве в этом дело? Женька сразу сделался такой счастливый. Но он стеснялся показать, какой он счастливый, закусил губу и понес рисунок к папке. Тим и Славка пошли за ним.

В распахнувшейся папке лежали другие листы.

И сверху...

Сверху лежал большой портрет Шастика!

Уже сбегались легкие сумерки, но стало видно, что Женька опять покраснел. Его не успели ни о чем спросить, но он, видимо, и сам понял, что ребята удивились.

— Это я для Потапенко нарисовал, — пробормотал он. — Она просила зайца, чтобы шить такого же, как раньше, а я не стал. Я подумал: зачем вам другой Артемка? И вот этого придумал...

— Женька! Значит, Любка тебе все рассказала?

— Она же слово дала, — сказал Тим.

— Она еще раньше рассказала, вечером в воскресенье. Она уже все знала... Ребята, я ей сказал, чтобы молчала намертво! И сам...

«А ведь правда: он в понедельник и вида не подал, что знает», — подумал Славка.

— Ну и хорошо, — решительно сказал Тим.

В самом деле хорошо. Не надо будет ничего скрывать от Женьки.

Они уложили рисунки в папку и сели на скамью. Помолчали. Потом Женька спросил:

— А этот... которого она сшила... Его как зовут?

— Шастик, — сказал Славка.

— Он плавает с вами?

— Плавает. Завтра увидишь, — пообещал Тим.

— Я его живьем-то и не видел, — объяснил Женька. — Она сшила и даже не показала.

— Странная она, эта Любка, — сказал Славка. — Я ей говорю тогда: «Спасибо за зверя», а она как фыркнет: «П-жалста...» И больше разговаривать не стала. Пошла драться с Савиным.

— У каждого свой характер, — заметил Тим рассудительно.

Стало еще темнее. На военных кораблях переливчато и немного печально заиграли горнисты. Это значит, верхний крайшек солнца ушел за морской горизонт. Над Орудийной бухтой зажглись огни. Вдали коротко прозвенели куранты: три четверти. Славка пошарил в кармане, достал мамины часы и положил на левую ладонь. Темнота наваливалась очень быстро, но он различил циферблат и стрелки. Было без пятнадцати минут семь. Рядом с часами темнела маленькая точка — след карандашного прокола. Тимкина веснушка. Славка осторожно согнул пальцы, словно хотел согреть севшую на ладонь бабочку...

Из недалекого переулка, где светились окна, выбежали на

площадь четверо мальчишек. Разглядели в сумерках, что кто-то есть на скамейке, и подошли.

— Тим! Ребята, Тим пришел! И Славка!

— А это Женька, — сказал Тим.

— Погоняем искорки?

— А биток есть?

— Вот. — Мальчишка протянул зазубренный кусок железа.

— Похоже на осколок, — сказал Женька.

Славка взвесил железо в руке:

— Тяжелый. Хорошо бьет?

— Здорово! Попробуем?

— Вставайте на тот край, — сказал Тим. — А мы здесь, втроем.

Ребята убежали метров за двадцать и выстроились там еле различимой шеренгой.

Славка изогнулся и метнул осколок. Метнул, будто плоский камешек по воде, чтобы «напечь блинов». Славка умел рассчитывать рикошеты. Когда-то смертельный, а теперь безвредный кусок железа со звоном помчался над землей. Он выбил из камней яркие-яркие искры.

1979 г.

РАССЕКАЮЩИЙ ПЕННЫЕ ГРЕБНИ

Выпрямляйся, барабанщик!..
Выпрямляйся, пока не поздно.

А. Гайдар
«Судьба барабанщика»

Г. СОЛНЦЕ В ДЫМУ

1

Перед расстрелом мальчик слушал ночных кузнечиков.

Кузнечики трещали на старом бастионе. И по всей округе трещали. А мальчику казалось, что в небе стрекочут лучистые звезды.

Часовой выпустил мальчика из каземата и разрешил подняться на площадку низкой оборонительной башни.

— Только ты это, смотри без глупостей. Не пробуй удрать.

Мальчик лишь вздохнул. Бежать надо было вместе с Витькой и другими пленными. А теперь что? Посты усилили, нынче их не обойти. Да если бы и удалось вновь оказаться на берегу бухты, куда деваться потом? Пловец он никакой, а ширина бухты — не меньше четверти лье...

— Не бойся, Мишó, я просто полежу наверху...

— Вот и ладно. А то, если сбежишь, мне точно не быть живым... А тебе чего бояться? Попугают утром, пальнут поперх голы, да и гуляй на здоровье. Ну, разве что еще выдерут, чтобы в другой раз не дурил, но это дело не смертельное...

Пожилый добрый Мишо жалел и утешал мальчишку. Но мальчик знал, что солдат врет. Приказ о расстреле отдал сам командующий, а он никогда не отступает от своих слов. Тем и знаменит...

Площадка была засыпана землей и поросла кустиками упругой травы. Мальчик лег на спину. Жесткие метелки защекотали затылок и уши. Трава пахла сладковато и полужнакомо. А еще пахло нагретыми за день камнями и морем. А гарью и трупами не пахло совсем. За несколько спокойных, почти мирных дней этот военный запах поулегся, растаял, уступил дыханию природы. К тому же здешний приморский бастион никогда не был в линии активной обороны. Даже при самых жестоких боях его обстреливали редко и ни разу не штурмовали. Здесь был у противника пересыльный лазарет и склады.

Стрекот кузнечиков (или звезд?) был сильным, но не утомительным. Даже ласковым.

Стоял сентябрь — время для здешних мест совсем еще летнее. Ждали равноденственных бурь, но пока над Полуостровом завис недвижный прогретый воздух. И сейчас пласты этого воздуха невидимо, но ощутимо шевелились над мальчиком. А сквозь них смотрели тысячи звезд.

Звезды были разные — яркие и еле заметные. Очень далекие и очень близкие. Некоторые — будто в пяти футах от лица. А в самой высокой дали светились облачка звездной пыли.

Иногда медленный текучий воздух шевелил гроздь звезд. Но, качнувшись, они снова делались неподвижными. Только со стрекотом раскидывали в черноте голубые и белые лучи...

Над деревней Пуль-Нуар, где мальчик жил до войны, тоже бывали яркие звезды. И мальчик любил смотреть на них из чердачного окна, из своего ветхого жилища-голубятни. Но такого неговорчиво-черного неба он не помнил. Там, если приглядеться, можно было все-таки разглядеть в небесной тьме еще более темную колокольню, что возвышалась над церковью Святого Антуана. В арочном проеме колокольни угадывался большой колокол.

Про колокол говорили, что раньше он висел на маяке. И что в первую полночь полнолуния, если встать против церковных дверей, можно услышать, как из колокола доносится эхо голосов. Это будто бы голоса тех, кто сгинул в чужих краях — ушел на войну или на заработки и никогда уже не вернется.

Деревенский кюре отец Бастиан убеждал прихожан, что это пустые суеверия. Он был молодой, увлекался науками, любил рассказывать мальчишкам про электричество и не раз говорил в проповедях, что истинная вера не имеет ничего общего с предрассудками. Пожилые мужчины и тетушки слушали отца Бастиана с почтением, но потом покачивали головами. И многие женщины по-прежнему ходили в лунную полночь к церкви. И, запрокинув лица, прислушивались со страхом.

Но ради мальчика ходить к церкви никто не станет. И даже если эхо прозвучит в колоколе, никто не услышит, не загорюет...

Мальчику стало жаль себя. Но не так уж сильно, не до слез. Потому что стрекочущие звезды успокаивали его. Словно говорили: «Не горюй, скоро будешь среди нас». Может, и правда?..

Да и какой смысл жалеть, если все равно ничего не изме-

нишь? Что сделано, то сделано. И случись такая история снова, он поступил бы так же.

Дядюшка Жак — старый капрал Жак Бовэ — не раз повторял: «Если сделал в жизни, что задумано было, то и помирать не страшно».

Ну нет, все-таки страшно... Только сейчас этот страх был где-то в отдалении, позади усталости, позади покоя, который вместе с теплым воздухом, с кузнечиками и звездами подарила мальчику ночь.

Просто душа его устала ужасаться и мучиться. Днем-то он пережил и перечувствовал столько, что хватило бы на целую жизнь до старости. И острый ужас, когда узнал о приговоре; и отчаяние, и надежду; и тоскливое понимание, что надежда — напрасна. И... пробившуюся сквозь страх злую гордость: «А все-таки я сделал *это!* И вам их не поймать!»

Но теперь не было и гордости. Просто желание лежать так долго-долго. И чтобы звезды не смолкали...

В конце концов (он чуточку усмехнулся про себя), есть во всем этом и что-то хорошее. Не придется страдать от качки при обратном плавании. Ох, какое это мучение, когда корабль с борта на борт перекадывают тяжелые валы, а человека выворачивает наружу, как мешок из-под гнилой капусты. Тогда кажется, что это, конечно же, страшнее смерти!..

2

А ведь хотел быть моряком! Потому и сбежал в Порт-Руа, когда услышал от отца Бастиана, что военная эскадра скоро двинется к чужим берегам.

Корабли высадят многочисленный десант, и грозные батальоны, взяв штурмом приморскую крепость, прославят свою страну и любимого императора. И смоят сорокалетнюю горечь поражений четырнадцатого года! Так было написано в газетах, которые на диковинной двухколесной дрезине привозил отцу Бастиану верткий и длинноногий почтальон месье Доду.

Отец Бастиан пересказывал прихожанам статьи, но при этом поджимал губы и сердито тискал худой бритый подбородок. И однажды прямо высказался, что ему, служителю Христа, негоже одобрять смертоубийственные планы. Даже если они во славу отчины.

Пожилые обитатели Пуль-Нуар также этих планов не одоб-

ряли. Но молодежь и мальчишки смотрели на такое дело иначе. Недаром в ходу опять был старый гимн: «К оружию, граждане, пришло время славы!» Слова эти и мелодия волновали кровь. Несколько парней — под причитания матерей и невест — подались в волонтеры.

Подался и мальчик.

Только сухопутным героем быть он не хотел. Ему виделась в мечтах палуба, на которой он ловко подносит снаряды к раскаленным от боя карронадам. От залпов летят в воздух остатки бастионов на вражеском берегу... А потом война кончается, и фрегат уходит в плавание к дальним архипелагам. Как в книжках про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля, которые давал почитать отец Бастиан...

Мальчик не боялся, что будут о нем печалиться и станут искать. Отца с матерью давно не было на свете, старшая сестра вышла замуж за ученика аптекаря в ближнем городке, а мальчишку приютили дальние родственники.

Нет, его не обижали и даже отпускали в деревенскую школу. Все было по справедливости. В доме дядюшки Пьера и его супруги тетушки Жозефины он получал ту же порцию луковой похлебки и колотушек, что и родная их многочисленная ребятня. Но и только... И понимал он, что месье Пьер и мадам Жозефина тайком вздохнут с облегчением, когда поймут, что одним едоком стало меньше. Тем более что пользы от мальчишки ждать не приходилось. Он, чуть выпадет свободная минута, — носом в книжку. А от ученых книжников много ли проку в деревенском хозяйстве? Только огарки церковных свечек зря жег на своем чердаке. Сколько было говорено: «Не смей, а то дом спалишь», а он все свое...

В Порт-Руа среди суеты, многолюдья и погрузочной сутолоки попасть на корабль оказалось нетрудно. Труднее было таиться там до выхода в море. Ну, а дальше — то, чего он и ожидал. Сначала — крепкие руки, выдернувшие его из-за бухты толстого каната. Подзатыльник. Краснолицый, с растопыренными бакенбардами офицер в позументах (то ли сам капитан, то ли один из его лейтенантов). «Всыпать паршивцу две дюжины линьков и выкинуть его на корм селедкам!» И конечно, не сделали ни того, ни другого. Вступился оказавшийся рядом командир десантного батальона капитан д'Эпиннэ. Усатый весельчак. Сказал, что такого тощего, проголодавшегося и еле живого от страха сорванца

никакие рыбы есть не станут. Надо его умыть, подкормить, а там будет видно («И сейчас же перестань реветь!»).

Затем командир батальона препоручил найденыша заботам седого и грузного капрала Бовэ. Тот отвел мальчишку на нижнюю палубу, к солдатам.

Конечно, бравые пехотинцы Первого батальона Второго Колониального полка были рады мальчишке: у многих дома остались такие же. И пошел веселый разговор, что «теперь, боевые товарищи, противнику лучше сразу поднять белый флаг, поскольку с нами такая непобедимая воинская сила...».

Мальчику пообещали, что для начала его сделают барабанщиком, а затем он обязательно дослужится до офицера и вернется домой, увешанный наградами, как цыганская красавица украшениями из серебряных монет. И от невест не будет отбоя...

По правде говоря, его это не очень устраивало. Конечно, стать героическим барабанщиком (а потом и офицером!) армии его императорского величества — дело заманчивое, но морская служба казалась привлекательней. Однако мальчик решил, что дальше будет видно, а пока все идет не так уж плохо.

Но оказалось, что плохо. Ой, до чего же плохо!...

Первая же качка свалила мальчишку с ног.

Правда, не только его. Полегли и многие солдаты, такие рослые, такие здоровые. И страдали не меньше мальчика. Но ему от этого было не легче!

Мир сделался отвратительно жидким, тошнотворным, и все вокруг виделось как через грязное бутылочное стекло. И самое невыносимое, что этому не было конца...

Конечно, случались передышки. Море делалось спокойным, тяжкая слабость отступала, появлялись силы, чтобы выбраться на верхнюю палубу, глотнуть свежести. Но вскоре задувало крепче прежнего, и все начиналось опять.

Капрала Бовэ морская болезнь не брала. Но, глядя на мальчишку, он страдал не меньше его. Сажал иногда себе на колени и раскачивал как бы навстречу размахам палубы. Порой от этого становилось легче... И к концу плавания измученный мальчик знал, что самый хороший человек на свете — дядюшка Жак...

О морской службе думать уже не приходилось. Истрадавшийся мальчик вместе с батальоном Второго Колониального полка сошел на чужой берег. Никто не стрелял, берег казался необитаемым. Громоздились пористые глыбы песчаника. Батальон построился, взяли в шеренгу и мальчика. Он был уже в

солдатской одежде, с пустым ранцем за плечами. Только ружья не дали, сказали, что барабанщику не положено. Правда, и барабана пока не было, обещали дать позже. Но все-таки обещали! Потому что ему ничего другого и не оставалось, как стать барабанщиком. Ну и ладно! Это тоже путь славы...

Путь этот оказался непрост. Когда мальчик напоминал о барабане, ему говорили, что не все сразу. Надо, мол, заслужить. Хорошо, конечно, маршировать под полковым знаменем впереди атакующей колонны, но сперва надо постигнуть все трудности солдатских будней.

Уже после мальчик понял, что его просто не хотели посылать под пули.

Полк ходил в атаки на бастионы противника, отбивал в траншеях вылазки противника, терял солдат в частых перестрелках. А мальчишку оставляли то при полковой кухне, то в тыловом блиндаже оружейной команды, где он чистил амуницию и отмерял в бумажные фунтики пороховые заряды для длинных ружей системы де Вилье.

А в бой его все не брали, хотя у него теперь был длинный пистолет, из которого он без промаха с десяти шагов попадал в трайфенную егерскую фуражку.

И в тот отчаянный штурм бастиона под названием «Конская голова» не взяли тоже. Штурм, как и прежние, кончился неудачей, а во время отступления был убит капитан д'Эпиннэ. Некоторые солдаты плакали. Мальчик тоже. Но это не помешало ему захватить барабан взрослого барабанщика Анри, которого ранили и отправили в лазарет на берегу Тростниковой бухты.

— Теперь-то я уж точно пойду в бой! Я хочу отомстить за капитана! Я умею играть «Марш-атаку»!

— Ладно, ладно, — успокоил его дядюшка Жак. — Только не сейчас. Наш полк отводят в резерв.

В сырых и тесных блиндажах резервного лагеря было скучно. Солдаты радовались безопасности и отдыху, а мальчик отдыхать не хотел. Он хотел воевать. И отпросился к артиллеристам, чья дальнбойная батарея стояла на склоне горы Эдуарда, напротив левого фланга оборонительной линии противника.

У артиллеристов было не в пример веселее. Правда, сперва мальчик вздрагивал от оглушительного лая чугунных гаубиц, но скоро привык. Он ловко ввинчивал в шаровидные снаряды запальные трубки, подносил к орудиям холщовые картузы с поро-

ховыми зарядами, вместе с солдатами хватался за длинные рукояти ершей, которыми чистили гаубичные стволы.

К запальным отверстиям стволов были пристроены пистолетные замки, чтобы стрелять, дергая шнурок. И мальчику не раз давали дернуть. Трудно было разглядеть, куда именно падал его снаряд. Но, поскольку над далеким бастионом противника вырос дым и порой взлетало пламя, ясно было, что стрельба ведется удачно. И, значит, был и его вклад в победу, которую, несомненно, одержит армия императора и ее славные союзники, войска королевы Виктории.

С победой, однако, что-то не ладилось. Наоборот, контратаки противника делались все чаще, а стрельба все активней. Перед бруствером батареи, а то и среди орудий теперь то и дело оглушительно лопались бомбы. Только успевай прыгать в укрытие.

Один раз мальчик не успел. Горячая волна бросила его лицом в гравий, чугунный осколок распорол рукав синей суконной курточки выше локтя.

Мальчик не очень испугался. Только оглох на время. Когда гул в ушах ослабел и боль в разбитых губах прошла, он сам — крупными стежками — зашил прореху на рукаве. И похвастался этим «шрамом» перед дядюшкой Жаком, когда тот пришел на батарею проведать мальчишку.

Капрал Бовэ почему-то не обрадовался героическому рассказу мальчика. Он сказал, что, согласно уставу императорской армии, каждый солдат обязан находиться в своем подразделении, а не болтаться, где ему вздумается. Иначе это будет не армия, а табор бродячих комедиантов. Он взял мальчика за руку и увел в свой пехотный блиндаж.

— А мой барабан никуда не девался?

— Никуда. Будешь играть на нем побудку и отбой...

Но барабанить в резервном лагере мальчику пришлось недолго.

3

Стояла уже поздняя осень, и наступили такие холода, что грязь и сырая глина окаменели. Кое-где их присыпал колючий сухой снежок. Море вдали было сизым от стужи. На барабанный сигнал подъема хмурые солдаты вылезали из блиндажей все неохотнее. Дисциплина падала. Зачем подыматься, если все равно

никаких дел? Когда в караул или на работу — это понятно. А просто так чего торчать на холоде?

Да и сам барабанщик выбирался утром из-под шинели без всякого желания...

Противник не думал сдаваться. Но и не наступал. Стрельба с двух сторон делалась все реже. Стало ясно, что активных боев не будет до весны. А зимовка предстояла безрадостная. Не хватало провианта. Все чаще санитарные повозки увозили солдат в тыловые лазареты. Не раненых, а больных. Непривычная стужа дожимала всех, от холода распухали пальцы.

Счастливыми считали тех, кому удалось отпроситься в отпуск на день-два и побывать в тыловом лагере.

Точнее говоря, это был не лагерь, а настоящий городок. Его выстроили саперы и прибывшие с войсками вольнонаемные каменщики и плотники. Здесь стояли дома с квартирами для начальства и конторами всяких военных ведомств. Была двухэтажная гостиница и рестораны для офицеров. Был даже настоящий театр с просторным залом, с крытой наружной галереей, с деревянными колоннами и гипсовыми масками на фронте.

Городок назывался Тростевиль. Он стоял на берегу Тростниковой бухты, куда вошла часть союзной эскадры. Ядра сюда не долетали, стрельба слышалась глухо. Только зимнее солнце над Тростевилем постоянно было в красновато-серой дымке — война есть война. И все-таки казалось, что здесь кусочек мирной родины.

Среди театральной obsługi у капрала Бовэ нашелся приятель-земляк, пожилой холостяк дядюшка Давид — гримёр и парикмахер.

Незадолго до Рождества капрал сказал мальчику:

— Вот что, герой, нечего тебе здесь киснуть и мерзнуть. Отправись к Давиду, поживешь у него до тепла. Не бойся, без тебя война не кончится.

— А как же устав? Я же должен быть в своем полку!

— Ох ты, писарь-буквоед! Командир оформит тебе отпуск...

У дядюшки Давида было хорошо. Тепло, не голодно. Можно было до полудня валяться на мягком матрасе и разглядывать картинки в старых журналах с рисунками мод и причесок. Можно было, разинув рот от любопытства, гулять по улочкам Тростевилья и глазеть на пеструю тыловую жизнь.

А каждый вечер — театр! Шумные представления с музыкой,

огнями, танцами! С полетом разноцветных платьев и лент, с пестрыми холстами декораций и звоном жестяных рыцарских лат... Правда, смотрел спектакли мальчик не из зала, а из-за кулис, но все равно было здорово! И так не похоже на стылую жизнь резервного лагеря! Сплошная сказка!

Мальчик почти не улавливал содержания сумбурных опереток, но их радостный вихрь захватывал его, как чудесное сновидение.

А потом дядюшка Давид сказал, что есть возможность принять участие в спектакле. Как настоящему актеру! Заболела девица, игравшая мальчишку-пажа, и нужна срочная замена.

— Я же не умею... — прошептал мальчик, млея от испуга и радостного желания.

— А чего там уметь! Надо только ходить за дамой и держать ее шлейф. Главное, веди себя по-придворному, а не как сорванец на деревенской улице. Ты же читал книжки про королей, рыцарей и пажей...

И жутко было, и заманчиво...

Мальчик и раньше ощущал некоторую причастность к театральному миру. Потому что помогал служителям ставить декорации и подметать сцену (за что получал несколько медяков). Но сейчас — совсем другое дело. Как если бы читатель сказки превратился в ее героя...

Вначале пахнувшие сладкой пудрой костюмерши обрядили хихикающего от неловкости мальчика в тугую атлас и кружева. Шумный и пузатый месье Пеньюар — главный театральный командир — показал, как носить шлейф и кланяться. И у мальчика получалось. Весь спектакль он важно ступал за главной героиней оперетты, придерживая пальцами конец длинного невесомого шелка. И казалось, что все аплодисменты — не ей, а ему.

Героиню играла любимица публики мадемуазель Катрин. Когда упал занавес, она звонко поцеловала мальчика в щеку.

— Ты самый лучший мой паж! Никогда не расставайся со мной!

И с того раза он всегда носил ее шлейф.

Они сделались друзьями.

Скоро мадемуазель Катрин забрала мальчика к себе. Он не спорил. У дядюшки Давида жилось неплохо, но тот постоянно был навеселе и дома все время клевал носом, не поговоришь по-человечески. А с Катрин можно было болтать часами и о чем угодно. Правда, нередко к ней приходили офицеры с бутылками

и цветами (и где они только брали цветы в такую стужу?), но и тогда Катрин не отпускала мальчика от себя.

— Это мой верный паж!

А еще она звала его «мон петі тамбурильеро» — мой маленький барабанщик.

И обращалась с ним порой как с малышом.

Отобрала у него суконное обмундирование, из обрезка бархатной кулисы сшила костюмчик с откиннутым на плечи брюссельским воротником. По утрам целовала в обе щеки и давала чашку горячего шоколада.

В глубине души мальчик понимал, что у бездетной и незамужней Катрин — мечта о своем сынишке. Была Катрин не так уж молода, как виделось поначалу. На сцене — юная красавица, а дома заметны морщинки под кремом и пудрой. Но все равно красивая. И добрая. Мальчик терпеливо сносил ее ласки (порой они были даже приятны). Только растопыривал локти и сердито сопел, если поцелуи и пахнувшие шелком и мазями объятия становились чересчур жаркими.

Лишь однажды он заспорил и заскандалил отчаянно — это когда Катрин вознамерилась самолично выкупать его в своей привезенной из Парижа ванне:

— Вы с ума сошли? Мне двенадцать лет! Я волонтер императорской армии!

— Ах, простите, мой генерал! Я забыла, что вы уже взрослый! Ну, тогда позволено мне будет хотя бы расчесать ваши волосы?

Волосы отросли чуть не до плеч, превратились в локоны. Катрин умоляла не стричь их...

При всей приятности той жизни в ней было и досадное — частые укоры совести: он тут живет как принц, а боевые товарищи мерзнут в блиндажах...

Конечно, никакой он был не принц. Костюм — из потертой театральной тряпицы, брюссельские кружева воротника — из остатков старого платья. И спал не на перинах, а на походной койке за ширмой, в тесной комнатухе полубродячей опереточной певички. Но все-таки...

Хотя, с другой стороны, он в законном отпуске. К тому же все равно скоро весна...

В конце февраля Катрин стала кашлять, и военный врач капитан Депардье сказал, что ей пора возвращаться домой — здешний климат погубит ее.

— Поедем со мной, мой маленький! Будем жить у моей ма-

мы, пойдешь в школу. Или запишем тебя в хороший пансион. Станешь ученым!..

— Я же барабанщик! Солдат!

— Ты волонтер. И даже не совсем настоящий — ты не подписывал контракт. Имеешь право закончить службу, когда захочешь!

Она не понимала. У него было одно право: вернуться в полк, к боевым друзьям, к капралу Бовэ, и, если надо, умереть за императора!

Катрин присела перед мальчиком на корточки. В глазах — блестящие капли.

— Господи... а зачем?

— Что зачем?

— Всё это... Вся эта война?

Барабанщик пожал плечами. Война была ради победы, ради славы. И раз она не окончена, его место здесь. Он знал это нерушимо.

Хотя расставаться с Катрин было очень жаль. Он... да, он даже заплакал, когда прощались у шлюпки — та должна была увезти пассажиров на стоявший в бухте пароход-фрегат «Версаль». Катрин тоже плакала. И последний раз прижала мальчика к себе. Он опять был в форме Второго Колониального полка.

В тот же день мальчик вернулся в резервный лагерь.

Был уже март, и начинала зеленеть окрестная степь. Через Большую бухту дул теплый южный ветер, трепал мальчишкины локоны. Стричь волосы мальчик не стал, оставил их на память о Катрин. Полковой устав это не запрещал.

4

Весной мальчик со своим барабаном дважды ходил в атаку. Правда, с врагом лицом к лицу не столкнулся ни разу, потому что полк двигался во втором эшелоне штурмующей дивизии. Но и здесь было опасно. Лопались бомбы, посвистывали пули. То там, то тут, взмахнув руками, падали вниз лицом солдаты. Но мальчик знал, что с *ним* такого не случится. Просто потому, что *этого не может быть*. И вообще казалось, что все не по правде, а как бы снова на театральной сцене, только на громадной.

Обе атаки закончились неудачей. Пришлось отходить в надоевшие траншеи. Мало того, во втором бою осколком разворотило у барабана бок. Мальчик не испугался и тогда, только очень

разозлился. И с горячей досадой выпалил в сторону вражеских позиций из своего длинного пистолета.

А о барабане, по правде говоря, он не очень жалел. Тот был слишком тяжел, путался под ногами, а храбрую атакующую дробь все равно никто не слушал. В следующую атаку можно будет идти налегке. Звание барабанщика за мальчиком все равно сохранилось. И красные с желтыми галунами наплечники — тоже...

Первый общий штурм вражеских бастионов случился лишь в середине лета. Капрал Бовэ сердито сказал:

— Нечего тебе туда соваться, дело будет жаркое. Иди помогать лекарям, у них не хватает людей. Так приказал командир батальона.

Вот еще! Полковые барабанщики не обязаны подчиняться батальонным командирам. На то они и *полковые*. Так рассудил мальчик. И когда штурмовая колонна по сигналу боевых рожков выдвинулась из траншеи, он со своим тяжелым пистолетом наперевес — как с ружьем — оказался в шеренге между двух полных знакомых солдат.

— А ты куда?!

— Куда надо!

— Марш назад!

Но тут опять затрубили горнисты — и вперед, вперед!

— Да здравствует император!

Сперва быстрым шагом, потом бегом. Вверх по пологому склону — по сухой глине и сожженной траве. Медное солнце в рыжем дыму, синие дымки ружей, тяжелый топот, крики, запах горелого тряпья... Шеренги смешались, теперь каждый был сам по себе. Тот солдат, что рявкнул «марш назад!», вдруг согнулся, уткнулся в землю, встал на колени, повалился на бок... Все равно, вперед!

— Да здравствует император!

Впереди тоже что-то кричали. Мальчик увидел совсем близко на склоне сложенный из мешков и длинных корзин бруствер. Туго ударял навстречу воздух. Черные орудия выплевывали желтый огонь. На стволах вздрагивали сплетенные из корабельных канатов щиты.

— Да здравствует им... — Трах! Ударило над головой, свистнуло. Солдаты по сторонам падали непрерывно. И стало наконец страшно.

Главный страх был даже не в том, что вокруг то и дело валились люди. Что-то изменилось *вообще*. А, вот что! Люди бежали не только к бастиону. Бежали и *от бастиона*! Солдаты в незнакомых мундирах, в фуражках без козырьков, в белых перекрестках ремней. Бойцы сталкивались, перемешивались, как-то неуклюже махали ружьями со штыками. И нарастал, нарастал крик:

— А-а-а!..

Мальчик остановился. Не было уже сил для бега. И не было понимания: что же дальше? Для чего он здесь, в этой адской сумятице? Глянул перед собой и увидел врага. Не просто одного из врагов, а *своего*.

Громадный дядька с растрепанной русой бородой, с измятым в крике лицом, в картузе с медным крестом приближался летящими шагами. Его ноги в высоких сморщенных сапогах будто не касались земли. Мальчик видел черную дыру открытого рта.

Надвигалась гибель. Та, которой раньше *не могло быть*.

Мальчик шагнул назад, оступился, упал на спину. Бородатый великан завис над ним, медленно (как во сне) поднял над плечом штык. Трехгранное железо было красным.

Мальчик шевельнул губами:

— Зачем? Не надо... — Это была неслышная, но отчаянная — на весь мир — мольба.

Штык остановился (с него упала красная бусина). По смятому лицу бородача словно провели ладонью. В синих глазах... что в них? Озадаченность? Жалость? Может, увидел, что враг — мальчишка? О чем подумал в тот миг?

Мальчик никогда не узнает об этом.

Он лежал, упираясь в землю растопыренными локтями, он не выпустил пистолет. Ствол смотрел в бородача. Мальчик нажал спуск.

Отдача вдавила локоть в рассыпчатый глинозем. Пуля рванула пряди бороды.

Наверно, она попала сквозь бороду в горло.

Бородач — громадный, как колокольня, — запрокинулся. Рухнул. Штык воткнулся рядом с ним, ружье тяжело качалось. Шум куда-то ушел, стало вокруг беззвучно. Мальчик толкнулся локтями и встал. Шагнул. Нагнулся над чужим солдатом, упершись пистолетом в землю. Бородач посмотрел на него без удивления и, кажется, без боли, спокойно так. Потом стал смотреть

мимо, в небо. Синие глаза мутнели. Раны не было видно под бородой. Борода дернулась и опала, рот сомкнулся, в углу его лопнул розовый пузырек.

Это что? Это... всё?

Мальчик мельком вспомнил разговоры, что такие вот бородатые воины — не настоящие солдаты, а ополченцы, пришедшие на бастионы прямо с крестьянских полей...

«Зачем я его? Он же не хотел меня убить... Или хотел?... Я нечаянно... Нет, я нарочно...»

«Ну, пусть меня бы он не убил. А других...»

Но эта мысль не успокоила. Ничего не доказала.

«Зачем?»

Шум боя опять ударил по ушам. Теперь все бежали в одном направлении — от бастиона к траншеям. Знакомый сержант по прозвищу Мельник на бегу схватил обомлевшего барабанщика под мышку и, не сбавляя скорости, донес до своих позиций.

Мальчик думал: будут ругать. Но его, как маленького, гладили по голове и называли героем. Многие видели, как он свалил ополченца.

— Он выпалил этому голиафу прямо в бороду! — вскрикивал Мельник и махал руками, как крыльями.

— Храбрец!

— Быть тебе маршалом!

Подожел лейтенант Бордо. Улыбнулся очень красными губами.

— Какой славный мальчик, прямо херувим. Жаль, если убьют.

На Бордо косились. Он был штабной, в атаку не ходил, а сейчас пришел составлять сводку для начальства.

В похвалах и восклицаниях мальчику чудилась какая-то ненатуральность. Даже виноватость. И он понял отчего. Сердце упало, когда кто-то из солдат сказал:

— Ты это... вот что... иди туда, к палатке. Дядюшка твой там...

У дядюшки Жака бакенбарды были такие же русые, как борода у того...

А глаза... Мальчик с пронзительной тоской вдруг понял, что не помнит: какого цвета глаза у дядюшки? И теперь никогда не узнает. Потому что веки капрала Бовэ были плотно сомкнуты.

Капрал лежал в ряду других солдат, которых удалось вынести при отступлении. Тех, кто был ранен и умер не сразу.

А сколько осталось там, на глинистом склоне...

Мальчик постоял на коленях у головы дядюшки Жака. Плакал или нет, он потом и сам не помнил. Если и были слезы, то неосознанные, сами по себе. А главное было — мысли. Вернее, растущее понимание. В мальчика входило осознание закона войны. Это был закон Равновесия Смерти.

Главное в войне — не победа. Она может прийти к той или иной стороне по воле случая или военной удачи. Она ничего не решает. Потому что обеим сторонам война несет смерти. Много смертей. Если убивают солдата в синем мундире, то убивают солдата и в зеленом — на другой стороне... Наверно, число убитых в разных армиях не всегда одинаково, но это не отменяет общего беспощадного равновесия.

И когда мальчик выстрелил в бородача, он убил дядюшку Жака.

Основное дело на войне — не побеждать. А убивать и умирать.

Зачем?

5

На следующий день было перемирие. Мальчик — усталый, с похолодевшей душой — вместе с сержантом Мельником ходил между траншеями и бастионом и через силу вглядывался в лица мертвых. Своих и тех. Лица были похожие.

Он и раньше видел убитых, но старался не смотреть долго, защищал себя от страха и близости смерти. А сейчас он хотел *понять*.

Убитые были похожи на живых, но в то же время уже не здешние, чуждые этой земле. Только если сохранялось на лице страдание, то еще земное. И в страдании — тот же вопрос: зачем?..

Трупы клали на носилки и растаскивали по разным сторонам.

Чужой усатый солдат в бескозырке с красным околышем потрепал мальчика по спутанным волосам.

— Эх ты, кроха. Тоже служивый...

Мальчик не понял слов чужого языка. Он не шарахнулся, не уклонился. Только затвердел....

Капрада Бовэ вместе с другими убитыми похоронили на солдатском кладбище, на тыловом склоне горы Эдуарда.

И война продолжалась.

Сержант Мельник отвел мальчика к старым знакомым — к артиллеристам. Чтобы тот опять не сунулся в атаку. Мальчик не спорил. И участвовать в штурме бастионов больше не стремился. Не боялся, а просто не видел смысла.

Он, как и раньше, помогал чистить орудия и подносил заряды. На войне как на войне. Но его не оставляло смутное ощущение, что там, за дымящимися брустверами вражеских бастионов, такой же мальчишка вертится среди оружейной прислуги: таскает картузы с порохом, налегает на длинную ручку баника...

Однажды линию батарей объезжал командующий — блестели аксельбанты, колыхались перья над треуголками. Артиллеристы стали во фронт. Командир батареи, раненный в руку доблестный лейтенант де Раш, представил командующему мальчика:

— Мой маршал, это самый юный участник недавнего штурма. В бою он свалил из пистолета противника-великана.

— Bravo, маленький герой! — Маршал сильно склонился с седла (с плеча свесился пышный эполет) и потрепал мальчишку по щеке. Тот стоял, вытянувшись в струнку и вскинув подбородок. Маршал щелкнул пальцами. Перевитый серебряными шнурами офицер соскочил с коня, навесил на потрепанную куртку барабанщика медаль на трехцветной ленточке. Желтую, тяжелую, с вензелем императора.

Горделивое чувство на миг согрело мальчика. А потом: «Интересно, *тому мальчику* тоже дали медаль?»

Говорят, бывают юные барабанщики, сыновья полков — весельчаки, чертенята, шутники и танцоры, которые радуют солдат своей неутомностью. Общие любимцы. Мальчик был не такой. Неразговорчивый он был, и ему нравилось смотреть на бабочек, которые даже сквозь вихрь войны залетали на батарею.

Любили его? Он не знал. Если и да, то не за бойкий нрав, а просто за то, что малолеток... Он и не искал ничьей любви, а

привязан был только к дядюшке Жаку, да еще, пожалуй, к Катрин...

Теперь мальчик отгородился от всех постоянным молчанием. И хотел, чтобы скорее все кончилось.

А что будет дальше?

Дядюшка Жак ворчливо говорил: «Рано тебе солдатскую похлебку хлебать. Кончим воевать и поедем ко мне в Сен-Мишель. У меня там дочь, а у нее двое пострелят вроде тебя, только поменьше. Будешь за старшего. А муж у нее маляр, он тебя обучит этому делу...»

«Нет, я хочу быть барабанщиком...»

Теперь-то он с радостью бы ждал отъезда в Сен-Мишель, да вон как все поломалось...

Можно, конечно, остаться в полку. Но... зачем?

Несколько неудачных штурмов образумили армию императора. Теперь больше воевали не штыками, а лопатами. По ночам. Траншеи неумолимо приближались к бастионным брустверам, которые не смолкая громила доблестная дальнобойная артиллерия. У противника уже не было сил все время восстанавливать укрепления.

Наконец, когда от траншей до бастионов было всего полторы сотни футов, войска кинулись на яростный генеральный штурм.

В этот раз тоже не все удалось. Союзники на правом фланге — красномундирные батальоны ее величества — дружно отказались, не выдержав контратак. Но дивизия, в которую входил Второй Колониальный полк, в отчаянном броске взяла Главную высоту...

Мальчик не участвовал в штурме. На Высоту он попал, когда все уже было кончено. Его привело туда сумрачное любопытство. И смутное ожидание какого-то *события*.

Оказалось, что бой здесь еще не совсем угас. Холм уже очистили от противника, но недалеко от вершины, в приземистой квадратной башне засел десяток защитников. Они надеялись, что высоту скоро снова отобьют, и метко палили из узких каменных амбразур. Полковой адъютант, махая платком, несколько раз подходил к амбразуре и предлагал «храбрым товарищам, которые до конца выполнили свой долг», сложить оружие. Адъютанта вежливо выслушивали, потом просили убраться и палили снова.

Наконец несколько отчаянных солдат, пригибаясь, побро-

сали к башне вязанки хвороста и кинули в них факел. Взвился дым. Лишь тогда в амбразуру высунулся штык с белой тряпичей.

Хворост моментально раскидали.

Отошла кованая дверь, и появились закопченные, перевязанные защитники во флотских и пехотных мундирах. Впереди — молодой офицер без фуражки, с грязной повязкой на голове.

— Вы сдаетесь? — шагнул к ним адъютант.

— А вы сами не видите? — Флотский офицер сердито сунул ему в руки свою саблю.

— Могли бы сделать это и раньше, — хмуро, словно пряча виноватость, укорил его адъютант. — Столь бессмысленное сопротивление уже не геройство, а нарушение воинского этикета.

— А выкуривать противников, словно клопов, не нарушение воинского этикета? — огрызнулся моряк. И добавил тише: — Мы бы и не сдались, но с нами мальчик...

Мальчик был чуть повыше барабанщика. В бескозырке и рваном флотском мундире. Из-под околыша торчали белообрывые космы. Он смотрел устало, но без испуга. Вслед за остальными положил на землю штыком вперед длинное ружье, выпрямился, скрестил на груди руки. Встретился с барабанщиком глазами и... чуть улыбнулся.

Счастливым своей победой командир дивизии — такой же израненный и закопченный, как защитники башни, — подошел к пленным. Сказал, что восхищен их беспримерной храбростью и сегодня же снесется с командованием противника через парламентера: попросит каждого храбреца представить к награде. Затем приказал адъютанту отправить пленников в тыл и разместить с возможными удобствами.

...Бой по всей линии стихал. Война стихала... Противник добровольно оставил отбитые у войск ее величества бастионы. Удерживать их, когда потеряна основная высота, не было смысла.

Ночью войска противника без помех перешли на другую сторону Главной бухты по громадному наплавному мосту. Их пытались обстреливать, но без результата. А для преследования не было сил.

Уцелевшие жители города тоже уходили. Переправлялись кто на чем.

Город горел. Иногда гремели взрывы. Посреди бухты пылал запаленный зажигательной ракетой фрегат.

Защитников башни наутро отвели в длинное каменное здание флотских экипажей, уцелевшее в бомбардировках. От Второго Колониального полка назначили караульную команду — десяток стрелков. Мальчик напросился с ними.

Рядовых матросов и солдат разместили в казарме, офицеров — в командирском крыле. Взяли с них слово, что не будут делать попыток к бегству и дождутся обмена пленными, и после этого разрешили гулять по территории казарм.

Оказалось, что пленный мальчишка — офицер. Он был всего на год старше барабанщика, и в начале войны его записали во флотские юнкера, но в условиях обороны время считалось не как в мирной жизни. Месяц — за год. И за два дня до штурма вышел приказ о присвоении юнкеру звания мичмана. Вот так! Жаль только, что не успел обзавестись офицерской формой...

Юный мичман служил порученцем у начальника третьей артиллерийской дистанции и накануне решительной битвы пришел на Главную высоту с пакетом. Здесь он заночевал. Поэтому и оказался в гуще боя. И, говорят, воевал не хуже других...

Но все это наш мальчик узнал позже.

А сначала он издали, со шемшистым любопытством приглядывался к *тому мальчику*, когда они оба бродили по мощенному ракушечными плитами двору. На плитах лежали десятифутовые якоря со сгнившими дубовыми штоками.

Несколько раз пленный мальчик встречался с барабанщиком взглядом и, кажется, улыбался снова. Без заискивания, без вызова. Просто *улыбался*.

Наконец, словно подчиняясь натянувшейся между ними каучуковой нити, они сошлись у изъеденного ржавчиной громадного якоря.

И каждый стал смотреть на сапоги другого.

Потом пленный спросил:

— Вас как зовут? — На языке противника он говорил как на своем.

— Даниэль Дегар... Барабанщик. Только барабан разбило... А вы... кто?

— Мичман Астахов. Виктор...

— Виктор?

— Виктор. А можно Витя...

— Вить'а...

— Ну да. Или Витька... Если «Витька», тогда не «вы», а «ты».

Барабанщик Даниэль Дегар запустил руку в карман широких красных брюк. Вынул яблоко — их добывали в захваченных деревянных интендантские разьезды.

— Хочешь?

— Ага... гран мерси. — И растянул в улыбке широкие, в мелких трещинках губы. Лицо у него было круглое, курносое, а глаза серые.

Потом губы сжались, и мичман Астахов, то есть «Вить-ка», с усилием разломил яблоко.

— Вот так лучше. Держи...

Они сели на плиту, привалились плечами к якорному штоку — Витька левым, Даниэль правым. Дым над городом во многих местах развеялся. Сильный дождь, который шел всю ночь, погасил пожары. Видны были круглые белые облака. Нигде не стреляли.

Потом они часами сидели рядом и говорили про всякое. И про свою прежнюю жизнь говорили. Витькин отец, морской офицер, умер перед войной. А его, Витьку, определили в юнкерскую роту. Мать с сестренками в самом начале обороны уехала в другой город, подальше от снарядов. Мальчишек-юнкеров, не смотря на их протесты, тоже вывезли в тыл, но Витьку перед этим отпустили проводить мать, и он будто бы случайно отстал от своей роты. И примкнул к флотскому экипажу, который занял позиции на третьей артиллерийской дистанции. Ну и... воевал как все.

— И повезло. За всю оборону — ни одной царапины.

— И у меня... Только вот рукав, — мальчик шевельнул плечом с зашитым сукном.

Потом помолчал и сказал, что застрелил бородатого солдата. Все поведал, как было. Как испугался. И как убили капрала Бовэ.

Витька проследил за полетом желтой бабочки и сказал с виноватой ноткой:

— Что поделаешь, война...

— А зачем?

— Зачем война?

— Да.

— Ну... не знаю. Это ведь... вы пришли к нам с десантом.

А нам что делать? — Он будто оправдывался. А оправдываться было не в чем!

Мальчик сморщил лоб.

— Я не про то. Я вообще... про всё целиком. Нынче одни с десантом, завтра другие, каждый считает, что он прав. И убивают всех одинаково... Зачем?

— Но ты вот тоже... пошел в барабанщики.

— Так получилось. Я вообще-то хотел в моряки...

— И я! Моряки ведь не только воюют! Они делают открытия!

— Я знаю. Я читал про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля...

— И я читал... А еще у меня вот... — Витька расстегнул потрепанный мундирчик, достал из-за брючного пояса плоскую книгу в оранжевом потертом переплете. — Это... мама подарила, когда мне двенадцать лет исполнилось. Я с ней нигде не расстаюсь. А там, в башне, она меня от раны спасла, от осколка. Видишь? — Верхний угол у корешка был прорублен, словно острым топориком.

— По... б... н... — попробовал Даниэль на свой лад разобрать незнакомые буквы.

— Робинзон, — улыбнулся Витька и открыл титульный лист. — Издание книгопродавца Лоскутова, Санкт-Петербург, тысяча восемьсот пятьдесят третий год. Она тогда новенькая была... Я помню, в тот день как раз после боя с турками вернулась наша эскадра... Смотри, тут картинок множество...

— Я знаю! — встрепенулся Даниэль. — Я помню! Мне давал «Робинзона» отец Бастиан. Картинки там были такие же!

Они полистали страницы, помолчали. Наконец Витька сказал:

— Когда вернусь из плена, пойду слушателем в морской корпус. У нас всех гардемарин перед выпуском посылают в кругосветное плавание. Ну, я, конечно, уже офицер, но все равно обязаны послать, раз я еще не был...

— Счастливый ты... — сказал мальчик.

— А ты... можешь ведь тоже стать моряком. Ну, пускай сперва матросом, а не офицером, а потом...

— Да не в том дело, кем... — И мальчик признался, как страдал во время плавания.

— Да-а... — посочувствовал Витька. — Из-за этого дела уходят на сушу даже выпускники морского корпуса. Те, кто не смог себя пересилить.

— Я точно не смогу...

— А... что будешь делать? После войны.

— Не знаю. Наверно, вернусь в Пуль-Нуар. Отец Бастиан учил меня рисовать и говорил, что получается. Попрошу поучить еще, а потом буду ходить по разным городам, делать портреты для тех, кто пожелает... А еще у отца Бастиана есть ящик со стеклом, как у подзорной трубы. С его помощью можно делать портреты и картины на металлических пластинах. Я помогал обрабатывать эти пластины во всяких кислотах, готовил растворы. Научусь еще больше и тогда заведу себе такой же ящик...

«А еще можно разыскать Катрин», — подумал мальчик. Но почему-то застенялся и ничего не сказал.

А Витька вдруг оживился:

— Послушай! Не обязательно же путешествовать на кораблях! Сейчас все чаще стали строить воздушные шары. Скоро воздухоплавание будет таким же обыкновенным делом, как плавание по морям. Ты можешь брать с собой свой ящик, летать над всякими странами и делать картины природы. Для разных журналов и книг по географии!

Витька здорово придумал! У мальчика просто затеплело в душе от этого.

— А ты думаешь, на воздушном шаре не укачивает?

— Конечно, нет! Ты там будто висишь в неподвижности, а под тобой плывут разные незнакомые страны. Я про это читал в журнале «Картины природы», который мы получали до войны.

Прошло двое суток после штурма и переправы.

Стрельбы и стычек почти не было. Обе стороны понимали, что продолжать войну нет смысла. И сил нет. Захватив Главную высоту и основную часть города на Левом берегу, союзные войска могли считать, что одержали победу. Но победа была скорее моральная, а не стратегическая. Дальше-то что? Бастионы и каменные форты Правого берега смотрели на противника тысячей могучих корабельных орудий. Атаковать берег было безумием.

Понимание своего бессилия выводило командующего из себя.

«Маршал Тюлюппэ ведет себя глупо», — острили у него за спиной адъютанты, поднаторевшие в языке противника.

«Тюлюппэ» или «Тюлюппэ» было прозвище маршала.

Однажды во время зимнего перемирия, когда солдаты двух

армий сходились на ничейной земле и по-приятельски хлопали друг друга по плечам, какой-то пехотинец в серой шинели спросил другого — в синей:

— Слышь, а вашего главного генерала почему так смешно зовут? То есть что оно означает, это фамилии? Такое заковыристое.

Разговорчивый противник, как ни странно, понял вопрос. Настоящая фамилия маршала в переводе означала «накидка» или «шуба».

— О да, очь-ень смешно! Да! Это будет как... такое пальто из мех... Ви понимать?

— А чего не понять-то? Значит, «тулуп»!

— О да! Тюлюпп! Тюлюппэ! — развеселился «синий» пехотинец.

Понеслось от солдата к солдату, дошло до офицеров. И приклеилось прозвище к маршалу. Вроде бы непонятное, но ехидное. Впрочем, не совсем непонятное. Кое-кто из остряков заметил, что «тюлюппэ» похоже на «тюпильон», а это слово, как известно, означает «кочок», «хохолок» и даже «пучок сухих ненужных веток». Кругловатый, низкорослый, с похожей на широкую кисточку седой бородкой и петушиными замашками, маршал вполне соответствовал новому имени.

Ну и вот, этого маршала Тюлюппэ грызла досада. Потому что взятие города ничего не решило. Да и города-то не было, одни развалины. Догорало все, что могло гореть. В разных местах продолжали греметь взрывы. Взлетали на воздух редкие уцелевшие дома, оружейные склады, брустверы запасных позиций. Каждый взрыв приводил Тюлюппэ в ярость.

На четвертый день после взятия Высоты маршал отправил на Правый берег парламентаря. Барон де Люсс — изящный майор из штаба маршала — предстал перед командующим армией противника.

— Я имею честь передать вашему сиятельству заявление маршала, что он считает взрывы в сданном городе недопустимыми и расценивает их как вероломство. Это противоречит правилам, которые диктуют отношения между армиями цивилизованных стран.

Грузный, страдающий болями в пояснице князь заворочался в кресле.

— Помилуйте, барон, о каком сданном городе говорит его высокопревосходительство? Разве мы подписывали капитуля-

цию? Или вручили вам ключи? Брала обязательство сложить оружие? Из соображений стратегии я отдал приказ оставить прежнюю линию обороны и занять более выгодные позиции. И только. А минирование оставляемых объектов есть жестокая, но, увы, общепринятая практика оборонительных действий. А ля гер ком а ля гер, барон... Впрочем, не желая лишней крови, я не приказывал закладывать фугасы затяжного действия. Полагаю, что нынешние взрывы есть следствие пожаров в местах с брошенными боеприпасами, все их вывезти мы не имели средств...

Майор де Люсс нетерпеливо наклонил голову:

— И тем не менее, князь, я уполномочен заявить, что, если взрывы будут продолжаться, маршал примет самые решительные меры.

Естественно, барон ждал вопроса: «Какие именно?» Но князь молча смотрел на него.

— Если взрывы не прекратятся, десять пленных, взятых при штурме Главной высоты, будут расстреляны на виду у вашей армии, князь. Таково непреклонное решение маршала, ваше сиятельство.

Командующий тяжело поднялся.

— Это решение не делает чести его высокопревосходительству. Уверен, что маршал не захочет жертвовать своей репутацией честного и храброго полководца и не станет выполнять обещание, данное, видимо, в минуту понятного раздражения. Что изменит в ходе войны гибель нескольких безоружных людей?.. Лейтенант Жильцов, проводите барона к шлюпке...

...А поздно вечером взлетела на воздух горжа и без того разрушенной береговой батарее Святого Гавриила...

7

Пленные не понимали, что случилось. Да и караульные солдаты не понимали. И мальчик... До сих пор к пленным относились вполне по-человечески, даже по-приятельски, но вдруг прискакал лейтенант Бордо со странным приказом. Защитников башни — офицеров, матросов и солдат — заперли вместе в глухой комнате, которая раньше служила камерой гарнизонной гауптвахты. Затем выделили из караульной роты двенадцать конвойных и через весь город (который все еще дымился и местами горел) повели узников к бастиону «Каменный лев», что стоял у

Главной бухты, в виду укрепившегося на Правом берегу противника.

Конечно же, мальчик увязался следом. Он шел рядом с Витькой. Конвойные пару раз шуганули его, а потом перестали обращать внимание.

Витька не был сильно встревожен. Скорее наоборот, надеялся на хорошее:

— Наверно, будет обмен. Ваших привезут с того берега, а нас отправят к своим.

— Значит, скоро расстанемся, — печально сказал мальчик.

— Что поделаешь... Ты мне письмо напиши, когда война кончится. Хорошо? Я оставлю адрес...

— Ладно.

А на бастионе, на площадке, где выстроили пленных, лейтенант Бордо громко прочитал бумагу. О том, что завтра утром пленные будут расстреляны на виду у противника, поскольку он, противник, нарушает международные нормы ведения войны. Таков приказ маршала.

Мальчик, обмякнув от навалившегося страха, смотрел на Витьку. Тот не заплакал, не дрогнул, только беспомощно округлил глаза и рот. Пленные молчали. Потом усатый унтер с плохо заросшим шрамом на лбу угрюмо выговорил:

— Ну и сука ваш маршал...

— Что есть это непонятное мне слово? — подозрительно сказал Бордо.

— То и есть, — отозвался старший из пленных, капитан-лейтенант Палей. — И ты тоже...

На приговоренных надвинулась хмурая шеренга со скрещенными ружьями, оттеснила пленников к двери каземата. Мальчики оттолкнули.

Караул был составлен наполовину из прежних солдат, а наполовину из стрелков морского десанта. Всего около тридцати человек. Те, кто был не на постах, расположились в капонирах левого фаса бастиона. А пленных заперли в нижнем этаже круглой невысокой башни, сложенной из брусьев известняка. На тяжелую полукруглую дверь навесили кованый замок размером с солдатскую фляжку. Массивный ключ командир караула — незнакомый мальчику лейтенант с черной круглой бородкой — опустил в карман шинели...

Все это случилось в середине дня. И до вечера мальчик то-

мился тоскливым ожиданием. Не просто томился. Обдумывал. Высматривал. Решал... Прежде всего среди железного хлама в разоренной кладовой нужно было найти подходящую железяку — похожую на ключ. Чтобы карман лейтенантской шинели, висевшей у входа в капонир, отвисал по-прежнему. Мальчик нашел. Это была петля оружейного ящика — с кольцом, похожим на голову ключа.

Лейтенант и два сержанта сидели за бутылкой вина. Край оружейного лафета был застелен полотенцем, на нем — каравай и красные, как кровь, помидоры. Вино в бутылке было просвечено косым лучом из амбразуры. Тоже словно кровь.

Мальчик постоял рядом с шинелью. Будто случайно тронул ее плечом и рукою. Потом шагнул в середину капонира. Только сейчас на него посмотрели.

— Тебе чего, барабанщик? — добродушно сказал лейтенант.

— Дружок у него в башне, мичманёнок ихний, вот он и мается, — объяснил знакомый сержант Кокнар (мальчик его не любил).

— Никакой он не дружок! Мы с ним рассорились! Он сказал про мою медаль, вот про эту, что она простая медяшка! И что наш император перед их императором... будто мышь перед тигром! — Это мальчик придумал в секунду. В опасности иногда вспыхивает мгновенное вдохновение.

— Ну а чего тогда здесь болтаешься? — это опять офицер.

— Я... не ел с утра. Господин лейтенант, можно мне попросить немного хлеба?

Ему дали краюху и помидор.

— И шел бы ты в свое расположение, — посоветовал офицер. — Нечего тебе глядеть на то, что будет завтра.

— Да, мой лейтенант! С вашего позволения, я сейчас отправлюсь в казармы.

— Заблудится он в развалинах. Или мародеры привяжутся, — обеспокоился сержант Кокнар.

— Чего с него брать мародерам, — сказал другой сержант.

— Я не заблужусь. Я запомнил дорогу! — Мальчик отдал честь и по-строевому крутнулся на пятках.

Он на виду у многих ушел с бастиона. Потом скрытно вернулся. Ящеркой скользнул в расщелинах камней, за спинами часовых на внешнем посту. Прячась в бурьяне и наваленных всюду ракушечных глыбах, пробрался к башне. Часовой ходил с другой стороны. Душно пахло чертополоховым соком. Мальчик громко шепнул в черную щель бойницы:

— Вить'а...

В сумраке забелело круглое лицо.

— Даня...

— Витька... Если я после заката отпущу дверь, вы сумеете уйти?

— Подожди...

Витька исчез на несколько минут, и мальчик истомился ожиданием.

— Даня... Тут есть матрос, он до войны служил на этом бастионе. Говорит, что знает тайный проход к дальним причалам. Можно рискнуть. Все равно терять нечего...

— Я отвлеку часового. Вы выйдете, и его... только не убивайте, ладно?

В зарослях чертополоха с красными (тоже кровавыми) цветами мальчик дождался захода солнца. Оно быстро утонуло в тихой, с переливчатыми красками воде. Почти сразу навалилась теплая ночь.

Над полукруглой, врезанной в каменную толщу дверью горел зарешеченный фонарь. Тусклый, закопченный.

Мальчик проследил, как сменили часового. Новый солдат зевал и оглядывался. Топтался у двери. Мальчик подождал с четверть часа, потом кинул камешек в дальние кусты дрока. Часовой нацелил штык и крадучись двинулся на шум.

Хорошо, что замок оказался смазан. Ключ повернулся легко, дужка не звякнула. Сердце мальчишки колотилось будто не в груди, а в ушах, гул стоял в голове. Но двигался мальчик точно и стремительно. Плечом нажал на дверь...

Все было продумано. Два матроса выскользнули из башни и притаились снаружи. Вернувшийся часовой не пикнул, когда его скрутили. Заткнули рот, замотали голову, поясами стянули ноги и руки. Сунули беднягу в каземат, опять навесили замок.

...По наружной линии бастиона стояли часовые. На берегу тоже. Но матрос-проводник скользнул в незаметную щель вблизи башни. За ним остальные. Оказались в полной тьме. Кто-то зажег тряпичный, пропитанный оливковым маслом (от тюремного обеда) жгут.

Во мрак уходил тесный сводчатый туннель. Пошли быстро и без слов, с частым хриплым дыханием. И шли долго. Мальчики — в середине цепочки.

Наконец дохнуло морской солью, блеснули звезды. Все кра-

лучись выбрались из туннеля. В темноте громоздились каменные обломки, обгорелые сараи. Близко плескала вода. Над ней угадывались мостки из свай.

В бухте отражалось догорающее вдали судно. Порой взлетали сигнальные ракеты. На дальнем берегу мерцали сторожевые огни противника... Да, а кто теперь противник?

Основное пространство бухты было темным. Можно пересечь незаметно. А на чем?

— Здесь завсегда полно было яликов и шлюпок старых. Нынче, видать, все увели беженцы...

— Вот окаянность...

— Вашбродь, тут вроде вельбот под пирсом... Он и есть. Господь милостив...

— Пробоина же. Потому, видать, и не взяли...

— Да какая пробоина. Сей же час заткнем. Плыть-то недолго...

— И впрямь... Доски поищите заместо весел...

Этот приглушенный разговор словно не касался мальчишек. Они стояли друг против друга.

— Дана! Уходи с нами.

— Куда я там... И выйдет, что дезертир. Нет...

— Тебя же здесь убьют. Догадаются...

— Не догадаются. Все знают, что я ушел с бастиона. К утру буду в казарме...

— Я написал тебе адрес. Вот, — Витька сунул в ладонь мальчика бумажный комок.

Они коротко обнялись. Даниэль проглотил слезы. От вельбота сказали:

— Астахов, скорее. Мальчик плывет с нами?

— Нет, — не то выдохнул, не то всхлипнул Витька. — Говорит, что не может.

Командир беглецов подошел, сжал мальчику плечо.

— Спасибо, товарищ. Не забудем до смерти. Храни тебя Бог...

И мальчик остался один. Заплескало вблизи, тронулась по воде похожая на многолапного зверя тень. И даже не крикнешь «прощай»...

Он понимал, что безнадежно заплутает во мраке. Поэтому дождался среди развалин рассвета. И двинулся мимо черных разбитых домов, по лестницам и остаткам улиц.

«Наверно, красивый был раньше город».

Вверху большой лестницы, на площадке с рухнувшей колоннадой, его остановил патруль.

— Это что за ранняя пташка? Небось спешишь со свидания? Где ты отыскал девиц?

— Да рано ему еще с девицами! Небось шарил по домам.

— Я не шарил, я заблудился! Я барабанщик Второго Колониального полка! Был на бастионе «Каменный лев», а сейчас иду в казарму!

— Ишь ты, барабанщик! С медалью. Видать, герой... Однако общите героя на всякий случай...

А в кармане — бумажка с чужими буквами, с адресом враждебной страны. И ключ! Он его сунул в карман, когда запер замок, и выбросить забыл...

8

Разобрались быстро. Мальчик поотпирался и перестал. Куда деваться-то, раз улики налицо! Он очень устал и уже не боялся.

Его почти не ругали. Незнакомые офицеры во время допроса хмуро переглядывались и пожимали плечами. А один седой майор со сдержанной жалостью сказал:

— Ох и дурак ты, братец...

Но мальчик знал, что он не дурак. Он сделал все как надо.

Его отвели опять на «Каменного льва» и заперли там, откуда бежали пленные. На тот же замок, тем же ключом.

Скоро случившееся стало известно командующему.

Прибыл лейтенант Бордо с письмом. Вошел в каземат вместе с командиром караула.

— Встаньте, барабанщик.

Мальчик поднялся с соломы.

Лейтенант Бордо официальным голосом прочитал приказ. В нем сообщалось, что завтра после восхода солнца барабанщик Второго Колониального полка Даниэль Дегар будет расстрелян на парاپете бастиона. Вместо заложников, которых он столь вероломно и предательски освободил ночью. Казнь произойдет так, чтобы всю процедуру видела противная сторона.

Мальчик стремительно мертвел. Не двигался.

— У вас есть лишь одна слабая надежда, — сообщил Бордо. — Возможно, вас помилуют, если приговоренных к расстрелу пленников удастся вернуть.

Несмотря на ледяной ужас, мальчик нашел силы для улыбки: «Попробуйте вернуть». Бордо понял его. Сказал значительно:

— Командующий принял особые меры.

Затем офицеры вышли. Дверь ухнула, лязгнула — и опять полумрак.

Мальчик постоял полминуты и упал в солому лицом.

Какие меры принял маршал, барабанщик, разумеется, не знал. А тот поступил, по мнению многих, весьма подло. Вновь направил парламентаром барона де Люсса, который сообщил командующему вражеской армии следующее:

— Князь! Десять пленников, приговоренных к расстрелу, малодушно бежали, воспользовавшись помощью подкупленного ими мальчишки-барабанщика. Это накладывает пятно на всю вашу армию.

— Простите меня, старика, барон, вы несете вздор! Право на побег существует у всех пленных. Особенно же у тех, кого, вместо обещанного им обмена, обрекли смертной участи. А что касается барабанщика, то, как мне известно, мальчик помог несчастным из сострадания и благородства души.

— К сожалению, благородство души не спасет его от расстрела, если к тому времени беглецы не отдадут себя вновь в наши руки...

— С какой стати, майор? Это бред!.. К тому же среди них тоже есть мальчик. Что за безбожный выбор вы предлагаете!

— Не я, ваше сиятельство, а маршал.

— Я не верю, что маршал решится запятнать себя кровью ребенка!

— Этот ребенок — солдат и подчиняется законам военного времени. А маршал никогда не меняет своих решений. Казнь неизбежна.

— Если... *такое* случится, — глухо сказал князь, — я отвечу на это мощью всей своей артиллерии. Восемьсот девяносто орудий в течение суток будут превращать ваши позиции в щебень. Я прикажу потратить месячный запас боеприпасов, и сам государь не осудит меня за такой расход...

— Ваше сиятельство! Поскольку вы отказываетесь сообщить о требовании маршала беглецам, я считаю долгом самому сделать это. И если в них есть хоть капля благородства...

— Есть, есть. И они бы вернулись, конечно, если бы узнали про такое иезуитство... Однако, барон, изъявив намерение сне-

стись с бывшими пленными через мою голову, вы превысили полномочия парламентаря. Это дает мне основание задержать вас... вплоть до завершения всей ситуации... Лейтенант Жильцов! Примите у майора де Люсса саблю и проводите его на офицерскую гауптвахту. Проследите, чтобы барон ни в чем не имел нужды, но не имел бы также никаких сношений с кем-либо из офицеров и солдат...

В небе проступило предощущение утра. Казалось бы, звезды светили по-прежнему, но в блеске их появилась неуверенность. А в черноте неба — чуть заметная белесость. Кузнечики смолкли.

Мальчик ушел в башню, лег на солому и заснул.

Ему приснилась мама.

Вот странно, он почти не помнил ее и наяву думал о ней очень редко. А тут мама подошла, нагнулась, тронула волосы, и повеяло от нее такой нежностью, хоть плачь. Мальчик сел. Но мама уже уходила во тьму, а рядом оказался капрал Бовэ. И стало светло. И мальчик увидел, что глаза у дядюшки Жака светлоребрие. Дядюшка шурил эти глаза, неуверенно отводил их от мальчика и говорил:

— Да ты не бойся. Самое поганое — это секунда, когда в тебя стреляют, а дальше уже не страшно.

Мальчик хотел соврать, что он и не боится, но опять сделалась ночь, и дядюшка Жак стал уходить в эту ночь. Мальчик кинулся было за ним, но тьма вдруг заискрилась частыми звездами (как недавнее небо!). И мальчик понял, что это не просто ночь, а громадный шелковый шлейф с блестками. Шлейф тянется за платьем Катрин, которая играет Добрую Королеву. Не мог же мальчик упустить, бросить этот шлейф. Ведь он — королевский паж!

Мальчик хотел ухватить черный шелк. Если успеет, если схватит — все станет хорошо! Он уйдет в сказку, и нынешняя страшная жизнь будет над ним уже не властна!.. Однако невесомая чернота со звездами скользнула между пальцев, как воздух...

Когда в бойницах засветилось утро, мальчика разбудили. Он сразу все вспомнил. Над ним стояли незнакомые сержант и солдат.

Солдат протянул чистую белую рубашку.

— Вот... надень. Так положено.

Полотно пахло свежестью.

Поверх рубашки мальчик хотел опять надеть свою синюю куртку с измызганными галунами, но сержант сказал:

— Не надо...

«Это чтобы меня лучше видели с той стороны», — догадался мальчик. Потом подумал: «Наверно, и Витька увидит...» И от этого появилась сладкая горечь.

— А медаль можешь прицепить. На рубашку, — сказал сержант. — Медали тебя не лишали.

Мальчик оторвал медаль от куртки и бросил в амбразуру. Медный кружок с трехцветной ленточкой и вензелем его императорского величества...

Было время, когда барабанщик Даниэль Дегар верил, что готов умереть за императора.

А теперь за кого он будет умирать? За Витьку. И за тех пленников, которым помог бежать... Ну, их-то мальчик почти не знал, а вот Витька... что же, это не какой-то незнакомый, чудовищно далекий император. Витька — он живой, настоящий, добрый. За него — стóит... Пусть он поживет на свете за себя и за Даниэля, пусть поплавает по морям, посмотрит на белый свет...

Теплая горечь нарастала в груди мальчика, намокли ресницы.

Вошел высокий длиннолицый священник (мальчик встречал его зимой в городке Тростевиле). Глядя мимо мальчика, священник сказал:

— Помолись, сын мой.

Мальчик ответил шепотом:

— Я ночью три раза прочитал «Патер ностер». Чего еще.

Священник положил ему на голову легкую ладонь, подержал немного.

— Тогда идем, сын мой... Господь милостив и дает нам надеяться до последнего мига...

Когда вышли, в мальчика весело ударило встающее солнце. Оно подымалось над развалинами, малиново-золотистое.

«Какое чистое», — подумал мальчик. Весь год солнце светило сквозь дым, но теперь дым развеялся, и мальчик впервые видел ясный восход.

Мальчика взяли за локти и заставили встать на высокий парпет. Далеко внизу было море — зеленая глубина под каменным отвесом. Погода стояла тихая, но все же у камней вода лениво ворочала космы бурых водорослей, ходила туда-сюда... А за бухтой был желтый берег со сплошной линией укреплений. Пустынный. Выжидательно притихший.

Все это мальчик видел недолго, его заставили повернуться — лицом к внутренней площадке бастиона.

Ух, какие люди собрались здесь ради мальчишки! Сам маршал Тюлюппэ не поленился встать рано, пожаловал с адъютантами...

Двенадцать солдат морского десанта выстроились с ружьями недалеко от парапета. «Ну, правильно. Знакомых на это дело не поставят... Вот странно, я почему-то почти не боюсь...»

Один из адъютантов развернул очень белый лист и стал громко читать. Громко и... неслышно. Между ним и мальчиком как бы выросла прозрачная стенка, и слова отскакивали от нее.

Потом адъютант что-то сказал караульному офицеру. Прозрачная стенка исчезла. Офицер с черной бородкой — тот, что вчера дал мальчику хлеб и помидор, — отчетливо ответил адъютанту:

— Это не входит в мои обязанности, капитан!

— Под арест! — не то пролаял, не то прокашлял командующий императорской армией.

Офицер пожал плечами. Отцепил саблю, отдал адъютанту и пошел с каменной площадки.

Командир Второго Колониального полка (мальчик его почти не знал, тот появился недавно, вместо прежнего, раненого) официально шагнул к Тюлюппэ.

— Господин маршал, мы ждали от вас иного. Неужели вам чуждо всякое сострадание?

— Вы забываетесь, полковник!

— Прикажете и мне под арест?

— Если вы откажетесь командовать солдатами.

— В данном случае — безусловно. И надеюсь, что эта история скоро станет известна императору! — Полковник тоже отдал саблю адъютанту. И ушел вслед за командиром караула.

Мальчик наблюдал за происходящим со спокойным любопытством. Будто он — это не он. Будто во сне...

— Лейтенант! — пролаял Тюлюппэ.

— Я, мой маршал! — Лейтенант Бордо звякнул шпорами.

— Я поручаю эту миссию вам... капитан! И поторопитесь! Пора кончать! Не армия, а балаган!

Бордо встал у края шеренги.

— Солдаты! На-а прицел!

«Кажется, ведь должны завязать глаза? Черта с два! Не дам!»

Но про повязку, видимо, забыли.

Ружья поднялись. Медленно, вразнобой. Потом правофланговый усач нагнулся и положил ружье.

— Виноват, мой маршал. Я солдат, мой маршал, я не умею стрелять в ребятишек. Лучше уж прикажите встать рядом с ним...

«Вот это да», — подумал мальчик. И будто проснулся. В нем стремительно выростала надежда.

Остальные солдаты тоже сложили перед собой ружья — как дрова.

— Вы все будете расстреляны по решению военного суда! За неповиновение и бунт!.. Кру-гом! На гауптвахту шагом марш! — В голос Тюлюппэ прорезались петушиные ноты.

Солдаты повернулись — кто через левое, кто через правое плечо. И шеренга, ломаясь, ушла с площадки (гравий хрустел под сапогами). В спинах солдат был не страх, а облегчение.

— Лей... капитан! Вы мне кажетесь здесь единственным офицером, знакомым с воинской дисциплиной! — Тюлюппэ, видимо, забыл про притихших адъютантов. — Капитан! Я приказываю вам самому довести дело до конца!

Бордо повел плечами. Встал свободно, даже развязно. Провел языком по ярким губам. Откинул полу синей шинели, достал из глубокого внутреннего кармана длинный пистолет. «Почти как мой», — тоскливо подумал мальчик.

Стало тихо-тихо. Все знали, что Бордо отличный стрелок. В тишине он сказал с нарочитым зевком:

— Жаль. Такой красивый мальчик...

Глаза у него были, словно в них капнули оливкового масла.

Бордо заложил левую руку за спину, а правую начал поднимать на уровень плеча.

Впереди масляных глаз мальчик увидел пистолетный зрачок.

Пропуская над собой хлесткий выстрел, мальчик отчаянно выгнулся назад, толкнулся подошвами. Ахнула пустота, завертелся, засвистел мир. Зеленая, завитая в спирали вода понеслась навстречу. Сквозь ее неровную толщу видны были размытые пятна медуз.

Удар о воду оглушил мальчика. Но только на миг. Инерция тянула его ко дну, в тугую зеленую толщу. Потом нестерпимую плотность моря встряхнул, изломал на глыбы чудовищный удар. И мальчик понял в последний миг: это мстительно грянули на дальнем берегу все батареи.

«Господи, зачем?..»

* * *

Конец этого рассказа неясен.

Что стало с Витькой, с мичманом Астаховым, неизвестно. Возможно, что после войны он и в самом деле отправился в кругосветное плавание. А потом служил на кораблях нового, уже броненосного флота и, возможно, достиг высоких чинов.

Среди редких уцелевших жителей разгромленного города ходил слух, что одноногий яличник дед Матвей в одном из береговых, заливаемых волнами гротов нашел тело длинноволосого мальчишки. Хотел уже, помолившись, схоронить на берегу, но хлопчик вдруг зашевелился, что-то сказал не по-нашему. Вроде бы дед выходил найденыша, только почему-то прятал от людей. Вскоре, однако, старик помер, а мальчонку так никто и не видел. Правда это или нет — разве узнаешь? В те времена, в последние дни осады, а затем — в смутные дни перемирия, случилось всякое...

Суд над солдатами, кажется, не состоялся.

Маршал был обласкан императором за славную победу. Но историю на бастионе «Каменный лев» многие офицеры ему не забыли. Как не забыли и прозвище — Тюлюппэ.

Новоиспеченный капитан Бордо за день до перемирия был убит штуцерной пулей, прилетевшей с Правого берега.

В семидесятых годах девятнадцатого века среди европейских репортеров-путешественников был известен фотограф Даниэль Дегар, автор многих снимков, сделанных в африканской саванне и на берегах Амазонки. Впрочем, сомнительно, что это *тот самый* Даниэль. А если тот, значит, он все-таки преодолел морскую болезнь. Ведь в Африку и Южную Америку на воздушном шаре было не долететь. По крайней мере, в те времена. Только Жюль Верн, на радость мальчишкам, сочинил про это фантастический роман...

И в любом случае Даниэль Дегар и Виктор Астахов едва ли что-то знали друг о друге. Ведь бумажку с адресом у барабанщика отобрали при допросе...

Но конец неясен даже не из-за этой неизвестности. Грустно другое. Маленький барабанщик Второго Колониального полка никогда не узнал ответа на свой вопрос: «Зачем мир устроен так, что люди все время убивают друг друга?» И не узнал бы, доживи он хотя бы и до нынешних времен.

Потому что и в наши дни ответа нет.

II. ГАЗЕТЧИК

1

Оська с разбега пересек пустой солнечный двор. Запрокинул голову. Поймал на затылке чуть не слетевшую бейсболку.

— Чудовище! Эй, Чудовище!

Двор обступали квадратом старые двухэтажные дома. С длинными балконами. На балконах неподвижно висело бельё. Был конец мая, но стояла уже не весенняя, а густая летняя жара. В щелях ракушечных плит синел цикорий. У высохшего колодца утомленно доцветал кривой каштан-пенсионер. В этот полуденный, разморенный солнцем час на дворе должна была стоять сонная тишина. А тут — нате вам:

— Чудовище! Анаконда! Ну, где ты?!

Из-за стеклянной звякнувшей двери возникла Анка. С закутанной в полотенце головой (наверно, снова красила волосы).

— Осище, ты опять дразнишься! Я скажу маме!..

— Держи! — Оська метнул вверх увесистый школьный рюкзачок (кепка при этом все-таки упала). Анке куда деваться-то — поймала «посылку».

— Осина ненормальная! Я все равно скажу ма...

— Скажи, что я в редакцию, а потом в порт! — Он подхватил бейсболку и замелькал навечно загорелыми икрами и локтями.

— Стой! Почему ты не в школе?! У вас же контрольная! Я скажу ма...

— Отменили! — донеслось из-под арки вместе с убегающим шелканьем сандалий.

Контрольную и правда отменили. Только не для всех, а для Оськи.

Когда на доске были написаны оба варианта с примерами и задачами, математичка Роза-Угроза вдруг скандально заявила:

— Чалка! Еще решать не начали, а ты уже пытаешься списать у соседа!

Чалка — это Оськина фамилия.

— Чего я пытаюсь списать! У него же другой вариант!
— Значит, пялишь глаза через проход в тетрадку Юхновской!
— Чего пялить, если у нее еще ни цифры не написано! — возмутился Оська. Хотя возмущаться, когда говоришь с Розой-Угрозой, — себе дороже.

— Еще и хамишь! Встань сейчас же!

«Наверно, с утра полаялась с мужем», — подумал Оська. И, видимо, эта мысль прочиталась у него на лице.

— Ты что-то умничать стал последнее время...

Оську опять дернуло за язык:

— А вам только дураки нравятся, да?..

— Что-о?.. А гуляй-ка ты, друг любезный, из класса. Отправляйся к завучу и скажи, что я сняла тебя с контрольной за подглядывание в чужие тетради. А я постараюсь, чтобы эту контрольную ты писал осенью!

«Ага, в другом пространстве», — буркнул под нос Оська. И, уходя, довольно крепко закрыл за собой дверь.

Но в коридоре он сразу остыл. Обида еще булькала в нем, но уже не злостью, а слезами. Не хватало ему переэкзаменовки! И, главное, — за что?!

«Вот пойду к Ховрину и расскажу про все! Пусть напишет статью про издевательства над учениками! Или сам напишу...»

Но сначала надо было идти к школьному начальству.

К завучу Оська не пошел. Не сумасшедший же! Еще не было случая, чтобы Муза Георгиевна (старшеклассники прозвали ее Медузой Горгоновной) защитила пятиклассника перед учителем. Оська зашагал к кабинету директора (и по пути старался распалить себя снова, хоть немного).

Повезло: строгой секретарши в приемной не было, а директор был на месте. Но... там же сидела и Медуза!

— Здравствуйте... — Оська сумрачно встал на пороге.

— Ты почемуходишь без стука?! — Это, конечно, Горгоновна.

— Я постучал...

Директор — седой, тощий и утомленный жизнью — медленно посмотрел на мальчишку с мокрыми глазами.

— Сядь вон там в уголке, остынь... А мы пока закончим разговор... Муза Георгиевна, с ведомостями можно не спешить. А этим... господам из управления скажите, что у нас все-таки школа, а не канцелярия...

Они с завучем заговорили о своем, а Оська сел в закутке у шкафа на твердый пластмассовый табурет. Посапывал, дергал у

колен бахрому обтрепанных штанов и поглядывал на часы. Они качали тяжелый никелированный маятник и отщелкивали минуту за минутой... И насчитали их семь.

... — Ну, так что у тебя случилось?

Оська встал, уронил табурет, быстро поднял.

— А чего... Еще не начали решать даже, я просто повернул голову, а она сразу: «Ты списываешь!» А чего там списывать-то...

— Не «она», а Роза Ричардовна! — встряла завуч. — Стой как следует, раз ты в кабинете директора!

— Я и стою... Я и не думал даже списывать, а она...

— Это Оскáр Чалка из пятого «В» — обличительным тоном сообщила Медуза.

— Да знаю я... — вздохнул директор. — Кстати, как человек, причастный к газетному делу, ты мог бы изъясняться более связно. Ну, ладно... А почему Роза Ричардовна заподозрила тебя в преступных намерениях?

— Да просто я голову повернул! Чтобы лучше видеть доску...

— Чтобы видеть *доску*, повернулся к тетради *соседа*, — встала Горгоновна.

— Да! — Оська сердито проглотил комок. — Потому что сбоку мне смотреть удобнее! Когда я прямо гляжу, у меня... темная полоска перед глазами. Вот так, сверху вниз... А когда я отворачиваюсь, она тоже уходит в сторону, наискосок все видно лучше... — Он честно взметнул на директора сырые ресницы. И... опять чуть отвернулся. — Я правду говорю.

— Подожди... Что за полоска? Давно это у тебя?

— Не так уж давно... То есть бывало еще в прошлом году, но не часто. А теперь почти все время.

— А родителям ты говорил про это?

— Пока не говорил... Это не очень мешает. Только если читаешь, надо голову немного вбок отворачивать...

— Так можно и шею натрудить... Ладно, об этом позже. А пока ступай в класс, скажи Розе Ричардовне, что вопрос исчерпан, и начинать решать.

Оська глянул на часы.

— Ага, вон сколько времени прошло. Я не успею решить, а она мне «пару». И на осень...

— Суeta суeta... Муза Георгиевна, посмотрите в вашем журнале, какие оценки у Оскара Чалки из пятого «В» по математике в течение года.

— Я и так знаю. Сплошные тройки.

— У меня две четверки в этом месяце, — осторожно возмутился Оська.

— И двойка! — Медуза помнила все.

— Просто я тогда перепутал и не ту тетрадь принес! Разве за это ставят?

Директор утомленно встал.

— Муза Георгиевна, я думаю, при таких успехах Оскара Чалки контрольная не скажет ничего нового. Выставьте ему годовой результат по текущим оценкам.

Оська внутренне возликовал.

— Как прикажете, Олесь Дмитриевич, — сухо отозвалась Горгоновна. — Должна только заметить, что если Чалка и в будущем учебном году станет заниматься через пень-колоду, от перекламеновки все равно не отвергнется.

— Ага, в другом пространстве, — суеверно шепнул Оська и скрестил пальцы. Тихо шепнул, но они услышали.

— Что-что? — заинтересовался Олесь Дмитриевич.

Оська уставился на сандалии и опасно задышал.

— У них в этом году новая поговорка, — разоблачила Оську Медуза. — Ян Янович любит рассказывать детям о разных аномальных явлениях и... гипотезах. И поведал осенью пятиклассникам, что мир наш, так сказать, многомерен и в нем существует множество пространств. И что в одних пространствах жизнь совсем не похожа на нашу, а в других почти такая же, только с разницей в некоторых деталях... Хотя едва ли найдется пространство, где Оскар Чалка — отличник... Короче говоря, научная фантастика. И у наших деток теперь это на языке. Чуть что не понравилось, сразу: «Это в другом пространстве»...

Муза Георгиевна произнесла свою речь бесстрастным тоном. Но ясно было, что учителя рисования и черчения Яна Яновича Корецкого она не одобряет. И что его «научную фантастику» считает совсем не научной....

Оська и сам не понимал, сколько там науки, а сколько сказки.

Тот разговор случился в октябре. Ян Янович тогда отправился с пятиклассниками в поход, в древний пещерный город среди невысоких Меловых гор.

Днем они бродили по таинственным каменным залам, лазали в узких проходах, играли в прятки среди грубо отесанных колонн и на лестницах, вырубленных в толще скал. Ян Янович показывал высоко на стенах барельефы и рисунки с крылатыми

быками. И рассказывал, что до сих пор ученые толком не знают, кто устроил в пластах известняка эти удивительные храмы, жилища и лабиринты. А вечером все расселись у костерка, разложенного посреди круглой пещеры. Вверху, в каменном своде, было отверстие, и в него смотрели две звезды.

— Кто у нас дежурный по вечернему чаю? — спросил Ян Янович.

— Оська! Оська Чалка! Он уже принес воду! — загалдели девчонки.

— Оська Чалка... Ось-качалка... — задумчиво проговорил Ян Янович. — Смотрите-ка... Может быть, в этих словах не просто случайность?

Кто-то вопросительно хихикнул.

— Какая случайность? — опасливо сказал Оська.

— *Не-случайность...* Знаете, что такое ось-качалка? Это важная часть особого прибора, качающегося гироскопа... Ведомо ли вам, люди, что такое гироскоп?

— Это такие волчки в гироскопе, — сказали несколько человек, те, чьи отцы были моряками. Но Оська настороженно промолчал.

Ян Янович, сидя у костра, неторопливо объяснил, что гироскоп — это да, волчок. Точнее, диск на оси. У гироскопа свойство — когда он вертится, ось его не меняет свое положение в пространстве.

— Ну, вы же сами тыщу раз видели: волчок не падает, пока крутится. Такой закон физики... Но иногда ось все-таки начинает колебаться. Раскачивается. Описывает одним или двумя концами кольца. И некоторые ученые считают, что при этом раскачивается и часть пространства. И пространство это начинает просачиваться в другие, нам пока неизвестные участки Вселенной. Отсюда всякие загадочные события в природе, в том числе и НЛО... Когда-нибудь люди научатся проникать в соседние пространства. В тех, что похожи на наше, они смогут встретиться со своими двойниками. А в непохожих будет масса таинственного...

Ян Янович говорил серьезно. И там, в загадочной круглой пещере, у первобытного огня, во всё это верилось. А потом — не очень. Однако Оську недели две после этого иногда дразнили Качалкой. А поговорка «В другом пространстве» осталась на долго.

... — Мне кажется, Олесь Дмитриевич, следует посоветовать

Яну Яновичу не загружать младших школьников излишней информацией, — заключила речь Медуза.

Надо было бы заступиться за Яна Яновича. Но Оська не посмел: еще передумают да оставят на осень. Было неловко за эту боязливость, но он уверил свою совесть, что молодой и дерзкий Ян Янович и сам сумеет постоять за себя...

— Тогда... можно, я пойду?

— Подожди. Муза Георгиевна, проводите Оскара Чалку к врачу. А ты расскажи доктору все без утайки, с глазами не шутят.

Молодой школьный врач (приятель Яна Яновича) обрадовался пациенту и занялся Оськой всерьез. Велел смотреть на свет лампочки то одним, то другим зрачком и спрашивал: не шиплет ли в глазных яблоках?

— Ничуть не шиплет.

— А голова не болит?

— Нисколечко.

— Гм... — Врач несолидно поскреб курчавую голову. Зачем-то постукал блестящим молоточком по облупленным Оськиным коленям. Ноги при этом исправно дрыгались.

— Знаешь, дитя мое, я ведь педиатр, а здесь вопрос для узких специалистов. Я тебе выпишу направление к окулисту. В поликлинику, что на Каретном спуске.

— Там небось платить надо!

— С направлением школьного врача бесплатно... Слушай, а если честно, ты не придумал эту темную полоску? Ей-Богу, никому не скажу.

— Чес-слово, не придумал! Вот так вот маячит!

— Тогда выпишу бумажку...

— Андрей Гаврилович, а можно вас попросить...

— Можно, если не о страшном.

— Сходите, пожалуйста, со мной в класс. А то Уг... Роза Ричардовна не отдаст рюкзак, пока контрольная не кончится, а это еще полтора урока... А так я бы взял его, и сразу в больницу!

— Что ж, идем вызволять имущество.

Оська бессовестно наврал доброму Андрею Гавриловичу. Он и не думал спешить в поликлинику. Раз уж судьба подарила ему лишний час, глупо было бы этим не воспользоваться. Вскоре по-

сле полудня к Хлебной пристани подойдет теплоход «Полнолуние». Вообще-то «Полнолуние» грузовое судно, однако возит и пассажиров. Тех туристов, у кого туговато с финансами и кто не хочет тратиться на роскошь многопалубных лайнеров.

Если поспешить, можно успеть в самый раз.

И Оська спешил — на улицу Желтого Форта, где в двухэтажном особняке из пористого серого туфа располагалась редакция «Посейдон Ньюс». Он в два прыжка перескакивал узкие булыжные мостовые, сплошь покрытые синей тенью платанов. Бегом пересекал маленькие площади с ленивыми фонтанами и бюстами адмиралов. Часто дыша, взбегал по брусчатым трапам на взгорки и весело прыгал по ступеням вниз. И так же весело прыгали в голове всякие мысли.

Только одна мысль была беспокойная. А что, если Угроза, пока Оськи не было в классе, забралась в его рюкзак? Вытащила дневник и накатала там на полстраницы «Обращение к родителям»? А потом дневник может вытащить Анка. «Ага, Осище, достукался! Мама придет, я все расскажу!»

Да нет же, не будет Анка ябедничать. Не такая уж она вредная. Не вреднее Оськи. Анакондой и Чудовищем он прозвал ее, просто чтобы позлить иногда. Скажешь «Анаконда», а она за ним — с поварешкой или полотенцем. «Ну, подожди, Оса ядовитая, я тебя достану! А потом ещё маме скажу!..»

Анка была дочерью маминой подруги, которая жила далеко-далеко, почти что у Ледовитого океана. Три года назад подруга умерла (понятное дело: разве может нормальный человек жить среди таких холодов!). Анка осталась с отцом, который вскоре опять женился.

В прошлом году Анка приехала сюда поступать в кораблестроительный институт, но провалилась. Вернее, ее не приняли по конкурсу. Анка ревела и говорила, что ее не взяли из-за «инострального подданства». Полуостров-то теперь вместе с Южной республикой был суверенным, отделившимся от Федерации государств...

Поревев, Анка стала собираться домой. Мама сказала: «Чего тебе там с мачехой, поживи с нами еще...» Раз «еще», два «еще», так и прижилась. Сделалась как своя. Мама была довольна: есть помощница в доме. От мальчишки-то много ли толку, а тут все-таки женские руки. И не так страшно оставлять Оську, когда приходится уезжать по служебным делам в ближние города и поселки (мама работала в транспортной конторе, и должность ее называлась «координатор диспетчерских служб»).

Анакондой Оська прозвал Анку из-за фамилии. Фамилия была северная, крепкая такая — Кондакова. «Анна Кондакова» — это же само собой складывается в «Анаконду»! Как «Оська Чалка» в «Ось-качалку»...

Поступать в институт Анка раздумала, устроилась работать в портовый узел связи. Сутки на дежурстве — двое суток дома.

Была Анка совсем не красавица — чересчур худая и длинноногая. Но все же не уродина, такие тоже замуж выходят.

А еще она ужасно боялась всяких болячек. Оська этим иногда пользовался. «Вот наворожу, чтобы у тебя чесотка случилась, будешь знать!» Он сумел убедить Анку, что знает кой-какое колдовство. Потому что осенью пообещал ей чирей на шее, и чирей (вот удача-то!) в самом деле выскочил...

Старая дедушкина квартира была ветхая, но просторная, места хватало всем. Даже когда отец жил дома. Но он чаще не дома был, а в рейсах. А теперь...

Ах, Аргентина, Аргентина!
Такая чудная картина!
Бананы, пальмы и креолки,
И полицейский в треуголке...

Такая вот дурацкая песенка вспоминалась, когда Оська думал об отце.

Интересно, в самом деле там полицейские в треуголках или это так, для рифмы?

После уличной жары полутемный вестибюль редакции обдал Оську прохладой. Казалось даже, что пахнет морской солью. Может, и правда этот запах с доисторических времен застрял в пористых камнях?

За фанерной стойкой заворочалась и добродушно заворчала в ответ на стремительное «здрассте» грузная вахтерша тетя Руся. Она была в такой же, как на Оське, бейсболке с надписью «Посейдон Ньюс» и в полинялой штурманской куртке. Три десятка лет тетя Руся проплавала на судах Южноморского пароходства — то буфетчицей, то коком, то смотрительницей пассажирского хозяйства, — и на пенсии не смогла расстаться с флотскими привычками. Поэтому устроилась на нехлопотную должность в приморской газете.

— Привет, юнга. Какой ты с пыли, с жару, как от камбузной плиты...

— Ага! Тороплюсь! Остались газеты, тетя Руся?

— Ну, разве что специально для тебя. С полсотни еще есть.

— В самый раз!

— А куда побежишь-то с ними? В такой жаркий час люди имеют привычку сидеть в тени, а не болтаться по солнцепекам.

— Скоро «Полнолуние» швартуется.

— Так и что с того? Или мальчик не знает, что после возгорания в порту имеется приказ гнать вашего брата со всех причалов? Хоть в полдень, хоть в полнолуние. В целях противопожарной безопасности.

— Кого гнать, а кого и пропускать, — со скромным самодовольством отозвался Оська. — Главное, чтобы связи... — И он крутнул бейболку козырьком вперед. Так, чтобы и газетная надпись оказалась впереди.

Потом он прижал к груди пачку газет. Вдохнул керосиновый запах типографской краски и бумаги — знакомый, любимый.

— Спасибо, тетя Руся! Я — полный вперед! Спокойной вахты!

— Стоп, машина! А денешки?

— Ну, те-отя Руся! Какие у меня сейчас денешки! Продам и вечером принесу! Или скажите Ховрину, он заплатит, а я ему потом отдам...

— Ох, шибко он тебе волю дал, Ховрин-то.

— Не-е, не шибко! В самый раз!

— За вихры вот тебя! — Она потянулась к Оськиной голове.

Его белые от солнца волосы торчали из-под бейболки, как длинные растопыренные пальцы. Оська хохотнул и прыгнул к двери.

— Постой, бесенок!.. Про отца-то что слышно?

— Нового ничего, — на миг опечалился Оська. И выскочил на солнце.

3

К Хлебному причалу можно было выбрать разные пути. Один — по кольцевому Адмиральскому бульвару. Другой — через Саперную балку, по узким каменным трапам на склонах, по тесным переулкам с белыми домиками, старинными водокачками и могучими пирамидальными тополями.

По бульвару было далеко. Через балку — опасно. Там в изобилии водились компании «малосольных».

Мальчишечьё население Города было неодинаковым. Взрослые сказали бы, что оно «делится на несколько социальных слоев».

Те, от кого у приморской полиции постоянная головная боль, назывались «солёные». Этакая крутая портовая братва: тельняшки, импортные гавайки и жилетки с бахромой, наколки, словечки сквозь зубы и дела — такие, за которые вполне светит «зона». Конечно, это были большие парни, а порой уже совсем дядьки.

Тех, кто был помельче, вроде Оськи, но душой стремился в «солёные», именовали «малосольными».

Надо сказать, что «малосольные» были пестрым народом. Встречались там и нормальные пацаны, которые просто хотели выглядеть покруче, чтобы к ним никто не приставал. Но была и явная шпана — такая, что порой «солонее» больших.

Остальных ребят и «солёные», и «малосольные» с ухмылкой называли «маринованными». И виноват в этом был не кто-нибудь, а двухзвездный адмирал Ведерник.

Когда случился раскол и Федерация с Южной республикой начали делить общий боевой флот, вице-адмирала Ведерника назначили командующим республиканской эскадрой. Эскадра, как и вся республика, сидела на голодном пайке. Без ремонта, без топлива, без боеприпасов (про последнее жители Полуострова говорили: «И слава Богу!»). Но доблестного командующего не смущала нехватка ресурсов. Он считал, что главное на флоте — порядок, а порядок начинается с внешнего вида.

Отпущенные республикой жидкие суммы адмирал пустил на новое обмундирование. Всем офицерам и матросам велел ходить летом в белых брюках и с голубыми аксельбантами на кителях и голландках. А фуражки и бескозырки приказал украсить большими золочеными «крабами» со скрещенными якорями и старинным гербом Южного Края.

Тот же герб и якоря были на кормовых и стеньговых флагах, которые двухзвездный адмирал заказал для всех кораблей и судов. Причем изготовили флаги не из обычной материи, которая называлась «шерстяная рединка» или «флагдук». Из флагдука флаги шились на всех флотах во все времена, однако адмирал считал, что она быстро выгорает и теряет праздничный вид. Он пренебрег традицией и выбрал синтетическую ткань — мягкую,

шелковистую, блестящую. Поручил сшить из нее не только боевые флаги, но и комплекты сигнальных сводов — Международного и Военно-морского.

Флаги сводов используются не только для сигналов, но и для праздничного украшения кораблей. Поэтому иногда и называются — флаги расцвечивания. Пышное расцвечивание всегда было мило сердцу вице-адмирала. Ему бы позаботиться о свежей покраске боевых единиц своей эскадры, но это представлялось чересчур дорогим делом. Командующий решил, что пестрые флажные гирлянды будут отвлекать внимание от обшарпанных бортов эсминцев и крейсеров. И станут способствовать повышению боевого духа личного состава.

Может, они и правда повысили бы дух. Но тут правительство наконец усмотрело в разных делах вице-адмирала вредительство и действия в пользу соседней державы. Командующего сняли и отдали под трибунал. Члены трибунала, правда, нашли в поступках подсудимого не преступный умысел, а глупость. Вице-адмирал Ведерник был поэтому оправдан и даже сделан советником президента по военно-морским делам. И внакладе оказалась только фабрика, изготовившая массу разноцветных флагов.

Новый командующий наотрез отказался выкупать продукцию фабрики. «Мне что, больше некуда деньги девать?» Потом все же взял кормовые и стеньговые флаги, а про сигнальные сказал: «Делайте с ними что хотите. Я вслед за Ведерником не хочу, меня-то дураком не признают и в советники не возьмут».

Фабрика, чтобы не впасть в полное разорение, пустила комплекты в свободную продажу. Оптом и в розницу. И по причине малого спроса все снижала и снижала цены.

Первым нашел для флагов применение режиссер детского ансамбля «Маринка», что при Клубе рыболовного флота. Кстати, непонимающим людям название может показаться девчачьим, но в ансамбле были одни мальчишки. И «Маринка» в данном случае не имя девочки, а морская лодка, этакий смелый кораблик. Сравните: «субмарина» значит подводная лодка, «марина» — гавань для яхт. Кстати, «Маринкой» называлась и не-большая шхуна детской флотилии при этом клубе...

Ну вот, режиссер ансамбля углядел флаги на прилавке и предложил костюмерше сшить из них мальчишкам концертные костюмы.

На открытии очередного сезона на сцену в лихом матросском танце вдруг вылетела смуглая пацанва в развевающихся одежон-

ках самых удивительных окрасок и узоров: с большими разноцветными кругами, квадратами, полосками. Каждый мальчишка был похож на пестрый флаг с коричневым древком, а все вместе — сплошной флотский праздник!

Эффект был неожиданный. Практичные мамы, измученные невыплатой денег на работе и всякими трудностями, вмиг сообразили: флаги годятся не только для концертных нарядов, но и для обычной жизни. Сразу решался вопрос: во что одевать «этих чертенят, на которых все горит». По крайней мере, теплой весной и летом, которые в этих южных краях стоят более полугода.

Залежавшиеся было комплекты сигнальных сводов мигом смело с прилавков. Воспрянувшая фабрика принялась штамповать новые. Особенно шли в ход наборы номер четыре. Двух прямоугольных флажков — шестьдесят на семьдесят сантиметров — в аккурат хватало на просторную рубашонку и шортики для мальчишки Оськиного размера.

Скоро у таких костюмов появилось название — «юнгмаринки». Похоже на «юнгштурмовки», что носили в давние времена. Но букву «г» произносить было трудно, и она выпала — сначала в устной речи, а потом и в ценниках магазинов. И получились «юнгмаринки».

Для шитья юнмаринок даже сложились свои правила. Можно было использовать флаги любой расцветки, но только оба одинаковые. Иногда старались, чтобы соответствующий флагу буквенный сигнал совпадал с первой буквой мальчишечьего имени. Но это удавалось нечасто. Например, к какому имени приспособить флаг буквы «Ы»? К тому же в Военно-морском и Международном сводах у одних и тех же флагов буквы были разные...

Девчонкам пытались было тоже шить флажные наряды, но это не привилось. А от мальчишечьих юнмаринок улицы и школьные двory каждую весну теперь буквально расцветали.

Учителя и завучи сперва пытались спорить с новой модой, но скоро махнули рукой: конечно, чересчур пестро и не способствует дисциплине, зато дешево, а против этого в наше время не поспоришь. К тому же разноцветье ребячьего племени придавало городу праздничность и повышало у жителей настроение. А это в наше трудное время тоже полезно.

Жители Города радовались. Лишь «малосольные» презирали мальчишек в юнгмаринках и в случае чего не давали спуску...

Оська свою белую с синим юнмаринку в этом году еще не надевал. Давно пора бы, да самому искать ее в шкафу, стирать и гладить было лень, а мама и Анка постоянно заняты. И теперь он — в разлохмаченных у колен штанах из пыльного вельвета и в мятой клетчатой рубашке со следами газетной краски, с торчащими из-под бейсболки космами — мог бы сойти за «малосольного».

Но, во-первых, среди «малосольных» не было единства — чуяка любой степени «солености» они не признавали за своего и могли поколотить. Во-вторых, «малосольные» не торговали газетами. По крайней мере, газетой «Посейдон Ньюс». Тетя Руся на дух не переносила всякую шпану и ни за что не выдала бы такой ни единого экземпляра. Ну, и кроме того... как ни рядись а по повадкам все равно видно, кто есть кто. Поймают в каком-нибудь Батарейном или Шкиперском переулке, надают по шлям, а что будет с газетами — подумать страшно.

И все же Оська решил: время поджимало. На электронных часах (давний отцовский подарок) было уже 12.04, миновал полдень.

Оська рванул вниз по трапу среди побеленных ракушечных заборов (трап назывался «Фонарный спуск»), проскочил два переулка на дне балки. Запыхавшись, взбежал по Сухарной лестнице. Сердце под прижатой газетной пачкой прыгало и хотело выскочить. Зато опасность, кажется, миновала. Оська торопливо прошагал по людной улице Повстанцев, свернул на Малую Портовую и оказался у Девичьей ротонды.

Это была круглая площадка с белой колоннадой. Она располагалась над обрывом.

Отсюда видны были причалы, краны, пакгаузы, рельсовые пути с вагонами — все обширное портовое хозяйство с разноцветьем теплоходных труб и флагов. А дальше — громадная сибева. И круглые облака. И чайки...

Но Оська лишь пару секунд любовался привычной картиной. Он сразу увидел, что «Полнолуние» уже подваливает к причальной стенке.

От Девичьей ротонды зигзагами уходила вниз ракушечная лестница. И Оська поскакал по ней — быстро, но осторожно, чтобы кожаные подошвы не скользнули по стертým ступеням.

Лестница не сразу привела к причалу. Был еще проход между глухими каменными стенами, который назывался Второй Портовый переулочок. Он привел к решетчатому забору с воротами. У ворот дежурил усатый дядька в морской фуражке и синей форменной куртке. Это был дядюшка Оськиного соседа и одноклассника Эдика Тюрина. Когда-то Оська и Эдик были крепкими друзьями, а потом... Ну да ладно. С Эдькиным дядюшкой у Оськи сохранились прекрасные отношения.

— Дядя Лёня, здрасте!

— Привет, привет, носитель печатного слова! Проникай. Только с оглядкой. Особо опасайся тех, кто в коричневом камуфляже...

— Это кто такие?

— А ч-черт их разберет. Прислали для дополнительной охраны. То ли муниципальная дружина, то ли национальный легион. Столько их развелось... В общем, бди.

— Ага, буду бдить! Я побежал!

Хлебный причал не числился среди главных. Лайнеры и заморские сухогрузы здесь никогда не появлялись. В давние времена сюда приходили парусники с пшеницей и ячменем из разных южноморских портов. Говорят, ведущая от причала дорога зеленела от проросших между камнями семян. Сейчас на ней тоже хватало зелени, но это была обычная трава. А у причала швартовались суда местных линий и портовой службы. Ничего интересного... И все же Оське здесь нравилось.

Это место сохранило уют нешумных гаваней прошлого века. Кирпичные портовые постройки с закругленными углами и узкими окнами были похожи на старинные форты. В густой сурепке и приземистом дреке доживали свой век разлапистые якоря-пенсионеры.

Причал никогда не был военным, однако по сторонам выщербленной лестницы стояли две могучие корабельные пушки — памятники Первой осады. Кто их здесь поставил и зачем, было неизвестно. Видимо, так, для романтики. Собранные из плах лафеты были изъедены древооточцем, чугунные стволы — в ржавых оспинах. Пушки давно спали и не помнили про штурмы и абордажи. В правой пушке селились воробы, а в левой обитал портовый кот Моня. Был Моня велик размерами и упитан, од-

нако нрав имел деликатный. Воробьев-соседей не обижал, жил с ними по-приятельски.

Сейчас кот грелся под солнышком у левой цапфы ствола.

— Моньчик, здравствуй! — Надо было бы погладить котяру, да руки заняты газетами. Оська взбежал по ступенчатому лафету к стволу, оседлал теплое от солнца орудие. Вынул правую ногу из расхлябанной сандалеты (она осталась на приступке лафета). Голой ступней погладил кошачью спину. Моня благодарно муркнул, встал, выгнулся, потеряв щекочущим боком о мальчишкину ногу.

— Будем торговать?

— Мр-р...

«Полнолуние» уже подвалило к пристани. Матросы тащили канаты с петлями-огонами к чугунным кнехтам. Судно вообще-то небольшое, но когда рядом — великан. Высокие черные борта, белая, с трехэтажный дом рубка, широченная желтая труба с синей полосой и белой буквой «Р» в черном круге... Вот уже трап спустили, показались первые пассажиры.

Да, здесь не главный морской вокзал, но все-таки пассажиров встречали приветливо. Включился динамик, раздался «Приморский вальс». Пора включаться и Оське!

Он вскочил на ствол — босой ногой и сандалетой. Пачка газет — над головой.

— Дамы и господа! Приморская газета «Посейдон Ньюс» приветствует вас на причале нашего замечательного Города!

Вообще-то Оська не был артистом. Наоборот! На уроках он стеснялся читать выученные наизусть стихи. А заставить его играть в школьном спектакле было совсем немислимо. Но в такие вот моменты, с газетой, на Оську накатывало вдохновение. Всякое смущение отлетало прочь. Он был уже не просто пятиклассник Чалка, а человек, принадлежащий славной «Посейдон Ньюс». Ее частичка. Звонкий ее голос.

От этого голоса выше взлетели чайки, усвистал с лафета Моня, а пассажиры заоборачивались, заглядывались на ступенях.

— Дамы и господа! Честное слово, газета «Посейдон Ньюс» рада вам на этом берегу! Жителей Города она поздравляет с возвращением домой! Тем, кто приехал по делам, желает успеха в этих делах. А тем, кто хочет познакомиться с Городом, обещает много-много интересного! Покупайте «Посейдон Ньюс»! На наших страницах вы найдете все, что нужно! Адреса и телефоны фирм! Схему Города с музеями, интересными местами и театра-

ми! С гостиницами и ресторанами! Объявления о спектаклях и концертах! Последние события на Южноморском побережье! Расписание движения судов и автобусов!.. Рассказы об истории нашего удивительного Города!.. И главное! Самое главное! Продолжение захватывающей повести о приключениях таинственного брига «Мальчик» и его капитана!.. Пожалуйста, сударыня... Два экземпляра? Пожалуйста!.. Постой, девочка, надо ведь देсть грошей, а у тебя пять... Ну, ладно, ладно, бери... Ой, простите, у меня нет сдачи... Спасибо, сударь!.. Новейшие сообщения о радостях и трудностях приморской жизни! Лесовоз «Кир» вез наркотики! Горная обсерватория «Нора» провела съемку неопознанного летающего объекта! Начальство Южноморского пароходства опять наплевало на интересы моряков!.. Спасибо, сударь... Благодарю вас, капитан!..

Оська, нагибаясь с лафета, подавал газеты в протянутые руки. Только успевай! А карманы его тяжелили от латунных грошиков и никелевых гривенников, распухали от скомканных бумажек...

Поток пассажиров прошел, а несколько газет еще осталось. Кому бы их? Оська весело обвел причал глазами и... встретился взглядом с опасностью. С той, о которой забыл.

Сразу было видно, что *опасность*. Парень в пятнистом комбинезоне, с дубинкой и наручниками у пояса, с коротким автоматом «Дуче» под локтем. Он с ухмылкой глядел на Оську бесцветными глазами и перекатывал за щекой жвачку.

У военных камуфляж зеленый, у полиции — сизый, а у этого — серо-коричневый, правду сказал дядя Ленья. И кепочка незнакомого фасона, с серебристой плямбой-кокардой.

Коричневый еще раз перекатил во рту жвачку, переступил разлапистыми ботинками. Выше ботинок — кирзовые краги с брезентовыми ремешками. Даже на высоте, на пушке, Оська учуял, как от ног охранника разит пропотевшей кирзой и кожей.

— Ну, ты, коммерсант долбаный, — лениво, почти доброжелательно сказал парень. — Слазь, пошли к начальству. Найдем в карманах спички — пойдешь к следователю. Не найдем, тогда проще — вздрючим на месте... — Он был уверен, что перепуганный пацан никуда не денется.

В таких случаях главное, чтобы не ослабели от страха ноги.

— А чё я сделал-то? — плаксиво сказал Оська. Сел опять на ствол, сунул ногу в сандалию. Покрепче, чтобы не слетела при беге.

— Слазь, кому говорю... — Коричневый локтем шевельнул автомат.

— Я больше не буду...

— А ну, живо!

— Ладно, я шас... — Оська сделал вид, что покорился судьбе. Начал сползать, но тут же взлетел на пушку ногами. И скачком — на конец ствола. Будто хочет прыгнуть оттуда на парапет лестницы! Коричневый рванулся к парапету. А Оська — назад! С пушки на ступени и вверх, вверх! А потом — в тесный проход между кирпичными складами.

Коричневый ухал башмаками шагах в пяти позади. Звякал наручниками. Толкало Оську в спину злое дыхание.

— Стой, подлюка! Хоть кто буду, выстрелю!

Видать, новичок. Опытный вояка разве стал бы связываться с мальчишкой! Хотя кто знает этих коричневых...

Легче бежать, когда машешь двумя руками, но Оська левым локтем прижимал газеты. Он не боялся убытка, но бросать «Посейдона» под вонючие башмаки этого фашиста... А если поймает?.. Черта с два!

Оська знал здесь все закоулки. А коричневый дурак не знал. Оська сворачивал за склады и будки, прыгал по ступеням и кренистым тропинкам. Охраннику каждый раз надо было торознуть и сообразить. Оська выигрывал метр за метром.

— Стой, крысеныш! Стреляю!

Неужели и правда выстрелит, скотина? Добраться бы до дыры! Этим лазом в каменном заборе Оська пользовался, когда у ворот был незнакомый вахтер.

Дыра была в самый раз для мальчишки, а громиле придется попотеть. Оська с разбега толкнул себя в отверстие, ободрал о ракушечник локоть и ногу, но не потерял ни мига. За стеной — уже не портовая территория, а жилой район. Вверх уходил тесный переулочек: побеленные заборы, зеленые калитки. Там, наверху, рыночная площадь, от нее ходят автобусы. Прыгнуть входящий — и привет. А в случае чего люди заступятся за мальчишку. Не очень-то горожане любят всяких камуфляжников с автоматами...

Сердце бухало, но силы еще были. И даже азарт был: попробуй догони!

А громиле попался настырный. Видать, заело, что упускает салажонка. Протиснулся-таки следом. И опять башмаки бух-бух-бух!

— Догоню... оторву все, что есть... гнида...

Посреди переулочка валялся сухой лошадиный череп. Откуда он? Неважно! Оська пяткой толкнул череп назад, под ноги врагу. Тот запнулся, выругался по-черному (или по-коричневому?). И все равно не отставал. Дыхалка у бандюги была тренированная. А у Оськи дыхание уже кончалось. Но все же он рвался вперед. И зеленые калитки по сторонам мелькали, как сорванные ветром листья... И вдруг одна впереди распахнулась!

Двое мальчишек выскочили навстречу. Поймали Оську в две охапки. Дернули за собой. Он оказался за калиткой. А она — трах! — захлопнулась наглухо. Один мальчишка с маху заложил в скобы тяжелый брус. Серый пес-чудовище подлетел, взревел яростным лаем. Не на Оську, а на удары, которые посыпались в калитку снаружи.

Ребята дернули Оську в сарайчик. Пес на дворе бесновался.

— У того гада автомат. Пристрелит собаку, — выдохнул Оська.

— Не посмеет, — уверенно отозвался старший мальчишка — круглолицый, с дерзкими серыми глазами. — Это будет нападение на частный дом. За такое сейчас не хвалят.

Младший хихикнул. Он был ростом с Оську, смуглый, с черным ежиком волос и широким ртом. Поманил Оську за поленницу мелких акациевых дров:

— Айда...

И тут Оська забоялся. Не попал ли он из одной беды в другую? Плен у чужаков — дело безрадостное.

Кто они?

Старший был в изодранных джинсах и обвисшей тельняшке. Младший в красно-синей юнмаринке, но замызганной, порванной и «по-соленому» подпоясанной широким флотским поясом. Босой, с перемазанными чем-то вроде мазута ногами...

Пес на дворе, однако, не смолкал. А в калитку опять бухнули — раз, другой...

— Айда, — повторил чумазый. И Оська шагнул за ним.

5

За поленницей была дверь — еле заметная, под цвет каменной стены. Сразу и не разглядишь. Дверь ушла в глубину. Старший замигал фонариком и шагнул через порог. Младший за ним. Приглашающе оглянулся на Оську. Тому куда деваться? Шагнул тоже. Хотя опасение нарастало в нем.

Сначала был каменный коридор. Такой узкий, что можно коснуться стен локтями, если растопырить.

Шагов через тридцать коридор круто свернул, и все оказалось в сводчатом подвале.

Ярко горела электрическая лампочка. Высвечивала неровный известняк стен. Пол тоже был каменный, из булыжников, похожих на панцири черепах. После уличной жары воздух казался зябким. И пахло, как на скалистом берегу. В камни явно просачивалась морская влага.

Оська быстро глянул вокруг и не удивился. Под Городом было немало всяких подземелий: и древних катакомб, и пороховых погребов эпохи Первой осады, и бункеров, оставшихся от Второй мировой. Оська знал, что наверху, рядом с рынком, — остатки каменного приморского бастиона, крайнего в старой линии обороны. Сохранились две круглые приземистые башни из желтого песчаника и такая же низкая стена с бойницами. За стеной — никакой романтики: дворики, сарайчики, мастерские...

Про все это Оська подумал мельком. Его интересовали (и тревожили!) люди здешнего подземелья. Людей — кроме тех, что привели Оську, — было трое. Разный и непонятный народ. Лет примерно от восьми до двенадцати. Самый маленький — полуголый, в красных трусиках — висел вниз головой на самодельном низком турнике. Его рыжие лохмы касались «черепахового» пола. Глядел рыжий на Оську сумрачно. Двое других, белоголовых, оставили круглые зеленые бутылки, которые зачем-то пристраивали горлышками друг к другу. Посмотрели тоже неулыбчиво. На одном, обормотистом, была трикотажная рубашка с бело-зелеными поперечными полосами и обтрепанные, как у Оськи, штаны до колен. А другой... не чета своему приятелю. Белобрысые локоны расчесаны на пробор, черные брючки отглажены, поверх белой рубашки синяя безрукавка, а у ворота — галстук-бабочка. Ну, будто в театр собрался. Или сам артист.

«Артист» подошел, смерил Оську спокойным карим взглядом. Спросил старшего:

— Кого это вы доставили к нам, Мамлюча?

В спокойствии «артиста» и в странном прозвище другого — Мамлюча какой-то! — опять почудилась угроза. Этакая деловитая безжалостность к жертве.

Длинноволосый сероглазый Мамлюча сипловато объяснил:

— Он драпал от легионера. Чуть не попал к нему в лапы. Но достался не ему, а нам.

«Достался нам»!..

Что оставалось делать?

Оська знал, что у «малосольных» и даже у «соленых» есть кое-какие правила. Если человек сразу признает себя побежденным и не «возникает», его не трогают. А если и «трогают», то не очень. Деньги и другое ценное скорее всего отберут, но мучить не станут. Жаль, конечно, заработанных гривенников и грошей, да ладно уж, быть бы живу... А может, удастся договориться, чтобы деньги взяли не все, а половину? Должна же быть у людей хоть капля совести!

Оська опустил к ногам оставшиеся газеты. Выпрямился, положил на затылок ладони. И, шурясь на лампочку, вздохнул:

— Хорошо, я сдаюсь...

И услышал молчание. Подождал, оглядел «захватчиков». Те смотрели с интересом, но без злорадства. Рыжий, маленький, упал с турника, встал на четвереньки и засмеялся — словно ложка зазвенела в стакане:

— А зачем ты сдаешься?

— Да, зачем? — сказал «артист» и пригладил локоны.

— Ну... я думал, вы меня это... в плен... — пробормотал Оська. Все получилось ужасно глупо. Но рук с затылка он все же не убрал.

— Ты решил, что мы грабители? — радостно спросил рыжик.

— Я думал... вы «малосольные»... — выговорил Оська. И засопел от стыда. И встретился с серыми глазами Мамлючи.

Мамлюча сказал уже не сипло, а тонко:

— Ох, ну до чего одичал народ... Не малосольные мы и... никакие. Просто люди... Гляди-ка, локоть ободрал. Вертунчик, принеси зеленку.

Рыжий Вертунчик ускакал в дальний угол и тут же возник рядом — с темным пузырьком в ладони. Крутнулся на пятке.

Мамлюча взял Оськин локоть тонкими прохладными пальцами.

— Ну-ка... сейчас увидим, кто терпеливее: мальчишки или девочки...

«Ох, да это же девчонка!» — дошло наконец до Оськи.

Он не пикнул от кусачей зеленки, только жмурился — будто не от боли, а от удовольствия.

Господи, как же хорошо, что есть на свете *просто люди*.

Стыдно, конечно, что так перетрусил, но радость была силь-

нее. Оська постарался подуть на перемазанный зеленкой локоть и вспомнил:

— А еще нога...

Мамлюча присела на корточки, мазнула вдоль Оськиной ноги мокрой щиплющей тряпицей. Темные капли забрызгали газету.

— Ой... — совсем по-девчоночьи огорчилась Мамлюча.

— Не беда! Все равно их уже не продать.

— Ты торгуешь газетами?

— Ну да! Я их почти все распродал пассажирам с «Полнолуния», а тут этот пятнистый с автоматом!.. Они там думают, что это мальчишки тогда склады подожгли, вот и ловят! Совсем психи...

— Это и не мальчишки вовсе, а наркоманы с Сизой слободы, — подал голос от бутылей растрепанный белобрысый папан. — Чтобы отвлечь следы от контрабанды. Все знают...

— Да, но «сизых» ловить опасно, вот и валят на ребят, — добавил «артист».

Он подпернул на коленях брючки, присел рядом с Мамлючей, двумя пальцами взял газетный лист.

— «Посейдон»... А про бриг «Мальчик» есть продолжение?

— На четвертой полосе.

— Любопытная история. Интересно, скоро ли кончится?

— Через три номера, — сказал Оська. Со скромной гордостью за причастность к газете. — Но там еще много будет всего. Приключения всякие и вообще... Если хотите, я расскажу, я до конца читал.

— Расскажи! — подобрался вплотную чумазый, в красносиней замызанной юнмаринке (его называли ласково — Гошенька).

— Где ты читал? — недоверчиво сказал «артист».

— В редакции. И дома... Это написал мой друг.

И опять наступило молчание. Недоверчивое. Неприятное даже. Вертунчик, сидя на корточках, глянул вверх укоряюще:

— Ох и врешь.

— Да не вру я! Нисколечко!

— Ты хочешь сказать, что писатель Яков Ховрин твой друг? — с холодной вежливостью уточнил «артист».

— Ну... да.

То, что для него было привычно, им казалось немислимым.

— Как докажешь? — прищурился Вертунчик.

— Ну... честное слово.

— Нет, ты как следует поклянись, — потребовал тот, что в полосатой рубаше (он тоже подошел ближе). — Ольчик у тебя есть?

— Ну... есть. — Оська запустил руку за ворот. Вынул висевший на цепочке шарик.

Ольчик — это вроде как талисман. Какая-нибудь мелкая штучка. Старинная монетка, медальон, значок, крошечная куколка, дырчатый камешек... Те, кто ходит без крестиков или шестиконечных звездочек, носят ольчика на шее. Но можно и в кармане или у пояса, как брелок. А если ольчик — плетеная фенька, можно у локтя, на запястье или даже под коленкой, вон как у Вертунчика. Главное, чтобы ольчик был всегда с тобой. Без него ты просто неполноценная личность.

Откуда взялись ольчики, никто не знает. Некоторые знатоки говорят, что раньше ольчиками служили колечки — самодельные перстеньки и браслеты. Так, мол, и появилось название: «колечки» — «кольчики» — «ольчики». А учитель Ян Янович, любивший говорить о странных явлениях и загадках Вселенной, однажды на уроке рисования рассказал такую историю. Будто бы в других пространствах у мальчишек разных стран и городов была мода на амулеты, которые назывались «йхоло», «холо» или «оло». А потом это просочилось к нам — когда очередной раз качнулась ось Всемирного Гироскопа и между пространствами появились щели. И добавил, что, возможно, ольчики и правда обладают некоторой волшебной силой. Потому что они заряжены так называемой «энергией желаний».

Не все рассказ Яна Яновича приняли всерьез. Но в волшебную силу амулетов многие верили. По крайней мере, обманно клясться на ольчике почти никто не решался. Сврешь — а потом неприятностей не оберешься...

— Ну-ка покажи, — велели Оське. Он осторожно раскрыл ладонь.

Оськин ольчик был размером с вишню, только не красный, а янтарный. Крупная ягода из эпоксидной смолы с серебристой петелькой. Сквозь смолу можно было увидеть неровный блестя-

ший кубик с острием. Приглядишься — это крошечная, отлитая из металла церквушка.

Ребята переглянулись. Непонятно как-то.

Вертунчик насусленно сказал:

— Это не твой.

— А чей же? Твой, что ли? ... — возмутился Оська.

— Вертунчик хотел сказать, что ты не имеешь на него права, — с прежней холодной вежливостью разъяснил «артист».

— Это почему?!

— Потому что такие бывают лишь у тех, кто спускался по Цепи.

— Ну... я и спускался, — почему-то смутился Оська. Его смущение приняли за неумелую ложь. И, кажется, тоже смутились. За него, за незнакомого хвастуна. Лишь тот, что в полосатой рубашке (курносый и безбровый) непримиримо буркнул:

— Врать-то — не узлы вязать...

— Не вру я! В прошлом году спускался!

Сказать, что делал это дважды, он просто не посмел. Решат, что вовсе заврался.

— Тогда расскажи, как это было, — потребовала Мамлюча. — Про все, что чувствовал! А мы проверим.

— Вы, значит, тоже спускались?

— Мы — нет. Но есть человек, который это делал. Он-то тебе не даст соврать.

— Это Чип, — гордо сказал Вертунчик. Слово сам спустил по Цепи.

— А где он, Чип-то? — встревожился курносый и полосатый.

— Да вот он! — крутнулся на корточках Вертунчик. — Чип, здравствуй!

На фоне темного коридорного хода стоял мальчик. Тонкорукый, тонконогий, с головой-луковкой на шее-стебельке. В ярко-желтой с черным кругом на груди юнмаринке.

Оська мигнул. Потом встал...

Потом они шагнули друг к другу. Вокруг Оськи не стало ни подвала, ни ребят. Кроме вот этого, в желтом. А еще — свистящая пустота. Ветер, который качает немислимо тяжелую цепь... Они шагнули еще, еще, сошлись вплотную. Постояли секунду. И обнялись...

III. МАЛЬЧИК

С БРИГА «МАЛЬЧИК»

1

В прошлом году Оське однажды выпало стать капитаном клипера. И он выиграл Большую Гонку.

Случилось это в сентябре.

Сентябрь в ту пору был сплошным праздником.

Вначале состоялся песенный фестиваль «Спелые каштаны» — по всем городским эстрадам горланили и тряслись косматые гитаристы в черных очках и длинноногие девицы в сверкающих мини-бикини.

После состоялся карнавал «Приморская осень» — с ночными шествиями и маскарадами.

А в конце месяца отмечали историческую дату: полтора века с окончания Первой осады.

Снова были маскарады и парады. По площадям браво маршировали солдаты и матросы в старинной форме. Здесь были мундиры и тех, кто оборонялся, и тех, кто осаждал город. Приехали иностранные делегации, встречались с командирами разделенного надвое Флота. Гости и хозяева поднимали бокалы и с умилением вспоминали, как их предки, проявляя одинаковую доблесть, целый год убивали друг друга.

На старых бастионах отремонтировали несколько карронад и палили из них.

Через Большую бухту протянули наплавной мост — почти такой же, как полтора столетия назад. Теперь можно было, купив билет, проехать по мосту туда-сюда на старинной артиллерийской фуре.

По ночам, затмевая звезды, разгорались трескучие фейерверки. Обе эскадры, пользуясь случаем, уничтожали залежалые пиротехнические средства...

А у школьников был двойной праздник! Городское начальство потратило деньги на торжества и не смогло выплатить зарплату учителям. Те забастовали. «Долой пир во время чумы!» «Детей

не могут учить голодные педагоги!» Дети с этим соглашались. И даже вместе с учителями ходили иногда на митинги. Но не часто. Больше болтались в парках с аттракционами, глазели на ряженных гренадеров или жарились на пляжах — поскольку над Полуостровом еще стояло жаркое перезревшее лето.

Обычно Оська и его друг Эдик Тюрин гуляли вместе. Но в тот день, в последний четверг сентября, Эдик уехал куда-то с отцом. Будто нарочно судьба так подстроила!

Оська искупался, повалялся на городском пляже у памятника Парусной Эскадре и пошел по Приморскому парку. Просто так. Смотрел на пеструю жизнь. И вдруг увидел белый клипер!

Трехмачтовый корабль с многоэтажными выпуклыми парусами нарисован был на голубом рекламном щите. А ниже — вот такие желтые буквы: «Аттракцион! Большая Гонка чайных клиперов! Каждый может стать отважным капитаном, пересечь океаны и получить великолепный приз!»

Оказалось, что за тесно растущими кипарисами огорожена серебристой сеткой лужайка. На ней — сборный бассейн, разделенный на четыре дорожки. На пластиковых бортах бассейна лежали животами два десятка пацанов. Этот пестрый народ молотил по воздуху ногами и азартно вопил. Ветер задирает на спинах разноцветные юнмаринки. Летел этот ветер из квадратных черных раструбов. Они были похожи на старинные уличные репродукторы, только громадные. Неподалеку гудел и шипел резиновыми шлангами компрессор на колесах. Эти звуки смешивались с песенкой:

Мальчик, не бойся матросской работы,
Ну-ка, смелее тяни кливер-шкоты!

Но громче компрессора, шумных «маринованных» мальчишек и динамика был дядька у входа на лужайку с бассейном. Толстый, веселый, в белой морской фуражке и адмиральских эполетах.

— Юные моряки славного Города! У вас есть шанс отправить в парусное путешествие собственный корабль! Возрождаются знаменитые гонки чайных клиперов! «Катти Сарк» и «Фермопилы»! «Ариэль» и «Флайинг клауд»! «Голден фиш» и «Тайпинг»! Маршрут Сидней — Портсмут! Покупайте сертификаты на владение славными клиперами! Всего два гривенника!..

Пара гривенников — это немало. Но Оська не пожалел. И получил у дядьки в эполетах плотную бумажку размером с открытку. На ней буквами с завитушками было оттиснуто, что

«владелец данного диплома является капитаном клипера «Робин Гуд» и участником Большой Гонки от Австралии до Европы».

Оська прошел за сетку. Недалеко от бассейна стояли несколько раскладных столов. Улыбчивая тетя, похожая на повариху, выдала Оське пенопластовый корпус кораблика размером с ладонь. А еще — лучинки для мачт и лист бумаги для парусов. Оснащать клипера «капитаны» должны были сами. Садись к столу и работай.

Вдоль столов ходил «морской консультант». Веселый, как и дядька у входа, но не толстый, а худой, как шест. С рыжими ненастоящими бакенбардами. Наряженный английским морским капитаном парусных времен. Помогал тем, кто просил. Но Оське помощь была не нужна.

Он крепко воткнул палочки в пенопласт, разорвал бумагу на квадратики, оснастил три мачты нижними парусами, марселями и брамселями. Но поставил паруса не сплошь, а так, чтобы задние не заслоняли от ветра те, что впереди. Из плоской шепки смастерил рулевое перо. Потом нащупал в кармане большую пятигрошевую монетку, ребром вогнал ее в мягкое днище кораблика. Получился полукруглый киль. На него Оська возлагал главную надежду. Металлический плавник будет строго удерживать корабль на курсе.

Участников было много, но каждая гонка длилась не больше пяти минут. Это вместе с церемонией награждения. Оська дождался своей очереди. Лег животом на стартовый край бассейна. Поставил на воду клипер «Робин Гуд» и придержал его пальцами за руль. Искусственный ветер вздернул на нем рубашку до лопаток, поставил торчком волосы на затылке.

Дядька с ненастоящими бакенбардами крикнул:

— Старт! — и махнул сине-белым (как Оськина юнмаринка) флагом.

Оська отпустил клипер. Он не стал толкать кораблик, чтобы не сбить с курсовой линии. Доверился ветру. И ветер не подвел! Подхватил «Робин Гуда» и легко погнал по солнечным зигзагам взъерошенной воды. Сердце Оськи запрыгало от предчувствия победы.

Соревновались четверо. Оське досталась дорожка номер три. А на четвертой, справа от Оськи, оказался шустрый мальчишка в лимонной, без всяких фигур юнмаринке. Видимо, сшитой из гладко-желтых флагов «Кэбек» (то есть буквенный сигнал Q). Волосы мальчишки были в тон одежде. И на макушке они тор-

чали пучком — будто хвостик на луковиче. Но тогда, глянув на соседка, Оська подумал не про лук, а про здешнюю сурепку — вездесущую траву пустырей и обочин: тонкие стебли и яркая желтизна мелкоцветья...

Желтенький «Кэбек» оказался главным соперником.

Двум корабликам слева не везло. Первый двигался прямо, но медленно. Второй делал зигзаги, а потом наткнулся на скорлупу каштана, ее за секунду до того принесло воздушным потоком. Распорядитель с бакенбардами длинным удилищем освободил маленький клипер и выудил скорлупу, однако время было потеряно.

«Робин Гуд» бежал первым, но кораблик желтого мальчика постепенно догонял его. И Оська почувал, что рано праздновал в душе победу.

Бассейн был десять метров длиной. «Капитаны» и зрители кучками двигались вдоль пластиковых бортов следом за корабликами. Зрители весело гадали. Чем быстрее кораблик желтого мальчишки догонял Оськин клипер, тем громче был шум. Оська начал злиться на бестолковых болельщиков и на «Сурепкина» (так он мысленно обозвал соперника). И стиснул на бедре кармашек со своим тогдашним ольчиком — крошечным оловянным барабанщиком.

Видимо, ольчик «сработал». Клипер «Сурепкина» подскочил на крупном гребешке ряби, дернулся, у него повернуло на грот-мачте верхний парус. Кораблик изменил курс, ткнулся в пограничные оранжевые поплавки. Застрял между ними носом.

— Помогите! Скорее же! — тонко крикнул желтый мальчишка распорядителю. Тот был на другом краю бассейна. Протянулся удилищем через воду, но не достал.

«Робин Гуд» между тем тоже сбавил скорость. Запрыгал на мелкой зыби, почти не двигаясь к финишу. «Да пошел же ты!» — Оська стиснул кулаки и зубы. Но игрушечный клипер был благороднее своего капитана. Поджидал попавшего в беду соперника.

«Сурепкин» упал животом на широкий борт бассейна и пытался дотянуться до кораблика. Не мог: ширина дорожки была метра полтора. Тогда он вскочил, уперся в барьер ладонями и перемахнул через него. С плеском рванулся к своему клиперу. Освободил! Повернул парус. Примерился, чтобы поставить кораблик на воду посреди дорожки.

— Эй, постой! Так нельзя! — Это подскочил наконец распо-

рядитель в английском мундире. — Извини, дорогой, но ты снимаешься с дистанции. Дай сюда клипер.

«Сурепкин» с опущенной головой выбрался из бассейна. Молча отдал кораблик. И встал, уронив руки.

Распорядитель подергал наклеенные бакенбарды.

— Жаль, но тут ничего не поделаешь. Ты нарушил правила. Поправлять корабли на дистанции могу только я.

Желтый мальчишка вскинул голову. Не сказал, а почти крикнул — дерзко и слезливо:

— Но вас же не было рядом!

— Я... подоспел быстро. Кто же виноват, что так получилось? В настоящих гонках тоже случаются аварии. И... не надо плакать.

«Сурепкин» не плакал. Только смотрел в сторону, наматывал на пальцы намокшие края лимонных шортиков и переступал раскисшими кроссовками. Они пузырились.

— Ну... можно так, — сказал распорядитель, прилаживая к щеке отклеившуюся бакенбарду. — Если хочешь, мы дадим тебе шанс еще в одной гонке. И тому капитану, чей клипер столкнулся со скорлупой. Договорились?

«Сурепкин» дернул колючим плечом.

— Вы же не понимаете... Все теперь бесполезно.

Вокруг сочувственно молчали. Желтый мальчик ссутулился и пошел прочь. Мокрые кроссовки чавкали на его ступнях.

«Робин Гуд» между тем устал ждть, благополучно закончил дистанцию и клюнул барьер на финише. Ему жидко похлопали. Оське тут же вручили приз: легкую коробку в разноцветной фольге.

В коробке оказался голубой пластмассовый пистолет для стрельбы шариками от пинг-понга. Шарика лежали тут же, десять штук. Детсадовская игрушка. Ну да ладно, все-таки приз. Пустую коробку Оська затолкал в мусорную урну. Шарика распихал по карманам. Бело-синие карманы оттопырились. Потом Оська вспомнил, что не вынул из оставленного у бассейна кораблика пятигрошевую монету. Вернуться? Нет, не хотелось...

Победа почему-то не радовала. Будто он выиграл гонку обманом. Но, конечно, это была ерунда!

Чтобы развеяться, Оська пострелял по воробьям. Никакого зла им Оська не хотел, пластмассовые невесомые мячики не могли повредить пичугам, если даже попадешь. Да попробуй-ка

попади! Только ищешь потом шарики в траве и непролазном дроке.

Один шарик срикошетил от платана и улетел за кривой запертый киоск. Оська прыгнул за ним.

За киоском сидел в траве «Сурепкин».

Он прислонился к синей пластиковой стенке и обнял колени. Белый мячик лежал у его кроссовок. «Сурепкин» не смотрел на мячик. И на Оську не взглянул. Теперь он плакал по-настоящему. Крупно переглатывал слезы, пальцами смазывал их со щек. Потом притих, почувяв постороннего...

— Я... за шариком, — неуверенно сказал Оська.

«Сурепкин» толкнул к нему шарик ногой. Не сердито, а так. Бери, мол, и не мешай, когда у человека горе.

Оська нагнулся, взял. Пошел. А шагов через пять остановился.

Может, у мальчишки и правда горе? Настоящее? Неужели из-за проигрыша в этой смешной гонке?

Оська обернулся. «Сурепкин» поднял плечи и затвердел. Убраться бы отсюда, и делу конец! Что ему, Оське, до этого незнакомого пацана? Плакса к тому же... «А сам не плакса, да? Мало, что ли, в жизни ревел — и от настоящих бед, и от пустяков!»

Оська шагнул назад. Раз, другой... Иногда чтобы подойти к человеку с хорошими словами, надо не меньше смелости, чем для драки.

Оська переступил в траве и сказал мальчишкиной макушке с желтым хвостиком:

— Если бы он случайно не застрял... твой кораблик... он бы обязательно первым пришел.

— Вот именно, — буркнул «Сурепкин» себе в колени. И плечи отмякли.

— Ну, тогда вот! — с облегчением сказал Оська. — Это, значит, твой приз. По справедливости... — Он стукнул по мокрым от слез коленкам «Сурепкина» пистолетом. — Бери. А мне он даже и ни к чему...

«Сурепкин» вскинул лицо. Взметнул на Оську желтый взгляд — так, что искры с ресниц.

— Господи! Да при чем тут *это*! Приз какой-то...

— Значит... просто обидно, да? — выговорил Оська. «Ну, чего я к нему пристаю?»

— Не в этом дело... — «Сурепкин» стал смотреть перед собой. И вдруг вздохнул — весь содрогнулся этим вздохом. — Я жела-

ние загадал. Думал, что исполнится, если побе...дю. Побегну...тьфу! — Он мотнул головой, и опять полетели брызги — по Оськиным ногам. Как от мелкого дождика.

Оська осторожно спросил:

— Важное желание, да?

— Еще бы... — Видать, накопело на душе у мальчишки, раз признался незнакомому.

Оська сел на корточках рядом.

— А ты, значит, веришь в загаданные желания?

«Сурепкин» глянул быстро и насупленно.

— А почему не верить? У меня раньше почти всегда получалось. Если сделаю, что задумал, желание исполняется... Только не надо загадывать невыполнимое...

«А сейчас было какое?» — чуть не спросил Оська. Не посмел. Сказал деловито:

— Если один раз не вышло, можно ведь попробовать снова.

— Это уже не будет считаться...

— Если то же самое условие, то не будет. А если задумка более серьезная... то есть суровая даже... тогда подействует.

— А какая суровая? — «Сурепкин» быстро вытер ладонями лицо. И смотрел нетерпеливо.

— Ну... например, мне рассказывала одна знакомая, она с Севера приехала. Там у них есть город Старотополь, а в нем церковь с якорями у двери. И все пацаны знают: если чего-то очень хочешь, надо сделать кораблик и поставить там перед образом Богородицы с Младенцем. Только прийти к нему надо до восхода, церковь открыта днем и ночью. Поставишь кораблик, зажжешь свечу и прошепчешь желание. А потом весь день, до заката, нельзя ни есть, ни пить, ни с кем разговаривать. И надо все время помнить, про что загадал...

— Этот Старотополь ого-го где... — со всхлипом вздохнул «Сурепкин».

— Ну и что? У нас же тоже есть такая церковь, особенная. «Никола-на-Цепях». В ней образ Николая Угодника с корабля «Святой Николай». Корабль сгорел во время Первой осады, а икону спасли...

— К ней тоже надо ставить кораблик? Ох, жалко, я тот не взял. Но можно ведь другой, да?

— Там вообще не надо кораблика. И даже в церковь заходить не обязательно, тем более что она обычно закрыта... — Оська говорил быстро, потому что чувствовал: желтый мальчишка бук-

важно наливается надеждой. — Нужно только постоять у двери и подержаться за ручку. Там такие вот ручки, медные, старинные... И шепотом сказать желание... И не надо потом голодать и молчать, как в Старотополе, не обязательно это...

— Как-то слишком уж просто... — недоверчиво выдохнул «Сурепкин».

— Не просто... — Оська поехался. — К церкви-то еще пасть надо. А она над бухтой, где Саламитские скалы. Там стометровый обрыв, и она как раз посреди обрыва, на площадке: А к площадке сверху цепи тянутся. И вот... надо по такой цепи.

— А другого пути, что ли, нет? — помолчав, прошептал «Сурепкин».

— Есть, конечно. Только тогда желание не сбудется... Да про это все пацаны знают, хоть кого спроси...

— И они всегда исполняются... желания?

— Наверно, да. Мое, по крайней мере, исполнилось.

— Ух ты... А это здорово страшно — спускаться по цепи? — «Сурепкин» не скрывал, что ему — страшно.

Оська вспомнил, подумал. Поехился опять.

— Ну... так. Средне...

— Значит, у тебя было *большое* желание? Раз ты полез...

— Было... Отцовское судно арестовали в Аргентине. За какие-то долги пароходства. Отец был старший помощник на этом теплоходе, на «Соловьевске». Их задержали в Росарио-де-Санта-Фе, это порт на реке Парана, а мы сидим тут и ничего не знаем. Оказалось потом, что полиция там опечатала рацию и весь экипаж арестовала... Мама в слезах, Анка... ну, это наша родственница, она тоже. Ревут, когда вдвоем. А меня увидят — и улыбаются: «Ничего, ничего, не бойся, скоро все будет хорошо». А чего уж там хорошего... — Оська снова зябко повел плечами. — Нету ничего хуже на свете, когда неизвестность... Ну, я пошел на обрыв... И полез...

— А желание? — нетерпеливо сказал «Сурепкин».

— Пришел домой, ржавчину смыл, а мама говорит: «У нас радость, радиограмма от папы!»

— Значит, все хорошо?

— Ну... да. То есть их еще не отпустили, только капитан прилетел, чтобы здесь дела с долгами улаживать, а папа там остался за него. Но теперь-то у них на «Соловьевске» все в порядке, продукты есть, тюрьма больше не грозит. А то ведь сперва всех в тюрьму посадили, говорят: «Есть сведения, что везете наркоти-

ки». Потом оказалось, что это просто для испуга. Наш консул вмешался, всех вернули на судно...

Оська, рассказывая, все еще сидел на корточках. А желтый мальчишка уже стоял над ним — с высохшим лицом, танцующий от нетерпения.

— Пойдем! Покажешь, где эта церковь!.. Или надо обязательно до восхода?

— Да хоть когда можно. Только...

— Пойдем! — И он признался с неожиданным жаром: — Я понимаю, я не зря тебя встретил!

— Значит... очень большое желание? — неловко сказал Оська.

— Да! Не меньше, чем твое... Если хочешь, я расскажу!

Оська хотел. Но вспомнил еще одну приметку.

— Сейчас не надо. Про желание лучше никому не говорить, пока не спустишься по Цепи.

— А далеко эта церковь?

— Если есть деньги, можно на автобусе. Минут двадцать.

— У меня есть!

Оська вручил пистолет встречному, обалдевшему от радости первокласснику.

— Держи! На память о чайных клиперах!

И они с «Сурепкиным» зашагали из парка.

2

На автобусе, что ходит от центра вокруг Большой бухты в Каменку, доехали до остановки «Гора Артура». На самом деле гора была еще далеко, а здесь тянулась улица Матросских вдов — старая, односторонняя, с побеленными домиками среди кривых акаций.

От дороги до обрыва было шагов двести. Между улицей и обрывом лежал обширный пустырь. Кое-где торчали остатки бетонных дотов. Пространство сплошь покрывала уже высохшая до серости трава-мартынка. Высокая и твердая.

— Поищем тропинку? Или напрямик?

— Напрямик, — нервно сказал «Сурепкин».

Затрещали ломкие стебли. Шипастые шарики хватались за штаны, за подолы рубашек, оставляли на коже белые царапины. «Сурепкин» иногда тихо ойкал, поджимал и почесывал ноги. Сразу видно, непривычный.

В мартынке шипел ветер. Не сильный, но какой-то неуютный.

В автобусной толчее Оська и «Сурепкин» молчали, а теперь молчать было неловко.

— Меня зовут Оська...

— Полное имя, значит, Осип, да?

— Нет. Оскар.

— Ух ты, — почему-то удивился «Сурепкин». — А меня — Норик...

Странное было имя. Но Оське понравилось. Сразу. И он после этого никогда уже не думал о желтом мальчике: «Сурепкин».

— А как полное?

— Не догадаешься?

— Не-а...

— Никто никогда не может догадаться. Полное имя — Норд... Отец захотел, чтобы так назвали. Он был геолог и весь такой... северный герой. И всегда у него на уме Нансен да Амундсен. Да Роберт Скотт... Ну и хотел, чтобы я был такой же. А я вот...

— Чего... вот? — Оська сбоку неловко глянул на Норика.

— Отец сказал один раз: «Какой человек может получиться из мальчишки, если он боится взять в руки безобидного ужа»...

— Подумаешь! — Оська сразу невзлюбил «героического» папашу. — Во-первых, любой мальчишка уже человек. А во-вторых, каждый человек чего-нибудь боится. Петр Первый боялся тараканов, это все знают... А я, например... темноты боюсь, если дома один. И что теперь? Не жить на свете, что ли?

— Ну, я что-то похожее и ответил... А кроме того, я в герои не собираюсь. Раз такой дохлятик. Снаружи и внутри.

— Никакой ты не дохлятик. Нормальный, — насупленно сказал Оська.

— Ты же не знаешь... Да ладно! Лишь бы спуститься...

А Оська жалел уже, что ввязался в это дело.

«Зачем ты сболтнул про Цепь? — спросил он себя беспощадно. — Хотел показать, какой ты отважный?»

«Да вовсе же нет! Правда же помочь хотел, вот и все! Раз он плакал...»

«А если вместо помощи... наоборот?»

У самого обрыва среди мартынки виднелись две бетонные площадки — шагах в двадцати друг от друга. На каждой лежал громадный каменный полуцилиндр. Словно два обломка черной великанской колонны положили набок и наполовину утопили в

бетоне. От площадки до круглого верха было выше головы. Через эти полуцилиндры, как через барабаны брашпилей, были перекинута якорные цепи. Тоже могучие, видимо, от крейсеров или старых линкоров. Каждое «колечко» цепи — с большой калач, какие продаются в булочной на Катерном спуске.

Один конец каждой цепи был впаян в бетон (и, наверно, закреплен глубоко под площадкой). Второй спускался к кромке обрыва и, коснувшись ее, уходил вниз.

Оська вспрыгнул на площадку, Норик за ним. Он все потирал исцарапанные ноги.

— Возьмись за цепь, — велел Оська, — а то свалишься от непривычки.

Норик послушно вцепился в якорное звено. Нагнулся, глянул под обрыв.

— О-о-о... — вырвалось у него. Он даже не попытался скрыть испуг. Оглянулся на Оську — рот округлен, глаза тоже круглые.

Саламитские скалы нависают над оконечностью Большой бухты желто-серыми сплошными обрывами. За многие века их толща была источена людьми, как старая причальная свая морскими червями торедо. Там и древние убежища, и средневековый пещерный монастырь, и катакомбы всякие, и бункеры, и цеха подземных (вернее, подкаменных) заводов. И капониры старых береговых батарей. Во времена Второй мировой были там и обширные склады боеприпасов. Когда пришлось отступать, моряки склады подорвали.

От взрыва гигантские глыбы известняка ухнули вниз. На свежих изломах камень был белый, как сахар. Обломки завалили под обрывом рельсовые пути. Потом пришлось пробивать через завалы новые коридоры и туннели.

На месте обрушенных пластов открылись пещеры, штольни и монастырские кельи.

Когда врагов вышибли из Города и скинули с обрывов в море, в одной келье морские пехотинцы нашли потемневшую икону. Образ Николая Чудотворца, покровителя моряков. Из надписи на обороте доски узнали, что этот образ попал в монастырь со сгоревшего в прошлом веке фрегата «Святой Николай». Уцелел он тогда в пожаре, сохранился в те годы, когда красные власти разрушали монастыри, не пострадал в пустой пещерной моделине и в момент страшного взрыва.

Матросы взяли икону с собой, берегли до конца войны. Пря-

тали от командиров, потому что вера в Бога и святых была в ту пору под запретом. Впрочем, командиры были всякие: многие знали и молчали. И сами украдкой шептали молитвы матросскому защитнику.

У одного такого командира, отставного капитана второго ранга, и хранился потом святой образ много лет.

Через полвека после войны, когда власть переменялась и почти никто уже не спорил, что Бог все-таки есть, старые моряки решили поставить церковь. В память о всех, кто в разные времена погиб в морях и на побережьях, и с молитвой о тех, кто ходит по морям нынче...

Место для церкви выбрали необычное.

Когда после взрыва рухнули известняковые пласты, на половине высоты открылись несколько стальных арматурных балок. Они торчали из спаянного со скалой бетонного монолита. Похоже на зубья громадного гребня. И оказалось, что снизу к тому месту ведет извилистый ход со ступенями.

Десять лет назад (когда Оська был грудным младенцем) на балках настелили крепкую квадратную площадку. Широкую, метров двенадцать. На площадке срубили бревенчатую церковь. Получилась она маленькая, но все же не часовня, а настоящая церковь. Так говорили взрослые. А Оська, по правде говоря, не знал, чем церковь отличается от часовни, кроме размера...

Любители романтики разнесли слух, что на бревна для церкви пошли мачты от старых парусников, собранные там и сям по всему побережью. Но это, конечно, легенда. Если там и были мачты, то чуть-чуть. А в основном пущен был в дело груз лесовоза «Кавказ», разбитого штормом на отмели у Лазаревского мыса.

Церковь получилась непривычного для здешних мест вида. Будто перенесли ее сюда из края северных озер. С острой шатровой колоколенкой, с маковками, покрытыми деревянной чешуей. А колокола, конечно, — все корабельные, с названиями фрегатов и броненосцев, когда-то ходивших по водам Южноморья...

К наружным углам площадки протянули две якорные цепи. Может, могучие балки и без того удержали бы маленькую церковь (по крайней мере, снизу она казалась легонькой, как елочная игрушка). Но строители сочли, что запасные крепления не помешают. К тому же цепи придали сооружению особую красоту. Подчеркивали, что церковь — морская.

Так и стали ее называть — «Никола-на-Цепях».

Когда солнце светило с запада, золоченый крест был виден

всем судам, входившим в бухту по линии Чернореченского створа. Крест горел правее створных маяков — на фоне желтых от вечерних лучей обрывов...

В первые годы от туристов не было отбоя. Приходилось даже устанавливать очередь, чтобы слишком много народу не скапливалось на площадке. Цепи цепями, а все-таки... По праздникам ветераны флота собирались там на молебен.

Но ветеранов становилось все меньше. Туристы со временем стали менее любопытными. Поглазеют издалека, и ладно, а пить почти в конец бухты на автобусе да потом забираться на полсотни метров по крутым ступеням... И регулярных служб у Никола-на-Цепях не было. Говорят, раз в неделю приходил туда священник, но и то не всегда.

А тут еще вмешалась политика: владыки двух православных ведомств — Северного и Южного — заспорили, кому принадлежит церквушка на Саламитских скалах! Спорили, спорили, да разом и отступились. Оказалось, никому не нужна.хлопот с ней больше, чем пользы... Вот и стоял Никола-на-Цепях над бухтой, полузабытый прихожанами и церковным начальством. Почти всегда безлюдный. Лишь по святым праздникам на шатровой башенке бодро звякали корабельные колокола — сторож-звонарь не забывал обычая.

В те же праздники несколько эсминцев Чернореченской минной базы скрещивали на церквушке лучи прожекторов. И она как бы оживала: вспыхивала золотом крестов, играла алюминиевым блеском деревянных лепестков на маковках и кровле, светилась потускневшей, но еще заметной желтизной бревен. Повисала в темной высоте, как бы явившись из забытой сказки...

Спуститься по одной из цепей на площадку считалось у пацанов Города большой доблестью. Решались немногие. Даже среди самых крутых «малосольных» находились лишь единицы. Остальные говорили, оттопырив губу: «Псих я, что ли, зря башку-то ломать...» Однако «психов» уважали. Если у тех имелись доказательства подвига.

У Оськи свидетелей спуска не было, не похвастаться. Но он и не хотел. Наоборот. Не хватало еще, чтобы узнали мама и Анка! Он даже Эдика Тюрина не взял с собой. Тот, конечно, был надежный человек, но вдруг испугался бы и начал отговаривать. Так же, как сейчас Оська — Норика...

— Давай оставим это дело. Я тебе сдуру посоветовал. Хлопнешься — одна пыль останется...

Они, ухватившись за якорные звенья, оба смотрели вниз.

Далеко под обрывом бежал среди акаций и желтых глыб зеленой поезд. Белел домик — станция «Черная Речка». Суетились у пирса пассажирские катера. Дальше на зеленой воде шетинились крутыми форштевнями сизые эсминцы под флагами Южной республики. А ближе к середине воды стоял на якорях серый крейсер под флагом Федерации. По палубе сновала вахта в оранжевых жилетах — крошечные, как божьи коровки, человечки... За бухтой — многоэтажки Правобережного района, зелень старинного кладбища, а дальше — плоские светло-синие хребты.

Площадка внизу казалась не больше газеты, а церковь на ней — как макет со школьной выставки...

Весь громадный простор дышал запахами моря, солянки с ближних кораблей и нагретого зноем известняка.

Впрочем, сейчас уже зноя не было. А запах соленой воды был сильнее других. Его приносил с открытого моря все тот же уютный, шипящий в траве-мартынке ветер. Море распаивалось за выходом из бухты. Оно было золотисто-палевым от невысокого солнца. Уже вечерело.

— Норик, поглядели и давай домой...

— Почему?

— Ну... ты не обижайся, но ты же боишься.

Первый испуг у Норика прошел, и все же он не стал отпираться.

— Да... А если не боишься, какая заслуга?

— А если боишься, можно сорваться.

— Ты разве не боялся?

— Боялся... но, по-моему, не как ты...

Тонкие оттопыренные уши Норика стали темно-розовыми. Оська уже заметил: эти уши чуть чего наливаются краснотой.

— Откуда ты знаешь, как я боюсь?

— Я же вижу, — пробормотал Оська.

— Тогда... иди домой. Показал — и спасибо. Я теперь справлюсь сам.

Ага, «иди»! И жди потом, как в вечерних новостях сообщает:

«Сегодня при попытке спуститься по цепи к церкви на Саламитских скалах...» И потом живи до конца дней преступником...

Оська увидел будто наяву, как летит вниз легонькое тело Норика. Не прямо, а кругами — словно желтый кленовый лист.

Норик сказал с жалобным упрямством:

— Ты разве не понимаешь? Мне теперь обратного пути нет. Если бы я не знал про эти цепи — другое дело. А если решил, а потом не пошел — это же как предательство. И тогда... самое страшное. Сбудется не то, что хотел, а... обратное.

«Что же такое должно у него сбыться?»

— Но пойми же ты! Это же... если по правде говорить, это всё предрассудки! Колдовство на пустом месте! Ничего же в самом деле от него не зависит...

— А зачем же ты сам тогда полез? Или... наврал?

Сказать бы, что наврал... А если после этого что-то случится с отцом? Да и вообще — тут была уже граница, за которой вранье немислимо.

— Нет. Я правду...

— Вот видишь.

— Но пойми же ты! — выдал Оська чуть не со слезами. — Я же... помру от страха за тебя, за дурака! — «И отвечаю», — добавил он мысленно.

— Ладно, — вдруг бодро отозвался Норик.

— Что «ладно»?

— Ты прав. Пойдем отсюда!

Оська молчал несколько секунд. Облегчения не было. Была ясная догадка:

— Ага! А потом ты придешь снова! Один! Да?

Побледневшие было уши Норика стали теперь вишневыми. Он опять поджал ногу и начал скрести ее с ненастоящим усердием.

«Если он придет сюда один, я буду уже ни при чем. Кто я ему? Нянька, что ли?» Но это Оська подумал уже так, без попытки уговорить себя. Никуда он не уйдет. Потому что этот желтый пацан уже не мимолетный знакомый. Он... несчастливый в его, Оськиной, жизни Норик. Наверно, такая судьба. Они уже будто товарищи, из которых одна тайна — еще смутно различимая, но важная. И какое-то родство душ. Еще мало осязаемое, но есть оно, есть... Норик этого пока не чувствует, а Оська...

С последней надеждой Оська предупредил:

— Имей в виду. Если даже спустишься нормально, внизу еще

одна опасность. Церковный сторож. Лютый старик. Вроде боцмана со старинного флота. Попадешься — линьки обеспечены.

— Что обеспечено?

— Линьки. Короткие веревки такие с узелками. Для воспитания по-морскому. Потом, говорят, неделю больно сидеть.

— Но ты ведь не попался?

— Бог миловал. А для тебя это только хуже. Если одному повезло, у другого шансов меньше в два раза.

— А он... если поймает, за ручку на двери подержаться уже не даст?

— Даст, — честно сказал Оська. — Не зря же рисковал человек. Но потом линьки по всем правилам. И даже отбрыкиваться нельзя, потому что желание тогда не исполнится...

— Ну... и не буду отбрыкиваться. Лишь бы исполнилось.

Ну, чем еще можно было его разубедить?

— Смотри, — вздохнул Оська, — как надо лезть вниз. Держись крепко, но не до судорог. Ногу ставишь на эту переключку, как на ступеньку... — В звеньях якорной цепи были перемычки (есть у них специальное морское название, но Оська его забыл). — Одну руку специально отрывать, когда стоишь двумя ногами. А ногу менять — если двумя руками держишься... Если устанешь, или закружится голова... или чересчур страшно делается, прижимайся к цепи всем телом. И лицом. И закрывай глаза. И говори: «Цепь, ведь я твое колечко, мы с тобой срослись навечно»... Отдохнешь и спускайся опять. Вот так...

Все это Оська показывал на цепи. На том ее куске, который шел от камня до обрыва.

— Понял? Теперь попробуй сам...

Норик стал пробовать. Перебирал суставчатыми конечностями, как большое насекомое. Незагорелые части рук и ног вывалились из короткой юнмаринки, показывая, что загар мальчишкин недавний, непрочный... Норик прижался к цепи, шумно подышал. Спросил:

— Получается?

— Вроде бы получается...

— Ну... тогда я пошел, да?

У Оськи уже было холодно и пусто ватно внутри. Как *в тот раз*.

— Постой. Я пойду первым.

— Ты?! Зачем?!

— Балда! Чтобы держать тебя, если скиснешь!

Оба помолчали, глядя в разные стороны. Норик тихо и решительно заявил:

— Тогда я не полезу.

— Ага! Не полезешь *сейчас!* Придешь потом, без меня...

Норик молчал, светясь красными ушами.

Оська сказал:

— Как хочешь. Тогда я полезу один.

— Зачем?!

— А просто так!

Норик посмотрел... и все понял. Не разойтись им на этом обрыве. Он глянул вверх. В небе — уже не синем, а сероватом — летели пепельные клочки облаков.

— Кажется, портится погода...

— Наверно. Осень ведь. В это время начинаются равноденственные шторма... Но за ближние полчаса еще не испортится... — Оська понимал, что Норик просто хочет спровадить его домой... Или уже не хочет?

— А это ведь, наверно, не будет считаться, если вдвоем? Для исполнения желания-то... — сказал Норик нерешительно.

— Будет, будет! Главное — подержаться за медную ручку... Давай скорее, а то и правда рассвистится. — Ветер уже нервно дергал их юнмаринки.

Это было совсем не так, как в прошлый раз. Оська теперь почти не боялся за себя — не до того было. Зато он отчаянно боялся за Норика. Впрочем, и за себя тоже: если с Нориком что-то случится, это, значит, и с ним, с Оськой! Они с Нориком теперь как бы на одной оси... «Ось-качалка»... Нет, не надо качаний.

Цепь — такая тяжелая, такая монолитная — все же ошутимо колебалась под мальчишечьими телами. А ветер стал плотнее — неустанно трепал юнмаринки. Ровно гудел в ушах. И цепь гудела, передавая телам отдельную от колебаний тонкую вибрацию звука.

Норик опускался довольно умело. Не проявлял боязни. Хотя кто его знает? Глянешь вверх — и видишь над лицом только босые незагорелые ступни. Обувь оставили наверху. Иначе нельзя. Кроссовки и сандалии скользили бы на круглых перемычках цепных звеньев... Они называются... «контры... форты...» тьфу! «Контрфорсы!» Папа же говорил!

— Норик, ты как там?

— Не знаю... Кажется, ничего...

Вот балда! Нет чтобы сказать «нормально».

— Держишься?

— Да... Пока держусь...

«Пока!» Ничего себе...

— Ты делай, как я говорю! Закрой глаза и прижмись!

— Ладно!

Однако он равномерно опускал то одну ногу, то другую. Толчок — толчок. Толчок — толчок...

Цепь заметно провисала. Поэтому сперва скальный обрыв был совсем близко, и это слегка успокаивало: все же рядышком земная твердь. Но твердь постепенно отдалялась, и вокруг нарастала пустота. Шумела, шумела ветром, трепала рубашки. Оська вдруг будто глянул на себя и Норика издали — с платформы станции «Черная Речка». Они как два флажка на цепном фале: один желтый, другой клетчатый, с бело-синими квадратами. Интересно, что означает такой двухфлажный сигнал, буквы «Q» и «N»?

«Ку, Эн... Почти «Куин». «Королева». Ох, при чем тут королева?»

А что, если заметят снизу и на станцию прикатит полиция? Пожалуйте, господа «маринованные», в фургон с решетками!.. Хотя такого ни разу не случалось... Так же, как и того, чтобы кто-то загремел. Но если всем, кто спускался раньше, везло, у Оськи и Норика больше шансов загреметь... Что за подлые мысли! Не смей!

— Норик, ты держишься?

— Кажется, да... Голова почему-то кружится...

— Зажмурься! Спускайся на ощупь!

— Я так и делаю! Давно уже...

«Как давно? Сколько времени прошло? Далеко ли до площадки?»

Посмотреть бы вниз, но нельзя...

— Оська... Я почему-то ослабел весь...

— Держись! — Оська толкнул себя вверх на три звена — рывком! Уперся головой в костлявый зад Норика, грудью прижал его ноги, обхватил их вместе с цепью. — Зажмурься крепче! Не смотри никуда, отдышись!.. Помнишь: «Цепь, ведь я твое колечко...»

— Да. Я повторяю...

— Ты не бойся! Мы ведь уже совсем близко от церкви.

— Правда?

— Конечно!

— Тогда пошли...

— Ты можешь?

— Да.

И опять: толчок — толчок, толчок — толчок. Колебание цепи в пустоте...

Когда-то цепи покрыли черной краской. Теперь она отскакивала чешуей, царапала ноги и ладони. Порой до крови. И язвочки ржавчины вьедались в кожу. Ну да пусть, лишь бы скорее вниз. И даже сторож внизу уже не страшен. «Кажется, его зовут Сильвер, как в «Острове сокровищ», — вспомнил Оська рассказы пацанов. Тех, кто будто бы попадал Сильверу в лапы...

Справа показался крест колокольни — Оська увидел его краем глаза. Ух, значит, позади две трети пути.

— Норик, мы правда уже близко...

— Оська! Я зацепился!

Оська глянул вверх. Край штанины у Норика наделся на головку нагеля — это такой болт на могучей такелажной скобе, она соединяла две смычки цепи. Какой олух поставил ее сюда вместо специального круглого звена! Решили, что если не на корабле, то можно!

— Сделай шаг вверх!

— Ось... я не могу. Правда...

— Тогда вниз! Пусть рвется!

— Не пускает...

— Сильнее вниз!

Материя треснула.

— В порядке?

— Ага... Только распластал...

— Наплевать. Починим как-нибудь... Не бойся, уже скоро площадка...

Крест колокольни ушел вверх, показались чешуйчатые маковки и луковичный купол.

Еще вниз...

— Норик, теперь правда совсем близко!

— Да, я вижу...

Справа был уже сруб, кованая решетка окна. Сейчас если даже свалишься, то не беда. Лишь бы не мимо площадки... Вот и все! Оська прыгнул на доски. Вытянул руки, принял в охапку обмякшего Норика.

Но тот недолго был обмякшим. Секунд пять. Потом отвер-

дел, осторожно (даже ласково так) освободился. Виногато улыбку, прижал к бедру разорванную штанину. Оперся о точеные поручни площадки, глянул вниз, торопливо отошел от края.

— А где же дверь?

— С той стороны. — Оська прочно взял его за руку. И пошли.

Норик шел осторожно. Видать, ощущал под площадкой еще одну громадную пустоту.

Они оказались у резного крылечка со столбиками.

— Ой... — Оська выпустил руку Норика.

Массивных медных ручек с шариками и завитками не было. И медных крестов на половинках двухстворчатой двери не было. Только дыры от винтов... Правда, кто-то уже побеспокоился, прибил новые ручки, самые простые, как в дешевой квартире.

— Жуть, — горестно сказал Оська. — Это те, кто ворует цветной металл. Мало им корабельного кладбища, добрались и сюда...

— Значит, все зря? — Норик уронил руки.

— Да что ты! Почему зря? Можно взяться и за такую ручку! Ведь это же все равно *вход в церковь*! И там — святой образ.

— Думаешь, его не украли?

— Конечно, нет! Смотри, дверь не сломана! А она ведь всегда бывает закрыта! Если бы хотели украсть, сломали бы!

Подергали дверь. Она и правда оказалась прочно запертой.

— Норик, ты не сомневайся! Берись за ручку и говори желание! Не зря же ты спустился сюда!

Оськина горячность убедила Норика. В самом деле, не зря же он преодолел такую жуть высоты!

Норик вцепился в ручку тонкими пальцами с ободранными костяшками. Виногато оглянулся на Оську. Тот сразу отошел. Даже отвернулся.

Норик, наверно, шептал свое желание. Неслышно. Зато по-прежнему шумел ветер. Внизу прокричал тепловоз, прогрохотали вагоны. Коротко взвыл ревун пассажирского катера у Чернореченского причала. Где-то далеко в городе играл оркестр, потом бухнула пушка. Наверно, опять развлекали туристов на бастionaх Главной высоты.

Норик тронул Оську за плечо.

— Я — всё. Теперь куда нам?

— Теперь просто!

И Оська повел Норика к черному сводчатому входу в скальной стене, за церковь.

Оказалось, что и теперь непросто. Идти-то пришлось в полной темноте. Но того страха, что на цепи, конечно, не было. Все-таки каменная твердь под ногами. Узкий коридор в толще камня шел вниз по спирали.

— Норик, ты держись за меня. А другой рукой за стену. И не бойся, тут все ступени ровные. Нащупывай их ногами, не торопись...

— Ось, а привидения здесь не водятся? — Норик уже шутил.

— Не знаю, в прошлый раз не встретил... Да какие тут привидения! Рядом с церковью нечистая сила разве бывает?

— А разве нет? Ты читал «Вий» Гоголя?

— И читал, и кино смотрел... Ну и что! Это же просто повесть, фантастика! А по правде их, наверно, вообще не бывает...

— Ну да, «не бывает». А полтергейст?

— Полтергейст — это не привидения, а инопланетяне, которые тут, на земле, отстали от своих и одичали...

— Откуда ты знаешь? Вот ка-ак схватит нас такой одичавший... А-а!!

— Что?!

— На острый камешек наступил.

— Гляди внимательней...

— Как тут глядеть-то? Я не кошка.

— Я сказал: гляди — запятая — внимательней. То есть будь осторожней.

— У тебя по языку, наверно, одни пятерки...

— Нет, четверки тоже иногда бывают. За почерк, — скромно признался Оська. — По всем языкам... Мама говорит, что я слишком языкастый.

— Ось... давай постоим.

— Устал? Ну давай...

Шероховатые камни ласково холодили голые подошвы. Это было особенно приятно потому, что ступни ныли. Эти самые... контрфорсы... изрядно надавили их там, на цепи. Сколько их всего было, звеньев-то? Говорят, около четырехсот. Ступать пришлось через одно, значит, примерно двести контр... тьфу... форсов! Ого-го...

— Ось... я не устал. Я просто хочу сказать про маму. Про мою. То есть про желание... Я же обещал, что скажу, когда спущусь и загадаю...

— Да... — выдохнул Оська, почуяв тайну.

— Я... здесь лучше, чем на свету. Потому что...

«Потому что заплачешь», — догадался Оська. И сжался от близости чужого горя. Да, наверно, уже и не чужого. Еще непонятного, но ясно, что большого.

Он взял Норика двумя руками за локоть.

— Ты говори. И... ничего не бойся.

— Знаешь, Оська, мама в тюрьме...

Тьма сгустилась и сделалась твердой, как застывший асфальт. Оська перестал дышать. А Норик, видно, испугался его молчания:

— Ты не думай, она ничего плохого не сделала!

— Я и не думаю! Что ты!

— Они... понимаешь, там, где я жил недавно, в Федерации, есть специальный женский комитет. Для защиты молодых солдат. Ну, над которыми всякие там деды и дембели издеваются или которых в горячие точки отправляют против их желания... Новобранцев ведь нельзя туда... А весной началось в Саида-Харе. Ты слышал?

— Еще бы! Телевизоры только про это и кричали.

— Там, видать, войск опять не хватило, вот и стали посылать самых молодых. Которые еще и стрелять-то не умеют толком. Да и в кого стрелять, зачем? Кроме генералов, никому не понятно... Тогда женщины взяли и перегородили путь эшелону...

— Значит, у тебя есть старший брат? — догадался Оська.

— Нет. Но у других-то есть. И братья, и сыновья... Мама сказала: «Так доберутся когда-нибудь и до тебя». И пошла в комитет... Они вышли на насыпь и встали в несколько рядов. А некоторые легли на рельсы. Машинист, конечно, — на тормоза. Сперва всякие разговоры, уговоры. Потом понаехал спецназ. Водомёт подогнали. Ну и началось...

— А солдаты? Они что, так и сидели в вагонах, как кролики? Там же... их мамы...

— А они заперты были. Даже и не поняли ничего... А спецназ — на женщин. Сомкнутым строем... г-герои... Там груды щебня была для ремонта насыпи. Ну, когда эти вояки пошли с газом и палками, женщины в них камнями... А как им быть, безоружным? И какому-то подпоручику расцарапали щеку...

— И всех арестовали, да? — прошептал Оська.

— Не всех. Одиннадцать человек. Сказали, что они зачинщицы. Зачинщицы... Держали, держали в изоляторе... Ну, конечно, разные газеты начали их защищать. И адвокаты. А толку мало...

В июле их выпустили, а недавно забрали снова. В октябре суд будет...

— И ты загадал, чтобы он кончился оправдательно?

— Ну да...

— Норик, так и будет!

— Хорошо бы... А меня до суда хотели в интернат забрать, потому что я жил у знакомых. Знакомые переправили меня сюда, здесь мой дядя. Он хороший... Отсюда не вытащат, за граница все-таки...

— А почему ты не с отцом? — спросил Оська. И охнул про себя. Вспомнил слово «был». «Был геолог...» — Он... погиб, да?

Норик шевельнул локтем.

— Не погиб, а ушел. И уехал за тридевять земель. Два года назад еще. Он же майор запаса, вот и сказал маме: «Я думал, ты нормального сына мне вырастишь, а ты... его уродуешь. И сама...» Это потому, что как раз тогда она в комитет записалась. «Стране, — говорит он, — нужны настоящие мужчины, которые не дрогнут в нужный момент...»

«Ты и не дрогнул...»

— Конечно, у него были и другие причины. Кто-то там, на стороне... Но главная вот эта: что я не оправдал надежд...

— По-моему, ты всё оправдал...

— Ну уж... Ты же видишь, какой я.

— Какой?

— Чуть не помер на цепи.

— Ты же не помер! Ты все сделал как надо! Не всякий решится... даже ради мамы.

— Ты вот решился без всякого страха... Ради отца.

— Я? Без страха? Да я там десять раз чуть штаны не замочил! И тышу раз клялся, что больше никогда...

— Ага! А сам — второй раз...

— Потому что...

Тут многое можно было сказать. Но это трудно даже в темноте. Да и слова не подберешь. Оська лишь покрепче взялся за локоть Норика.

— Пошли.

— Да...

Скоро внизу забрезжил свет.

— Вот и все. Почти... — прошептал Оська.

Оказалось, что не все. Выход закрывала решетка, которой раньше не было.

Это была калитка, сваренная из арматурных прутьев. Снаружи — увесистый замок. Оська просунул руку, покачал его.

— Влипли...

— Наверно, эту решетку поставили от жуликов. Когда они украли ручки и кресты, — догадался Норик.

Правильная догадка. Только от нее было не легче. Потоптались. Норик сказал:

— Что будем делать?

— Я вот ни настолечко не имею никакого понятия, что нам делать, — горько признался Оська.

— Обрато я не заберусь.

— Никто не заберется. Чего об этом говорить.

— Ось...

— Что?

— Но ты не думай, что я жалею. Я все равно рад, что спустился по цепи... мы спустились. И я загадал...

— Да... Хорошо, если бы и про нас кто-нибудь загадал бы. А то мы... тоже как арестанты... «Сижу за решеткой в темнице сырой...»

— Если бы знать хотя бы: долго ли сидеть?

— Может, сторож придет, — неуверенно понадеялся Оська. — Будут, конечно, неприятности, но не убьет же до смерти...

— Хотя бы пришел... Если я не появлюсь дома до темноты, дядя Игорь и тетя Зоя начнут звонить в полицию и в больницы. А потом — вот он, явился, красавчик! Да еще в разодранных штанах...

«А мама!.. И Анка... Они же с ума сойдут!»

Но Оська победил в себе панику. Глянул на часики.

— До заката еще больше двух часов. Знаешь что? Давай спокойно подождем полчаса. Вдруг что-нибудь случится? Кто-нибудь придет?

— А если не придет?

— Ну... тогда одно остается. Подняться на площадку, махать руками и орать: «Спасите наши души!»

— Легче уж вниз головой, — вздохнул Норик. Видимо, у него еще оставалось чувство юмора. Капелька.

— Давай ждать...

Они сели у решетки на корточки. И... вдруг почувствовали, что не знают, о чем говорить.

Чтобы сломать неловкость, Оська спросил:

— Твои дядя и тетя, они что, очень строгие?

— Ничуть. Но трясутся надо мной, как над маленьким, своих-то у них нет. Они оба из-за меня заработают инфаркты...

Никто не появлялся. Кричали тепловозы, и вдали снова играл оркестр. В шумном веселом городе. На воле.

— Норик, ты где раньше жил?

— В Среднекамске. Там речной порт и всякие заводы. Слышал?

— Конечно. По географии проходили. Я сразу понял, что ты не здешний.

— Как понял?

— Ну, во-первых, ты не слышал про Николу-на-Цепях. А во-вторых — вот... — Оська двумя пальцами приподнял желтый рукавчик. — Тут у тебя загар, а выше почти нет. Значит, он недавний. Наши-то пацаны коричневые с головы до пят. У меня даже зад коричневый, хотя я без трусов сроду не загорал.

— Тогда почему?

— Потому что загар наш со временем расплзается по телу и останется навечно... Вот сам увидишь, если дело дойдет до линьков... — У Оськи тоже осталась капелька юмора.

Норик чуть посмеялся, потом вздохнул и прижался лицом к решетке. В него светило снаружи солнце. Золотило хохолок и просвечивало тонкие уши. Норик покачал замок.

— Если бы ключ какой-нибудь подобрать... Тут, кажется, несложный механизм. У тебя никакой железки нет?

— Подожди-ка! — Оська вскочил, хлопнул себя по бедрам. Остро ударился о ладонь сидевший в кармане барабанщик. «Ольчик, выручай!»

— Норик, смотри!

— Что?.. Ой, да он же оловянный, мягкий...

— Это лишь называется «оловянный». А на самом деле из какого-то твердого сплава.

— Он не пролезет в замок...

— Подожди...

Ноги солдатика крепились к тонкой подставке размером с гривенник. «Прости меня, маленький. Другого выхода нет...» Оська сунул подставку в щель на каменном полу, потянул на себя барабанщика. Подставка легко отломилась.

Ножки барабанщика были похожи на стержень ключа с двойной бородкой.

Царапая о железо запястья, Оська опять просунул руки к замку. Солдатик ногами легко вошел в скважину. Но и только.

Самодельный ключ не поворачивался. И застрял. Оська перепуганно задергал его, вытащил.

— Не получается.

— Ось, послушай...

— Что?

— Кто-то, кажется, есть там, в коридоре.

Оська замер. И надежда в нем, и страх. Но нет...

— Ничего не слышать.

— Слышать. У меня уши во какие... как радары. Всякий дальний звук ловят.

Оська притих снова. Теперь и ему показалось: кто-то есть в скальной толще.

— Я пойду разведу.

— Нет, вместе.

Крадучись, нырнули во тьму коридора. Прошли десятка два шагов, свернули раз, другой. Сперва тьма впереди была прежняя, непроглядная. И вдруг мазнул стену оранжевый проблеск.

На цыпочках, со ступеньки на ступеньку, добрались до нового поворота. И увидели то, чего не заметили по пути вниз. В конце короткого тупика светилась красноватая дуга — щель над полукруглой приоткрытой дверью. Из-за двери уже явно слышались шаги. И покашливание.

— Логово Сильвера? — шепнул Норик.

— Наверно.

Подобрались к двери и увидели в щель обширную каменную келью. Она была заставлена, завешена по стенам корабельным имуществом и обрубками дерева. Горела неяркая лампа. Зато огонь камина, вырубленного в известняковой стене, был сильный и горячий.

Между камином и голым дощатым столом ходил туда-сюда старик с большущей лысой головой, со щетиной на обвисших щеках. Седая щетина искрилась от огня. На лысине горел блик. Старик то ли напевал, то ли бормотал что-то. Он был похож на шкаф, обтянутый тельняшкой и старыми парусиновыми штанами. И двигался как шкаф. Словно воздух вокруг превратился в застывшие глыбы, и старик, хромая, расталкивал его плечами.

— Почему мы раньше-то не заметили огня? — прошептал Норик.

— Наверно, дверь была закрыта... Ну, как? Будем сдаваться?

— А чего еще-то...

Оська взял Норика за руку. Надавил плечом заскрипевшую дверь. Оба понуро шагнули через порог.

Норик шепотом сказал:

— Здравствуйте...

4

Старик если и удивился, то не сильно.

— А, птенчики... — Голос его был глухой и... щетинистый какой-то. Как щеки. — Сверху прилетели?

Они еще сильнее нагнули головы. Отпираться было глупо.

От камина несло по ногам густым теплом. В зябкости скального помещения это было приятно даже. Но вообще-то приятного мало...

— А идите-ка к свету, господа хорошие, — непонятым тоном пригласил старик.

Оська и Норик побрели на середину кельи.

— Поворотись-ка, сынку... — Старик тяжелой рукой крутнул Оську. А потом и Норика. — Ну, ясно, что сверху. Вон сколько всего собрали на себя с цепи. Акробаты, будь вы неладны. Одно расстройство с вами...

Не понять, сердито он говорил или просто так. Ровно как-то, без интонаций.

Оська и Норик переминались. Под ногами теперь были не камни, а половицы.

Старик отошел к стене. Она была увешана корабельными фонарями, спасательными кругами, мотками тросов разной толщины. Есть там короткие с узелками?... Старик со скрипом открыл железный шкафчик, зашарил в нем. Сказал, не оглянувшись:

— Ты, желтенький, давай-ка снимай штанишки.

Норик часто задышал.

— А я... после него, да? — с печальным пониманием уточнил Оська.

— У тебя разве тоже порваны? — Старик обернулся. В заско-рузных пальцах его была граненая игла с похожей на шпагат нитью. Видать, парусная.

— У меня... да, — тут же нашелся Оська. — Только чуть-чуть, у кармана. Я сам зашью, дома!

Норик обрадованно выбрался из штанов, отдал их старику. В плавках и рубашке отошел к камину. Затанцевал там, потирая

ссадины. Старик сел на табурет, надел желтую материю на распоренные пальцы.

— Распорол, однако... Ну, ладно, тонкой работы не обещаю, а прочность будет с гарантией. — И заработал изогнутой иглой-великаншей.

Странно: не ругал, не грозил, не упрекал. Или *это* еще впереди?

Оська осторожно спросил:

— А почему внизу решетка? Раньше не было.

— От ворья решетка, — подтвердил старик догадку ребят. — Поводились нехристи. Вы небось наверху сами видели двери-то... Жулики, они всегда снизу лезут. Кто сверху, по цепям, тот без корысти. По глупой своей лихости или по другим причинам, но не для наживы...

— Мы не по лихости, — негромко сказал от камина Норик.

Старик вскинул на него от шитья глаза.

— Глянь-ка, сколько царапин у тебя. Высветились на огне. Ну, герой...

— И Оська тоже, — сказал Норик.

— Похоже, что тоже... Ты, значит, Оська? — Старик обернулся.

— Да. А он — Норик.

— Ну и ладно. А я Иван Сергеич, как Тургенев, который про Муму написал. А чаще Сильвером кличут. Слыхали небось?

— Слыхали, — признался Оська.

— А почему Сильвером? — спросил Норик.

— «Остров сокровищ» читали небось?.. Ну вот. По причине одноногости, значит. — И он деревянно притопнул правой, явно неживой ступней.

Оська и Норик виновато молчали.

— Норик, ты вот что. Возьми-ка из шкафчика зеленый бутылёк. Намажь все ранения себе и другу. Там такая жидкость лечебная...

— Щипучая, наверно, — безразличным тоном заметил Оська.

— А вот и нет. Не щипучая, не жгучая. Этот рецепт я специально для внучки составил, когда вот такая была, — старик поднял над коленом ладонь с иглой между пальцами. — Не хотел, чтобы кроха роняла слезы, когда болячки мажут. Я ее, боль-то, и сам не переносу. Даже самую малую. С той поры, как ногу оборвало...

— На войне, да? — тихо спросил Оська.

— Не на войне, после уж... Был такой, как вы. Пацаны оты-

скали в бункере круглую железку и давай расковыривать. Дума-ли, коробка с патронами, а оказалась мина... Ума-то не было... Двоих на месте положило, а мне вот ногу напрочь, по шиколотку...

Старик, видимо, не впервые рассказывал свою историю. Говорил спокойно и все махал иглой.

— Такое вот дело... Говорят, что при этих случаях шок бывает и человек сперва боли не чувствует. Какое там «не чувствует». Помню, я аж задохнулся от нестерпимости и в глазах краснота. Хорошо, скоро в бессознательность впал. И очнулся уж в госпитале, после операции... С тех пор вот и не терплю ничего болезненного, просто аллергия на это, выражаясь по-научному. И другим никакой боли не желаю...

Оська и Норик мазали ссадины маслянистой жидкостью. Она и правда не щипала, холодила только.

Норик сказал с виноватостью:

— А говорят, что вы линьками тех, кого поймаете...

Вот болтун! Напрашивается, что ли?

Старик перекусил нитку.

— Держи работу... Мало ли что про меня говорят. Это потому, что я сам велю так говорить. Тем велю, кто здесь побывал. Чтобы другим неповадно было... Потому немногие и лазают. За все время десятка полтора было таких героев. В основном тех, кто у Николы Чудотворца просил что-то заветное... Вы ведь, наверно, с тем же, а?

— С тем же, — шепнул Норик, натягивая штаны. И слохватился: — Спасибо. Крепко так зашито.

— Носи на здоровье... А с какой просьбой к Николе спустились, я не спрашиваю. Не каждый скажет. Главное, чтобы сбылось. Дай вам Николай Угодник удачу...

Да, ничуть не свирепый был Сильвер. Наоборот. У Оськи даже в глазах щипало.

Сильвер спросил:

— Чайку хотите?

Чай у легендарного Сильвера — это разве не заманчиво? Еще одно приключение. Оська глянул на часики. Солнце заходит в семь, а была только половина шестого.

— Конечно, хотим! Норик, время еще есть.

— Да.

— Вот и ладно. А то гости у меня нечасто, больше все один...

Сильвер выставил на дощатый стол три шербатые фаянсовые кружки. Вышел куда-то и скоро вернулся с булькающим чайни-

ком — синим с черными оспинами отбитой эмали. Прямо на доски высыпал из холщового мешка крупные сухари. Белые и черные вперемешку. Стукнул о стол стеклянной сахарницей с кусками рафинада.

— Ну, давай к столу, босоногий экипаж.

— Мы свои башмаки наверху оставили, — оправдался Оська за себя и за Норика.

— Понимаю... А я вот босиком постоянно гулял. До десяти годов, когда случилось это... До сих пор снится порой, что мальчишка я и бегаю по берегу, ракушки ишу. И будто камушки колят ногу, которой нет уже полвека... Ну, садитесь, садитесь.

Оська впервые в жизни пил чай вприкуску. Норик, кажется, тоже. Колотые куски сахара надо было макать в кружку, а потом сосать их. Вкусотища такая! Старик макал и сухари. А Оська и Норик с треском кусали их сухие — зубы-то крепкие. И поглядывали по сторонам.

В углу белела зачищенным деревом коряга с вырезанными головами Горыныча. На стенах среди канатов и фонарей висели деревянные маски. Смешные и страховидные. И всякие фигурки.

— Иван Сергеич, это вы сами вырезали? — не сдержал любопытства Норик.

— Кто же еще... Я ведь с малолетства-то хотел в моряки, как вся наша ребячья братия тогда. Ну а после того случая какая служба? Рыбачил, правда, в артели, яличником был в Большой бухте, когда катеров еще не хватало. А потом вот увлекся этим занятием, деревом. Удивительное, скажу вам, искусство, когда в него вникнешь. Скульптуры для парков и скверов вырезал, рамы для картин. А особое дело — иконостас в этой церкви. Сам до последнего узора все придумал, сам все резал из разных пород. И раму особую для чудотворного образа — тоже. С той поры и прикипел, можно сказать, к этой церкви, определился то ли в сторожа, то ли в старосты. Хотя, по правде говоря, по молодости особо верующим не был...

— А образ тот... с ним, значит, все в порядке? — осторожно спросил Норик.

— Про это не беспокойся, в порядке. Можно сходить, посмотреть, если будет желание. Не сейчас, конечно. Нынче вы умаялись, куда уж вам наверх. Три сотни ступеней...

У Оськи сразу заныли ноги. А Норик быстро спросил:

— Значит, нам можно еще прийти?

— Ну а чего ж... Только не по цепям. Про это договорились?

— Договорились! — честно откликнулись оба. Не сумасшедшие же они, чтобы соваться на цепи снова!

— Вот и ладно. А в память нашего уговора дам вам по одной вещице...

«Прямо как Дед Мороз в сказке», — мелькнуло у Оськи.

Все из того же шкафчика на стене (видимо, корабельного рундучка) Сильвер, хромя, принес что-то на ладони.

— Вот...

Это были два желтых прозрачных шарика. В каждом сквозь янтарную выпуклость виднелась блестящая церквушка. Крошечная. Сделана она была удивительно тонко, заметны были отдельные бревнышки и булавочные головки маковок. И окошечки. И даже паутинчатый крест над колоколенкой.

— Эта самая церковь, — шепотом сказал Норик.

Сильвер кивнул:

— Она...

— Просто ювелирная работа, — неловко, но искренне похвалил Оська.

— А я и ювелир маленько. Хотя нынче пальцы уже не те... — Сильвер пошевелил ими, узловатыми пальцами. — Серебро добыл из проявителей, из старых растворов, и вот смастерил из него десяток таких...

Оська пригляделся внимательней. Да, церквушка была именно эта, не спутаешь. Только без цепей, конечно. Зато цепь была снаружи — продетая в петельку на шарике. В каждом звене цепочки — перекладинка. Едва ли Сильвер мастерил эти якорные цепочки сам. Не было нужды. Они продавались в магазине «Юнга» — для корабельных моделей.

— Делал я эти шарики на продажу, вроде как сувениры, — вздохнул Сильвер. — Да потом поперек души стало продавать их. Решил, что пускай будут хорошим людям на память. Всего-то и раздал штук семь. Таким вот верхолазам вроде вас.

— А мы... что ли, такие уж хорошие? — с заминкой от стеснения пробормотал Оська.

Сильвер бледными глазами посмотрел на него, на Норика.

— Ясные вы. Не всегда встретишь таких... Даже среди тех, кто сверху приходят, не всегда...

«Что же во мне ясного?.. Вот Норик, он, наверно, и правда... такой...» Оська аккуратно надел цепочку на шею. Норик тоже.

Помолчали.

Норик опять повертел головой и спросил:

— А все вот эти вещи... круги и штурвал вон тот, и фонари, они с настоящих кораблей?

— Конечно. Это я собирал помаленьку много лет подряд. Как говорится, из любви к несбывшейся морской профессии... Да здесь у меня не всё, главное — то в других местах. Помещений тут, слава Богу, хватает. Хотите взглянуть?

Ясное дело, они хотели! Оська покосился на часы. С полчаса еще можно был погостить у Сильвера.

Сильвер по короткому проходу привел их в другое помещение. Это была уже не келья, а маленький зал. Вспыхнули под сводом очень яркие лампочки, лысина Сильвера празднично засияла.

— Ну, просто музей! — вырвалось у Оськи.

Была здесь уйма корабельных вещей. Такие же, как в келье, круги, фонари, штурвалы, а еще — тумбочки для морских компасов (нактоузы!), громадный судовой прожектор, несколько якорей ростом с мальчишек, какие-то фигурные балясины в отверстиях дубовой балки, могучий деревянный кругляк (наверно, обрезок старинной мачты)...

Но самые главные были деревянные фигуры. В рост человека.

Оська сразу догадался, откуда они! Это украшения старых парусников! В прошлые века такие скульптуры укрепляли на форштевнях, под бушпритами бригов и фрегатов. Деревянные рыцари, богини, сказочные звери и герои мчались впереди корабля над волнами и рассекали пенные гребни...

Фигур было пять. Две пышнотелые девицы, рыцарь со щитом и в шлеме с поднятым забралом, еще один рыцарь — точнее, витязь: в русском шишкастом шлеме, в панцире из квадратных блях и с луком, который он держал вытянутой рукой в кольчужной рукавице. Видно было, что лук не прежний, а сделан недавно — из светлого дерева с натянутой капроновой тетивой. И стрела была новая — с покрашенным серебрянкой наконечником и с настоящим пером.

Пятая скульптура, поменьше других, была в полутени, в дальнем углу, сразу не разглядеть...

Оська и Норик одинаково приоткрыли рты:

— Ух ты...

— Вот это да...

Впрочем, на девиц оба взглянули искоса, с подчеркнутым от-

сутствием интереса. Те были голые. Правда, одну спереди слегка прикрывали длинные, распущенные и как бы прижатые ветром волосы. А другая была с рыбьим хвостом. Зато груди у «рыбы» — ну, прямо хоть надевай этот... бюстгальтер.

Сильвер бесцеремонно похлопал волосатую по пухлой руке.

— С тендера «Наяда» красавица... А эта со шхуны «Русалочка». Хороши?

— А он? — Оська и Норик вместе обернулись к рыцарю. У него на треугольном щите был вырезан вздыбленный зверь, не поймешь какой.

— Это... Я его, голубчика, выменял у одного очень старого любителя, нынче уже покойного. Он, любитель то есть, утверждал, братцы мои, что данный благородный воин со знаменитого клипера «Ланселот». Хотелось бы верить... Знаете, что такое клипера?

Оська и Норик переглянулись.

— Еще бы!

— Вот и чудесно... А этот вот герой, с луком, тоже с клипера. Только не с английского гонщика, а с русского, военного. Назывался «Стрелок». Были такие на закате парусной эпохи. Ходили на них в экспедиции к дальним островам, возили курсантов-гардемаринов вокруг света. Надо сказать, славные были времена...

Дерево фигур было темного, серо-кофейного цвета. Местами его проточили морские черви — словно по скульптуре пальнули крупной дробью. Кое-где лохматились древесные волокна. И несмотря на всю свою пораненность, побитость фигуры казались живыми. Ну, не такими живыми, конечно, как люди, а будто в них таился сказочный дух. Волшебные мысли, таинственные планы. В зябком, спрятанном под скалами зале тихо дышали морские легенды.

Наверно, старые мастера вселяли в эти деревянные скульптуры живые души.

Сильвер, кажется, думал о том же.

— Я вот жалею, что не жил века полтора два назад. Резал бы я из дерева таких вот красавцев для кораблей, всего себя в них бы вкладывал...

«И нога тогда уцелела бы», — мелькнуло у Оськи. Чтобы Сильвер не уловил эту мысль, Оська торопливо спросил:

— А там, в углу, кто?

— Там... это, можно сказать, ваш дружок.

В углу стоял мальчишка. Он слегка откинулся, прижимаясь лопатками к известняку. Ноги его были полусогнуты — видимо,

раньше ступни касались форштевня. А теперь мальчик пальцами ног упирался в срез низкого бревенчатого кругляка.

Длинные локоны были откинута ветром. Пухлый рот приоткрыт, взгляд направлен в морскую даль. Наверно, и сейчас мальчик видел летящую навстречу пену.

Вода прилепила к телу одежду: подвернутые до колен широкие штаны и рубашку с распахнутым воротом. Сквозь нее даже проступали мальчишкины ребра...

Был он ростом чуть побольше Оськи и Норика. И, кажется, постарше. А может быть, такой же. Левая рука мальчика отведена была назад, пальцы растопырены. Возможно, раньше ладонь, как и ступни, касалась бруса-волнореза. А правую руку мальчик вскинул над плечом. Но... она была не вся. Обломал ее кто-то над согнутым локтем. Чья-то злая сила.

Мальчик, видимо, не чувствовал боли. По-прежнему стремился вперед. Но Оська смотрел, смотрел на расщепленный обломок, и вдруг ниже локтя горячо рванула боль. Может, такая же, какую испытал Сильвер, когда оторвало ногу. Но это лишь на миг. Оська даже не двинулся, только прикусил губу.

Норик торопливым шепотом (словно защищая Оську) проговорил:

— Можно ведь снова сделать руку.

— Можно, — покивал Сильвер. — Да пока не знаю как.

Все глядя в мальчишкино лицо, Оська спросил:

— Кто он?

— Мальчик с брига «Мальчик». Тут, как вы, наверно, догадались, есть особая история.

Оська догадывался. Норик, видимо, тоже. Потому что сразу попросил:

— Расскажите!

— Ну, что ж, можно... — Сильверу, кажется, не хотелось расставаться с гостями.

5

Сильвер сел на обрезок мачты. Оська и Норик — на два плетеных кранца у его ног. И Оська уже не вспоминал про часы. Вернее, вспомнил, но не те, которые неумолимо двигают время, а старинные, бронзовые.

Те часы стояли на полке в магазине, где торговали всякой стариной: фарфоровыми статуэтками, мраморными письменны-

ми приборами, медными подзорными трубами, офицерскими кортиками прошлых времен, иконами... Кстати, как можно торговать иконами? Сильно верующим Оська не был (так, иногда перекрестится на всякий случай, вот и все), но образа — это же святые предметы! И вдруг — давайте за них деньги! Вон, Сильвер даже шарики с крошечным Николой-на-Цепях продавать не стал (Оська украдкой потрогал шарик на цепи — из него будто излучалось тепло)...

И все же в магазине Оське нравилось. Он и Эдик Тюрин по дороге из школы часто забегали сюда посмотреть на редкости. Особенно — на часы. Те, что раньше стояли, наверно, в каком-то богатом доме.

Циферблат был вделан в куб из темного мрамора. А на кубе — бронзовые фигурки. На бухте корабельного троса сидел старик в помятой фуфайке и с круглой шкиперской бородкой — сразу видно: бывалый моряк. У ног его пристроились два мальчика. Обыкновенные, вроде Оськи и Эдьки, только не в юнмаринках. Один в матросском костюме, другой в косоворотке, в мятых, порванных на коленке штанах и в большом картузе. Как Петя и Гаврик из всем известной книжки. Но не они, конечно, а просто приморские пацаны. Старый шкипер им рассказывал какую-то историю. Мальчишки запрокинули головы и буквально растопырили уши...

Потом часы продали...

А теперь бронзовый старик и ребята будто ожили — здесь, в музеем подzemелье...

— Этот бриг называли сперва не «Мальчиком», — неторопливо рассказывал Сильвер. — Было у него поначалу, говорят, другое имя. «Даниэль» вроде бы. Так звали этого мальчишку, когда он еще был живой-настоящий. А появился он в здешних местах издалека. С иностранным десантом приплыл, когда началась тут Первая осада...

— Это значит, он против наших воевал? — шепотом уточнил Норик. Вроде бы без укора в адрес мальчишки, но и без радости.

— С кем пришел, за того и воевал. Это уж у кого какая судьба... Да и едва ли он воевал как солдат. Был, говорят, барабанщиком, а из барабанщиков какие вояки? В атаки они да, ходили, боевые марши играли храбро. И случалось, убивали их. А сами они... из палочек ведь не постреляешь. Ну, не знаю. Не в этом дело. История эта про те дни, когда осада уже почти кончилась.

Союзники заняли, значит, Главную высоту и взяли там деся-

ток пленных. Те, говорят, держались до последнего, да потом уже не стало сил... И Даниэль этот подружился с пленным мальчишкой. Хотя пленный не барабанщик был, а чуть ли не в мичманском чине уже. Из морских юнкеров паренек. Годов им было одинаково, оба ребяташки, почуяли друг в друге, наверно, одинаковые души. Вроде бы и противники, а чего им было делить в той войне? Да и к пленным тогда относились по-человечески. Можно сказать, как к боевым товарищам.

Беда пришла нежданно. Был у союзников маршал, один из главных командиров. С норовом, видать. Попала ему вожжа под хвост. «Почему в городе, который мы доблестно завоевали, тут и там гремят взрывы?»

И поставил он нашим ультиматум: если взрывы не прекратятся, он расстреляет пленных.

А как они прекратятся, если всюду пожары и погребя с боеприпасами? Когда отходили на Правый берег, всё вывезти не сумели...

Пленных вместе с тем мальчонкой-мичманом заперли в каземате и пообещали наутро устроить казнь...

— А Даниэль их освободил! — рванулся Норик.

— То-то и оно... Раздобыл где-то ключ, обманул часового, помог беглецам пробраться мимо охраны, они отыскивали у дальнего причала шлюпку. И благополучно переплыли к своим...

— А барабанщик? С ними? — нетерпеливо сказал Оська.

— Нет. «Не хочу, — говорит, — быть дезертиром».

— А что с ним стало? — опять привскочил Норик.

— Про то не знаю... И мичман этот ничего больше про Даниэля не знал... Остапов или Остатков фамилия мичмана, точно я на слух не разобрал, когда мне эту историю рассказывали. Старик рассказывал, ветхий совсем, он уже плохо говорил... Я — старик, а он был вовсе... Это тот, у которого я Ланселота выменял. За рыцаря-то он с меня английский компас взял и адмиральскую подзорную трубу, а Даниэля отдал просто так, после уже. «Мне, — говорит, — скоро помирать, ты забирай его, чтобы не осиротел пацан. Я, — говорит, — к нему как к живому привязался, только руку сделать не сумел. А ты сделай...»

— А откуда он деревянный-то взялся? Что за бриг «Даниэль»? — поторопил Сильвера Оська.

— Я к тому и веду... Мичман Остапов, так мы его будем называть, служил в нашем флоте до семидесятых годов того века. С турками еще воевал. А потом вышел в отставку капитаном

второго ранга. Похоже, что не поладил с начальством. И, чтобы с морем не расставаться, купил себе маленький купеческий бриг. Видать, деньги у него водились. Да и пенсия у отставных флотских офицеров была тогда немалая... Купил, значит, оснастил заново и назвал «Даниэлем». Потому что всегда помнил друга, которому обязан был жизнью... Заказал мастеру вырезать деревянного мальчика, чтобы тот был носовой фигурой на бриге, по обычаю старых парусных судов...

Ну, «Даниэль» — это как бы официальное имя. А среди народа стали звать судно «Мальчиком». Бриг «Мальчик» — и никак иначе. Из-за этого парнишки под бушпритом. Сильно он полюбился морякам... Хотя, по правде говоря, «Мальчик» недолго был бригом. Скоро Остапов переоснастил его под марсельную шхуну. Это вроде южноморских дубков, что были тогда очень в ходу. Возили они из порта в порт пшеницу, дыни, табак и всякую другую местную продукцию. Короче говоря, занимались коммерцией... Но Остапов ею занимался мало. Не раз он уходил в дальние моря, и, говорят, случались с ним истории похлеще, чем в «Острове сокровищ»... И конец был загадочный, тоже как в романе. «Мальчик» пропал...

Через много лет, уже перед Второй мировой, нашли его на пустынной отмели у Греческого лимана. Место гиблое, люди там бывают редко.

Рангоута уже не было, а корпус почти сплошь засосало в песок. Оказалось, что наполовину, с кормы, «Мальчик» сгорел. Нос, однако, сохранился в песке. И вот он уцелел, Даниэль. Без руки только...

Отыскивали «Мальчика» рыбаки. Сняли фигуру, хотели передать в Морской музей, да тут началась война. Прележал наш Даниэль в какой-то пещере, где укрывались партизаны, уцелел и в ту пору. Мой знакомый, старик тот, в тех местах как раз и партизанил. А после войны забрал мальчика себе... Вот так, господа гардемарины...

— А люди? — неуверенно спросил Норик. — Ну, Остапов и те, кто с ним был... они куда подевались?

— Про то неведомо. По крайней мере, в «Мальчике» следов людей не нашли. Ни скелетов там никаких, ни одежды... В общем, загадочная история.

— А другие истории... — Оська поудобнее устроился на мягком кранце. — Ну, те, которые случались с Остаповым и «Мальчиком». Вы их знаете?

— Кое-какие слышал. И от старика Тараса Гаврилыча, царство ему небесное, и от других... Не все, конечно. Однако даже их, дорогие вы мои, хватило бы на целый роман.

— Ну, хоть одну... — жалобно попросил Норик.

— Это можно... да вам небось домой пора?

— Ой, мамочка! — Оська наконец глянул на часики. Вскочил. Было двадцать минут седьмого.

— Вот и оно, что «мамочка»... — Сильвер тоже поднялся. — Приходите в другой раз. Будут и другие истории...

— А можно завтра? — торопливо сказал Норик.

— Хоть каждый день. У вас вот эти штучки на цепочках теперь как постоянный пропуск...

С карманным фонариком Сильвер проводил мальчишек до решетки. Достал ключ. Кряхтя, повозился с замком.

Оська погладил в кармане своего ольчика. Барабанщика. Может, он, как Даниэль, тоже помог бы пленникам — открыл бы в конце концов замок. Если бы Норик в ту минуту не услышал Сильвера...

Жаль стало маленького — пострадали у него ноги. Как рука у Даниэля...

— Иван Сергеич! А когда вы сделаете руку Даниэлю?

— Сделать не хитро. Надо только понять: какая она была? Что он нес в ней?

— Может, факел? — спросил Норик. — Освещал беглецам дорогу?

— Я уж думал про это. Но нет. Факел заметили бы часовые...

— Иван Сергеич! — Оська затанцевал от радостной догадки. — Он держал в руке ключ! Тот, которым открыл замок!

— Ишь ты... — Старик выпрямился. Расцвел улыбкой. — А ведь правда... Так и порешим. Спасибо твоей лохматой голове, — он узловатой пятерней взъерошил Оськины волосы («патель», как выражалась Анаконда). Потом растворил решетку.

— Ну, летите, птенцы. Да прилетайте опять, не забывайте Сильвера...

Жары уже не было совсем, ветер стал резким. Желтое солнце висело над морем в дымке, обещавшей скорую непогоду. Низко висело. Как утонет — сразу тьма.

Не было времени, чтобы по немислимо длинным скальным

лестницам карабкаться наверх — за обувью, спрятанной в траве-мартынке у края обрыва. Придется топтать домой босиком.

— Тебе влетит? — спросил Оська.

Норик беззаботно отмахнулся.

— Скажу, что промочил кроссовки, когда брызгались у колонки, и оставил сушить на дворе у знакомых ребят... А ты?

— Придумаю что-нибудь.

— А завтра придем и заберем, да?

— Конечно! И сразу опять к Сильверу... Только не по цепи!

— Ох, это уж точно, — засмеялся Норик.

Самый удобный путь домой был теперь на пассажирском катере от Чернореченского причала. Катер за четверть часа добежит до Адмиральской пристани. А там до Оськиного дома — еще десять минут. Норик тоже было недалеко — он жил в Боцманской слободке над рынком.

Катер как раз подвалил к пирсу.

— Норик, бежим!

Босиком-то по тропинке с гравием не очень побежишь, они еле успели. Запрыгнули последними. Сердитая с виду кондукторша тут же надвинулась на них.

— Это что за босая команда к нам пожаловала? Билеты брать будем?

У Оськи денег не было совсем. У Норика хватило бы на автобус, но на катере — в три раза дороже.

Оська разжалобил кондукторшу тут же сочиненным рассказом. Они, мол, сидели на мостках, бултыхали в воде ногами, а кроссовки и сандалии поставили на краешек. И положили в кроссовку бумажные десять гривенников — чтобы не намокли в кармане, если они, дурачась, спихнут друг друга в воду. А тут какая-то шальная моторка, от нее волны во-от такой высоты! Вмиг смахнули обувь с досок. Обе пары — буль-буль на глубину. С деньгами.

— Теперь еще и дома попадет, — притворился печальным Норик.

— Вот и хорошо, что попадет, — с удовольствием сказала кондукторша. Но прогонять не стала.

На Адмиральской пристани они расстались. Уже синели сумерки, и густо пахло водорослями.

— До завтра, Норик!

— Да! До завтра!

— Ровно в двенадцать!

— Да! Наверху у цепи!

Назавтра Норик не пришел.

...Оська уже с утра чувял неладное, смутно было на душе. Может, оттого, что день начинался пасмурный, со штормовым ветром. В окна стучали сорванные с ближнего дерева каштаны. Осень стучала...

Анка, ворча, разыскала в шкафу старый Оськин свитер и вельветовые штаны. Не длинные, до колен, но плотные, в самый раз для нынешней погоды.

— А субмаринку свою давай сюда. Надо стирать да чинить... Вон как извозил-то!

— Не субмаринку, а юнмаринку. Свихнулась на битлах... — Анка «балдела» от песни «Желтая субмарина».

— Все равно. Где тебя вчера носило?

— Где надо, там и носило... Некоторых чудищ «не спросило».

— Вот скажу маме...

— О-о, как же ты мне надоела! Наколдую опять чирей, тогда узнаешь!

— Я тебе наколдую! Шваброй по одному месту.

— Сама швабра...

— А ты... Ой, что это? Я палец поцарапала! — Она вынула из кармана юнмаринки крошку-барабанщика. — Таскаешь всякий хлам...

— Положи обратно!

— А как стирать?

— Приспичило тебе стирать! Все равно теперь не носить ее до будущего лета... — И опять стало тревожно.

А про барабанщика он решил: пусть пока живет в привычном кармане, отдыхает, залечивает помятые ноги. Потому что теперь был у Оськи другой ольчик — шарик с крошечной церковкой в янтарной глубине. На якорной цепочке.

Оська погладил шарик под футболкой и полез головой в любимый свитер.

— Ты куда опять нацелился из дома? Мама велела, чтобы читал учебники! Думаешь, если забастовка, то заниматься не надо?

— Куда надо, туда нацелился.

— Я скажу ма...

— Чирей, чирей, народись! С Анакондой подружись!.. Ай! —

Домашняя туфля попала ему между лопаток. — И после этого я должен сидеть дома? С риском для жизни?

— Хоть бы скорее твой папа вернулся! Он тебе устроит риск!

— Папа мне никогда ничего не устраивает! У нас дома только женский гнёт.

— Это я тоже скажу маме... Ну куда пошел?! Отвечай сейчас же!

— К Сильверу пошел! К одноногому! Думаешь, вру?

Перепалка слегка улучшила настроение. Но в автобусе у Оськи опять заныло в груди.

Уже от остановки он увидел, что у камней с цепями никого нет. А было на часиках двенадцать ноль-ноль. Оська пошел через пустырь. В сером небе летели сырые сизые клочья. Ветер теперь не шипел, а свистел в ломких стеблях мартынки.

У бетонных площадок никого не оказалось (до той поры Оська надеялся: вдруг Норик прячется за камнем с перекинутой цепью?).

Внизу по свинцовой бухте бежали барашки. Пассажирские катера мотало у пирса. У горизонта, на дальних хребтах лежали набухшие сыростью облака...

Оська нашел в траве у бетона кроссовки Норика и свои сандалии (сейчас он был в кедах). Значит, Норик не приходил!

Почему?

Может, не отпустили, потому что вчера пришел поздно? Но за обувью-то должны бы выпустить из дома. Кроссовки не такие, что на выброс, почти новые.

А вдруг случилось что-то... совсем нехорошее?

Или Норик просто опаздывает? Возможно, он по своей натуре такой неаккуратный человек. Ну и пусть! Лишь бы пришел!

Оська томился на ветру минут сорок. Пока не понял сердцем: Норик не придет.

Но в чем же причина?

Неизвестность хуже всего.

Адресов друг другу они не оставили. Зачем, если твердо решили встретиться завтра!

Что теперь делать? Поехать в Боцманскую слободку? Там полтора десятка переулков, не одна сотня домов. Можно, конечно, походить, поискать. Но... если найдешь, тогда что? Вдруг Норик нарочно не пришел? На кроссовки наплевал, лишь бы не встречаться больше. Может, затаил на Оську какую-то обиду? За что?

А что Оська вообще знал об этом пацане с головой-луковкой и тонкими ушами? Ну, спустились вместе по Цепи. Ну, была минута откровенного разговора в темноте. Ну... да, казалось потом Оське, что они знают друг друга давным-давно. Это ему, Оське, казалось. А Норик? Может, уже и не помнит про вчерашнее знакомство...

Оська озяб — не столько от ветра, сколько от одиночества.

Надо было все-таки позвать с собой Эдика. Это даже требовалось по законам дружбы. А то ведь получалось, что Оська завел товарища на стороне, тайком от старого друга. Оська это понимал. И все же звать Эдьку не решился. Потому что они... ну, как с разных планет: уверенный, крепкий Эдик и хлипкий «негерой» Норик. Эдьке Норик душу не открыл бы никогда. В самой даже крошечной темноте...

Длинными извилистыми лестницами Оська долго спускался с Саламитских скал к станции Черная Речка. Потом — опять немного вверх, к решетчатой калитке у каменного коридора.

Замка на калитке не было. Наверно, Сильвер ждал ребят.

Конечно, ждал! Недаром в коридоре на полу светил похожий на пузырь в сетке фонарь! Не то масляный, не то керосиновый. И полукруглая дверь была открыта настежь — в оранжевую от каминного пламени келью.

— Ося! Здравствуй, мой хороший! А где твой желтенький друг? — Вот так, сразу.

Оська чуть не заплакал.

— Если бы знать. Я ждал, ждал... Весь просвистелся там наверху. Наверно, что-то случилось...

— Ну, почему обязательно «случилось»? Забежишь сегодня к нему, узнаешь...

— Знать бы, куда забежать!

И Оська рассказал, как познакомился с «желтеньким другом».

Пока рассказывал, успокоился, отогрелся у камина. Подумал, что, может быть, все еще наладится, встретятся они. И Сильвер сказал, сидя на своем чурбаке:

— Все будет по-хорошему. Увидитесь. Не бери себя.

— Я не бере... дю. Не бережу...

— Бередишь. И не только за него тревожишься. Ну, за него —

это понятно. А еще за себя. Вот подружились, мол, а он меня тут же позабыл. А он не позабудет, не бойся. Он не такой...

«Не такой», — благодарно подумал Оська.

А Сильвер продолжал:

— Я его сразу... как-то душой принял. Может, потому, что был у меня когда-то дружок похожий. Ну, не видом похожий, а тоже такой вот, с хорошим сердцем... Митей звали...

— А сейчас он где? — неосторожно спросил Оська. Дернуло за язык.

— Сейчас... Никакого «сейчас» уже полсотни лет нету... Мне тогда ногу, а его — сразу... И главное — несправедливость какая! Он там и оказался-то случайно. Бежал куда-то по своим делам, увидел нас и свернул. Последнее помню: подбегает издалека, беленький такой, в новой матросочке, будто с праздника. «Эй, ребята, у вас там что?» И тут как ахнет...

Оська сидел съезженный, будто ахнуло только что. «А если и с Нориком *такое же?*» Потому что случается и сейчас иногда: найдут, начнут колупать... В разных штольнях и погребках еще полно этого «добра».

Он стиснул под свитером шарик: «Защити Норика! Ну, пусть не приходит, только чтобы уцелел!»

Сильвер, видать, почувал, что сказал лишнее.

— Да ты не переживай, дело давнее... Ты вот взгляни, я тут вчерашний твой совет обмозговывал насчет руки... — И протянул кусок картона.

То ли углем, то ли толстым грифелем была на картоне нарисована кисть мальчишечьей руки. С зажатым в пальцах фигурным ключом.

— Вы прямо настоящий художник, — вздохнул Оська. Тревога слегка отпустила его.

— Настоящий, не настоящий, а рисовать нужно, если с деревом работаешь. Без эскизов-то никак... Мне учиться надо было, да не вышло с молодости. Самоучкой сделался. Ну, правда, книг перечитал не меньше иного профессора. Я без них и сейчас не могу. Тебе, наверно, трудно понять. Вы, нынешние, больше у телевизора. А теперь еще компьютеры эти со всякими играми-страшилками. Поглядел я как-то...

— У нас нет компьютера, — слегка обиделся Оська. — А книги я тоже люблю. У нас их дома вот такие полки, от низу до потолка, особенно про море. Еще дедушкины. И папа собирал с

давной поры, когда еще школьником был и курсантом... Всякие старинные есть, я до них пока не добирался.

— А ты доберись. Может, что-то и про «Мальчика» отыщешь в них, и про Остапова. Такое, чего мы не знаем...

— Ну, вы ведь и так многое знаете. Истории всякие...

— Кое-что да... Например, вот случай в Караимском проходе...

И Сильвер поведал, как Остапов помогал спастись пленным йосским повстанцам, вывез их на «Мальчике» с тюремного Ящерного острова.

— Взяли они ветер с зюйд-оста, а за ними охрана, паровые катера у них. Может, «Мальчик» и ушел бы на прямом курсе, но тут на пути Караимские скалы, надо делать поворот оверштаг. А на этом всегда теряется скорость. Остапов видит: дело безнадежное. Но не сдаваться же! И направил он «Мальчика» между скалами во-от в такой проход! — Сильвер свел у груди развернутые ладони. — Там и шлюпки-то еле проходили, и вдруг стотонный парусник... Это как в Библии написано: «Скорее верблюд пройдет в игольное ушко...» А «Мальчик» прошел! Сейчас бы сказали — научная фантастика. А тогда про фантастику не слышали и только скребли затылки. Особенно моряки. Потому что знали: нет там пути для судов крупнее баркаса...

Сильвер явно старался развлечь и утешить Оську. А может, и себя.

В какой-то мере удалось...

Перед тем как уйти, Оська вынул из холщовой сумки кроссовки Норика. Сумку он взял из дома и на обрыве сложил в нее обувь.

— Отдайте, если придет. Я сперва хотел оставить их, где лежали, да вдруг кто-нибудь найдет и стащит. Или раскиснут от дождя. А у вас он обязательно появится... если сможет.

— Думаю, появится.

— Вы тогда ему дайте мой адрес... Есть, где написать?

— Пиши на обороте, — Сильвер опять протянул картон с рисунком. И плотницкий карандаш. Оська старательно вывел крупные буквы. Словно от этой старательности зависело, найдет его Норик или нет.

— А можно еще посмотреть на... те фигуры?

— Пойдем...

В подземном зале опять зажглись яркие лампочки. Оська

мельком глянул на «взрослые» скульптуры (на девиц — очень мельком) и подошел к Даниэлю.

«Это ты помог Остапову провести в скалах бриг?»

Даниэль смотрел вперед. Но почувдилось Оське — чуть шевельнулись деревянные губы.

«Ты молодец, — шевельнул губами и Оська. — И у тебя скоро снова будет рука».

— Скоро снова будет рука... — Это подошел и Сильвер. — Только вот прорисую поточнее ключ... Он, конечно, по правде-то был не такой большой и фигурный, ну да ведь здесь-то надо... чтобы повыразительнее, так сказать.

— Потому что ключ — это символ, — нашел Оська нужное слово. — Да?

— Правильно ты говоришь, лохматый, — и Сильвер, как вчера, взьерошил Оськины волосы (а в них были два колючих шарика травы-мартынки).

И так же, как вчера, дошел Сильвер с Оськой до калитки. Круглый фонарь по-прежнему освещал проход, стоял на полу.

— Иван Сергееч, он тоже корабельный?

— Тоже. С дубка «Милая Елена».

— У вас тут целый музей. Наверно, туристы заходят, когда в церковь подымаются?

— Да нет, не заходят... Была у меня такая мысль, хотел, выражаясь по-научному, организовать экспозицию. Можно было бы и подзаработать. Да потом не по нутру стало. Понимаешь, Ося, очень уж для меня эти вещи... свои. Сросся я с ними. С этими дамами, да с рыцарями, да с мальчонкой порой даже разговариваю, как с живыми. А тут вдруг чужие люди начнут ходить. Это все равно что любопытных с улицы в свой дом пускать...

— А вы здесь и живете?

— Ну, не совсем... По прописке я проживаю за бухтой, в Каменке. Там я, значит, и числюсь: с сыном, с его женой и внучкой. Но чаще — здесь. Говорят, подкаменная влажность вредна для организма, но я к ней притерпелся. А-дап-тация, если по-современному. Наоборот, не могу уже без этого климата... Ну, забегай.

— Конечно!

И Оська запрыгал по каменной тропинке к причалу. Не весело запрыгал, а по привычке. Потому что скакать и прыгать ему за одиннадцать лет жизни приходилось больше, чем ходить размеренно и солидно...

IV. ГОРЬКИЙ ЛЕД

1

У Сильвера в том году Оська больше не бывал. Однажды собрался было, но навалилась печаль. Представил, как увидит стоящие у камина кроссовки Норика. «Да, Ося, так он и не пришел...»

К тому же начались осенние будни. Правда, случались еще теплые дни, можно было даже купаться. И пятый «В» по теплу сходил с Яном Яновичем в поход, в пещерный город. Но все равно было уже не лето. И учительская забастовка кончилась, пошли уроки: каждый день по шесть, по семь — догоняли упущенную программу. Школьный народ возмущался, конечно: «Вы бастовали, а нам теперь отдуваться, да?» Но с такими, как Горгоновна да Роза-Угроза, много не поспоришь. «Два очка» в дневник — и иди жалуйся хоть в парламент...

О Норике Оська вспоминал часто. И по-прежнему строил горькие догадки.

«А что, если он тогда пришел домой, а тетушка и дядюшка ему: «Почему у тебя штаны защиты такой дратвой? Где ты был?» А Норик, он ведь, судя по всему, не очень умеет врать. Поотпирался сперва, а потом и выложил, что лазил по Цепи с одним мальчиком... «Что за мальчик?» — «Ну, мы в парке познакомились...» — «Это он подбил тебя заниматься такой смертельной акробатикой? Не смей больше знаться с такой шпаной!»

Однажды во сне к Оське пришла догадка: надо загадать желание — пусть Норик появится опять. А чтобы это сбылось, надо еще раз спуститься к Николе-на-Цепях. Правда, они с Нориком обещали Сильверу не делать этого, но во сне запреты не действуют.

И Оська в какой-то новой, незнакомой юнмаринке, зеленой с черным (таких флагов даже и не бывает), сразу оказался на цепи. Ловко, без боязни полез вниз. Мимо летели серые клочки спустившихся с осеннего неба облаков, хлесткий ветер трепал

одежду и волосы, но все равно было не страшно, радостно даже...

Но не успел он спуститься и на десяток звеньев, как все изменилось. Пропали облачные клочки, ударил сбоку синий резкий свет, а на обрыве над Оськой возник не то солдат, не то полицейский в какой-то нелепой розовой форме со шнурами, в гусарском кивере. И с тяжелым автоматом. У автомата был тупой толстый ствол — как у старинного пулемета «Максим».

Лица у солдата не было, просто ровный розовый блин с черными дырочками глаз и рта. Рот шевельнулся.

— Руки вверх, — бесцветно произнес солдат. И навел автомат.

Оська хотел объяснить, что не может выпустить цепь. А солдат расставил розовые сапоги и начал давить на спуск. Оська отчетливо видел похожий на сардельку палец солдата. Выход был один: Оська раскинул руки, толкнулся ступней от контрфорса и полетел вниз (опять же такое бывает лишь во сне). Жуть падения охватила Оську. Но все же он соображал: надо упасть не на камни, а в воду. И ладонями он, как воздушными рулями, пытался направить полет.

Вода ударила по телу тугими подушками. Плотная, гулкая. Обтянула на Оське юнмаринку — материя стала как вторая кожа. Его потянуло в черную глубину. «Вот и все. Тону». Однако глубина не приняла Оську. Толкнула вверх, где зелень воды просвечивали желтые лучи. И оказалась вода не мутной и мазутной, как у Чернореченского причала. Была она чистая, прозрачная.

Оська вынырнул, отплевался от соли. Солнце вспыхнуло на ресницах. Непонятная сила — будто большая ладонь — выбросила Оську из воды по колени. И понесла вперед. Над пенными гребешками. Они мчались навстречу, иногда вырастали, и Оська разбивал их грудью. Пена ударяла в лицо, Оська смеялся. Было весело и бесстрашно. Оська вдруг понял, что сзади над ним гудят паруса. И тогда он догадался! Вскинул правую руку, и в ней оказался тяжелый сверкающий ключ! Тот, что отопрет все двери, откроет все тайны.

«Теперь-то я точно увижу Норика!»

Оська, отдувая шипучую пену, стал смотреть вперед. Среди гребней маячил кораблик. Возможно, тот пенопластовый клипер Норика, что когда-то застрял в поплавах. Рассмотреть его мешала темная размытая полоска, вертикально вставшая перед глазами. Оська досадливо заморгал, искры на ресницах выросли

в солнечные шары, стали лопаться, рассыпаться фейерверками, и все исчезло...

Такой вот был сон — страшное начало, а конец хороший. С надеждой. И все же утром Оська снова чувствовал тревогу. Тем более что полоска в глазах не исчезла. Нет, она не маячила все время, но порой возникала перед взором — как проведенная размытой тушью линия. Иногда сплошная, иногда частый пунктир из неясных пятнышек. Бывало, что она раздваивалась — если смотреть как бы мимо нее, вдаль... Что за напасть!

Чаще всего полоска появлялась, когда Оська смотрел на ярко освещенную страницу. Приходилось поворачиваться боком. Темная линия вместе с туловищем отъезжала в сторону и не спешила за взглядом, когда Оська вновь переводил глаза на книгу.

Скоро он приспособился читать, глядя на листы чуть сбоку. И неудобства не испытывал. И про полосу ничего никому не говорил. У мамы и без того хватало проблем. На работе всякие сложности, а главное — отец капитально застрял в Аргентине («где небо жаркое так синее»... тьфу!). Капитан «Соловьевска», прилетев на родную землю для выяснения дел, тут же оказался больным. Пароходство назначило капитаном старшего помощника Чалку.

Тоже мне радость — быть командиром арестованного судна! Отец присылал по Интернету сообщения в пароходство: для начальства и для семьи. Связь оплачивало русское консульство, но больше ничего оно сделать не могло. Из сообщений следовало, что выбраться домой пока никак не удастся. Капитан обязан отвечать за судно и за людей, заботиться о пропитании экипажа и следить, чтобы аргентинские власти не творили произвола. И тянуться это будет до тех пор, пока пароходство не расплатится с долгами «Соловьевска».

А пароходство не спешило.

Мама однажды сказала в сердцах:

— Ну а чем там не жизнь? Заморский город, вечное лето, красавицы-креолки... Да шучу, шучу! Тоже мне, еще один капитан Чалка. Копия... — Это потому, что Оська буквально проткнул мать возмущенным взглядом. Как можно такое про папу?!

Конечно, она ничего такого всерьез и не думала. Вместе с другими женами моряков несколько раз ходила к директору пароходства: когда же он позаботится о «Соловьевске» и его экипаже? И облепленный адмиральскими шевронами директор клялся, что позаботится в самое ближайшее время... как только появятся деньги.

В общем, весь октябрь дома у Оськи было пасмурное настроение. У Анаконды вскочил на шею очередной чирей, и она приписала его Оськиным проискам. Оська злорадно подтвердил. Анаконда завопила:

— Тогда расколдовывай немедленно!

— Чирей, чирей, ты созрей, чтобы лопнуть поскорей!

— Когда это «поскорей»?

— Послезавтра.

— Мне надо сегодня!

— Чудовище! Это же закон природы, против него колдовать бесполезно.

— Я скажу маме...

С Эдиком у Оськи тоже что-то не клеилось. Тот был старше на восемь месяцев. В ноябре, к своим двенадцати годам, он получил от отца компьютер и торчал перед ним часами. Оська, конечно, тоже торчал в первые дни. Эдка великодушно уступал другу место за клавиатурой. А были и такие игры, где можно вдвоем. Но скоро Оське это приелось. Игры какие-то все про одно: прорваться через лабиринт, убить монстра (так, что красные брызги во весь экран), перепрыгнуть через пропасть, запастись оружием, опять кого-нибудь расстрелять... Выберешься на новый уровень, а там снова — прорвись, убей, перескочи...

Эдка заметил Оськины зевки.

— Не притворяйся, что надоело.

— Не надоело, а... домой пора. Если поздно приду, Анаконда опять: «Ма-аме скажу...»

И он шел читать «Властелина колец» или «Водителей фрегат». Про них в компьютере ничего не было. По крайней мере, в Эдкином. Да и вообще — одно дело, когда напрягаешься у экрана, другое, когда удобно устроился под лампой и уплыл в дальние дали. Пускай за окнами хоть самая отчаянная непогода...

Помня просьбу Сильвера, Оська однажды разыскал на верхней полке и прочитал от корки до корки старинный том «История морских катастроф». Нет ли там чего-нибудь про бриг (то есть про шхуну) «Даниэль»? Или «Мальчик»... Нет, ничего не было.

Огорченный Оська опять пошел к Эдику. Тот хотя порой и хмыкает насмешливо, но все же единственный друг. С кем еще поделишься печалью?

Правда, про «Мальчика» говорить Оська не стал. Не для Эдки этот секрет. Он просто пожаловался на сумрачное настроение

и на то, что все погано: и дома, и в школе (куча троек и две «пары» по математике), и вообще в жизни.

— Прямо завять иногда хочется...

— Не надо выть. Все еще наладится, — снисходительно утешил Эдик. Его лицо румянилось от экрана, где расцветал розовый пейзаж.

— Наладится, жди, — буркнул Оська. И выдал недавно родившуюся у пятиклассников поговорку: — В другом пространстве...

Эдька глянул странно. Как-то нерешительно и вроде бы приглашающе.

— А можно ведь и правда в другое пространство... в натуре. Чтобы жить, не горевать...

— Ты это о чем?

— Будто не понимаешь. Нюхнул, ухватил кайф и «цвети, душа, как подсолнух». Универсальное лекарство от всех печалей...

— Клей «Универсал», что ли?

— Дошло...

— Идиот, — убежденно сказал Оська. — Дебил малосольный. Это же... как наркомания. Начнешь — потом не выберешься!

— Да кто тебе сказал?! Взрослые просто лапшу вешают! Ради своего спокойствия. Их послушать, дак ничего нельзя! Курить нельзя, — а сами!.. Водку пить нельзя, — а сами!.. И вообще... ничего нельзя. А сами... Никто еще не помер от «Универсала». Наоборот...

— Что «наоборот»?

— Ты просто как новорожденный телянчик. Ничего не знаешь. А у нас в классе уже половина пацанов пробовала.

— Не ври!

— Ну, не половина... а все равно многие.

— И ты?

Эдька неопределенно повел плечом.

— Если ты... правда... — беспощадно выговорил Оська, — я с тобой больше... никуда... и никогда...

— Да ладно, ладно, — хмыкнул Тюрин. — Чего ты расплакался? Я пошутил.

И Оська сделал вид, что поверил.

А через неделю, когда еще одна двойка (несправедливая!) от Угрозы и после этого крикливая нахлобучка от мамы — со смешным обещанием «сдать в детский дом», — и новое сообщение по сети от отца, что по-прежнему с долгами ничего не ясно, и скандал с Анакондой из-за ее потерявшегося дурацкого шар-

фика... в Оське будто лопнуло. Он побежал к Эдьке (это рядом, через двор) и, проглотив слезы, отчаянно сказал:

— Ну! Как это делается?

И случился тот ужас...

Собрались недалеко от дома, где жил их одноклассник Борька Сахно по прозвищу Сухой Боб. Кроме Боба, Эдьки и Оськи, был еще коротышка Санчик из шестого «А» и незнакомый пацан, которого называли Булинька. Холод был, пахло бензином и помойкой. У одного гаража лежала бетонная балка. Присели на нее, ледяную. Боб достал целлофановые пакеты. «Ох, а если кто узнает...» — запоздало толкнулось в Оське. Булинька сидел рядом.

— Ты не бойся, — суетливо шептал он, потирая ладошки. — Сперва непривычно, а потом во как... — Он даванул в пакет пахнущую бензином гусеницу, сдернул с Оськи шапку. Натянул ему на голову шелестящий мешок — жидкий клей размазался по щеке и подбородку. Сладкий запах удушающе забил рот, нос, даже уши. Оська задергал руками, желая сорвать пакет.

— Да ты постой, постой, — донеслось из другого мира. — Ты потерпи трошки... сейчас будет кайф...

Сдернуть пакет не удалось, воздуха не было, Оська судорожно вдохнул то, что под пакетом...

...Полетели желтые бабочки. Густо, солнечно. А может, не бабочки, а цветы. И не только желтые, а всякие. И очень крупные, пахучие. Они сложились в узор, и в узоре этом была какая-то веселая загадка. Вроде головоломки. Разгадаешь, и случится небывалая радость. Но разгадать Оська не успел, узор изменился, из него сложились две клоунские рожицы — такие уморительные, что Оська зашелся неудержимым смехом. А рожицы рассыпались тоже. И Оська понял, что яркие пятна — это уже не цветы, не клоуны, а разноцветные юнмаринки ребят, которые мчатся по лугу на лошадях. И к Оське подвели золотистого коня. Никогда Оська раньше не ездил верхом, а тут мигом взлетел на лошадиную спину, ударил босыми пятками гнедые бока — и вперед! Навстречу луговому ветру и множеству солнц следом за желтой юнмаринкой далекого всадника.

— Норик! Подожди!

А солнца гасли. А цветы серели. А небо темнело. Чернело оно, опрокидывалось на луга, наваливалось ватными глыбами, сбilo Оську с коня, задавило душной тьмой...

...— Снимай, скотина! Он же помрет!

Холодный воздух рванулся внутрь Оськи.

— Тряхните его! Булинька, гнида, ты куда смотрел!

— А я чего? Я ему как всем...

— Паразит... Оська, подымись!

Как подымись? Куда подымись? Непонятно, где верх, где низ. Земля встала торчком, гаражи мчались на Оську. Подкатила тугая теплая рвота, его вывернуло прямо на ноги...

— На ветер его надо, чтобы выдуло всё!

Да! На ветер! На ледяной беспощадный ветер, чтобы он вычистил из Оськи всю эту нестерпимую муть! Чтобы упасть и умереть спокойно...

Его поволокли под руки. Кажется, на улицу, на обочину. Зачем? Спасительного ветра не было и там. Оську опять вывернуло наизнанку. Свет пасмурного дня был нестерпимо резким. Оська упал на колени. Рядом завизжали тормоза. Оську отпустили, стих за гаражами частый топот.

Крепкие руки рванули Оську вверх. Кажется, незнакомый дядька. Пусть делает что хочет, хуже все равно уже не будет... Дядька замотал его в какой-то брезент.

— А то разукрасишь мне всю машину...

Он затолкал Оську на заднее сиденье. Автомобиль рванулся. Оська закрыл глаза. Опять подкатило... Нет! Не надо!..

Потом Оську несли, стаскивали с него одежду — всю до ниточки. Пусть. Все равно умирать...

Обжигающе горячая (или обжигающе холодная) вода ванны, сверху тугие, тоже обжигающие струи... Пена... Оська наконец приоткрыл глаза. Увидел, что моет его не дядька, а высокая седая старуха. Мыла она крепко, с нажимом, поворачивала и терла, как куклу. Пусть... Не было сил ни для спора, ни для стыда. Только...

— Ой... горячо...

— Терпи, добрый молодец. Скажи спасибо, что живой...

Правда живой? Ой...

Старуха выволокла его из ванны, растерла тремя решительными взмахами, закутала во что-то. Сунула к губам чашку.

— Пей.

В чашке было холодное, горькое, пахнущее аптекой...

— М-м-м...

— Пей сейчас же! — И шлепок.

Он сглотал. И сразу опять:

— М-м-м... — разглядел унитаз, сунулся к нему головой. Выплюнул все...

— Вот и хорошо. — Старухины руки снова подняли его. — Яков! Уложи это чадо, пусть отойдет...

И вновь пришла темнота — но уже не тяжелая, а спасительная, без мук...

Очнулся Оська ранним вечером. За окном незнакомой квартиры была густая синева. Горела на столе лампа. Хозяин квартиры стоял над Оськой и глядел с высоты своего роста. Оська смутно вспомнил, что во время всей суеты старуха называла этого дядьку Яковом.

Лицо у Якова было не просто худое, а чересчур. Одна щека более впалая, чем другая, словно втянута внутрь. И на ней кривой белый шрам. Рот был большой и насмешливый. Продолговатые, непонятного цвета глаза сидели так широко, что казалось, будто уголки их выходят за виски. А над узким лбом клочками торчала темная шевелюра с проседью.

Несмотря на проседь, Яков был не старый. Примерно как Оськин отец, а то и моложе.

— Ну? — высоким голосом сказал Яков из-под потолка. — Очухался?

Оська шмыгнул носом. Прислушался к себе. Стыдливо сказал:

— Ага...

— Тебе повезло, — усмехнулся Яков. — Ты принял самую подходящую дозу. Не такую, чтобы помереть, но достаточную, чтобы понять, какая это... блевотина.

Оська содрогнулся и тяжело задышал. Он помнил, что с ним было. Скомканно, обрывками, но помнил.

— Перебирайся в кресло, я поправлю постель.

Оська зашевелился и понял, что он в большущей пижамной куртке на голое тело. Сел. Качнул головой. Она не кружилась, только была какой-то чересчур пустой... Боясь нового приступа дурноты, Оська неловко перебрался в кресло. Натянул подол на ноги.

Яков разгладил простыню, взбил подушку — словно готовил постель для кого-то еще.

— А одежда? — боязливо спросил Оська. — Она где?

Яков шагнул к столу.

— Одежда подождет. Она пока ни к чему. По крайней мере,

штаны. Мы еще не закончили программу. Была санитарная часть, а теперь, после антракта, предстоит воспитательная.

«О-о-о...» — раздалось внутри у Оськи. Похоже на вскрик Норика на обрыве, когда тот ужаснулся высоты. Оська съежился и замер.

Яков со стола взял длинный тонкий предмет.

— Известно тебе, что это такое?

— Ну что... линейка это... — бормотнул Оська.

— Правильно. А точнее, половина раздвижной штурманской линейки. Для нашего дела хватит и этой половины. Очень радикальное средство для прочистки мозгов и повышения здравомыслия у начинающих токсикоманов. Путем резкого соприкосновения с их кормовой частью...

Оська ощутил полную неспособность к сопротивлению. И покорность судьбе. Как тогда, при первой встрече с Сильвером. Но из последних слабеньких сил выдавил:

— Это же... нельзя...

— Почему, позвольте вас, сударь, спросить?

Оська опять засопел.

— Ну, потому что... нарушение прав человека... — «Вот дурак-то...»

— В самом деле? — ядовито отозвался Яков. — Допустим. Но похож ли ты был на человека, когда там, на улице... пардон, заблевал всю обочину?

Оську тряхнула судорога. «Так тебе и надо, скотина», — сказал он себе. Но не было сил злиться даже на себя. И спорить не было сил. И все же он возразил жалобно:

— Но сейчас-то... я ведь уже похож... немного...

— Гм... — Яков похлопал о ладонь линейкой. — Я вижу, у нас нестыковка мнений. Значит, нужен третейский судья. Знаешь, кто это такой?

— Это... третий человек, что ли?

— Именно! И для этой роли лучше других подойдет твоя мама. Позвоним ей и спросим, как она отнесется к намеченной воспитательной мере. Когда узнает про все, что случилось...

«Этого еще не хватало! Мало она, что ли, изводится из-за отца!» Зареветь бы отчаянно: «Не надо! Пожалуйста!» Но вместо этого он слабенько попытался обратиться дело в шутку:

— А ябедничать нехорошо...

— А нюхать всякую дрянь хорошо?

— Я... это случайно. Первый раз.

— Догадываюсь. Вот и надо принять меры, чтобы первый и последний... Ну что? Звоним? — Он потянулся к телефону рядом с лампой.

— Вы же... все равно не знаете куда...

— А ты не скажешь? Будешь молчать, как партизан на допросе?

— Буду, — неуверенно пообещал Оська.

— Ты думаешь, я так глуп? Пока ты тут... отдыхал, я случайно заглянул в твои карманы. И обнаружил читательский билет городской детской библиотеки, в котором и прочитал твое почтенное имя. Думаешь, трудно выяснить, где живет пятиклассник Оскар Чалка со своим семейством? У меня, друг мой, в компьютере вся адресная книга...

На столе и правда поблескивал экран монитора.

— А у нас дома нет телефона.

— А на работе у твоей мамы, Маргариты Петровны Чалка, есть. И компьютер, кстати, не нужен. С Маргаритой Петровной я встречался по делам службы этой весной. Несколько раз. Очень славно беседовали. Думаю, найдем общий язык и сейчас... И номер помню: тридцать девять, ноль три, пятьдесят два. Правильно?

Это был абсолютный конец. Но зареветь все равно не получилось.

— Так что же? Звонить? Или разберемся сами?

— Не... — горько вздохнул Оська.

— Что «не»?

— Не звонить...

— Я так и думал. Тогда укладывайся, — Яков подбородком показал на разглаженную постель. — Исполним процедуру с соблюдением всех протокольных норм.

Оська сделал последнюю безнадежную попытку:

— Я больше не буду.

— Ну-у, друг мой! Если бы это старинное заклинание избавляло всех виноватых от заслуженной кары... Ну что? Ты исчерпал все свои аргументы?

— Все... — полностью сдался Оська.

— Тогда пожалуйте...

Слабо обмирая, Оська начал выбираться из кресла. Яков оглянулся на дверь.

— Мама! Как там новое платье короля? Готово ли?

Дверь открылась. Оська опять вжался в кресло, натянул на

ноги пижаму. Седая старуха (вернее, старая дама) внесла на плечиках отутюженный пиджачок и брюки. Прямо как в ателье каком-нибудь. Другой рукой, на ладони, она держала сложенное стопкой белье — рубашка там и все остальное. И сверху — янтарный шарик с цепочкой.

— Прошу, — она протянула одежду Якову. И удалилась. Ее прямая спина выражала по адресу Оськи все, чего он заслуживал.

Яков протянул плечики и белье Оське.

— Обряжайся... чудо заморское.

— А... это?

— Что?

— Ну... — Оська боязливо посмотрел на линейку.

— В следующий раз. Когда захочется снова нюхнуть чего-нибудь, приходи. Доведем дело до конца.

Оська за нерешительной дурашливой ноткой спрятал радость и стыд:

— Ладно...

Он укрылся за спинкой кресла и начал суетливо переодеваться. Чувствовал себя так, будто его и правда отделали штурманской линейкой. С соблюдением этих... протокольных норм. Но вместе с одеждой возвращалась и некоторая уверенность. Когда в штанах — ты все-таки личность.

— А куртка?

— На вешалке. Надевай ее, обувайся, и я отвезу тебя домой... Или сперва крепкого чаю? Будет полезно.

От мысли, что надо глотать горячую жидкость, Оську опять замутило.

— Нет! Я пока... не хочу.

— Ну, смотри. Тогда одевайся, а я пойду, раскоцегарю свой «Мерседес».

— Да не надо! Я на автобусе доберусь!

— А ты хотя бы знаешь, где находишься? На улице Старых партизан.

— Ну и что? Не так уж далеко.

— Не спорь. Для собственного спокойствия я должен быть уверен, что домой ты добрался без приключений. — Яков первым пошел к двери и вдруг оглянулся. — А что, Оскар Чалка, от отца нет в эти дни новостей?

— Давно уже ничего не было... А вы и про отца знаете?!

— Друг мой! Я первый репортер газеты «Посейдон Ньюс».

Я знаю все, что касается дел в пароходствах и во всей южноморской жизни. Кстати, зовут меня Яков Сергеевич Ховрин. Или просто Ховрин. Так меня по традиции именуют все знакомые... Пошли.

Никакой у него был не «Мерседес», а старенькая «Лада». Но завелась она, несмотря на холод, сразу. Ховрин велел Оське сесть сзади. Выехали со двора. Горела в машине яркая лампочка. Оська увидел в переднем зеркальце продолговатые, ехидные глаза Ховрина.

— Яков Сергеевич...

— Ховрин!

— Да... Можно, Ховрин, вас попросить?

— Смотря о чем...

Опять стало стыдно до слабости, но Оська выдавил:

— Вы... пожалуйста, не говорите маме... про все про это. Никогда, ладно?

— А что? Ей и так хватает проблем?

— Ну да...

— Конечно. Муж в другом полушарии, а тут еще сынок подался в токсикоманы.

— Я ведь сказал же, что это случайно!

— И больше — ни за что на свете?

— Ну конечно же!

— Ладно...

— Значит, не скажете? Честное слово?

— Сударь! Я даю слово лишь в самых крайних случаях. Обычно же говорю просто «да» или «нет». В данном случае говорю «да». В смысле «нет». То есть не скажу...

Оська откинулся на спинку. Поверил.

— Только вот приятели твои... — Ховрин требовательно смотрел из зеркальца.

— Я им скажу, чтобы они тоже! Никогда!..

— Похвальное намерение. Надеюсь, они прислушаются. Но сейчас я не об этом. Не разболтают они про тебя?

— Они же не дураки!

— Да?

— Ну... не совсем дураки. Понимают же, что им тогда тоже влетит!

— Не дураки они, а свиньи, — вздохнул Ховрин. — Бросили тебя. А еще друзья...

— Там... только один друг был. Остальные так...

— «Один» тоже свинья...

— Он просто растерялся, — защитил Оська Эдика. — Он же все равно уже ничего не мог, когда появились вы...

— Все равно свинья.

— Нет, — тихо сказал Оська. — Он мой друг.

— Ну... тебе виднее.

Въехали на Оськину улицу, на Вторую Оборонную. У арки Оська умоляюще сказал:

— Не надо во двор. Тут я сам...

— Ладно, гуляй...

Оська выбрался из кабины. Был уже совсем темный вечер, светил недалекий фонарь. Оська постоял, переминаясь. Выговорил:

— Спасибо... Ховрин...

— На здоровье. Хотя не мне спасибо надо говорить, а маме моей Анне Матвеевне. Она с тобой возилась.

— Ну... ей тоже... — И Оська незаметно поехал, вспомнив нестерпимую ванну.

— Передам. Ладно, шагай... сын капитана Чалки. Кстати, мой адрес: улица Старых Партизан, три, квартира семь. Будет нужда, приходи.

— Это... за линейкой, что ли?

— А хотя бы. Но не только. Можешь и вообще...

И уехал.

2

Мамы еще не было дома. Анка спросила:

— Ты что такой вялый? Даже зеленый.

— Не знаю. Голова что-то кружится.

— Небось опять с Тюриным полдня сидели за компьютером.

— Сидели...

Вот и все.

Утром в школе Эдька начал, конечно, подъезжать:

— Ну, куда он тебя увез? Что там было?

— Что было, то и было... Не бойся, никого я не назвал. Да он и не спрашивал.

— А кто это такой?

— Знакомый один, — соврал Оська. И добавил: — Журналист.

— А он твоей мамаше не наступит?

— Он не такой... А про вас он сказал, что вы свиньи.

Эдька не стал спорить:

— Мы перетрухнули... Ну а что было делать-то? Он тебя хватить — и в машину. Мы подумали: раз увез, поможет...

Когда шли домой, Оська сумрачно сказал:

— Ты вот что. Кончай это дело навсегда. А то... я тебе морду набью.

Эдька, который в шуточной борьбе укладывал Оську одной рукой, покладисто вздохнул:

— Ладно, завяжу. Не бей мне морду.

— И остальным скажи...

— С ними сложнее. Я им не указ.

— Сдохнут ведь однажды...

Эдик Тюрин опять стал самим собой.

— Теленочек ты, Ося. Просто ты перебрал дозу, вот и скрутился. А вообще-то от этого не слышают, а, наоборот, имеют удовольствие.

Оську опять передернуло:

— Погань такая...

Эдька вздохнул рассудительно:

— Поганое и приятное в жизни всегда рядом. Погляди во круг.

— Врать-то — не узлы вязать...

— Ты, Осик, еще маленький. Не вырос из юнмаринки.

Оська поморгал:

— Ну и... не вырос. И не хочу... А ты, что ли, вырос? Подумаешь, дожил до двенадцати!

— Да я про нее в переносном смысле.

— В каком переносном?

— Про твое отношение к жизни. Про психологию...

Надо же!

— Ты хоть знаешь, что такое психология? Ты же не читаешь ничего! А в твоём компьютере про это нет!

— В компьютере нет, а в телевизоре есть. Надо чаще смотреть. Телевизор — современный источник знаний. А ты все еще живешь во времена Жюль Верна.

— Тоже в переносном смысле?

— Во всяком... Тогда детки до пятнадцати лет ходили в матросских костюмчиках и слушались воспитательниц...

— Или командовали кораблями, — вспомнил Оська Дика

Сэнда и бригантину «Пилигрим» (возможно, она похожа была на «Мальчика»).

— Знаю, кино смотрел. Это исключение... А сейчас тем, кому четырнадцать, паспорта дают. И даже разрешают жениться, по новому закону.

Оська на ходу отступил в сторону, смерил друга взглядом.

— Тебе вроде бы еще не четырнадцать. И жених из тебя, как... из канарейки страус.

Эдька не обиделся и сейчас.

— Нынче все ускоряется. Два года — это один момент.

— Ну и женись, дубина, если приспичило. Только не говори папочке. А то он тебя женит, как тогда... за подглядывание в девчоночьей раздевалке.

Напоминать про это было жестоко, но Оська не удержался. Эдька, однако, и здесь проявил снисходительность.

— Я же говорю: теленочек ты, Ося.

С друзьями-приятелями часто говорят про то, о чем дома и вообще со взрослыми заикнуться невыносимо. И Оська в прямых выражениях разъяснил Тюрину, почему тот поспешил думать о женитьбе. Вот потому-то и потому-то...

— И потому, что читать не любишь. Почитай хотя бы книжку для детсадовцев «Откуда берутся дети». А то не будешь знать, как с женой обращаться.

Эдик сказал, что обойдется без учебных пособий. Потому что в этом деле главное — практика.

— А практика-то у тебя откуда? — изоцел ехидством Оська. — У тебя ее все равно что у этой бабы...

Про бабу Оська сказал, потому что она оказалась рядом. Ее лепили на газоне трое малышей. Был конец октября, и ночью навалило густого липкого снега. Такого не случалось в здешних местах лет пятьдесят. В прошлом году в это время еще росли цветы, а тут вон что! И это при разговорах о всеобщем потеплении климата!

Эдик проглотил и сравнение с бабой. А Оське больше не хотелось ругаться. Он пнул ботинком снежный ком.

— Неужели вся зима будет такая? Тогда можно каток залить...

— Где?

— На той площадке, где футбол гоняем. Будет настоящий хоккейный корт.

— А вот фиг, — выдал информацию Тюрин. — Никакого корта. Скоро там поставят гаражи.

Площадка была недалеко от Оськиного двора. Позади трехэтажного длинного дома, на плоском курганчике. Вокруг стояли хозяйственные постройки, поэтому сюда вела накатанная дорога.

Оська сказал, что тревожную новость надо сообщить ребятам. Сам забежал к нескольким пацанам, чтобы собрались на площадке. Поскорее!

Пришли семеро. Эдька почему-то не пришел, хотя обещал. На площадке два дядьки с колышками и какой-то штукой на треноге размечали территорию.

— Извините, но это наша площадка, — сказал им Владик Величко, самый воспитанный из всех.

— Была ваша, — добродушно согласился усатый тип в стеганке. — А теперь кыш...

— Как же «кыш», если...

— А ну брысь!

Вот и весь разговор.

Полдня Оська кипел негодованием, поругался из-за этого с Анакондой, а вечером рассказал про все маме.

Мама тоже возмутилась. Обошла соседок. Утром несколько женщин сходили в управление микрорайона. Там им сказали, что управление имеет право распоряжаться местной территорией. Денег управлению не хватает на жилищный ремонт, вот оно и решило сдать площадку в аренду гаражному кооперативу «Вега».

— А как же дети? Им теперь и в мячик поиграть негде!

— Детям оборудуем другую площадку... когда придет время и будут деньги.

Оська узнал о таком разговоре, когда мама пришла на обеденный перерыв. И просто забулькал от возмущения. И опять побежал за ребятами. За Эдькой не побежал. Тот утром в школе сказал, что вчера его не выпустил из дома отец — за двойку по истории. И сегодня выпустит едва ли...

На площадке с разметенным снегом никого не было. Но торчали всюду аккуратные колышки. Можно было их выдернуть, но что это даст?

Трое друзей-первоклассников — Тараска, Дима и Павлик — сказали, что надо раздобыть взрывчатку и, когда появятся гаражи, устроить «во-от такой тарарах!». Эту дурь им простили за храбрость и малолетство.

— Надо устроить пикет! С плакатами! — кипятился Оська. — Они придут, а мы стоим стеной! Не будут же драться с пацанами!

— Раскидают, вот и все, — возразил умудренный жизнью Андрейка Варан, Оськин сосед по дому.

А деловитый и упитанный Жора Кисляк сообщил:

— Мне батя такой плакат напишет на том самом месте... Опять буду три ночи на животе спать. Он, папаша-то, сам подал заявку на один из гаражей на этом месте...

— Многие ребята не захотят спорить, — подал голос Владик Величко. — У одних отцы тоже на гаражи здесь рассчитывают, другие просто побоятся... чтобы не спать на животе. Вот если бы нашелся взрослый, у которого какая-то власть...

И Оська подумал о Ховрине.

Ох, как боязно было идти. А не идти — еще хуже. Это... ну, как бы пообещал лезть по Цепи вместе с Нориком, а потом отступился.

Улица Старых партизан, дом три, квартира семь...

Дом был старый, двухэтажный, вроде Оськиного. А квартира на первом этаже. У двери Оська долго не решался позвонить. Вздыхал и топтался. И дотоптался: его увидели в глазок.

Дверь открыла знакомая седая дама.

— А я слышу: кто-то пыхтит. Старый знакомый. Заходи...

Он шагнул.

— Ты, конечно, к Ховрину?

— Ага... Да.

— И, конечно, по срочному делу?

— По срочному...

— А он в редакции. Если очень срочно, надо идти туда.

— Я адреса не знаю... — Оська тискал в кулаках шапчонку со следами растаявшего снега.

— Подожди. — Мать Ховрина ушла. Из-за прикрытой двери скоро послышался ее приглушенный голос.

Потом она вышла опять.

— Ну, раздевайся, проходи. Я позвонила, он сказал: «Сейчас приеду».

«Ой... — ёкнуло в Оське. — А может, он решил, что я насчет линейки? Да нет, с этим не спешат...»

Оська стянул куртку и ботинки. Вошел в комнату.

— Посиди, он будет скоро... — И хозяйка оставила Оську одного. Он вдруг ощутил, как колотится сердце. «Неужели он специально из-за меня сорвался и приедет?»

Стал ждать и оглядываться.

Кабинет Ховрина? Знакомый (ох, какой знакомый!) узкий

диван. Кресло под тигровым пледом. Широкий стол с компьютером и еще с каким-то аппаратом. Кучи папок и бумаг с отпечатанным текстом. На стене большущая фотография под стеклом: клипер «Катти Сарк» на полном ходу. У Оськи дома, в папиной комнате, такая же. (Как Оська в прошлый раз ее тут не заметил? Видать, «хорош» был!)

Некрашенный стеллаж. На одной из его стоек, на гвозде, морской бинокль — тоже почти как у Оськи дома (подарок Эдьки на день рождения — тот его выпросил у деда)...

А еще на стеллаже — закрывая несколько рядов книг — висела карта. Все Южноморское побережье Республики и прилегающих территорий и акваторий. Оська видел такую в пароходстве, когда заходил туда с отцом. Настоящая морская карта: с компасными картушками, с цветными колечками маяков, с квадратами меркаторской сетки координат...

На карте было много цветных линий. Всякие рейсы и границы.

Опять зашла хозяйка. Оська насупился на краешке стула. Хозяйка села напротив. Теперь она не казалась суровой. Ну да, прямая, нос с горбинкой, гладкая седая прическа с ровным пробором, сжатый рот. Но в глазах не было строгости. А были, кажется, огоньки любопытства.

— Как тебя зовут, юноша? Я не запомнила в тот раз.

— Оська... Можно Ося...

— Ося... Я когда училась в школе, у нас в классе тоже был Ося.

— Он, наверно, Осип. А я Оскáр.

— Он — Остап. Остап Гальчик. Маленький такой, славный, его все любили. Девочки называли «Осенька»...

«Ох, не надо грустных историй! Вроде тех, что у Сильвера, про Митю...»

— А теперь Осенька — заслуженный артист в республиканской опере, баритон. Подумать только — этакая веснушчатая кроха была, как божья коровка, и вдруг — баритон. Знаешь, что такое баритон?

— Ну... между тенором и басом, да? — Оська поджал под кресло ногу, потому что заметил: на носке, на большом пальце, дырка.

— Умница... Осенька. — Она, как Сильвер, взлохматила ему волосы. Только руки были другие — легкие, с очень длинными пальцами. Наверно, старая пианистка.

— У меня папа пел баритоном, когда был курсантом. У них в

училище был хор... — Оська говорил это, глядя в сторону. Темная память о недавнем висела над ним.

Мать Ховрина чуть нагнулась к нему, глянула внимательно. Сложила руки на коленях.

«Ее зовут Анна Матвеевна», — вспомнил Оська. И, глядя на тонкие сухие пальцы, выговорил:

— Анна Матвеевна... простите меня... за тот случай...

— У-у, голубчик! Нашел что вспоминать! Случаи бывают всякие, без того не проживешь... Ховрин мой... это я сейчас его часто зову, как все, Ховрин, а тогда он был Яшенькой... он в пятом классе однажды с мальчишками накурился до одури американскими сигаретами «Фрегат». Притащили его домой такого же зеленого и... ну, в общем, дальше некуда. И так же я его отскребала... Ты только ему это не вспоминай... И у всех таких случаев есть две стороны. Хорошая — та, что с той поры он больше не курил. Даже в армии... А в твоём случае... ну, как бы мы без того познакомились?..

Тяжесть отваливалась от Оськи, как подтаявшая ледяная кора. Он даже забыл про дырку на пальце. И от благодарности чуть не поклялся, что он тоже больше никогда... Но тут пришел Ховрин. Шагнул быстрый, деловой, даже прицельный какой-то. Без намека на прошлое.

— Итак — Оскар Чалка. Что-то случилось?

— Да!

И Оська рассказал.

— Напишите про них, пожалуйста! Чтобы не трогали нашу площадку! Не имеют же права!

Ховрин сел в кресло, расслабился.

— А почему я? Это ваша проблема, пацанов с твоей улицы. Ты и напиши.

— Я?!

— Ты. А мы напечатаем.

— Я не знаю как...

— Очень просто. «Я живу на Второй Оборонной, там у нас всегда была детская площадка. А недавно...» И так далее.

— У меня не получится.

— А зачем тогда пришел? На готовенькое? Добрый дядя заступится, а ты будешь ждать в сторонке?... Вон бумага, вон ручка на столе.... Или можешь прямо здесь, — Ховрин шагнул к столу, включил компьютер. — Знаешь клавиатуру?

Оська немного знал, познакомился у Эдика. Они на его ком-

пьютере, дурачась, печатали друг другу послания... Куда теперь деваться-то? Тяжко вздыхая, он придвинулся вместе со стулом.

— Откроем новый файл, который так и назовем: «Ося», — уже не сердито сказал Ховрин. И наступал клавишами: «Osja». — Все готово, приступай. Сперва трудно сочинять, а потом пойдет. Я таким же был, когда начинал.

— В газете? — недоверчиво оглянулся Оська.

— В отряде юных журналистов. При Клубе рыболовного флота... Отчаянный, кстати, был отряд. И назывался соответственно — «Последняя граната».

— Почему?

— Во времена Второй осады был в морском батальоне парнишка двенадцати лет. На передовой, прямо в окопах, выпускал для моряков самодельную газету. И вот разрисовывал он как-то цветными карандашами листок, а тут на окоп пошли танки с крестами... Была у мальчишки под рукой граната. Ну, он из окопа танку навстречу... Неужели не слышал про это? Да на улице Морских пехотинцев ему памятник стоит!

Памятник Оська знал. Бронзовый мальчишка в распахнутом ватнике и... да, с гранатой.

— Но там же просто его имя, а ниже написано: «Всем детям, погибшим при защите Города». А про газету и про танк — ничего...

— Когда ставили памятник, эту историю и так все знали. И были уверены, что никто не забудет никогда... Ну, жми на алфавит!

У Оськи все же не зря пятерки за изложения и сочинения. Это ведь не иксы-игреки, любимые детки Розы-Угрозы...

— Только с ошибками будет, потому что часто пальцы не туда тыкаются...

— Исправим.

Ховрин дождался, когда на экране набралось с десятков строк, взял телефонную трубку.

— Сашко!.. Воскресная полоса еще не сверстана? Включи свою керосинку, передам одного юного автора. Вечная тема — дети и гаражи... Да. Ты этим письмом займись сейчас же, выясни: кто, по какому закону и за сколько. А потом прокомментируй со свойственным тебе публицистическим запалом, от души... Сашенька, я понимаю! Но вдруг? И все равно нельзя же отстаивать без внимания. Тем более это крик неокрепшей детской души, еще не потерявшей веру в справедливость и логику...

Оськино сочинение так и заканчивалось: «Ну кто-то же должен отстаивать нашу справедливость!» И в заключение он так на-

жал клавишу, что восклицательные знаки побежали строчкой. Пришлось их стирать — все, кроме первых трех...

Ховрин хитрыми нажатиями кнопок передал в редакцию Оськин текст и опять расслабился в кресле.

— Честно скажу: мало шансов, что будет толк. Чиновники жаждали не столько, сколько хотелось бы. Однако... свою гранату мы все-таки бросили.

Анны Матвеевны в комнате уже не было. Но она, видимо, все слышала через дверь. Сказала из прихожей:

— Рыцари пера, вы кончили искоренять людское зло? Осенька, ты как относишься к горячему какао с пончиками?

Оська в этот день не обедал.

— О-о!! — отозвался он, словно опять пустил восклицательные знаки строкой.

Воскресным утром Оська сбегал на перекресток и купил свежий «Посейдон Ньюс» (пять экземпляров!). Оськина заметка напечатана была на предпоследней странице. Жирным шрифтом. С полной подписью: «Оскар Чалка, пятиклассник школы № 7». А ниже его текста была небольшая статья под названием «Опять виноваты ребята?». И с подписью: «А. Таранец».

В статье говорилось, что чиновному начальству и хозяевам фирм наплевать на всё, кроме прибылей, собственных машин-инномарок и теплых кресел. И на ребят им наплевать, и на законы об охране детских учреждений и площадок! И назывались всякие фамилии. А в конце этот Таранец прямо обещал, что рано или поздно носителям указанных фамилий придется держать ответ.

Мама назвала статью «зубодробительной» и посмотрела на Оську с тревогой.

— А ты не боишься, что тебя съедят?

— За что?!

— Не исключено, что некоторые детки названных начальников учатся в вашей школе.

Оська дернул головой (отгоняя темную полоску).

— Пусть учатся. Хоть детки, хоть сами эти...

— И как это ты додумался пойти в газету?

— Ну... додумался... — Не рассказывать же маме, как он познакомился с Ховриным.

Оська чувствовал себя если не героем, то... человеком, вовремя бросившим гранату.

«Посейдон Ньюс» читали в Городе все.

В прежние времена это была небольшая городская газетка — из тех, что называют «бульварными» и «желтыми». Рассказывала о всяких происшествиях, сообщала горожанам приморские сплетни и слухи, печатала гороскопы и старалась, чтобы побольше было густосоленой морской романтики, до которой так охочи туристы. Отсюда и название — «Новости Посейдона». Известно, что Посейдон — древний бог морей, океанов и всяких других водных пространств... Впрочем, и сейчас «жареной» корреспонденции на страницах было немало. Но года три назад начали появляться и такие материалы, от которых вдруг «запахло настоящим порохом» (так сказал однажды отец). Начали крепко чесаться крупные начальники. Стали подавать на газету в суд — за «клевету», за «оскорбление чести и достоинства». Газета обычно лихо отбивалась от обвинителей и потом печатала язвительные судебные отчеты. Она выросла в размерах, увеличила тираж, ее зауважали не меньше, чем знаменитый «Голос Республики». Видимо, в газету пришли работать «настоящие ребята». Возможно, бывшие воспитанники «Последней гранаты».

Некоторые читатели говорили теперь, что надо бы изменить прежнее игривое название. Но редакция справедливо полагала, что не имя красит газету, а газета — имя.

Оська был уверен, что его заметку и статью А. Таранца прочитали многие школьники. И не ошибся. Утром в понедельник на Оскара Чалку одни смотрели одобрительно, а другие как на придурка.

Сухой Боб с сожалением сказал:

— Бедняжка. Ты знаешь, кто ведает «Вегой»? Они купят тебя, твоего «Посейдона» и всех, кого хочешь. С потрохами.

— Во! — Оська показал ему дулю с острыми костяшками. И в этот миг подошел Эдик Тюрин. С розовым лицом и сжатыми губами.

И сказал Тюрин:

— Предатель.

— Я?!

— Ты!

Оказалось, что Эдькин отец тоже хотел получить гараж на той площадке. А теперь дело могли тормознуть.

Разговор был в классе, перед уроками. Кругом стояли и слушали.

— Но ты же не сказал мне про это!.. Да ты сам предатель, вот!

Надо было отца уговорить, чтоб не лез туда! А ты... ради вашего гаража — против всех ребят!

— Не против всех, а против таких вот психов! Была бы у вас машина, ты бы так не рассуждал!

— Так же в точности рассуждал бы!

— Ну, значит, совсем без мозгов. Что дороже? Детский писк на площадке или машина?

— По-моему, дороже... совесть, — совсем негромко сказал Оська. Неуверенно даже. Но что еще он мог сказать?

Кто-то хихикнул.

— Ну-у, ты у нас сознательный, — протянул Тюрин. — Были раньше такие хорошие мальчики, назывались пионеры. Ходили под барабан и бесплатно помогали старушкам. Очень примерные.

— Ага, — вздохнул Оська. — Одному даже памятник есть. Такой примерный был мальчик, что с гранатой на танк... Тоже был пионер...

— Слыхали, — вздохнул Эдик. — Были герои в легендарные времена... Ну, иди, иди, подрывай танки...

— Но поймей в виду, — вставил свое слово Сухой Боб, — что он не только танк подорвал, но и себя той же гранатой...

— Очень похожий на тебя недоумок, — подвел итог Тюрин.

Нет, они не подрались. Во-первых, звонок уже тарыхтел, а во-вторых... ведь с первого класса были не разлей вода...

Просто после уроков Оська принес домой Тюрину морской бинокль.

— Вот твой подарок. Возьми, пожалуйста, мне его не надо.

— Вот спасибо, хорошо, положите на комод... А вот твой конструктор. И книжка «Два капитана», ты в прошлом году подарил. Извини, я так и не прочитал, все не было времени. Я думаю, оба капитана это переживут.

— Переживут. До свиданья.

— Всего хорошего, господин журналист. Но в газету больше не пиши. В журналистов иногда стреляют из-за угла.

— Спасибо за совет, господин стрелок. Не промахнись...

После этого в классе Оська и Тюрин друг на друга не глядели.

3

Гаражи все-таки поставили. Через неделю. Оська позвонил Ховрину и пришел к нему домой (было опять воскресенье).

— Яков Сергеевич...

— Ховрин!

— Да...

— Ховрин, что теперь делать?

— Существовать дальше. И учиться переживать поражения. Их еще о-о-о сколько будет у тебя. Закаляйся... И заходи в гости. И Оська стал существовать дальше. И заходить к Ховрину. Иногда — в «Посейдон Ньюс».

В редакции было шумно и... редакционно, иначе не скажешь. Воздух пропитан был приморскими новостями, городскими скандалами, удивительными историями — всем, что называлось «свежая информация». Она, эта информация, сыпалась частыми строками с мониторов, летела листами с факсов, булькала и трещала в телефонных трубках.

И постоянная переключка:

— Любочка, где твоя рецензия на концерт этих авантюристов из группы «Гребной винт»?

— Сашко! Нужна твоя полемическая шпага, чинодралы из мэрии хотят устроить на Восточном бастионе павильон для дискотеки!

— Ховрин, свяжись с Рыбачьим портом! У стенки обледенел траулер «Хризантема», грозит оверкилем, а капитан не хочет вызывать спасателей, боится, что много придется платить!..

Оська присаживался в уголке большой комнаты, которая называлась «секретариат», никому не мешал, впитывал в себя газетную жизнь и ждал, когда освободится Ховрин. Чтобы по дороге из редакции обсудить всякие дела.

Но чаще Оська приходил к Ховрину домой. Если того не было, он сидел с Анной Матвеевной. Она снимала с головы наушники плеера и принималась расспрашивать Оську про его дела. Про жизнь.

Однажды Оська честно сказал, что жизнь унылая. От отца никаких веселых известий. С другом расстались. Учителя приходят на уроки злыми (конечно, не все, но многие). Будто школьники виноваты, что опять задержали зарплату! А тут еще погода совершенно сошла с ума! Идешь утром в школу, и хочешь сунуть голову за пазуху — день за днем эти ледяные западные ветры...

В самом деле, синоптики сообщали, что полвека не было на побережье такой зимы. Если бы просто холод и снег, то ладно. Однако штормы несли на сушу сырые вихри: брызги и морось. Город обрстал мутно-зеленым, как немые бутылки, льдом. Лизнешь его, а он соленый и горький... И настроение такое же, как этот лед.

Самое скверное, что ветры ни на час не стихали. Днем и ночью тонко звенели в доме стекла, хотя мама и Анка заклеили все щели.

Мама похудела — от всяких мыслей об отце и от этой вот безысходной стужи (так, по крайней мере, казалось Оське).

Вечером подойдешь к окну, а за ним — темень и свист. Небо вроде бы безоблачное, но звезды в нем тусклые, как старые канцелярские кнопки...

Анна Матвеевна слушала Оську и соглашалась. Да, есть от чего захандрить.

— Но есть, Осенька, и средство от такой унылости.

— Какое?

— Дневник... Да нет, не школьный с отметками, а личный. Со всякими записями. Хочешь, подарю тебе толстую тетрадку? Будешь записывать в нее все хорошее, что вспомнится. Мысли и впечатления. И события. Это очень помогает навести в душе порядок.

Оська подумал.

— Ладно... Спасибо.

Тетрадка оказалась в клеенчатой, зеленовато-голубой с волнистыми разводами корочке. Наверно, она была из старых времен, из молодых лет Анны Матвеевны. Так нравилось думать Оське. Впрочем, листы были обыкновенные, в клеточку.

Вечером Оська сел с тетрадкой у лампы.

— Уроки готовишь? — с удовольствием сказала мама.

— М-м, гм... — Это можно было понимать как угодно.

Для «прогоняния» унылости и согревания души надо было написать что-нибудь про лето. Но летом Оська был неразлучен с Эдиком. И всякая страница хранила бы печаль прерванной дружбы.

«Да нет у меня никакой печали!»

«Хоть самому себе-то не ври!»

«Я не вру!»

«Тогда пиши».

«Не хочется почему-то...»

Надо было бы рассказать в дневнике и про Норика. Про Ниолу-на-Цепях, про Сильвера. Но Оська боялся. Ведь пришлось бы писать, как лезли по Цепи. А вдруг мама или Анка найдут дневник и прочитают? Вот шум-то будет!.. Но это не главная причина. Главной было суеверное опасение. Оське чудилось, что если все это доверит он бумаге, то словно попросается с Но-

риком. И тогда они уж точно больше не встретятся. А пока надежда на встречу все-таки жила.

О чем же писать-то? И не стал Оська прятаться от печали.

Он горько и честно рассказал в дневнике про гаражи, про свою заметку в газете (даже вклеил ее в тетрадь) и про то, как все кончилось с Тюриным.

Ну а после записывал всякие отдельные случаи — что было, что видел, что вспомнилось. Не по порядку, а как придет в голову.

Однажды Анна Матвеевна спросила:

— Ну, Осенька, что с моей тетрадкой? Небось лежит чистенькая?

Оська похвастался, что записал уже двадцать две страницы.

Ховрин был здесь же. И сразу наострил уши.

— Что за страницы?

— Да так, пустяки всякие...

— Дай почитать! Я же во какой любопытный!.. Или там сердечные дела?

— Да ничего там сердечного!

Тогда Ховрин пристал: «покажи» да «покажи». Оська мялся и упирался.

— В тебе нет ни капельки благородства, Оскар Чалка! Это даже не порядочно! Я же тебе показывал свои черновики!

Это была правда. Ховрин давал ему почитать наброски повести про свои студенческие годы: как он с третькурсниками-историками был на раскопках древнегреческих развалин, как они там откопали гончарную мастерскую, как пели по вечерам под гитару, а звезды купались (просто бултыхались!) в темном море. И как он, Яша Ховрин, слегка влюбился в маленькую смуглую Свету Селенчук. А главное — как пришло ощущение, что он не просто Ховрин, а частичка громадной жизни. И что он связан со множеством людей. Даже с той семьей гончара, что жила в древнем городе две тысячи лет назад...

Оське понравилось. И он тогда сказал сердито:

— А почему вы это не дописали?

— Как-то все не мог собраться. А потом стало казаться, что чужь...

— Никакая не чужь. Наоборот!

— Может, ты и прав. Надо будет перечитать...

И сейчас Оська понял, что никуда не денешься, долги надо платить. На следующий день принес тетрадь и, сопя от неловкости, сунул Ховрину.

Ховрин внимательно прочитал все страницы (Оська вздыхал и томился). Ховрин мизинцем поскреб шрам на вмятой щеке.

— Кое-что можно было бы чуть поправить и напечатать...

— Что? — перепугался Оська.

— Да вот, хотя бы самое начало. Лирическая публицистика, если можно так выразиться. «Вот так и закончилась дружба...»

— Ой, я не хочу про это!

— Видишь ли... ты не хочешь, а многих людей эти строчки заставят вздохнуть и задуматься. Можно ведь убрать из текста имена и лишние узнаваемые детали. Главное тут — настроение. Это будет не частный случай, а, так сказать, обобщение...

Ховрин умел уговаривать.

Заметку (или как это еще называется?) напечатали через неделю. Начиналась она словами «Был у меня друг, настоящий...». А кончалась так: «Теперь уже ничего нельзя изменить. Тут даже бесполезно сравнивать, кто больше виноват. Просто мы оба оказались разные, только сначала про это не знали. Будто долго шли по одной дороге, и вдруг развилка...»

В классе Оську почему-то не поддразнивали, даже ничего не говорили. Только поглядывали с пониманием. А Тюрин... он даже и не поглядывал. Просто держался так, будто никакого Оскара Чалки нет и никогда не было на свете.

А потом поместили в «Посейдоне» еще одну Оськину заметку. Над заголовком было написано: «Странички из дневника». А название — «Мурка и горький лед». Конечно, Ховрин кое-что поправил, вычеркнул, расставил абзацы. Но в общем-то осталось все почти так, как в тетради.

«Наш город совсем заледенел, будто его злой волшебник перенес в другое пространство, в антарктическое какое-то. Всюду ледяная кора и сосульки-сталактиты. И обидно, что даже сосать их нельзя — сплошная соль и горечь.

На нашей улице есть старинный дом, у него в фундаменте углубления, будто пещерки. Там раньше были подвальные окошки, а потом их замуровали.

Однажды я иду мимо этого дома из школы, а у фундамента сидят на корточках три первоклассника: Павлик, Тарасик и Дима. Три друга. Сидят, спорят и что-то копают. Я подошел. Оказалось, что одну квадратную пещерку сплошь перекрыли сосуль-

ки — будто толстенной ледяной решеткой. А за этой решеткой мяукает кошка. Как она туда попала? Она уже еле слышно мяукала, словно была без сил.

Павлик, Тарасик и Дима старались выломать сосульки, но те были могучие. Я говорю:

— Что вы такие несообразительные! Надо палкой, как рычагом!

Они обрадовались, побежали, нашли обрезок железной трубы, разбомбили лед. Дима вытащил кошку. У нее на усах были застывшие капли и между пальцами ледышки. Дима поскорей засунул ее под куртку и сказал:

— Мурка, Мурка, сейчас пойдем ко мне домой, к бабушке.

Я спросил:

— А бабушка тебя не выгонит с бродячей кошкой?

Он даже обиделся:

— У меня бабушка не злодейка, а наоборот.

И они убежали.

Назавтра я повстречал их в школе.

— Дима, как там Мурка?

Дима сказал, что она ожила. Сегодня угнала от бабушки клубок шерсти и гоняла по всей квартире. Но бабушка не сердилась.

— А мы ей рыбок жареных принесли, — сказали Павлик и Тарасик.

Хорошие они люди, эти три друга. И бабушка у Димы хорошая. И Мурка тоже...»

И снова стояла подпись: «Оскар Чалка, пятиклассник».

В классе два балбеса — Гошка Плюх и Юзька Заноза — при виде Оськи запели известную дурацкую песенку: «Жила на свете кошка Мурочка, не зная никаких забот...» Оська спокойно прошел мимо.

Анка смотрела на Оську с нескрываемым уважением. Мама им гордилась, показывала газеты соседкам и на работе. Ховрин вскоре сказал:

— Завтра возьми свидетельство о рождении и приходи в редакцию. Получишь гонорар за свои труды.

— Гоно... что?

— Деньги, святая ты невинность...

— Разве за это платят? — удивился Оська.

— А как же! Это твоя работа.

— За прошлые разы не платили...

— Вот теперь за все и получишь.

Деньги оказались небольшие. Хватило на две бутылки фанты да на две шоколадки — маме и Анке. Но все же — первый в жизни заработок!

Когда Оська (вместе с Ховриным, конечно) пришел его получать, у окошечка кассы стояли несколько человек. Ховрин представил Оську главной редакторше: толстой, басовитой и черно-волосой даме:

— Оксана Дмитриевна, это и есть Оскар Чалка.

— Рада познакомиться, коллега. Пишите дальше.

Уже дома у Ховрина Оська спросил:

— А почему она сказала «коллега»? Я же у вас не работаю.

— Как это не работаешь? Одна заметка — случайность, две — тенденция, три — постоянное сотрудничество. Ты теперь наш нештатный корреспондент... Надо бы тебя окрестить соленой водой в честь бога морей и нашей газеты. Два литра за шиворот...

— Хорошо, что здесь нет соленой...

— Сгодится и пресная. Головой в раковину... Мама, воду сегодня не отключали? Вот и чудесно!

— Ай!..

Развеселившийся Ховрин ухватил Оську поперек туловища и хотел потащить на кухню.

— Спасите! Анна Матвеевна, он меня утопить хочет! Пусты, куда ты меня тащишь! Ой... Простите...

Ховрин бухнул его на диван.

— Не надо извиняться. Все друзья говорят мне «ты». Обращения на «вы» я требую только от чиновников.

И Оська стал говорить Ховрину «ты». Правда, сперва с не привычки еще «выкал» порой, но скоро привык.

Однажды Оська пришел и увидел, что на столе прислонен к компьютеру цветной фотоснимок: среди заснеженных деревьев стоят женщина в рыжей шубке и мальчик лет семи — в красной куртке и в большущей меховой ушанке.

— Это кто?

— Это... вот прислали вчера. Моя супруга и мой наследник, Александр Яковлевич.

— А... они где? — И Оська застеснялся.

— Предвижу невысказанные вопросы. Отвечаю сразу: нет,

развода не было. Просто она уехала к родителям в Федерацию, потому что там, говорит, безопаснее. Особенно для Шурки. Это произошло четыре года назад, после... одного случая. Когда мою физиономию, и без того малосимпатичную, лишили симметрии... — Ховрин опять привычно поскреб шрам на щеке.

— А что за случай?

— Как-нибудь потом, коллега...

— А... они где живут?

— В Лесногорске. Это почти рядом с большим городом Среднекамском. Слышал о таком?

— Слышал... — И чуть не сказал: «Какая же там безопасность?» Но прикусил язык. Пришлось бы рассказывать про Норика. А Оська не хотел. Все из-за того же суеверного опасения.

— А вы... видите иногда?

— Видимся. Иначе бы я совсем извелся... особенно без Шурки. Думал даже: не похитить ли пацана?

— Ну и похитил бы!

— Технически это дело нетрудное. Да нельзя такому мальчонке без мамы... Я по себе знаю. Семь лет было, когда родители развелись. Уж как я любил отца! Но когда встал вопрос — с кем жить? — в маму вцепился накрепко... Впрочем, у разных людей бывает по-разному...

«А если... у мамы и папы случится такое же? Нет, не надо!» — Оська торопливо нащупал под свитером шарик.

Ховрин взял снимок, хотел спрятать в стол. Дернул ящик раз, другой. Нет, заело. Ховрин рванул изо всех сил. Ящик выехал из стола почти целиком, Ховрин подхватил его, Оська тоже. На пол полетели всякие бумаги. А в ящике... Оська увидел там плоский вороненый пистолет.

Делать вид, что не заметил, было глупо.

— Ух ты...

Ховрин тут же прикрыл пистолет листами. Вдвинул ящик толчком.

— Дитя ненаглядное! Нигде, никогда, никому ты не скажешь, что видел здесь. Договорились?

— Конечно... Потому что он без разрешения, да?

— Что за чушь! Все разрешения, какие полагаются, у меня есть. Потребовал и получил, когда... в общем, опять же после этого. — И Ховрин снова тронул шрам. — Но мы договорились: про такие дела как-нибудь потом.

Перед Новым годом Анна Матвеевна и Ховрин сделали Оське подарки. Она — зеленовато-голубую, под цвет тетрадки, шариковую ручку. Он — синюю кепку-бейсболку с вышитой золотом надписью «Посейдон Ньюс».

— Фирменный заказ. Вручается только работникам редакции и самым приближенным к газете людям. Дождись весны и носи с гордостью, как адмиральскую фуражку.

Анна Матвеевна с удовольствием поправила бейсболку на Оськиных волосах.

— По Осеньке и шапка...

...А другой новогодний подарок, неожиданный и чудесный, сделала Оське и маме судьба. Прилетел домой отец!

Он вернулся не насовсем, а лишь на две недели, чтобы продвинуть какие-то дела и решить какие-то вопросы в пароходстве. Потом он должен был опять улететь в порт Росарио-де-Санта-Фе, где томился в аргентинском плену ни в чем не виноватый «Соловьевск». Судьба теплохода должна была решиться к весне, и тогда уж папа окончательно вернется домой. Но даже и эти две недели были сплошным праздником. С елкой, с гостями — папиными друзьями, с прогулками по городу, который наконец оттаял, потому что со Средиземного моря пришел теплый циклон. Ветер теперь пах лимонами, а на газонах проклевывалась зелень.

За столом папа своим баритоном пел любимые песни: «Море шумит», «В ненастный день у мыса Горн», «И все-таки море останется морем...».

Мама в эти дни расцвела, а то ведь была похожа на девочку из кино о блокадном Ленинграде.

Лишь последний день папиного отпуска был грустным. Но тут уж ничего не поделаешь.

В середине дня мама поехала провожать отца в аэропорт. Оську уговаривали остаться. Он уговорился довольно быстро, потому что не любил проводы — в них никакой радости, лишь томление и скрытые слезы.

— Лучше сходи к своему Ховрину, — посоветовала мама. — Ты за все каникулы не был у него ни разу.

Оська послушался и побежал.

Он позвонил. Услышал, как Ховрин сказал через всю квартиру:

— Толкайте, не заперто!

Вот новости! А еще пистолет держит в ящике...

В квартире было не прибрано. Куртка Ховрина упала с вешалки и лежала на полу. Оська повесил ее. Вошел к Ховрину. Были задернуты шторы. Ховрин сидел спиной к Оське у включенного компьютера. Не оглянулся.

Оська сразу сказал:

— Ховрин, что случилось?

Он не стал угрюмо молчать и томить Оську.

— Мама умерла.

Оська где стоял, там и сел на пол.

Так они сидели с минуту.

Оська встал, подошел, обнял Ховрина сзади, уткнулся подбородком в обтянутое свитером плечо.

— Когда?..

— Девятый день сегодня...

— Господи... И я ничего не знал.

— Я подумал: пускай будешь помнить ее живую. А похороны... успеешь еще в жизни наглядеться на это дело. К тому же праздник у тебя, отец приехал...

— Ну и что? Я бы... — И вдруг Оська почувствовал бесполезность слов.

Ховрин высвободил плечи, грудью лег на стол, обхватил затылок.

— Она сразу. От сердца... Я пришел, а она сидит, глаза закрыты, наушники на ней... Я окликнул раз, два и вдруг понял... Наушники снял, а в них еще музыка, Семнадцатая соната Бетховена, ее любимая... Теперь каждый день слушаю и думаю: на какой же ноте это случилось?

Оська переминался у него за спиной.

— А почему в «Посейдоне» объявления не было? Я каждый день газету видел, но там ничего... Обычно ведь печатают: «Выражаем соболезнование...»

— Я не стал давать. Зачем? Что это изменит...

«Небось чтобы я не увидел», — подумал Оська. Он шагнул назад, зацепил пяткой пустую бутылку, она укатилась к дивану, звякнула о другую.

— Ховрин... а ты на работу-то ходишь?

— Я отпуск взял.

— И теперь сидишь и пьешь? — Это у Оськи получилось без укора, с опаской.

— Иногда.

— Ничего себе «иногда»... Везде бутылки...

— А что прикажешь делать?

— Я не знаю...

Что бы он делал, если бы такое... с мамой... Оська перепуганно вцепился в шарик под свитером. Потом все-таки сказал:

— Все равно что-то надо... Может, работать?

— А я работаю.

— Как же работаешь, если пьешь? Так не бывает.

Ховрин выпрямился на стуле. Включил лампу, обернулся. На его вмятой щеке чернела тень. А от лица — водочный дух.

— Еще как бывает... Многие классики на том и держались.

— Ты пока еще не классик! — Оська решил, что Ховрин разозлится в ответ и на душе у него полегчает. Но Ховрин тихо сказал:

— Я работаю, Оська. Я тут один очерк почти закончил. Или даже маленькую повесть. Сейчас допечатаю и дам почитать. Подожди полчаса...

Оська собрал и унес на кухню бутылки. Там на спинке стула висела зеленая шерстяная кофточка Анны Матвеевны. Оська погладил ее, всхлипнул. Включил над раковиной тугую сердитую струю. Холодной водой (горячая не шла) яростно вымыл множество тарелок и чашек. Пропылесосил полы. Ховрин его не останавливал, шелкал на клавиатуре. Потом откинулся на спинку.

— Ну, вот и все... Если хочешь, читай. На опечатки не обращай внимания. А я пока вот так... — Он лег на диван. Навзничь.

Оська сел к монитору. Спиной он ощущал тоску и тяжелую усталость Ховрина. И все же взглянул на экран. Там был заголовок: «Солнце в дыму». А пониже заголовка строчки: «Перед расстрелом мальчик слушал ночных кузнечиков...»

Оська читал целый час. За окном стало темно. Ховрин тихо дышал на диване. Спал? Или ждал, что скажет Оська?

— Я кончил... — Оська со стулом отъехал от компьютера.

— Ну и что? Только не утешай, мне утешения сейчас — нож острый...

— Ховрин, честное слово, здорово.

— Я же сказал: не...

— Я не утешаю! Я честно говорю! Но не в этом дело...

— А в чем?

— Ховрин, ты откуда все это узнал?

— Прочитал в Морской библиотеке. Наткнулся на воспоминания одного офицера из армии противников, участника той войны. Его рассказ перевели у нас в начале двадцатого века, когда отмечали пятьдесят лет с окончания Первой осады... Ну, использовал этот материал, а немало и придумал. Потому и не знаю: очерк это или повесть...

— А что было дальше, знаешь? Ну, с Даниэлем, с Витькой?

— Откуда? Разве что поднапрячь мозги и тоже придумать?

— Придумывать не надо! Ты не слышал про бриг «Даниэль»?

— Про... какой бриг? — Ховрин медленно поднялся.

Оська сел рядом и начал рассказывать все. Про Норика, про Цепь, про Сильвера, про его истории о парусном судне «Мальчик».

— Только капитана Сильвер называл не Астахов, а Остапов. Так ему послышалось...

Они долго еще говорили о всех этих делах. Потом Ховрин сказал, что отвезет Оську на машине домой.

— Нет уж! Можешь на меня злиться, но лишняя беда тебе ни к чему. Остановит патруль, а от тебя... как из ресторана.

— Ну тогда хоть провожу до автобуса.

На остановке Ховрин еще раз напомнил:

— Значит, завтра в два, в редакции. И сразу едем к твоему Сильверу.

— Только больше не пей. А то как поведешь машину? — И смягчил суровые слова, щекой тронув рукав Ховрина.

Дома никого не оказалось. Ну, Анка на дежурстве. А мама?

Самолет отца улетал в шестнадцать десять. Если вылет задержится, мама попросается с отцом и после шестнадцати все равно поедет домой, так она обещала Оське. Ну, пусть не сразу, а где-то через полчаса сядет она на автобус. Ну, пусть еще всякие задержки. Но все равно в шесть-то часов вечера мама должна была оказаться дома! Тем более что знает Оськину слабость — как не любит он по вечерам быть в квартире один...

А сейчас часы показывали без четверти восемь.

Оська посидел у черного окна. Походил из угла в угол. Звенела тишина. Звенела тревога. Сильнее, сильнее, нестерпимее.

Ну, что же случилось?

Какой idiotский у них дом, ни у кого из соседей нет телефона!

Раньше можно было побежать к Эдьке, позвонить от него...

Хотя куда звонить? В аэропорт? Не находится ли там среди провожающих Маргарита Петровна Чалка, о которой тревожится сын Ося? Или в дорожную службу: нет ли в последние четыре часа несчастий с автобусами? Да кто станет отвечать мальчишке...

Неизвестность — это пытка, это проклятие! Это самое подлое изобретение дьявола, если он есть. А он, кажется, есть... Но ведь Бог тоже есть! Господи... Оська вспомнил, опять взялся за шарик.

Мама появилась в половине десятого.

— Заждался, Осик? Понимаешь, на дороге оползень. Пришлось всем пассажирам толпой идти два километра по раскисшей дороге до станции Ахчидол, на электричку. Да там еще ждали... Ты не ужинал? Сейчас я сделаю омлет, чай заварю...

Оська слушал с каменным лицом.

— Осик, да ты что? Ну, кто же виноват! — Она думала, он сердится. А он сдерживал слезы. Не просто слезы — рыдания...

Не сдержал. Выскочил в прихожую, сунулся лицом в одежду на вешалке.

Мама вышла, повернула его, прижала к себе.

— Ну хватит, хватит. Ведь ты уже большой...

— Ну и что... же... что... большой... Ховрин вот тоже... большой... а, думаешь, не плакал?

— Боже, а что с Ховриным?

Потом он, конечно, успокоился. Поужинал. Даже телевизор посмотрел. И наконец лег.

Мама помедлила, пришла к Оське, прилегла рядом. От нее пахло чуть-чуть духами, влажными волосами, порошком для мойки посуды... и вообще мамой.

«Господи, неужели и она тоже когда-нибудь?..» Но с небывалой силой Оська скрутил и отбросил эту мысль. Повозился и прошептал:

— Мама... она говорила мне «Осенька»...

— Маленький ты мой...

— То «большой», то «маленький», — вздохнул он.

— И то и другое... А что, Анна Матвеевна была очень старая? Или болела?

— Не такая уж старая. Старики до девяноста живут, а ей шестьдесят пять... У нее сердце... Ховрин говорил: «Она его на меня всё истратила, всю жизнь изводилась: «Как там мой Яшенька?»

А я разве думал про нее, когда лез везде очертя голову?..» Так он сказал.

— Я ведь тоже сегодня за тебя страдала. Понимала, что беспокоишься... А тут, как назло, две электрички проскочили на проход, не остановились, хотя обязанности были по расписанию... Несколько мужчин уже начали агитировать: чтобы третья не проскочила, давайте перекроем линию!

— Этого еще не хватало! А если бы тебя в тюрьму, как маму Норика?

— Чью маму?

Оська повздыхал, поворочался... и рассказал про «желтого мальчика», с которым познакомился в сентябре. И какое у того было тайное желание, и как они ходили к Николе-на-Цепях, чтобы мальчишка подержался за церковную ручку. Только *каким путем* ходили, Оська уточнять не стал. Чего лишнего раз терзать мамино сердце...

— А на другой день он не пришел, хотя мы очень крепко обещали друг другу... И не знаю, что с ним случилось.

— И тебя это до сих пор мучает, Осик?

— Ну... да. И грустно как-то...

— Но ты же можешь написать в свой «Посейдон» заметку. Рассказать про мальчика и попросить, чтобы он откликнулся.

— Ой... правда. Я спрошу Ховрина.

Забегая вперед, надо сказать, что Оська так и сделал. Через три дня сочинил вот что:

«В конце сентября в Приморском парке я познакомился с мальчиком в желтой юнмаринке. Мы участвовали в Гонке клипиров, это игра такая. И потом в тот день было у нас еще много приключений. Мы договорились встретиться на другой день, но в назначенном месте его не оказалось. Я ждал, ждал... Его зовут Норик. Если он меня помнит, пусть откликнется — пусть напишет мне по адресу газеты «Посейдон Ньюс».

Вместо подписи Оська поставил две буквы: О.Ч. Норик поймет, а посторонним это ни к чему.

Письмо напечатали в разделе «Бесплатные объявления». И Оська целую неделю жил надеждой. Однако Норик не откликнулся...

Но все это было потом. А в тот вечер, с мамой, Оська долго еще не спал. Рассказывал маме про сокровища Сильвера, про бриг «Даниэль», про очерк Ховрина «Солнце в дыму». Мама слушала внимательно и не говорила «пора спать».

А позади этой долгой беседы они с мамой прятали тревогу. Папин самолет еще не одолел и половины пути. А самолеты в наше время... То и дело слышишь про них всякие сообщения...

Но для большого беспокойства уже не было сил. Оська уснул с шариком в кулаке, и, как награда за горести и тревоги, опять пришел к нему «летающий сон». Как он мчится над зелеными волнами — сквозь пену, радуги и солнечные брызги. И все было бы совершенно радостно, если бы не мешала темневшая перед глазами полоса.

4

Оське и Ховрину повезло. Ведь Сильвера могло не оказаться в своей пещере. Но Оська постучал висячим замком о решетку, и почти сразу во тьме коридора замаячил желтый свет. Сильвер вышел с фонарем.

— Иван Сергеич, здрасте! Вы меня помните?

— Оська...

— А это... Яков Сергеевич. — Оська почему-то постеснялся представить Ховрина по фамилии. — Он из газеты «Посейдон Ньюс».

Нельзя сказать, что Сильвер обрадовался корреспонденту.

— Ну, Оська... привел гостя. Если про меня напишут, сюда попрут любопытные. А мне это зачем?

— Не напишу, если не позволите, — пообещал Ховрин. — Хотя про вас я и так знаю, без Оськи. Про ваш иконостас газета писала дважды...

— То про иконостас, а то... Ну, пошли. Я, Оська, нашего пацана, Даниэля, можно сказать, совсем привел в прежнее состояние.

Все так же горели дрова в камине. Будто они там никогда не гасли. Мало того, в зале с фигурами тоже горел очаг. Блики металась по стенам со спасательными кругами и тросами, по деревянным рыцарям и дамам.

Даниэль был выдвинут из угла, его с трех сторон подпирала

короткие жерди. Теперь деревянный мальчишка был наклонен вперед — наверно, так, как полагалось ему под бушпритом брига.

А правая рука... она будто выросла из обломка заново! Тонкие пальцы сжимали поднятый над плечом ключ.

Была рука светлее остального дерева, но это если приглядеться. А вообще-то весь Даниэль был коричнево-орехового цвета. И он... помолодел, если можно такое сказать про мальчишку. Будто вырезали его лишь недавно. Сильвер убрал с фигуры мелкую щепу, заделал круглые дырки от морских червей, зачистил неровности. Кроме того, он отшкурил всю фигуру и заново покрыл ее морилкой и лаком. Одежда, ноги и руки Даниэля блестя, как обхлестанные встречной волной.

А на лице лака не было. Матовое, смуглое, оно казалось живым. Даниэль неотрывно смотрел в морскую даль, но в то же время, кажется, прислушивался ко всему, что вокруг.

— Привет, — шевельнул губами Оська.

И, как в первый раз, губы Даниэля шевельнулись в ответ. Чуть-чуть. Оська заметил это. И странное чувство слияния — будто он это и есть Даниэль, а Даниэль это он, Оська, — вдруг согрело его трепетным тревожным теплом.

Откуда это? Почему?..

Даниэль смотрел вперед и загадочно молчал. Мол, сам разбейся, если хочешь.

...А Ховрин оглядывался и разинул рот, как мальчишка.

— Ховрин! Да ты не туда глядишь! Главное — вот! Даниэль! Мальчик с брига «Мальчик»!

— Я вижу, вижу! Я смотрю, только не сразу. Я подступаю осторожно... Даже не верится...

Сильвер вдруг толчком распрямился у очага (он в него подбрасывал дрова).

— Ховрин?

— Ну... да... — сказал тот. Оське показалось, что бесстрашный Ховрин слегка оробел.

Сильвер, тяжело хромая, пошел к Ховрину. И опять старик напомнил Оське обтянутой одеждой шкаф.

Сильвер взял узловатыми пальцами локти Ховрина.

— Значит, это ты? Твои были «Черные штольни»?

— Н-ну да... А что?

— Ты говоришь «что». Тебе за это руки целовать надо. Стольких ребятишек спас от гибели... Оська, ты что же сразу-то не сказал?

— Да он не знает, — вздохнул Ховрин. — Он тогда еще маленький был, газет, наверно, не читал...

— Сейчас-то я не маленький! — дерзко, почти капризно заявил Оська. — Почему я ничего не знаю? Вы говорите, а я... как деревяшка! — И тут же мысленно попросил прощения у Даниэля. «Дервяшка» Даниэль был живым и тоже хотел все знать.

Несколько лет назад в штольнях на краю Каменки погибли двое мальчишек. Отыскивали боеприпасы — ну и вот... Бывало такое и раньше. И после того, кстати, бывало. Но в тот раз стало известно, что мальчишки не баловались, не расковыривали находку просто так, а умело, со знанием технологии выплавляли из найденного фугаса тол. А в фугасе оказался донный взрыватель...

Зачем выплавляли, для кого? Ховрин начал «копать». Один. Потому что полиция «ужималась, как старая дева, услышавшая неприличный анекдот» и все объясняла обычной случайностью. Ховрин докопался, что пацаны работали по заданию взрослых. Забирались в заброшенные подземные склады и бункера через такие узкие проходы, в которых большие дядьки наверняка застряли бы. Да и рисковать эти «дядьки» не хотели. Зачем? Пацаны вытаскивали старые мины и снаряды, вытапливали из них — как были научены — взрывчатку и сдавали «готовую продукцию» заказчиком. И было мальчишек не меньше полусотни. Целая организация. Те, кто «заказывал музыку», сумели добиться, чтобы ребята держали языки за зубами, была там дисциплина. Надо сказать, платили эти гады мальчишкам немало.

Добытую взрывчатку тайная фирма «Черные штольни» продавала всем, кто требовал, лишь бы расплачивались «по прежнему».

— А спрос на всякую такую «начинку», сам знаешь, немалый, — сумрачно сказал Ховрин Оське. — И в то время, и нынче. Наживаются продавцы этого товара, как нефтяные короли в арабских странах...

Они — Ховрин, Оська и Сильвер — сидели на чурбаках у камина. Было жарко от огня, но Оська зябко потирал ладони.

— Ховрин, а как ты всех их разведал-то?

— Ну, про это написано. Если хочешь, дам потом старые газеты... Брали всю верхушку в тайном бункере, за Остряковкой. И не полиция брала, а сводный отряд морпехов Республики и Федерации — под тем соусом, что территория эта примыкает к военной базе федеральной бригады. Сперва даже крик поднялся

о вмешательстве во внутренние дела Республики, не все знали, что наши ребята тоже там не сидели без дела и что есть соглашение о совместной борьбе с преступностью... А когда этих гадов взяли живыми-тепленькими, пошла раскрутка. Оказалось, что у некоторых крупных чинов был в этих «Черных штольнях» свой немалый интерес... Ты говоришь «всех разведал». В том-то и беда, что не всех. Остались те, кто кинул гранату, когда я мирно и беззаботно катил по Приморскому шоссе из аэропорта. А главное — те, кто поручил кинуть... Хорошо, что почти все осколки мимо, только машину подырявило да вот... — Ховрин привычно скребнул шрам на впалой щеке.

— Ты великое дело совершил, Ховрин, — увесисто сказал Сильвер. — Тех двух мальчишек, конечно, не вернуть, но скольких ты избавил от такой же судьбы...

— Самое трудное было в том, что ребята все молчали, — вздохнул Ховрин. — Те гады сделали их заложниками. Заложниками друг друга, заложниками страха... Заложники — это вообще нынешняя примета жизни. Выдумка дьявола: делать так, чтобы невиноватый страдал за чужие грехи... И когда тех сволочей брали в бункере, они ведь тоже: двух пацанят заперли с собой и орут: «Взорвемся вместе с сопляками, если не уйдете!» Хорошо, что десантники сработали как надо...

— Ховрин, — сказал Оська, — это ведь не только в наши дни. Выдумка про заложников... Те, кого спас Даниэль, тоже были заложники. Ты же сам писал...

— Это верно. Дьявол и тогда не дремал.

Помолчали. Сильвер встал, перебрался к столу, начал воцариться с чайником. Оська оглянулся на него и шепотом спросил Ховрина:

— После этого дела тебе и дали... то, что лежит в ящике?

— После него...

— А ты носишь его с собой?

— Иногда.

Сильвер в тот раз немало порассказал о капитане Астахове (а не Остапове). О разных приключениях брига «Мальчик». О том, как бриг ускользал от всех погонь, выходил невредимым из самых страшных бурь и помогал спастись людям, которых преследовали враги и злая судьба.

— Я, конечно, понимаю, что многое здесь от легенд. Так ска-

зять, устное морское творчество. Но было, наверно, что-то и по правде, без того и сказки не сложились бы...

Оська оглядывался на Даниэля. Тот, конечно, знал, где быть, а где легенды. Но говорить не собирался. Пусть Ховрин решает сам, когда станет сочинять повесть о второй, о таинственной жизни Даниэля Дегара.

...А в каменной келье у камина стояли кроссовки Норика. Где он? Что с ним?

Договорились, что Ховрин и Оська еще не раз придут к Сильверу. Поговорить, послушать новые истории. Ховрин обещал показать Сильверу написанное. И сказал, что писать будет лишь о Даниэле и Астахове, а о морской коллекции Сильвера не обмолвится ни строчкой. Пока тот сам не захочет.

— А с чего бы мне этого хотеть? — проворчал Сильвер. — Чтобы сюда народ ломился с утра до вечера? Да чтобы тетушки из Морского музея канючили: «Подарите нам кого-нибудь из них...» — Он кивнул на деревянных девиц, Ланселота и стрелка.

Ховрин спросил: можно ли подняться в церковь?

Поднялись.

Пасмурный свет входил через окна-щели в бревенчатых стенах. Деревянное кружево иконостаса выступало из полумрака и как бы повисало в воздухе, словно сотканное из желтого свечения. Среди узоров темнели слабо различимые иконы.

Сильвер зажег несколько свечей.

Образ Николая Угодника был в отдельной раме — тоже из деревянных кружев. Свеча звездочкой отражалась в потускневшей позолоте оклада. Белобородый старик смотрел не улыбаясь, но без строгости. Просто устало. И будто жалел Оську, Ховрина и Сильвера. И говорил: «Не горюйте»...

Оська погладил под свитером шарик. Молиться Оську никогда не учили, и он просто подумал: «Пусть все будет хорошо, ладно?»

Потом Оська и Сильвер вышли на площадку, а Ховрин держался в церкви еще на минуту. Наверно, с мыслями о маме...

Над бухтой и хребтами лежала сизая мгла, но кое-где она раздвинулась, и видны были пухлые белые облака. И ветер был мягкий.

— Да, теплом запахло... — Сильвер погладил неприкрытую лысину. — Глядишь, и доживу еще до одной весны...

Конечно, он дожил. Все дожили. В начале апреля зацвел миндаль. В мае началось настоящее лето.

Ховрин напечатал в «Посейдоне» свое «Солнце в дыму», а затем пошла и вторая часть — «Бриг «Мальчик».

Оська тоже кое-что написал для газеты. Заметку про выставку детских рисунков в Морском музее и рассказик «Его зовут Энрике» — про аргентинского мальчишку, который подружился с моряками «Соловьевска», часто прибегал к ним на судно и однажды помог раздобыть лекарства, когда заболел радист Гоша Вертовский. Про этот случай рассказывал зимой отец.

На «Соловьевске», кстати, остались теперь только шестеро: капитан Чалка, второй штурман (которого назначили старпомом), радист, боцман и два матроса. Жилось им там голодно, приходилось подрабатывать на загородной ферме, но близилась торги, и отец сообщил, что «теперь уже скоро...».

В конце марта Оська начал торговать газетой. Не только ради заработка. Просто ему это нравилось. Мама сперва не хотела его пускать, пугалась. Ей казалось, что мальчишки-газетчики — это отвратительные хулиганы и беспризорники. Но Оська сказал:

— Это смотря какую газету продавать! Для «Посейдона» нужна ин-тел-ли-генция.

Мама засмеялась и махнула рукой. У нее теперь были новые заботы, медицинские.

Анка в конце зимы влюбилась. В портового радиста Шуру Гайчика. Расцвела, пополнела и реже грозила Оське «я скажу маме». А если грозила, Оська обещал:

— Вот наколдую, не будет у тебя счастья в личной жизни!.. Ну ладно, ладно, не буду колдовать. А то у тебя сразу нос набухает.

Даже в школу Оська ходил в бейсболке с надписью «Посейдон Ньюс». Чтобы завистники не сташили кепку в раздевалке, Оська брал ее на уроки с собой, прятал в рюкзаке.

— Газетчик, — иногда хмыкал Тюрин среди своих дружков. — С буквы «г» начинается...

Оська плевал на это.

А потом пришел тот день, когда охранник в коричневом камуфляже, стремительный бег по лестнице, незнакомые ребята, подземелье и...

— Норик...

— Оська...

V. ВАТЕР-ШТАГ

1

— Я тебя сразу узнал, хоть ты и не в юнмаринке, — сказал Норик. И уши его знакомо порозовели.

Оська и Норик сидели на верху полуразрушенной башни, между зубцами. Под башней был заросший скальный уступ. За уступом — небольшой откос, под которым тянулась тропинка. По ней на рынок и от рынка спешили разноцветные тетеньки. Но они были «в другом пространстве». А в этом — только двое: Норик и Оська.

Компания Мамлючи поняла: встретились два друга, которым надо побыть вместе. Их проводили на верх башни и оставили одних.

— Я тебя тоже узнал, — неловко сказал Оська, — хотя ты нынче не совсем желтенький, а с черным кругом...

Вот ведь ерунда какая! Казалось бы, столько всего надо сказать при встрече, столько спросить, а язык мелет всякие пустяки...

Они поболтали ногами, стучая пятками о желтые камни. Норик объяснил:

— Я просил, чтобы тетя Зоя сшила новую рубашку совсем желтую, как старая. Но она желтых флагов в магазине не нашла, только такие...

— Это сигнал «Индия», буква «И», — сказал Оська.

— Да?! — старательно обрадовался Норик. — Тогда хорошо! Потому что моя фамилия тоже на букву «И» — Илькин. Подходит... А штаны прошлогодние остались, от старой юнмаринки. Те, что старик зашил. Сильвер... Вот... — Норик пальцем провел по боковому шву.

— А ты... больше не заходил к Сильверу?

— Нет... — Норик искоса глянул на Оську и опять постучал о камень пятками. — Я же неделю назад сюда вернулся. А тогда... Ты, наверно, думаешь: почему не пришел? Да?

— Думаю, — вздохнул Оська и стал смотреть на свои сандалии.

— Я не мог... Я в тот вечер, когда мы разошлись, шел домой и попался этим... всяким «малосольным». Мелкие такие гады, но много, штук семь... Прижали к забору и давай трясти: «Деньги есть?» У меня была мелочь, помнишь, от автобуса осталась... И не жалко даже, но почему вдруг я им обязан отдавать?! Ну и начал отмахиваться...

Оська понял, что густо краснеет. Вспомнил, как поспешно сдался компании Мамлючи. Хорошо, что под загаром краснота почти неразличима...

— ...А они все навалились и давай карманы выворачивать, рубашку изодрали в клочья, надавали мне по всем местам, руку чуть не сломали. Я уж думал, совсем забьют, а тут эти ребята. Мамлюча и мальчишки! Как налетели на тех! Особенно Бориска. Ну, это который с бантиком...

«Вот так «артист»!» — подумал Оська.

— ...Налетели, и от тех только пух и перья!.. А потом меня домой проводили... Я сперва думал, что все нормально кончилось, а утром проснулся и встать не могу. Голова кружится... ну и всякое такое. У меня это бывает. Четыре дня лежал, а на пятый — телеграмма из Среднекамска: маму освободили. Меня сразу на самолет — и туда...

Оська обнял себя за плечи. Сказал, глядя перед собой:

— Ты не думай, что я забыл про главное. Я все время хотел спросить, но боялся... Значит, с мамой все в порядке? Исполнилось желание?.. Норик...

А он тоже смотрел перед собой. Пальцы втиснулись в камень.

— Сперва было в порядке. Освободили... Ну, не совсем, а до суда, с подпиской о невыезде. Но адвокаты говорили, что суда не будет, потому что... ну, подстроено же все, это каждому было понятно! Генералы хотели, чтобы больше никто не протестовал, вот и склеили дело. А оно стало рассыпаться... И мы совсем успокоились, а недавно маму вызвали... и опять в изолятор...

Норик чуть вздрогнул, и Оська понял: сейчас заплачет. И придвинулся, вжался своим плечом в плечо Норика. А что он еще мог?

— ...За мной отец приехал, чтобы увезти к себе в Краснохолмск. А я не хотел... Я сразу — к маминым друзьям, а они со мной в аэропорт. Как раз одна их знакомая летела сюда, мне оформили билет. Еле деньги наскребли... Понимаешь, здесь

лучше! По километрам дальше от мамы, а на самом деле ближе, чем если бы я в Краснохолмске был. Дядя Игорь и тетя Зоя почти каждый день звонят маминему адвокату, он говорит, что все будет хорошо. Он с другими адвокатами добивается, чтобы маму и ее подруг судил суд присяжных. А присяжные-то их точно оправдают, потому что в Среднекамске митинги в их защиту... Ведь никто же не хочет, чтобы солдат опять в мясорубку! В Саида-Харе кончилось, а в Йосской области началось опять...

— Это из-за нефти, да?

— Ну да. А еще из-за власти. Генералы власть делят, а мы все как заложники...

«Заложники!» — толкнулся в памяти давний разговор с Ховриным. Там, у Сильвера...

— Норик... а ты все-таки думал пойти к Сильверу?

— Я хотел сразу, как приехал. Но... я побоялся.

— Понимаю, — горько сказал Оська. — Ты подумал: как бы снова не было обмана, да? Тогда спустились по Цепи и желание сперва исполнилось, а потом опять беда...

— Да нет же! Обмана не было! Просто дело еще не кончено! А кончится хорошо... Потому что вот... — Норик выдернул из-под желтого ворота шарик на цепочке. — Я его беру в руку, и он сразу теплеет...

Уши Норика опять порозовели, но он смотрел Оське в лицо и глаз не отводил. И только сейчас Оська разглядел — глаза у него того же цвета, что янтарная смола шариков.

— Я другого боялся, Ось...

— Чего?

— Что приду и узнаю... тебя там больше не было, и где искать — непонятно...

— А я про тебя в газету писал. Вот в эту... — Оська шевельнул на коленях нераспроданные экземпляры. — Чтобы ты откликнулся... Ну, вроде объявления...

Норик помолчал и сказал виновато:

— Я не знал. В Среднекамск эта газета не ходит. А тетя Зоя и дядя Игорь не читают объявлений... Ось, я думал, что ребята помогут тебя найти! Они же здешние, весь город знают. Я уже собрался их попросить... Это хорошие люди. Они меня вон как тогда отстояли... И в этот раз, когда я приехал, они меня так встретили... ну, будто своего...

— Я понял, что хорошие; — неуверенно сказал Оська. И ощу-

тил укол ревности. И тут же обругал себя идиотом. Норик, видимо, ничего не почувствовал, весело объяснил:

— Мамлюча такая отчаянная! Ее все «малосольные» в Ботманской слободке боятся.

— Потому и прозвище такое? «Мамлюк» — это ведь что-то вроде разбойника.

— Нет! Это сокращенная «Мама Лючия». Потому что «Лючия» — имя, а «Мама»... Ну, она о всех в своей компании заботится так... по-матерински...

Оська сразу почувствовал: за оживленностью Норика — снова тревога за маму. Чтобы отвлечь его, он спросил первое, что пришло в голову:

— А те двое... они что мастерили из бутылок?

— Бориска и Вовчик? Ты не поверишь! Машину времени! В виде песочных часов... Они говорят, что открыли новый закон природы: из бутылки со знаком плюс в бутылку со знаком минус песок течет быстрее, чем обратно, хотя полагается одинаково. Они этой машиной хотят регулировать время, управлять им... А может быть, и проникать в другие пространства... Ну, конечно, им не очень верят, а они все равно... А Вертунчик вот что мне подарил... — Норик завозился, полез в кармашек рядом с крепким швом Сильвера, вытащил темный металлический кружок с петелькой, с выпуклой буквой N и венком из листьев.

— Медаль! Старинная!

— Ну да! Он ее здесь нашел, среди камней... Ось, может, это та, которую выбросил Даниэль?

— Значит, ты читал про Даниэля?!

— Да! Тетя Зоя из всех газет с зимы вырезки делает, сшивает в книжку... Я сразу понял, что это тот самый Даниэль, про которого Сильвер рассказывал! Который там, у него...

— Ты его теперь не узнаешь. Сильвер ему руку с ключом сделал. И вообще... как бы оживил его...

— Ось, сходим к Сильверу?

Это был не только о Сильвере вопрос. Это было: «Мы ведь больше не потеряем друг друга?»

— Конечно, сходим... Твои кроссовки до сих пор там у камина стоят. Я их принес с обрыва, и Сильвер не убирает. Он говорит: «Мне кажется, желтый все равно когда-нибудь придет. Потому что... — говорит, — у него сердце такое...»

— Какое?

— Ну, хорошее... говорит...

Норик опять поцарапал пятками сандалет камень.

— Вообще-то... сердце у меня как раз не очень. У меня порок...

Оська притих. Зябко стало.

В детском саду, в который когда-то ходил Оська, была девочка Галя Золотайко, и говорили: «У нее порок сердца». Тихая такая девочка, ребята знали, что ей бегать и прыгать нельзя. Все в догонялки или в мяч играют, а она в уголке с куклой... Потом ее увезли в больницу, а через месяц ребята узнали, что Гали больше нет... Оська тогда думал, что не «порок», а «порог». Такой порог, за которым сердце останавливается...

— И я, придурок ненормальный, потащил тебя на Цепь... — тихо сказал он. — Зря Сильвер не выдал мне линьков, болвану...

— Да при чем здесь ты!! Я же сам... А если бы мы не полезли, ничего бы и не было. И с Сильвером не познакомились бы... и вообще...

«Не подружились бы», — мысленно закончил Оська.

...Они говорили еще целый час. О том, как жили зимой, о Сильвере, о Даниэле, о Ховрине. Разглядывали медаль...

— Норик! А почему ребята зовут тебя «Чип»? — вспомнил Оська.

— Потому что я сам так сказал. Они даже еще и не знают, что я Норик. Иначе бы они точно откликнулись на твое объявление...

— Но почему — Чип?

— Меня многие так зовут. Это сокращенно от «Чиполлино». Потому что голова-луковица...

— Никакая не луковица, — проворчал Оська. — И «Норик» — лучше...

— Да они ведь не дразнятся! Это просто как имя. Как «Мамлюча», как «Вертунчик». Они даже наоборот... чуть ли не героем меня считают... За то, что отбивался тогда от «малосольных» так отчаянно... И еще я им про Цепь рассказал, они сразу поверили... Знали бы они, какой я герой на самом деле...

— А чего? — буркнул Оська. — Ты такой, как надо...

Они договорились встретиться завтра. После уроков, здесь же, на бастионе. И на всякий случай, чтобы не теряться больше, решили обменяться адресами. У Оськи была с собой шариковая

ручка-брелок. Он зашарил по карманам в поисках бумаги. Достал мятый листок.

— Нет, на нем нельзя... — Это было направление к окулисту, которое дал школьный врач Андрей Гаврилович.

Оська написал адреса Норика и свой на полях газеты «Посейдон Ньюс», оторвал полоску, спрятал. Все газеты отдал Норiku.

— Пускай ребята читают.

И они разбежались.

Оська прыгал вниз по ступеням, заталкивал на ходу в нагрудный карман медицинскую бумажку... Затолкал, замедлил шаги, задумался. А ведь завтра в школе могут спросить: был ли у глазного врача?

Конечно, можно соврать, что пришел, а приема там нет. Но как-то не хотелось примешивать вранье к радости от встречи с Нориком. Да и темная полоска — вот она, опять маячит перед глазами. Не очень беспокоит, но и... не радует.

И трудно разве заглянуть в поликлинику? Недалеко же...

2

В поликлинике было прохладно и пахло как в аптеке. Девушка в окошечке регистратуры глянула в Оськину бумажку.

— Иди с этим направлением прямо к доктору, к Фаине Аркадьевне, в десятый кабинет. На второй этаж.

Оська всегда готов был к худшему, думал: у кабинета очередь. Оказалось — никого. Стукнул в дверь, приоткрыл, сказал:

— Здрате...

Врачей было двое.

За столом — крупная дама с высокой бронзовой прической. Несомненно, Фаина Аркадьевна, потому что второй был мужчина. Сухонький седой старик. Он занимался необычным для врача делом: обвязывал шпагатом что-то квадратное, плоское, обернутое желтой бумагой. Наверно, портрет или картину.

— Фуражечку-тоними, — утомленно напомнила Фаина Аркадьевна. — В школе разве не учили?.. Что у тебя?

— Ой... — Оська сдернул бейсболку. — У меня вот...

Докторша глянула в мятый листок.

— Где ты его так изжевал... Оскар Чалка? Ладно, пошли. Андрей Гаврилович звонил про тебя. Почему сразу не явился?

— Я не знал, что надо сразу... — И подумал: «Вот счастье, что пришел. Как бы завтра оправдывался?»

Они вошли в полутемную комнату. И началось. Сперва расспросы, потом: «Посмотри на эту лампочку... Левым глазом... Правым... Ты не знаешь, где левый, где правый?.. Не жмурься... Не дергай головой!»

— Она сама дергается! Такая резь!

И правда, глаза резало от острого луча, бьющего прямо в зрачки. И слезы градом.

— Что за нежности! Не дошкольник... — Она встала, открыла дверь. — Владислав Евгеньевич! Не могли бы вы на прощанье дать небольшую консультацию?

— Если небольшую... Так сказать, прощание-завещание...

— Ой! Я не это имела в виду. Я... дело в том, что здесь какой-то непонятный случай. Такое впечатление, что этот... Чалка просто морочит всем голову...

— Ничего я не морочу, — сказал Оська ей в спину...

Фаина Аркадьевна вышла, стала говорить за дверью неразборчиво. Потом позвала:

— Иди сюда, загадка природы.

Старый Владислав Евгеньевич был ну в точности Айболит. Или доктор из фильма-сказки «Приключения желтого чемоданчика». Бородка клинышком, бодрый взгляд. Он сел посреди комнаты на стул, поставил Оську перед собой. Тот моргал и сердито вытирал слезы. Владислав Евгеньевич взял его за кисти рук.

— Итак, Оскар... Ты Ося, да?

— Да.

— Повтори, Ося, все вышесказанное. Темная полоска периодически возникает у тебя перед глазами. Так?

— Так... Она не всегда перед глазами. Я глаза отведу, а она остается там, где была... ну, как бы перед грудью. Я уже объяснял. Будто темный шнурок натянут от козырька до пупа... до пряжки. Вот так, — ребром ладони Оська провел от лба до пояса.

— Понятно... То есть не совсем, но... давай дальше. Подробнее.

— Иногда она двоится. Это если вдаль глядеть. А если прямо на нее, то одна...

— Сплошная полоса?

— Бывает, что сплошная. А бывает, что из отдельных пятнышек.

— Похоже на цепочку?

— Что?.. Да! Только ее очень нерезко видно...

— М-м... А скажи, Ося, можешь ты ее убрать усилием воли? Постарайся, чтобы она исчезла?

— Я... да. Если очень постараться. Напрягусь, и она тает... Но потом забудусь, и она опять. Будто... напоминание какое-то.

— Напоминание? О чем?

— Я не знаю... — Оська смутился. Это сравнение выскочило из него само собой. — Вообще-то она, полоска эта, почти не мешает. Только иногда приходится смотреть чуть-чуть сбоку...

Оська все больше тревожился: не уложили бы в больницу на обследование! Только с Нориком встретились — и на тебе!..

— Она правда почти не мешает!

— Подожди... Рассмотрим ситуацию с другой стороны. Когда ты вошел и... не сразу снял фуражечку, я заметил на ней надпись «Посейдон Ньюс». Ты имеешь отношение к этой газете?

— Да. Я ее продаю... И пишу в нее иногда...

— О! Я имею дело с корреспондентом!

— Ну... просто несколько моих заметок напечатали.

— Чу-дес-но... Я не ошибусь, если скажу, что тебе известны повести, напечатанные в этой газете. «Солнце в дыму» и «Бриг «Мальчик». А?

— Известны, конечно!

— Читаешь постоянно?

— Да я уже всё прочитал! В рукописи.

— Пользуясь редакционными связями?

— Ага... Ховрин, который это написал, он... мой хороший знакомый. — Сказать «мой друг» Оська не решился. Подумают, что хвастает. Тем более что Фаина Аркадьевна прислушивалась издали с подозрением.

— Так-так-так... Ося Чалка. Все это любопытно. А скажи, тебе нравится в этих сочинениях мальчик Даниэль?

— Нравится... Только при чем он тут? — Это получилось сердито и жалобно.

— Видишь ли... возможно, ни при чем, но... еще вопрос. Тебе не приходилось представлять себя на месте Даниэля?

— Мне?.. Не знаю. Ну, может, когда читал...

— Я говорю даже не про живого Даниэля, а про того, под бушпритом. Про деревянного мальчика, который выводил бриг из всех трудностей и опасностей?

— Я не знаю... Я не представлял себя им специально. Только

видел несколько раз во сне, как мчусь над волнами, сквозь пену. Рассекаю грудью гребни. А за мной паруса...

— Вот видишь!

— Ну... а что здесь такого? Дело даже не в том, что я читал, я тогда про эти повести еще и не знал. Ведь часто снится то, что видел по правде...

— А когда ты видел Даниэля по правде, голубчик?

Оська прикусил язык.

— Когда же, Ося? — опять сказал Владислав Евгеньевич. Очень ласково и очень настойчиво.

— Осенью... Только я не могу сказать где...

— О-о-о! И не надо! Ты мог его видеть только в коллекции одного замечательного человека по прозвищу... секрет, секрет. Пиратский... — Он глянул на Фаину Аркадьевну.

— Вы его знаете?

— С первого класса. Мы с ним тогда дрались из-за девочки Оли Кокошко, которая на обоих нас не обращала внимания... А во взрослые годы я лечил его глаза. Художнику необходимо хорошее зрение... Итак?

— Что?

— Значит, ты близко знаком... с главным героем?

Оська подумал и сказал:

— Это я придумал, что в руке у него ключ. То есть догадался... Я и один мой друг.

— Тогда еще вопрос... Хотя нет! Постараемся решить его визуально! Помоги!

Владислав Евгеньевич легко встал, шагнул к стене, взялся за упакованный в бумагу квадрат. Тот был Оське до плеча. Они с Оськой (который ничего не понимал) поставили эту штуку на сиденье стула, прислонили к спинке. Стул пошатнулся от тяжести. Доктор дернул узел шпагата, рывком раскидал упаковку...

Оську ударило ветром. Хлестким, холодным. Прямо с холста.

На картине был шторм. Серые и сизые клочья туч летели из деревянной резной рамы, как из выбитого окна. Летела и пена — с гребней зеленых вздыбленных волн. Главная волна посреди картины была как гора. С ее скользкого склона мчался на зрителя трехмачтовый корабль. Ну, не точно на зрителя, чуть в сторону, потому что виден был лишь один борт. А еще — вздыбленная корма, перехлестнутая гребнями палуба.

Парусов — почти черных от сумрака и влаги — было немно-

го. Один треугольник на носу, фор-марсель, нижний парус на грот-мачте да чуть заметная в брызгах и штормовом полусвете контр-бизань. Оно и понятно: в такую погоду лишние паруса — гибель.

На носовой палубе фрегата видна была фигурка моряка — наверно, капитана. В красном камзоле и ботфортах. Он стоял спиной к зрителю, почти грудью к ветру. Покачнулся, взмахнул руками и смотрел вверх: наверно, на фор-стеннге заело какую-то снасть. Шторм разметал волосы капитана, отнес в сторону шпагу на портуpee...

— ...Называется «С попутным штормом», — услышал Оська. — Она, дорогой мой, восемнадцать лет провела в этом кабинете. Вместе со мной. А сегодня мы покидаем это уютное помещение, потому что уходим на пенсию. То есть я ухожу. А картину забираю с собой, поскольку она моя, так сказать, приватная собственность. Не совсем удобно лишать коллег возможности видеть это полотно, они к нему тоже привыкли, но я без картины, увья, не смогу...

Оська понял, что доктор говорит это не для него, а для Фаины Аркадьевны. И тот уловил Оськино понимание.

— Впрочем, это присказка, а сказка вот о чем. Знаешь, как называется вон та деталь рангоута?

Оська знал. Наклонный ствол, опутанный снастями и устремленный вперед, назывался «бушприт». Вернее, было даже три названия, поскольку ствол состоял из трех частей. Сам бушприт и его два продолжения — утлэгарь и бом-утлэгарь.

Так Оська, слегка гордясь, и отпраповал доктору.

— Ты явно сын моряка. Я прав?.. Ах да! Капитан Чалка, который в Аргентине! Как я сразу не сообразил! Кстати, они вернулись?

— Пока нет... А при чем тут моя полоска?

— Смотри. Что под бушпритом?

— Фигура на форштевне. Только непонятно какая.

Коричневая фигурка была обозначена двумя-тремя мазками. К тому же виднелась она сквозь брызги и пену.

— Неважно, какая она. Главное — то, что перед ней. Вот... — доктор мизинцем чиркнул по полотну.

От конца (от нока!) бушприта к форштевню натянута была тугая цепь. С нее стекала вода.

— Это цепной ватер-штаг. Смотри, как он стоит. Прямо перед фигурой. У нее перед глазами. Будь фигура живой, она виде-

ла бы размытую полоску из пятнышек. А если ватер-штаг из троса — тогда сплошную...

Не по себе стало Оське. Жутковато. Словно дохнули на него *другие пространства*.

— Но я же... не деревянная фигура.

— Конечно, нет, голубчик. Конечно, нет... Но у тебя, видишь, богатое воображение. Ты невольно стал ощущать себя мальчиком Даниэлем, который мчится над волнами. Поэтому натянутый ватер-штаг всегда перед тобой. Неотъемлемая часть корабельной оснастки... Ты понял меня?

— Да... — шепотом сказал Оська.

Он понял не все.

«Ведь я же никогда не думал об этом... ватер-штаге. Даже не помнил, что он есть у кораблей... И полоска появилась, когда я еще не читал повестей Ховрина...»

«Но ты уже знал Даниэля».

«Ну и что?»

«Ты сам сказал: напоминание...»

«О чем?»

— ...Так что здесь проблемы не для окулиста, — услышал он опять доктора. — Скорее уж для невропатолога. Но это если полоска не исчезнет. А мне кажется, ты справишься с ней сам. Поменьше игры воображения, побольше игр на свежем воздухе... Хотя я понимаю: морская романтика отпускает свои жертвы неохотно. А ты ведь наверняка хочешь стать моряком. А?

— Не знаю... Наверно, морским журналистом. Чтобы плавать и писать обо всем...

— Тем более, тем более! Тем, кто пишет, воображение необходимо. Но надо держать его в узде!

«Но я же ничего не воображал! Оно само...»

— Ты меня понял, голубчик?

— Да... спасибо, Владислав Евгеньевич. Я пойду?

— До свидания. И помни, дорогой: побольше свежего воздуха, поменьше книжек о морских приключениях. По крайней мере, на ближайший месяц...

Он был очень хороший человек, этот старый доктор...

В коридоре Оську догнала Фаина Аркадьевна.

— Вот что... Ося. Если через неделю твоя полоска не исчезнет, зайди ко мне. Можно без записи. Я дам тебе направление к невропатологу. Возможно, потребуется консилиум.

— Ладно... — Оська знал, что не пойдет. — Фаина Аркадьевна...

— Что, голубчик? — сказала она тоном старого доктора.

— А та картина... Владислав Евгеньевич ее сам рисовал? — Оська знал, что бывают врачи-художники.

Она не удивилась вопросу.

— Нет, дорогой мой. Картину написал его младший брат. Он был преподавателем в художественном училище.

— Был? — вырвалось у Оськи.

— Да... Несколько лет назад он собрался в командировку, автобус в аэропорту захватили бандиты, взяли пассажиров в заложники. Петр Евгеньевич стал требовать, чтобы отпустили хотя бы детей, и один террорист застрелил его...

«Столько совпадений... — думал Оська, шагая к дому. — Ватер-штаг, заложники, Сильвер... Наверно, и раму для картины вырезал он. Надо будет спросить... Но при чем тут мое воображение? Владислав Евгеньевич ничего не понял про Даниэля. Или понял, но промолчал? Может быть, врачам запрещено говорить про то, что выходит за рамки науки?»

«А что выходит? Сам-то ты много понимаешь?»

Но тревоги уже не было. Ушла тревога, и вместо нее — радость ожидания неведомого, этаким праздником души. Оська опять ощутил себя на пороге таинственного «другого пространства», но теперь в тайне этой не было страха.

А главное — Норик! Норик, Норик...

Оська открыл дверь своим ключом. Бесшумно. Он любил открывать бесшумно, чтобы напугать Анаконду.

На этот раз получился вообще цирк! Оська шагнул в прихожую, когда Анка из ванной спешила в комнату. Был на ней тюрбан из полотенца, а больше... ну, ни лоскуточка.

— А-а-а! — Она грянулась о дверь и заголосила уже из комнаты: — Хулиган! Я скажу маме!

Оська перепугался. Но лишь на миг. Завопил в захлопнувшуюся дверь:

— Сама такая! Почему я хулиган?!

— Сколько раз говорила: не входи тайком!

— В колокол, что ли, бить?! Я же не знал, что ты гуляешь тут, как в бане!

— Бессовестный!..

— Я же еще и бессовестный!.. Да ладно, уймись ты. Подумаешь, не видал я, что ли, голых девиц...

— Что-о?! — Анка, закутанная в мамин халат, возникла на пороге. — Где это ты их видел?.. А-а! Ты после двенадцати смотришь *такие* передачи! Ну, я точно маме скажу!

— Бестолковое ты чудовище, Анаконда! Как я могу их смотреть, если телевизор на кухне, а вы с мамой сами там до ночи... Я их в другом месте видел. И даже хватался за них всячески и таскал с места на место.

— Я скажу ма... Где таскал?! Зачем?

— У Сильвера, в его музей. Русалку и Няяду передвигали, когда генеральную уборку делали.

— Тьфу на тебя! Они же деревянные!

— А ты хотела, чтоб какие?

— Балда! Это же скульптуры! На них надо смотреть как на произведения искусства...

— А я так и смотрю. А ты как думала? Я и на тебя так же смотрел, хотя ты, конечно, не няяда... Ай! — Это потому, что Анка ухватила его за локоть и дала крепкого шлепка.

— Господи, какое счастье, что Василий Юрьевич приезжает! Уж он-то за тебя возьмется...

Василий Юрьевич был отец.

— Когда приезжает?! Чудовище! Говори немедленно! А то...

— Через пять дней. Пришла радиограмма...

— Анечка! — Оська повис у нее на шее и чуть не уронил. — Я тебя люблю! Я тебя так люблю, больше, чем твой Гайчик!.. Ну ладно, ладно, не больше, а так же!

Он получил еще один шлепок и, радостно сопя, предложил:

— Хочешь, наколдую, чтобы он любил тебя крепче всех до старости? И чтобы скорее получил квартиру! И чтобы у вас было двенадцать детей — розовых, здоровых, как в рекламе о памперсах?.. Ну, хорошо, не двенадцать. Сколько скажешь, столько и наколдую. А ты мне за это сейчас выстирай юнмаринку. Хорошо? И погладь. А то она где-то с прошлого года перемазанная, мятая валяется.

— Сам ты мятый и перемазанный! Мы с тетей Ритой еще в марте генеральную стирку провернули. Возьми в большом шкафу, на средней полке...

— Анка, я тебя правда люблю, хотя ты и Чудовище!

Юнмаринка пахла... да, летним ветром, честное слово. Она стала чуть покороче, но по-прежнему была просторной. В неве-

сомой этой одежонке Оська ощутил новый приступ радости. Этакую крылатость.

— Аннэт! У тебя есть жетон для автомата?

— Еще и жетон ему...

И все же она принесла жетон.

— Держи, обормот... И еще вот это. Забыл про него, а потом будешь спрашивать.

— Ох... — Это был металлический барабанщик. Оська и правда забыл о нем. Осенью оставил в кармане юнмаринки — и с концом.

— Маленький ты мой, прости меня...

«Может, все зимние невзгоды от того, что я забросил этого ольчика? Конечно, есть шарик, но старых ольчиков забывать нельзя. Как старых друзей... А кроме того, он ведь *барабанщик*, как Даниэль».

Нет, солдатик не был похож на Даниэля. Прямой, с барабаном, с крошечным неразличимым лицом. И все-таки, все-таки...

Ноги барабанщика-малыша были теперь без подставки, чуть согнутые, исцарапанные кромками замочной скважины...

— Я тебя вылечу. А пока иди в карман, будем снова вместе...

С автомата у булочной Оська позвонил в редакцию.

— Ховрин! Привет!

— Я работаю.

— А я про работу и звоню! Послушай! Помнишь, ты писал, как Даниэль выбросил медаль? Это по правде было или ты придумал?

— Ну... так сказать, доля авторского воображения. А что? Разве плохая деталь?

— Замечательная! На том бастионе, у рынка, ребята в самом деле нашли такую медаль! Среди камней!

— Ух ты! Можно будет взглянуть?

— Можно!

— Любопытно... Хотя, конечно, это просто совпадение. Мало ли кто из солдат мог ее потерять...

— А может, твое воображение было правильным! Бывает, что сперва воображение, а потом правда!

— Оська, — вдруг сказал Ховрин. — Норик нашелся, да?

Ховрин давно все знал про исчезнувшего Оськиного друга. Но как он догадался сейчас?

- Ты будто сквозь стены видишь...
- Чего там видеть, если ты булькаешь от радости. Приводи его ко мне, познакомимся.
- Ховрин, в редакции есть книга «Свод сигналов»?
- М-м... не знаю. Посмотрю.
- Посмотри в ней, что значит двухбуквенный сигнал И Эн...
- Именно так? А не Эн И?
- Не-ет! Норик же был на Цепи сверху, надо мной!
- Но ты говорил, что он совсем желтенький, юнмаринка «Кэбек»...
- Это в прошлом году! А сейчас «Индия»!
- А вы что, и *сейчас* туда собираетесь? Опять? Голову откручу!
- Да не собираемся мы! Просто... ну, посмотри, ладно?
- А если сигнал... какой-нибудь неподходящий?
- Тогда... лучше скажи, что не нашел книгу.

И Оська поскакал к дому. Летучий, бело-синий, как сигнальный флаг буквы N. Уроков на завтра была куча! Каникулы на носу, а задают на всю катушку!.. Норика хорошо: у них в Федерации уже каникулы, он прилетел сюда шестиклассником, а несчастный Оскар Чалка все еще в пятом... Но даже эти мысли не испортили настроения.

Царапалось в глубине души другое. Он-то радуется, что Норик нашелся, а у того... Да, и у Норика радость, но за ней каждый миг тревога: «Мама...»

А что Оська мог сделать?

Оказалось, что мог...

3

Конечно, не одного Оськи была эта затея. Он там даже и не первую роль играл. Это Мамлюча достала катер. Вошла в сговор с каким-то дальним родственником, парнем лет двадцати. Тот, правда, сказал:

— Имейте в виду, в это дело я встречать не буду. К борту доставлю, а дальше вы сами. Там, где оружие, меня нет и нет...

А без оружия было не обойтись.

Оказалось, что Мамлюча и мальчишки в здешних подземельях откопали немало «всякого такого». Очистили, привели в по-

рядок. Был даже пулемет с дырчатым кожухом на стволе и похожим на патефонный диск магазином.

И патронов хватало. Причем они были не тусклые, не зеленые от старости, а новенькие. Как золоченые орехи. Оська при свете фонаря пересыпал их, ронял, и они падали ему на колени, как холодные гири...

Снарядили магазины. Мамлюча сунула в карман драных джинсов черные лимонки.

Оська выбрал себе немецкий автомат с длинным прямым рожком и пистолетной ручкой. Не тяжелый...

Трудных задач было много. Самая первая — проскочить на выходе из бухты боны заграждения. Надо было идти впритирку за каким-нибудь большим судном, тогда не заметят. Или примут за лоцманский катер...

Так и сделали. Оська плохо помнил, как выходили из бухты. За каким-то черным сухогрузом. Все сошло гладко. И вот они уже на внешнем рейде.

Ночь была темная и звездная. Моторы рокотали глухо, и даже здесь было слышно, как на берегу трещат ночные кузнечики. «Или звезды?» — подумал Оська. По горизонту мигали маяки и огни на плавучих буйках. С веста шла пологая зыбь, катер то подымал нос, то плавно уходил им вниз. Оську стало слегка укачивать. Начало казаться даже, что это сон. Будто катер — не катер, а парусник и у него под бушпритом фигура: летящий над волнами Даниэль с ключом... Или это был уже сам Оська?

Он тряхнул головой. Он был не под бушпритом, а на палубе катера, с автоматом под локтем. Встречная волна пошла сильнее, стали залетать брызги. Рядом в темноте дышали мальчишки. Чумазый Гошенька, «артист» Бориска, его растрепанный белобрый друг Вовчик. И увешанный ольчиками рыжий Вертунчик. И еще несколько ребят, Оська их не знал.

А Норика не взяли. Даже ничего ему не сказали. Потому что если сорвется — как он это вынесет? С его-то «порогом сердца»...

Мамлюча была в рубке, рядом с хозяином катера (кажется, его звали Максимом). Следила за курсом по шлюпочному компасу. Катер был просторный — человек двадцать могло поместиться. Корпус из гладкого пластика, обводы как у гоночного судна, моторы — два могучих «Беркута». От такого не уйдет самый современный теплоход, не то что эта посуда «Согласие».

Было рассчитано, что курсы катера и «Согласия» пересекутся в открытом море, через час быстрого хода.

Так и случилось. Стало вырастать на горизонте светлое пятнышко, потом разбилось на отдельные огни — белые и разноцветные.

И вот уже катер идет параллельно грузному теплоходу. Не совсем параллельно, все ближе и ближе к правому борту с ярким зеленым огнем. Мамлюча оказалась рядом с Оськой. Какая-то странная, незнакомая, бледная в зеленом свете нависшего фонаря. Подняла мегафон, постаралась говорить хрипло:

— На «Согласии»! Лоцманская служба Городского водного района! Сбавьте ход до самого малого, будем швартоваться! Имею важное сообщение!

— Почему не по телефону?! — донесся зычный радиоголос.

— Секретно! Лично для капитана! Чрезвычайная ситуация!

«Согласие» стало замедлять ход. Катер шел уже совсем у борта. Его мотало в бурунах, бегущих вдоль судна от форштевня.

— Спрячьте оружие, — велела Мамлюча.

Оська сунул автомат под юнмариночную распашонку. Холодный металл как бы приклеился к телу.

Сверху засветил белый фонарь, сбросили кранцы и два трапа.

Швартовка на ходу — дело непростое, но как-то справились с этим. Кто и как, Оська не разобрал. Он увидел перед собой некрашенные круглые перекладки штормового трапа. Вцепился. Его тут же ударило о железную обшивку. Она воняла ржавчиной и гнилью, как затонувшая на корабельном кладбище наливная баржа... Вверх, вверх! Не терять ни мига! Об этом договорились еще на бастионе!

— Что за детский сад! Вы куда?! — И ругань. Это экипаж «Согласия».

— Молчать! Руки за головы! — Очередь в воздух. — Никому не двигаться! Где капитан?!

И вот они в рубке. Желтый свет. Белесые листы карт, белые круги часов и репитеров. Капитан — похожий на того, что в парке командовал Гонкой клиперов. Бакенбарды, голубая форма...

— В чем дело? Я протестую! Я...

— Тихо! Застопорить машины! Отключить связь! Нам известно, что вы везете политических заключенных! Список этих лиц — сюда! Заключенных — на палубу!

Капитан потянулся к судовому телефону. Оська от пояса дал

по аппарату очередь. Автомат резко рвануло назад, от кобухи телефона полетели ключья.

— Сказано: отключить связь! Руки!..

Капитан вскинул руки — из голубых рукавов вылезли белые манжеты.

— Но как я отдам команду в машину?

— Пошлите матроса!

— Я протестую!

Новая очередь. Не Оськина, чья-то еще. По штурманскому пульту.

— Стоп машина! Арестованных женщин — вверх!

...И вот они стоят у борта — с неразличимыми лицами, в серых робах с номерами.

— Спускайтесь, пожалуйста, в катер!.. Максим, помоги им!..

— Уходим, ребята!.. Капитан, у вас пять минут, чтобы спустить плот или шлюпку и покинуть борт! На шестой минуте ваша пиратская посудина пойдет ко дну! — Прыгая в катер, Мамлюча звонко прилепила к обшивке магнитную мину. — Максим, полный вперед!

От включенной скорости Оську рвануло назад, он еле устоял. В сандалиях было скользко: в них по ногам текли от колен теплые струйки. Оба колена он рассадил о железные клепки обшивки. Боль такая... Но наплевать! Главное — победа!

— Здесь есть мама Норика Илькина?

— Да! Да! Это я! Что с Нориком?!

...А с Нориком было все в порядке.

Стремительно встало солнце. Никто не оглянулся на ухнувший за спиной взрыв. Бил навстречу голубой свет, била пена. Катер шел вдоль пустынного берега к заброшенному пирсу. А Норик бежал у самой воды и кричал:

— Мама! Мама! Ма-а-ма-а!

VI. ВРЕМЯ РАЗДАВАТЬ СОЛДАТИКОВ

1

— Ма-а-ма-а! — Это за окном.

Было утро, было солнце, и пятилетний Оськин сосед Руслан вопил на дворе. Сто́ит матери выйти из дома, как он сразу начинает голосить с подоконника.

И не было катера, не было автомата, ребят, освобожденных пленниц. Лишь колени болели еще по-настоящему. Оська поглядывал на них, откинув простыню. Никакой крови и свежих ссадин.

А ведь все было точно как по правде! Все запахи, все звуки! Холод стального автомата, страх в глазах подлого капитана! И бегущий вдоль прибо́ра Норик...

— Ма-а-ма-а!..

Не встретит нынче Норик маму. Одно остается: смотреть ночью в бинокль на огни теплохода «Согласие», который пройдет в нескольких милях от берега...

Но и бинокля еще нет, нужно его раздобыть.

Хорошо, что уже каникулы. Не надо рваться между школой и по-настоящему важными делами.

Первое дело — к Ховрину. Он сегодня работает дома.

Мама с папой еще спят. Ночью не могут наговориться, а утром не добудишься. Пусть спят, пока отпуск.

— Оська! Ты куда? А завтрак? — Это бдительная Анаконда услышала на кухне, как он в прихожей застегивает сандалии.

— Я у Ховрина поем! Мне надо к нему срочно!

Ховрин встретил его с намыленным лицом и бритвой в руке.

— Птичка ранняя не знает ни заботы, ни труда...

— Ага, «не знает»! Куча забот!

— Ну?

— Ты можешь дать до завтра твой бинокль?

— Если меня очень-очень попросят. И поклянутся больше не приставать сегодня и не мешать работать.

— Поклянутся! — Оська вскочил на стул, бинокль висел высоко на стойке стеллажа. Оська снял его, вынул его из чехла направил на распахнутое окно. Глянул со стула, как с капитанского мостика. Крутнулся. Юнмаринка разошлась на груди и животе.

— Ты где это пузо расцарапал? Будто тебя кошки драли!

— А! Это вчера, когда купались. Там один салажонок лет семи застрял между подводных плит. Нырнул, балда, под них, в проход... у них игра такая: проплывают там, как Ихтиандр... Нырнул и засел. Минута протянулась, его друзья видят: его нету — и в ре́в. Пришлось нырять, а там края у плиты как акульи зубы... — Оська поведал это со скромной гордостью.

— Постой! Малыш застрял, а ты нырнул и вытащил?

— Ага! У меня такое свойство теперь обнаружилось: я могу через любую узкость проникнуть. Как бриг «Мальчик» между Караимскими скалами.

— Я тебе оч-чень не советую соваться в подводные узкости. И в любые...

— Оставлять, что ли, было там этого малька?

— Я не про данный случай, а вообще...

— А я про данный. Потом мы с Мамлочей и Нориком всю мелкоту оттуда прогнали. Мамлоча пообещала им ноги выдержать, если еще вздумают нырять под плиты...

— Хотя один умный человек есть в вашей компании, это Мамлоча.

— Там все умные! Вовчик и Бориска машину времени делают! Называется «хронокачалка». Потому что я им про ось-качалку рассказал, и они хотят песочные часы установить на такой оси. Эти часы — главная часть машины. Будут колебания оси, значит, будут колебания временного потока... Так они говорят... И тогда может открыться щель в другое пространство.

Ховрин сказал, что ближайшее такое пространство в районе поселка Рыбачий Сад, там детская психиатрическая больница.

Оська надулся. Наполовину всерьез.

— Ладно, не разбухай... Как по-твоему, что такое «ИО»?

— Исполняющий обязанности?

— Сам ты... Я говорю про двухфлажный сигнал. Ты же просил узнать!

— Я просил про И Эн!

— Ах, ах, ах! Какое негодование... Не думай, что я глупее тебя. Смотри...

Ховрин выволок со стеллажа могучую книгу с кожаным ко-

решком. На темном переплете были оттиснуты двуглавый орел, мачта с флажками, штурвал, якорь и рамка из каната. И слова: «Международный сводь сигналовъ». Ховрин плюхнул книгу на диван. Безошибочно открыл страницу с пестрыми флажками.

— Это что, по-твоему?

Рядом с бело-синим «шахматным» флагом, похожим на Оськину юнмаринку, стояла буква «О».

— Вот так-то, голубчик! Можешь радоваться соответствию флага своему почтенному имени. Причем полному соответствию. Ведь флаг буквы «О» так и называется — «Оскар». Правда, ударение на первом слоге, а последнюю букву обычно проглатывают, но не будем придирааться к мелочам.

Это было здорово! Но... непонятно. Оська пробежал глазами таблицу. Многие флаги были не с теми буквами, что он знал. Хотя желтый с черным кругом — как и полагается, «И».

Оська глянул на титульный лист.

— У-у! Да этому своду сто лет!

— Новый я не нашел, эти книги только на судах... Да зачем тебе новый? Я думал, для тебя важнее время, когда бегал по морям бриг «Даниэль».

«А может, правда?»

— А что сигнал-то означает? Который ИО!

— Ты не поверишь! Смотри сам, найди двадцать первую страницу, раздел «Соединенно»...

Оська нашел. Прочитал: «ИО. Будем держаться соединенно для взаимной поддержки (или помощи)».

— Ну что? Разве не для тебя с Нориком сигнал?

— Ховрин... Ты специально так подыскал?

— Что специально? Флаги выбирал для ваших юнмаринок? Или эту книгу печатал в давние времена?.. По-моему, это судьба.

«По-моему, тоже...»

Оське очень захотелось оказаться рядом с Нориком. Чтобы они, как флаги, соединились в один сигнал!.. Но вспомнил: сегодня Норика едва ли что-нибудь обрадует...

— Ладно, я пойду...

— Гуляй... Кстати, зачем тебе бинокль-то?

— Не мне, а Норик... — Оська погрустнел еще больше. — Он хочет ночью смотреть с балкона в море. Там около полуночи будет идти теплоход «Согласие». А на нем — его мама...

— Что за чушь ты несешь!

— Никакая не чушь! Ее и других женщин, которых решили

судить, переправляют в Цемесск. Это дядя Норика, Игорь Данилович, разузнал. Потому что в Среднекамске дело рассыпалось, а власти там хотят, чтобы этих женщин все равно засудили! Что-бы для других была наука: не протестуйте больше, не мешайте отправлять солдат, куда генералы приказали! Потому что в Саида-Харе стрельба вроде бы поутихла, а в Хатта-даге и на границах Йосской области новые заварухи. Им, генералам-то, как без того? Не воюешь — не живешь... — Это Оська повторил слова Норика. Но от души.

— Подожди ты с генералами... Почему именно Цемесск? Где он и где Среднекамск! Бред какой-то...

— Потому что тот спецназовец, которому покарябали рожу, оказывается, из Цемесска. Был в Среднекамске на какой-то... этой... стажировке. Учился, как лучше с тетеньками сражаться. И теперь какие-то прокурорские начальники потребовали: пусть дело передадут в цемесский военный суд. А он уж всем подсудимым выдаст на полную катушку, не то что присяжные заседатели в Среднекамске...

— Откуда это стало известно?

— Я же говорю, от дяди Игоря. Он сумел это разузнать. Говорит, по каким-то «каналам».

— Ну а почему их морем, а не сушей везут?

— Не хотят рисковать. Поезда у Хатта-дага все время атакуют террористы, а другой линии на Цемесск нет.

— А из какого порта пойдет «Согласие»?

— Их привезут в Карск. Там федеральная военная база, у нее своя ветка. А в Карске посадят на теплоход.

— Ловко... Это тоже дядя Игорь узнал?

— Да. Норик говорит, что у него какие-то связи... Он даже узнал, что «Согласие» выходит из Карска сегодня в шестнадцать часов. Значит, мимо нас пойдет ночью...

— Ну и что Норик увидит в бинокль? — горько сказал Ховрин.

— Не знаю. Может, хоть огоньки. И будет знать, что мама там где-то...

— До чего же сволочной мир, — сказал Ховрин. Сел к столу, положил на него сжатые кулаки.

Оська обошел его, заглянул в лицо. Оно было твердым и... таким, когда Ховрин обдумывал какую-нибудь жгучую газетную тему.

— Ховрин... что-то можно сделать?

Лицо обмякло.

— Что? Разве только вместе с Нориком поглядеть в бинокль. И помахать руками...

Обмяк и Оська. Оглянулся на морскую карту — она висела на стенлаже, закрывая книги.

— Ховрин, а за сколько миль от берега пойдет «Согласие»?

— Это нетрудно узнать. Вот он, рекомендованный курс... — Половинкой штурманской линейки Ховрин ткнул в карту. Там тянулся мимо Полуострова четкий прямой пунктир. — Его придерживаются все суда, идущие с запада на Цемесск. По крайней мере, иностранные.

— А это что за красная линия?

— Граница территориальных вод Южной республики. Точнее, граница двенадцатимильной зоны.

— Ховрин... Значит, «Согласие» пойдет через наши воды?

— Ну... да... Ну и что? На это есть специальное соглашение.

— Ховрин... А разве гражданские суда имеют право возить заключенных через чужие воды? Папа рассказывал, что одного чилийского капитана за это уперли в тюрьму...

— Мало ли что бывает в Южной Америке! Капитана «Согласия» в тюрьму не уперут. У него наверняка есть специальное разрешение.

— Кто ему даст? Наши морские власти? Они с федеральными грызутся, как... ну, в «Посейдоне» же не раз писали про это!.. Да нету у него разрешения! Их тайно везут! Дядя Игорь это тоже узнал!

— Он кто, твой дядя Игорь? Агент Ноль-ноль-семь? Полковник Абель? Штирлиц?

— Он не мой, а Норика... И никакой он не агент, а инвалид, на коляске, просто у него всюду много знакомых, — тихо сказал Оська. У него стали подло намочать глаза.

Ховрин так же тихо спросил:

— Ты что предлагаешь? Арендовать нам с тобой у какого-нибудь старика ялик и высадить на «Согласие» десант?

Оська такого не предлагал. Но недавний сон придвинулся вплотную. Будто встречный ветер опять обтянул юнмаринку. И озноб от шеи до пяток... Не зря же этот сон! Он будто напоминание. Как... полоска ватер-штага перед глазами

Но ведь не скажешь это Ховрину! Опять вспомнит больницу в Рыбачьем Саду.

— А если сообщить пограничникам?

— Боюсь, что не для них такое дело...

— Но, может, есть кто-то, для кого это дело? Ховрин...

— Боюсь, что ни для кого, кроме нас с тобой и Норика. Уж властям-то на эти проблемы точно наплевать.

— Но мы же поддерживаем Йосскую область! А эти женщины — они тоже против войны в ней...

— Политик ты, как из меня балерина.

— Значит, совсем ничего нельзя сделать?

Ховрин пожал плечами. Оська угрюмо сказал:

— Ты бы... не пожимал плечами... если бы...

— Если бы что?

Будто прыгая с обрыва, Оська выдал ему:

— Если бы там была твоя мама... — И начал стучать по ноге биноклем, который держал на ремешке. И безнадежно смотреть в окно. И ждать, когда Ховрин скажет: «Пошел вон! И больше тут не появляйся!»

Ховрин дотянулся, мизинцем уцепил Оську за резинчатый пояс на шортиках. Подтянул к себе, поставил между колен. Глянул в глаза.

— Моей мамы нет... ни там, ни вообще. Это во-первых. Во-вторых, мама всегда говорила, чтобы я не совался в безнадежные авантюры. И сейчас она сказала бы то же самое.

— Сперва сказала бы, да. А потом...

— Что?

— Потом сказала бы: «Ховрин, по крайней мере, не забудь пистолет...»

— Балда! — Он отцепил палец. Резинка хлопнула Оську по животу. Оська подскочил.

— Ховрин! Ты что-то придумал?!

— Я придумал, что сейчас ты уберешься с глаз и не появишься у меня до завтра!

— А ты?

— А я... черт с тобой, я позвоню кое-куда, проконсультируюсь... и вообще. Да ты чего сияешь-то? Все равно шансов никаких... Ты пойми: если даже на судне обнаружат арестованных, если доставят на берег, потом их все равно выдадут властям Федерации.

— А как же политическое убежище?

— О-о-о! Дипломат! Министр иностранных дел!.. Брысь! А то сам будешь искать убежище!

— До завтра!..

Оська выскочил в прихожую. Сердце радостно колотилось. Ховрин, когда начинал какую-то «раскрутку», обязательно говорил: «Никаких шансов». А сам уже — как взведенная пружина...

Оська нащупал босыми ступнями снятые у порога сандаletы... и оглянулся на приоткрытую дверь комнаты. Отодвинул сандалетку пальцем. Притих. Всё притихло — снаружи и внутри.

У двери была прибита вешалка. На ней, кроме куртки и плаща, висела с зимы потерянная шубка Анны Матвеевны.

Раньше было бы немислимо то, что Оська сделал сейчас. Он хлопнул входной дверью, вернулся к вешалке... Ховрин узнает — не простит. Но... отчаянное желание знать, что будет дальше, словно сдвинуло Оську в другое пространство — где всё как сон. Продолжение того сна. Оська просто не мог уйти. Он тогда... словно предал бы Норика.

Абсолютно бесшумно, гибко, стремительно Оська скользнул за шубку. Присел за ней на высокой полке для обуви. Вдохнул запах саржевой подкладки и меха. Вдохнул обморочную тревогу...

В комнате Ховрина сперва было тихо. Потом — шелк — он снял трубку. Аппарат был старый, с диском, диск зажужжал.

— Пункт досмотра? Зинченко на вахте?.. Юра, ты очень занят? Отпросись на десять минут, выйди на улицу, позвони с автомата...

Потом Ховрин минут пять ходил по комнате — в такт ударам Оськиного сердца. Резко затарахтел звонок.

— Да, я... Юра, ты слышал о теплоходе «Согласие»? Ну да, тот, что переделали из траулера... Контейнеры возит? Ну, контейнеры само собой, но, говорят, не только... — И Ховрин вдруг заговорил по-английски.

Оська учил английский со второго класса. И неплохо учил. Но сейчас разбирал лишь отдельные слова. Смысла уловить не мог совершенно. Пока Ховрин вдруг снова не высказался на привычном родном языке. Так высказался, что у Оськи будто кипятком обдало уши.

— ...Туда их и еще раз!.. Ну а может быть, это даже лучше? Меньше начальства, меньше запретов. Имеете же вы право на инициативу!.. А если... Да знаю, знаю! У тебя погоны, у меня голова... Вспомни, что говорил в «Последней гранате» наш добрейший шеф-командор Дмитрич: «Выдернул чеку — швыряй»... Нет, Юрочка, в том-то и дело, что я уже, кажется, выдернул... Извини меня, сентиментального дурака, я уже очень большой мальчик, но я знаю, каково без мамы... Что? Нет судна? И это —

самая главная проблема? Вы же имеете право просить любое ведомство выделить вам плавсредство для экстренной операции. Куда пошлют?.. А!.. Гриша Остапчук не пошлет.. «Кто-кто!» Капитан «Маринки»!.. Даже выход оформлять не надо, она за бонами, у пирса Ковалевской базы... Ну, вот именно, парусная прогулка. А что? Всегда можно сказать: для маскировки и конспирации... Не угонится? Она при ровном ветре дает до пятнадцати узлов, а та старая калоша не выжмет больше десяти... Ну и что же, что гафельная! Шхуна «Америка» тоже была гафельная, а стала легендой... Вот именно, тоже станете легендой, если все окажется правдой... Ну да... Сколько у тебя человек?... Знаю, помню... Да, понял, в двадцать один ноль-ноль...

Трубка — шелк!

Неужели это случится? Может, опять сон?

То, что сейчас — не сон, стало ясно немедленно. Ховрин шагнул в прихожую, откинул шубку, взял Оську за ухо.

— Ай... Ой...

— «Ой» будет чуть позже, — неласково пообещал Ховрин. — А пока скажи: какой ты к черту шпион, если, прячась, оставляешь у порога обувь?

— Я... уй!

Ховрин за ухо ввел его в комнату.

— Итак...

— Что... — просопел Оська, ежась и переминаясь. А в душе была музыка. Потому что Ховрин начал *делать это*. А раз начал — не отступит, надо знать Ховрина.

— Подслушивал?

— Я не хотел... Это само получилось.

— Тебе не кажется, что твое поведение — громадное свинство? — вполне сердито спросил Ховрин.

— Не кажется, а на самом деле Я понимаю, — покаянно сообщил Оська. Голова ниже плеч, пятки врозь, колени вместе, пальцы суетливо мнут юнмаринку. Все как полагается у отчаянно виноватого пятиклассника. То есть уже шестиклассника...

— Скажи еще «я больше не буду».

— Я больше не буду!

— Не поможет... По-моему, за тобой давний должок, еще с осени... — Ховрин взял со стола линейку. — Кажется, пришло время...

— Ладно! — радостно согласился Оська. — А потом возьмешь меня с собой?

— Че-во?.. Куда?!

— На «Маринку».

Ховрин с пистолетным шелчком положил линейку. Крепко взял Оську за плечо. Пальцами вздернул его подбородок.

— Сейчас ты пойдешь домой. Или гулять. И помни: если хоть одному человеку... не только человеку, а даже воробью или бабочке ты пикнешь о том, *что* слышал здесь... это принесет массу бед многим людям. И ты забудешь сюда дорогу.

Но и эта суровость не сломила Оську.

— Мне обязательно надо с вами!

— Да ты соображаешь, о чем просишь?

Оська освободил плечо. Сел на корточки, обнял колени. Глянул на Ховрина, как малыш на дерево.

— Ховрин, разве я прошу? *Я тебя молю из всех сил!* Без меня у вас ничего не выйдет.

— Это почему?!

— Не знаю. То есть я знаю, но не могу объяснить... А если пойду с вами, принесу удачу. Я вас к ней приведу! Я... Даниэль...

— Господи... кто?

— Я Даниэль! У меня перед глазами ватер-штаг!.. Ну, считай, что это такая примета! Моряки же верят в приметы!... Может, у меня это главная цель!

— Рыбачий Сад, улица Яблочная, дом один. Главного врача зовут Евгений Кузьмич...

— Издеваешься... Ховрин! Ты же сам сказал: это просто парусная прогулка! Ну не будут же они с теплохода стрелять по яхте! А на «Согласие» я не сунусь! Даже на палубу «Маринки» не высунусь, буду сидеть в рубке, как мышь! — В этот момент Оська верил, что так и будет. — Ховрин, я же не за себя прошу! Просто без меня у вас ничего не выйдет!

— Встань... Идиотизм какой-то... Тебя все равно не пустят родители.

— На парусную прогулку? С Ховриным? С тобой хоть в Антарктиду!

2

Конечно, Оську отпустили. Мама давно была знакома с Ховриным. Папа не знал его лично, однако наслышан был о знаменитом Оськином друге.

— Валяй, обретай морскую практику, — сказал папа.

Мама, правда, удивилась:

— А почему парусная прогулка ночью?

— Потому что в это время всегда ровный ветер, — вывернулся Оська. — Северо-западный бриз.

Но впереди был еще целый день. И Оська помчался к развалинам бастиона номер семь, который враги когда-то называли «Каменный лев».

Компания была в сборе. Укрывались от нарастающей жары в бастионном подземелье. Мамлюча — в новой просторной тельняшке и с большушей серьгой-полумесяцем в ухе — под лампочкой зашивала разорванную рубашку чумазого Гошеньки. Вертунчик раскладывал на каменном полу многочисленных ольчи-ков: патронные гильзы, крабы клешни, стеклянных гномиков, старинные монетки и осколки древних греческих амфоров.

Гошенька сидел рядом и убеждал Вертунчика, что столько ольчи-ков у одного человека быть не может: они со своим волшебством запутаются между собой.

— На тебе вон еще и браслеты всякие, как на папуасе!

— У меня же просто коллекция! А главный ольчик — вот! — Вертунчик вытащил из-под желто-красной полосатой юнмаринки (буква У, «Янки») дырчатый зеленый камешек на шнурке. Такие камешки назывались «морские бусинки», их собирали на пляжах и делали из них ожерелья.

Вовчик и Бориска возились с «машиной времени». Две трехлитровые шарообразные бутылки из-под вина «Изабелла» они соединили железной муфтой и укрепили муфту на дюралевой оси. Эту ось изобретатели заново (который уже раз!) привязывали к двум диванным пружинам, установленным на деревянной площадке.

«Ось-качалка». Ее колебания должны были сказаться на работе песочных часов — на движении песка, который перетекал из бутылки в бутылку. Как именно скажется, было пока неясно. Однако во многих книгах написано, что пространство и время неразделимы, значит, колебания временного (песочного) потока могут вызвать изменения в природе нашего пространства и от-крыть проходы в его нерушимых до сей поры границах.

Это была Оськина идея. Вовчику и Бориске она пришлась по душе, и они воплощали ее в жизнь.

Норик стоял рядом и помогал воплощать. Раскручивал моток проволоки и давал советы.

Он заулыбался навстречу Оське. Оська протянул ему бинокль. Норик шепнул «спасибо» и перестал улыбаться.

Никто не стал трогать бинокль и говорить «дай посмотреть». Все знали, *зачем* он Чипу.

Мамлюча бросила зашитую рубашку Гошеньке и сказала, что сейчас пойдут купаться за Стекланный мыс.

— Ты, Оська, только не кидайся больше спасать всяких балбесов как очумелый...

— А если опять застрянут?

— Ну, осторожнее хотя бы. Пузо не обдирай.

— Ладно... Я его случайно ободрал. Вообще-то я обычно в любую щель без царапин могу пролезть. И выбраться из любой... тесноты. Индейским способом. Нас Ян Янович в походе учил, учитель наш. Вот давайте, свяжите мне руки и ноги, и я через пять минут освобожусь!

Сперва решили попробовать. Но Вовчик и Бориска не дали веревку, которой привязывали ось. А связывать проволокой Мамлюча не разрешила. «Нечего тут зверство устраивать!» И Оська в глубине души был рад. Еще ведь неизвестно — освободился бы или нет?

— А ты, Чип, — велела Мамлюча, — больше не заплывай к черту на кулички. А то случится какая-нибудь сердечная аритмия...

— Да ничего не случится! У меня уже все почти прошло.

Норик не раз убеждал ребят, что сердце у него идет на поправку.

— Врачи говорят, что с возрастом все само собой ста-би-ли-зи-ру-ет-ся... Хотели раньше операцию делать, а теперь раздумали.

— А пока не ста-ли-би... Язык сломаешь! Пока не это, держись рядом. Чтобы в случае чего вытащить тебя за уши. Иначе — во! — Мамлюча показала крепкий коричневый кулачок.

Чипа с грубоватой ласковостью опекали. Он не обижался. И сейчас не обиделся. Сказал только, что в соленой воде потонуть практически невозможно по причине ее большой плотности.

— Я даже в пресной-то не тонул ни разу, у нас в Среднекамске. — И опять погрустнел. Мамлюча взяла его за плечо, что-то шепнула в ухо. Чип слегка улыбнулся.

— Свистать всех наверх! — скомандовала Мамлюча.

— Подожди! — в два голоса завопили изобретатели. — Дай мы запустим машину! — Бориска добавил:

— Пусть работает, пока мы гуляем. А Вовчик:

— Вот увидите, когда мы придем, что время бежало здесь быстрее, чем снаружи. Или медленнее. — Он повернул тяжелую от песка бутыль-колбу доньшком вверх.

Оська потрогал на груди шарик. Сжал в кармане барабанщика. Оглянулся на Норика. Шепотом сказал Вовчику и Бориске:

— Неважно, быстрой или медленной. Главное, чтобы оно работало на нас...

Оба понимающе наклонили белобрысые головы — одна с локнами и пробором, другая косматая.

...Потом все шагали по горячим от солнца улицам, прыгали по каменным трапам — загорелые, вольные, беззаботные дети приморского города. Казалось, что беззаботные. Тем, кто смотрел на них. Взрослые не знали о заботах угловатой девчонки с атаманскими повадками и пятерых быстроногих пацанов. Не знали о конструкторских муках Вовчика и Бориски; о страхах Вертунчика, которому каждую ночь снилось, что у него умерла бабушка (а она и правда могла умереть, несмотря на волшебную силу многих ольчиков внука, потому что была очень старая). Не знали о горькой жизни Гошеньки, у которого одинокая пьющая мамаша орала каждый день, что отдаст «сопливого бродягу» в интернат. Не знали про горькие думы Мамлючи, чей отец недавно ушел из дома. И про боль Норика, про суровые планы Оськи не знали тоже.

Впрочем, про Оськины планы никто и не должен был знать. Даже Норик. Иначе вцепился бы намертво: «Я с тобой!» А разве ему можно туда — с его-то «порогом»...

— Норик! — окликнул Оська. И на ходу рассказал про старинный сигнал ИО. Сигнал тех времен, когда жив был бриг «Даниэль».

Норик ничего не сказал, только взял Оську за руку. И так они пошли рядом — «соединенно».

Снова было похоже на сон. Даже больше, чем тогда, в настоящем сне. Там гудел моторами современный катер, а сейчас бежала под ровным «северо-западным бризом» двухмачтовая гафельная шхуна. Как в каком-нибудь фильме про пиратов. Уже обошли маяк на Казачьем мысу, и теплый ночной ветер дул теперь не в лицо, а в спину и левый бок. «Бакштаг левого галса», — подумал Оська.

«Маринка» не спеша обгоняла пологие невысокие волны. Иногда на волнах смутно светились пенные гребешки.

Ветер ставил торчком воротник юнмаринки, прижимал ее к спине. Иногда Оську дергал озноб. Но не от теплого ветра, а от нервов.

«Господи, неужели *теперь* это не сон? Неужели мы правда идем наперехват?»

«Идем наперехват» — это тоже были слова из кино или книжки про морские приключения. Оська постеснялся бы сказать их вслух, но... как ни крути, «Маринка» действительно шла на перехват грузового теплохода «Согласие». И тихо бурлила вода, и пахло солью, и, как в недавнем сне, долетал с берега еле слышный стрекот ночных кузнечиков. Или казалось?

У штурвала стоял капитан «Маринки» Гриша Остапчук, знакомый Ховрина («У него все хорошие люди в Городе знакомые!»). Трое матросов дежурили у шкотов. На корме, в открытом кокпите, курили четверо — в светло-серых рубашках с темно-зелеными погончиками таможенной службы, с нашивками спецпатруля... Впрочем, сейчас ни погон, ни нашивок было не различить. Сигаретные огоньки лишь изредка выхватывали из темноты не улыбчивые лица. Они совсем не яркие, эти огоньки. Звезды гораздо ярче. Они даже ярче маячных сигналов.

Ховрин стоял у грот-мачты, рядом с капитаном. Оська рядом с Ховриным.

— Возьми мою ветровку, — сказал Ховрин, когда Оська опять вздрогнул.

— Не надо. Я не от холода... а от всего...

— Ясно... Ты первый раз на паруснике?

— На яхте ходил с папой и его друзьями. Но не на такой громадной.

— Надеюсь, тебя не укачивает?

— Да ты что! — Это во сне его чуть не укачало, а здесь вот ни на столечко! Хотя... сонная обморочность незаметно подкрадывалась и сейчас. Будет ли конец этой ночной гонке?

И снова как во сне возникло у горизонта светлое пятнышко. Только не впереди, а справа.

— Выключить мачтовые огни, — скомандовал капитан. На фок-мачте погасли зеленый и красный фонари.

«Маринка» и «Согласие» сблизались. Причем шхуна слегка обгоняла теплоход.

Капитан крутнул штурвал влево — Оську и Ховрина качнуло.

— Ребята, я привожусь, долой паруса!

Запели блоки. Гафели пошли по мачтам вниз, собирая в складки парусину. Съежились треугольники грота-стакселя и кливеров.

— Мотор...

Сразу застучало внизу. На фок-мачте зажглись два белых огня — знак того, что судно идет под мотором.

Но это же демаскировка!

Однако прятаться уже было не нужно. Оська услышал, как в кокпите один из патрульных сказал в микрофон рации:

— На «Согласии»! Вызываю капитана... Таможенный контроль, капитан. Прошу застопорить машину, принять яхту к борту... Это не шутки, мы на службе. И вас прошу не шутить, вы в территориальных водах Южной республики... Не советую, капитан. Сторожевик в полутора милях, между вами и границей, и мы с ним на связи...

Теплоход делался все ближе, огни нарастали, слышна была негромкая музыка. Румба какая-то...

И вот он, борт с желтыми кружками иллюминаторов.

Трап не понадобился. В борту был овальный вырез, открывающий доступ к нижней палубе, что тянулась вдоль кают. С рубки «Маринки» прыгнуть в самый раз!

Попрыгали. Начальник патруля, Ховрин, потом трое таможенников. Оська — следом.

— А ты куда! — окликнул капитан Гриша.

— Я сейчас... Мне Ховрин разрешил, — сдавленно отозвался Оська. И капитан, видимо, поверил.

Будь что будет! Не мог Оська остаться. Он сейчас действовал как тогда, в прихожей у Ховрина. Толкала его неведомая сила. Сердце будто остановилось, но дышать было легко, в ногах — пружинистая сила.

Он отстал на несколько шагов и, пригибаясь, двинулся за последним патрульным. Желто светили редкие плафоны. На Оську никто не оглянулся.

Запах грузового старого судна — как на отцовском «Соловьевске» (где-то он теперь, проданный с торгов?). Трапы, трапы... В ступе ботинок не слышны были мальчишкины легкие шаги. Встречный матрос глянул удивленно, ничего не сказал.

Верхняя палуба, открытая дверь рубки... Оська пристроился за спиной патрульного, у самого входа.

Капитан был не тот, что во сне. Грузный, с рыхлым лицом, с

похожей на платяную щетку прической. Голос у него оказался неожиданно тонким. Скандальным.

— ...Вы знаете, господа, во что обходится непредвиденная остановка на курсе? Компания снимет с меня голову! К тому же это беззаконие! Какой может быть досмотр посреди рейса!

У командира патруля было смуглое лицо, тонкие усики и гвардейские манеры.

— Сожалею, капитан... Понимаю вас, капитан. Ничего не делаешь, в этом водном районе сейчас действует особый режим. В связи с растущей активностью террористов и торговцев наркотиками... По поводу задержки мы выдадим вам оправдательный документ.

— Вы что же, собираетесь искать наркотики? Здесь, в открытом море? Переворачивать все судно?

— Да что вы, капитан! У нас и времени нет! Проверим бумаги, и только. Это пустая формальность. Выборочный контроль на транзитной линии. Мы сами понимаем малую эффективность этих мер, но поскольку есть приказ... Попрошу свидетельство регистра...

«А когда же они будут искать арестованных? Когда?»

— ...У вас регистр Белла, капитан? Хорошо... Но срок последней регистрации уже истек...

Бабье лицо капитана сморщилось, как резиновая маска.

— Боже мой, командир! Сейчас девяносто процентов каботажных судов ходят с просроченными свидетельствами! В конце концов, это даже не ваше дело! Ваше дело груз, не так ли?

— Не совсем так, но... ладно, оставим пока это. Попрошу судовую роль и список пассажиров.

«Вот оно...»

— Роль пожалуйста! А пассажиров, слава Богу, нет и никогда не было. Мы чисто грузовое судно...

Командир оглянулся на Ховрина. Ховрин мягко и внятно сказал:

— У нас есть информация, что на «Согласии» находится группа лиц... так сказать, особого контингента.

Оська видел Ховрина со спины, но понял — тот смотрит в лицо капитану.

Капитан молчал с полминуты. Но не отводил глаз, только морщился, как от скрипа по стеклу.

— Да, — наконец выговорил он. — Для информации были некоторые основания. Пароходство и... особые службы делали

мне такое предложение. Я категорически отказался. Такого дела мне еще не хватало!.. Кстати, у меня есть письмо по этому поводу и заверенная копия моего ответа... Боцман!

Кроме капитана, из экипажа здесь были двое. Высокий, очень худой штурман (он безразлично стоял у судового пульта ко всем спиной) и крепкий широколицый дядька. Он качнулся вперед в ответ на оклик.

— Боцман, принесите из моей каюты желтую кожаную папку. Она у изголовья на полке.

Боцман был не похож на боцмана. Он похож был... пожалуй, на того охранника, который в мае гонялся за Оськой. Правда, не в камуфляже, а в сизой робе, и старше того, но взгляд такой же... Да все они похожи, *такие*...

Боцман не сказал обычное «есть, капитан», молча шагнул к двери мимо патрульных. Те на него оглянулись. И Ховрин оглянулся. И увидел Оську.

Ховрин сказал бесцветно:

— Марш в яхту. Живо. Дома поговорим...

Оська спиной вперед выкатился из рубки. И по трапам — вниз. Быстро, но... бесшумно. Будто чуял что-то.

Суровость Ховрина не обещала хорошего, и все же не это было главное. Главное... то, что вдоль ограждения нижней палубы, пригибаясь, шел боцман. Тоже бесшумно.

Разве каюта капитана внизу? На «Соловьевске» все каюты комсостава были на верхних палубах.

Не стукнуть бы подошвой, не выдать себя. Оська, цепляя сандалии друг за дружку, тихо стянул их, оставил на палубе. Босиком-то — как кошка...

Он крался за боцманом почти до кормы.

Какая опять сила двигала Оськой? Даниэль? Память о сигнале двух флагов? Азарт? Инстинкт? Или догадка, что должен сбыться недавний сон? По крайней мере, Оська ни на миг не усомнился, что поступает как надо. Пускай Ховрин хоть заживо сожрет его!

Кормовая палуба была заставлена контейнерами. Горел гакабортный огонь — бросал свет в море, но отраженных лучей хватало, чтобы смутно видеть все вокруг.

Оська присел на корточки. Урчали под палубой двигатели — на холостом ходу. Волна была заметнее, чем во время плавания на «Маринке». Пологая зыбь медленно поднимала корму, дер-

жала ее несколько секунд, уходила к носу, и корма мягко опускалась. Контейнеры еле слышно поскрипывали.

Боцман оглянулся. Но Оська, укрывавшийся во тьме, съелся, вцепился в трос, притянувший контейнер к палубе. Трос чуть заметно вздрагивал (или это сам Оська?).

Боцман шагнул дальше.

Один контейнер стоял отдельно, позади всех, прикасаясь к другим лишь торцом. За ним была пустая палуба.

Правду говорили, что «Согласие» переделано в сухогруз из большого траулера. На палубе был виден слип — такой пологий и широкий спуск, по которому сбрасывают в море громадные сети — тралы.

Боцман у бортового ограждения нагнулся над кнехтом — двойной швартовой тумбой с перекладиной. Завозился... Что он делает?

Оська вытянул шею и... услышал голоса. Очень глухие, с неразборчивыми словами. Будто... из другого пространства.

Но нет, не из чужого пространства были голоса. Из отдельного контейнера. Оська понял это, когда услышал стук. Изнутри кто-то бил кулаком!

Громадный дощатый ящик с железными скобами был камерой!

А боцман разматывал с кнехта тяжелый трос. Тот, что охватывал контейнер и не давал ему отделиться от остальных!

Не будет троса — и при первом же сильном качке контейнер скользнет к слипу. И еще, еще... Сколько качков надо, чтобы контейнер подъехал к слипу и плавно ушел в море? Сколько минут?

Заорать? Кинуться в рубку? А если он не успеет?

Оська, забыв про осторожность, не сидел уже, а стоял. И не сразу понял, что белые квадраты юнмаринки светятся в темноте. А когда понял — поздно! Боцман летел к нему в длинном тренированном прыжке.

— А... — и твердая, как дерево, ладонь захлопнула Оськин рот.

— Ты откуда, поскрёбыш?.. А! Ты — с ними! Сявка сыскная. Нам свидетели ни к чему...

Оська забился в боцманских лапах. Толку-то! Комарик в кулаке гориллы...

— Потрепыхайся, рыбочка. Напоследок — оно приятно. Поживи еще чуть-чуть...

— М-м...

— Помычи, теленочек. Как перед ножичком...

Зловещая ласковость палача обволокла Оську ужасом. Не отпуская Оськин рот, боцман прижал невесомого мальчишку к волюющему туловищу.

— Ну-ка, моя птичка... — Тряпичный жгут врезался Оське между губ, между зубов, чуть не разорвал щеки. Видимо, это был скрученный боцманский платок. Он впитал в себя вонь хозяина: запахи табака, мочи, водки, немытого тела...

Оська захрипел. Боцман намертво стянул концы платка у него на затылке.

— Теперь давай ручки... Вот так. Хороший мальчик... — Кожаный брючный ремешок стянул Оськины запястья за спиной.

Боцман качнулся в сторону, чем-то скребнул по железной палубе. И холодный металл обнял Оськино горло. Как стальные пальцы.

Оська понял, что это. Такелажная скоба. Вроде той, которая на Цепи помешала Норику, только поменьше — как раз, чтобы плотно охватить мальчишкину шею.

Боцман поднес Оську к контейнеру, прижал затылком к доскам, сунул в скобу винтовой нагель. Задергал пальцами — закручивал, гад! И не просто закручивал, а просунул нагель еще в одну скобу — в плоскую, привинченную к контейнеру.

Оськина шея оказалась прикованной к железной полосе. Причем так, что голова была скручена набок, как у птенца со свернутой шеей. Ноги едва доставали до палубы, и он стоял на пальчиках...

— Гуд бай, рыбка. Жаль, нет времени посмотреть на твой последний танец.

Это был выродок. Оська слышал про таких. Про тех, кому чужие муки слаще всякой радости. Он читал, как такие сволочи в Саида-Харе связывали по двое пленных ребятишек и сталкивали в пропасть. Как заливали им в горло мазут...

Боцман похлопал Оську по перекошенной щеке и ушел.

Вот и всё...

Что Оська мог? Только колотить пяткой в контейнер. Заколотил. В ответ послышался стук. Голоса... Не разобрать. Какая разница? Они все равно не помогут. Да и колотить долго было нельзя. Приходилось стоять на пальцах одной ноги, а это больно...

И шею больно. И стянутые руки...

А может, его найдут?

Не успеют... Опять медленно, длинно качнуло, и контейнер проехал еще полметра к слипу. Оська, двигаясь с ним, затанцевал на пальчиках, как балерина, чтобы не оторвало голову. Сколько это еще будет длиться? Минуту? Две?..

А потом контейнер будет плыть или сразу пойдет ко дну? Наверно, сразу, эти гады все рассчитали. А если и поплывет, Оське-то не легче: он задохнется без опоры...

Так что же это? Смерть?

Когда не стало Анны Матвеевны, Оська не раз думал о смерти. О том, что чувствует, видит и думает при этом человек. Будет ли потом сплошная тьма или откроется новое пространство? Одно он знал точно: это будет очень не скоро, через вечность. А оказалось — сейчас. В жутком капкане.

«Я не хочу-у-у!!»

Его никогда не найдут. И никто ничего не узнает. Никаких доказательств. Контейнера нет. Непослушный мальчик по пути на яхту сорвался в море, крикнуть не успел...

Опять качнуло. Опять он пробежался на цыпочках, спасая шею от боли и вывиха.

«Ну, помогите же кто-нибудь!.. Ольчики! Шарик! Барабанщик!.. Даниэль!»

«Замри», — сказал Даниэль.

«Замри, — сказал Даниэль, — и думай. Ты еще жив».

«Я и дальше хочу...»

«Вспомни...»

«Что?.. Что?!»

«Как хвастался утром... Про свое умение... Как Ян Янович рассказывал про индейцев. Как они избавлялись от пут, когда белые брали их в плен... Вспомни, что ты тоже — гибкий, изворотливый, ускользающий от беды...»

«Я не знаю, что делать...»

«Расслабь руки... Да не так, совсем расслабь! Сделай их мягкими, как тряпка... Представь, что их можно вытянуть в тонкий скользкий жгут... Еще... Еще, тебе говорят! Пошевели пальцами... Кистями... Попробуй за что-нибудь зацепить ремень...»

Оська попробовал... Зацепил! То ли за вылезший из доски гвоздь, то ли за шуруп...

«Подергай...»

«Я дергаю... Ай!» — Это опять поехал контейнер.

«Не бойся... Не бойся, Оскар Чалка. Вовчик и Бориска включили машину, время работает на тебя... Тяни руки вверх... Еще... Наплевать, что больно! Умри от боли, но тяни! Дергай! Раз, два... десять... сто, сто один!..»

Правая рука вышла из ременной петли.

Оська, ломая ногти, разорвал на затылке узел платка, закричал... Не получилось крика, один кашель. А следом страх: вдруг на крик раньше других прибежит боцман!

Он нащупал сзади, за скобой, головку нагеля. Не отвернуть... Этот гад затянул ее своими пыточными пальцами намертво... Был бы гвоздь какой-нибудь... Нет гвоздя... Но есть, вот он! Оська, извернувшись, дотянулся до кармана на бедре. Выдернул ольчика-барабанщика.

Теперь Оськина жизнь зависела от размера отверстия на головке нагеля. Войдут ли в него крошечные ножки солдатаика?

Вошли!

Не сломаются ли? Хотя и не олово, но все-таки мягкий сплав, не железо.

Оська нажал. Не идет... Нажал отчаянно! Ножки барабанщика согнулись. Но... давление шевельнуло нагель в резьбе. Еще... еще...

Скоба загремела о палубу. Оська упал на колени. Двумя руками поставил, как кукольную, свою голову прямо (что-то хрустнуло в шее, наплевать!).

Теперь вверх, в рубку! Стой!.. а если контейнер вот-вот уйдет по слипу? Опять качнуло...

Оська лихорадочно оглянулся. Трос, который недавно обтягивал контейнер, теперь свободно тянулся по правому борту. Сплетенный из проволоки, он был толщиной в Оськину руку. Оська ухватил конец. Господи, да это же для паровой машины работа!.. Даниэль!..

Он потом сам не верил, что справился с такой тяжестью. Обволол трос вокруг контейнера. Заложил за крюк на торце — чтобы приподнять над палубой, подтянул конец к швартовому кнехту. Но как закрепить-то? Обмотать — не хватит сил... На конце была петля — огон, — только маленькая, на тумбу не надеть...

«Скоба...» — сказал Даниэль.

Оська выпустил трос, бросился к месту, где уронил скобу... Вот она! А нагель? Вот счастье, откатился недалеко!

А трос опять уехал от кнехта! Обдирая ладони о ржавую про-

волоку, Оська снова подтащил конец. Надрывая мышцы, обнес пудовый трос вокруг тумбы (он еле гнулся). Запустил в огонь скобу... Еще немного... Ну! Он подтянул концы скобы к тросу, толчком вогнал нагель в ушки, с трудом повернул головку. Опять вставил ножки барабанщика в отверстие головки, надавил... Всё!

Теперь бы только не встретиться с гадом!

Не встретился! Несколько матросов шархнулись от сумасшедшего мальчишки.

А гад был в рубке. Стоял рядом с капитаном, который что-то плаксиво кричал таможенникам и махал бумагой.

— Ховрин! На корме у слипа контейнер с людьми! Может уйти в воду!.. Это вот он... — Оська окровавленным пальцем ткнул в боцмана.

Да, тот и правда был не человек. Только у фантастических тварей бывают вспышки такого слепого бешенства.

— С-сучёныш! — Он искривился, выдернул маленький тупой пистолет.

Пропуская над собой выстрел, Оська выгнулся назад, полетел за порог, грохнулся затылком.

Но за миг до тьмы он увидел, как боцман уронил пистолет, как зажал простреленный локоть.

Да, Ховрин это умел — вот так, не целясь, от кармана...

4

Оська открыл глаза и увидел звезды.

Он понял, что лежит в кокпите «Маринки».

Видимо, он был без памяти недолго, несколько минут.

Ему терли щеки и лоб холодной сырой тряпкой. Высокий голос произнес:

— Да ничего страшного. Это не от ушиба, а от нервов.

Вот как, значит, в экипаже «Маринки» есть и девушка! А он и не разглядел в сумерках при посадке. Тупо и несильно болел затылок...

Звезды заслонил силуэт Ховрина.

— Ты как, Оська? Живой?

— Ага...

Из-за силуэта взлетела, врезаясь в созвездия, красная ракета.

— Ховрин, это зачем?

— Сигналият сторожевику. Сейчас подойдет.

Оська спросил про главное:

— Их спасли?

— Конечно... Это ты задал трос на контейнере?

— Я... Все ладони ободрал, он ржавый...

— Люсенька, обработай ему ладони.

— Сейчас, сейчас... Дай-ка твои лапы, герой, — и включила фонарик. Ладони зашипало. Не сильно...

— Ховрин, а что... с теми?

— Ребята держат их на мушке. Подойдут пограницы, займутся...

— Я не про них. Я про тех... кто в контейнере.

— Все в порядке. перевели в кают-компанию... Оська, нам тут придется еще постоять. Протокол, объяснения, всякая бюрократия. Ты поспи... — Ховрин укрыл его ветровкой.

— Нет, я не хочу... — И тут же уснул.

Когда проснулся, «Маринка» бежала под парусами навстречу поголой зыби. Ветер так и не стих к утру. Оська сел. За кормой синел рассвет, справа, на берегу, переливались редкие огоньки.

— Ховрин...

— Я здесь. Что-то болит?

— Ничего не болит... — Хотя все еще болел затылок. — Только во рту противно.

В небо и язык впиталась вонь боцманского платка.

Ховрин дал пластиковую бутылку с кока-колой. Оська долго полоскал рот, прежде чем сделать глоток.

— Какая поганая у него тряпка...

— Какая тряпка?

— Боцмана. Которой он мне рот заткнул...

— Кто заткнул? Оська, ты не бредишь?

— Ох, да ты же не знаешь... Он меня скобой к контейнеру... а в рот платок...

— Стоп! Расскажи подробно.

Оська рассказал подробно.

— ...И на горле, кажется, ссадина... ну да! Вот...

— Не знал я. Точно всадил бы в гада всю обойму...

— Разве ты его не застрелил?

— Да что ты. В мякоть у локтя...

— Я видел... Я думал, через локоть в грудь...

— В сторону...

— Ну и ладно. А то еще заставили бы доказывать, что не виноват.

— Доказывать все равно придется много. Эти ребята из пат-

руля, они же заварили кашу по своей инициативе. То есть по моей... Без санкции высокого начальства. Конечно, при некоторых обстоятельствах они имеют право, но... Еще неизвестно, как начальство отнесется... Впрочем, вина этих морячков налицо. Тайная провозка заключенных, попытка убийства с целью сокрытия следов... Контейнер-то поймали буквально за хвост. Спасибо твоему тросу, задержал на время, а потом полетела скоба...

— Ой...

— Что?

— Я потерял барабанщика. Ольчика... Наверняка там, на палубе. Ховрин, можно вернуться?

— Нельзя, — серьезно сказал Ховрин. — Я понимаю, но нельзя. Судно же под арестом. Сейчас его конвоируют в гавань погранзоны...

— Жалко барабанщика.

— Жалко... Но, значит, такая у него судьба. Он сделал все, чтобы спасти тебя, и... ушел... Ах, какая досада!

— Что?

— То, что сразу мы не знали твою историю. Надо было там же внести в протокол. Теперь попробуй доказать, что этот подонок хотел утопить тебя с контейнером.

— Не все ли равно?

— Можно было бы впать ему еще одну статью: покушение на жизнь несовершеннолетнего.

— Да он же все равно покушался! Когда стрелял в меня!

— Не стрелял он, не успел. Это я выстрелил. А он теперь будет говорить, что хотел только попугать...

— А мне показалось, что выстрелил, — с сожалением пробормотал Оська.

— В такой момент чего не покажется...

— Ховрин... Знаешь, как обидно было умирать? Главное, совсем рядом со своими. И ты недалеко, и яхта у борта, а никто не слышит, как я мычу... — Оська всхлипнул.

Ховрин не стал утешать. Сел рядом, положил Оськину голову себе на колени, стал гладить волосы. Оська глотнул слезы и прошептал:

— Я только не понимаю: почему он меня сразу не кинул за борт. Со скобой на шее... Меньше возни было бы.

— Наверно, рассчитал: если откроется, его не смогут обвинить в убийстве. «Я, — скажет, — просто привязал мальчика к

контейнеру, чтобы шума не было...» Всех убеждал бы в этом... а может, и себя...

— Ховрин, а вот такие, как он... они люди?

— Увы. Как ни странно, да... Только другой породы... Хорошо, что он не успел выстрелить. Мог бы и попасть. Что я сказал бы тогда твоим родителям?.. Господи, а что я скажу им теперь?

— Ничего. Прокатились на яхте... Я маленько ободрался, зацепился за трос.

— Сегодня — ничего. Завтра — ничего. А потом все станет известно. Я же не могу не дать материал в газету. А тебе, наверно, придется давать показания, ты один из главных участников... Мама и отец после этого не подпустят тебя ко мне на полмили...

— Ховрин, ты же ни при чем! Я сам полез на «Согласие»... Можешь даже отлупить меня за это линейкой!

— Спасибо за разрешение.

— Ховрин... а с мамой Норика и с другими теперь что будет? Их... куда?

— Сперва, наверно, поселят на погранбазе. А там будет видно...

— Их не выдадут?

— Едва ли. После истории с контейнером наше правительство не захочет выглядеть пособником убийц...

— А когда Норик сможет увидеть маму?.. Ховрин, ты чего молчишь?

— Ось...

— Что?!

— Не вскакивай... Я сразу хотел сказать, да не решался...

— Что?! Они убили ее?!

— Нет, что ты! Но ее и еще двух женщин не оказалось среди арестованных.

— А где они?!

— Те, кто был в контейнере, сказали, что этих троих отделили еще при посадке. Увели куда-то...

Вот так... Минуту назад была в Оське усталая радость победителя, и разом — нет ее! Только боль в затылке и ободранных ладонях. Только опять гадкий запах во рту. Только...

— Оська! Только не вздумай снова слезы пускать!

«Слезы, не слезы — какая разница? Это ничего не изменит. Ни-че-го...»

Между кокпитом и бортом была неширокая полоса палубы. Оська лег на нее грудью. Свесил руки и голову. Внизу, в метре от

палубы, бежала назад бурливая вода. Зыбь по-прежнему подымала и опускала «Маринку», только быстрее, чем ночью, — потому что шла навстречу. Потом сделали поворот, и ветер опять стал почти попутным. Вода была зеленой и прозрачной, потому что совсем рассвело. Открылся Город. Из-за него выплывало золотое солнце.

Каким праздничным, каким победным был бы этот рассвет, если бы...

А теперь что? Теперь еще хуже, чем прежде. Раньше хоть бы точно известно — везут в Цемесск. А теперь где искать ее, маму Норика? После того что случилось, упрячут неизвестно куда.

«Это я виноват...»

Видимо, сказал это Оська вслух.

— Ни в чем ты не виноват. Наоборот.

— Ага. Скажи еще: «Ты сделал все, что мог».

— Ты сделал все, что мог. Даже больше...

— Норик от этого будет не легче.

— Да. Но тебе должно быть легче.

— С какой стати? Если ему плохо... Что я ему скажу?

— Пока ничего не надо говорить. Сперва попытаемся что-то узнать... Может, все еще повернется по-хорошему.

Но Оська не верил, что повернется по-хорошему. Раз уж сорвалось, покатысь под уклон. Всё хуже, хуже...

Но почему вышло именно *так*? Может, потому, что он потерял барабанщика?

А если бы не потерял? Не все ли равно... Оська чувствовал, что злые дела множества взрослых людей сильнее волшебства всех на свете ольчиков... если даже верить в это волшебство всерьез...

Шарик на цепочке вдавился в Оськину грудь. Оська повозился, вытащил шарик, зажал в кулаке. Гладкая бусина быстро затеплела. Словно даже толкнулась в ладони...

«И ты не можешь помочь, — без упрека, устало сказал ему Оська. — И Даниэль...»

Но все же где причина неудачи? Ее *не могло* быть! Оська же чувствовал! Всё шло по велению доброй судьбы! Даже машина времени работала на успех! В неудаче была дикая неправильность — словно нарушение законов природы!

А может, все это опять сон?

...— Ховрин, — сказал из рубки девичий голос, — тебя на связь. Подойди.

— Кто?

— Командир Юра...

Ховрин легко хлопнул по Оськиной спине.

— Подожди. Не вздумай кидаться за борт. Я сейчас...

Миновали маяк на Казачьем мысу. Потянулся желтый берег с развалинами древнегреческого полиса. Солнце брызгало навстречу. Оська закрыл глаза...

— ...Ось...

— Что? — И глаз не открыл.

— Ось... — осторожно сказал Ховрин. — Юра сообщает: те трое нашлись... Да тихо ты! Черт... Как пружина... Их держали почему-то отдельно, в трюмном отсеке. Теперь они все вместе...

— И она?

— И она... Капитан раскололся. Кричит: «Я не виноват, меня заставили, мне угрожали!» Все валит на боцмана, который оказался и не боцман вовсе, а начальник конвоя... Ось, а вот это не надо. Теперь-то зачем реветь? Не смей.

— Буду... — И Оська уткнулся носом Ховрину в грудь.

Минут через двадцать подошли к пирсу. Здесь стояли катера и парусники Ковалевского яхт-клуба.

Еще издали Оська увидел Норика. Тонкую фигурку в желтом, с черным кругом на груди — будто мишень.

Как он узнал? Как отыскал эту загородную базу? На чем приехал в такую рань?

Едва шхуна чиркнула бортом о кранцы, Оська вылетел на пирс.

— Чип, привет! — Он уже смыл забортной водой слезы.

Норик не ответил и смотрел мимо.

— Норик... ты чего?

— Ничего... Я вчера вечером зашел к тебе, а мама твоя говорит: «Он ушел в плавание на ночь».

— Ну... да...

— И не мог позвать меня? — полушепотом сказал Норик.

— Я... не мог. Честное слово.

— Ну... тогда хотя бы не скрывал, что идешь на яхте. Ты ведь знал про это с утра.

— Знал...

— Боялся, что буду проситься с тобой?

— Да, — вздохнул Оська. Потому что это была правда. — Ты стал бы проситься, а тебе нельзя.

— Хватит уж нянчиться с моим сердцем! — Норик метнул в Оську ошестиненный янтарный взгляд. — Я вам не инвалид!

— Не в этом дело! Дело в том... что...

— В том, что это измена, — тихо и неумолимо сказал Норик. — Говорил про сигнал: «Держаться вместе, соединенно», а сам...

Повернулся и пошел. Локти торчали, лопатки сердито двигались под юнмаринкой, словно хотели сбросить со спины черный круг-мишень.

Он уходил, как уходят насовсем.

Этого еще не хватало!

Оська бросился следом. Мелкий гравий врезался в босые ступни — сандалии-то остались на «Согласии». И попал под ногу торчащий из гравия булыжник...

Что ж, природа требует равновесия. За победы и радости надо чем-то платить. Оська заплатил болью в пальцах правой ноги и разбитым локтем. Сел, помотал головой. С локтя крупно закапало на гравий.

Норик уже не уходил. Обернулся, уронил руки, смотрел на Оську, округлив рот.

— Ч-черт, и платка нет... — Оська, морщась, зажал локоть.

— У меня есть, вот. Чистый...

— Спасибо, Норик...

— Дай я замотаю... Ух, как рассадил.

— Сон в руку, — вздохнул Оська. — Хотя во сне была нога. Даже обе...

Норик непонимающе молчал. Затянул узел. Потом сел на гравий рядом, проговорил — без упрека уже, а со скрытой виноватостью:

— Думаешь, мне так уж хотелось на яхту? Просто обидно... Я боялся...

— Не бойся, Норик...

— Я боялся, что ты не вернешься к середине дня. А мы с тобой Зоей после обеда уезжаем в Цемесск. И когда я вернусь, неизвестно. Вдруг больше... совсем...

Словно ощущая спиной и плечами тяжесть ночных событий, Оська сказал:

— Не поедете вы в Цемесск, Норик.

— Почему?!

— Не поедете. Не надо вам...

«Но почему?» — заметался в глазах Норика возмущенный вопрос.

«А вот потому», — улыбочиво шевельнул губами Оська.

Возмущение у Норика метнулось опять. Пропало. Вместо него — удивление... догадка... недоверие... надежда...

— Ось...

— Да, — сказал Оська. — Да, Норик... — И стал тянуться зубами к узлу на локте, будто хотел подпернуть платок. Думаете, это легко? Тянулся, тянулся... чтобы не разреветься снова.

5

В сентябре опять забастовали учителя. И вновь был на улицах Города праздник.

Оська, Норик и Вертунчик шагали к бастиону мимо рынка, вдоль бетонной решетки. Главная торговля шла на рыночной площади, но и здесь, снаружи, было немало продавцов. Вертунчик уже несколько раз приценивался к безделушкам из мелких раковин, к брошкам и подвескам из камушков. Просто так. В карманах желто-красной юнмаринки Вертунчика не было, конечно, ни грошика.

— Барахольщик ты, Вертун, с тобой не соскучишься, — сказал Оська.

— Ага, — сказал Вертунчик.

— Сережку-то зачем прицепил? — спросил Норик. — Не девочка же...

— Пацаны тоже носят, сколько угодно... — Вертунчик потрогал у мочки уха спиральку из желтой проволоки. — А Бориска и Вовчик говорят, что в ней повышенная энергетика.

— На тебе и без того вон сколько энергетики бренчит, — заметил Норик. — Сережка — уже сплошное излишество.

— Не-а!

Вот и поговори с ним.

Для Норика последнее украшение Вертунчика было новостью. Потому что Норик неделю пролежал в больнице на обследовании. Кардиограммы там всякие, анализы... Только сегодня выписали.

— Говорят, в ближайшее время не помру, — сообщил он.

Оська плюнул через левое плечо. Мысленно...

У бетонной решетки сидели старики и бабки, торговали са-

модельными щетками, клетками для птиц, морскими губками и сушеными крабами.

— Может, и Сильвер где-то здесь, — вспомнил Оська. — Он теперь начал резать из вишневого корня курительные трубки со всякими фигурками. На продажу. Жить-то надо, пенсия — кот наплакал...

— Открыл бы музей для всех, продавал бы билеты, вот и жил бы как миллионер, — легкомысленно заявил Вертунчик.

— Думаешь, так легко? — умудренно вздохнул Норик. — Бюрократы заедят. Музей-то надо регистрировать, налоги платить, всяким чиновникам взятки давать...

О бюрократах Норик знал не понаслышке. Они с мамой этим летом хлебнули всякого: жилье, прописка и все такое прочее. Мама Норика не хотела менять гражданство, а без этого нигде не брали на работу. Еле устроилась в порттовую библиотеку. Ну да ладно, по сравнению с прошлым заботы эти были не страшные.

Оськин отец тоже с трудом нашел работу. Стал капитаном буксира «Сотник». Не хотелось ему, моряку дальнего плавания, в портофлот, да что поделаешь, не сидеть же до бесконечности в резерве. Зато мама была довольна: папа почти каждый вечер дома.

Анка сперва стеснялась отца. Не раз она заводила разговор, что надо ей искать отдельное жилье. Сколько можно стеснять семейство Василия Юрьевича Чалки!

— Ладно, пока одна была. А когда появится этот... — И она смотрела намокшими глазами на свой округлившийся живот.

Анкин ненаглядный Шура Гайчик оказался «мерзавцем, подонком и паршивым уголовником». Заявил, что женится на Анке, если только у нее не будет детей. Ни-ко-гда! Анка дала ему оплеуху, и любовь кончилась. Теперь Анку ждала обычная для многих судьба мамы-одиночки.

— Не выдумывай, — сказала ей Оськина мама. — Никуда ты от нас не поедешь. Вместе будем управляться с обоими.

«С обоими» — потому что в семействе Чалок тоже ожидалось прибавление, раньше, чем у Анки, совсем уже скоро. Недаром папа приезжал на Новый год...

«Ох и ясли будут дома, ох и вопли! — думал иногда Оська с содроганием. — Ну ладно, в крайнем случае буду убегать к Ховрину».

Ховрин после случая с теплоходом «Согласие» выпустил не-

сколько громоподобных репортажей. Их перепечатали газеты Федерации. Шум был на весь белый свет. Дело женщин быстро закрыли. Не тронули даже тех, кто вернулся домой. Мама Норика не вернулась. Главным образом — из-за сына: тот отчаянно не хотел уезжать от друзей...

Оську ни на какие допросы не вызывали. Ховрин постарался, чтобы Оська остался в тени. Конечно, приятно быть героем, но мамино спокойствие дороже. Да и безопасность — штука не лишняя...

Сам Ховрин получил несколько писем, в которых неизвестные личности обещали ему скорую и мучительную гибель. Но, кажется, обошлось.

Ховрин съездил на две недели в Среднекамск, привез новое фото жены и сына и опять с головой ушел в работу. Издательство «Парус» готовило к выпуску его книжку о бригаде «Мальчик».

Кроме того, Ховрин разыскал в Морском архиве кое-какие материалы о капитане Астахове и собирался писать о его дальнейшей судьбе. Оказалось, что бригада «Мальчик» была выброшена на берег ураганом и загорелся от упавшего в рубке фонаря. Спасти судно не было возможности. Капитан и его экипаж по мелководью, плавнями ушли на территорию «вольного города Лычевска», поскольку им грозила погоня. И после этого у капитана Астахова было еще немало приключений...

Самое удивительное, что ни Ховрин, ни Оська и никто на свете не слышали о городе Лычевске. Где он? Может, в другом пространстве? В этом следовало разобраться...

Отчаянные ребята из таможенной спецгруппы, которая взяла «Согласие», не получили орденов и повышения званий. Но и погон не лишились — это уже хорошо...

И вообще все было хорошо. Только Сильвер начал сдавать. Даже его гладкая лысина сморщилась и стала похожа на печеное яблоко. Недавно он сказал Оське:

— Тело сохнет, а душа сопротивляется, вот ведь как. По ночам все чаще вижу себя мальчонкой, как ты и Норик. Будто бегаю с друзьями по песку у моря. Просыпаюсь и ничего понять не могу. Не верю сперва, что мне седьмой десяток. А потом... В общем, несправедливость природы какая-то.

Сейчас Оська рассказал про это Норике и Вертунчику.

— А коллекцию свою он хочет отдать Морскому музею. Ну, может, не сейчас еще, а когда совсем уж... Сын заставляет его в

дом перебраться. «Хватит, — говорит, — жить как подземный отшельник, ты там совсем здоровья лишишься»...

— И Даниэля отдаст в музей? — насупилсь Норик.

— А вот и нет! — с удовольствием сообщил Оська. — Даниэля он отдаст капитану Грише на «Маринку». Они ее там сейчас ремонтируют. Хотят сделать так, чтобы больше походила на старинную. Бушприт удлинят. А под бушпритом — Даниэль. Снова пойдет в море.

— Имя девчоночье, а на носу пацан. Так разве бывает? — усомнился Вертунчик.

— «Маринка»... это даже и не имя, если говорить точно... — Оська повторил рассуждения капитана Гриши. — Это, скорее, тип судна. Есть еще две такие шхуны, в Карске и в Заветном. Их тоже называют маринками, а имена — «Том Соьер» и «Легенда»... А эта будет «Мальчик». В память о брига капитана Астахова.

— Нас-то хоть прокатят? — ревниво спросил Норик.

— Там будут сменные ребячьи экипажи. Мы можем сделать свой.

— А медкомиссия? — опасливо спросил Норик.

— Ну какая там комиссия! Ведь не вокруг же света... В их флотилию всех берут, даже близоруких.

— Ось... а полоска больше не появляется?

— Не-а...

Темную полоску — тень ватер-штага — Оська больше ни разу не видел после той ночи на «Согласии». Наверно, потому, что сделал свое дело — спас заложников.

У конца решетчатого забора, на пустом вытоптанном пятачке земли, сидел на корточках мальчик. Странный такой. Среди уличной пестроты он был... ну, как полоска незасаженной земли на яркой клумбе. В черных брюках, в черной футболке с длинными рукавами. И косая длинная челка мальчишки была очень темная. Из-под нее он поглядывал на прохожих.

Был он помладше Оськи и Норика, постарше Вертунчика.

Прохожие, может быть, удивлялись сумрачному виду мальчишки, но ничуть не удивлялись другому — тому, что перед мальчиком раскрыт обшарпанный чемодан и в нем почти до верха насыпаны солдатки. Всякие. Пластмассовые, оловянные, бронзовые, из дерева и пластилина. Пехотинцы, мотоциклисты, знаменосцы, рыцари, гусары, легионеры Цезаря...

Почти все знали, что есть в Городе особый обычай. Когда мальчик подрастает и кажется ему, что пора кончать игры в солдатки, он выходит на улицу, в парк или к рынку, садится на обочине и вот так открывает для прохожих свои сокровища. Бери, кто хочет!

Люди проходят и берут. Взрослые для своих детей, ребятишки для игр. Только нельзя жадничать и хватать горстями. Даже «малосольные» чтут закон: не налетают, не пытаются разграбить. Берут как все и как все говорят спасибо.

Оська, Норик и Вертунчик сели на корточки у чемодана. Мальчик взглянул из-под челки без улыбки, но по-доброму. И глаза не черные, как весь он, а серые...

— Можно? — спросил Оська.

— Конечно... Только по одному солдатку.

— А выбирать можно?

— Пожалуйста.

Норик выбрал тяжелого конного рыцаря.

Оська — барабанщика. Не такого, как прежний. Тот был из белого сплава, а этот — медный. И мундир не такой, и на голове не кивер, а фуражка. Но все равно барабанщик. Он, конечно, не станет ольчиком, но будет хотя бы памятью о старом.

Вертунчик взял оловянного матросика. И спросил:

— А можно для Бориски и Вовчика?

— Ну, возьми... если отдашь им.

— Я отдам... — Вертунчик взял еще гусара на коне и гладиатора. Подумал и задал новый вопрос:

— Ты ведь вроде бы не такой уж большой. Разве уже не играешь?

Оська и Норик с двух сторон дернули любопытного Вертунчика: зачем суешься в не свое дело. Но мальчик не удивился, не обиделся.

— А я в солдатиков никогда не играл. Это не мои, а брата... А он уже большой...

Что-то было в его голосе необычное. Какая-то скрытая жалоба, что ли. И тревога...

И Оська, Норик, Вертунчик не встали, не пошли сразу прочь. Норик шепотом спросил:

— А брат... С ним — что?

Наверно, увидел мальчишка сочувствие. Понял: эти трое чувствуют что-то.

— Брат... он совсем большой. А все не расставался с ними.

А весной ушел в Хатта-даг, добровольцем. И пропал там, четыре месяца нет писем... Мы думаем, может, все-таки живой, в плен попал или в заложники. Мама уехала туда, искать, а сестра, она тоже большая уже, нашла чемодан и говорит: «Играл, играл в войну и доигрался... Не могу видеть, сердце болит. Иди раздай их, может, это принесет удачу...»

— Много он накопил их, — вздохнул Вертунчик. Наверно, не знал, что еще сказать.

— Много... А я загадал: если раздам их по одному за сегодняшний день, тогда... все будет хорошо.

Оська нащупал на груди шарик: «Пусть будет...» Но это был его шарик, а не мальчика.

Когда отошли, Норик придержал шаги.

— Ось! А если сказать ему про Цепь? Чтобы он как мы... Тогда, наверно, точно у него сбудется. А?

— Наверно...

— Идем!

— Не идем.

— Почему?

— А если он загремит? Было у мамы два сына, а... сколько останется?

— Но мы же полезем вместе с ним! Как ты тогда со мной!

— Я вот тебе полезу! Мы обещали Сильверу, что никогда...

— Обещали. Но раз такое дело...

— Тебя рано выписали из больницы, вот что, — сумрачно сказал Оська. — Надо было еще голову подлечить.

Норик надулся. Он иногда умел так...

— Ты сам подумай, — извиняющимся голосом начал Оська. — Ты один у матери. Если брякнешься, ей как жить?.. У меня-то все-таки проще: если что — будет скоро замена...

— Кому голову-то лечить надо? — язвительно спросил Норик.

Вертунчик выступил в роли примирителя.

— Ось! Когда маленький будет, вы как его назовете?

— Не знаю. Родители не хотят придумывать заранее, они суеверные. Вроде меня... А Чудовищу я сказал: «Анка, если будет мальчик, назови Оскаром, в мою честь...»

— А она? — покосился на Оську Норик.

— Я думал, она скажет: «Фиг тебе!» А она: «Ладно. А если девочка?» — «Тогда пусть будет Мамлюча!» Она: «Что-о?»

Посмеялись. Потом Норик остановился.

— Ребята. Он ведь не раздаст солдатиков за сегодня. Их там полный чемодан...

И опять вмешался Вертунчик. Все же он молодец, Вертун-побрякун!

— Бежим к нашим! Расскажем! Потом пусть каждый бежит в свой двор, собирает всех знакомых. А те — еще! День-то впереди большой!

И они побежали.

Впереди Вертунчик — брэнча амулетами, которые висели на шее, на рубашке, на запястьях и под коленками.

Потом Норик — которому вообще-то бегать нельзя, но если очень-очень надо, то все-таки можно.

И Оська — который опять видел перед собой тугую линию ватер-штага.

1998 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА... Роман 5

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД. Повесть 301

РАССЕКАЮЩИЙ ПЕННЫЕ ГРЕБНИ. Повесть 501

Литературно-художественное издание

Крапивин Владислав Петрович

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Птицына*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *В. Саватеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 22.09.2006.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 36,96.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 3390.

Отпечатано с готовых монтажей издательства
ОАО «Тверской полиграфический комбинат», 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

